This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Sborník, izdavaemyĭ studentami Imperatorskago Peterburgskago universiteta.

СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

СТУДЕНТАМИ

ИМПЕРАТОРСКАГО ПЕТЕРБУРГСКАГО

УНИВЕРСИТЕТА.

Выпускъ второй.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи II-го Отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи.

1860.

STANFORD
LIBRARIES

AC65
S23
V.2

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, Февраля 8 дня 1860 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

Просмотрено

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

РАБОЧІЕ ЛЮДИ. — Сочиненіе Студента Г. Генерозова-Смыова . . . . . 1— 18.

ОРГАНИЗМЫ НА ГРАНИЦѢ ЖИВОТНАГО И РАСТИТЕЛЬНАГО ЦАРСТВА.—Статья Кандидата А. Фаминцына . 18— 62.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ГУМБОЛЬДТЪ.—Сочиненіе Студента Дмитрія Писарева . . . . . 65—171.

Глава I. Біографія В. Гумбольдта стр. 65. 1) Родители Вильгельма. — Его воспитаніе. — Университетскій курсъ. — Якоби.—Дружба съ Форстеромъ. — Поѣздка въ Парижъ и Швейцарію.—Лафатеръ.—Переворотъ въ Берлинѣ.—Служебная дѣятельность В. Г.—Его отставка и женитьба. — Дальбергъ.—Первое политическое сочиненіе В. Г.—Занятія древней филологіею.—Знакомство съ Шиллеромъ.—Дѣятельность В. Г. во время пребыванія въ Іенѣ.—Отъѣздъ въ Берлинъ.—Вторичное пребываніе В. Г. въ Іенѣ.—Сближеніе съ Гете.—Рецензія «Германа и Доротеи». — Смерть матери В. Г.—Путешествіе по Европѣ.—Пребываніе въ Парижѣ.—Поѣздка въ Испанію. — Возвращеніе В. Г. въ Берлинъ и назначеніе его посланникомъ въ Римъ. 2) Отъѣздъ въ Римъ.—Тоска по родинѣ.—Смерть старшаго сына В. Г.—Впечатлѣніе, произведенное Римомъ на В. Г.—Переводы Эсхила и Пиндара.—Дѣятельность В. Г. въ управленіи Департаментомъ.—Назначеніе В. Г.—посланникомъ въ Вѣну.—Дипломатическая дѣятельность В. Г. 1813—1815 годовъ. — Посольство въ Лондонъ. — Проэктъ конституціи. — Окончательная отставка В. Г. 3) Семейная жизнь В. Г.—Его ученая дѣятельность.—Опредѣленіе народнаго характера древнихъ Грековъ.—Изученіе Индѣйской древности.—Смерть госпожи Гумбольдтъ.—Новыя должности В. Г.—Общество любителей искуствъ.—Новая характеристика Гете.—Изданіе писемъ Шиллера.—Сонеты.—Болѣзнь и смерть В. Г.—Заключеніе.

Глава II. Лингвистическіе труды В. Гумбольдта стр. 138. 1) Научный методъ Гегеля и В. Гумбольдта. 2) Основныя положенія языкознанія Гумбольдта. 3) Идея языка или идея совершенства языка.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХЪ ИМЕНЪ.—Изслѣдованіе П. П. Шафарика.—Переводъ съ чешскаго Викентія Макушева . . . . . 173—212.

стр.

1) Предисловіе переводчика стр. 172. 2) Вступленіе стр. 178. 3) Разборъ книги числительнаго стр. 187. 4) Собирательныя и другія стр. 203. 5) Заключеніе стр. 207. Примѣчанія стр. 211.

V. О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ Д. В. ВЕНЕВИТИНОВА. Соч. Студента Ал. Пятковскаго . . . . . 213—224.

Статья 1. Матеріалы для біографіи Веневитинова стр. 213.

VI.—1 Замѣтки объ А. С. Грибоѣдовѣ.—І. Майкова . . . . 225—241.

2) Дополненіе къ статьѣ «Новое предпріятіе нашихъ Студентовъ» помѣщенной въ первомъ выпускѣ Сборника.—Студентовъ Восточнаго Факультета, Монголо - Калмыцкаго разряда . . . . . 241.

3) Лѣтопись внутренней жизни Университета . . . 1—8.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Замѣтки о Московскомъ бытѣ (Rerum Moscoviticarum Commentarii барона С. Герберштейна.—Редакція латинскаго текста (по базельскому изданію 1556 г.), варіанты, примѣчанія и указатель А. Тихонравова.—Переводъ на Русскій И. Аполлонова (продолженіе) . . . . . 81—128.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. О провинціальномъ бытѣ Франціи въ эпоху Людовика XIV.—Публичныя лекціи Пр. М. Стасюлевича, читанныя въ залѣ Петербургскаго Университета 1859 г. 1—80.

1-я лекція стр. 9. 2-я лекція стр. 22. 3-я лекція стр. 29.

II. Ювеналъ.—Двѣ публичныя лекціи Пр. Н. М. Благовѣщенскаго . . . . . 1—80.

1-я лекція стр. 1. 2-я лекція стр. 26.

РАБОЧІЕ ЛЮДИ.

Сочиненіе Студента Е. Генерозова-Смыкова.

Въ рукахъ правосудія и вѣрныхъ исполнителей дѣлъ безнравственность можетъ потерять свой вредный характеръ и приблизиться къ нравственности. Граждане вредные, по своей порочности, могутъ сдѣлаться полезными. Это положеніе-аксіомически верно въ своемъ основаніи. Человѣкъ, по своей природѣ,—существо свободно-нравственное, а слѣдовательно безнравственность въ нѣкоторыхъ свободно-нравственныхъ существахъ есть паденіе отъ нормы,—болѣзнь. Вѣрная въ своемъ основаніи, эта мысль сознается всѣми образованными юристами. Съ понятіемъ о благоустроенномъ государствѣ неразлучно соединена мысль, что въ немъ наказаніе преступника не должно быть только казнью за сдѣланное преступленіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и средствомъ къ его нравственному улучшенію. Правительства всѣхъ образованныхъ государствъ, въ слѣдствіе сознанія этой истины, при опредѣленіи наказанія, уважаютъ въ преступникѣ человѣка и имѣютъ въ виду ту цѣль, чтобы наказаніе послужило преступнику исправленіемъ, чтобы потомъ онъ могъ самъ, собственными средствами вести себя къ нравственному улучшенію, и, по прошествіи времени, опредѣленнаго въ наказаніе, могъ возвратиться снова въ гражданское общество безвреднымъ, нравственно—добрымъ и полезнымъ членомъ общества. Различныя средства, употребляемыя правительствами для исправленія нравственности своихъ преступныхъ гражданъ, состоятъ большею частью не только въ исключеніи преступниковъ изъ общества, но и въ удаленіи ихъ отъ сообщества съ людьми. Для этого строятъ въ государствахъ тюрьмы, рабочіе дома, смирительныя, или такъ называемыя, исправительныя заведенія, арестантскія роты и друг. Найдя эти средства совершенно достаточными для исправленія нравственности преступниковъ, правительства всѣхъ почти Европейскихъ государствъ начали заботиться о томъ, чтобы усовершенствовать эти средства хоро-

шнмъ устройствомъ тюрьмъ. (*) Они нашли, что нравств
улучшеніе преступниковъ, находящихся въ заключеніи, з
затрудняется болѣе или менѣе продолжительнымъ пребыв
ихъ въ тюрьмѣ: такъ что склонные къ улучшенію арест
отъ обращенія съ менѣе способными, слабѣютъ въ своей
мости къ исправленію, и менѣе порочные, въ сферѣ зак
лыхъ пороковъ, дѣлаются безнравственнѣе, и оставляютъ
му болѣе развращенными, чѣмъ каковы были вступая в
Англія первая изъ Европейскихъ государствъ разрѣшила
вопросъ и ввела у себя *Пенсильванскую* (**) систему, «с
уединеннаго заключенія» (solitary confinement). Англіи по
вали Нидерланды, Франція, Швейцарія, Пруссія, Австрія
Въ новѣйшее время нашли эту систему неудовлетворите
Арестанты, лишенные свободы, и тѣлесной, и духовной,
шенно отчужденные отъ всякаго сношенія съ людьми, либ
дили съ ума, либо еще болѣе ожесточались въ своихъ пор
По этому Пенсильванская система въ недавнее время была
разована раздѣленіемъ арестантовъ на классы по степени
ности ихъ къ исправленію. (***) Но хорошій результатъ
устройства тюрьмъ для исправленія нравственности прес
ковъ можетъ обусловливаться только высоко—нравстве
образованіемъ тѣхъ лицъ, которымъ правительство вв
нравственный надзоръ надъ преступниками; надобно,
должностныя лица имѣли добрую совѣсть и сами чувствов
себѣ силы и умѣнье для выполненія этой святой обязан

(*) Въ Россіи мѣстомъ исправленія преступниковъ служитъ Сибирь. Тюр
исключая долговыхъ, предназначаются для содержанія арестантовъ до рѣш
дѣлъ.

(**) Пенсильванская система есть одинъ изъ видовъ системы пенитенціар
получила такое названіе отъ страны, которой она обязана преимущественн
витіемъ. Пенитенціарная система обязана своимъ происхожденіемъ Фламан
Англичанамъ, именно: въ цитадели Гентской, въ области Фландріи, въ 1775
учреждена первая тюрьма, основанная на требованіяхъ пенитенціарной с
Первое сочиненіе объ этомъ предметѣ, написанное въ томъ же 1775 г., пр
житъ Графу Вилэну IV, подъ заглавіемъ: «Mémoires sur le moyen de cor
«malfaiteurs et les fainéants, à leur propre avantage, et de les rendre utiles à l'I

(***) Пенсильванская система преобразована во Франціи циркуляромъ М
Внутреннихъ Дѣлъ отъ 17 Февр. 1853 г. и замѣнена содержаніемъ арестан
отдѣленіямъ или артелямъ (séparation par quartiers). Французская система въ
сти не держалась безусловнаго заточенія арестантовъ: при одиночествѣ,
ночью, она допускала работу, чтеніе, прогулку и посѣщенія со стороны слу
при тюрьмѣ лицъ Не смотря на это, слѣдствіемъ строгаго разобщенія арес
были: притупленіе ума, помѣшательство и даже самоубійство. На этомъ ос
Министръ отказываетъ системѣ строго одиночнаго заключенія въ томъ фила
ческомъ характерѣ, которымъ она столько лѣтъ обращала на себя вниманіе
дателей, правовѣдовъ и публицистовъ.

пристрастіе къ личностямъ, происходящее отъ необразованно-
ти должностыхъ лицъ, дѣлаетъ тюрьму для однихъ преступни-
въ роднымъ пріютомъ; грубость же и неумѣнье обращаться
съ преступниками подавляютъ въ другихъ, часто навсегда всѣ
человѣческія чувства. Всѣ другія средства, предпринимаемыя
правительствомъ для исправленія нравственности преступни-
въ, какъ-то: рабочіе дома, имѣющіе цѣлію пріучить безнрав-
венныхъ къ труду и арестантскія роты, имѣющія характеръ
болѣе карательный, чѣмъ исправительный, имѣютъ болѣе или
менѣе тоже свои неудобства, какъ и тюрьмы. Односторонность
занятій въ рабочихъ домахъ, и притомъ такихъ занятій, съ ко-
рыми преступнику не придется потомъ встрѣтиться въ жизни,
дастъ его, по выходѣ изъ рабочаго дома, къ бѣдности, къ лѣ-
ости—опять къ большей безнравственности. Строгій-же надзоръ
въ арестантскихъ ротахъ и пріученіе арестантовъ къ механиче-
скому труду могутъ сдѣлать изъ преступниковъ людей дѣятель-
ыхъ, но ничего не прибавятъ къ ихъ нравственности и не
всегда сдѣлаютъ изъ нихъ дѣйствительныхъ гражданъ, кото-
рые-бы, вступивъ снова въ общество, приносили ему своею
изнью надлежащую пользу.

Вообще Пенсильванская система имѣетъ то достоинство, что
о ея началамъ цѣль наказанія не только кара, но раскаяніе и
реобразованіе духовнаго состоянія преступника; этимъ, она
дѣлала значительный шагъ впередъ въ уголовномъ правѣ,
о—только шагъ. Средства и мѣры, которыя пенитенціарная
истема предписываетъ для выполненія своей задачи, далеко не
отвѣтствуютъ цѣли ея. Главнымъ условіемъ, при опредѣленіи
редствъ для достиженія какой либо цѣли должно служить то,
тобы эти средства имѣли во первыхъ: основаніе въ природѣ,
о вторыхъ: не были бы въ разладѣ съ практикою; чтобы эти
редства существовали въ практикѣ, какъ дѣйствительныя и по-
езныя средства. Что противорѣчитъ основнымъ законамъ при-
оды, то неистинно: теорія, неповѣренная практикою—химера.
о средства пенитенціарной системы: «совершенное уединеніе и
шеніе свободы» не имѣютъ основанія въ природѣ и слѣд. они
истинны. Практика, съ своей стороны отказываетъ этимъ
редствамъ въ ихъ пользѣ. (*) Несмотря, впрочемъ на эти недо-

(*) Замѣчательный фактъ въ этомъ отношеніи представляетъ отчетъ г. Перро
авнаго инспектора тюрьмъ во Франціи. Въ немъ сказано, что на 20,643 заключен-
ыхъ въ главныхъ тюрьмахъ, было 6,075 неисправленныхъ преступниковъ, попав-
ихся послѣ освобожденія ихъ второй разъ въ совершеніи преступленій. Изъ его же
чета видно, что усиленіе промышленныхъ работъ въ тюрьмахъ и непрактиче-

статки пенитенціарной системы, основная мысль ея, как вершенно вѣрная, остается неприкосновенною; но самое уч деніе, основанное на этой мысли, требуетъ тщательныхъ ј шеній и преобразованій. *Покаянно-исправительныя колоніи* веденныя уже въ каждомъ департаментѣ Франціи, для испра нія нравственности малолѣтнихъ преступниковъ, суть пер попытки къ преобразованію пенитенціарной системы.

Особенныя средства для исправленія нравственности пре никовъ, средства болѣе вѣрныя и дѣйствительныя представ намъ исторія.

Давно извѣстно было, а въ новѣйшее время окончатель казано (*), что *человѣкъ созданъ для общества; въ обществ развивается, оттуда выноситъ первые уроки нравственно безъ общества онъ также гибнетъ, умираетъ нравственно, безъ воздуха не можетъ существовать физически.* Вотъ одно тѣхъ естественныхъ началъ, на которыхъ исторія основыв средства для исправленія нравственности! Это начало—*общ венность.* Оно прямо противоположно началу пенитенціа системы, но совершенно раціонально, что очень просто ј зывается *a contrario.* Вѣрная своему началу, пенитенціарна стема, чрезъ уединеніе и лишеніе свободы, должна испра преступника. Но отъ кого же безнравственный научится н ственности, находясь въ уединеніи? Какимъ же образомъ бу развиваться нравственная свобода,—эта основа гражданскаго госостоянія, въ человѣкѣ, предназначаемомъ быть граж номъ, когда вся его дѣятельность подчиняется сторонней нію? Правда, при тюрьмахъ, на должностныхъ лицъ налаг обязанность учить нравственности преступниковъ. Но эти д ностныя лица часто стоятъ, по своему образованію, ниже ступниковъ и слѣд. они или не въ состояніи будутъ подѣй вать на волю безнравственныхъ, или будутъ научать ихъ ственности, обязывающей жить по правиламъ не того обще къ которому преступникъ будетъ (или можетъ) принадле Но говоря все это, я чуждъ филантропическихъ идей и заключенія, что преступленіе должно оставаться ненаказанн что отъявленный негодяй и честный гражданинъ должны подъ однимъ кровомъ, или служить на одномъ поприщѣ.

ныхъ заведеніяхъ вредно и въ экономическомъ отношеніи. Въ 1846 г. напр. д отмѣнилъ работы въ тюрьмахъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что работы 15,000 ченныхъ, во всѣхъ тюрьмахъ, могутъ вредить общей народной произво, вости.

(*) Особенно Нѣмецкимъ мыслителемъ *Фихте.*

ать, что только общество въ состояніи сдѣлать изъ
ника настоящаго гражданина, что только при вліяніи
енности можетъ быть преобразовано нравственное состо-
еступника. До тѣхъ поръ, пока гражданскія общества
инруются въ одно цѣлое, такъ что всѣ члены его будутъ
уты одною общею идеею и будутъ стремиться къ одной
цѣли, ясно сознавая свое отношеніе къ обществу; до
ръ, пока эти общества не будутъ на столько образованы,
ознать ту важную истину, что удаленіемъ порочныхъ и
ныхъ гражданъ изъ своей среды они подрываютъ свои
ные интересы и что они должны заботиться для соб-
і-же своей пользы, какъ объ исправленіи своихъ пре-
ъ гражданъ, такъ и о предупрежденіи преступленій,—до
ръ безнравственность не уничтожится, преступленія бу-
ги своимъ чередомъ, а преступленіямъ будутъ сопутство-
казанія, опредѣляемыя правительствомъ. Между тѣмъ,
ьство, при своихъ средствахъ и отношеніи къ обще-
не можетъ предпринимать иныхъ мѣръ къ исправленію
никовъ, какъ принимая наказаніе въ смыслѣ исправле-
нымъ образомъ, наказанія, при настоящемъ состояніи и
гвѣ обществъ необходимы.

тамъ, не внѣ человѣческой природы нужно искать осно-
казаній. Наказанія въ этихъ видахъ (какіе мы отчасти и
) не могутъ исправить нравственности. Наказанія, въ
внѣшняго побужденія,—не дѣйствительныя средства къ
зованію внутренняго состоянія преступника. Уголовная
ка (*) и исторія живыя доказательства того, что наказа-
справляютъ нравственности.

о наказанія находится въ самомъ человѣкѣ, сокрыто въ
его природы. *Природа надѣлила человѣка совѣстью, та-
собностью души, которая есть его «законъ и судъ», и за
неніе этого закона опредѣлила ему въ наказаніе стыдъ и*
Это второе начало, на которомъ исторія основываетъ
едства для исправленія безнравственности; т. е. дѣйство-
чувство совѣсти преступника. Преступникъ укрывается
щества, не столько изъ опасенія попасть въ руки правосу-
ько мучимый угрызеніями совѣсти, и страхомъ чувство-
ідъ, живя въ обществѣ. Преступникъ часто рѣшается на
іство, чтобъ не подвергнуться этому жесточайшему изъ
ій—стыду.

имѣръ въ отчетѣ г. Перро сказано: въ 1830 г. населеніе главныхъ тюрьмъ
тельныхъ заведеній состояло изъ 16,500 ч. а въ 1854 г. оно возросло до

На этихъ-то двухъ, самою природою опредѣленныхъ началахъ, т. е. на общественности и дѣйствованіи на совѣсть преступника, основываются средства для наказанія порочныхъ и исправленія нравственности нарушителей общественныхъ законовъ.

Мы остановимъ здѣсь наше вниманіе на таковыхъ средствахъ, представляемыхъ исторіею, для исправленія только порочныхъ, но еще непреступныхъ гражданъ. Попытки въ примѣненіи этихъ средствъ и къ исправленію преступниковъ еще слабы и неровны; напр. покаянно-исправительныя колоніи во Франціи и ссылка въ Сибирь на поселеніе въ Россіи. Эти средства состоятъ въ ограниченіи нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ преступнаго лица, въ лишеніи его права на уваженіе другихъ, въ ссылкѣ, въ опубликованіи его проступковъ. Особенно же замѣчательно образованіе изъ такихъ порочныхъ гражданъ особаго класса лицъ, который мало по малу при вліяніи общественности, образованія, труда и надзора полиціи можетъ слиться съ другими классами и передать своихъ членовъ въ общую государственную сферу, какъ членовъ не только небезполезныхъ, но достойныхъ и настоящихъ. Подобное представляетъ исторія русскаго права въ исторіи одного класса городскихъ обывателей, который до сихъ поръ остается незамѣченнымъ, ни наукою, ни практикою, но въ устройствѣ и развитіи котораго заключается, можетъ быть, залогъ будущаго благоденствія Русскихъ городовъ, особенно, если примемъ во вниманіе увеличеніе народной безнравственности и увеличеніе именно въ одномъ классѣ городскихъ обывателей—мѣщанъ, (1) а слѣдовательно необходимость въ принятію со стороны полиціи самыхъ дѣятельныхъ мѣръ для предупрежденія такихъ опасностей въ будущемъ и для ослабленія такого вреда въ настоящемъ. Законодательство называетъ этотъ классъ городскихъ обывателей *рабочими людьми*.

«Рабочими людьми называются приписываемые къ городамъ, съ обложеніемъ въ мѣщанскій окладъ изъ неспособныхъ къ военной службѣ, дурнаго поведенія заграничныхъ выходцевъ, которыхъ общества имѣть у себя не пожелаютъ, а также причисленные къ городамъ лица другихъ званій, приписываемые въ рабочіе люди за пороки ихъ и неисправный платежъ податей и другихъ сборовъ» (2).

---

(1) Въ отчетахъ Министра Юстиціи нераз замѣчается, что преступленія особенно часты между мѣщанами (Журн. Мин. Внутр. Д. за 1836 г.). Въ отчетѣ Общества Попечительнаго о Тюрьмахъ за 1836 г. сказано, что большая часть людей въ уѣздныхъ тюрьмахъ мѣщане, впавшіе въ преступленіе въ первый разъ.

(2) Свод. Зак. Росс. Имперіи. Т. IX ст. 466.

ое опредѣленіе рабочихъ людей вызываетъ слѣдующее воз-
ie: рабочіе люди не составляютъ-ли категоріи порочныхъ
которымъ вмѣняется въ наказаніе ссылка въ уѣздные го-
акъ какъ по первому указу въ рабочіе записываются жите-
ичныхъ и губернскихъ городовъ); обложеніе же ихъ мѣ-
имъ окладомъ не есть ли слѣдствіе финансовыхъ расче-
равительства? Но это возраженіе опровергается подроб-
сторіею рабочихъ людей. 1) Только одинъ первый указъ о
ихъ людяхъ, даетъ объ нихъ понятіе, какъ о преступни-
вся-же послѣдующая ихъ исторія показываетъ ихъ людьми
ельной или неизвѣстной нравственности. 2) Рабочіе люди
ены въ мѣщанскій окладъ; по преступники не платятъ по-
3) Рабочіе люди могутъ вести мѣщанскую торговлю, за-
ются, по силѣ 56 § Городов. Положенія, въ городовую
ельскую книгу и могутъ пріобрѣтать свою недвижимую
ность въ городѣ (1);—преступники лишены всѣхъ этихъ

ль устроить классъ рабочихъ людей въ Россіи принадле-
Императрицѣ Екатеринѣ II. Исторія русскаго права ни-
упоминаетъ о рабочихъ людяхъ прежде изданія указа о за-
въ рабочіе публично-наказанныхъ. Указъ, которымъ Ека-
II выразила свою мысль сформировать классъ рабо-
людей, не опредѣливъ въ тоже время положеній, на кото-
олженъ онъ существовать, даетъ право заподозрѣвать су-
ваніе рабочихъ людей до 1787 г. Августа 27 (2). Но всѣ
ики русскаго права отказываютъ въ данныхъ, на кото-
бы можно было начать исторію рабочихъ людей прежде
. Въ древнемъ законодательствѣ нѣтъ и намека на рабо-
юдей. Это мысль мудрой политики Екатерины II.
ко одно предположеніе, довольно впрочемъ основательное,
ключъ къ открытію причины: почему Императрица Ека-
не высказала о положеніяхъ, на которыхъ долженъ суще-
ъ классъ рабочихъ людей, именно то предположеніе, что
ина повелѣла устроить его по образцу уже существовав-

п. Собр. Зак. № 14,361 Март. 17-го 1841 г.

и даже записку въ рабочіе люди принять въ смыслѣ наказанія ссылкою, то
ихъ случаѣ нельзя найдти въ древнемъ законодательствѣ ничего, чтобы го-
ъ пользу той мысли, что исторія рабочихъ людей начинается прежде нами
Наказаніе ссылкою, *confinatio* только однажды встрѣчается въ древнемъ
ъ Судебникѣ Грозваго, и то какъ политическая мѣра, сопровождавшаяся,
енно, царскою опалою. Къ концу же царствованія Іоанна это *confinatio* при-
характеръ уголовнаго наказанія. Въ Уложеніи *confinatio* перемѣняетъ опять
актеръ и является предохранительною мѣрою противъ повторенія преступ-
Производится въ городѣ Украйны.

шаго въ Россіи класса людей на такихъ же положеніяхъ, на какихъ потомъ стали существовать рабочіе люди. Классъ людей, отдѣльный отъ всякой корпораціи, и несоставляющій своей собственной, давно существовалъ въ Россіи,—въ присоединенныхъ къ ней литовскихъ губерніяхъ и Остзейскомъ краѣ, подъ именемъ *вольныхъ людей*. Вольные люди—это классъ людей сомнительной или неизвѣстной нравственности, которыхъ ни одно общество не принимаетъ въ свою среду,—это такой классъ людей, которымъ правительство не могло дозволить устройства своего собственнаго отдѣльнаго общества, по той простой причинѣ, что люди, отвергнутые обществомъ, не могутъ составить и своего отдѣльнаго безъ вреда другимъ обществамъ; такъ какъ между этими людьми были многіе, вышедшіе изъ за-границы, и преслѣдуемые, можетъ быть, правосудіемъ. Такъ въ литовскихъ губерніяхъ были издавна поселены выходцы изъ Пруссіи и Цесаріи, (1) между которыми могли быть разнаго рода эмигранты—преступники (2). Такой классъ разнородныхъ лицъ, съ разными понятіями и взглядами на общественные интересы, не могъ составить отдѣльной корпораціи, какъ по недостатку единства цѣлей своихъ членовъ, такъ и по недостатку нравственности, той благотворной и производительной силы духа, которая живетъ корпорація,—той дѣйствующей пружины, которая направляетъ всѣ органы общественнаго состава къ гармонической дѣятельности,—того главнаго условія, при которомъ возможно стремленіе общества впередъ—къ усовершенствованію. Такіе люди, невошедшіе въ составъ ни одного общества, свободные отъ крѣпостной и общественной зависимости, объявлены вольными людьми (3) Они могли проживать въ городахъ и селеніяхъ, не принадлежа, ни къ сельскимъ, ни къ городскимъ обществамъ. Но когда такая монополія, дарованная вольнымъ людямъ, оказалась вредною для другихъ обществъ и безполезною для государства въ финансовомъ отношеніи, то, со времени учрежденія подушной податной системы, вольные люди были положены въ окладъ. Жившіе въ селеніяхъ и водворенные на собственныхъ или владѣльческихъ земляхъ платили крестьянскія подати; водворенные въ городахъ состояли въ мѣщанскомъ окладѣ (4). Тѣ и другіе находились въ завѣдываніи и охран[illegible]

(1) Полн. Собр. Зак. № 18,871 Ук. 1799 г. Февр. 23.

(2) Могли быть выходцы знатныхъ фамилій, которые не могли войдти въ корпо; аціи, стоявшихъ ниже ихъ состоянія.

(3) Полн. Собр. Зак. № 18,871. Ук. 1799 г. Февр. 23.

(4) Полн. Собр Зак. № 16,166. Ук. 1785 г. Март. 18.

ыской полиціи; (1) при ревизіяхъ, вольные люди могли приниваться къ обществамъ, если общества ихъ принимали (2). Поитическія и частію историческія обстоятельства образова- и—собственно въ Россіи подобный классъ людей подъ званіемъ рабочихъ людей. И вотъ какъ начинается ихъ торія.

Генералъ Еропкинъ, бывшій въ Москвѣ главнокомандующимъ, ставилъ на разрѣшеніе Сената вопросъ: «могутъ ли публич-наказанные за преступленія, жители столичныхъ и губерихъ городовъ, проживать въ столицахъ?» Вопросъ этотъ вѣро-но, вызванъ былъ новыми преступленіями публично-наказан-ыхъ. За разными мнѣніями въ Сенатѣ, этотъ вопросъ посту-алъ на Высочайшее разсмотрѣніе, послѣ котораго, именнымъ казомъ, даннымъ Сенату *въ 27 день Августа 1787 г.* (3), повелѣ-о: «таковыхъ публично наказанныхъ по суду за ихъ преступле-ія не только въ обѣихъ столицахъ, но и въ губернскихъ горо-ихъ не держать; а отсылать для пребыванія по уѣзднымъ горо-амъ, гдѣ написать ихъ *въ рабочіе люди*». Вотъ первый случай, ри которомъ наше законодательство упоминаетъ о рабочихъ юдяхъ;—это первый вопросъ, вызвавшій къ дѣятельности еще овый классъ городскихъ обывателей. Такое повелѣніе Импе-атрицы Екатерины, краткое и неопредѣленное, разъ вызыва-о недоумѣнія губернскаго правительства при размѣщеніи лю-ей, имѣющихъ поступить въ классъ рабочихъ, (4) и—только ослѣдующее законодательство яснѣе опредѣлило положенія о абочихъ людяхъ, и цѣль,—съ которою повелѣно устроить тотъ классъ по уѣзднымъ городамъ губерній. Какъ видно (изъ ышеприведеннаго указа) въ рабочіе люди записываются публич-о наказанные за преступленія жители столичныхъ и губер-кихъ городовъ. Къ таковымъ публично—наказаннымъ могли ринадлежать люди разныхъ состояній и сословій; между ними

---

(1) Полн. Собр. Зак. № 13,811. Ук 1840 г. Сент. 23.

(2) Представленное мною здѣсь понятіе о вольныхъ людяхъ, составлено по слѣду-щимъ указамъ: Ук. 1783 г. Окт. 10; 1785 г. Февр. 4; 1784 г. Дек. 3; 1785 г. Февр. 4; ерт. 18; 1799 г. Янв. 18 и 14 Февр. 23; 1798 г. Февр. 25; 1804 г. Апр. 18; 1805 г. кабр. 16; 1821 г. Іюля 19; 1824 г. Мая 8; Іюня 24 и Мая 4; 1840 г. Сент. 23. Истори-ческое развитіе этого состоянія т. е. вольныхъ людей находится въ сочиненіи знаме-итаго «Бунге» подъ загл. «Forschungen auf dem gebiete der Liv-Ehst-und Curlän-dischen Rechtsgeschichte». Dorpat 1839.

(3) Полн. Собр. Зак. № 16,566.

(4) См. Указы Сената въ формѣ частныхъ предписаній Черниговскому Губернскому равленію отъ 9 Марта 1820 г. и Тверскому Губернскому Правленію отъ 21 Марта 21 г.

могли быть ремесленники, художники и мѣщане. Само собою разумѣется, что преступленія этихъ людей были прощены манифестомъ, или имѣли характеръ проступковъ, невлекущихъ за собою лишенія правъ и состоянія. Между тѣмъ общества не принимали ихъ въ свою среду, какъ лицъ, которыхъ явный и довѣріе нарушающій порокъ всѣмъ извѣстенъ. Между этими преступниками могли быть бѣдные, только выпущенные изъ тюрьмы, неимѣвшіе никакихъ средствъ приписаться къ обществу, если бы общества и согласились принять ихъ. Дневное-же пропитаніе ремесломъ и работою, по силѣ городоваго положенія, никому не запрещается. Въ крѣпостную зависимость они тоже не могли быть зачислены: правительство гораздо прежде еще стало заботиться о томъ, чтобъ вольныхъ людей и вообще всѣхъ вышедшихъ изъ крѣпостнаго состоянія, не дѣлать вновь крѣпостными (1).

Такимъ образомъ общества могли и имѣли право не принять къ себѣ таковыхъ людей; въ крѣпостную работу и рабочіе дома они не могли быть отправлены, потому что такая мѣра наказанія опредѣляется за преступленія, а не за проступки; притомъ же манифестомъ заглаживаются всѣ слѣды преступленій. И вотъ въ слѣдствіе этихъ-то причинъ, въ слѣдствіе такой необходимости Екатерина II вызываетъ изъ небытія новый классъ людей, создаетъ его изъ преступныхъ и порочныхъ гражданъ: она назначаетъ мѣстомъ промысла этого класса людей—города, какъ центры разнообразной промышленности, гдѣ эти лица, между прочимъ, могутъ состоять подъ покровительствомъ магистрата;—назначаетъ для этого уѣздные города, въ которыхъ мѣстная полиція удобнѣе можетъ смотрѣть за ними, нежели въ многолюдныхъ губернскихъ и столичныхъ городахъ. Въ подушный окладъ Екатерина не полагаетъ этихъ людей, какъ потому, что между столичными жителями преступниками могли быть граждане художники, такъ и для скорѣйшаго поправленія и упроченія благосостоянія бѣдныхъ. Такъ сформировался новый классъ городскихъ обывателей—рабочихъ людей, классъ людей свобод-

---

(1) Такъ еще въ 1773 г. Января 10 былъ изданъ Императрицею Екатериною указъ, запрещающій крѣпить плѣнныхъ Турокъ и Польскихъ Конфедератовъ (*); такъ манифестомъ 17 Марта 1775 года вольноотпущеннымъ недозволено ни за кѣмъ записываться, а при ревизіи объявлять желаніе приписываться въ гильдіи или мѣщанство; (**) наконецъ указомъ 1783 г. Окт. 20 окончательно запрещено крѣпить всѣхъ вообще вольныхъ людей (***).

(*) Полн. Собр. Зак. № 13,935.

(**) Тамъ же, № 14,275.

(***) Тамъ же, № 15,853.

ыхъ, не составляющій отдѣльной корпораціи и свободный отъ
датей (1).

Въ послѣдствіи, когда такая свобода рабочихъ людей отъ по-
тей могла подать поводъ нерадивымъ изъ нихъ къ ничего не-
ланію, а смѣтливымъ—возможность и пользу на всегда остать-
въ этомъ состоянін въ ущербъ государственнымъ финансамъ,
правительство вскорѣ обратило вниманіе на этотъ вопросъ,—
желая самимъ рабочимъ, чрезъ право занятія мѣщанскимъ
омысломъ, доставить наибольшія средства къ ихъ благосостоя-
нію, обложило рабочихъ людей мѣщанскимъ окладомъ. Въ цар-
вованіе Императора Павла I-го именнымъ указомъ отъ 15 Ап-
ля 1799 г. (2) повелѣно записывать, по манифесту прощен-
ыхъ преступниковъ, въ рабочіе люди, по уѣзднымъ городамъ,
включеніемъ въ мѣщанскій окладъ. Повелѣніе это распростра-
ено и на будущихъ выходцевъ изъ-за границы, (3) по Манифе-
у, изъ числа тѣхъ, которыхъ общества въ свои сословія не
имутъ, и кои къ военной службѣ окажутся неспособными.

Въ царствованіе Императора Александра I-го именнымъ ука-
мъ, даннымъ Сенату въ 20 день Іюля 1816 г. (4) «о правилахъ,
о коимъ слѣдуетъ поступать съ выходцами изъ-за границы, по
анифесту», повелѣно: выходцевъ изъ-за границы, являющих-
, по манифесту 30 Августа 1814 года, (5) приписывать въ град-
кія или сельскія общества тѣхъ только, коихъ общества при-
ять къ себѣ согласятся; всѣхъ тѣхъ, которыхъ общества не по-
елаютъ имѣть у себя, и которые окажутся негодными къ воен-
ой службѣ, приписывать въ *рабочіе люди* по уѣзднымъ горо-
амъ, не близкимъ, однакожъ къ границѣ для удержанія, ихъ, ра-
умѣется, вновь отъ побѣговъ. Потому что, большая часть этихъ

---

(1) Умѣстно—бы здѣсь бросить критическій взглядъ на это новое учрежденіе, но
альнѣйшая исторія рабочихъ людей сама откроетъ намъ необходимость существо-
нія этого класса въ Россіи при настоящемъ состояніи въ ней городскихъ обществъ
покажетъ всю пользу, которую можетъ принести государству развитіе и образова-
е этого класса.

(2) Указъ 1799 г. Апрѣля 15 въ хронологическомъ указателѣ къ полному Собр. За-
новъ не отмѣченъ, и потому неотысканъ въ Полномъ Собраніи; но содержаніе его
влечено мною изъ указа 21 Марта 1821 г. № 28,597, въ которомъ есть ссылка на
казъ 1799 г. Апр. 15; именно въ немъ сказано: «поименованнаго въ указѣ 1799 г.
пр. 15 преступника Уланова, вышедшаго изъ за-границы, оставить при городѣ
ровицахъ въ рабочихъ людяхъ, въ мѣщанскомъ окладѣ. На будущее время съ та-
ыми выходцами поступать по точнымъ словамъ указа 15 Апр. 1799 г. т. е. распре-
лять таковыхъ въ рабочіе люди по уѣзднымъ городамъ своей губерніи, съ обло-
еніемъ въ мѣщанскій окладъ».

(3) Выходцевъ русскихъ, бѣжавшихъ за границу.

(4) Полн. Собр. Зак. № 26,363.

(5) Тамъ же, № 25671.

выходцевъ, приписавшихся, по силѣ манифеста 30 Августа 1814 г. къ сельскимъ и градскимъ обществамъ, убѣгали опять за границу, особенно изъ мѣстъ пограничныхъ, отягощая между тѣмъ общества поставкою за нихъ рекрутъ и платежемъ податей. Это послѣднее обстоятельство было представлено правительству на видъ мѣстными начальствами и было побудительною причиною къ изданію этого указа «о правилахъ, по которымъ слѣдуетъ поступать съ выходцами изъ-за границы». Если эти выходцы, и въ новомъ своемъ состояніи будутъ безполезны и отяготительны, въ такомъ случаѣ, правиломъ 3-мъ того же указа повелѣно: отсылать ихъ, по приговорамъ обществъ, (1) въ Сибирь на винокуренные заводы безъ зачета за рекрутъ.

Кромѣ того указомъ 20 Іюля 1816 (выше приведеннымъ) отмѣнено положеніе манифеста 30 Августа 1814 года, которымъ на основаніи указа 9 Сентября 1805 г. (2), даннаго начальникамъ пограничныхъ губерній, повелѣвалось: «выходцевъ, являющихся послѣ срока, опредѣленнаго манифестомъ, по освобожденіи отъ крѣпостной работы, селить при казенныхъ селеніяхъ». Выходцы, являющіеся и послѣ срока, опредѣленнаго манифестомъ, подходятъ подъ правила изложенныя въ этомъ указѣ, т. е. записываются въ рабочіе люди, если они оказались негодными къ военной службѣ и неприняты обществами.

Безъ статистическихъ данныхъ нельзя сказать съ достовѣрностью, какъ много было выходцевъ изъ-за границы и преступниковъ, по манифесту прощенныхъ, которые поступили въ классъ рабочихъ; можно предположить только, что число ихъ было весьма ограниченно: 1) потому, что нѣкоторые изъ нихъ годные обращались въ военную службу, 2) другихъ, общества, находя способными къ труду и слѣд. къ состоятельности въ уплатѣ податей, принимали къ себѣ. Такимъ образомъ осталось не много такихъ, которые поступали собственно въ рабочіе люди. По всей вѣроятности—это были остатки всего неспособнаго, люди, не знавшіе, ни ремесла, ни искусства и бѣдные,—которымъ, разумѣется, Магистратъ, подъ покровительствомъ котораго они должны были стоять, назначалъ, сообразныя съ ихъ способностями, *службы*, напр. въ ратушскіе и другіе сторожа и рассыльщики, гдѣ они иногда могли получать обыкновенные доходы для пропитанія и платить положенную подать. Увѣчные

(1) Замѣчательно, что только этотъ указъ подвергаетъ рабочихъ людей приговорамъ обществъ. Изъ другихъ же видно, что они стоятъ внѣ зависимости городскихъ обществъ. (См. Ук. 1841 г. Март. 17 № 14,361).

(2) Полн. Собр. Зак. № 21,910.

ie изъ нихъ, и потому ни къ чему неспособные, распредѣлялись ь дома призрѣнія бѣдныхъ и больницы.

Такимъ образомъ, классъ рабочихъ людей сформировывался ьсьма слабо. Правительство многихъ губерній могло не знать ъ этихъ людяхъ и только по указамъ догадываться о суще-вованіи ихъ по уѣзднымъ городамъ другихъ губерній и за-удналось въ распредѣленіи своихъ выходцевъ, непринятыхъ ществами. Это побудило Правительствующій Сенатъ, указомъ арта 21-го 1821 г. (1) вновь подтвердить всѣ прежде изданные азы касательно рабочихъ людей, напомнивъ также объ нихъ дѣльными предписаніями Черниговскому и Тверскому прав-нію (2), потому что они своими недоумѣніями и неправиль-мъ распредѣленіемъ выходцевъ вызвали это подтвержденіе равительствующаго Сената. Подъ предлогомъ неимѣнія по здным городамъ своей губерніи класса рабочихъ людей, Чер-говское Губернское Правленіе отсылало выходцевъ изъ-за гра-цы въ Екатеринославское губернское правленіе, для размѣще-я ихъ на казенныя фабрики и заводы. Тверское Губернское равленіе, подъ тѣмъ же предлогомъ отсылало своихъ выход-въ въ рабочій домъ, входя въ Правительствующій Сенатъ съ просомъ объ окончательномъ поступленіи съ ними (3).

Но вскорѣ потомъ расширился кругъ рабочихъ людей запис-но въ этотъ классъ Евреевъ. Указомъ Сената отъ 29 Іюля 24 г. (4) по Высочайшему утвержденію положенія Комитета инистровъ, повелѣно: записать *въ рабочіе люди*, со включені-мъ въ мѣщанскій окладъ всѣхъ, вышедшихъ на жительство ь Россію Евреевъ, которые не приписаны еще ни къ какому со-

(1) Полн. Соб. Зак. № 28,597.

(2) Ук. 9 Март. 1820 г. и 21 Март. 1821 г. См. Полн. Собр. Зак. № 28,597.

(3) Замѣчательно дѣло Тверскаго Губернскаго Правленія объ одномъ выходцѣ. Вы-децъ этотъ Кононъ Лопухинъ въ 1816 г. явясь въ Тверское Губернское Правленіе представя данный ему изъ Бессарабскаго Областнаго Правленія паспортъ о до-вольномъ его выходѣ изъ-за границы, показалъ (что и по справкѣ подтверди-сь), что онъ былъ крестьянинъ, отданъ въ рекруты, бѣжалъ, преступленія при бѣгѣ не учинилъ, а теперь имѣетъ желаніе приписаться Корчевскаго уѣзда, Юрь-ской волости въ деревню Сурцово, въ крестьяне. Но голова, староста и всѣ воло-ные люди, за умаленіемъ земли и по случаю уже удобрѣнія оной, несогласны на пятіе Лопухина. Лопухинъ отосланъ въ Казенную Палату, которая найдя его, по ообразному виду, неспособнымъ къ военной службѣ, обратила опять въ Губер-ое Правленіе. Губернское Правленіе, на основ. ук. 16 Іюля 1816 должно бы было писать его въ рабочіе люди, но какъ рабочаго класса людей не состояло по уѣзд-мъ городамъ Тверской Губерніи, то это обстоятельство и представлено было на освотрѣніе Правительствующаго Сената. Лопухинъ былъ отправленъ въ рабо-й или смирительный домъ и содержался тамъ 5 лѣтъ, пока послѣдовалъ указъ равительствующаго Сената 1821 г. зачислить его, по точнымъ словамъ указа 0 г. въ рабочіе люди въ мѣщанскомъ окладѣ.

(4) Полн. Собр. Зак. № 30,004.

стоянію и которыхъ общества принять не пожелаютъ. Съ этого времени характеръ исторіи рабочихъ людей перемѣняется. Въ рабочіе люди записываются не преступники, по манифесту прощенные, но лица неизвѣстной нравственности; граждане, вредные относительно финансовъ государственныхъ и относительно интересовъ обществъ, въ которыхъ они находились. Нѣкоторый вредъ со стороны Евреевъ въ Россіи еще давно обращалъ на себя вниманіе правительства; но, ни великодушная терпимость, выраженная напр. въ резолюціи Императрицы Елисаветы, на донесеніе: «о незаконной торговлѣ Евреевъ», *отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли* (Указъ 1743 г. Дек. 16 (1); ни постановленія, изданныя въ облегченіе имъ уплаты недоимокъ и доставленіе льготы; ни самыя строгія мѣры правительства, каковы напр. изъятіе ихъ отъ права свободнаго водворенія въ Россіи наравнѣ съ другими иностранцами, по манифесту 1762 г. Декаб. 4; (2) или: нетерпимость Евреевъ нигдѣ въ Россіи по указу Дек. 24 дня 1804 г., (3) если они не приписаны въ одно изъ 4-хъ состояній: земледѣльческое, фабричное, купеческое и мѣщанское; или наконецъ обложеніе ихъ двойными податьми противъ людей равныхъ съ ними званій (что и продолжалось до 1807 г. Августа 28) (4) ничто не помогало,—не могло исправить ихъ. Они были отягчительны для обществъ и мало полезны для казны; почему правительство окончательно запретило вновь переселеніе Евреевъ въ Россію, записавъ вышедшихъ уже сюда на жительство въ рабочіе люди, въ мѣщанскомъ окладѣ. Помѣщаю здѣсь извлеченіе изъ записки Министра Финансовъ, представленной имъ въ Комитетъ Министровъ 19 Января 1824 г. (5), изъ которой видны причины, побудившія запретить переселеніе Евреевъ въ Россію и записать находящихся здѣсь въ рабочіе люди.

«Въ пограничныхъ губерніяхъ», какъ видно изъ записки Министра Финансовъ, гдѣ Евреямъ дозволено имѣть постоянное водвореніе, наравнѣ съ прочими иностранными выходцами, т. е. съ льготою отъ государственныхъ податей въ первое десятилѣтіе, Евреи чрезвычайно размножились. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1804 г. Евреевъ состояло не болѣе 175,000; но въ теченіи 20 лѣтъ, оно возросло до 400,000, не включая прощенныхъ по ревизіи, доселѣ безпрестанно обнаруживаемыхъ

(1) Полн. Собр. Зак. № 8840.
(2) Тамъ же № 11,720.
(3) Тамъ же № 21,547.
(4) Тамъ же № 22,600.
(5) Тамъ же № 30,004.

ду тѣмъ новые поселенцы эти по роду ихъ промысловъ,
ящихъ большею частію въ мелочной, внутренней торговлѣ
содержаніи арендъ на правилахъ разорительныхъ для вѣ-
шей ихъ и поселянъ, не могутъ приносить существенной
ьы государству. Выходцы эти, большею частію, бѣдные,
цко встрѣчаютъ препятствія въ своемъ желаніи приписать-
, какому либо состоянію; общества уклоняются отъ пріема
во избѣжаніе отвѣтственности за подати такихъ людей.
ому они скитаются по мѣстечкамъ и селеніямъ, снискивая
пропитаніе презрѣнными и часто непозволительными сред-
ми; либо, подавъ лично о себѣ ревизскія сказки, уходятъ
за границу. Отъ этого возникаетъ пространная переписка
рнскихъ Начальствъ, Казенныхъ Палатъ и Полицейскихъ
ь. По всѣмъ этимъ причинамъ Министръ Финансовъ приз-
ъ полезнымъ запретить Евреямъ, самовольно отлучившимъ-
возвратъ изъ-за границы, а прочимъ переселеніе оттуда, да-
въ тѣ губерніи, гдѣ имъ позволено имѣть постоянную
ость.

исленіе Евреевъ въ рабочіе люди—мѣра лучшая для извле-
изъ сего племени пользы государству и благодѣтельная
Евреевъ. Въ уѣздныхъ городахъ они будутъ на виду
авительства, которому тамъ удобнѣе будетъ слѣдить за ро-
ихъ промысла, состоящаго большею частію въ содержаніи
леніямъ шинковъ и арендъ и въ тѣхъ вѣтвяхъ промышлен-
, которыя болѣе сродны съ контрабандою. Удаленіе Евре-
изъ пограничныхъ губерній предупредитъ для нихъ воз-
ость заниматься контрабандою; приписка къ классу рабо-
людей доставитъ имъ право вести мѣщанскую торговлю,
оторой Евреи привыкли и безъ которой не могутъ имѣть
олько возможности платить подати, но и доставать себѣ
итаніе. По крайней мѣрѣ сколько правительство ни заботи-
пріучить Евреевъ къ жизни осѣдлой и преимущественно
кой, предоставивъ имъ льготы, съ тѣмъ, чтобы они зани-
ь земледѣліемъ,—Евреи остаются при своемъ упорномъ
лепіи къ торговлѣ. Будучи приписаны къ классу земле-
евъ, они и тамъ не оставляютъ торговли, дѣйствуя вредно
щества, ихъ окружающія.

смотривая далѣе исторію рабочихъ людей, мы находимъ,
ъ этотъ классъ поступаютъ люди разныхъ званій; всѣ от-
ные на волю люди, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола;
ные церковники; купленныя или вымѣненныя у Кирги-
Калмыковъ и другихъ азіятцевъ дѣти и разнаго званія
ные люди; дѣти личныхъ дворянъ и дѣти приказно—слу-

жителей, не имѣющихъ оберъ-офицерскихъ чиновъ, вымороч-ные дворовые люди, незаконорожденные; иновѣрцы, принявшіе христіанскую вѣру и друг. Но всѣ эти разнаго званія люди не прямо поступаютъ въ рабочіе люди. Это изъ числа тѣхъ, кото-рые, приписавшись по указу 22 Декабря 1832 г. (1) къ город-скимъ обществамъ безъ согласія обществъ, по прошествіи льготныхъ лѣтъ, неполучили согласія обществъ на окончатель-ное принятіе ихъ. Но, какъ общества могутъ отказывать таковымъ людямъ въ окончательномъ принятіи, только за порок и неисправный платежъ ими податей, по силѣ того же указа, то слѣд. въ рабочіе записываются лица порочныя и неплатящія податей. Такимъ образомъ, классъ рабочихъ людей продолжаетъ сохранять характеръ исправительнаго заведенія; въ рабочіе про-должаютъ зачисляться люди порочные или сомнительной нрав-ственности. Цѣль такого распоряженія очевидна, именно: облег-чить возможность поправить благосостояніе неплатящихъ подат-ей гражданъ; съ другой стороны подѣйствовать на нравствен-ное чувство порочныхъ, лишивъ ихъ права голоса въ город-скихъ собраніяхъ и исключивъ изъ корпораціи, какъ членовъ недостойныхъ. Весьма вѣроятно, что изъ числа таковыхъ раз-наго званія людей, приписавшихся въ мѣщанство безъ согласія общества, не смотря на пятилѣтнюю льготу, очень многіе мо-гутъ оказываться несостоятельными къ платежу податей и дру-гихъ сборовъ. Правда, что пять лѣтъ, кажется, достаточный срокъ для того, чтобъ совершенно-лѣтнему стать на степень по-лезнаго гражданина, но эта возможность обусловливается пред-варительнымъ подготовленіемъ такого лица къ жизни граждан-ской. Притомъ большая часть этихъ людей, какъ-то: дѣти ли-ныхъ дворянъ и церковники записываются въ мѣщанство не-совершеннолѣтними,—часто не чувствуя себя способными быт въ этомъ состояніи, а единственно изъ опасенія подпасть [illegible] рекрутскій наборъ. Между тѣмъ и здѣсь ихъ ожидаетъ тоже. [illegible] непривычкѣ къ новому роду промысловъ, они нескоро пріобр-таютъ возможность уплачивать подати; общества смотрятъ на [illegible] ихъ невыгодно, находятъ ихъ непадежными и при перво-рекрутскомъ наборѣ, стараются освободиться отъ нихъ. Т-можно сказать о вольно отпущенныхъ, дѣтяхъ Киргизовъ, К-мыковъ и другихъ азіатцевъ. Послѣдніе хотя и зачислют-въ мѣщане по достиженіи ими совершеннолѣтія, на низ-жетъ имѣть невыгодное вліяніе, въ отношеніи ихъ промышл-ности, незнаніе русскаго языка и незнакомство съ образомъ [illegible]

(1) Полн. Собр. Зак. N 5812.

русскихъ городовъ. Опасеніе попасть въ рекруты по-
ь этихъ лицъ нерѣдко прибѣгать для уплаты податей
волительнымъ средствамъ и чрезъ то дѣлаетъ ихъ пре-
ми. Такимъ образомъ, если нѣкоторые изъ таковыхъ,
шихся къ обществу безъ согласія его, могутъ оказаться
гельными къ платежу податей по несчастію, неуспѣв-
ъ новомъ своемъ званіи избрать родъ занятій по сво-
юбностямъ, то такіе люди, предоставленные, чрезъ за-
ъ въ рабочіе люди, самимъ себѣ, идутъ по пути граж-
ности тою дорогою, которую указали имъ природа, во-
и способности. Дѣйствительно, человѣкъ часто забра-
случаемъ или и своимъ свободнымъ, но неопытнымъ
омъ въ такое общество, въ которомъ не только не на-
сферы для своей дѣятельности, но напротивъ, подчи-
бованіямъ и условіямъ общества, принужденъ бываетъ
свою собственную дѣятельность.

записку въ рабочіе люди, порочные граждане не ли-
возможности исправиться: все нужное для ихъ исправле-
ется при нихъ, и личная свобода, и личная собственность
ется неприкосновенною. Отнимается у рабочихъ людей
дно право,—право голоса въ городскихъ собраніяхъ, но
не отнимается возможность со временемъ имѣть это
I если иные дѣйствительно попали въ классъ рабочихъ
тію или неопытности, то у нихъ всегда достанетъ энер-
ти изъ этого состоянія; благотворное самолюбіе, замѣт-
ь въ чисто животныхъ натурахъ, побудитъ ихъ стать
настоящихъ гражданъ. Съ другой стороны собствен-
ересы побудятъ рабочихъ людей заботиться о причи-
бя къ мѣщанскимъ и купеческимъ обществамъ, а также
амъ. Что касается до общественныхъ и государствен-
тересовъ, то чрезъ записку гражданъ въ рабочіе люди
ютъ интересы ни той, ни другой стороны. Общества,
изъ себя неплатящихъ податей гражданъ, имѣютъ на
ронѣ ту выгоду, что избавляются потомъ отъ необхо-
налагать на трудолюбивыхъ, но небогатыхъ гражданъ,
сть платить подати за полторы или за двѣ души, когда
домъ могутъ платить за свою собственную. Отсылка
нъ дурнаго поведенія въ Сибирь на поселеніе соединена
ними издержками для обществъ: общество обязано
таковымъ на вспомоществованіе 60 руб. серебр. Отдача
рабочіе дома или въ крѣпостныя работы невыгодна
отношеніи, что при ограниченности платы за труды
наго человѣка, долго не могутъ быть оплачены подати

и недоимки съ другихъ повинностей, если предположить неплатежъ за пятилѣтіе.

Если рабочіе люди не будутъ платить податей, лежащихъ на ихъ собственной отвѣтственности, то они, по распоряженію правительства, могутъ быть отсылаемы для заработковъ въ крѣпостныя работы. Въ такомъ случаѣ будутъ страдать не время интересы цѣлаго государства, а не одного отдѣльнаго общества.

Итакъ все, что досель наше законодательство установило, а правительство опредѣлило относительно рабочихъ людей, можно выразить слѣдующими словами: классъ рабочихъ людей составился 1) изъ публично-наказанныхъ за преступленія жителей столичныхъ и губернскихъ городовъ; 2) изъ преступниковъ, по манифесту 1814 г. Августа 30 (1), прощенныхъ и выходцевъ изъ заграницы, непринятыхъ прежними обществами, а такъ же высланныхъ изъ обществъ уже приписавшихся къ нимъ; 3) изъ Евреевъ, водворившихся въ Россіи и 4) наконецъ изъ мѣщанъ, дурныхъ по поведенію и неплатящихъ податей, изъ числа тѣхъ, которые приписались къ городамъ безъ согласія обществъ съ льготою отъ платежа податей на 5 лѣтъ. Классъ рабочихъ людей началъ составляться изъ преступниковъ, а въ 1832 г. окончился порочными и неплатящими податей мѣщанами. Классъ рабочихъ не есть классъ преступниковъ: правительство избавляетъ ихъ отъ строгаго и непосредственнаго надзора полиціи (2). Рабочіе люди находятся къ полиціи въ такомъ же отношеніи, какъ и всѣ граждане вообще. Правда, что всякій нарушитель общественнаго закона есть преступникъ, но не всякій преступникъ есть преступникъ злоумышленный и потому достойный строгаго наказанія. Что касается до рабочихъ людей, то скорѣе это люди порочные, нежели преступные, а *порочный и преступный* понятія не синонимическія. Преступный заслуживаетъ наказанія, порочный требуетъ исправленія. Преступный исключается изъ общества людей, порочный обязывается жить по правиламъ общества. И само законодательство, имѣетъ такое понятіе о рабочихъ людяхъ, оставляя ихъ въ числѣ другихъ классовъ городскихъ обывателей. Правительство хочетъ видѣть въ нихъ настоящихъ гражданъ, требуетъ, чтобы они приносили пользу государству, на сколько позволяютъ имъ быть полезными ихъ силы и способности. Это недоросли въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ, которыхъ правительство охраняетъ и которымъ помогаетъ.

(1) Полн. Собр. Зак. № 25,671.
(2) Полн. Собр. Зак. № 28,597.

ОРГАНИЗМЫ НА ГРАНИЦѢ ЖИВОТНАГО И РАСТИТЕЛЬНАГО ЦАРСТВА.

Статья Кандидата А. Фаминцына.

Вопросъ о границѣ между животными и растеніями принадлежитъ къ числу самыхъ интересныхъ вопросовъ естественныхъ наукъ. Общепринятое, укоренившееся опредѣленіе животныхъ и растеній состоитъ въ томъ, что животныя чувствуютъ и движутся произвольно, растенія же не чувствуютъ и остаются неподвижными. Въ самомъ дѣлѣ, при разсматриваніи организмовъ животныхъ и растительныхъ, попадающихся на глаза человѣку въ его домашнемъ быту, это опредѣленіе кажется несомнѣннымъ. Если же обратимъ вниманіе и на простѣйшіе микроскопическіе организмы животные и растительные, то увидимъ, что не-только предполагаемая грань недостаточна, но что, вообще, и другіе признаки, столь рѣзко отличающіе болѣе высоко организованныхъ животныхъ и растеній, здѣсь слиты во всевозможныхъ пропорціяхъ. Отъ розысканій надъ низшими организмами нужно, слѣдовательно, ожидать разрѣшенія вопроса о существованіи границы между обоими царствами. Изученіе ихъ я и избралъ предметомъ предстоящей статьи, стараясь, на основаніи сдѣланныхъ надъ ними изслѣдованій, оцѣнить стойкость установленной грани.

Новѣйшія изслѣдованія показали, что какую бы часть животнаго или растенія не разсмотрѣли подъ микроскопомъ, мы увидѣли бы, что она состоитъ изъ клѣтокъ или пузырьковъ. Въ каждой клѣткѣ можно отличить оболочку и слизистое содержимое. Оболочка клѣтки цѣльная, безъ отверстій; содержимое представляетъ слизистую выстилку, прилегающую къ оболочкѣ съ внутренней стороны непрерывнымъ слоемъ. Въ центрѣ клѣтки или съ боку, въ самой слизистой выстилкѣ, находится обыкновенно твердое, шарообразное тѣло, называемое зерномъ (nucleus). Остальная полость клѣтки выполнена жидкостью, такъ называемымъ клѣточнымъ сокомъ (Zellsaft). Узнавъ посредствомъ микроскопа, что всякій организмъ животный и растительный есть ничто иное, какъ одна клѣтка или аггрегатъ

клѣтокъ, мы видимъ что всѣ вопросы физіологическіе, вопросы о жизни организма, сводятся на изученіе того, что такое клѣтка.

Чѣмъ больше число клѣтокъ въ организмѣ и разнообразнѣе ихъ форма, тѣмъ сложнѣе и разнообразнѣе проявленіе жизни ихъ, т. е. отправленія организма. Въ высшихъ организмахъ, животныхъ и растительныхъ, каждому отправленію предстоитъ отдѣльная группа клѣтокъ или, другими словами, отдѣльный органъ или система органовъ. Переходя постепенно отъ самыхъ сложныхъ формъ къ болѣе простымъ, мы увидимъ, что органы, предстоящіе различнымъ отправленіямъ организма, столь ясно отличные въ высшихъ формахъ, теряютъ мало по малу свою индивидуальность. Наконецъ мы дойдемъ до такихъ формъ, гдѣ весь организмъ представляетъ въ продолженіи всеи жизни своеи одну клѣтку.

Въ послѣднее время особенно одноклѣтчатые организмы обратили на себя вниманіе весьма многихъ ученыхъ и розысканія надъ ними, хотя еще весьма неполныя и отрывочныя, привели уже къ весьма любопытнымъ результатамъ.

Къ простѣйшимъ организмамъ относятся: Грегарины (Gregarina), Корненогія (Rhizopoda), Инфузоріи (Infusoria), Грибы (Fungi), Лишаи (Lichenes), и Водоросли (Algae). Здѣсь я буду говорить только о корненогихъ, инфузоріяхъ и формахъ связывающихъ ихъ съ водорослями и подъ названіемъ: *простѣйшіе организмы* буду обозначать только эти двѣ группы.

Простѣйшіе организмы большею частію до того малы, что могутъ быть изслѣдуемы только съ помощію микроскопа. Гиганты между инфузоріями едва видимы простымъ глазомъ. Отъ этого и исторія постепеннаго распознаванія ихъ тѣсно связана съ успѣхами оптики и усовершенствованіемъ микроскопа.

Первый естествоиспытатель, наблюдавшій простѣйшіе организмы, былъ Левенгукъ, изобрѣтатель микроскопа. Но ни онъ и ни одинъ изъ его послѣдователеи до Мюллера не изслѣдовали низшихъ организмовъ строго ученымъ образомъ. Сочиненія ихъ наполнены только восклицаніями и удивленіями, внушаемыми имъ новооткрывшимся, едва видимымъ, міромъ живыхъ существъ. Отто Мюллеръ первый привелъ ихъ въ систему и установилъ многіе роды и виды. Работая съ весьма несовершенными микроскопами, онъ не имѣлъ яснаго понятія о строеніи инфузоріи, и во многихъ изъ нихъ видѣлъ только продолговатые, овальные пузырьки. Отличительные признаки, заимствованные имъ для отличія одного рода отъ другаго, весьма неопредѣлен-

пы. Далѣе, къ одному роду онъ относилъ животныхъ не имѣющихъ ничего общаго между собою, кромѣ формы контура, или отличающихся отсутствіемъ извѣстныхъ органовъ, которыхъ въ нихъ онъ не былъ въ состояніи подмѣтить.

По этимъ же причинамъ и система Ламарка, которая есть голько модификація системы Мюллера, и система Бори-де-Санъ-Винцента замѣчательны теперь только въ историческомъ отношеніи.

Эпоху въ періодѣ классификаціи низшихъ организмовъ сдѣлалъ Берлинскій ученый Эренбергъ, своимъ замѣчательнымъ сочиненіемъ Die Jnfusionsthierchen als vollkommende Organismen.

Въ этомъ сочиненіи, къ инфузоріямъ онъ причислилъ и многіе несомнѣнно растительныя формы, предполагая въ нихъ весьма сложную организацію, какъ то: зубы, пищепріемный каналъ, съ отверстіями рта и задняго прохода, различныя желѣзки, систему мускуловъ, половые органы, слѣды системы кровообращенія, нѣкоторыя части нервной системы, глаза, а у нѣкоторыхъ внутренніе органы, похожіе на органы дыханія. Впрочемъ описанные Эренбергомъ у инфузорій органы, по изслѣдованію новѣйшихъ ученыхъ, относятся къ области фантазіи; слѣдовательно и его дѣленіе инфузорій, основанное на видоизмѣненіяхъ предполагаемаго имъ пищепріемнаго канала, не можетъ быть теперь принято.

Живую оппозицію встрѣтилъ онъ во французскомъ ученомъ Дюжарденѣ (Dujardin), который первый рѣшился противостать авторитету Эренберга; отрицая въ сочиненіи своемъ: Histoire naturelle des Zoophytes (Infusoires) существованіе органовъ признанныхъ Эренбергомъ, онъ развиваетъ свое ученіе о саркодѣ (о веществѣ сокращающемся). По его мнѣнію, все тѣло инфузорій состоитъ изъ аморфнаго, подвижнаго вещества способнаго образовать по всей массѣ своей шарообразныя пустоты, наполненныя прозрачною жидкостію, которыя Эренбергъ и принималъ за желудки. По Дюжардэну, питательныя вещества проникаютъ въ инфузорію чрезъ отверстіе рта или прилипаютъ къ поверхности тѣла, и погружаются въ него постепенно, какъ на примѣръ посторонній предметъ, вдавленный въ густую и вязкую массу дегтя. Не принимая никакой организаціи въ инфузоріяхъ, Дюжардэнъ дѣлитъ ихъ по наружному виду на двѣ группы: 1)не симметрическія инфузоріи, 2) симметрическія. Первая группа подраздѣлена у него по органамъ движенія на 5 отдѣловъ, въ каждомъ отдѣлѣ по нѣскольку семействъ. Вторая группа заключаетъ только 4 рода и не подраздѣляется на отдѣлы. Система

эта, какъ видно, въ высшей степени искуственна и, какъ самъ Дюжарденъ сознается, еще весьма недостаточна. Въ 1839 году Мейенъ (1) показалъ аналогію инфузоріи съ животной и растительною клѣткою. Идею эту разработали въ послѣдствіи Зибольдъ (2) и Кёлликеръ (3). По ихъ мнѣнію, каждая инфузорія представляетъ одну клѣтку и состоитъ изъ оболочки и тягучаго, слизистаго содержанія. Заключенное въ слизистомъ содержаніи твердое тѣло, которое Эренбергъ принималъ за сѣмянную желѣзку, они принимаютъ за ядро клѣтки. Въ послѣднее время наконецъ—въ 1856 году, Либеркюнъ (4) и Лахманъ (5), опять приписываютъ всѣмъ инфузоріямъ организацію довольно сложную, именно: систему сосудовъ, центръ которыхъ есть пульзирующее пространство, полость пищеваренія съ задненроходнымъ отверстіемъ, а иногда даже съ пищеводомъ. Главнымъ образомъ ихъ воззрѣніе отличается отъ предъидущаго тѣмъ, что они принимаютъ за паренхимъ тѣла инфузоріи, то что Зибольдъ считаетъ оболочкою, а тягучую жидкость, заключенную въ оболочкѣ—не за содержаніе клѣтки, а за желудочный сокъ (chylus) животнаго. Въ то время, какъ зоологи изслѣдовали инфузоріи и переходные низшіе растительные организмы, ботаники именно Харвеи (Harvey) (1841), Агардтъ (Agardth) (1842), Декэнъ (Decaisne) (1842), Эндлихеръ (Endlicher), Хассаль (Hassal), Негели (Nägeli), Кютцингъ (Kützing) и друг. занимались изученіемъ низшихъ, несомнѣнно растительныхъ, организмовъ, причисляя, въ свою очередь, къ растеніямъ переходныя формы, считаемыя зоологами за животныхъ. Въ классификаціи своей они не были счастливѣе зоологовъ. Неудачи эти, главнымъ образомъ, произошли отъ того, что они старались построить системы свои, основываясь только на наружныхъ признакахъ вполнѣ развитыхъ организмовъ, совершенно упуская изъ виду исторію развитія. Не имѣя притомъ строгихъ данныхъ, они относили одни и тѣже организмы не только къ различнымъ видамъ и родамъ, но и классамъ системъ своихъ, имѣя ручательствомъ за вѣрность классификаціи только авторитетъ своей въ наукѣ. Въ новѣйшее время открытіе явленій періодично-смѣняющихся поколѣній (Generationswechsel), ясно показало неустойчивость системъ, построенныхъ на этомъ

---

(1) Müllers Archiv 1839 pg. 74.

(2) Sieb. und Köll. Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie I. pg. 270 etc.

(3) Ebendas, I. pg. 200. Die Lehre von der thierischen Zelle in Schleiden und Nägeli Zeitschrift für wissenschaftliche Botanik. 1845 etc.

(4) См. Beiträge zur Anatomie der Infusorien—Müllers Archiv. 1856. Heft. 1, 2.

(5) Ueber die Organisation der Infusionsthierchen etc—Müllers Archiv. 1856. Heft. 4.

принципѣ: формы, совершенно другъ отъ друга отличныя, распредѣленныя въ различные классы, оказались только различными фазами развитія одного и тогоже недѣлимаго; слѣдовательно, мы теперь не имѣемъ никакаго права два другъ на друга вовсе непохожіе организма относить, a priori, нетолько къ двумъ различнымъ классамъ, но даже родамъ и видамъ. Исторіа развитія есть единственный вѣрный руководитѣль въ этомъ отношеніи. Системы, составленныя по наружнымъ признакамъ, не смотря однако на ихъ искуственность и даже невѣрность, весьма способствуютъ легчайшему обозрѣнію формъ.

Въ основаніе своего изложенія я взялъ подраздѣленіе инфузорій Зибольда, видоизмѣненное нѣсколько Фохтомъ въ его зоологическихъ письмахъ, и систему Рабенхорста для низшихъ растительныхъ организмовъ (водорослей).

Порядокъ изложенія, избранный мною въ систематическомъ обозрѣніи, слѣдующій:

1) корненогія.
2) инфузоріи.
3) переходныя формы.
4) водоросли.

Классъ корненогія (Rhizopoda) (1). Тѣло животныхъ этаго класса состоитъ исключительно изъ студенистаго вещества, въ которомъ, то появляются, то исчезаютъ пузыристыя пустоты, принимаемыя прежде за желудки. Жидкія вещества просачиваются внутрь тѣла, а твердыя давленіемъ на поверхность слизистой массы животнаго, мало по малу, погружаются въ него, такъ что, чрезъ нѣсколько времени мы видимъ ихъ внутри животнаго. Попавшіе въ тѣло животнаго предметы иногда до того велики, что животное облекаетъ ихъ только тоненькимъ слизистымъ слоемъ Кромѣ пульзирующаго пространства, которое отъ времени до времени сокращается, и болѣе плотнаго тѣла, зерна, не удалось открыть въ нихъ никакой внутренней организаціи. Они двигаются, вытягивая однообразную массу тѣла своего въ длинные отроги, болѣе или менѣе вѣтвистые. Наружный видъ корненогихъ весьма разнообразенъ. Большая часть изъ нихъ снабжена болѣе или менѣе твердою роговою или известковою скорлупкою, называемою панцыремъ. Панцырь окружаетъ или одно только животное, или представляетъ полипникъ, заключающій въ себѣ нѣсколько недѣлимыхъ. Въ панцырѣ бываетъ одно большое

(1) Желающимъ наглядно ознакомиться съ этими формами рекомендуемъ атласы Эренберга, Дюжардена, Куторги и др.

или много мелкихъ отверстій, изъ которыхъ животное выпускаетъ слизистые отроги. За исключеніемъ немногихъ, всѣ корненогія обладаютъ известковымъ панцыремъ; этимъ рѣзко отличаются они отъ инфузоріи, окруженныхъ роговою или кремнистою скорлупою. Корненогія живутъ, и въ прѣсной, и въ соленой водѣ. Цѣлые пласты земной коры, напр. мѣлъ, составлены исключительно почти изъ ихъ скорлупокъ. Изъ нихъ замѣтимъ слѣдующіе роды: Amoeba, Actinophrys, Acineta, Arcella, Difflugia.

Классъ Инфузоріи (Infusoria). Классъ инфузоріи заключаетъ въ себѣ маленькихъ животныхъ величиною отъ 3 mil. до $^1/_{3000}$ mil. Они живутъ преимущественно въ стоячей водѣ, заросшей травою, въ сырыхъ мѣстахъ между мхомъ и, какъ паразиты, въ другихъ животныхъ. Размножаясь чрезвычайно быстро, они плаваютъ иногда по водѣ въ видѣ клочковъ бѣловатой пыли, или, наполнивъ собою всю массу воды, окрашиваютъ ее иногда весьма ярко зеленымъ или краснымъ цвѣтомъ. Появленіе и исчезаніе различныхъ родовъ инфузоріи такъ быстро и, повидимому, такъ мало зависитъ отъ воли человѣка, что часто нужно бываетъ довольствоваться безсвязно подмѣченными явленіями, неимѣя возможности опредѣлить всей важности ихъ для жизни животнаго. Движеніе инфузоріи подъ микроскопомъ кажется весьма быстрымъ. Нѣкоторыя изъ нихъ движутся посредствомъ одной или нѣсколькихъ весьма длинныхъ рѣсничекъ, находящихся на переднемъ концѣ тѣла или разбросанныхъ по всей поверхности ихъ тѣла, другіе напротивъ того снабжены для движенія особенными крючьями.

Зибольдъ дѣлитъ инфузорій на два отряда: 1) *Stomatoda*, имѣющія отверстіе рта и задняго прохода и 2) *Astoma*, не имѣющія отверстія рта и питающіяся всею поверхностію своего тѣла.

Отрядъ 1-й *Stomatoda*. Отдѣлъ *Vorticellida*, форма тѣла ихъ весьма измѣнчивая. Они весьма быстро сокращаются, принимая неправильно шарообразную форму, и потомъ опять, мало по малу, развертываются и вытягиваются въ видѣ конусовъ, колокольчиковъ или охотничьяго рога. На верхнемъ концѣ они снабжены вѣнкомъ рѣсничекъ, расположенныхъ по спирали. Сокращаясь, они втягиваютъ весь рѣсничный аппаратъ въ массу тѣла. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ стебелекъ весьма гибкій, другіе — неподвижный, третьи-же вовсе его не имѣютъ. Отдѣлъ Vorticellida подраздѣляютъ на два семейства А., собственно *Vorticellina* — имѣющія перепончатаго панцыря.

Роды Vorticella, Carchesium, Epistylis, Trichodina, Stentor и B. *Ophrydina* — снабженныя панцыремъ. Роды: Vagenicola, Cothurnia.

Отдѣлъ *Trichodida* заключаетъ въ себѣ изъ остальныхъ Stomatoda тѣхъ, которые движутся только посредствомъ рѣсничекъ и не имѣютъ крючьковъ и шиповъ. Въ этомъ отдѣлѣ отличаютъ три семейства:

A. Сем. *Enchelina*. Тѣло не покрыто почти совсѣмъ рѣсничками, за исключеніемъ передняго конца, который иногда вытянутъ въ видѣ длинной шеи; на немъ, вокругъ рта, расположенъ вѣнецъ рѣсничекъ. Заднепроходное отверстіе находится у всѣхъ, на противуположномъ концѣ тѣла. Вытянутую переднюю часть тѣла они изгибаютъ во всѣ стороны. Она, какъ кажется, служитъ имъ органомъ движенія и осязанія. Роды: Lacrymaria, Trichoda, Enchelys, Leucophrys.

B. Сем. *Trachelina*. Все тѣло или большая часть его покрыто рѣсничками, которыя расположены долевыми рядами; у рта они нѣсколько длиннѣе. Ротъ лежитъ на нижней поверхности тѣла въ долевой щели, подъ болѣе или менѣе выдающеюся верхнею губою. Заднепроходное отверстіе находится на концѣ тѣла или нѣсколько съ боку. Роды: Trachelius, Chilodon, Amphileptus, Spirostomum, Glaucoma, Paramecium, Bursaria.

C. Сем. *Nassulina* отличается отъ двухъ предъидущихъ зубнымъ аппаратомъ, который окружаетъ входъ въ отверстіе рта. По положенію этаго зубнаго аппарата, отличаютъ нѣсколько родовъ: Nassula, Prorodon, Chilodon.

3-й Отдѣлъ, *Setifera*; имѣютъ болѣе или менѣе сплюснутую форму и на плоской поверхности тѣла, кромѣ рѣсничекъ, которыя развиты близъ отверстія рта, еще щетинки и крючки для ползанія и прыганья по твердымъ предметамъ, находящимся въ водѣ. Ротъ и заднепроходное отверстіе находятся на брюшной части тѣла, часто весьма близко одно отъ другаго въ одномъ углубленіи. Этотъ отдѣлъ подраздѣляютъ на слѣдующія семейства:

A. Сем. *Oxytrichina*; тѣло мягкое, гибкое, часто расплывается все, за исключеніемъ только щетинокъ. Роды: Oxytricha, Stylonychia, Urostyla.

B. Сем. *Euplota*; спинка ихъ прикрыта плоскимъ щитикомъ довольно плотнымъ. Роды. Euplotes, Himantophorus, Chlamidodon.

Къ инфузоріямъ относятъ еще Сем. *Opalinida*—паразитовъ, которые живутъ въ кишкахъ лягушекъ и ленточныхъ червей. Кромѣ рѣсничекъ, посредствомъ которыхъ они двигаются

Сем. *Oscillarineae*. Они сходны съ предъидущимъ семействомъ въ томъ, что также состоятъ изъ членистыхъ, не развѣтвляющихся нитей. Членики нитей, весьма короткіе, плоскіе, плотно прилегаютъ одинъ къ другому. Они одѣты тонкимъ слоемъ студенистой массы, которая иногда отвердѣваетъ въ перепонку, не достигая никогда такихъ огромныхъ размѣровъ, какъ у предъидущаго семейства. Родъ: Oscillatoria.

Сем. *Scytonemeae*. Нити ихъ весьма похожи на нити Oscillarineae и отличаются отъ послѣднихъ тѣмъ, что онѣ вѣтвисты и не обнаруживаютъ колебательнаго движенія. Оболочка ихъ отвердѣваетъ, образуя открытыя съ обоихъ концевъ ножны, прорванныя часто еще съ боку выходящими вѣтвями. Ножны состоятъ изъ одного или нѣсколькихъ слоевъ отвердѣвшей студени. Родъ: Scytonema.

Сем. *Ulotrichineae*. Нити тонкія, слизистыя, простыя или развѣтвленныя, съ кроткими члениками. Нѣкоторыя клѣтки, обыкновенно самыя нижнія, пускаютъ отростки на подобіе корешковъ. Зеленое содержаніе, расположенное поперечными полосками, распадается на 3 или 4 отдѣльности по направленію—же полосокъ. Роды: Ulotrix и Draparnaldia.

Сем. *Confervaceae*. Нити, простыя или развѣтвленныя, состоятъ изъ ряда большихъ цилиндрическихъ клѣтокъ, одѣтыхъ общею трубчатою оболочкою. Роды: Oedogonium, Conferva, Cladophora.

Сем. *Zygnemaceae*. Нити ихъ состоятъ изъ одного ряда клѣтокъ, одѣтыхъ общею, весьма нѣжною и ломкою, оболочкою, отъ чего онѣ и распадаются весьма легко на части, такъ что довольно трудно вынуть Zygnema изъ воды, не разорвавъ ея. Отличительный признакъ Zygnemaceae состоитъ въ томъ, что хлорофиль ихъ расположенъ правильно въ спиральныхъ нитяхъ или образуетъ шары и звѣздообразныя лучистыя массы. Роды: Zygnema, Spirogyra.

Сем. *Ectocarpeae*. Всѣ представители его живутъ въ морѣ и состоятъ изъ нѣсколькихъ рядовъ конфервовидныхъ клѣтокъ. Плоды ихъ суть боковыя, темнокоричневаго цвѣта споры, развивающіяся изъ конечной клѣтки вѣтви. Родъ Ectocarpus.

Сем. *Ulvaceae*. Клѣтки его, расположенныя въ одной плоскости, срастаются въ листоватый изогнутый слой или образуютъ трубчатое или пузыристое, внутри полое, тѣло. Споры разбросаны безъ порядка. Роды: Prasiola, Enteromorpha, Porphira.

Сем. *Batrachospermeae*. Развѣтвленныя растеньеца, живутъ въ водѣ; у основанія онѣ расплываются въ слизистую массу, которая въ видѣ коры облекаетъ поверхность предметовъ, на которыхъ они сидятъ. Изъ этой слизистой массы подымается

къ верху главный побѣгъ, который состоитъ изъ одного ряда клѣтокъ, окруженнаго снаружи еще слоемъ клѣтокъ. Образованіе этаго слоя клѣтокъ весьма замѣчательно: боковыя вѣтви, достигнувъ полнаго развитія, посылаютъ внизъ по стеблю до слѣдующаго круга вѣтокъ отроги, которые плотно прилегаютъ къ стеблю и между собоіі сливаются въ одинъ наружный, отовсюда сомкнутоіі слоіі клѣтокъ. Плоды развиваются на боковыхъ вѣтвяхъ, отгораживаніемъ послѣдней клѣтки вѣтки; находясь въ большомъ количествѣ, онѣ скучиваются въ клубки. Родъ Batrachospermum.

Сем. *Fucaceae*. Растенія морскія, прикрѣпляются къ предметамъ расширеннымъ основаніемъ, изъ котораго выдвигается стебель, расширяющіійся въ видѣ листа. Онъ плотноі консистенціи, оливковаго, зеленаго или бураго цвѣта, дихотомически развѣтвляется. Родъ Fucus.

Сем. *Florideae*, исключительно живутъ въ морѣ и отличаются своимъ яркимъ, краснымъ цвѣтомъ. Споры обыкновенно сидятъ по 4 въ одноіі оболочкѣ, оставшейся въ материей клѣткѣ, всегда краснаго или буровато—краснаго цвѣта. Ихъ называютъ *tetrachocarpia* (Vierlingssporen). Кромѣ ихъ находятся еще другаго рода споры, соединенныя въ неопредѣленномъ числѣ въ отдѣльныхъ полостяхъ, такъ называемыхъ cystocarpia. Роды: Callithamnion, Ceramium, Sphaeroccocus.

Переходныя формы.

Огромный пробѣлъ, замѣчаемый между простѣйшими инфузоріями и водорослями, выполняется цѣлою группою, такъ называемыхъ, переходныхъ животно-растительныхъ организмовъ. Организація ихъ представляетъ нѣчто среднее между водорослями и инфузоріями. Во всѣхъ изъ нихъ есть сокращающіяся пространства и всѣ, въ извѣстный періодъ жизни, плаваютъ совершенно свободно. Движенія ихъ до того сходны съ движеніями инфузоріі, что тѣ естествоиспытатели, которые принимаютъ произвольное движеніе непремѣннымъ признакомъ животнаго организма считаютъ ихъ за инфузоріі. Исторія развитія, напротивъ того, показываетъ такую безспорную аналогію съ развитіемъ несомнѣнно растительныхъ организмовъ, что Конъ и др. считаютъ организмы эти водорослями. Представляя въ жизни своеі то неподвижныя, то подвижныя формы, они въ первомъ состояніи описаны были ботаниками за растенія, а подвижныя ихъ формы зачислены были въ инфузоріи. Совершенное недоумѣніе овладѣло естествоиспытателями,

болѣзненнаго состоянія не могла бы, ни въ какомъ случаѣ, принимать формы шарообразной. Мы видимъ однако, что образованіе шарообразныхъ кучекъ пищи происходитъ и въ этомъ случаѣ. Наконецъ, наблюдая Эренберговы желудки, легко замѣтить, что весьма часто одинъ желудокъ распадается на два, на три и болѣе; нѣсколько желудковъ сливаются въ одинъ большой; отдѣльные желудки лопаются совершенно, выливая содержимое свое въ тѣло животнаго; а, съ другой стороны, внезапно въ тѣлѣ животнаго появляются новые желудки. Всѣ эти факты противорѣчатъ, предполагаемому Эренбергомъ, строенію пищеприемнаго канала, и по этому ученіе его о желудкахъ инфузорій должно быть въ настоящее время рѣшительно отвергнуто.

Переходные организмы, не имѣющіе отверстія рта въ тѣлѣ, чрезъ которое могли-бы входить внутрь тѣла твердыя частички, питаются всасываніемъ жидкостей всею поверхностію своего тѣла. Иногда всасываемая жидкость собирается внутри тѣла въ шарообразныя вакуоли, которыя неправильно считали за желудки. Лахманъ (*) приписываетъ отверстіе рта и переходнымъ формамъ, какъ то Monadineae, Astasieae, Volvocineae и др. на томъ основаніи, что онъ видѣлъ его у сроднаго съ ними сем. Monadinaea (объ этомъ смотри ниже).

Совершенно особенный способъ питанія представляетъ Acineta. Уже давно замѣтили, что инфузоріи, проходящія мимо лучей Acineta, вдругъ какъ будто прилипаютъ къ концамъ лучей, и если имъ не удастся въ скоромъ времени оторваться, то они умираютъ. Въ послѣдствіи оказалось, что Acineta посредствомъ этихъ лучей высасываетъ прилипающихъ къ нимъ инфузоріи. На концѣ каждый лучъ расширенъ въ широкую присасывательную плоскость. Лучи сокращаются и становятся толще. Во время всасыванія число впивающихся въ пойманную инфузорію лучей все болѣе и болѣе увеличивается. Частицы тѣла высасываемаго животнаго двигаются по увлекшимся лучамъ и, вливаясь въ тѣло Acineta слабою струею, собираются въ капли, которыя сливаются въ одну большую. Блѣдно — прозрачная Acineta, отъ переливающагося въ нее большаго количества всосанныхъ частицъ тѣла инфузоріи, темнѣетъ, принимаетъ зернистое строеніе и дѣлается непрозрачною. Образовавшіеся пузырьки и капли, происходятъ не иначе какъ въ самой полости тѣла Acineta, ибо они гораздо больше частицъ протекающихъ по лучамъ. Тѣло высасываемаго

(*) См. его ст. Über die Organisation der Infusorien и [illegible] Müllers Archiv 1838 тетр. 4, ст. 369.

вотнаго совпадаетъ и животное умираетъ; иногда расплы-
гся уже при самомъ началѣ высасыванія; въ другомъ же
чаѣ живетъ очень долго. Изъ большихъ животныхъ напр.
onychia mytilus, Paramecium, Aurelia и проч. Acineta выса-
ваетъ содержимое въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ.

Примѣч. Лахманъ отличаетъ у Vorticella нѣсколько отдѣ-
ъ въ полости органовъ пищеваренія: 1) углубленіе, въ кото-
ъ находятся отверстіе рта и задняго прохода—vestibulum;
Короткую трубку идущую отъ отверстія рта—пищеводъ (oe-
hagus); 3) нѣсколько болѣе широкую веретенообразную часть—
тку (pharynx), изъ которой пища попадаетъ въ большую
ость пищеваренія и изъ нее уже выбрасывается чрезъ
непроходное отверстіе. Глотка, по мнѣнію Лахмана, выстит-
тся оболочкою, отъ которой она сохраняетъ свою форму и
заключая въ себѣ кусковъ пищи. Пищеводъ у Vorticellina и еще
ногихъ другихъ инфузорій (особенно ясно у Paramecium), по
людеціямъ Лахмана, покрытъ внутри рѣсничками. Расшире-
же его въ pharynx онъ ни у какаго другаго семейства кро-
Vorticellina не видалъ. Существованіе всѣхъ этихъ частей
ако весьма еще сомнительно.

Описанныя нами вакуоли не надо смѣшивать, съ такъ назы-
мыми, пульзирующими пространствами, которыхъ иногда
же бываетъ нѣсколько. Сокращеніе и расширеніе ихъ проис-
итъ ритмически. Они или совершенно круглыя или, отъ вы-
ящихъ отъ нихъ канальцевъ, кажутся звѣздообразными
р. у Paramecium. У Vorticella nebulifera Лахманъ на-
далъ сокращающееся пространство, находящееся тотъ-часъ
ъ верхнею площадкою рѣсничнаго аппарата, съ однимъ
ходящимъ изъ него каналомъ, который нисходилъ въ vesti-
um и наполнялся жидкостію при сокращеніи пульзирующа-
пространства. Эренбергъ видѣлъ въ нихъ систему сосу-
ъ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда въ нихъ жидкость казалась
жолько окрашенной, принималъ ихъ за желудки; тамъ гдѣ
втрѣчались по одному или по два, онъ описываетъ ихъ за
янныя желѣзки, которыя, сокращаясь, должны были разливать
я и оплодотворять яйца инфузорій, заключенныя въ тѣлѣ
узорій; наконецъ если ихъ было много вмѣстѣ, то одни,
ршенно по произволу, онъ принималъ за сѣмянныя желѣзки,
гія же за желудки. Оскаръ Шмидтъ полагалъ, что пульзирую-
пространство открывается къ наружи сквозь тѣло живот-
основываясь на томъ, что во 1-хъ онъ непосредственно ви-
это отверстіе у Bursaria и Paramecium и во 2-хъ, по его
ію, по этой же причинѣ пульзирующее пространство на-
етъ расширяться и сокращаться съ края обращеннаго къ
Это мнѣніе опровергается въ первомъ пунктѣ тѣмъ.

что Клапаредъ, наблюдая пульзирующее пространство у
phrys sol, при самыхъ точныхъ изслѣдованіяхъ, не видѣ
отверстія; далѣе, видимое Шмидтомъ отверстіе у Burs
по наблюденіямъ Либеркюна, заднепроходное отверстіе
тораго, и во время самой діастолы пульзирующаго прост
извергаются къ наружи мелкія частички, что никакъ
бы имѣть мѣста, если бы это было отверстіе пульзи
пространства. По мнѣнію Зибольдта, это суть ничто и
полости слизистаго пласта тѣла животнаго, наполняю
временамъ пластическою жидкостью, вытекающею изъ
тѣла, которую они, сокращеніемъ своимъ, распространяю
по тѣлу животнаго; а по этому, онъ видитъ въ нихъ про
проявленіе системы кровообращенія и круговращенія и
ныхъ соковъ. Въ противуположность Зибольдту, Лахман
сматриваетъ пульзирующія пространства и ихъ вѣтви, ка
му сосудовъ; не имѣя однако возможности обнаружить
ни въ сокращающихся пространствахъ, ни въ вѣтвяхъ и
заключаетъ о ея присутствіи по слѣдующимъ двумъ
ніямъ: 1-е надъ прохожденіемъ шарообразныхъ массъ и
ній у Spirostomum ambiguum, между пульзирующимъ п
ствомъ и поверхностью тѣла, гдѣ, сжатыя въ узкомъ п
ствѣ при проходѣ своемъ съ одной стороны, они вдав
внутрь, въ видѣ полушара, стѣнки пульзирующаго прост
но не входятъ въ полость его и 2-ое надъ сокращающ
странствомъ у Actinophrys, которое по его мнѣнію не бы
состояніи противустоять столь сильному сжатію и рас
и должно было бы лопнуть, если бы не имѣло оболо
эти довода однако ни мало не указываютъ на необходим
сутствія оболочки, ибо явленія эти могутъ быть объясн
влетворительно, если предположить въ самой тягучей ма
плотность способную превозмочь, оказываемое на нее
Слѣдовательно и предполагаемая Лахманомъ кровенос
ма у инфузорій теперь не можетъ быть принята. Ми
больдта, хотя весьма вѣроятно, также еще не подтверж
тами; такъ что, до сихъ поръ, мы знаемъ только о суще
сокращающихся пространствъ, не имѣя возможности о
ихъ значенія для организма.

Сокращающіяся пространства находятся болѣе въ на
слоѣ тѣла.

Примѣчаніе. Число сокращающихся пространствъ
нимо: У Vorticella, Epistylis, Loxodes, Stylonychia my

(*) Lachmann. Müll Arch. 1856 тетр. 4, ст. 377 и 378.

patella—одно; у Actenophrys, Bursaria, Trichodina—одно
ва; у Nassula elegans ихъ 4-е; всѣ лежатъ въ одномъ доле-
ряду, вдоль спины животнаго; у Trachelius meleagris тянет-
ъ изъ 8—12 круглыхъ сокращающихся пространствъ съ
-ѣла; у Amphileptus отъ 5—16 правильно расположенныхъ;
tor'a бросается въ глаза пульзирующее пространство на пе-
ій части тѣла, и еще нѣсколько ихъ съ боку тѣла, соеди-
ихъ иногда длиннымъ каналомъ; наконецъ у Spirostomum
num тянется сокращающееся вмѣстилище въ видѣ длинна-
льзирующаго пространства по всей длинѣ тѣла.

ли будемъ сдавливать постепенно какую нибудь инфузорію
у двумя стеклышками, то все тѣло ея расплывается, исклю-
круглаго или продолговатаго зерна (nucleus). Значеніе его
жизни инфузоріи не вполнѣ извѣстно; мы знаемъ только то,
оно иногда играетъ важную роль при образованіи такъ на-
емыхъ подвижныхъ зародышей и дѣленіи (объ этомъ смот.
). Масса его однообразная или мелкозернистая. Оно окру-
, по наблюденію Штейна, особенною оболочкою. Внутри его,
лизь него находится еще маленькое круглое тѣло *nucleolus*.
ьдтъ полагаетъ, что nucleus свободно лежитъ въ слизистой
з тѣла животнаго, основываясь на томъ, что часто ему уда-
ь наблюдать вращеніе его внутри тѣла, спокойно стоящей
оріи. По мнѣнію же Лахмана, nucleus вѣроятно прикрѣ-
ь неподвижно къ тѣлу инфузоріи (*), ибо еще не видѣли, что-
ъ участвовалъ въ круговращеніи содержимаго. Выше при-
ныя наблюденія онъ предполагаетъ ошибочными по-
что Зибольдтъ принялъ въ этомъ случаѣ, по его мнѣнію,
cleus одинъ изъ вращающихся зародышей, которые тогда
не были извѣстны.

ѣсьма многихъ инфузоріи находится постоянно одно красное
. Эренбергъ, первый наблюдавшій его, счелъ его за глазъ.
но однако искали около него преломляющаго чечевицеобраз-
тѣла. Только у Ophryoglena flavicans Либеркюнъ (**) замѣтилъ
ачное твердое тѣло въ видѣ мениска т. е. диска вогнутаго съ
і стороны и выпуклаго съ другой; это тѣло не имѣетъ одина-
въ кажется, близкаго соотношенія съ окрашеннымъ пят-
, ибо Ophryoglena atra имѣетъ одно только красное пятно
мениска, а у Bursaria flava есть мениск, но нѣтъ окрашен-
пятна. Открытіе такихъ же пятенъ у подвижныхъ расти-
ыхъ клѣточекъ (см. ниже), ясно доказываетъ, что красныя
і инфузоріи не суть глаза.

. Lachman U. die Org. der Inf. стр. 359.
м. Lieberkühn Beiträge zur Anat. d. Infusor. Müll. Arch. стр. 23.

Дѣйствуя алькоголемъ на рѣснички инфузорій, Конъ лилъ отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ наружную кожицу, си рѣсничками въ видѣ мѣшка, и отличаетъ въ прежде наз оболочкѣ еще два пласта: 1) внутренній, вращающійся и ный, довольно толстый слой, совершенно неподвижный ный корковымъ слоемъ (Rindenschicht). Признавая и одноклѣтчатыми организмами, Конъ считаетъ корковы оболочку клѣтки, а внутренній пластъ за содержимое

Наконецъ упомянемъ еще о сократительной ткани cella и Epistylis plicatilis. У основанія чашки тѣла этих ныхъ, въ томъ самомъ мѣстѣ гдѣ Эренбергъ рисовалъ кула, Лахманъ и Клапаредъ отличили сократительный ни въ видѣ полаго конуса. Особенно ясно, по ихъ слова ли они его во время сокращенія Epistylis plicatilis.

Не у всѣхъ инфузорій находятся однако разсмотрѣн части. У довольно большой инфузоріи напр. Opalina нельзя отличить внутри тѣла никакой организаціи.

У цѣлаго отдѣла инфузорій нѣтъ уже отверстія рта. рующія пространства оказались почти у всѣхъ ин переходныхъ формъ. Зерно составляетъ принадлежн ти всѣхъ инфузорій, переходныхъ формъ и весьма мно дорослей. Красное пятно, столь характерное для нѣк инфузорій, встрѣчается и у большей части переходны и у многихъ подвижныхъ крупинокъ водорослей. Кро ченныхъ частей, у Loxodes Bursaria встрѣчаются з хлорофиля. У Euglena кромѣ хлорофиля есть еще вещ хожее на крахмалъ—paraamylum. Хлорофиль и крахмал ляютъ необходимую принадлежность всѣхъ почти вод за исключеніемъ весьма не многихъ. Cuticula инфузорій тая рѣсничками, вполнѣ соотвѣтствуетъ cuticula водоро посредственно подъ cuticula слѣдуетъ оболочка, котора лается съ внутренней стороны слоемъ густой слизи (Pr schlauch—первичный мѣшокъ Моля). При значительно нѣ слоя, Принтсгеймъ отличаетъ въ немъ два пласта: schicht—наружный, болѣе жидкій, безцвѣтный и 2) schicht—внутренній, заключающій въ себѣ зерна ля. Въ клѣткахъ водорослей часто бываетъ замѣтно быстрое вращеніе содержимаго, особенно ясно на гран зистаго слоя и жидкаго содержанія клѣтки. Въ этомъ нерѣдко участвуетъ и зерно.

(*) Sieb. und Köll Zeitschrift für wiss. Zool. T. 5, стр. 420.

Стоитъ только положить въ воду кусокъ мяса или, еще лучше, змочить нѣсколько земли, взятой изъ высохшей канавы, въ оторой прежде была вода богатая инфузоріями, чтобы чрезъ сколько времени получить настой богатый инфузоріями и ими растительными организмами. Для объясненія этаго кта принимали, что появляющіеся организмы образуются непосредственно изъ распадающихся растительныхъ и животныхъ ществъ. Въ послѣдствіи же оказалось, что вовсе не нужно нимать, для большей части случаевъ, добровольнаго зарожде-я и что гніющія органическія вещества не превращаются непосредственно въ организмы, но доставляютъ только обильную щу и матеріалы для развитія изъ внѣ попавшихъ, невидимыхъ остымъ глазомъ, зародышей. Зародыши эти плаваютъ въ воз-хѣ, уносимые вѣтромъ, вмѣстѣ съ пылью, съ мѣста гдѣ жи-животныя. Какъ странно не кажется съ перваго раза такаго да положеніе, однако нельзя сомнѣваться въ его существованіи, ю оно подтверждается несомнѣнными фактами. Гуанцати пер-ій открылъ, что нѣкоторыя инфузоріи, при недостаткѣ воды, ертываются въ шаръ и высачиваютъ вокругъ себя прозрачную олочку. Онъ видѣлъ въ этомъ—превращеніе животнаго въ іцо. Штейнъ, изслѣдовавшій этотъ процессъ подробнѣе, далъ му должное значеніе и назвалъ свернувшіяся въ шары инфузоріи истами. Въ новѣйшее время особенно занимался этимъ вопро-мъ Профессоръ Ценковскій. Онъ распространилъ изслѣдованія ои почти на всѣхъ инфузорій и открылъ цисты весьма мно-ихъ изъ нихъ. Касательно этаго предмета Профессоръ Ценков-ій сообщаетъ слѣдующія интересныя подробности (*): На под-онникѣ, въ которомъ постоянно находилась вода, онъ ставилъ ысокія подставки и на нихъ предметное стеклышко съ заклю-енными въ каплѣ воды инфузоріями. Чтобы препятствовать лишкомъ быстрому высыханію, все покрывалось опрокинутымъ аканомъ. Во влажномъ воздухѣ капля высыхала чрезвычайно едленно и такимъ образомъ, въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ, рофессоръ Ценковскій могъ слѣдить, чрезъ короткіе промежутки ремени, за всѣми измѣненіями одѣхъ и тѣхъ же формъ. Осо-ено удобными для изслѣдованія этаго оказались большія, лоскія, простымъ глазомъ ясно замѣтныя, формы.

Цисты имѣютъ совершенно такое же значеніе, какъ покою-ыяся крупинки питчатокъ и одноклѣтчатыхъ водорослей. Тѣ и ругія при высыханіи не умираютъ: попавши въ воду, воспро-изводятъ организмъ. Въ цистахъ Nassula ambigua Ehr., суще-

(*) См. Диссерт. Пр. Ценков. стр. VII—XII.

ныхъ въ продолженіи трехъ недѣль, и вновь облитыхъ водою, уже спустя 2¼ часа, замѣтно было вращательное движеніе содержимаго, а еще чрезъ 2 часа, въ разсматриваемой каплѣ двигались многіе экземпляры, освободившіеся изъ заключающихъ ихъ черепковъ. Изъ цистъ Stylonychia pustulata, Chlorogonium euchlorum, собранныхъ Проф. Ценковскимъ вмѣстѣ съ Chlamidococcus pluvialis и Philodina roseola въ Гельсингфорсѣ, въ 1853 г., онъ, при каждомъ смачиваніи водою, получалъ подвижныя формы помянутыхъ организмовъ. Это свойство противустоять дѣйствію засухи, рѣсничныя инфузоріи раздѣляютъ съ моллюсками, (*) кружалками, тардиградами и нѣкоторыми изъ внутренностныхъ (Anguilula).

Въ цистахъ рѣсничныхъ инфузорій, въ крупинкахъ одноклѣтчатыхъ водорослей и нитчатокъ, равно какъ въ сушеныхъ кружалкахъ (Philodina roseola), жизненные процессы тѣмъ позже возобновляются, при дѣйствіи воды, чѣмъ дольше продолжалось высушиваніе,—при равныхъ другихъ условіяхъ, легче весною и всего труднѣе въ зимнее время. Такимъ образомъ Philodina roseola, Chlamidococcus pluvialis, смоченныя водою, тотчасъ послѣ высыханія, первая ожила спустя 5 минутъ, второй пронзвелъ чрезъ нѣсколько часовъ подвижныя формы—сушеныя въ продолженіи 20 мѣсяцевъ требовали для этаго, первая—¾ часа, второй 1½ сутокъ.

Оживаніе сушеныхъ кружалокъ было уже подмѣчено отцемъ микроскопіи—Левенхокомъ. Подтвержденіе этихъ фактовъ опытомъ не представляетъ ни малѣйшихъ трудностей, и, не смотря на то, Эренбергъ почти до послѣдняго времени относилъ ихъ въ область фантазіи, объясняя ихъ самымъ невѣроятнымъ образомъ, пока наконецъ и самъ, въ 1849 году, не убѣдился въ ихъ справедливости (**).

Что происходитъ при этомъ высыханіи: прекращаются ли совершенно всѣ жизненные процессы, или обмѣнъ веществъ совершается съ чрезвычайной медленностію? Слѣдующіе факты, кажется, дѣлаютъ первое предположеніе очень вѣроятнымъ. Изъ изслѣдованій Дойера (***) (Doyère) видно, что кружалки послѣ 2[illegible] дневнаго высушиванія въ безвоздушномъ пространствѣ, и присутствіи $HOSO_3$ и CaCl, оживали при смачиваніи водою. Сушеныя въ сухомъ пескѣ, переносили температуру 56° R,

(*) Gascoin Observ. physiologiques sur Helix lactea An. d. sc. nat. 3-me T. XVIII, p. 63.

(**) Monatsberichte d. Preus. Akademie zu Berlin 1851. Decembr.

(***) A. v. Humboldt Ansichten d. Natur. 1849 T. II, p. 57,58.

› влажномъ умирали при +44° R. Тардиграды выносили даже
)° R. Воспроизводительныя клѣточки грибка o oidium aurantia-
um не теряютъ прорастительной способности отъ предвари-
ельнаго нагрѣванія въ воздухѣ до 78°, въ продолженіи ½ часа.
обранныя Проф. Ценковскимъ цисты: Nassula ambigua, Chloro-
onium euchlorum, Chlamidococcus pluvialis, вмѣстѣ съ Philodina
oseola, послѣ пребыванія въ продолженіи двухъ недѣль въ
свободномъ пространствѣ, въ присутствіи $HOSO_3$ и послѣ
агрѣванія въ сухомъ воздухѣ, въ продолженіи ¼ часа, до
)°—80° R, не умирали. Цисты Chlorogonium euchlorum произ-
ошли даже скорѣе подвижныя формы, нежели безъ нагрѣва-
я. Пробывши въ этой же температурѣ ¾ часа, всѣ, за исключе-
емъ Chlorogonium euchlorum, погибали, причемъ ткань под-
ергнутыхъ испытанію организмовъ, по видимому, не из-
ѣнялась.

Высушиваніе подъ колоколомъ воздушнаго насоса не устра-
ило, можетъ быть, возможности разрѣженному воздуху поддер-
ивать очень медленные жизненные процессы заключенныхъ
ъ немъ организмовъ. Для устраненія и этой возможности,
ушеныя цисты инфузорій и экземпляры Philodina roseola по-
ожены были въ стеклянныя трубки, на концахъ открытыя;
ерезъ нихъ пропускался въ продолженіи получаса водородъ,
редварительно высушенный концентрированною сѣрною кисло-
ою; во время его прохожденія, трубки были запаяны сначала на
одномъ, потомъ на другомъ концѣ. (*) Послѣ четырехъ недѣль
ынутыя изъ водородной атмосферы цисты Nassula ambigua,
hlamidococcus pluvialis, Chlorogonium euchlorum, будучи смо-
ены водою, произвели чрезъ 24 часа подвижныя формы. Chlo-
ogonium euchlorum и здѣсь оживлялся раньше другихъ. Phi-
odina roseola уже чрезъ 20 минутъ обнаружила явствен-
ыя движенія.

Въ пользу того мнѣнія, что въ низшихъ организмахъ мо-
утъ на неопредѣленное время прекращаться всѣ проявленія
изни, говорятъ еще наблюденія Дюмериля надъ дѣйствіемъ
онженія температуры на амфибій. Лягушка, заключенная въ
осудѣ съ воздухомъ при температурѣ—11°—12° показывала
ъ тѣлѣ своемъ температуру—0, 9, даже—1°. При этой тем-
ературѣ она были совершенно неподвижна; всѣ жидкости
ъ тѣлѣ замерзли; между pericardium и стѣнкою сердца находил-

(*) Эти опыты по просьбѣ Пр. Ценк. производилъ бывшій Проф. С.-Петербургскаго
ниверситета Ильенковъ.

мѣстахъ, гдѣ впослѣдствіи появляются новыя зерна, образуя не ясно окоптуированныя массы, болѣе плотныя въ центрѣ. По прошествіи нѣкотораго времени, дѣлается замѣтнымъ внутри ихъ круглое, ясно ограниченное тѣло, болѣе свѣтлое нежели остальная масса плазмы—вновь происшедшее зерно. Дѣйствуя на дѣлящуюся клѣтку весьма слабыми реактивами, Прингсгеймъ открылъ во всѣхъ случаяхъ, и при самомъ началѣ образованія складки первичнаго мѣшка, кольцеобразную вдающуюся оболочку.

Доказавъ присутствіе оболочки съ самаго начала образованія перехвата, Прингсгеймъ видѣлъ во всѣхъ этихъ случаяхъ вдающуюся круговую, сначала кольцеобразную, оболочку до того тонкою, что ему не удалось никакими средствами разъединить ее и увидѣть въ видѣ складки. Несмотря на это, однако, онъ разсматриваетъ ее, какъ складку вновь образовавшейся около всего дѣлящагося содержанія оболочки, основываясь на слѣдующій аномаліи развитія Cladophora fracta и glomerata (*). Во многихъ нитяхъ Cladophora, воспитываемой долгое время въ комнатѣ въ сосудѣ съ водою, образуется много вдающихся, нерѣдко одна въ другую вложенныхъ, круговыхъ складокъ оболочки. Складки эти весьма толстыя, и весьма ясно видны. Онѣ никогда не сходятся и не сливаются въ цѣльную перегородку, какъ это полагалъ Моль, но представляютъ остановившіяся на извѣстной степени развитія перегородки клѣтокъ, и, слѣдовательно, представляютъ случаи, который дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что и всѣ молодыя вдающіяся перегородки суть складки вновь образовавшейся оболочки.

У нѣкоторыхъ водорослей, напр. у Oscillatoria, какъ кажется, размноженіе дѣленіемъ можетъ продолжаться неопредѣленно долгое время, между тѣмъ какъ у Desmidiaceae (**); этотъ процессъ размноженія въ извѣстное время прекращается и замѣняется образованіемъ споръ.

Видоизмѣненный процессъ дѣленія, гдѣ отдѣлившаяся часть вовсе не похожа на остальную, представляютъ способы размноженія дѣленіемъ Podophrya fixa. Эту форму Профес. Ценковскій нашелъ въ большемъ количествѣ въ пастоѣ, гдѣ жили рои Stylonychia pustulata и Styl. mytilus (***). «Почти каждый экземпляръ Стилонихіи обремененъ былъ впившеюся въ него одною или нѣсколькими Подофріями. Отъ этаго, движеніе

(*) Pringsheim Untersuchungen über den Bau und die Bildung der Pflanzenzelle стр. 26.

(**) См. Ralfs the Britan. Desmidieae.

(***) Диссерт. о инсп. водорос. и т. д. Пр. Ценковскаго стр. 59.

ла, въ которой открывался узкій каналъ, идущій насквозь тѣла животнаго и оканчивающійся къ наружи воронкообразнымъ расширеніемъ. Конъ видѣлъ, что зародышныя шары переходятъ изъ полости тѣла животнаго въ выводящей каналъ, и видѣлъ ихъ медленное движеніе по каналу и наконецъ выхожденіе наружу. Во время прохожденія ихъ, каналъ разширялся, сдавливая однако притомъ и шаръ, который выходилъ наружу въ видѣ продолговатаго узкаго тѣла. Такъ какъ отъ момента вхожденія въ выходящій каналъ зародышнаго шара до окончательнаго освобожденія его наружу проходило около 20 минутъ, то Кону часто удавалось наблюдать животныхъ съ зародышами вполовину только вышедшими къ наружи. Приходя въ прикосновеніе съ водою зародышъ начиналъ обнаруживать по всей свободной поверхности своего тѣла мерцательное движеніе. Совершенно выйдя къ наружи онъ оставался еще нѣсколько времени неподвижно прикрѣпленнымъ къ тѣлу матери, наконецъ отрывался и быстро начиналъ двигаться въ водѣ. Зародыши имѣли форму округленнаго, сплюснутаго на обоихъ концахъ, цилиндра, иногда въ срединѣ нѣсколько перетянутаго и похожаго формою тогда на бисквитъ. Длина зародыша простиралась отъ $^1/_{125}$ до $^1/_{70}$‴, а ширина отъ $^1/_{200}$ до $^1/_{160}$‴. Они были безцвѣтны, мелкозернисты и характеризовались двумя сокращающимся пространствами. На поверхности ихъ часто видны были маленькіе лучи, оканчивающіеся надутіемъ въ видѣ пуговицы, похожіе на нити слизи, сперва вытянувшіяся, а потомъ слившіяся опять на концахъ въ надутія. Зародыши производили всею поверхностію своего тѣла мерцательныя движенія и потому двигались совершенно по произволу, какъ вполнѣ развитыя инфузоріи. Убитые Jo они обнаруживали длинныя рѣснички по всей поверхности своего тѣла. Зерна въ нихъ Конъ не нашелъ; отверстія рта какъ онъ полагаетъ у нихъ небыло. Зародыши до того отличались формою своего тѣла отъ организма матери, что, незная ихъ исторіи развитія, никогда нельзя былобы догадаться о ихъ происхожденіи. Конъ никогда не видѣлъ ихъ зелеными, въ противуположность наблюденіямъ Фоке. Они, напротивъ того напоминали собою инфузорій изъ совершенно другихъ семействъ. Принимая ихъ за самостоятельные организмы можно былобы ихъ поставить между Cyclidina Эренберга и между Enchelicns Дюжардэна. По выхожденіи одного зародышнаго шара, тотчасъ же вступалъ другой въ выводящій каналъ и чрезъ короткое время такимъ же точнымъ образомъ выходилъ въ воду. Эластическая полость тѣла, заключавшая зародыши, по выходѣ ихъ немедленно стягивалась, и

Охватывая невышедшіе еще зародышные шары. По этому Конъ предполагаетъ, что тамъ, гдѣ онъ встрѣчалъ только или 2 шара, образовалось сперва нѣсколько шаровъ, которые вышли уже передъ тѣмъ, какъ онъ началъ наблюдать инфузорію. часто наблюдалъ онъ также, что зародыши, проходя чрезъ выводящій каналъ, не принимали формы сплюснутаго цилиндра, а сохраняли шарообразную форму. Освободившіеся шары эти имѣли до $^1/_{50}$''' въ діаметрѣ; по всей поверхности тѣла были покрыты рѣсничками и отростками, имѣли по мѣра сокращающихся пространства, какъ и продолговатые, но, по большей части, оставались неподвижными и по выхожденіи. Выхожденіе, по Кону, происходитъ не изъ одной опредѣленной точки, а изъ различныхъ сторонъ тѣла животнаго, обыкновенно изъ лѣвой стороны, тотчасъ подъ нижнею выпуклостію заднепроходнаго отверстія, изъ нижней стороны лѣваго и праваго края, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и изъ верхняго. Однажды онъ наблюдалъ выхожденіе двухъ зародышей одновременно изъ двухъ различныхъ мѣстъ, на лѣвомъ краю животнаго. Дальнѣйшая судьба подвижныхъ зародышей неизвѣстна. Во время выхожденія зародышей, сокращающіеся пузырьки организма матери непрестанно продолжали сокращаться; напротивъ того, вращеніе всего содержимаго въ тѣлѣ животнаго совершенно прекращалось, до выхожденія послѣдняго зародышнаго шара. По его выхожденіи, тотчасъ же начиналось снова круговращеніе содержимаго, съ большею силою еще, чѣмъ прежде, какъ казалось Кону. Во время дѣленія, вращеніе содержимаго инфузоріи также прекращалось. Организмъ матери, по временамъ пребывавшій совершенно спокойнымъ, безъ движенія, или только весьма медленно двигавшійся во время выхожденія зародышей; по освобожденіи изъ всѣхъ зародышей, обнаруживалъ опять такуюже быстроту въ плаваніи. Размноженіе посредствомъ зародышей появлялось въ одно и тоже время съ уродливостію формъ животныхъ, дѣлящихся по длинѣ и поперегъ, равно какъ и съ простымъ дѣленіемъ. Далѣе онъ нѣсколько разъ находилъ, что одна изъ половинокъ дѣлящагося животнаго содержала большое число зародышныхъ шаровъ и даже инфузорія дѣлилась во время выхожденія заключенныхъ въ ней подвижныхъ зародышей. Хотя наблюдаемые Конomъ и Фоке факты весьма сходны, однако они приводятъ къ двумъ различнымъ заключеніямъ. Фоке сообщаетъ, что подвижные зародыши не только формою, но и цвѣтомъ совершенно сходны съ организмомъ матери. Онъ видѣлъ въ этомъ фактѣ размноженіе посредствомъ живыхъ дѣтенышей.

По наблюденіямъ же Кона, подвижные зародыши вовсе хожи на мать, слѣдовательно, наблюденія его показь существованіе въ инфузоріяхъ періодичности поколѣній распространенной въ другихъ классахъ животныхъ. Фоке того принимаетъ, что подвижные зародыши развиваю nucleus и изъ nucleus'a. По наблюденіямъ же Кона, nuc участвуетъ въ образованіи подвижныхъ зародышей.

Подвижные зародыши были еще подмѣчены въ Ацин Штейнъ, первый наблюдавшій образованіе и выхождені полагалъ, что они превращаются не въ Acineta, а въ Vor и что послѣдняя, въ свою очередь, превращается опя Acineta. Въ этомъ Штейнъ видѣлъ плодосмѣнность лѣній.

Проф. Ценковскій, положивъ себѣ задачею провѣрить Штейна, нѣсколько разъ слѣдилъ за быстрыми движеніями дыша Acineta до его пріостановленія, чтобы непосредс убѣдиться въ его превращеніи въ Vorticella. Для этой цѣ выбралъ нѣсколько большихъ Ацинетъ съ вращающимися дышами. «Послѣ 4 часовъ, быстрота движеній наблюдаемы родыша замѣтно уменьшилась, они сдѣлались болѣе содрог ными, и по временамъ только возвращались быстрые пр Наконецъ зародышъ остановился, его форма сдѣлалась кру а на поверхности его появились, въ равныхъ разстояніяхъ отъ друга, короткіе, толстые лучи, которые вскорѣ въ лись въ tentacula: однимъ словомъ образовалась Ac И такъ, о превращеніи подвижныхъ зародышей Ацинет льзя имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія. Конечно эти набл не уничтожаютъ возможности превращенія подвижныхъ дышей Acineta въ Vorticella, и цистъ послѣднихъ въ Acinet поле возможности обширно; все возможно, что только под ляется фактами.»

Наблюденія Проф. Ценковскаго подтверждены были Ла помъ и Клапаредомъ (*), а ученіе Штейна опровергнуто.

По наблюденіямъ Лахмана и Клапареда, прослѣдив этотъ способъ размноженія не только у Acineta, но и у друг животныхъ, nucleus играетъ важную роль при образов подвижныхъ зародышей.

Участь и дальнѣйшее развитіе подвижныхъ зародышей большей части вовсе неизвѣстны.

Подобныя явленія можно легко наблюдать и въ водорос Первый наблюдавшій ихъ былъ Унгеръ. Онъ видѣлъ, чт

(*) Lachman: Ueber die Organ. der Infus. стр. 386 и слѣд.

концахъ развѣтвленій клѣтки Vaucheria содержаніе мало по малу густѣетъ и дѣлается непрозрачнымъ. Чрезъ нѣсколько времени оно отгораживается перегородкою отъ остальной полости клѣтки. Въ черной отгородившейся массѣ начинаетъ обнаруживаться движеніе; оболочка, ее окружающая, лопается и, чрезъ образовавшееся отверстіе, густая масса выливается наружу. Въ самый моментъ выхожденія, она принимаетъ шарообразную форму. По всей поверхности ея появляются рѣснички. Освободившись наружу, густая зеленая масса начинаетъ двигаться и, вращаясь, перекатывается съ одной стороны на другую. Послѣ нѣсколькихъ часовъ движенія, она останавливается; рѣснички ея исчезаютъ. На шарѣ показывается выпуклина, которая, удлинялась, мало по малу выростаетъ въ новую нить Vaucheria. Пораженный сходствомъ движенія этаго шара съ движеніемъ инфузоріи, Унгеръ видѣлъ въ этомъ явленіи: Die Pflanze im Moment der Thierwerdung. Движущійся шаръ называютъ подвижною крупинкою. Между тѣмъ какъ въ Vaucheria только отгородившаяся часть содержанія клѣтки превращается въ большую, подвижную крупинку, у другихъ водорослей все содержаніе клѣтки распадается на множество мелкихъ подвижныхъ крупинокъ. Крупинки эти не покрыты рѣсничками по всей поверхности, но снабжены одною, двумя или четырьмя и болѣе рѣсничками. Рѣснички эти прикрѣплены на прозрачномъ концѣ. Число ихъ бываетъ у различныхъ родовъ различно. Thuret нашелъ двѣ рѣсницы у Conferva glomerata, четыре у Chaetophora elegans и цѣлый вѣнчикъ у Oedogonium.

Многія подвижныя клѣтки водорослей имѣютъ одно или нѣсколько красныхъ пятенъ, принимаемыхъ Эренбергомъ за глаза этихъ организмовъ, которыхъ онъ считалъ животными. Форма подвижныхъ клѣтокъ, не такъ какъ полагали прежде, совершенно неподвижная, но напротивъ того весьма измѣнчивая; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только наблюдать выхожденіе ихъ изъ материнской клѣтки, гдѣ отверстіе, сквозь которое онѣ должны пройти, весьма узко. Стараясь пролѣзть сквозь него, подвижная крупинка вытягивается въ тонкій весьма отростъ. Въ выдавшуюся наружи изъ отверстія часть ея, мало по малу переливается все содержаніе клѣтки. Иногда, не смотря на всѣ усилія подвижной крупинки, ей не удается выдти совершенно наружу. Тогда часть ея, выпятившаяся уже изъ клѣтки, отрывается, на ней появляются рѣснички и она плаваетъ самостоятельно, какъ и самая подвижная крупинка.

Видоизмѣненіе описаннаго способа размноженія посредствомъ подвижныхъ крупинокъ представляетъ Pediastrum —

въ этомъ организмѣ выходитъ разомъ цѣлая семья подвижныхъ крупинокъ, окруженныхъ общею прозрачною оболочкою. Растеніе это, описанное Эренбергомъ подъ названіемъ Micrasterias, представляетъ семейство, состоящее изъ 4, 8, 16, 32 или 64 клѣтокъ, расположенныхъ въ одной плоскости въ видѣ диска, или соединенныхъ между собою на подобіе звѣзды. По наблюденіямъ Брауна, содержаніе клѣтокъ Pediastrum granulatum распадается на 4, 8, 16—32 споры, которыя, по разрываніи клѣтки, выходятъ изъ нее, окруженныя общею всѣмъ прозрачною нѣжною оболочкою. Послѣ кратковременнаго быстраго движенія, онѣ останавливаются и, групируясь въ одной плоскости въ видѣ звѣзды, срастаются. Нѣжная окружавшая ихъ оболочка исчезаетъ, вѣроятно растворяясь въ жидкости. Движеніе и расположеніе подвижныхъ клѣтокъ въ извѣстномъ порядкѣ у Pediastrum вполнѣ соотвѣтствуетъ интересному способу размноженія Hydrodictyon pentagonum. Здѣсь также приходятъ въ движеніе, хотя и не столь быстро, образовавшіяся въ клѣткѣ споры; послѣ получасоваго движенія внутри материнской клѣтки, они концами своими прилегаютъ другъ къ другу, перестаютъ двигаться и, срастаясь, соединяются въ новую сѣть. Оболочка материнской клѣтки мало по малу растворяется и вновь происшедшая сѣтка вскорѣ достигаетъ совершеннаго развитія. Чрезъ три недѣли образуютъ въ ней опять новыя споры, также сгруппировывающіяся въ сѣтку.

Въ Gonium и Volvox также образуется цѣлая семья подвижныхъ клѣтокъ, соединяющихся впослѣдствіи между собою, какъ соотвѣтствующія части организма матери.

Описанныя ниже подвижныя формы Chlorogonium, Chlamidococcus, Chlamidomonas и Euglena соотвѣтствуютъ подвижнымъ крупинкамъ нитчатокъ. Остановившись, онѣ теряютъ также рѣснички и высачиваютъ вокругъ себя прозрачную оболочку. Представляя въ продолженіи всей жизни своей одну шаровидную клѣтку, они переходятъ въ подвижныя формы, дѣленіемъ содержанія формы неподвижной. Стѣнка материнской клѣтки мало по малу вытягивается на одномъ концѣ, наконецъ лопается и, чрезъ образовавшіяся отверстія, молодыя подвижныя крупинки одна за другою выскальзываютъ въ воду.

Этотъ способъ размноженія составляетъ, въ новѣйшее время по изслѣдованіямъ Проф. Ценковскаго, цѣлый циклъ развитія Monas.

Наблюдая Spirogyra, онъ видѣлъ, какъ монады прикрѣплялись въ большомъ числѣ на наружной поверхности ея и, мало по малу пробуравивъ стѣнку, чрезъ нѣсколько вре[illegible]

тръ членика. Передвигаясь въ членикѣ, они мало по малу плывались, контуры ихъ становились неясно ограниченны- превратившись въ Amoeba, они двигались посредствомъ вы- кныхъ отроговъ. По прошествіи нѣкотораго времени форма ла ихъ опять превращалась въ круглую, ясно очерченную; на- цецъ они останавливались и, высачивъ на поверхность свою зрачную оболочку, превращались въ неподвижные шары, плющіеся особенно вдоль стѣнокъ клѣтокъ. Шары эти уве- ивались въ объемѣ и, достигнувъ извѣстной величины, пуска- маленькіе отроги, которые и пробивали стѣнку клѣтки. На ружномъ концѣ отроги эти лопались и, сквозь образовавшіяся ерстія, выскакивали во множествѣ маленькія монады. Онѣ, по- нѣкотораго времени движенія, также прикрѣплялись къ дру- мъ членикамъ Spirogyra и съ ними происходили такіяже пере- ды.

Третій способъ размноженія Copulatio или Zygosa—состоитъ инфузоріи въ томъ, что въ двухъ недѣлимыхъ коснувшихъ другъ друга, стѣнки прикосновенія сливаются и оба недѣлимыя диняются, производя тѣло бисквитной формы, которая по- ходитъ при дальнѣйшемъ слитіи въ шаровидную. Бисквитныя рмы были извѣстны и прежнимъ наблюдателямъ, но принимались за размножающихся дѣленіемъ инфузоріи. Эти наблюде- подтверждены были Зибольдтомъ и Штейномъ. Copulatio въ t. Eichornii чрезвычайно (*) легко видѣть, если на предметное клышко въ каплю воды положить нѣсколько экземпляровъ ихъ организмовъ и лоскуткомъ бумажки привести ихъ въ при- новеніе. Еще вѣрнѣе удается опытъ, если съ каждаго экземп- ра, которые желаемъ соединить, отдѣлимъ иголкою сегментъ ла, и такимъ образомъ обнаженные края двухъ недѣлимыхъ низимъ до прикосновенія. Иногда уже чрезъ 8 минутъ перего- ка исчезаетъ. Пузыри сталкивающихся краевъ въ глазахъ блюдателя сливаются другъ съ другомъ, образуя общую обо- ъ животнымъ свѣтлую поперечную полосу. Она посте- нно принимаетъ цвѣтъ раздѣленныхъ ею темныхъ частей, бисквитная форма окружности медленно переходитъ въ овально и потомъ наконецъ въ шаровидную. Такой, изъ соединенія хъ происшедшій, экземпляръ Проф. Цеповскій соединилъ 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ и получилъ такимъ образомъ Actinophrys horniі огромныхъ размѣровъ. Соединеніе многихъ недѣли-

(*) См. Диссер. Проф. Цеповскаго.

мыхъ въ одно, происходитъ и естественнымъ путемъ; когда въ настояхъ находится множество недѣлимыхъ, то нерѣдко попадаются группы по 2—3—4 и болѣе не вполнѣ соединенныхъ животныхъ. Лучи касающихся экземпляровъ перекрещиваются, сближенныя слизистыя поверхности отдѣльныхъ организмовъ сливаются въ одну массу. При разрѣзываніи экземпляровъ на части, каждая округляется подъ глазами наблюдателя, наружные пузыри свѣтлѣютъ, вытягиваются въ лучи и такимъ образомъ каждая, искусственнымъ образомъ отдѣленная частичка, превращается въ полный организмъ. Экземпляръ, полученный изъ слитія пяти, оставленныхъ на предметномъ стекольшкѣ, въ каплѣ воды, 12 часовъ спустя представлялъ вновь 3-хъ недѣлимыхъ, соединенныхъ свѣтлымъ веществомъ, которое протянуто было между ними въ видѣ тоненькой пузыристой полосы; одно изъ недѣлимыхъ отдѣлилось совершенно, два другія вновь слились.

Оставленные въ другой каплѣ шаровидные экземпляры получили бисквитную форму; по длинѣ короткой оси, однообразная, густая, пѣнистая слизь замѣнилась свѣтлыми прозрачными пузырями; наружный перехватъ, врѣзываясь глубже, раздѣлилъ упомянутую свѣтлую полосу на двѣ части, изъ которыхъ каждая составляла наружное свѣтлое ограниченіе одного новаго животнаго. Слѣдовательно перегородка, разграничивая будущихъ двухъ животныхъ, въ началѣ не представляла касающихся стѣнокъ глубоко врѣзаннаго перехвата, но произошла независимо отъ послѣдняго изъ массы тѣла животнаго. Такимъ образомъ дѣленіе совершается совокупнымъ участіемъ перехвата и распаденіемъ содержимаго на двѣ партіи. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что бисквитныя формы не всегда показываютъ дѣленіе, какъ полагалъ Эренбергъ, и не всегда составляютъ признакъ копуляціи недѣлимыхъ, а могутъ обозначать и то и другое.—Имѣетъ ли слитіе двухъ и большаго числа недѣлимыхъ въ одно значеніе воспроизводительнаго процесса, должна рѣшить исторія развитія. «Впрочемъ то обстоятельство, что слитые экземпляры опять распадаются на нѣсколько недѣлимыхъ, заставляетъ полагать, что copulatio не имѣетъ здѣсь связи съ образованіемъ воспроизводительныхъ клѣточекъ.»

Нѣсколько иначе обнаруживается Copulatio у водорослей. Изъ нитчатокъ, его можно часто наблюдать у Zygnema. Нити ея располагаются параллельно или зигзагами, и, сблизившись, пускаютъ отъ себя, изъ соотвѣтственныхъ клѣтокъ, тупые отроги. Отроги двухъ близлежащихъ нитей сталкиваются, перегородка между ними уничтожается, содержаніе одной изъ двухъ соединяющихся клѣтокъ переливается чрезъ образовавшійся

ивается съ ея содержаніемъ, или же содержанія обѣихъ
ъкъ сливаются въ самомъ каналѣ въ одну шарообразную
. Слившіяся содержанія клѣтокъ одѣваются клѣтчатою
lose) оболочкою и превращаются въ спору. Моренъ
лъ Copulatio у Desmidiaceae напр. въ Closterium, которое
сходитъ у однихъ видовъ совершенно такъ какъ у предъ-
ихъ, у другихъ же оболочки двухъ близлежащихъ пе-
ыхъ разрываются поперегъ, содержанія обѣихъ клѣтокъ
заются наружу и сливаются въ одинъ или два, другъ надъ
мъ лежащихъ, шара; въ послѣднемъ случаѣ каждый изъ
ъ образуется чрезъ слияніе содержимаго двухъ соотвѣтству-
ъ половинокъ обоихъ недѣлимыхъ (*). Нѣсколько видо-
ненную Copulatio открылъ Thwaithes у Diatomaceae въ
ia turgida и Epithemia gibba. Два другъ къ другу прибли-
яся недѣлимыя, растрескиваются по срединѣ, по направле-
ишнаго діаметра, изъ трещинъ обоихъ появляются четыре
а расположенныхъ попарно, одинъ противъ другаго.
ѣтствующіе отроги сливаются въ два, другъ надъ другомъ
діе, шара, которые заключаютъ въ себѣ содержаніе обѣихъ
имыхъ; оба шара удлиняются мало помалу въ два поперегъ
ихъ цилиндрическихъ тѣла; нѣжная окружающая ихъ
чка утолщается; они становятся угловатыми и принимаютъ
/ двухъ поперегъ бороздчатыхъ Diatomaceae, которыя
ю больше и длиннѣе нежели имъ предшествовавшія (**).
оцессъ Copulatio весьма загадоченъ; такъ какъ отъ Copulatio
лѣтчатыхъ водорослей образуется обыкновенно два, а иног-
ько одно недѣлимое, то и Copulatio имѣетъ слѣдствіемъ не
оженіе недѣлимыхъ, но, напротивъ того, уменьшеніе числа
Такъ какъ у большой части копулирующихъ водорослей не
и еще прорастанія образовавшейся при Copulatio массы,
роятно, что образующіеся шары будутъ не споры, а только
нгіи т. е. клѣтки, въ которыхъ впослѣдствіи разовьется
ество воспроизводительныхъ клѣтокъ.
мѣ трехъ приведенныхъ, общихъ инфузоріямъ и водорос-
способовъ размноженія, извѣстны еще нѣсколько своеобраз-
исключительно только нѣкоторымъ инфузоріямъ или нѣ-
ымъ водорослямъ. Къ этой категоріи относится размноже-
очками Vorticella, мало извѣстный еще способъ размноже-
orticella nebulifera и Nassula viridis и размноженіе посред-
ъ половыхъ отношеній у нѣкоторыхъ водорослей.

. Ehr. T. V и VI и Tab. XXIV до XXX.
м. Annals of natural history XX, 9. 363.

Размноженіе почками замѣчено теперь только у Vorticella и Acineta. Почки появляются на границѣ тѣла животнаго и стебелька, въ видѣ борадавчатыхъ отростковъ. Разрастаясь, отростки получаютъ яйцевидную форму; спереди вокругъ рта и сзади развивается по кругу рѣсничекъ. Достигнувъ полнаго развитія, почки отрываются отъ организма матери и плаваютъ помощію задняго круга рѣсничекъ. Чрезъ нѣсколько времени останавливаются и пускаютъ отростокъ, выростающій въ стебелекъ; заднiй кругъ рѣсничекъ въ это время исчезаетъ. По причинѣ малой величины животнаго, можно только наблюдать то, что они вырастаютъ въ организмы, похожіе на мать. О процессахъ же происходящихъ внутри ихъ, до сихъ поръ ничего неизвѣстно.

Мало изслѣдованный и наблюдаемой только Штейномъ въ Vorticella miclostoma и nebulifera (*) и Проф. Ценковскимъ въ Nassula viridis (**) способъ размноженія состоитъ въ слѣдующемъ: животное останавливается, высачиваетъ около себя прозрачную оболочку и превращается въ неподвижный шаръ — такъ называемую цисту. Тѣло животнаго превращается внутри оболочки въ однообразную массу, въ которой нельзя отличить никакихъ органовъ. Чрезъ нѣсколько времени однако, появляются въ немъ большія, ясно очерченныя, тѣла, можетъ быть увеличившіеся части nucleus'a, которыя впослѣдствіи пускаютъ отростки, пробивающіе цисту и выходящіе наружу. Наконецъ отростки эти лопаются и чрезъ образовавшіяся отверстія высыпаетъ наружу множество маленькихъ монадовидныхъ тѣлъ, дальнѣйшая участь которыхъ еще неизвѣстна.

Половыя отправленія въ водорослях найдены теперь только у весьма немногихъ именно: у Vaucheria, Oedogonium, Bulbochoete и Sphaeroplaea annulina и еще у переходной формы Volvox. Оно обусловливается развитіемъ двухъ родовъ клѣтокъ: въ первыхъ образуются большія неподвижныя споры, во вторыхъ маленькія тѣла, подвижныя, освобождающіяся изъ клѣтокъ, въ которыхъ они произошли, въ то самое время когда лопается клѣтка, заключающая большія споры. Подвижныя тѣла (Samenkörper) входятъ въ отверстіе лопнувшей клѣтки, проникаютъ въ большой споры и сливаются вскорѣ съ нею въ одну общую массу. Вслѣдствіе этаго сліянія на споръ высачивается оболочка, которая становится со временемъ болѣе и болѣе крѣпкою; въ этомъ видѣ большая спора представляетъ неподвижную круглую вполнѣ развитую.

(*) См. Sieb und Köll. 14 pg. 301.

(**) См. Bulletin de l'Académie de St. Petersbourg. 1855 pg. 207.

Основываясь на предъидущемъ мы можемъ теперь опредѣ-
ть соотношеніе разсмотрѣнныхъ нами группъ: инфузоріи, пе-
ходныхъ формъ и водорослей, или, другими словами, указать
степень сходства между низшими представителями обѣихъ
рствъ.

Съ одной стороны мы видѣли, что существеннымъ составнымъ
стямъ тѣла инфузоріи найдены соотвѣтствующія и въ водо-
сляхъ. Аналогія строенія высказалась всего яснѣе между
движными крупинками водорослей и монадами, и чрезъ нихъ, и
строеніи инфузоріи и многоклѣтчатыхъ водорослей, ибо под-
жныя крупинки происходятъ чрезъ непосредственное дѣленіе
держанія клѣтокъ водорослей; а монады организаціей своей
ходятъ инфузоріямъ.

Исторія развитія монадъ, на сколько она намъ теперь извѣстна,
того сходна съ развитіемъ Protoccocus, что мы, наблюдая его,
гли бы съ равнымъ правомъ описать его за одноклѣтчатую
доросль или монаду, смотря потому, начнемъ ли мы слѣдить
развитіемъ подвижной его формы, принимаемой прежде за
наду, или неподвижной, описываемой прежде за неподвиж-
й одноклѣтчатый растительный организмъ. Неподвижные
ры монады нельзя не признать ея цистами, если принять ее за
фузорію. Неподвожныя формы Protoccocus'a нельзя не при-
ть за покоющіяся крупинки, если разсматривать его какъ ра-
тельный организмъ. Проводя далѣе тождественность неподвиж-
хъ шаровъ монады съ покоющимися крупинками Protoccocus,
ходимо признать соотвѣтственность цистъ инфузоріи съ по-
щимися крупинками водорослей.

Съ другой стороны признаки, заимствованные разными уче-
ми для разграниченія инфузоріи отъ водорослей, оказались не-
таточными. Разберемъ здѣсь отдѣльно каждый изъ важнѣй-
хъ признаковъ.

1) Произвольное движеніе. Его нельзя принять за характери-
ческій признакъ животнаго организма, ибо мы видѣли
и подвижныя крупинки водорослей также двигаются
стное время, какъ и инфузоріи. Многіе наблюдатели
ерждаютъ, что хотя движеніе подвижныхъ крупинокъ расте-
и сходно съ движеніемъ инфузоріи, но не тождественно, и
только при поверхностномъ наблюденіи, движенія тѣхъ и
тихъ кажутся тождественными. При этомъ, не представляя
бенныхъ научныхъ доказательствъ, они руководствуются,
называемымъ, тактомъ наблюдателя. Чѣмъ же руководство-
ся, если изъ наблюдателей пользующихся авторитетомъ въ
, и слѣдовательно тщательно изучившихъ низшіе организ-

Размноженіе почка
Acineta. Почки появл
ка, въ видѣ борадавч
получаютъ яйцевидну
вивается по кругу рѣс
ки отрываются отъ
задняго круга рѣснич
ваются и пускаютъ о
ній кругъ рѣсничекъ в
величины животнаго,
растаютъ въ организм
происходящихъ внутри

Мало изслѣдованный
Vorticella miclostoma и
Nassula viridis (**) спо
щемъ: животное остан
зрачную оболочку и п
такъ называемую цисту
оболочки въ однообраз
никакихъ органовъ. Чре
ся въ немъ большія, ясно
чившіеся части nucleus'
ростки, пробивающіе ц
отростки эти лопаются и
кивастъ наружу множес
дальнѣйшая участь котор

Половыя отправленія
у весьма немногихъ им
choete и Sphaeroplaea ann
Оно обусловливается раз
выхъ образуются больш
маленькія тѣла, подвижн
которыхъ они произошли,
клѣтка, заключающая бол
körper) входятъ въ отвер
большой споры и сливаютс
Вслѣдствіе этаго сліянія
рая становится со времен
видѣ большая спора пре
вполнѣ развитую.

(*) См. Sieb und Köll. 14 pg. 301.
(**) См. Bulletin de l'Académie d

ндныхъ рѣсницъ, которыя служатъ имъ
ъ. Съ тѣхъ поръ однако, какъ открыты
льныя клѣтки, съ 1-мъ, 2-мя, 4-мя или
рѣсничекъ, или даже покрытыя ими по
ла, и этотъ признакъ потерялъ свое зна-

равнительной Анатоміи своей, принимаетъ
ной ткани и несокращаемость растите-
ку животной или растительной природы
шее время открыли слабую сокращаемость
пинкахъ Chlamidoccocus, такъ что и этотъ
носительнымъ и свойственнымъ обоимъ

я нѣкоторые естествоиспытатели искали
ми и растеніями въ томъ, что животныя
ствами органическими, растенія же стро-
ганическихъ веществъ. Но это доказано
ганизмовъ, на низшіе же мы не можемъ,
носить цѣликомъ признаковъ высшихъ
принимать такой грани между живот-
правѣ. Наконецъ, существованіе огром-
хъ явно-брачныхъ паразитовъ, которые
въ ткань другихъ растеній, такъ что
сливаются даже съ сосудами организма
ъ, ясно доказываетъ неосновательность

точны, потому что тѣ изъ нихъ,
ключительно одному только царству,
мой принадлежности всѣхъ его пред-
асти ихъ, напр. нервная система,
ихъ. Другіе же, хотя и составляютъ
нителей котораго нибудь царства, но
я и у такихъ организмовъ, которые по
накамъ обнаруживаютъ полную ана-
ругаго царства и, слѣдовательно, одни
ками переходными, другіе частными.
ризнаковъ не возможно провести ру-
твами; ибо если будемъ брать въ со-
ъ нихъ, то грань пала будетъ про-
вотнаго и растенія будетъ въ этомъ
рирода самаго организма, но присут-
шнаго нами признака. Руководствуясь
ихъ признаковъ, мы не будемъ въ со-

chen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwickelung des Menschengeschlechts» (О различіи строя человѣческихъ языковъ и его вліяніи на духовное развитіе человѣческаго рода), служащему введеніемъ къ его изслѣдованію о языкѣ Кави. Впрочемъ, Гаймъ не всегда вѣрно понимаетъ и истолковываетъ идеи Гумбольдта. Берлинскій ученый Штейнталь (Wissenschaftliche Beilage der Leipziger Zeitung, 1856, NN 94, 95), разбирая книгу Гайма и отдавая справедливость его достоинствамъ, замѣчаетъ нѣкоторыя его погрѣшности. Не рѣшаясь критиковать Гумбольдта, Гаймъ не вполнѣ оцѣниваетъ его заслуги и не замѣчаетъ его недостатковъ.

На этомъ основаніи мы для изложенія филологической теоріи Гумбольдта руководствовались сочиненіемъ Штейнталя: «Sprachwissenschaft Wilhelm von Humboldts und Hegelsche Philosophie (Языковѣденіе Вильгельма Гумбольдта и философія Гегеля.) Первая глава Штейнталя посвящена сравненію философскаго метода Гумбольдта съ методомъ Гегеля; послѣднія двѣ заняты исключительно знаменитымъ твореніемъ Гумбольдта, разсматривающимъ вліяніе языка на духовное развитіе человѣка.

Біографія В. Гумбольдта.

I.

Родители Вильгельма.—Его воспитаніе.—Университетскій курсъ.—Якови.—Дружба съ Форстеромъ.—Поѣздка въ Парижъ и Швейцарію.—Лафатеръ.—Переворотъ въ Берлинѣ.—Служебная дѣятельность В. Г.—Его отставка и женитьба.—Дальбергъ.—Первое политическое сочиненіе В. Г.—Занятія древней филологіею.—Знакомство съ Шиллеромъ.—Дѣятельность В. Г. во время пребыванія въ Іенѣ.—Отъѣздъ въ Берлинъ.—Вторичное пребываніе В. Г. въ Іенѣ.—Сближеніе съ Гете.—Рецензія «Германа и Доротеи».—Смерть матери В. Г.—Путешествіе по Европѣ.—Пребываніе въ Парижѣ.—Поѣздка въ Испанію.—Возвращеніе В. Г. въ Берлинъ и назначеніе его посланникомъ въ Римъ.

Во второй половинѣ XVIII столѣтія начинаетъ преобладать въ германской наукѣ критическій элементъ, внесенный Кантомъ и Лессингомъ; впрочемъ, подавляя суевѣріе и предразсудки среднихъ вѣковъ, критика ума не исключаетъ еще вѣры, не доводитъ до скептицизма и безвѣрія. Литература того времени, имѣетъ реальное, практическое направленіе; интересы науки тѣсно связываются съ современными, государственными интересами. Ученые не ограничиваются отвлеченными, кабинетными занятіями, но распространяютъ дѣятельность свою на рѣшеніе общественныхъ и политическихъ вопросовъ. Словомъ, еще не установлено рѣзкихъ границъ между наукою и практическою жизнію. Центромъ умственнаго движенія, представителемъ германской цивилизаціи является въ это время Берлинъ.

Въ эту замѣчательную эпоху, 1767 года, 22 Іюня, родился въ Потсдамѣ Карлъ Вильгелмъ фонъ Гумбольдтъ. Отецъ его, маіоръ Кюнигергеръ Александръ Георгъ фонъ Гумбольдтъ, былъ родомъ изъ старинной и богатой Померанской фамиліи, служилъ въ военной службѣ во время Семилѣтней войны и пользовался расположеніемъ Прусскаго наслѣднаго принца, будущаго короля Фридриха Вильгельма II. Маіоръ Гумбольдтъ былъ женатъ на дочери барона фонъ Гольведе, урожденной фонъ Коломбъ. Родители Вильгельма жили большею частію въ Берлинѣ и въ помѣстномъ Тегелѣ, расположенномъ въ трехъ миляхъ отъ сто-

лицы, въ прекрасной и живописной мѣстности на берегу рѣки Гавеля. Здѣсь провели свои младенческіе годы два знаменитые брата Карлъ Вильгельмъ и Фридрихъ Генрихъ Александръ фонъ Гумбольдты.

Первымъ наставникомъ ихъ былъ Іоакимъ Кампе, имѣвшій впрочемъ мало вліянія и оставившій домъ ихъ около 1775 года.

Въ 1779 году умеръ старый маіоръ и всѣ заботы воспитанія пали на мать, женщину слабую и болѣзненную; впрочемъ она нашла себѣ достойнаго помощника въ молодомъ педагогѣ Кунте, замѣнившемъ Кампе. Дѣти жили съ нимъ въ Берлинѣ, пользуясь уроками лучшихъ профессоровъ, слушали лекціи политической экономіи Дома и естественнаго права Клейна и только по воскресеньямъ ѣздили къ матери въ Тегель. Дальнѣйшее образованіе молодыхъ людей и приготовленіе къ университетскому курсу принадлежитъ извѣстному ученому Энгелю, который имѣлъ рѣшительное вліяніе на характеръ молодаго Вильгельма; онъ сообщилъ ему терпимость, скромность и кротость, качества которыми самъ отличался въ высшей степени; подъ его вліяніемъ Гумбольдтъ написалъ первое свое сочиненіе «Socrates und Plato über die Gottheit, die Vorsehung und die Unsterblichkeit (Сократъ и Платонъ о Божествѣ, промыслѣ и безсмертіи), въ которомъ онъ мѣритъ взглядъ древнихъ философовъ на Божество, провидѣніе и безсмертіе со взглядомъ современной ему науки.

Энгель ввелъ Гумбольдта въ кругъ своихъ ученыхъ друзей, которые приняли его благосклонно. Но это общество реалистовъ, людей серьезныхъ, сухихъ мыслителей, какъ Бистеръ, Фридлендеръ, Морицъ, Метлеръ, Герцъ и другіе, не могло удовлетворить молодаго человѣка съ пламенной, чувствительной душою. Юношу привлекъ къ себѣ другой, болѣе сантиментальный, идеалистическій кружекъ, душою котораго была Генріэтта Герцъ. Вильгельмъ влюбился въ нее; впрочемъ любовь была самая платоническая, достойная девятнадцатилѣтняго юноши и восторженнаго направленія того общества, которое его окружало.

Осенью 1787 года Гумбольдтъ отправился въ университетъ въ Франкфуртѣ на Одерѣ, но пробылъ тамъ недолго. На другой годъ къ Пасхѣ онъ переѣхалъ въ Геттингенъ, и здѣсь въ первый разъ ему пришлось жить одному, самостоятельно. Онъ поступилъ на юридическій факультетъ, но слушалъ и по философскому факультету лекціи Михаэлиса, Лихтенберга, Блуменберга и Гейне. Съ профессоромъ филологіи Гейне онъ особенно сблизился, бывалъ у него въ домѣ и познакомился съ дочерью его, Терезою, бывшею тогда замужемъ за писателемъ Фор-

теромъ; Тереза была предметомъ второй его страсти, стольже
ивинной какъ и первая. Съ Генріэттой онъ поддерживалъ дѣя-
льную переписку, въ которой постоянно говорилъ о Терезѣ.

Въ 1788 году во время осеньихъ каникулъ, онъ отправился
утешествовать по Рейну, и по дорогѣ посѣтилъ Мюллера, Гейн-
и Якоби.

Гумбольдтъ всегда съ жадностью ловилъ случай знакомиться съ
мѣчательными современниками. «У меня, пишетъ онъ сорокъ
ѣтъ спустя, была страсть сближаться съ интересными лично-
ями, часто и внимательно всматриваться въ нихъ, и состав-
ть себѣ въ душѣ картину ихъ образа дѣйствій и мыслей. Глав-
е дѣло для меня заключалось въ знаніи. Я пользовался имъ для
щихъ идей, классифицировалъ людей по своему, сравнивалъ
съ, изучалъ ихъ физіогномію словомъ, дѣлалъ изъ этого особую
уку.» Гумбольдтъ особенно сблизился съ Якоби, не смотря на то
о Якоби велъ жаркую полемику съ берлинскими друзьями Виль-
льма, расходясь съ ними во взглядѣ на религію и науку. Они
ровели вмѣстѣ около двухъ недѣль, постоянно разсуждали о
илософскихъ предметаахъ и часто спорили; Гумбольдтъ, не смо-
я на свою молодость, не подчинился взгляду Якоби, и, при
ей привязанности къ нему, ясно видѣлъ его личные недостат-
и односторонность его философской системы.

Отъ Якоби онъ поѣхалъ въ Майнцъ и сблизился здѣсь съ
орстеромъ, къ которому привязался сильно, безгранично. Фор-
теръ сдѣлался для него теперь идеаломъ поэта, тѣмъ, чѣмъ
юслѣдствіи былъ для него Шиллеръ. Тѣсная дружба между
умбольдтомъ и Форстеромъ объясняется одинаковымъ взгля-
мъ на вещи, добытымъ ими впрочемъ при совершенно различ-
ыхъ обстоятельствахъ. Что Гумбольдтъ почерпнулъ изъ лек-
ій и наставленій профессоровъ, то у Форстера выробаталось
лговременнымъ, тяжкимъ жизненнымъ опытомъ. Главная
одная черта ихъ—стремленіе къ свободѣ мысли, выразившаяся
ь терпимости вѣры и убѣжденій; эта общая черта служитъ
новною идеею статьи Ueber Proselytenmacherei (О прозелитизмѣ)
писанной, при содѣйствіи Гумбольдта, Форстеромъ и Земме-
нгомъ, противъ нетерпимаго направленія ежемѣсячной
рлинской Газеты. Впрочемъ, слѣпая, безграничная привя-
нность Гумбольдта къ Форстеру была только увлеченіемъ мо-
дости. Гумбольдтъ объясняетъ это въ одномъ изъ своихъ
аднѣйшихъ писемъ, въ которомъ съ строгостію и безпристра-
іемъ историка разоблачаетъ слабости и недостатки покойнаго
уга.

Осенью 1789 года, окончивъ курсъ въ университетѣ, Гум-

больдтъ вмѣстѣ съ бывшимъ наставникомъ своимъ
отправился въ Парижъ, гдѣ разгаралась въ то время рев
Французскіе паспорты и трехъцвѣтныя кокарды очист
роги нашимъ путешественникамъ. Третьяго Августа они
Парижѣ. Восторженный Кампе, какъ ребенокъ, радовался
нѣ безпорядка и хаоса, въ которой видѣлъ примѣненіе
словъ: свобода, прогрессъ, цивилизація, которыхъ нас
въ Германіи.

Гумбольдтъ смотрѣлъ на возникающее движеніе серьезн
видно изъ писемъ его къ Форстеру. Онъ вообще болѣе за
изученіемъ замѣчательныхъ личностей, напримѣръ
Бартелеми, астронома Лаланда, Мармонтеля, филолога В
на. Его болѣе интересовало, по его словамъ, видѣть то,
Французовъ сдѣлала революція нежели то, что Французы
ли изъ своего государства. Народъ интересовалъ его
государства, человѣчество и человѣкъ больше народа.
тивъ могилу Ж. Ж. Руссо въ Эрменонвилѣ, Гумболь
Парижа 27 Августа поѣхалъ въ Майнцъ, и, пробывъ
Форстеромъ около трехъ недѣль, въ концѣ Сентября
вился въ Швейцарію. Путешествіе по Швейцаріи произв
бокое впечатлѣніе на Гумбольдта, который живо сочувс
красотамъ природы. Онъ обошелъ половину Швейцар
комъ и познакомился съ Швейцарскими знаменитостями
прочимъ съ Абелемъ и Лафатеромъ. Цюрихскій проп
удивилъ его замысловатою, таинственною обстановкою
занятій; Гумбольдтъ думалъ найти въ немъ человѣка
наго и совершенно разочаровался; Лафатеръ въ его
явился самолюбивымъ, напыщеннымъ шарлатаномъ,
няющимся предъ собственными, фиктивными достоинст
тратящимъ время и способности на мелочныя внѣшнос
конецъ Гумбольдтъ возвратился въ Майнцъ, гдѣ проб
сколько дней у Форстера. 8 Декабря онъ разстался съ
разстался навсегда.

Между тѣмъ произошолъ переворотъ въ духѣ и напр
прусскаго правительства. На престолъ Фридриха В
вступилъ Фридрихъ Вильгельмъ II; вмѣсто перваго ми
Зедлица занялъ Веллнёръ; религіозный эдиктъ ст
свободу вѣроисповѣданія; указъ о цензурѣ уничтожилъ
мыслей. Все направленіе правительства совершенно
пилось; отъ терпимости, приближавшейся къ индиффер
му, оно переходитъ къ фанатизму, вдается въ суевѣ
же стѣснительное вліяніе обнаруживается во всѣхъ отр
государственнаго управленія; этому вліянію, котораго

ымъ виновникомъ былъ Веллнёръ, всѣми силами противил
я Гумбольдтъ, занявшій должность референдарія въ Каммергерихтѣ. Не разъ, рѣшая съ бывшимъ профессоромъ своимъ, Клейномъ, разныя тяжебныя дѣла, онъ рѣшеніемъ своимъ шелъ прямо на перекоръ принципу и намѣреніямъ новаго правительства. Но служба скоро ему надоѣла: расположеніе къ умственнымъ занятіямъ, къ самоизученію отвлекало его отъ служебныхъ обязанностей. Углубляясь въ самаго себя, трудясь надъ собственнымъ внутреннимъ развитіемъ и совершенствованіемъ, онъ надѣялся принести большую пользу человѣчеству. Вообще въ людяхъ того времени слаба была любовь къ отечеству; связь между государствомъ и отдѣльными личностями еще болѣе ослабѣла отъ системы управленія, которая не пользовалась популярностію и не могла возбудить сочувствія. Гумбольдтъ подчинился общему настроенію вѣка; любовь къ отечеству приняла въ немъ болѣе широкіе размѣры и перешла в любовь къ человѣчеству; человѣка онъ ставилъ выше гражданина; интересы обще человѣческіе у него всегда являются на первомъ планѣ. Этотъ взглядъ, составлявшій основу всѣхъ его сочиненій и ученыхъ занятій, побудилъ его оставить службу, посвятить себя изученію человѣчества въ отдѣльныхъ его проявленіяхъ и начать это изученіе съ самаго себя. Въ изслѣдованіяхъ своихъ Гумбольдтъ держится средины между сухимъ, безжизненнымъ методомъ чисто-умозрительной философіи, представителемъ которой является Бистеръ, и необузданными, нетическими порывами фантазіи, преобладающими у Лафатера и го послѣдователей. Онъ не исключаетъ элемента чувства и фантазіи, придающей мысли жизнь, силу и яркость красокъ, но самую фантазію подчиняетъ законамъ разума, требуя отъ нея равной правды и послѣдовательности. Въ этомъ сходится онъ съ другомъ своимъ Форстеромъ. Вотъ почему онъ восхищается его Ansichten über den Niederrhein». (Виды Нижняго Рейна), въ которыхъ по его словамъ, господствуетъ строгая правильность идей самомъ пылу вдохновенія.

Вскорѣ послѣ выхода Вильгельма изъ службы послѣдовалъ реворотъ въ его судьбѣ. Въ Декабрѣ 1789 года онъ по дѣламъ ѣхалъ въ Эрфуртъ. Здѣсь онъ былъ представленъ въ домъ ендента фонъ Дахереденъ и познакомился съ его дочерью Каиной. Каролина, которая произвела сильное впечатлѣніе на иллера, въ бытность его въ Эрфуртѣ, очаровала и молодаго ольдта.

Въ Іюлѣ 1791 года состоялся ихъ бракъ; а вскорѣ послѣ того одые уѣхали въ деревню Каролины, лежащую близь Манс-

фельда, чтобы въ уединеніи провести первые мѣсяцы супружества. Каролина не была красавица, но Вильгельма прельстила ея хорошенькая головка, выразительные, полные жизни и энергіи глаза. Въ особенности же привлекли его ея душевныя качества; его благородный образъ мыслей, стремленіе къ свободѣ, любовь къ прекрасному и возвышенному, находили себѣ отголосокъ въ прекрасной душѣ Каролины, и, сливаясь съ врожденною мечтательностью, отражались въ ней въ болѣе нѣжныхъ, женственныхъ формахъ. Живой природный умъ, развитый прекраснымъ воспитаніемъ, обогащенный многосторонними, основательными знаніями, давалъ ей средства сочувствовать благороднымъ стремленіямъ Вильгельма, принимать участіе въ его научныхъ занятіяхъ, помогать ему, и, облегчая трудъ, тѣснѣй и искреннѣй сближаться съ мужемъ. Гумбольдтъ безгранично привязался къ Каролинѣ, полюбилъ ее такъ, какъ любилъ не многихъ, жертвуя собою, не примѣшивая къ этому чувству никакого эгоистическаго оттѣнка. Это чувство пустило глубокіе корни въ его душу, срослось съ его существованіемъ, и продолжалось до самой смерти. Гумбольдтъ поставилъ себѣ задачей жизни составить счастіе любимой женщины и благородно, честно исполнилъ долгъ свой.

Бывши еще женихомъ, Гумбольдтъ познакомился съ коадъюторомъ Епископа Майнцскаго, Далбергомъ, родственникомъ Дахередена, и довольно коротко съ нимъ сошелся. Это знакомство должно быть отмѣчено въ его біографіи, потому что Далбергъ подалъ поводъ къ одному изъ замѣчательныхъ юношескихъ сочиненій Гумбольдта, всего рѣзче очерчивающихъ его нравственную физіогномію. Высказанныя въ немъ задушевныя убѣжденія Гумбольдта, смягченныя жизненнымъ опытомъ и лѣтами, перешли и въ періодъ зрѣлости. Далбергъ былъ человѣкъ добрый и благонамѣренный, покровительствовалъ литераторамъ и ученымъ, самъ любилъ науку и сочувствовалъ ея интересамъ. При своемъ положеніи въ свѣтѣ, онъ могъ принести много пользы; къ несчастію шаткость убѣжденій и слабость характера мѣшали ему приводить въ исполненіе его планы. Намѣреніе было и хорошо, и дѣльно, но большею частію оставалось мечтою. Готовя себя къ епископскому престолу въ Майнцѣ, Далбергъ мечталъ о великихъ обязанностяхъ правителя, составлялъ себѣ системы администраціи, непримѣнимыя къ дѣлу и замѣчательныя только по своему гуманному направленію, системы, которыми онъ думалъ осчастливить подданныхъ даже противъ собственной ихъ воли. Въ это время ему случилось прочесть новое сочиненіе В. Гумбольдта »Ideen über Staatsverfassung durch die neue französische Consti-

ution veranlasst» (Идеи о государственномъ устройствѣ по поводу новой французской конституціи). Въ этомъ сочиненіи Гумбольдтъ представляетъ непрочность Французской конституціи, составленной a priori, по отвлеченнымъ законамъ ума, независимо отъ «индивидуальныхъ силъ и стремленій», которымъ Гумбольдтъ придаетъ особенную важность. Уму предоставляется только право возбуждать къ дѣятельности сумму существующихъ въ человѣкѣ индивидуальныхъ силъ и давать имъ извѣстное направленіе. Прочнымъ можетъ быть только такое государственное устройство, которое выходитъ изъ борьбы могучей случайности съ сопротивляющимся ей умомъ. Изъ этой «случайности», т. е. изъ непознанныхъ нами силъ и индивидуальныхъ свойствъ настоящаго, выходитъ окончательный результатъ. Идеи ума, привившись къ жизни, получаютъ опредѣленную форму отъ самаго предмета, къ которому онѣ прилагаются. Только при этихъ условіяхъ онѣ могутъ окрѣпнуть и принести пользу. Въ человѣкѣ можетъ процвѣтать только то, что выходитъ изъ глубины его духа, а не то, что прилагается къ нему извнѣ. Государство ничто иное, какъ сумма человѣческихъ силъ, дѣйствительныхъ и страдательныхъ. Каждое дѣйствіе требуетъ соотвѣтствующаго ему обратнаго дѣйствія; каждое творчество требуетъ одинаково дѣятельнаго воспріятія. Вотъ въ чемъ заключается сила «случайности» и вотъ почему настоящее уже должно быть приготовлено къ будущему, которое оно влечетъ за собою; гдѣ будущее чуждо настоящему, тамъ все мертво и холодно. Такъ бываетъ тамъ, гдѣ хочетъ творить заранѣе обдуманное намѣреніе; въ умѣ заключается конечно способность давать извѣстную форму существующему матеріалу, но нѣтъ въ немъ силы создавать новый матеріалъ. Чего не подготовили предварительно время и природа, то будутъ цвѣты, привязанные нитками къ растенію: ихъ засушитъ первое полуденное солнце. Гумбольдтъ подтверждаетъ эту основную мысль ходомъ историческихъ событій и наконецъ выводитъ заключеніе, что «ни одно единичное положеніе человѣка и окружающихъ предметовъ не заслуживаетъ вниманія само по себѣ; оно важно только въ связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ порядкомъ вещей; важны не результаты сами по себѣ, но силы, ихъ породившія и въ свою очередь изъ нихъ вытекающія.

Это сочиненіе, называвшее заботливость правительства о физическомъ и моральномъ благосостояніи подданныхъ самымъ тяжелымъ деспотизмомъ, смутило Дальберга, разстроивъ его прекрасные планы. Онъ обратился къ Гумбольдту съ прось-

бою объяснить, чѣмъ, по его мнѣнію, долженъ ограничиться кругъ дѣйствіи правительства, у котораго будетъ отнято право заботиться о нуждахъ и благосостояніи подданныхъ.

Отвѣтомъ Гумбольдта было замѣчательное сочиненіе «Ideen zu einem Versuche die Grenzen der Wirksamkeit des Staats zu bestimmen». (Опытъ опредѣлить границы дѣятельности правительства).

Въ этомъ сочиненіи, какъ и вообще у Гумбольдта, на первомъ планѣ стоитъ человѣкъ и его интересы; государственное устройство представляется элементомъ, враждебнымъ индивидуальности человѣка, вредящимъ свободному развитію умственныхъ и нравственныхъ силъ его. Гумбольдтъ ищетъ идеалъ человѣка, и сперва обращается къ древности; но ни Спартанецъ, ни Афинянинъ не удовлетворяютъ его. Его увлекаетъ прелесть и свѣжесть греческой жизни, съ особенности же развитіе индивидуальности, составлявшее одинъ изъ первыхъ, основныхъ ея принциповъ. Но излишняя чувственность греческаго міра мѣшаетъ ему вполнѣ принять за истину развитія человѣка греческій идеалъ. Гумбольдтъ рисуетъ свой идеалъ, смѣшивая краски древняго міра съ новыми, сливая чувственность, пластичность древнихъ съ духовностію современнаго ему человѣка въ одно гармонически - прекрасное цѣлое. Въ этомъ идеалѣ человѣка особенно замѣчательны двѣ стороны,—элементъ религіи и элементъ эстетическій, начало прекраснаго.

Религія, по опредѣленію Гумбольдта, потребность души. Онъ беретъ силу отдѣльно отъ проявленія и во всемъ изслѣдованіи имѣетъ въ виду одну эту силу, идею, потребность души. На этомъ основаніи для него не существуютъ наружныя формы, въ которыхъ эта идея проявляется у различныхъ народовъ; на этомъ основаніи онъ уважаетъ всякую религію, во всякой умѣетъ найти и оцѣнить общую идею ту, что онъ собственно и называетъ религіею. Мало того: онъ считаетъ за религію не только прямое поклоненіе Высшему Существу, въ какой бы формѣ оно ни выражалось, но и всякое стремленіе къ идеалу совершенства, хотя бы при этомъ не было даже мысли о Богѣ и безсмертіи души. Въ этомъ-то взглядѣ на религію должно искать причины совершенной, [illegible] гуманной вѣротерпимости Гумбольдта. Онъ былъ [illegible], ни малѣйшее равнодушіе во всѣ вѣры [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] религія.

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] должна быть [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Гумбольдта [illegible] [illegible] [illegible] предѣлы.

ірода человѣка заключается въ эстетическомъ соединеніи
:мленія къ невидимому съ сознаніемъ пріятной необходи-
ги видимаго міра. Изъ этого соединенія выходитъ идея
окаго и идея прекраснаго. Идея высокаго даетъ человѣку
ства повиноваться сознательно повелительному голосу нрав-
ннаго закона. Чувство прекраснаго служитъ посредникомъ
ду отвлеченнымъ закономъ и конкретнымъ примѣненіемъ,
скивая разнообразные способы приложенія. Гумбольдтъ при-
тъ чувственности болѣе глубокое значеніе, нежели Шиллеръ и
тъ. «Вся сила человѣческой природы, говоритъ Гумбольдтъ,
исходитъ отъ чувственности, и, хотя очень удаляется отъ
его корня, все таки, ежели можно такъ выразиться, покоится
немъ. Кто безпрерывно старается возвысить и обновить
и силы частымъ наслажденіемъ, кто часто употребляетъ
у своего характера, чтобы поддерживать независимость свою
тивъ чувственности, кто старается такимъ образомъ соеди-
нить эту независимость съ величайшею воспріимчивостію,
прямой и глубокій умъ неутомимо ищетъ истины, чье
вильное и тонкое чувство къ прекрасному не оставляетъ
мѣченнымъ ни одного привлекательнаго образа, въ комъ
ь влеченье принимать въ себя прочувствованное въ внѣш-
ъ мірѣ, оплодотворять принятое въ себя для новыхъ
даній, превращать каждую красоту въ свою индивидуаль-
ть и, соединяя съ каждой изъ нихъ все свое существо, про-
одить новыя красоты — тотъ можетъ питать успокоитель-
сознаніе что онъ находится на истинномъ пути къ идеалу,
ой только можетъ представить самая смѣлая фантазія че-
ѣка».

Іародъ составленный изъ недѣлимыхъ, соотвѣтствующихъ
му идеалу, можетъ пользоваться безграничною свободою.
:, что при обыкновенныхъ условіяхъ производитъ сила закона,
ы правительства, явилось бы у идеальнаго народа результа-
ъ нравственнаго чувства долга и чести, которое было бы
бенно развито.

Іля умственнаго и нравственнаго развитія Гумбольдтъ счи-
тъ необходимыми три условія: во первыхъ, свободу, кото-
о ограничиваетъ самое либеральное правительство. Эпиграфъ
къ его сочиненію служатъ слова Мирабо, въ которыхъ
ь совѣтуетъ правительствамъ защищаться «contre la fureur
gouverner, la plus funeste maladie des gouvernements moder-
.» По этому онъ находитъ, что правительству всего лучше
чего не дѣлать, не употреблять никакихъ положительныхъ
ръ для благосостоянія гражданъ, совѣтуетъ уничтожить вся-

ботясь болѣе о содержаніи, о смыслѣ, нежели о формѣ; теперь онъ началъ занятія болѣе серьезныя и спеціальныя съ Пиндара и перевелъ изъ него вторую Олимпійскую Оду. Бывши въ Галле, онъ посѣтилъ Вольфа и сообщилъ ему о своемъ намѣреніи заняться греческимъ языкомъ и литературою.

Страсно любя свою науку, Вольфъ не могъ не обрадоваться, видя, что ей хочетъ посвятить себя человѣкъ богатый, высоко стоящій въ общественномъ мнѣніи, для котораго наука будетъ цѣлью, не средствомъ, не ремесломъ. Отдаться наукѣ, посвятить себя ей, изучать науку для науки, вотъ какъ понималъ Вольфъ призваніе ученаго, и онъ нашелъ въ Гумбольдтѣ сочувствіе, нашелъ тоже благородное безкорыстіе и самоотверженіе. Они поняли, оцѣнили другъ друга, и сблизились скоро, несмотря на различіе характеровъ.

Гумбольдтъ былъ скроменъ, почти застѣнчивъ; его натура, спокойная, болѣе воспріимчивая, нежели сообщительная составляла совершенную противоположность съ пылкимъ, нѣсколько самоувѣреннымъ характеромъ Вольфа; но самое различіе это только ускорило ихъ сближеніе и скрѣпило ихъ дружбу.

Вольфъ сообщилъ Гумбольдту нѣсколько совѣтовъ, далъ ему прочесть Федра, и просилъ отмѣтить мѣста, особенно затруднявшія его. Гумбольдтъ исполнилъ это, какъ заданный урокъ. Съ этихъ поръ онъ вступилъ въ новую сферу занятій, которыхъ однако высшій предметъ и конечную цѣль составляло все таки изученіе человѣка. Гейне обратилъ его вниманіе на поэтическую сторону въ жизни древнихъ, показавъ эстетическую, отчасти эстетико-моральную цѣль изученія древности, вліяніе его на развитіе вкуса, чувства изящнаго. Вольфъ доказалъ Гумбольдту необходимость классическихъ занятій для цѣлостнаго, гармоническаго развитія человѣка, развитія, котораго прекрасный образецъ представляется намъ въ греческомъ мірѣ. «Только въ древней Греціи, говоритъ онъ находится то, чего мы напрасно ищемъ вездѣ въ другихъ мѣстахъ,—народы и государства, обладавшіе большею частію такихъ качествъ, которыя составляютъ основаніе характера, развитаго до совершенной человѣчественности. Народъ до такой степени воспріимчивъ, что не оставляетъ безъ вниманія ничего такого, къ чему находитъ побужденіе на естественномъ пути своего развитія. Онъ идетъ по этому пути независимо отъ вліянія разномыслящихъ варваровъ и продолжаетъ свое развитіе далѣе, нежели было бы возможно въ послѣдующее время, при измѣненныхъ обстоятельствахъ. Среди стѣсненныхъ и гнетущихъ заботъ гражданина, Грекъ не забывалъ человѣка до такой степени, что самыя государственныя учреж-

ченія, ко вреду многихъ и со всеобщими пожертвованіями пожрали свободное развитіе человѣческихъ силъ вообще; съ необыкновенно нѣжнымъ чувствомъ къ благородному и прекрасному въ искусствѣ, онъ мало по малу соединилъ такой объемъ и такую глубину научныхъ изслѣдованій, что въ оставшихся отрывкахъ мы видимъ, вмѣстѣ съ живымъ отпечаткомъ этого рѣдкаго качества, замѣчательные образцы идеальнаго умозрѣнія.» Таково было воззрѣніе Вольфа и Гумбольдта на древность.

Гумбольдта занимали древніе народы въ неразвитомъ, даже первобытномъ состояніи; вообще занимали его народы юга, въ которыхъ жизнь природы проявилась съ большею силою и энергіею, нежели въ сѣверныхъ народахъ новѣйшихъ временъ. Придавая, какъ мы видѣли, особенное значеніе чувственности, Гумбольдтъ находилъ слѣды вліянія классической древности, пластической красоты, первобытной близости къ природѣ, въ новѣйшихъ изящныхъ произведеніяхъ по всѣмъ отраслямъ искусства, и въ этомъ вліяніи видѣлъ силу ихъ, полноту и чувственную прелесть, которая должна служить оболочкой идеѣ, живительному духовному принципу. Средоточіемъ этой сильной самородной жизни природы, этого согласія, гармоніи человѣка съ окружающимъ его міромъ, видѣлъ онъ въ древнихъ Грекахъ. Наше теперешнее образованіе, говоритъ онъ, покоится въ существенныхъ своихъ основаніяхъ на принципѣ древности—искусство и наука на Греціи, законы и учрежденія на Римѣ; многіе предметы, окружающіе насъ во вседневной жизни, на томъ и другомъ.

Гумбольдтъ переѣхалъ въ другую деревню своей жены, Аулебенъ, близъ Нордгаузена, и здѣсь совершенно предался своимъ новымъ занятіямъ, которыя имѣли для него тѣмъ болѣе прелести, что въ занятіяхъ его помогала ему Каролина; съ нею переводилъ онъ Пиндара, съ нею читалъ Овидія. На Святкахъ пріѣхалъ къ нимъ Вольфъ; много плановъ составляли они съ Гумбольдтомъ, они задумали издавать журналъ въ духѣ греческой образованности, подъ заглавіемъ «Эллада», который долженъ былъ состоять изъ переводовъ, статей о греческомъ бытѣ, филологическихъ поясненій и пр., и вообще имѣлъ цѣлью расположить публику къ изученію классической древности. Но предположеніе это осталось невыполненнымъ: Гумбольдтъ вообще болѣе заботился о самообразованіи и собственномъ развитіи, нежели о литературной извѣстности.

Оживленныя филологическія бесѣды съ Вольфомъ продолжались послѣ его отъѣзда дѣятельною перепискою, предметомъ которой были разные филологическіе вопросы и замѣтки,

на нѣчто безконечное. Съ глубокой любовью, съ истинною, постоянною страстію онъ былъ погруженъ въ свое творчество и въ предметы избранные имъ для возсозданія; все низкое отвергалъ онъ, а обыкновенное облагораживалъ величіемъ своего взгляда и своей разработки.»

При сравненіи съ Шиллеромъ Гумбольдтъ много потералъ въ глазахъ поверхностнаго наблюдателя. Во всемъ существѣ Гумбольдта господствовало равновѣсіе; ни одна сторона не выдавалась рѣзко впередъ не поражала превосходствомъ надъ остальными. Это равновѣсіе, это равномѣрное развитіе, эта цѣлостность могли съ перваго взгляда показаться въ немъ посредственностію.

Шиллеръ стремился выводить изъ себя, создавать и олицетворять свои идеалы; Гумбольдтъ воспринимать въ себя, обращать въ свою собственность все, что приходило съ нимъ въ соприкосновеніе; природа перваго была природа производительная, сообщительная; природа втораго воспріимчивая, была сосредоточенная, углубленная въ самого себя.

Шиллеръ стремился облечь въ художественныя формы, перенести въ область искусства—идеи, добытыя путемъ научнаго изслѣдованія и самоуглубленія, могучее вдохновеніе поэта поглащаетъ въ немъ стремленіе къ отвлеченному размышленію.

Въ Гумбольдтѣ, напротивъ, духъ поэтическаго творчества проявлятся рѣдкими, мимолетными проблесками, которые онъ тщательно скрываетъ; въ немъ преобладаетъ научное изслѣдованіе, мыслительная и критическая дѣятельность, которая въ крайнемъ своемъ развитіи подавляетъ самостоятельную производительность. «Я увѣренъ, пишетъ Шиллеръ къ Гумбольдту, что вашимъ авторскимъ успѣхамъ мѣшаетъ единственно перевѣсъ силы сужденія надъ свободнымъ творчествомъ, вліяніе критики, предшествующіе изобрѣтенію, на которое оно всегда дѣйствуетъ разрушительно. Субъектъ вашей мысли слишкомъ скоро обращается въ объектъ между тѣмъ, какъ въ самой наукѣ все должно совершаться субъективною дѣятельностію. Въ этомъ смыслѣ я конечно отказалъ бы вамъ въ истинной геніальности, которой у васъ въ другомъ отношеніи такъ много».

А между тѣмъ и Шиллеръ, и Гумбольдтъ жили въ мірѣ идей, имѣя въ виду не столько сверхъчувственное, чистодуховное, сколько таинственное соединеніе духовнаго и чувственнаго въ одну духовночувственную природу, т. е. въ одно вѣчно-человѣчественное.

Различіе и сходство ихъ отразилось въ ихъ языкѣ; изложеніе Гумбольдта можетъ сравниться съ увлекательнымъ языкомъ

ллера въ блескѣ и картинности, но при большей простотѣ и
йствіи не уступаетъ ему въ основательности и глубокомы-
. Различіе это прямо происходитъ отъ различія духа ихъ
явленія и служитъ вѣрнымъ отраженіемъ пламеннаго,
льно творческаго характера одного и спокойнаго, хладно-
но-испытующаго ума другаго; оба они особенно любили
поэтическихъ произведеніяхъ дидактическое направленіе,
ную мысли, философское содержаніе, особенно сочувствовали
мленію къ высокому, стремленію къ законной правильности
бождающей созданія фантазіи отъ всего произвольнаго и
айнаго, стремленію, такъ ярко и рельефно выразившемуся
вореніяхъ Шиллера.

Ежели Шиллеръ и Гумбольдтъ, говоритъ Фридрихъ Мюллеръ,
здѣ болѣе Гёте были склонны къ отвлеченному разыска-
ю, къ строго философскому разложенію идей, и въ этомъ
лись между собою, то ихъ тѣмъ не менѣе существенно
чали другъ отъ друга энергическій пафосъ одного и без-
стное спокойствіе, кажущаяся холодность другаго».

ліяніе Шиллера на Гумбольдта выразилось въ пробужденіи
ѣднаго къ литературной дѣятельности. Филологическія
тія на время пріостановились, мѣсто ихъ заняли философія
етика. «Здѣсь, пишетъ Гумбольдтъ къ Вольфу изъ Іены, гдѣ
ѣю болѣе разнообразныя сношенія и книги по многимъ
лнымъ знанія, я рѣшился приняться за нѣкоторыя прежнія
тія и разработать нѣсколько давнишнихъ идей. Такимъ обра-
ь, я серьезнѣе возвращаюсь къ философіи, политикѣ и эсте-
». Гумбольдтъ и Шиллеръ рѣшили издавать журналъ подъ
віемъ «Die Horen», (Горы—часы), въ которомъ должны были
нимать участіе Керперъ, Якоби, Александръ и Вильгельмъ Гум-
дты, Гёте и многіе другіе замѣчательные нѣмецкіе писатели.
ого время Гумбольдтъ получилъ отъ Якоби экземпляръ нова-
омана его «Вольдемаръ», и первымъ его литературнымъ
ломъ была рецензія этого романа. Заключая въ себѣ всѣ
шенныя убѣжденія автора, Вольдемаръ вполнѣ выражаетъ
ичность, такъ что для Гумбольдта, хорошо знавшаго Якоби,
а эта была не романомъ, а живымъ словомъ, дружескимъ
воромъ. Рецензія Гумбольдта проникнута тою снисходи-
ностію, съ которою мы отзываемся о недостаткахъ хорошаго
комаго или друга, хотя вполнѣ сознаемъ и понимаемъ ихъ.
ала онъ хвалить все сочиненіе, такъ что нужно удивляться,
Гумбольдтъ, съ своимъ тонкимъ чувствомъ къ изящному,
пускаетъ безъ вниманія или даже хвалитъ недостатки и по-
ности, очевидныя для всякаго, сколько нибудь знающаго

съ требованіями искусства. «Каждая строка, пишетъ онъ, дышетъ самымъ чистымъ, истинно нравственнымъ чувствомъ, связаннымъ съ мѣстнымъ, тонкимъ чувствомъ прекраснаго..... Характеры романа изваяны изъ крѣпчайшаго и въ тоже время самаго тонкаго матеріала, который только можетъ вынести человѣчество, и вылиты въ благороднѣйшую форму, какую только можетъ оно принять. Рядъ событій идетъ, опредѣляясь только самимъ собою, съ неприкосновенною легкостію, и разсужденіе вплетается какъ бы безъ намѣренія автора.

Далѣе начинаются порицанія легкія, высказанныя съ величайшею скромностію и осторожностію, но показывающія, что отъ внимательнаго взгляда Гумбольдта не ускользнула ни одна изъ слабыхъ сторонъ романа.

Не зная личности Гумбольдта и отношеній его къ Якоби, можно было бы принять эту рецензію за тонкую иронію, потому что почти каждая изъ его похвалъ далѣе опровергается имъ же самимъ. Въ этой рецензіи обнаруживается между прочимъ въ чемъ состоитъ уклоненіе Гумбольдта отъ философіи Канта. Кантъ противопоставилъ другъ другу чувственность и нравственность, наклонность и долгъ, какъ два непримиримые взаимно враждебные другъ другу элемента, и, разорвавъ ихъ естественную связь, составляющую сущность изящнаго, уничтожилъ принципъ, необходимый для изображенія совершенной человѣчественности. Шиллеръ и Гумбольдтъ нашли средство примирить чувственное начало съ нравственнымъ, нашли гуманный принципъ, безкорыстно ведущій къ истинному, благородному и прекрасному, принципъ, который производитъ въ возвышенныхъ характерахъ свободную гармонію, развивающуюся безъ труда и борьбы по врожденному инстинкту. Кантъ принимаетъ добродѣтель за долгъ; уважая человѣческую индивидуальность, Гумбольдтъ смягчаетъ этотъ долгъ въ естественное влеченіе, въ инстинктъ человѣческой природы.

Первое сочиненіе, написанное Гумбольдтомъ для «Горъ», «Ueber den Geschlechtsunterschied und dessen Einfluss auf die organische Natur» (О различіи половъ и его вліяніи на органическую природу), носитъ слѣды вліянія брата Александра, пріѣзжавшаго въ Іену и подстрекнувшаго Вильгельма къ занятіямъ естественными науками. Гумбольдтъ поддался этому толчку, потому что жажда его къ познаніямъ была неутолима; ему хотѣлось обнять всю область человѣческихъ знаній и распространить ее до возможныхъ ея предѣловъ. «Едва могу я, писалъ онъ къ Шиллеру, сопротивляться желанію все видѣть, испытывать на сколько это возможно. Человѣкъ для того, мнѣ кажется, и существуетъ,

обы превращать въ свою собственность, въ собственность свое разума все, что его окружаетъ; а жизнь коротка. Я бы желъ, когда придетъ мой часъ, оставить какъ можно меньше предговъ, съ которыми я не пришелъ бы въ соприкосновеніе».

Изучая человѣка, Гумбольдтъ не ограничивался однимъ духовимъ элементомъ его существа; онъ разсматривалъ человѣка его, какъ онъ есть, съ тѣломъ и душей, подобно тому какъ ементъ прекраснаго онъ полагалъ, въ согласіи чувственности духовностію.

Въ сочиненіи «О различіи половъ» онъ старается указать на инственную связь, существующую между тѣломъ и душою, на отвѣтствіе, въ которомъ находятся явленія міра духовнаго, утренняго, съ явленіями міра внѣшняго, вещественнаго. редѣленіе этой связи, этого соотвѣтствія и взаимнаго вліянія угъ на друга должно бросить новый свѣтъ на обѣ области наъ, должно свести въ одни результаты—факты и частные выды, собранные порознь психологомъ и натуралистомъ, приве и къ открытію однихъ общихъ законовъ—это должно быть слѣднею ихъ задачею, послѣднею цѣлью ихъ трудовъ и лій.

Эту основную мысль приводитъ Гумбольдтъ во всемъ сочине, показывая соотвѣтствіе и связь между различіемъ половъ фическимъ и духовнымъ, т. е. между тѣло-сложеніемъ и нравенными особенностями мужчины и женщины. Кромѣ того, ъ олицетворяетъ способности и силы, которыхъ совокупное йствіе необходимо при духовномъ творчествѣ и, отдѣляя спобности, въ которыхъ болѣе дѣятельности, энергіи, напряжености отъ тѣхъ, въ которыхъ болѣе воспріимчивости, мягкости, ственности, переноситъ такимъ образомъ различіе половъ щественнаго міра въ міръ духовный. Недостатки этого разсужнія—растянутость, неясность изложенія и непослѣдовательсть—происходятъ отъ того, что Гумбольдтъ хотѣлъ постигнуть юмъ, представить въ систематическомъ порядкѣ и доказать то, о можно только чувствовать, что можетъ изобразить только орческая фантазія поэта. Объ немъ совершенно вѣрно судитъ рнеръ. «Онъ погрѣшаетъ, пишетъ онъ къ Шиллеру, въ сиомѣ, не держитъ ожиданія читателя въ напряженіи, утомляетъ шними, водянистыми подробностями, не умѣетъ распредѣть свѣта и тѣней».

Другое сочиненіе Гумбольдта на туже тему: «Ueber männliche d weibliche Form» (О мужеской и женской формѣ) совершенно ликнуто идеями Шиллера, высказанными имъ въ сочиненіи nuth und Würde» (Грація и благородство») и въ Aesthetische

Briefe (Эстетическія письма), съ которыми совершенно сжи
освоился Гумбольдтъ въ послѣднее время. Гумбольдтъ из
жаетъ здѣсь идеалы красоты мужеской и женской, красоты
духовной, такъ и тѣлесной, потомъ сравниваетъ свои идеа
изображеніями греческихъ боговъ и богинь, которыя б
подходятъ къ нимъ въ отношеніи къ формамъ и красотѣ пл
ческой, и наконецъ соединяетъ оба идеала въ одинъ абсолю
идеалъ, въ которомъ изчезаютъ другъ въ другѣ и сливаютъ
одно гармоническое цѣлое характеристическія черты об
первыхъ.

Дружба Гумбольдта съ Шиллеромъ, основанная на тож
убѣжденіи, на взаимномъ сочувствіи и уваженіи, съ каж
днемъ становилась тѣснѣе и искреннѣе. Гумбольдтъ, съ
стороны, какъ критикъ и тонкій цѣнитель изящнаго, и
вліяніе на Шиллера и совѣтами своими указалъ ему исти
поприще, облегчилъ ему выборъ между эпосомъ и дра
направилъ творческія силы его къ трагедіи, которая съ
воръ сдѣлалась почти исключительнымъ предметомъ вдох
ній поэта. Впрочемъ новѣйшіе біографы Шиллера упрек
Гумбольдта въ томъ, что онъ развилъ въ Шиллерѣ наклон
къ философствованію, стремленіе носиться мыслію въ отвл
ной области идей, облекать эти идеи въ поэтическія фор
испортилъ такимъ образомъ его творческую дѣятельность
наивной поэзіи, болѣе конкретной и близкой къ природѣ. Н
не совсѣмъ вѣрно.

Гумбольдтъ не соглашался съ Шиллеромъ въ опредѣлени
наивной и сентиментальной поэзіи, сдѣланномъ послѣднимъ,
находилъ опредѣленіе это односторонним, считалъ невоз
нымъ отдѣлить сентиментальную поэзію отъ наивной, кот
всегда должна поддерживать ее и служить ей основан
Шиллеръ высоко цѣнилъ просвѣщенный взглядъ Гумб
та и подвергалъ его критическому обсужденію и поздни
произведенія свои даже тогда, когда онъ отъ философіи и
такъ снова всѣми силами души обратился къ чистой по
«Я бы желалъ, пишетъ онъ къ Гумбольдту въ Римъ въ 180
слышать отъ васъ самихъ, довольны ли вы моимъ Теллем
позволительное желаніе, потому что при всемъ, что я созд
думаю о томъ, какъ оно вамъ понравится.» «Въ школѣ Г
больдта, говоритъ Гофмейстеръ, Шиллеръ созрѣлъ для сбл
нія съ Гёте.»

Семейныя обстоятельства заставили Гумбольдта выѣхать
Іены.

Грустно было ему покидать цѣлый кругъ друзей, съ которы

ъ успѣлъ свыкнуться во время шестнадцатимѣсячнаго своего
ребыванія; особенно тяжело ему было разставаться съ Шилле-
омъ, котораго онъ любилъ, и какъ мыслителя, и человѣка.
о болѣзнь матери, приближавшейся къ кончинѣ, призывала
го въ Тегель, и чувство долга и сыновней любви превозмогло.
азлука съ Шиллеромъ продолжалась гораздо долѣе, чѣмъ
умалъ Гумбольдтъ: пятнадцать мѣсяцевъ провелъ онъ то въ Те-
елѣ, у постели больной матери, то въ Берлинѣ, въ кругу преж-
ихъ знакомыхъ и друзей, съ которыми теперь совершенно рас-
одился въ понятіяхъ и убѣжденіяхъ, въ взглядѣ на философію.
тсталая, сухая метафизика берлинскихъ ученыхъ не имѣла ни-
его общаго съ полною жизни іенскою эстетикою. Изъ всѣхъ
режнихъ знакомыхъ, всего больше сошелся Гумбольдтъ съ
енцомъ, человѣкомъ поверхностнымъ, но одареннымъ блестя-
ими способностями, подражавшимъ въ своихъ сочиненіяхъ ду-
у Шиллера и успѣвшимъ заинтересовать его этимъ подража-
іемъ. Въ Берлинѣ и Тегелѣ Гумбольдтъ ничего не дѣлалъ. За-
умывалъ онъ многое, но въ немъ ни доставало энергіи, чтобы
ачать дѣло и привести къ концу начатое; не было посторонней
озбудительной силы, которая бы поддерживала его въ его пред-
ачертаніяхъ, не было, однимъ словомъ, Шиллера. Различіе
ежду Шиллеромъ и Гумбольдтомъ превосходно выказалось въ
той разлукѣ. Въ то время, какъ Гумбольдтъ, лишенный посто-
ронней помощи и обозрительнаго вліянія, бездѣйствовалъ и со-
тавлялъ только проекты трудовъ, не приводя ихъ въ исполне-
іе, Шиллеръ, оставшись почти въ совершенномъ одиночествѣ,
отому что и Гете уѣхалъ изъ Іены, Шиллеръ сталъ писать
олѣе обыкновеннаго; производительная сила его, которую только
гѣсняло присутствіе друзей, отвлекая его отъ работы, пробуди-
ась съ новою энергіею. Во время отсутствія Гумбольдта написа-
ы: «Сила пѣсни», «Танцы», «Природа и школа», «Царство тѣ-
ей», «Достоинство женщинъ,» «Прогулка». Это вполнѣ подтверж-
аетъ наше положеніе, что природа Гумбольдта—природа вос-
рімчивая, природа Шиллера—производительная. Гумбольдтъ
амъ чувствовалъ свою слабость и зависимость отъ окружающихъ
его лицъ. «Чувствую, писалъ Гумбольдтъ къ Шиллеру, что моя
уховная дѣятельность, быть можетъ, болѣе нежели слѣдуетъ,
уждается въ чужомъ побужденіи, питаніи и поддержкѣ».

«Такъ какъ вы, отвѣчаетъ ему Шиллеръ, слишкомъ застѣнчивы
стыдливы, чтобы самому производить дѣтей съ музою, то по
райней мѣрѣ, усыновляйте или, лучше сказать, воспитывайте
тѣ моихъ дѣтей; за то вы будете дѣлить со мною радости
ца».

Гумбольдтъ съ благодарностію принялъ предложеніе Ш
писать рецензіи на его произведенія; начался рядъ кр
кихъ статей, имѣвшихъ свой особенный, оригинальн
рактеръ, отличавшій Гумбольдтову критику отъ всякой
напримѣръ отъ критики Кернера, разбиравшаго также п
денія Шиллера. Между тѣмъ какъ критика Кернера остр
га и справедлива, критика Гумбольдта снисходительна
страстна. Гумбольдтъ сочуствовалъ большей части идей
лера, смотрѣлъ на нихъ, какъ на собственныя мысли
денія и, конечно, поэтому судилъ о нихъ съ невольны
страстіемъ.

Онъ любилъ въ Шиллерѣ болѣе поэта, нежели челов
лучше сказать, сначала поэта, потомъ человѣка, то ес
сблизило съ Шиллеромъ болѣе тожество убѣжденій, неж
стоятельства жизни; поэтому Гумбольдтъ не хотѣлъ ни
измѣнять господствующее направленіе Шиллера, котор
больше привязывало его къ нему.

Порицанія Гумбольдта относятся къ метрикѣ, къ р
однимъ словомъ, къ внѣшностямъ и почти къ мелоч
хвалы его, напротивъ, вникаютъ въ идею, въ сущно
изведенія и открываютъ красоты, которыхъ не увид
оцѣнитъ обыкновенный, поверхностный наблюдат
черта критики Гумбольдта имѣетъ связь съ уваженіе
къ чужой индивидуальности, съ глубокимъ убѣжденіе
для самостоятельнаго полнаго развитія необходима сво
зависимость направленія, которую ограничиваетъ и ст
всякое постороннее вліяніе, всякій, даже дружескій и
мѣренный совѣтъ. Отъ рецензіи послѣднихъ сочиненій
лера Гумбольдтъ переходитъ къ опредѣленію его поэт
личности и значенія, къ его характеристикѣ, которой тр
самъ Шиллеръ.

Гумбольдта особенно поражала легкость, съ которою Ш
переходилъ отъ трактатовъ философіи и эстетики къ твор
поэтическимъ, опредѣлялъ условія и требованія прекра
осуществлялъ эти условія, создавая соотвѣтствующій им
алъ. Поэтому въ Гумбольдтовой характеристикѣ Шиллера
ствуетъ мысль, что въ немъ соединяются философъ и поэт
для него не существуетъ преграды, отдѣляющей истину д
тельности отъ истины идеи и что эта главная черта его ха
ра основывается на согласномъ, совокупномъ дѣйствіи сил
и силы воображенія.

Въ силу этой основной идеи, этого исходнаго пункта
разсужденія, Гумбольдтъ

Онъ считаетъ истиннымъ призваніемъ Шиллера драматическую поэзію и вотъ на какомъ основаніи: въ произведеніяхъ Шиллера высказываются чувства и мысли болѣе идеальныя, нежели близкія къ природѣ; красота чувства преобладаетъ, беретъ верхъ надъ естественностію; истинное поле для такихъ чувствъ—драма вообще и героическая трагедія въ особенности, гдѣ представляется борьба человѣка съ судьбою, и потому человѣкъ необходимо идеализируется.

По поводу характеристики Шиллера, Гумбольдтъ возвращается къ любимому предмету—къ Грекамъ; сравнивая Шиллера съ древне-греческими писателями, онъ старается объяснить себѣ, какимъ образомъ, не смотря на діаметральную противоположность направленія, въ поэзіи Шиллера встрѣчаются всѣ существенныя красоты поэзіи классической древности. Гумбольдтъ разрѣшаетъ это противорѣчіе, придерживаясь идей самого Шиллера, служащихъ основаніемъ его разсужденію «о наивной и сантиментальной поэзіи». По мнѣнію его, уступая древнимъ поэтамъ, изображавшимъ дѣйствительную природу, въ чувственной прелести, опредѣленности, простотѣ и законченности, новѣйшіе, стремящіеся къ идеалу, превосходятъ ихъ богатствомъ, безконечностію матеріала, необъятностію задачи, духовностію своихъ произведеній. Въ духѣ Грековъ—больше воспріимчивости, воспроизводительной силы, въ духѣ новѣйшихъ поэтовъ болѣе самодѣятельности, творчества. Вѣрность изображенія, чувственная полнота Грековъ противополагается глубинѣ мысли и чувства новѣйшихъ поэтовъ и въ особенности Шиллера, который въ этомъ отношеніи называется «новѣйшимъ изъ новѣйшихъ поэтовъ». Это сближеніе съ Греками подало поводъ къ возобновленію филологическихъ занятій, прерванныхъ въ послѣднее время пребываніемъ въ Іенѣ и вытѣсненныхъ занятіями философскими и эстетическими. По дорогѣ изъ Іены въ Берлинъ, Гумбольдтъ заѣхалъ къ Вольфу въ Галле. Свиданіе съ старымъ другомъ, разговоры съ нимъ снова возбудили въ Вильгельмѣ желаніе заняться греческою литературою и языкомъ. Впрочемъ, сравнивая себя, съ одной стороны, съ Вольфомъ, какъ филолога, съ другой съ Шиллеромъ, какъ мыслителя и писателя, Гумбольдтъ сознавалъ и, кажется, преувеличивалъ превосходство ихъ надъ собою. Отказываясь отъ всякой попытки сравниться съ ними въ спеціальности каждаго, онъ задумалъ соединить въ себѣ то и другое, внести въ изученіе греческой литературы элементъ эстетическій и предположилъ составить характеристику народнаго духа и литературы Грековъ, но задача оказалась слишкомъ огромною;

Гумбольдтъ измѣнилъ ее и перешелъ къ опредѣленію характера однихъ поэтовъ, но и этого показалось много; онъ ограничился сначала извѣстнымъ періодомъ времени, наконецъ извѣстною личностію и изъ всѣхъ поэтовъ выбралъ одного Пиндара, съ которымъ былъ хорошо знакомъ. Но характеристика Пиндара показалась ему трудомъ слишкомъ частнымъ и спеціальнымъ; словомъ, ничего не было сдѣлано, и предположенія остались предположеніями.

Въ Ноябрѣ 1796 года Гумбольдтъ снова пріѣхалъ въ Іену черезъ Галле, гдѣ еще разъ видѣлся съ Вольфомъ. Въ Іенѣ въ то время кипѣла живая, разнородная литературная и ученая дѣятельность. Шиллеръ обратился къ поэзіи и писалъ баллады обыкновеннаго; Гёте, пріѣхавши изъ Веймара, трудился надъ «Германомъ и Доротеею» и занимался остеологіею; Александръ Гумбольдтъ—изученіемъ природы, сближаясь родомъ занятій съ авторомъ «Вильгельма Мейстера»; Августъ Шлегель переводилъ Шекспира, Вильгельмъ Гумбольдтъ принялся за переводъ «Агамемнона» Эсхила. Шиллеръ еще прежде подружился съ Гёте, и сблизилъ съ нимъ друзей своихъ, Гумбольдта и Кернера. Гумбольдтъ еще до втораго пріѣзда своего въ Іену сообщалъ Гёте замѣтки о вновь выходившихъ его произведеніяхъ, и даже написалъ довольно подробную рецензію «Вильгельма Мейстера»; Кернеръ также писалъ критическія статьи о сочиненіяхъ Гёте и сообщалъ ихъ ему черезъ Шиллера. Приглашенный участвовать въ «Горахъ», Гёте пріѣзжалъ въ Іену, чтобы переговорить съ Шиллеромъ объ основныхъ положеніяхъ изданія и видѣлся съ Гумбольдтомъ, однимъ изъ ревностныхъ сотрудниковъ. Съ этого времени начинается ближайшее ихъ знакомство. Гумбольдтъ съ Шиллеромъ ѣздилъ въ Веймаръ къ Гёте, нѣсколько разъ видѣлъ его въ Іенѣ, и въ бытность свою въ Берлинѣ велъ съ нимъ постоянную переписку, которая, впрочемъ, не сохранилась и объ общемъ ходѣ которой мы можемъ судить только по дошедшимъ до насъ письмамъ Гумбольдта и Гёте къ Шиллеру.

Второе пребываніе Гумбольдта въ Іенѣ особенно способствовало тѣснѣйшему сближенію его съ Гёте. Оставаясь въ прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ съ Шиллеромъ, онъ отдалялся отъ него образомъ дѣятельности; Шиллеръ бросилъ занятія эстетикою, и, вмѣсто того, чтобы искать условій прекраснаго, опредѣлять ихъ умозрительными выводами, совершенно предавался поэзіи, стараясь создать, осуществить идеалъ чувствомъ и вдохновеніемъ. Гёте, напротивъ того, принималъ живое участіе въ эстетико-филологическихъ трудахъ Гумбольдта, которые

у тѣмъ, оставивъ характеристику Пиндара, собиралъ ма-
лы для изображенія духа литературы XVIII-го столѣ-
И это предпріятіе впрочемъ остановилось при самомъ
ѣ.

жду тѣмъ знаменитая поэма Гёте «Германнъ и Доротея»
галась къ концу; Гумбольдтъ слѣдилъ за постепеннымъ
тіемъ ея содержанія, читая отдѣльныя отрывки и сцены,
ръ того, какъ они выходили изъ подъ пера поэта, помо-
ему во внѣшней отдѣлкѣ стиха, въ метрикѣ и наблюдалъ
ецъ за печатаніемъ поэмы въ Берлинѣ. «Поэма произвела
ое впечатлѣніе на Гумбольдта. Гёте, какъ человѣкъ, мыс-
ь и поэтъ, сталъ въ его глазахъ на ряду съ Шиллеромъ,
не выше его. Ему казалось, что этимъ произведеніемъ
къ достигалъ высшей степени поэтическаго совершенства.
удовлетворялъ всѣмъ условіямъ Гумбольдтова идеала поэта.
ое пребываніе Гумбольдта въ Іенѣ было непродолжительно;
леру грустно было разставаться съ другомъ; тайное пред-
віе говорило ему что близкія сношенія ихъ кончились, что
зобновятся дружескія бесѣды, философскія пренія. «Гум-
тъ уѣхалъ, пишетъ Шиллеръ къ Гёте; и нѣсколько лѣтъ
ижу его, да и вообще нельзя ожидать, чтобы мы еще разъ
лись такъ, какъ теперь разстаемся. И такъ, вотъ еще одна
окончена, и не можетъ болѣе возобновиться. Два года,
атые при различныхъ условіяхъ во многомъ измѣняетъ и
и наши отношенія.»

Гумбольдта второе пребываніе въ Іенѣ произвело глубокое
тлѣніе, затронуло въ немъ многія струны, возбудило много
хъ идей, которыя развились и созрѣли въ немъ позднѣе, и
ыхъ первое проявленіе видимъ мы годъ спустя въ сочине-
Aesthetische Versuche: 1 Band. (Эстетическіе опыты, часть
присланномъ Шиллеру въ рукописи. Это сочиненіе вы-
етъ образъ мыслей Гумбольдта во второй періодъ его
тія, какъ «Ideen über die Wirksamkeit des Staats» пред-
ютъ юношескія грезы пылкой души его, мечты, еще не
нныя и не вполнѣ сложившіяся. «Эстетическіе опыты» на-
ы по поводу «Германна и Доротеи» Гёте; это пространная
зія поэмы и характеристика поэта. Но въ связи съ этой
ной задачей Гумбольдтъ представилъ мысли свои о поэтиче-
произведеніи вообще, и положилъ требованія, которымъ,
ѣ понятіямъ, должно удовлетворять истинно-художествен-
творепіе. Въ этой эстетической теоріи, носящей слѣды
нія Канта и Шиллера, Гумбольдтъ обращаетъ преимуще-
ное вниманіе не на сущность изящнаго, а на его происхож-

ленiе, на самый процессъ созданiя художественныхъ пр
нiй. Главнымъ предметомъ его изслѣдованiй является с
ображенiя, творческой фантазiи; онъ опредѣляетъ ее ка
ственную изъ нашихъ способностей, которая можетъ ос
и удерживать въ взаимной связи между собою противо
другъ другу и слѣдовательно несовмѣстныя свойства;
мощи этой силы художникъ превращаетъ дѣйствите
въ картину, выводитъ природу изъ предѣловъ вещест
и, собирая и группируя явленiя и признаки, разбросан
мірѣ дѣйствительномъ, возстановляетъ единство фор
рушаемое въ естественномъ порядкѣ вещей, словомъ и
руетъ существующую видимую природу. И деальное, по
Гумбольдта, есть то, что никогда не можетъ достигну
ствительности и чего не можетъ истощить никакое вы
Съ идеальностiю тѣсно связана цѣлостность, потому
фантазiи уничтожаетъ случайность, ограниченность и
венность дѣйствительности. Поэзiя превращаетъ «л
въ идеалы», переноситъ природу въ «область идей»
это затрогиваетъ струны человѣческой души, не принад
къ чувственному міру. Общiя положенiя эти сходны
женiями Канта въ сочиненiи его: «Ueber die Kraft der rei
nunft» (О силѣ чистаго разума), но Гумбольдту нужно бы
мулы эти примѣнить къ дѣлу, изъ общаго понятiя поэзiи
было вывести естественное и послѣдовательное ея са
леніе. Для этого, онъ принимаетъ два существенно ра
воложенiя души, во-первыхъ—положенiе «созерцанiя» и
рыхъ—положенiе опредѣленнаго чувствованiя; на этомъ
нiи онъ дѣлитъ поэзiю на эпическую и лирическую, къ
причисляетъ и трагедiю. Онъ опредѣляетъ эпическое
твореніе, какъ «такое поэтическое изображенiе дѣйствiя
сказѣ, которое ставитъ нашу душу въ положенiе живѣ
самаго общаго чувственнаго созерцанiя. Удаляясь отъ
Гумбольдтъ примыкаетъ къ Шиллеру, подражаетъ ему въ
ленiи наивнаго и сантиментальнаго характера поэтическ
изведенiй и согласно съ нимъ находитъ въ древней по
обладанiе наивнаго, въ новѣйшей господство сантимен
направленiя.

Примѣняя къ Гёте найденныя категорiи, онъ видитъ
правленiя гармоническое слiянiе характеровъ древне
шей поэзiи; но замѣчаетъ однако болѣе сродства съ
ментомъ, перенесъ наивнаго надъ сантиментальны
мѣста этого сочиненiя относятся не къ общимъ
изысканiямъ, а къ личности Гёте и къ его

ой группируется эстетическая теорія, какъ въ сочиненіи: «О мужеской и женской формѣ»—мысли о красотѣ женщины группировались вокругъ изображеній Афродиты и Геры. Недостатокъ сужденія его о Гёте и его поэмѣ заключается въ излишней восторженности, въ увлеченіи, которыя отнимаетъ у Гумбольдта вѣрность взгляда и необходимое для критика безпристрастіе, онъ ошибается, смѣшивая личность, единичный фактъ съ идеаломъ. «Въ характерѣ этого произведенія, говоритъ онъ, чище, нежели въ какомъ либо другомъ отразилась общая природа поэзіи и искусства».

Превознося объективность поэмы, онъ сравниваетъ ее въ этомъ отношеніи съ древними поэтическими произведеніями, которыя оно превосходитъ глубиною и полнотою чувства. Онъ рисуетъ природу и душу человѣка, но душу живую и получившую образъ. Въ «Германнѣ и Доротеѣ», говоритъ Гумбольдтъ, является намъ человѣчество и судьба; вопросъ въ томъ, какъ соединить общую цѣль всего человѣчества съ естественною индивидуальностію каждаго? отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ вся поэма, въ которой Гёте указываетъ на средства этого соединенія. Сохранять и развивать свой естественный, индивидуальный характеръ, удерживать прямой и здравый умъ въ независимости отъ внѣшнихъ переворотовъ, открывать его всякому высшему и лучшему вліянію и сопротивляться всѣми нравственными силами духу смущенія, и безпокойства, вотъ что совѣтуетъ Гёте человѣчеству, вотъ глубокій, дидактическій смыслъ его поэмы, выводящій ее изъ ряду обыкновенныхъ беллестристическихъ произведеній и придающій ей особенную, высшую цѣну въ глазахъ внимательнаго наблюденія.

Гумбольдта поражаетъ и эстетическое достоинство стихотворенія, и человѣческое значеніе поэта. «Авторъ такого произведенія, говоритъ онъ, можетъ быть названъ въ высшей степени человѣчественнымъ, потому что никто другой не говоритъ нашему сердцу въ такихъ разнообразныхъ, высокихъ, необыкновенныхъ и въ тоже время простыхъ и понятныхъ звукахъ.... Ни въ одномъ древнемъ писателѣ нѣтъ его высокой, тонкой, идеальной сантиментальности, ни въ одномъ новомъ—его чистой истинности, его сердечной, простой задушевности.... Изображая состояніе души даже самое необыкновенное и страстное, онъ, какъ при описаніи внѣшней природы, владѣетъ кистью спокойно и послѣдовательно, крѣпко сплочивая въ одно цѣлое отдѣльныя составныя части. Онъ выводитъ изображаемую индивидуальность въ одно время [illegible] силъ души, [illegible] мысли, чувства, про-

явленія характера, показываетъ тотъ же характеръ въ связи съ другими; онъ такъ живо выставляетъ его передъ нашимъ воображеніемъ въ его бытіи и сущности, что мы видимъ его не только въ одну извѣстную минуту, но въ обыкновенномъ, всегдашнемъ его состояніи, слѣдимъ за его развитіемъ и можемъ судить о его успѣхахъ..... Внутреннія движенія души способны принимать весьма различные оттѣнки, изъ которыхъ особенно замѣчательны слѣдующіе два, образующіе двѣ крайности, высокій, сильный и тихій, спокойный. Мысль принимаетъ различныя формы, съ одной стороны, выходя изъ чистаго размышленія, не опирающагося на внѣшній опытъ, или, являясь изъ области фантазіи въ видѣ блестящей сентенціи и, съ другой стороны, схватывая въ простой истинѣ множество опытовъ и выводя изъ нихъ самородную мудрость. Сердце чувствуетъ различныя движенія, когда его, съ одной стороны, обуреваютъ сильныя страсти и когда оно, съ другой стороны, вовлекши въ свой кругъ все, что можетъ заимствовать изъ природы, тихо и глубоко волнуется, гармонически прошикнутое могучими, безконечными, но постоянно согласными между собою чувствами. Это послѣднее настроеніе характера изображаетъ Гёте, и когда онъ вызываетъ страсти, то они поднимаются, какъ волны на безпредѣльномъ морѣ, на приготовленной такимъ образомъ почвѣ, и располагаются снова на свѣтлой, ничѣмъ неограниченной поверхности, легко подвижной на всемъ своемъ пространствѣ. Этимъ отличается онъ отъ новѣйшихъ поэтовъ другихъ націй, которые рисуютъ болѣе страсти нежели душу, въ которыхъ болѣе пыла и огня, нежели искренности и теплоты, и снова приближается этимъ путемъ къ прекрасному равновѣсію къ спокойной гармоніи древнихъ.»

Вообще, разсужденіе о «Германнѣ и Доротеѣ» представляетъ двѣ рѣзко отличающіяся части.

Въ первой Гумбольдтъ доказываетъ, что поэма эта истинно художественное, поэтическое твореніе. Доказавъ это, представивъ объективность необходимымъ условіемъ изящнаго произведенія, онъ отдѣляетъ поэзію Гёте отъ поэзіи Шиллера, болѣе пластическое направленіе отъ болѣе музыкальнаго, наивный стиль отъ сантиментальнаго и наконецъ, описывая болѣе и болѣе тѣсные круги, точно опредѣляетъ поприще дѣятельности автора «Германна и Доротеи».

Это составляетъ переходъ къ второй части, въ которой доказывается что «Германнъ и Доротея» есть образецъ истиннаго эпоса. Изъ общаго роднаго понятія эпоса выдѣляется сначала идиллія, далѣе повѣствовательное стихотв[illegible]

опредѣляется различіе между эпосомъ героическимъ и гражданскимъ, къ которому онъ и относитъ поэму Гёте. Произведеніе свое Гумбольдтъ прислалъ Шиллеру изъ Парижа, прося позаботиться о его напечатаніи; между тѣмъ, въ сочиненіи этомъ, исполненномъ похвалъ Гёте и его произведенію, не упомянуто имени Шиллера. Лучшимъ доказательствомъ благороднаго характера Шиллера можетъ служить поведеніе его въ этомъ случаѣ и въ особенности довѣріе Гумбольдта къ справедливости своего друга и его безпристрастію, составляющему явленіе, рѣдкое въ литературномъ мірѣ. Вполнѣ одобряя и раздѣляя основную мысль сочиненія Гумбольдта, Шиллеръ сдѣлалъ ему еще нѣсколько замѣчаній, касавшихся внѣшняго расположенія идей и слога, который мѣстами тяжелъ и отзывается педантизмомъ, происходившимъ отъ желанія быть ясвымъ.

«Заслуга этой работы, пишетъ Шиллеръ, въ строжайшемъ смыслѣ принадлежитъ вамъ. Правда, Гёте, какъ поэтъ, могъ приготовить вамъ матеріалъ, но я, какъ цѣнитель изящнаго и теоретикъ, не много пособилъ вамъ. Мало того. Я долженъ сознаться, что вижу слѣды моего вліянія въ единственной значительной погрѣшности, которую долженъ вамъ замѣтить. Догматическая часть вашего труда, опредѣляющая законы поэзіи, находится въ совершенномъ согласіи съ собою, съ предметомъ и съ чистѣйшими, общими воззрѣніями другихъ и съ философской точки зрѣнія вполнѣ удовлетворительна. Не менѣе вѣрна и безъукоризненна часть критическая, примѣняющая эти законы къ самой поэмѣ и замѣняющаяся его оцѣнкой; но, кажется, не достаетъ средней части, которая примѣняла бы общія положенія, метафизику поэзіи, къ отдѣльнымъ родамъ ея и посредствомъ которой совершился бы переходъ отъ самаго общаго къ единичному. Я замѣтилъ выше, что узнаю въ этой погрѣшности слѣды моего вліянія. Дѣйствительно, стремленіе наше къ элементарнымъ понятіямъ въ эстетическихъ предметахъ привело насъ къ тому, что мы слишкомъ непосредственно примѣняемъ къ предметамъ метафизику искусства и употребляемъ ее, какъ практическое орудіе, къ чему она, конечно не годится; мнѣ это часто случалось дѣлать въ отношеніи къ Бюргеру и Маттисону, въ особенности при статьяхъ для «Горъ».

«Идеямъ Гумбольдта, пишетъ Шиллеръ къ Кернеру, не достаетъ необходимой смѣлости выраженія, а всему изложенію группировки, столь же необходимой въ научномъ изложеніи какъ и во всякомъ художественномъ произведеніи. Такъ какъ ему не достаетъ этого, то результаты его не легко охватываются

разсудкомъ, и еще менѣе производятъ впечатлѣніе на воображеніе; они разсѣяны и ихъ нужно собирать; одинъ періодъ вытѣсняетъ у него другой; онъ развлекаетъ вниманіе въ разныя стороны и ни на чемъ исключительно не позволяетъ ему остановиться.»

Вотъ главные недостатки этого произведенія, которое вообще не имѣло успѣха въ публикѣ, тѣмъ болѣе, что незадолго за его появленія вышла въ свѣтъ рецензія поэмы «Германнъ и Доротея» Августа Вильгельма Шлегеля, написанная не столь основательно, но языкомъ болѣе живымъ, увлекательнымъ, и потому понравившаяся больше рецензіи Гумбольдта.

Уѣзжая изъ Іены, Гумбольдтъ намѣревался путешествовать, чтобъ довершить свое самообразованіе, познакомиться съ замѣчательными личностями своего времени, изучить физіономію различныхъ народовъ въ отечествѣ ихъ и на поприщѣ обыкновенной политической и домашней ихъ дѣятельности. Сперва Гумбольдтъ рѣшился посѣтить Сѣверную Германію, чтобы прежде всего вполнѣ познакомиться съ своимъ отечествомъ. Изъ Берлина онъ отправился черезъ Стральзундъ въ Рюгенъ, оттуда черезъ Роштокъ и Любекъ въ Эйтинъ, обыкновенное мѣстопребываніе Фосса, съ которымъ онъ желалъ повидаться и сблизиться. Авторъ «Луизы», честный и добродушный Нѣмецъ, какъ человѣкъ и какъ семьянинъ произвелъ на Гумбольдта самое пріятное впечатлѣніе, и совершенно расположилъ его въ свою пользу.

Пробывъ нѣсколько дней въ Эйтинѣ, Гумбольдтъ проѣхалъ въ Гамбургъ и оттуда возвратился въ Берлинъ, гдѣ ни одинъ изъ прежнихъ друзей не могъ замѣнить ему Шиллера. Внутренняя пустота, происходившая отъ разлада со всѣмъ окружающимъ, породила въ Гумбольдтѣ тоску, безпокойство, непреодолимое желаніе перенестись снова въ кружокъ іенскихъ друзей; дѣйствительно, не смотря на безнадежное положеніе больной матери, онъ оставилъ Берлинъ и, черезъ Галле, гдѣ видѣлся съ Вольфомъ, проѣхалъ въ Іену. Это третье пребываніе его было очень непродолжительно; онъ получилъ извѣстіе о кончинѣ матери, и разныя семейныя дѣла принудили его снова ѣхать въ Берлинъ. Окончивъ дѣла по наслѣдству, Гумбольдтъ съ новою силою ухватился за желаніе свое путешествовать, желаніе, которое можно было еще легче исполнить теперь, по смерти матери. Давно уже привлекала его Италія; и климатъ, и историческія воспоминанія, и произведенія искусствъ, все манило его въ Римъ, представляя ему древнюю столицу міра очарованнымъ городомъ, безъ котораго развитіе будетъ неполно и бѣдно

ь, казалось, благопріятствовали исполнить давнишнее жела-
Внутреннее развитіе свое Гумбольдтъ считалъ достаточно
ченнымъ, чтобы въ полной мѣрѣ наслаждаться красотами
роды и искусства, понимать и чувствовать истинное значеніе
ичественныхъ памятниковъ древности. И такъ рѣшено было
ть въ Италію.

ъ концѣ Апрѣля Гумбольдтъ изъ Берлина отправился съ
ою въ Дрезденъ, гдѣ съѣхался съ братомъ Алексан-
мъ, желавшимъ сопутствовать имъ въ путешествіи. Тутъ
былъ онъ довольно долго, сблизился съ Кернеромъ, видѣлся
нимъ каждый день и разговаривалъ о великихъ произведе-
. Шиллера и Гете, критика которыхъ составляло главное и
имое занятіе обоихъ. Не ранѣе конца Іюля семейство Гум-
ьдтовъ пустилось въ дальнѣйшій путь по дорогѣ къ Вѣнѣ,
а прибыли они въ началѣ Августа. Здѣсь услышали
о томъ, что въ Италіи начались военныя дѣйствія,
дороги захвачены французскими летучими отрядами,
что путешествіе вообще представляетъ большія неудобства
аже серьезныя опасности. Принужденный отказаться отъ по-
ки въ Италію, Вильгельмъ Гумбольдтъ рѣшился ѣхать въ
анцію черезъ Швейцарію и въ началѣ Октября оставилъ Вѣ-
а въ концѣ того же мѣсяца прибылъ съ женою въ Мюн-
ъ.

ильгельмъ не оставлялъ безъ вниманія ничего достопримѣ-
льнаго; онъ путешествовалъ чтобы учиться и вполнѣ дости-
предположенной цѣли; библіотеки, музеи, общественныя
и учрежденія, все обращало на себя его просвѣщенное вни-
; мало того онъ всматривался въ физіономію и бытъ народа,
ался въ его языкъ и повѣрія, изучалъ природу и душу че-
ка въ самыхъ живыхъ ея проявленіяхъ. Гумбольдтъ не зани-
ся исключительно одною извѣстною стороною, оставляя безъ
нія всѣ другія. Онъ наслаждался полнымъ впечатлѣніемъ, ко-
е производило на него все, что онъ видѣлъ, въ совокупности,
дѣлости, въ строгомъ соотвѣтствіи и равновѣсіи отдѣль-
ъ составныхъ частей. Изъ Мюнхена онъ проѣхалъ по
ейцаріи и наконецъ прибылъ въ Парижъ въ половинѣ
бря.

ѣсь богатый домъ Гумбольдта, оживленный любезностію его
ы и открытый для высшаго парижскаго круга, въ особенно-
ля литературныхъ и ученыхъ знаменитостей, сдѣлался, какъ
етъ Каролина фонъ Гумбольдтъ къ одной изъ своихъ прія-
ницъ, Рахили Левинъ, point de ralliement Нѣмцевъ и Фран-
въ; изъ Парижскихъ знакомыхъ ихъ особенно замѣчатель-

ны живописцы Давидъ и Форестье, писатели и ученые Вилл
зонъ, Милленъ, Дю-Тейль, Сенъ-Круа, отшельникъ Графъ Шл
рендорфъ, Эльснеръ, Лейхсенрингъ, Бургсдорфъ, М-me Сталь, с
которою коротко познакомились Гумбольдтъ и его супруга. В
салонахъ М-me Сталь они встрѣчались съ тогдашними парижа
ми знаменитостями, которыя имѣли вліяніе на современное обще
ство и давали направленіе своему вѣку. Здѣсь видѣлся и сблизи
Гумбольдтъ съ немногими французскими учеными и писателя
которые интересовались нѣмецкимъ языкомъ и словесностью
эпоху до реставраціи. Такъ узналъ онъ Бенжамена Констан
Ретифъ де-ла Бретонн, Битобе и Сильвестра де Саси. Здѣсь
впервые онъ видѣлся съ знаменитымъ Талейраномъ, съ кото
рымъ ему такъ часто суждено было встрѣчаться впослѣдств
на дипломатическомъ поприщѣ. Подробности этого перво
знакомства неизвѣстны. Сюда же, весною 1797 года возвратил
изъ своихъ путешествій Александръ Гумбольдтъ.

Не отказываясь отъ общества, Вильгельмъ Гумбольдтъ не о
ставилъ и ученыхъ занятій, для которыхъ въ Парижѣ ему пр
ставлялось много новыхъ средствъ; все утро посвящено было
трудамъ въ библіотекахъ и музеяхъ, изученію греческой древн
сти, чтенію Гомера, и переводу Пиндара, который успѣшно по
двигался впередъ. Впрочемъ, изученіе древности не состави
ло исключительнаго предмета вниманія Гумбольдта; его стол
ко же интересовала національность новыхъ народовъ. Въ бли
ность свою во Франціи онъ подмѣчалъ отличительныя черты
французскаго характера. Мѣстомъ его наблюденій былъ театръ
Сравнивая игру Французскихъ актеровъ съ игрою Нѣмецк
и замѣчая существенное различіе, онъ выводилъ изъ этого раз
личія заключенія о характерѣ обоихъ народовъ. Замѣчанія эт
показываютъ тонкую и глубокую наблюдательность. «Француз
говоритъ онъ, любятъ эффектъ, внѣшній блескъ, который
глазахъ ихъ можетъ замѣнить прочихъ внутреннія достоинст
поддаются впечатлѣнію минуты, увлекаются имъ, но не на дл
го. Такъ и актеры ихъ лучше выражаютъ страсти, минутны
чувства, нежели характеры; игра ихъ отличается болѣе эффе
ностью, нежели ровностью, глубиною и обдуманностью, к
которой она уступаетъ драматическому искусству Нѣмцевъ.
Нѣмецъ хочетъ схватить впечатлѣніе прямо чувствомъ
умомъ, хочетъ перескочить черезъ бездну, которая такъ р
отдѣляетъ бытіе отъ бытія и силу отъ силы, что они м
сдѣлаться понятными только черезъ посредствующіе
Мысли и чувства не проявляются тотчасъ въ выраженіи,
всегда представляются говорящему въ опредѣленныхъ слов

въ гармоніи и ритмѣ, живописцу и ваятелю въ образѣ,
ности же не представляются актеру въ выраженіи лица и
стахъ, потому что мы вообще не обладаемъ живою и вы-
ельною мимикою. Вообще нѣмецъ не такъ говорливъ,
другіе народы, а между тѣмъ (я говорю откровенно, какъ
вую) онъ могъ бы высказать больше и лучше другихъ. Это
ложеніе духа, безъ сомнѣнія, можетъ вредить искусству.
омъ основаніи, наши поэты въ богатствѣ и красотѣ ритма,
вственной полнотѣ выраженія уступаютъ не только древ-
но часто и новѣйшимъ и потому, при одинаковой силѣ,
гутъ сравниться съ ними въ степени поэтическаго вооду-
нія. «Эти наблюденія изложены въ систематическомъ по-
въ сочиненіи «О современной французской трагической
», помѣщенномъ въ «Пропилеяхъ» Гете.

все объемлющее Гумбольдтово изученіе человѣка вообще и
номика, не имѣвшая впрочемъ ничего общаго съ наукою
ера. Онъ посѣтилъ музей малыхъ Августинцевъ (le musée
tits Augustins) и наблюдалъ типы находящіяся въ одной
ѣе портретовъ и бюстовъ замѣчательныхъ людей Фран-
времень Хлодвига до Людовика XV; на основаніи этихъ
деній онъ, впрочемъ, не составлялъ, какъ Лафатеръ,
ихъ теорій, удивляющихъ своею безсказательностью, но
дѣлалъ замѣтки со свойственною ему тонкостью и
цательностію; онъ умѣлъ подмѣтить такія стороны
ты, которыя ускользнули бы отъ обыкновеннаго наблю-
. Напримѣръ, онъ находитъ, что благороднѣйшій типъ
ѣтствуетъ времени процвѣтанія литературы, но изъ этого
не выводитъ никакого произвольнаго заключенія.

концѣ Августа 1799 г. Гумбольдтъ со всѣмъ семействомъ
принялъ путешествіе въ Испанію; онъ отправился изъ
ца черезъ Байонну, проѣхалъ въ Біскайю, оттуда по бе-
мъ Эбро въ Кастилію, въ Мадридъ, потомъ на югъ, въ Ка-
ы и наконецъ назадъ на сѣверъ черезъ Севилью, Сіерру Мо-
и Валенсію мимо Мурвіедро, (древняго Сагунта) въ Барцело-
пробывъ тамъ нѣсколько времени, онъ черезъ Каталонію
вился къ Пиринеямъ и возвратился въ Парижъ въ Апрѣлѣ
года. Поѣздка эта замѣчательна тѣмъ, что съ нею соединены
ля лингвистическія занятія Гумбольдта, начавшіяся съ изу-
баскскаго языка, занятія, которымъ суждено было вытѣс-
или по крайней мѣрѣ подчинить себѣ и отодвинуть на вто-
планъ изученіе древности, философію и эстетику, — и обез-
гить имя Вильгельма Гумбольдта.

мбольдтъ нашелъ что въ языкѣ всего чище выражается

индивидуальный характеръ народа и что основательное изученіе языка, изученіе, въ которое входятъ элементы всѣхъ наукъ, составлявшихъ до сихъ поръ предметъ его занятій, прямо и вѣрно поведетъ его къ предположенной цѣли, къ познанію человѣка. Труды по баскскому языку задержали его долго въ Испаніи и потомъ въ Парижѣ, гдѣ онъ нашелъ въ библіотекахъ много памятниковъ и рукописей. Гумбольдту помогали въ Бискаіи два мѣстные священника, хорошо знавшіе баскскія древности.

Впрочемъ, результаты всей поѣздки въ научномъ отношеніи не соотвѣтствовали его ожиданіямъ. «Главною цѣлью моего путешествія черезъ Бискаію, говоритъ Гумбольдтъ, было отыскать слѣды, которые могли остаться отъ древнѣйшей исторіи и древнѣйшаго быта народа въ старинныхъ преданіяхъ и народныхъ пѣсняхъ. Но вскорѣ я совершенно разочаровался въ ожиданіи найти что нибудь замѣчательное. Быть можетъ, ни въ какой другой странѣ безразсудная ревность первыхъ христіанскихъ жителей не успѣла такъ окончательно уничтожить всѣ остатки языческой древности.»

Въ горахъ Сіерры Морены Гумбольдтъ написалъ элегію; это былъ первый самостоятельный его поэтическій опытъ, написанный подъ вліяніемъ роскошной природы Андалузіи. Въ ней совѣтуетъ онъ человѣку сближаться съ природою, воспринимать ее въ себя и воспринятое воодушевлять и преобразовывать дыханіемъ внутренней жизни.

Сильное впечатлѣніе произвелъ на Гумбольдта уединенный монастырь Монсерратъ близъ Барцелоны, построенный на одинокой скалѣ, въ прекрасномъ, живописномъ мѣстоположеніи. «Когда я всходилъ къ монастырю, пишетъ онъ къ Гёте, по тропинкѣ, медленно извивающейся вдоль склона скалы, когда, прежде нежели я увидѣлъ зданія, зазвучалъ колоколъ, мнѣ представился вашъ благочестивый пилигримъ (въ стихотвореніи «Тайны»); когда я выглянулъ изъ глубокихъ, зеленѣющихъ ущелій и увидѣлъ кресты, водруженные святою отвагою на голыхъ утесахъ, въ неизмѣримой высотѣ, по видимому, недоступной человѣку, то взоръ мой не пронесся равнодушно мимо этого символа, безпрерывно встрѣчающагося въ Испаніи. Величіе природы, глубина одиночества наполняетъ сердце такими чувствами, которыя придаютъ даже пустому іероглифу свой собственный, знаменательный смыслъ. Какъ бы мы ни думали о какомъ нибудь вѣрованіи или убѣжденіи, между нимъ и нами стоитъ посредникомъ человѣкъ, изъ чувствованій котораго оно вышло. Въ сумракѣ свѣта мы часто забываемъ объ этомъ и судимъ рѣзко.

но въ тиши уединенія, располагающаго насъ къ кротости,
сильнѣе чувствуемъ сродство свое со всѣмъ человѣческимъ.
о не могъ я оторваться отъ вершины этой удивительной
ı, долго, пристально смотрѣлъ на разстилавшуюся предо
) обширную равнину, которая, съ одной стороны, окайм-
моремъ и снѣжными хребтами горъ, съ другой, сливается
обозримою далью, на лежавшія подо мною лѣсистыя ущелья,
рыхъ глубокая тишина только порою нарушалась отдален-
ь звономъ монастырскаго колокола. Не вольно подумалъ
о это мѣсто можетъ служить убѣжищемъ тихаго удаленія
свѣта, убѣжищемъ, гдѣ немногимъ совершенно чуждое
леніе жить съ самимъ собою и съ природою найдетъ пол-
невозмутимое удовлетвореніе. Дѣйствительно, для каждаго
стинно человѣческаго чувства должно бы въ природѣ быть
пріятствующее ему мѣсто, въ которомъ человѣкъ могъ-бы
ъ прибѣжища, если не для себя, то по крайней мѣрѣ, для
ъ чувствъ и своего воображенія.» Прекрасное описаніе это
ываетъ живое чувство Гумбольдта къ красотамъ природы,
которыхъ онъ постоянно восходитъ къ болѣе возвышен-
, внутреннему и духовному.

ъ Парижа Гумбольдтъ возвратился въ Германію; въ Вейма-
дѣлся съ Шиллеромъ, но пробылъ съ нимъ недолго, и изъ
ара, черезъ Бургэрнеръ, проѣхалъ въ Берлинъ и въ Тегель.
инская жизнь теперь, какъ и прежде, не имѣла для него ни-
привлекательнаго. Онъ снова сталъ часто видаться съ Ген-
, но съ каждымъ днемъ болѣе понималъ его, видѣлъ пусто-
о и отсутствіе прочныхъ нравственныхъ правилъ. Подкуп-
ій австрійскимъ золотомъ, Генцъ въ то время поддержи-
интересы австрійскаго двора, навлекъ на себя подозрѣ-
и принужденный бѣжать изъ Берлина, перешелъ наконецъ
стрійскую службу.

жду тѣмъ Гумбольдтъ также выѣхалъ изъ Берлина, полу-
мѣсто, достойное его талантовъ и добросовѣстности. Мы
ли, какъ Гумбольдтъ въ первой молодости бросилъ службу,
найти въ саморазвитіи и нравственномъ совершенствованіи
достойный и полезный предметъ дѣятельности.

рочемъ, въ послѣдніе годы XVIII столѣтія, особенно во
послѣдняго пребыванія въ Берлинѣ, его тревожило опа-
, не будетъ ли одностороннимъ развитіе, при которомъ
ь дѣятельности ограниченъ собственною личностію и не ра-
граняется на окружающій внѣшній міръ, при которомъ со-
енныя теоріи остаются безъ всякаго практическаго примѣ-
; кромѣ того, ему казалось, что цѣна досуга только тогда

можетъ быть вполнѣ понята, и что самый досугъ тогда только можетъ принести всю свою пользу, когда онъ смѣняется правильными, положенными занятіями, не зависящими отъ нашего произвола; однимъ словомъ Гумбольдту пришла мысль снова поступить на службу. Знатность рода, сильныя связи и личныя достоинства открывали ему доступъ ко всякой карьерѣ, ко всякому служебному поприщу; счастье благопріятствовало ему; въ это время прусское правительство не имѣло представителя въ Римѣ; Гумбольдтъ сталъ хлопотать о мѣстѣ посланника при дворѣ Папы, такъ какъ эта служба совпадала съ его пламеннымъ, давнишнимъ желаніемъ, получилъ его и осенью 1802 г. со всѣмъ семействомъ отправился въ Римъ.

II.

Отъѣздъ въ Римъ.—Тоска по родинѣ.—Смерть старшаго сына В. Г.—Впечатлѣнія, произведённыя Римомъ на В. Г.—Переводы Эсхила и Пиндара.—Дѣятельность В. Г. въ управленіи Департаментомъ—Назначеніе В. Г. посланникомъ въ Вѣну.—Дипломатическая дѣятельность В. Г. 1813—1815 годовъ.—Посольство въ Лондонъ.—Проэктъ конституціи.—Окончательная отставка В. Г.

На пути въ Римъ Гумбольтъ заѣхалъ въ Галле къ Вольфу, у котораго взялъ множество наставленій на счетъ достопримѣчательностей Италіи и въ особенности Рима; потомъ въ Веймаръ, къ Гете, и здѣсь въ послѣдній разъ видѣлся съ Шиллеромъ. Съ первыхъ мѣсяцевъ пребыванія въ Римъ Гумбольдтъ умѣлъ своимъ благоразуміемъ и благородствомъ заслужить такое расположеніе папы, какимъ не пользовался ни одинъ изъ его предшественниковъ, и—что всего удивительнѣе—умѣлъ пріобрѣсти любовь народа, не смотря на различіе вѣроисповѣданія. Но ни сочувствіе римскаго народа, ни общество даровитыхъ и образованныхъ людей, литераторовъ, ученыхъ, художниковъ, какъ напримѣръ Бонштеттена, Шлегеля, Гёти, Сталь, Тика, Торвальдсена, Шика, Цоэги, не могли подавить въ Гумбольдтѣ чувства грусти; тяжелы были для него первые годы посланничества, словно ему чего-то не доставало. Не доставало ему іенскихъ друзей, кружка, съ которымъ его связывало единство идей, тожество убѣжденій, не доставало разговоровъ съ Шиллеромъ, съ Гете, не доставало наконецъ звуковъ родного языка, родного образа мыслей, словомъ нѣмецкаго элемента, который онъ любилъ всѣми силами души. Впрочемъ, онъ, по обыкновенію, поддерживалъ постоянную переписку съ оставшимися на родинѣ друзьями. Шиллеръ по прежнему присылалъ ему на обсужденіе свои созданія, спрашивалъ его дружескаго совѣта и пользовался его замѣчаніями. «Орлеанская дѣва», «Марія Стуартъ», «Мессинская невѣста», «Вильгельмъ Телль» и нѣсколько мелкихъ стихотвореній выражали такимъ образомъ критику Гумбольдта.

Письменныя сношенія эти облегчали разлуку, не могли, конечно, замѣнить живого слова, не могли производить на Гумбольдта того плодотворнаго, возбудительнаго вліянія, которое имѣло на него общество Шиллера и Гете. Онъ во всѣхъ письмахъ своихъ выражаетъ тоскливое стремленіе къ тому, чего не доставало ему въ Римѣ. Эта особенная, свойственная ему тоска по родинѣ высказалась всего сильнѣе когда онъ получилъ извѣстіе о смерти Шиллера. «Ничто еще не потрясало меня такъ сильно, какъ извѣстіе о смерти Шиллера, пишетъ онъ къ Гете; я въ первый разъ теряю испытаннаго друга, съ которымъ слились мои мысли и чувства въ годы, прожитые вмѣстѣ; теперь, мнѣ еще ужаснѣе кажется разлука, отдаленіе, въ которомъ мы провели послѣдніе годы..... Какъ часто приходило мнѣ въ голову, что человѣкъ легкомысленно покидаетъ, уничтожаетъ то, въ чемъ заключено его счастіе и необдуманно хватается за новое. Если бы мы всегда имѣли въ виду и ясно сознавали дѣйствительную неизвѣстность человѣческой судьбы, тогда конечно ни одинъ чувствительный человѣкъ, не рѣшился бы оставить то мѣсто, на которомъ впервые обнялъ друзей.»

Въ первый же годъ пребыванія Гумбольдта въ Римѣ, его поразило сильное несчастіе. Въ Арриччіо умеръ старшій сынъ его, подававшій блестящія надежды. «Эта смерть, писалъ Гумбольдтъ къ Шиллеру въ первыя минуты горести, отняла у меня съ одной стороны всякую увѣренность въ жизни; я больше не вѣрю своему счастію, не вѣрю судьбѣ, не вѣрю силѣ бытія. Ежели эта быстрая, цвѣтущая, сильная жизнь могла такъ внезапно погибнуть, то что же послѣ того прочно?»

Впрочемъ время и въ особенности пребываніе, въ такомъ городѣ, какъ Римъ, развлекли Гумбольдта и изгладили не только печаль его, но и чувство одиночества, тоску по родинѣ. Дѣйствительность вполнѣ соотвѣтствовала картинѣ, которую заранѣе рисовало ему воображеніе; роскошная природа, величественныя воспоминанія былого, безсмертныя произведенія искусствъ, все это вмѣстѣ, въ совокупности образовало для Гумбольдта какой то очарованный міръ; передъ нимъ возставало прошедшее, являлся древній Римъ во всемъ своемъ величіи; Гумбольдтъ совершенно поддался этому обаянію, имѣвшему для него невыразимую прелесть, и спокойно наслаждался общимъ, цѣлостнымъ впечатлѣніемъ всемірнаго города, въ которомъ всѣ чувства его находили себѣ отголосокъ, всѣ потребности души удовлетореніе. «Все, что въ насъ звучитъ по человѣчески, пишетъ онъ, чрезъ какую бы нить человѣческой и всемірной судьбы оно ни пробуждалось, при этой обстановкѣ звучитъ чище и сильнѣе.»

Словомъ, онъ чувствовалъ Римъ, какъ Греки чувствовали весь внѣшній міръ. По этому, для составленія себѣ полнаго понятія о Римѣ, онъ считаетъ недостаточнымъ обозрѣніе всѣхъ его достопримѣчательностей. Римъ, который «остался для насъ, говоритъ онъ, чувственно-живою картиною идеально-созерцаемой древности, Римъ требуетъ спокойствія, требуетъ, чтобы, по возможности, мы отдаляли отъ себя мысль о необходимости отъѣзда, какъ бы рѣшительно онъ ни былъ назначенъ; надобно сначала пожить для самаго себя, а потомъ уже для Рима, и тихо, спокойно предаться впечатлѣнію. Величіе Рима заключается при безконечномъ множествѣ отдѣльныхъ достопримѣчательностей, въ общей картинѣ, въ смѣшеніи древняго и новаго великолѣпія, въ развалинахъ, раскинутыхъ на пространствѣ нѣсколькихъ миль по растилающейся кругомъ равнинѣ, и окаймляющимъ ее горамъ, въ длинномъ рядѣ историческихъ воспоминаній и темныхъ преданій. Это ясно выказалось въ то время, когда онъ недостойнымъ и постыднымъ образомъ былъ лишенъ драгоцѣнныхъ сокровищъ искусства, замѣчательныхъ памятниковъ древности. Останется вѣчное различіе между странами и городами, которые были театромъ классической древности, и тѣми, которыхъ не коснулось это живительное дыханіе, рано согрѣвшее человѣчество.»

«Пріѣзжайте, пишетъ Гумбольдтъ къ Вольфу, приглашая его на прогулку въ Колизеѣ при лунномъ свѣтѣ, пріѣзжайте и будемъ наслаждаться. Пробудьте здѣсь хоть нѣсколько недѣль, и вы отвѣдаете лотоса. Исчезнутъ тягостныя мысли о трудѣ; вы будете желать одного наслажденія и полюбите его болѣе труда.» Впрочемъ, то высшее наслажденіе, о которомъ говоритъ Гумбольдтъ не исключаетъ труда, напротивъ оно освѣжаетъ силы и располагаетъ къ дѣятельности. Примѣръ этого представляетъ самъ Гумбольдтъ, принявшійся съ новымъ рвеніемъ, подъ вліяніемъ внѣшней обстановки, за давно начатые переводы Пиндара и Эсхила.

Лѣтомъ 1804 года оконченъ въ Альбано переводъ «Агамемнона», занимавшій Гумбольдта въ теченіе восьми лѣтъ. Переводъ этотъ выдержалъ много разныхъ измѣненій и былъ изданъ не въ томъ видѣ, который онъ получилъ въ Римѣ. Скажемъ при этомъ случаѣ нѣсколько словъ о переводахъ Гумбольдта вообще. Первымъ опытомъ его былъ переводъ второй олимпійской оды Пиндара, сдѣланный въ счастливомъ невѣдѣніи трудностей, переводъ, въ которомъ на первомъ планѣ стоитъ не ученый, а поэтическій интересъ; вѣрность подлиннику принесена въ жертву художественности; это скорѣе вольное, поэтическое переложеніе,

нежели добросовѣстный и точный переводъ. Гумбольдтъ заботится только о мысли, оставляя безъ вниманія самый языкъ, колоритъ, характеръ подлинника. О перенесеніи на нѣмецкій языкъ размѣра и метрики Пиндара не могло быть и рѣчи. Сочиненія Шнейдера о Пиндарѣ и разговоры съ Вольфомъ, которому очень не понравились эти переводы, заставили Гумбольдта строже взглянуть на свои первые опыты и заняться ихъ исправленіемъ. Взглядъ Гумбольдта на задачу переводчика древнихъ классиковъ сдѣлался серьезнѣе, требованія его—строже. Рядомъ съ эстетическимъ элементомъ является элементъ ученый, филологическій; чтобы передать духъ поэта, онъ вмѣстѣ съ мыслью старается, по возможности воспроизводить и языкъ, и форму, и метрику. Время пребыванія его въ Римѣ представляетъ періодъ равновѣсія между этими двумя элементами. Къ тому времени относятся лучшіе его переводы изъ Пиндара. Далѣе, подъ вліяніемъ лингвистическихъ занятій, начинается преобладаніе элемента ученаго, доходящее иногда даже до педантизма. Эстетическое достоинство перевода, легкость языка, ясность, даже синтаксическая правильность приносятся въ жертву вѣрности передачи и близости къ оригиналу. Преимущественно обращая вниманіе на мѣлочи, Гумбольдтъ упускаетъ изъ виду внутреннее, общее достоинство перевода. Такимъ, образомъ, «Агамемнонъ» его, носящій слѣды такой педантически-тщательной отдѣлки не можетъ быть названъ пріобрѣтеніемъ для литературы, то, конечно, онъ обогащаетъ языкъ, внося въ него новые обороты, увеличивая его гибкость и выразительность и распространяя значеніе словъ. Это и было главною цѣлью его; на первомъ планѣ его ученой дѣятельности стоялъ въ то время языкъ. «Мнѣ всегда казалось, пишетъ онъ, что интеллектуальную, отчасти даже моральную и политическую судьбу націй обозначаетъ въ языкѣ преимущественно то обстоятельство, какъ въ немъ буквы совокупляются въ слоги, а слоги въ слова, и какъ эти слова относятся другъ къ другу въ рѣчи по долготѣ и ударенію.»

«Собственно говоря, пишетъ онъ къ Вольфу, всѣ мои занятія, даже и Пиндаръ, имѣютъ предметомъ изученіе языка. Мнѣ кажется, въ языкѣ я нашелъ средства извѣдать все высочайшее и глубочайшее, все разнообразіе міра; и болѣе и болѣе утверждаюсь въ этомъ мнѣніи. За изслѣдованіями о баскскомъ языкѣ начались изслѣдованія о происхожденіи и средствѣ европейскихъ языковъ; богатый запасъ матеріаловъ и источниковъ представлялся ему въ библіотекѣ Collegio Romano и другихъ библіотекахъ Рима. Александръ Гумбольдтъ, возвратившись изъ Новаго Свѣ-

та въ 1805 году, доставилъ брату много любопытныхъ свѣденій объ американскихъ языкахъ.

Плодомъ этихъ лингвистическихъ изслѣдованій, явно становившихся любимымъ предметомъ его занятій, во время шестилѣтняго пребыванія его въ Римѣ онъ написалъ два стихотворенія: «Элегію», которая сходна по содержанію съ пьесой, написанной въ Сіеррѣ Морена, но слабѣе по поэтическому достоинству, и «Привѣтствіе Александру Гумбольдту», написанное въ 1808 году въ Альбано. Сначала онъ привѣтствуетъ возвратившагося брата, потомъ рисуетъ себѣ картину Новаго Свѣта, сравниваетъ дикихъ жителей Америки съ древними Пелазгами, съ Германцами временъ Тацита и спрашиваетъ о будущей судьбѣ ихъ, о дальнѣйшемъ ходѣ и направленіи ихъ развитія. Стихотвореніе это наполнено глубокими идеями, проникнуто чувствомъ и не лишено поэтическаго достоинства.

Жизнь въ Римѣ имѣла для Гумбольдта такъ много прелести, и представляла такъ много пособій для успѣха трудовъ его, что онъ намѣревался остаться тамъ навсегда и готовилъ себѣ могилу возлѣ сына, у пирамиды Кая Цестія. Между тѣмъ политическій горизонтъ Германіи становился мрачнѣй и мрачнѣй. Императоръ Французовъ, располагая судьбою царствъ и народовъ, давно уже предписывалъ законы Курфюрсту Майнцскому и мелкимъ прирейнскимъ владѣтелямъ; битва при Іенѣ уничтожила однимъ ударомъ военную силу монархіи Фридриха Великаго и предоставила Пруссію произволу надменнаго побѣдителя. Громъ оружія долетѣлъ и до Гумбольдта и прервалъ его мирныя ученыя занятія; его призывалъ долгъ чести, голосъ любви къ отечеству, на который не можетъ не откликнуться человѣкъ благородный, нормально развитый; пришла пора на дѣлѣ доказать, принесли ли желанный плодъ десятилѣтніе труды его надъ собственнымъ развитіемъ, пришла пора подѣлиться съ обществомъ добытыми результатами, помочь бѣдствующему отечеству своими талантами. Гумбольдтъ не былъ патріотомъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова; его не привязывала къ нѣмецкой почвѣ слѣпая, болѣзненная любовь—любовь Швейцарца къ своимъ горамъ и родной хижинѣ; онъ не разжигалъ восторженныхъ чувствъ древнихъ Грековъ и Римлянъ лучшихъ дней республики къ славѣ оружія отчизны, къ расширенію ея предѣловъ: причины этого видимъ мы отчасти въ общемъ направленіи вѣка къ космополитизму, отчасти въ раздробленномъ состояніи и несвоевременномъ внутреннемъ раздѣленіи Германіи. Не смотря на то, Гумбольдтъ пламенно любилъ нѣмецкую національность, прояв-

леніе которой видѣлъ онъ въ образѣ мыслей, въ характерѣ, наконецъ въ языкѣ, въ произведеніяхъ великихъ современныхъ писателей и въ ученыхъ трудахъ соотечественниковъ, въ томъ, однимъ словомъ, что тогда собственно и составляло единственную естественную связь Нѣмцевъ между собою. Но въ годину бѣдствія, когда отечество нуждалось въ даровитыхъ, полезныхъ и добросовѣстныхъ гражданахъ, Гумбольдтъ не послѣдовалъ примѣру Гете, который отступилъ отъ интересовъ общества и оставался равнодушнымъ зрителемъ страданій родины, или примѣру Вольфа, который совѣтовалъ ему искать въ мирныхъ занятіяхъ филологіею утѣшенія въ современныхъ несчастіяхъ и переноситься мыслію въ болѣе счастливыя времена. Гумбольдтъ поступилъ благороднѣе, сталъ выше ихъ.

Въ 1808 году, узнавъ о пораженіи при Іенѣ, онъ оставилъ Италію и поспѣшилъ въ Германію; впрочемъ онъ выѣхалъ безъ сожалѣнія изъ Рима, въ которомъ самовластно господствовали Французы, обращавшіеся съ Папой почти какъ съ военноплѣннымъ и дѣлавшіе положеніе Гумбольдта непріятнымъ и затруднительнымъ.

По дорогѣ онъ видѣлся съ Якоби, былъ въ Веймарѣ у Гете, поклонился могилѣ Шиллера и наконецъ прибылъ въ Эрфуртъ. Въ Эрфуртѣ, 6 Января 1809 г. онъ получилъ отъ Короля предложеніе занять мѣсто Директора Департамента Народнаго Просвѣщенія и Духовныхъ Дѣлъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Считая исполненіе обязанностей гражданина новою стороною и продолженіемъ собственнаго развитія, Гумбольдтъ принялъ предлагаемое мѣсто. Но взглядъ его на практическую дѣятельность отличается обыкновеннымъ его идеализмомъ, который однако при тогдашнихъ обстоятельствахъ былъ не только полезенъ, но и необходимъ. Смотря на перевороты судьбы, какъ на необходимое условіе хода развитія человѣческаго духа, внося такимъ образомъ въ практическую жизнь основныя положенія своей философіи исторіи, Гумбольдтъ находилъ въ этомъ внутреннемъ убѣжденіи силы мужественно противиться бѣдствіямъ, сохранять въ несчастіи присутствіе духа, не терять надежды на лучшія времена и неуклонно идти къ цѣли, которую указывали ему чувство чести и пробудившаяся любовь къ отечеству. Пруссія была въ то время потрясена извнѣ; чтобъ поддержать и упрочить ея существованіе, нужно было укрѣпить просвѣщеніемъ внутреннія силы народа, пробудить въ немъ чувство національности.

Такъ понималъ Гумбольдтъ великую обязанность свою, нашедшую въ немъ достойнаго исполнителя. Ему предстояло теперь

соединить и примирить свои индивидуальныя убѣжденія, выраженныя въ первомъ юношескомъ сочиненіи съ новыми, возложенными на него обязанностями. Ему нужно было соединять свободу отдѣльной личности съ законами общества, сохранять интересы человѣка, не нарушая интересовъ государства, словомъ, сдѣлать отдѣльное лицо свободнымъ въ государствѣ и для государства.

Первое распоряженіе Гумбольдта, касавшееся измѣненій въ устройствѣ Лигницкой дворянской академіи (Ritterakademie) имѣло предметомъ уничтоженія понятія кастъ и связаннаго съ этимъ понятіемъ различія воспитанія. Смотря на человѣка съ высшей точки зрѣнія и признавая общее равенство, которое очевидно не согласно съ духомъ исключительности, господствовавшимъ въ учрежденіяхъ этаго заведенія, Гумбольдтъ уничтожилъ особенныя права и привиллегіи академіи, открытой только для высшаго класса, и сдѣлалъ изъ него приготовительное училище для университета и спеціальную школу сельскаго хозяйства. Кромѣ того введенъ былъ лучшій методъ элементарнаго обученія по системѣ Песталоцци. По этому методу образованіе, преподаваніе фактическихъ свѣденій слилось съ воспитаніемъ, съ развитіемъ общечеловѣческихъ нравственныхъ и умственныхъ способностей. Подъ руководствомъ Целлера, ученика Песталоцци, основана нормальная школа по образцу швейцарскихъ; Гумбольдтъ много усовершенствовалъ и высшія учебныя заведенія, между прочимъ позволилъ студентамъ прусскихъ университетовъ посѣщать декціи университетовъ заграничныхъ. Ему принадлежитъ честь основанія берлинскаго университета. Еще до войны министръ Бейме и ученый Энгель говорили о необходимости такого заведенія. Четвертаго Сентября 1807 года Бейме получилъ даже отъ Короля соизволеніе, на основаніи университета. Но несчастныя событія 1807—1808 годовъ совершенно заняли умы и отвлекли ихъ отъ выполненія предположеннаго дѣла, которое считали безполезнымъ, требующимъ излишнихъ расходовъ, несовмѣстныхъ съ разстроеннымъ положеніемъ финансовъ государства. Гумбольдтъ, проектомъ 1809 г. 10 Іюля, вновь поднялъ оставленный вопросъ, доказывая, что основаніе университета необходимо и принесетъ несомнѣнную пользу, которая совершенно вознаградитъ государство за понесенные убытки. Цѣлью этого учрежденія была централизація просвѣщенія; въ берлинскомъ университетѣ предполагалось соединить все высшее въ наукѣ и искусствѣ. Шестнадцатаго Августа того же года проэктъ былъ утвержденъ, и Гумбольдтъ приступилъ къ его осуществленію. Во взглядѣ его на образованіе проявляется та же

гуманность и тотъ же идеализмъ, который руководилъ всѣми его дѣйствіями и служилъ основаніемъ всѣмъ его убѣжденіямъ. Задачу образованія видитъ онъ не въ томъ, чтобы приготовить человѣка къ занятію извѣстнаго мѣста въ обществѣ, къ исполненію извѣстныхъ обязанностей; напротивъ, онъ требуетъ чтобы образованіе развило и облагородило всѣ умственныя и духовныя способности человѣка, чтобы оно сдѣлало его не полезною машиною, а дѣйствительнымъ человѣкомъ, сознающимъ свое достоинства и свое призваніе. На этомъ основаніи Гумбольдтъ преобразовалъ воспитаніе въ реальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. ввелъ въ нихъ преподаваніе древнихъ языковъ, которые были исключены, какъ неимѣющіе практическаго приложенія, но въ глазахъ Гумбольдта имѣли высокое значеніе для гуманнаго образованія и развитія человѣка. Онъ не считалъ нужнымъ стѣснять объемъ общихъ наукъ для реальнаго образованія, которое только при ихъ содѣйствіи можетъ правильно достигать своей высокой цѣли и дѣйствительно быть образованіемъ, а не простымъ, бездушнымъ пріобрѣтеннымъ фактическихъ свѣденій. Эти же начала руководили Гумбольдтомъ при устройствѣ возникающаго университета; Гумбольдтъ опасался чтобы изученіе естественныхъ наукъ не довело до матеріализма и направленія исключительно практическаго, чтобы съ одной стороны преобладаніе практическаго начала въ наукѣ не превратило ее въ бездушную технику, въ собраніе эмпирическихъ свѣденій, лишенныхъ единства идей, и чтобы, съ другой стороны, противодѣйствіе этому практическому направленію путемъ теологіи не привело къ фанатизму и мистицизму. Въ избѣжаніе подобныхъ слѣдствій, Гумбольдтъ рѣшился, по возможности, ограничить кругъ дѣйствій естественныхъ и богословскихъ наукъ, поставивъ ихъ въ зависимость и какъ бы подъ надзоръ философіи, филологіи, математики и исторіи, наукъ имѣющихъ основаніемъ дѣятельность и критику разума. «Эти науки, говоритъ онъ, заключаютъ въ себѣ ту форму, посредствомъ которой собственно всѣ отдѣльныя познанія возвышаются на степень науки и безъ которой никакая любознательность, направленная къ чему нибудь одному, не можетъ перейти въ истинное общее умственное образованіе и сдѣлаться плодотворнымъ для духа.» Профессоры этихъ только наукъ сдѣланы были ординарными членами университета и составили комитетъ, завѣдывающій дѣлами и управляющій ходомъ развитія юношества. Этотъ комитетъ составляли Фихте, Шлейермахеръ, Беккъ и много другихъ знаменитыхъ ученыхъ. Вольфа Гумбольдтъ хотѣлъ сдѣлать предсѣдателемъ этого комитета, на тяжелый нравъ и

надменность знаменитаго филолога, соединенная съ эгоизмомъ, заставили его отказаться отъ этого поста, на которомъ дарованія и ученость его могли принести существенную практическую пользу.

Всѣ эти преобразованія Гумбольдтъ производилъ медленно и осторожно. «Никогда, говоритъ онъ, не должно разрушать стараго учрежденія пока новое не станетъ исподоволь на его мѣсто». Несмотря на эту осторожность, Гумбольдтъ на слѣдующій же годъ своего управленія пришелъ въ столкновеніе съ министерствомъ. Начальникъ его, министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Дона, человѣкъ слабый и ничтожный, совершенно подчинялся вліянію министра финансовъ Альтенштейна, который, не смотря на ограниченныя способности, былъ крайне гордъ, властолюбивъ и самоувѣренъ. Убѣжденія его отличавшіяся близорукостью и самымъ грубымъ матеріализмомъ, были діаметрально противоположны возвышеннымъ и благороднымъ идеямъ Гумбольдта. Не понимая и не предвидя пользы задуманныхъ имъ преобразованій, онъ считалъ ихъ пустыми мечтами, безполезно истощающими государственные финансы, которые и безъ того пришли въ совершенное разстройство; онъ отказалъ въ деньгахъ и совершенно стѣснилъ такимъ образомъ Гумбольдта въ дѣйствіяхъ. Гумбольдтъ рѣшился перейти на дипломатическое поприще и 29 Апрѣля 1810 года получилъ отставку отъ должности директора. Памятникомъ его кратковременнаго управленія остался основанный имъ берлинскій университетъ. Хотя и Альтенштейнъ вскорѣ послѣ того оставилъ портфель министра и мѣсто его занялъ Гарденбергъ, возведенный въ званіе государственаго канцлера, Гумбольдтъ остался при прежнемъ рѣшеніи. Четырнадцатаго Іюня 1810 года онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посломъ и полномочнымъ министромъ въ Вѣну и въ половинѣ Октября прибылъ на мѣсто своего назначенія.

Въ Вѣнѣ ему было мало дѣла; нужно было заботиться о сближеніи вѣнскаго двора съ берлинскимъ, но для этого слѣдовало болѣе наблюдать и сообщать, нежели дѣйствовать. Обходительностью и свѣтскостью своею онъ вскорѣ умѣлъ поставить себя въ хорошія отношенія съ Меттернихомъ и съ другими значительнѣйшими лицами правительства. Онъ вошелъ въ блестящій кругъ вѣнскаго общества и принималъ его у себя. Въ гостинной Гумбольдта явились между прочимъ Шлегель, Адамъ Мюллеръ, Генцъ, съ которымъ онъ возобновилъ берлинское знакомство, Теодоръ Кернеръ, сынъ знаменитаго критика и многіе другіе. Но тихіе, спокойные кабинетные труды привлекали Гумбольдта болѣе шумныхъ общественныхъ удовольствій. Лингвистическія заня-

тія, начатыя въ Испаніи, продолжались и въ Вѣнѣ; къ изученію баскскаго языка присоединилось изученіе венгерскаго, матеріалы котораго въ изобиліи представляло ему теперешнее его мѣстопребываніе.

Въ Ноябрѣ 1811 года пріѣхалъ въ Вѣну Александръ Гумбольдтъ. Отъ него Вильгельмъ получилъ новыя данныя для занятій американскими языками, сталъ сравнивать грамматику ихъ съ баскскою грамматикою и нашелъ между ними замѣчательное сходство. Между тѣмъ произошелъ переворотъ 1812 года, и дѣятельность и положеніе Гумбольдта въ Вѣнѣ измѣнились. Лишь только Пруссія объявила разрывъ Наполеону и возстала поголовно по первому призыву своего Короля, Меттерних, вѣрный обыкновенной своей двуличной политикѣ, прекратилъ всѣ видимыя сношенія съ прусскимъ посольствомъ, но не отнималъ у Гумбольдта надежды на содѣйствіе Австріи. Гумбольдтъ съ своей стороны дѣйствовалъ осторожно, стараясь ускорить присоединеніе Австріи, не компрометируя ее преждевременно въ глазахъ Наполеона. Прибытіе въ Вѣну Шарнгорста, который съ благороднымъ жаромъ убѣждалъ Меттерниха объясниться откровенно и приступить къ возникающему союзу, едва не испортило всего дѣла, но осторожность и хладнокровіе Гумбольдта изгладили неблагопріятное впечатленіе, произведенное увлеченіемъ пламеннаго патріота. 1 Іюня 1813 года Императоръ Францъ I выѣхалъ изъ Вѣны и 12-го прибылъ въ замокъ Гичинъ, находившійся ближе къ союзникамъ, нежели къ лагерю Наполеона. Въ то время, здѣсь были сосредоточены всѣ союзныя войска; на пространствѣ 20-ти миль въ длину и 10-ти миль въ ширину находились главныя квартиры сильнѣйшихъ государей Европы. «Въ Гичинѣ, писалъ Генцъ изъ Ратиборцица, на 6 часовъ пути отсюда, находится Императоръ съ Меттернихомъ; въ Опочнѣ, въ трехъ часахъ разстоянія, прожилъ около недѣли Императоръ Александръ съ своими двумя сестрами. Тамъ и я пробылъ два дня и третьяго дня видѣлъ прусскаго короля, обѣдавшаго съ Императоромъ. Со мною былъ Гумбольдтъ; мы провели вмѣстѣ большую часть этихъ незабвенныхъ дней. Сегодня, сей часъ, Императоръ отобѣдалъ съ нами въ Ратиборцицѣ и возвращается въ Рейхенбахъ. Я его часто вижу. Ратиборцицъ-сборное мѣсто. На прошлой недѣли здѣсь перебывали Меттернихъ, Стадіонъ и государственный канцлеръ Гарденбергъ, то порознь, то вмѣстѣ. Здѣсь происходили важныя дѣла. Гумбольдтъ пріѣхалъ сюда съ Гарденбергомъ, поселился здѣсь, и ждетъ пока все созрѣетъ». Въ одно время съ Императоромъ Гумбольдтъ оставилъ Вѣну, и отправился въ Рейхенбахъ, чтобы

присутствовать при заключеніи съ Англичанами договора о субсидіяхъ.

Въ Рейхенбахѣ Меттернихъ обѣщалъ союзникамъ содѣйствіе Австріи, но сначала предложилъ посредничество своего правительства для примиренія воюющихъ сторонъ.

Рѣшено было составить въ Прагѣ 12-го Іюля конгрессъ, на которомъ представителемъ Пруссіи явился Гумбольдтъ; со стороны Россіи назначенъ статскій совѣтникъ Анштеттъ, со стороны Франціи Герцогъ Коленкуръ и графъ Нарбоннъ. Ко времени открытія конгресса прибыли княгиня Эстергази и Меттернихъ.

Уполномоченные Франціи явились гораздо позднѣе назначеннаго срока; Коленкуръ пріѣхалъ 27-го Іюля, и конгрессъ открылся. Представители трехъ державъ должны были видѣться между собою на вечерахъ княгини Эстергази и на обѣдахъ Меттерниха. Здѣсь они разсуждали о дѣлахъ; особыхъ засѣданій не назначалось. Гумбольдтъ не ожидалъ прочнаго, искренняго мира и потому, считая настоящее положеніе дѣлъ особенно выгоднымъ для интересовъ своего отечества, не желалъ чтобы переговоры повели къ какому нибудь сомнительному соглашенію.

Французы также выказали нерасположеніе къ миру, принявъ за оскорбленіе назначеніе уполномоченнымъ Анштетта, природнаго Эльзасца и французскаго подданнаго, котораго они считали перебѣжчикомъ. Они дали замѣтить это въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ. Анштеттъ отвѣчалъ на это энергически, но съ достоинствомъ, и наконецъ нота Гумбольдта отъ 7-го Августа за три дня до закрытія конгресса, нота, въ которой упоминаются и просрочка французскихъ уполномоченныхъ и нападки ихъ на Анштетта, показала безполезность попытокъ примиренія и положила конецъ переговорамъ. 10 Августа, Гумбольдтъ письменно отказался отъ временнаго своего полномочія и, получивъ за труды на конгрессѣ орденъ Желѣзнаго Креста, изъ Праги отправился въ Вѣну; проствшись здѣсь съ женою, онъ опять черезъ Прагу проѣхалъ въ главную квартиру, въ Теплицъ, гдѣ Австрія 9 Сентября приступила къ прусско-русскому Союзу. Въ Теплицѣ, Гумбольдтъ продолжалъ часто видѣться съ Меттернихомъ и познакомился съ лордомъ Эбердиномъ, любившимъ греческую древность и занимавшимся классиками. Въ это время ему поручено было составленіе проэкта о внутреннемъ устройствѣ Германскаго Союза и объ учрежденіи центральнаго комитета для управленія тѣми землями которыя будутъ завоеваны. Трудъ составленія проэкта онъ раздѣлялъ съ бывшимъ прусскимъ министромъ Штейномъ (предшественникомъ Альтенштейномъ и графа Дона), съ которымъ онъ сходился въ политическихъ

убѣжденіяхъ. Проэктъ этотъ впрочемъ оставленъ безъ приложенія по проискамъ Австріи, желавшей избавить отъ центральнаго управленія нѣкоторыхъ изъ бывшихъ союзниковъ Наполеона, напримѣръ, короля виртембергскаго. Изъ Теплица Гумбольдтъ слѣдовалъ всюду за главною квартирою, вмѣстѣ съ нею былъ въ Веймарѣ и видѣлся тамъ съ Гёте. Въ Франкфуртѣ на Гумбольдта пала тяжелая и непріятная обязанность вести переговоры съ рейнскими князьями, обязанность, принуждавшая его выслушивать многочисленныя, не всегда законныя жалобы и входить въ разбирательство множества различныхъ требованій, которыя часто приходилось отвергать, возбуждая неудовольствіе.

Гумбольдтъ думалъ, что съ вступленіемъ союзниковъ въ предѣлы Францію все кончится и будетъ заключенъ миръ, который приведетъ ее въ прежнія границы. Надежды Гумбольдта не оправдались; на шатильонскомъ конгрессѣ ему еще разъ пришлось быть представителемъ прусскаго правительства, впрочемъ дѣятельность его была ограничена подробными инструкціями, и малозамѣчательна для насъ, потому что не объусловливалась личными его убѣжденіями. Послѣ окончанія войны и взятія Парижа, Гумбольдтъ сталъ ходатайствовать о вознагражденіи Пруссіи за военныя издержки и за потери, понесенныя его въ несчастную войну 1807—1808 годовъ. Онъ требовалъ для Пруссіи Ост-Фрисландіи или Саксоніи, но Гарденбергъ легкомысленно уступилъ и то, и другое, довѣрившись слову другихъ дипломатовъ, обѣщавшихъ заняться интересами Пруссіи впослѣдствіи, на предполагаемомъ вѣнскомъ конгрессѣ. Гарденбергъ, хотя въ сущности человѣкъ благонамѣренный, вообще, во многихъ случаяхъ мѣшалъ Гумбольдту своимъ легкомысліемъ, слабостію характера, тщеславіемъ и самолюбіемъ. Назначенный быть товарищемъ Гумбольдта въ дѣлѣ переговоровъ, Гарденбергъ присвоилъ себѣ первое мѣсто, на занятіе котораго не имѣлъ права по способностямъ и дарованіямъ. Гумбольдтъ далеко превосходилъ его здравымъ умомъ, свѣтлымъ взглядомъ на вещи и развитіемъ, но также не имѣлъ нѣкоторыхъ качествъ необходимымъ для дипломата, не имѣлъ настойчивости, упорства. Излишняя скромность заставила его уступить свое мѣсто Гарденбергу, который часто дѣлалъ непоправимыя ошибки, и во многихъ другихъ случаяхъ заставляла его дѣлать уступки иностраннымъ дипломатамъ, болѣе самоувѣреннымъ и настойчивымъ. Этой уступчивости еще содѣйствовалъ идеальный взглядъ его на политику. Благосостояніе народа Гумбольдтъ полагалъ не въ расширеніи предѣловъ, а въ духовномъ прогрессѣ, въ успѣшномъ развитіи; недостатокъ искренняго убѣжде-

ія не позволялъ ему отстаивать матеріальные интересы отече-
тва съ тою твердостью, съ какою онъ защищалъ, напримѣръ,
ротивъ Альтенштейна распоряженія свои, касавшіяся хода
бразованія народа.

Изъ Парижа Гумбольдтъ отправился въ Лондонъ, былъ
принца регента и у представителей англійской аристократіи
въ концѣ Іюля возвратился въ Парижъ. Оттуда онъ сопрово-
далъ своего короля въ Вѣну, черезъ Нейенбургъ, Бернъ,
Цюрихъ, Баденъ, куда онъ прибылъ въ концѣ Августа и гдѣ
аходился съ Метернихомъ, Генцомъ и другими, дипломатами.
На вѣнскомъ конгрессѣ Гумбольдтъ, какъ уполномочный
Пруссіи, держалъ себя съ величайшимъ достоинствомъ, пе-
реходившимъ даже иногда въ гордую холодность, которая
авлекла ему много непріятностей, и разсорила съ нимъ нѣко-
орыхъ изъ прежнихъ друзей. Къ такимъ случаямъ относится
толкновеніе съ прусскимъ военнымъ министромъ Бойеномъ,
оторый, считая себя оскорбленнымъ Гумбольдтомъ въ одной изъ
онференцій, потребовалъ удовлетворенія. Гумбольдтъ принялъ
ызовъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ. Дуель происходила
въ присутствіи князя Гарденберга и доктора Корева и кончилась
благополучно, безъ кровопролитія. Онъ принималъ дѣятельное
участіе въ дѣлахъ конгресса и показалъ себя во многихъ отно-
шеніяхъ отличнымъ дипломатомъ; его знаніе людей, плодъ
долгихъ наблюденій и занятій антропологіею, проницательность,
тонкій умъ, изворотливость въ разсужденіяхъ и спорахъ, въ
которыхъ онъ запутывалъ противника своею діалектикою и
побѣждалъ его собственнымъ его оружіемъ,— все это приводило
въ изумленіе перваго изъ дипломатовъ того времени, знаме-
нитаго Талейрана, который одолѣвалъ и Гарденберга, и Меттер-
ниха, но не могъ справиться съ Гумбольдтомъ, и назвалъ его
«le sophisme incarné» (воплощеннымъ софизмомъ). Но недостатокъ
настойчивости и упорства вредилъ всему дѣлу; умѣя убѣждать,
Гумбольдтъ не умѣлъ отстаивать своего мнѣнія и несвоевремен-
ною уступчивостью терялъ плоды побѣды.

Товарищемъ Гумбольдта по званію уполномоченнаго на Вѣн-
скомъ конгрессѣ былъ опять Гарденбергъ, прусскій государствен-
ный канцлеръ. Вообще во все время конгресса между ними суще-
ствовало самое тѣсное, невозмутимое согласіе, и оба они пре-
красно помогали другъ другу. Подчиненный Гарденбергу, какъ
государственному канцлеру, поставленный съ нимъ наравнѣ,
какъ уполномоченный дипломатъ, превосходя его умомъ и
знаніями, Гумбольдтъ добровольно и прекрасно выполнилъ
ль, доставшуюся ему чрезъ это смѣшеніе отношеній, роль,

которую, стараясь сдѣлать первою, всякій другой поставилъ на второй планъ, и которую онъ выдвинулъ наравнѣ съ пе своимъ самоотверженіемъ и внутреннею самостоятельност Верховное управленіе Гарденберга въ самой мысли было проникнуто содѣйствіемъ Гумбольдта; исполнител дѣятельность Гумбольдта представляла слѣды вліянія Га берга. «Что касается представителей Пруссіи, писали въ Р скомъ Меркуріи послѣ втораго парижскаго мира, то Гос ственный канцлеръ здѣсь, какъ и въ Вѣнѣ, показалъ добродушнымъ, миролюбивымъ, безхитростнымъ въ с политикѣ и охотно принималъ все съ хорошей стороны; больдтъ холоденъ и ясенъ, какъ декабрьское солнце. Главн предметомъ заботъ Гумбольдта на конгрессѣ было внутре устройство Германіи; онъ желалъ возстановленія имп торскаго сана и изложилъ это желаніе въ проэктѣ, кото составилъ онъ вмѣстѣ съ Штейномъ. Противъ этого про возстали представители второстепенныхъ державъ германски Ганновера, Баваріи и Виртемберга. Уступая ихъ требованія Гумбольдтъ измѣнилъ свой планъ, уничтожилъ званіе имп тора и учредилъ правленіе изъ пяти главныхъ держ Австріи, Пруссіи, Виртемберга, Ганновера и Баваріи, п контролемъ всѣхъ членовъ германскаго союза. Нельзя не за тить, что такое устройство отличается сложностью, не обѣщ шею достаточной прочности, но въ этомъ нельзя обвин Гумбольдта. Надобно принять въ соображеніе сложность задачи, множество различныхъ требованій, которымъ должевъ былъ удовлетворить, множество разнородныхъ, ча противорѣчащихъ другъ другу интересовъ, которые дол было согласить вновь проэктированное устройство. Впроче Штейнъ остался при прежнемъ убѣжденіи своемъ о необходи сти возстановленія достоинства императора; явился нов защитникъ его мнѣнія — Графъ Капо д' Истріа; онъ пр ставилъ мемуаръ, въ которомъ доказывалъ, что достоинст императора должно сдѣлать наслѣдственнымъ въ домѣ габсбу скомъ, и что императоръ австрійскій въ то же время долже быть императоромъ германскимъ. Штейнъ также представ проэктъ, поддерживавшій туже идею, но разсматривавшій дѣло болѣе практической точки зрѣнія, и выражавшій сомнѣ чтобы Австрія могла достойно выполнить важную роль сво слить свои личные интересы съ интересами общими и пользова ся силами Германіи для общаго ея блага, а не для своекорыс ныхъ своихъ цѣлей. Онъ сомнѣвался, однимъ словомъ, томъ, чтобы Австрія измѣнила себѣ и обыкновенной сво

олитикѣ, и сомнѣній этихъ нельзя не назвать основательными.
умбольдтъ отвѣчалъ на эти двѣ статьи мемуаромъ, въ кото-
омъ прямо отвергаетъ возможность императорской власти въ
кахъ Австріи. Пруссія, говоритъ онъ, не можетъ, а Баварія и
ртембергъ не хотятъ ей подчиняться. Сомнѣнія Штейна у не-
выражены смѣлѣе и утвердительнѣе. Австрія не можетъ нико-
а соединиться съ Германіей; у нея слишкомъ много своихъ
стныхъ интересовъ, отъ которыхъ она не рѣшится отказать-
и которые не могутъ совмѣститься съ общими германскими
нтересами. Мнѣніе Гумбольдта получило перевѣсъ; на его
орону склонилось большинство, тѣмъ болѣе, что нужно было
рѣшить окончаніемъ совѣщаній. 7 Марта узнали о возвращеніи
аполеона.

Въ концѣ Марта Гумбольдтъ составилъ еще новый проэктъ.
о, не смотря на грозящую опасность, совѣщанія продолжались
нако до начала Іюня. 9-го, дѣла Германіи были окончатель-
обсуждены, а 11-го торжественно заключенъ союзъ. Старанія
умбольдта о вознагражденіи Пруссіи Саксоніею были совершен-
неудачны и безплодны, поставили Пруссію въ непріязненныя
ношенія къ другимъ членамъ конгресса и даже повредили
умбольдту во мнѣніи его друзей и доброжелателей.

Изъ Вѣны Гумбольдтъ отправился въ Берлинъ, изъ Берлина
ерезъ Франкфуртъ въ Парижъ, послѣ сраженія при Ватерлоо;
вѣсть о побѣдѣ и о дѣятельномъ содѣйствіи Пруссаковъ подъ на-
альствомъ Блюхера, обрадовала Гумбольдта и внушила ему мно-
блестящихъ надеждъ; онъ надѣялся, что союзники справедливо
цѣнятъ заслуги Пруссіи въ общемъ дѣлѣ, и дадутъ ей вознагра-
деніе, которое соотвѣтствовало бы ея потерямъ и пожертво-
ваніямъ. Но Графъ Капо д' Истріа во второй разъ является
отивникомъ Гумбольдта и представляетъ императору Алек-
ндру мемуаръ, въ которомъ старается отдѣлить Францію отъ
аполеона и доказать, что, ведя войну съ узурпаторомъ,
юзники не должны требовать вознагражденія отъ французскаго
рода, что съ низложеніемъ Наполеона должно быть кончено
е, и что нарушеніе границъ Франціи и отдѣленіе отъ нея
кихъ либо земель будетъ оскорбленіемъ для короля Людовика
VIII и для его націи. Онъ допускаетъ только денежное воз-
награжденіе, и, какъ предохранительную мѣру, временное
нятіе французскихъ крѣпостей союзными войсками. Этотъ
муаръ, рѣшительно не выдерживающій критики, подалъ
мбольдту поводъ написать блестящее опроверженіе: Mémoire
vant servir de réfutation à celui du Comte de Capo d'Istria.
По мнѣнію Гумбольдта, неосновательно отдѣлять вождя отъ

войска, узурпатора отъ народа. Народъ добровольно шел
знаменами Наполеона; мгновенно составлялись арміи, г
всюду слѣдовать за любимымъ начальникомъ; арміи эти
изъ среды народа возникали новыя; кромѣ того, народъ съ
гомъ встрѣтилъ Наполеона при возвращеніи его съ Эль
тріумфомъ привелъ его въ Парижъ; слѣдовательно,
сочувствовалъ ему и не можетъ быть представленъ, со
съ мнѣніемъ Капо д' Истріа, невинною жертвою властол
воинственности узурпатора; такимъ образомъ первое пол
опровергнуго. Затѣмъ, Гумбольдтъ представляетъ лу
средствомъ обезопасить Европу отъ безпокойнаго духа
веннаго народа—отдѣленіе отъ Франціи пограничныхъ
съ крѣпостями, составляющими оплотъ государства и от
оонную линію противъ Германіи въ случаѣ наступат
войны. Эта предохранительная мѣра была бы въ тоже
лучшимъ средствомъ вознаградить союзныя державы за во
издержки и пожертвованія и тѣмъ болѣе можетъ счи
справедливою, что земли эти пріобрѣтены отъ Германіи
оружія. Сверхъ того, уступка земель, тягостная прав
правительства и всей націи, со временемъ забудется
произведетъ въ народѣ особенно тяжелаго чувства, озлоб
Напротивъ опека, которой Капо д' Истріа хочетъ подвер
Францію, покажется невыносимою для всякаго свободна
рода. Постой чужихъ войскъ, подавая поводъ къ притѣснен
къ безконечнымъ столкновеніямъ и ссорамъ, унижая наці
ную гордость, раздражитъ народъ какъ противъ иностран
державъ, наложившихъ такое иго, такъ и противъ прав
ства, допускающаго такое вмѣшательство, внушитъ ему не
чивость, ненависть и жажду мщенія, которое найдетъ
исходъ, не смотря ни на какія преграды. Вотъ главныій см
опроверженія Гумбольдта со справедливостью котораго д
согласиться. Не смотря на то, всѣ усилія его были тщ

Императоръ Александръ, увлеченный великодушіемъ, не хо
требовать отъ Франціи никакого вознагражденія, кромѣ ден
го, ни для себя, ни для своихъ союзниковъ. Австрія, соглаша
Александромъ, теряла нѣкоторыя личныя выгоды, но, боясь
вышенія Пруссіи, рѣшалась отказаться отъ незначитель
своихъ притязаній, чтобы лишить опасную соперницу тер
ріальнаго увеличенія. Голосъ Гумбольдта не могъ имѣть вл
мнѣніе Капо д' Истріа превозмогло, не смотря на свою неос
тельность, и 20 Ноября былъ заключенъ окончательныій
на которомъ Пруссія не получила никакихъ существен
выгодъ. 25-го Гумбольдтъ оставилъ Парижъ и отправилс

Франкфуртъ на Майнѣ. Здѣсь собрана была коммисія для рѣше-
нія территоріальныхъ вопросовъ Германіи, и Гумбольдтъ, назна-
ченный членомъ ея, принялъ дѣятельное участіе въ ея занятіяхъ.
Но задача была слишкомъ запутана. Коммисія продолжала
засѣданія свои до Января 1817 г. и закрылась, не разрѣшивъ
удовлетворительно предложенныхъ ей вопросовъ и не исполнивъ
своего назначенія во всемъ его объемѣ. Въ Франкфуртѣ еще 1
Ноября 1815 г. предполагалось созвать сеймъ для совѣщанія о
дѣлахъ Германіи; но прошла зима, прошло лѣто 1816 г. а сейма
все еще не было, хотя германскія державы дѣятельно гото-
вились къ его открытію. Гарденбергъ хотѣлъ воспротивиться
желанію Австріи предсѣдательствовать на сеймѣ, хотѣлъ заста-
вить ее раздѣлить свое первенство съ Пруссіею; но прусскій депу-
татъ тайный совѣтникъ Генелейнъ не могъ ничего добиться отъ
представителя Австріи, графа Буоль-Шауенштейна, успѣвша-
го склонить на свою сторону депутатовъ мелкихъ княжествъ,
которымъ онъ представилъ опасность двоевластія. Генелейнъ
былъ отозванъ и замѣненъ Гольцомъ; но непредвидѣнныя
обстоятельства помѣшали ему явиться ко времени открытія засѣ-
даній Сейма, такъ что мѣсто его занялъ на время Гумбольдтъ.

Дѣла приняли другой оборотъ. Стѣснительное вліяніе австрій-
ской политики нашло въ немъ дѣятельнаго противника. Графъ
Буоль принужденъ былъ признать равенство правъ Пруссіи и
Австріи на сеймѣ, и 5 Ноября 1816 года сеймъ былъ открытъ
подъ предсѣдательствомъ Буоля и Гумбольдта.

11 Ноября явился Гольцъ. Благодаря неловкости этого ди-
пломата, Австрія восторжествовала: все, что пріобрѣлъ Гум-
больдтъ, потерялъ его преемникъ Между тѣмъ достоинства и
заслуги Гумбольдта возбудили подозрѣніе и зависть Гарденберга
Съ этихъ поръ государственный канцлеръ начинаетъ стараться
удалить его или, по крайней мѣрѣ, парализовать его вліяніе на
дѣла правленія. Мѣсто посланника въ Парижѣ, обѣщанное Гум-
больдту, было отдано Гольцу; Гумбольдтъ назначенъ посланни-
комъ въ Лондонъ, гдѣ не представлялось поприща его дѣятельно-
сти. Въ это время ничто еще не требовало его присутствія въ Лон-
донѣ, и потому онъ со всѣмъ семействомъ отправился изъ Франк-
фурта въ Берлинъ черезъ Веймаръ, гдѣ видѣлся съ Гёте, и черезъ
Бургэрперъ, въ которомъ сохранилось для него много свѣжихъ,
веселыхъ воспоминаній юности. Въ Берлинѣ тогда господство-
валъ самый страшный безпорядокъ. Во главѣ правленія стоялъ
по прежнему Гарденбергъ; ослабленный трудами, болѣзнями и
лѣтами, онъ потерялъ послѣдній остатокъ энергіи, которою отли-
чался въ эпоху своего возвышенія и въ годы отечественной вой-

ны. Именемъ его управляли люди недостойные, умѣвшіе льстить его самолюбію и страстямъ, люди, которые, не раздѣляя благородныхъ его убѣжденій, составили оппозицію противъ движенія идей и стремленія къ свободѣ, впервые выразившагося въ возстаніи за честь и независимость родины. Шаткость его убѣжденій, мелочное тщеславіе, желаніе остаться во главѣ правительства и оставить въ тѣни людей талантливыхъ, которыхъ дарованія могли затмить его померкающую славу, и на конецъ старость, разрушительно дѣйствовавшая на его физическія и духовныя силы, подчинили его вліянію реакціонной партіи, во главѣ которой стоялъ князь Витгенштейнъ. Отдавая справедливость гуманному направленію и рыцарскимъ качествамъ государственнаго канцлера, явившагося въ эпоху всеобщаго воодушевленія и политическаго переворота 1812 года достойнымъ представителемъ своего отечества, и искуснымъ дипломатомъ, нельзя не упрекнуть его въ недостаткѣ энергіи, въ нерѣшительности, въ уклончивости, заставлявшей его уступать и лавировать тамъ, гдѣ надо было дѣйствовать твердо, и, защищая права короля и народа, грудью ломить реакціонное противодѣйствіе аристократіи. Противъ этой оппозиціи вооружился Гумбольдтъ со всѣмъ увлеченіемъ чувства, со всѣмъ жаромъ убѣжденія. Силу и вліяніе далъ ему приказъ 20 Марта, основавшій государственный совѣтъ и включившій его въ число членовъ. Гумбольдтъ рѣшился идти наперекоръ Гарденбергу и его любимцамъ. Изъ государственнаго совѣта назначены были двѣ коммиссіи: первая для проэктированія обѣщанной конституціи, вторая для испытанія вновь предложенной министромъ финансовъ системы налоговъ. Гумбольдтъ былъ членомъ обѣихъ этихъ коммиссій. Между тѣмъ какъ первая не начинала еще своихъ дѣйствій и только собирала матеріалы въ древнихъ областныхъ и племенныхъ учрежденіяхъ, вторая дѣятельно занялась представленнымъ проэктомъ. 2-го Іюля 1817 г. Гумбольдтъ говорилъ въ полномъ собраніи государственнаго совѣта противъ проэкта министра финансовъ Бюлова, который онъ подвергъ тщательному обсужденію. Рѣчь его имѣла чрезвычайный успѣхъ: она убила въ общественномъ мнѣніи и проэктъ, и министра; Бюловъ былъ смѣненъ и долженъ былъ удовольствоваться портфелемъ министерства торговли, нарочно для него созданнымъ.

Гарденбергъ съ безпокойствомъ въ душѣ и съ затаенной досадой смотрѣлъ на возрастающую популярность Гумбольдта. Въ обществѣ стали даже поговаривать, что Гарденбергъ выйдетъ въ отставку и мѣсто его займетъ Гумбольдтъ. Слухи эти производили всеобщую радость, отголоски которой долетали и до стараго

лера. Онъ почувствовалъ, что настала пора дѣйствовать и
ился удалить Гумбольдта во что бы то ни стало. Онъ отпра-
я лечиться на воды въ Карлсбадъ, куда пріѣхалъ и Гум-
дтъ. Гарденбергъ просилъ его отправиться впередъ въ
нкфуртъ на Майнѣ и подождать его, пока онъ объѣдетъ
ь пріобрѣтенныя прусскія прирейнскія владѣнія, чтобы по-
ь вмѣстѣ заняться ихъ устройствомъ. Но въ Франкфуртѣ
ольдтъ вмѣстѣ съ извѣстіемъ о болѣзни канцлера, получилъ
него предписаніе какъ можно скорѣе ѣхать въ Лондонъ, ку-
удто бы призываютъ его важныя дѣла. Гумбольдтъ понималъ,
это посольство — почетное изгнаніе, но домогаться высо-
политическаго положенія, соотвѣтствующаго его талантамъ,
киваться значенія и вліянія въ государствѣ онъ считалъ
чнымъ, недостойнымъ себя; онъ рѣшился повиноваться и
авился въ Лондонъ, гдѣ былъ отлично принятъ прежними
кими и парижскими знакомыми, но не нашелъ никакихъ
ыхъ занятій. Канцлеру хотѣлось только отклонить и по
жности совершенно пресѣчь оффиціальную дѣятельность
ольдта. Но оставить въ сторонѣ, въ тѣни человѣка съ его
аніями и популярностью онъ справедливо считалъ для себя
ымъ.

Место посланника въ Лондонѣ, видное по своему внѣшнему по-
нію, ничтожное по тогдашнимъ обстоятельствамъ, представляло
ія данныя для осуществленія мысли Гарденберга. Но расчеты
ыли разстроены: новое назначеніе Гумбольдта не соотвѣт-
ало его желаніямъ. Гумбольдтъ, какъ мы уже имѣли слу-
замѣтить, никогда не былъ расположенъ къ исполненію
ебныхъ обязанностей. Дипломатическая дѣятельность его
не слѣдствіемъ врожденнаго призванія и расположенія,
пониманія долга, чувства любви къ отечеству и вооду-
енія, проявившагося съ особенною силою во время пого-
ного возстанія Пруссіи, и подѣйствовавшаго не только на
ь, но и на передовыхъ людей своего вѣка. Къ мирнымъ,
енным, научнымъ занятіямъ влекли Гумбольдта природ-
наклонности; но въ службѣ отечеству онъ видѣлъ обязан-
человѣка и гражданина, и исполнялъ ее, но исполнялъ
обязанность. Понимая эту обязанность только при добро-
стномъ ея исполненіи, не примѣшивая къ понятію службы
кихъ посторонних, своекорыстныхъ видовъ, видя въ
бѣ одну цѣль—пользу отечества, Гумбольдтъ не могъ оста-
ся на мѣстѣ, на которомъ сознавалъ свою безполезность.
шая у него возможность приносить истинную пользу, Гар-
ергъ отнималъ у него кромѣ того возможность служить:

стремленіе къ покою, къ уединенному созерцанію, отя
глушенное, но не вытѣсненное дипломатическими труда
стоянно таившееся въ глубинѣ его сердца, проснулось с
силою, лишь только были устранены другіе, современны
вые интересы. Гумбольдтъ никогда не былъ дипломат
душѣ; оффиціальный характеръ его не имѣетъ ничего
съ настоящею его нравственною физіономіею. Гордость
ность, скрытность, неприступность, въ которую онъ об
какъ представитель своего государства, исчезаетъ, не
по себѣ ни малѣйшаго слѣда, какъ только онъ входит
машиній свой кругъ и дѣлается частнымъ человѣкомъ.
думать, чтобы характеръ его измѣнялся; онъ только
свою роль и превосходно выполнилъ ее, вошелъ въ н
сколько не подчинившись ея вліянію Эта двойственност
тера отразилась и на его занятіяхъ; политикой онъ занм
обязанности; это принадлежность его роли, въ которой
живала его надежда быть полезнымъ; наукой занимал
леченію, по страсти; это его природа, укорененная воспи
и самостоятельнымъ развитіемъ. Въ главной квартирѣ, в
жѣ, въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ, въ Франкфуртѣ продолжались
нятія древними классиками; переводъ Агамемнона полу
слѣднюю отдѣлку, переводъ Пиндара подвигался впередъ.
пишетъ онъ изъ Фрейберга, я цѣлый вечеръ спокойно
древнихъ, къ которымъ возвращаюсь всегда и, собств
воря, ежедневно. Все прекрасное заключается въ прошедш
столько же, сколько другіе, а, быть можетъ, и больше, с
трудиться для настоящаго и будущаго; но, тѣмъ не мен
живемъ въ желѣзномъ вѣкѣ, и не мы одни, а все но
Этотъ вѣкъ можетъ дать достойный матеріалъ для труда
наслажденія нужно что нибудь выше и глубже.» Воспо
изъ собственнаго прошедшаго, образы минувшей юно
ставляли также предметъ его размышленій въ часы дос
сильно люблю прошедшее, пишетъ онъ; только его да
ны и неизмѣнны, какъ смерть, теплы и отрадны, какъ
Къ чему же было Гумбольдту стѣснять себя, отказыват
наслажденія теперь, когда долгъ гражданина былъ честно
ценъ, когда онъ ясно сознавалъ, что въ настоящемъ по
дѣятельность его не можетъ принести обществу никакой
Ко всѣмъ этимъ важнѣйшимъ внутреннимъ побужденія
соединилось еще внѣшнее обстоятельство,—дурное со
здоровья Каролины фонъ Гумбольдтъ, принудившее е
лечиться въ Италію, и не позволявшее ей жить съ муж
болѣе суровомъ климатѣ. Продолжительная разлука съ

была слишкомъ тяжела для любящаго сердца Гумбольдта; въ Апрѣлѣ 1818 года, Гумбольдтъ рѣшительно потребовалъ отставки.

Гарденбергъ вступилъ въ переговоры, просилъ его принять мѣсто при другомъ дворѣ, выбрать любое мѣсто въ дипломатическомъ корпусѣ, но Гумбольдтъ остался непреклоненъ и возвратился изъ Лондона въ Германію въ первыхъ числахъ Ноября, во время засѣданій Ахенскаго конгресса. Канцлеръ предложилъ ему службу въ Министерствѣ, а пока просилъ его, въ качествѣ члена территоріальной коммисіи, заняться на конгрессѣ разсмотрѣніемъ дѣлъ Германіи. Гумбольдтъ согласился.

11 Января 1819 г. министерство внутреннихъ дѣлъ получило особое устройство, и Гумбольдту, по ходатайству генералъ-адъютанта Вицлебена, поручено было завѣдываніе дѣлами государственныхъ сословій и общинъ съ правомъ засѣданія и голоса въ министерствѣ. Для исполненія обязанностей по этой должности особенно полезно было Гумбольдту знакомство съ Штейномъ, съ которымъ онъ поддерживалъ постоянныя сношенія въ бытность свою въ Франкфуртѣ. Штейнъ въ этомъ отношеніи былъ для Гумбольдта тѣмъ же, чѣмъ былъ для него Вольфъ въ дѣлѣ древней филологіи и Шиллеръ въ дѣлѣ эстетики. Дебютомъ Гумбольдта на новомъ поприщѣ былъ мемуаръ Ueber die Verfassungsfrage (Вопросъ о конституціи). Въ мемуарѣ являются тѣже основныя идеи, которыя мы видѣли въ первомъ политическомъ сочиненіи Гумбольдта; но идеи эти переработались подъ вліяніемъ собственнаго опыта и совѣтовъ Штейна, перестали быть утопіею, примирились съ дѣйствительностью и изъ неосуществимой, пламенной мечты обратились въ дѣльный проэктъ. Гумбольдтъ хочетъ уничтожить бюрократію и каждому гражданину дать дѣятельное участіе въ правленіи. Этой цѣли достигаетъ система представительная. Смыслъ представительнаго правленія состоитъ, по мнѣнію Гумбольдта, въ томъ, чтобы доставить націи разумное участіе въ управленіи и, возвысивъ ея самосознаніе, упрочить внѣшнюю самостоятельность и содѣйствовать внутреннему ея развитію. Если опасность угрожаетъ націи извнѣ, то требуются не одни физическія, но и моральныя средства обороны; эти моральныя средства должно искать не въ минутномъ пылу воодушевленія, но въ сознаніи націи, привыкшей принимать участіе въ правленіи. И здѣсь виденъ индивидуализмъ, и здѣсь протестъ «contre la fureur de gouverner».

Но индивидуализмъ соединяется здѣсь съ общимъ государственнымъ интересомъ; личности должны развиваться независимо, но для блага общаго; свобода должна соединяться съ законностью,

ностью, примиряться съ государственнымъ устройствомъ, существовать въ государствѣ и для государства. Правительство необходимо, но управлять собою должна сама нація; управляя собою, она остается свободною въ разумныхъ предѣлахъ и избавляется отъ «fureur de gouverner,» стѣсняющей и искажающей самостоятельное ея развитіе. Но всѣ эти предначертанія должно принимать какъ охранительныя мѣры не противъ деспотизма, а противъ бюрократіи. Мысль Гумбольдта не предоставить правленіе массѣ народа, но благоразумнымъ устройствомъ сдѣлать всякое правленіе по возможности излишнимъ. Это дѣлаетъ задачу его гораздо обширнѣе; дѣло идетъ не о представительной системѣ, но объ организаціи цѣлаго народа. Но, чтобы новыя начала привились на чужой почвѣ, пустили корень въ самую жизнь народа, привились къ его характеру, нужно, чтобы начала эти развивались изъ элементовъ, уже существующихъ или существовавшихъ прежде, воспоминаніе которыхъ еще таится въ народѣ, знакомо ему и имѣетъ прелесть роднаго. На этомъ основаніи, Гумбольдтъ считаетъ нужнымъ вызвать на свѣтъ, освѣжить въ памяти народа старинный общинный бытъ, и, измѣнивъ его сообразно съ требованіями и духомъ времени, изъ него создать новѣйшую конституцію, которая тогда вполнѣ будетъ соотвѣтствовать нуждамъ и характеру народа, сольется съ его внутреннею жизнью и сдѣлается однимъ изъ необходимыхъ ея условій. Такое государственное устройство, взятое изъ старинныхъ обычаевъ самаго народа, для Нѣмцевъ исполнитъ свое назначеніе лучше американской и французской представительной системы.

Вотъ общая картина предлагаемой имъ конституціи. Первою степенью, основаніемъ всего государственнаго устройства должны быть сельскія и городскія общины, выбирающія изъ среды себя представителя, который управляетъ дѣлами общины и защищаетъ ея интересы,

Въ большихъ городахъ, вмѣсто одной общины, которой многочисленность нарушила бы единство дѣйствія и въ общей массѣ которой терялись бы отдѣльныя личности, должны, на однихъ правахъ съ общиной, существовать нѣсколько корпорацій, имѣющихъ также своихъ представителей.

Но устройство это не должно мѣшать общему единству, не должно отчуждать другъ отъ друга и разъединять членовъ различныхъ корпорацій; потому, корпораціи не должны быть основаны на одинаковомъ промыслѣ и образѣ жизни, не должны соотвѣтствовать цехамъ и переходить въ понятіе кастъ; каждый горожанинъ долженъ принадлежать къ одной изъ корпорацій,

но можетъ выбрать любую. Вторую степень составляютъ провинціальные чины, которые образуются по выбору изъ депутатовъ каждаго сословія. Кромѣ выбранныхъ депутатовъ, есть и наслѣдственные, и на этомъ основаніи провинціальные чины раздѣляются на двѣ палаты, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое особенное назначеніе въ управленіи провинціи и которыя кромѣ того обѣ вмѣстѣ могутъ быть собираемы королемъ для совѣщаній объ общихъ дѣлахъ государства. Но и этихъ двухъ степеней недостаточно. Если остановиться на провинціальныхъ чинахъ, то будетъ нарушено единство государства, которое явится раздробленнымъ на нѣсколько частей, не имѣющихъ между собою достаточной правительственной связи; управленіе каждой провинціи представитъ отдѣльный, замкнутый въ себѣ организмъ, не имѣющій ничего общаго съ остальными частями государства, обращающій вниманіе на собственныя нужды и не заботящійся объ общемъ благѣ, объ интересахъ цѣлаго. Нужно связать между собою эти разрозненныя части, и эту связь составитъ третья, высшая степень, государственные чины. И здѣсь, какъ въ провинціальныхъ чинахъ, одни члены засѣдаютъ по выбору, другіе по праву рожденія. Въ верхней палатѣ засѣдаютъ принцы медіатизированные, Силезскіе дворяне, высшее протестантское и католическое духовенство и представители поземельной аристократіи, въ нижней—выборные представители всѣхъ сословій, не исключая и дворянъ. Этому собранію, кромѣ совѣщательнаго голоса, должно быть предоставлено право рѣшенія. Впрочемъ власть короля Гумбольдтъ ограждаетъ тѣмъ, что ему одному предоставляется право инціативы.

Конечною цѣлью конституціи являются безопасность личности и собственности, вѣротерпимость и свобода книгопечатанія.

Все сочиненіе проникнуто глубокою, живою любовью къ истинной, разумной свободѣ, которая, однако, всегда остается въ предѣлахъ законной умѣренности и, стремясь къ одной цѣли, общему благу, старается только замѣнить внѣшнія понудительныя мѣры возвышеніемъ внутренняго, нравственнаго чувства гражданъ. Гумбольдтъ былъ въ правѣ ожидать отъ своего проэкта многихъ хорошихъ послѣдствій для отечества; правительству былъ указанъ путь, указаны средства предполагаемой, обѣщанной реформы; правительство, во главѣ котораго стоялъ дряхлый старикъ, не имѣвшій никогда твердыхъ убѣжденій и подчинившійся подъ конецъ жизни вліянію австрійской политики, оставило безъ вниманія благонамѣренный совѣтъ.

Интриги Гарденберга задержали Гумбольдта во Франкфуртѣ,

чтобы связать ему руки и отвлечь отъ него, хотя на время, вниманіе мыслящей части общества.

Возвращеніе Гумбольдта въ концѣ Іюля 1819 г. мало поправило дѣло; австрійское вліяніе возрастало. Правда, 12 Августа, Гумбольдтъ торжественно былъ введенъ въ свою должность; былъ составленъ подъ предсѣдательствомъ государственнаго канцлера комитетъ для обсужденія его проэкта, но посредникомъ между Гумбольдтомъ и королемъ былъ Гарденбергъ, и дѣло затянулось такъ, что и не предвидѣлось конца.

Въ это время, изъ Вѣны разосланы были къ Германскимъ дворамъ приглашенія участвовать въ карлсбадскихъ конференціяхъ, имѣвшихъ цѣлью подавить всѣ проявленія свободы, послѣдніе отголоски всеобщаго патріотическаго воодушевленія, которымъ воспользовались, которое старались вызвать для войны съ Наполеономъ. Эти конференціи убили свободу книгопечатанія, поразили университеты, погубили начала представительной системы, и, подчинивъ владѣнія Германіи надзору союзной полиціи, нанесли тяжелый ударъ самостоятельности отдѣльныхъ государствъ.

Такого порядка вещей не могъ выдержать Гумбольдтъ.

Подчинить свое государство чужимъ законамъ, отдать его въ опеку—онъ считалъ преступленіемъ, оскорбленіемъ народной гордости. Онъ прямо обвинилъ Бернсторфа, министра иностранныхъ дѣлъ въ превышеніи власти и вмѣстѣ съ Бейме и военнымъ министромъ Бойеномъ представилъ энергическую ноту.

На ноту воспослѣдовалъ немилостивый отвѣтъ. Бойенъ между тѣмъ потребовалъ увольненія, когда одно изъ его распоряженій не было одобрено и принято государственнымъ канцлеромъ. Примѣру Бойена послѣдовали сподвижники его Бейме и Гумбольдтъ, и въ концѣ Декабря 1819 г. всѣ трое получили отставку. Такимъ образомъ, кончилась общественная, служебная дѣятельность Вильгельма фонъ Гумбольдта.

Усилія его не всегда, и даже рѣдко увѣнчивались успѣхомъ; обстоятельства, интриги часто мѣшали ему достигать предположенной цѣли, которая всегда была высока, прекрасна, обширна, достойна великой души его. Онъ не подчинялся вліянію обстоятельствъ; всегда оставаясь вѣрнымъ себѣ, вѣрнымъ основной своей идеѣ и принятымъ убѣжденіямъ, онъ открыто, благородно боролся съ встрѣчавшимися препятствіями, никогда не уступалъ имъ и никогда не употреблялъ для ниспроверженія ихъ окольныхъ путей. Цѣль въ его гла-

захъ никогда не извиняла средства. Онъ видѣлъ насквозь хитрости Гарденберга но противодѣйствовать интригѣ интригой, противъ подкопа вести подкопъ считалъ низкимъ, недостойнымъ себя. Но это прямодушіе, благородство, безкорыстіе, всѣ эти высокія чувства вредили Гумбольдту, какъ дипломату и государственному человѣку. При меньшей разборчивости въ средствахъ, при большемъ честолюбіи, онъ могъ бы достигнуть болѣе высокаго положенія, большаго вліянія въ государствѣ, могъ бы лучше успѣть въ своихъ предпріятіяхъ и принести большую пользу отечеству.

Онъ удалился отъ дѣлъ безъ досады, безъ ожесточенія противъ тѣхъ, интриги которыхъ побудили его оставить службу. Онъ всегда съ уваженіемъ отзывался о благородномъ характерѣ государственнаго канцлера. «Чувства мои къ этому человѣку, писалъ онъ къ Фарнгагену, сообщившему ему о своемъ намѣреніи заняться біографіею Гарденберга, постоянно были одни и тѣже, даже въ то время, когда мы шли совершенно различными путями и потому меня радуетъ то, что онъ найдетъ у васъ справедливость и снисходительность, которую онъ заслуживаетъ. Если разсматривать событія 1810—1816 годовъ какъ развязку драмы, то поэтъ, дѣйствительно, не найдетъ другаго характера, который былъ бы такъ способенъ совершить это дѣло для Пруссіи. Я часто чувствовалъ это среди событій и боялся за исходъ ихъ, когда усиливались физическія страданія Гарденберга. Съ другой стороны, должно сознаться, что для себя ему, можетъ быть, лучше было бы отказаться отъ участія въ этой драмѣ, чтобы въ рѣшительномъ величіи и твердости стоять выше событій.»

Съ удаленіемъ Гумбольдта отъ дѣлъ не прекратилась однако многосторонняя дѣятельность его. «Вся сила и напряженіе, говоритъ Фридрихъ Мюллеръ, которыя онъ такъ долго, съ такимъ успѣхомъ обращалъ на внѣшніе предметы, сосредоточились теперь въ наукѣ и искусствѣ; его пытливый умъ проникаетъ въ тончайшія и нѣжнѣйшія особенности нравовъ и преимущественно языковъ отдаленнѣйшихъ частей свѣта, и отыскиваетъ свѣтлымъ умомъ связь ихъ въ исторіи развитія человѣчества; онъ украшаетъ свое родовое помѣстье Тегель собраніемъ величественныхъ произведеній искусствъ и превращаетъ его въ храмъ мысли, въ веселое убѣжище друзьямъ, служащее къ собственному его нравственному и физическому обновленію. Тамъ безпрерывно посѣщаетъ его муза, принося свѣжіе вѣнки днямъ его старости. Довольный и спокойный, съ твердымъ убѣжденіемъ въ вѣчности бытія, тихо отходитъ онъ изъ круга друзей, оставляя по себѣ

неизгладимое воспоминаніе въ сердцахъ всѣхъ людей знавшихъ его.»

Со времени послѣдней отставки начинаются важнѣйшія лингвистическія изслѣдованія Гумбольдта, составляющія главный и почти исключительный интересъ послѣднихъ годовъ его жизни.

III.

Семейная жизнь В. Г.—Его ученая дѣятельность.—Опредѣленіе народнаго характера древнихъ Грековъ.—Изученіе Индѣйской древности.—Смерть Госпожи Гумбольдтъ.—Новыя должности В. Г.—Общество любителей искусствъ.—Новая характеристика Гете.—Изданіе писемъ Шиллера.—Сонеты.—Болѣзнь и смерть В. Г.—Заключеніе.

Со времени удаленія Гумбольдта отъ дѣлъ началась для него тихая, семейная жизнь въ кругу близкихъ и немногихъ знакомыхъ, среди постоянныхъ ученыхъ занятій. Желаніе вспомнить невозвратное былое, годы, проведенные въ Бургэрнерѣ и Аулебенѣ, первые годы супружества, желаніе слить эти воспоминанія съ воспоминаніями первыхъ дней дѣтства заставило Гумбольдта поселиться въ Тегелѣ, мѣстѣ его рожденія, гдѣ онъ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ жилъ съ матерью, братомъ и первыми наставниками. Двѣ дочери его вышли за мужъ, одна за Гедемана, другая за барона Бюлова; старшій сынъ, Теодоръ женился и поселился въ Силезіи; только старшая дочь Каролина и младшій сынъ Германъ оставались при родителяхъ. Старый домъ въ Тегелѣ былъ сломанъ и на его мѣстѣ выстроенъ новый, болѣе помѣстительный и изящный.

Въ этомъ домѣ, окончательно отдѣланномъ въ 1824 году Гумбольдтъ окружилъ себя древностями и статуями, пріобрѣтенными въ Римѣ и другихъ мѣстахъ, предметами искусствъ, доставлявшими ему ежедневное, постоянно новое наслажденіе, обратившееся въ потребность. Здѣсь, въ кругу своего семейства, Гумбольдтъ проводилъ большую часть года; только поѣздки зимою въ Берлинъ, осенью и весною въ другія помѣстья и въ особенности въ Оттмахау, (въ Силезіи), гдѣ разныя хозяйственныя распоряженія часто дѣлали необходимымъ личное его присутствіе, заставляли его покидать свой любимый Тегель, измѣнять правильный, спокойный образъ жизни, отрываться отъ занятій, составлявшихъ рѣшительно необходимую часть его существованія.

1828-ыій годъ весь прошелъ въ разъѣздахъ. Гумбольдту съ семействомъ Бюлова еще разъ пришлось посѣтить Парижъ и Лон-

донъ, пришлось возобновить нѣсколько почти оставленныхъ связей и знакомствъ въ обѣихъ столицахъ. Черезъ Мюнхенъ и Гастэйнъ, гдѣ госпожа Гумбольдтъ пользовалась минеральными водами, наши путешественники возвратились въ Берлинъ и въ Тегель, и здѣсь снова начались обыкновенныя, невозмутимо-спокойныя, правильныя и методическія ученыя занятія. Изслѣдованія надъ языками и философіею языка не заставили Гумбольдта забыть прежній свой любимый предметъ, греческую древность, изученію которой были посвящены лучшіе годы его молодости. Теперь, при помощи языка, онъ постигъ въ тончайшихъ оттѣнкахъ и изгибахъ греческій народный характеръ, который ему не удавалось уловить въ изученіи литературы, религіи и нравовъ. Видя въ словѣ первое движеніе пробудившейся души, видя въ языкѣ полное, вѣрное, хотя таинственное и не всякому доступное отраженіе народнаго характера, обладая громадными лингвистическими свѣдѣніями, Гумбольдтъ легко могъ по одному языку очертить всякую національность. Другія проявленія духовной дѣятельности народа—религія, литература, бытъ и политическая судьба его—проявленія менѣе духовныя и внутреннія, служили только пособіемъ, дополнительными чертами, подтверждавшими результаты языка, дававшими общей картинѣ цѣлостность и законченность. Вотъ его результаты. Направленіе Грековъ было преимущественно внутреннее и интеллектуальное; любознательность ихъ была направлена не столько на практическое значеніе предметовъ въ дѣйствительности, сколько на самую сущность ихъ и на то, какъ они вообще представляются уму. Всѣ внѣшнія формы, выражавшія понятія древнихъ Грековъ, напоминаютъ о внутреннемъ содержаніи часто, съ ущербомъ для практическаго ихъ примѣненія. Стремленіе къ истинно индивидуальному характеру влекло ихъ въ тоже время къ идеальному, къ стремленію «уничтожить индивидуальное, какъ ограниченіе, и оставить его только, какъ легкое очертаніе извѣстнаго образа». На этомъ основаніи греческое искусство есть снимокъ съ дѣйствительной природы, снимокъ, изображающій сущность живаго организма каждаго предмета. Этотъ снимокъ удавался имъ чрезъ соединеніе яснаго созерцанія дѣйствительности съ стремленіемъ къ высшему единству идеала.

Лингвистическія занятія открыли Гумбольдту еще одну богатую литературу, изученіе которой ввело его въ таинственный, фантастическій міръ, въ міръ индѣйской древности. Стихи Мага-Бараты поразили Гумбольдта глубиною мысли, выраженною въ первобытно-простой формѣ, съ младенческою игривостью фантазіи. Что любилъ онъ въ Пиндарѣ и Эсхилѣ, чему удивлялся въ

воренiяхъ Шиллера, то нашелъ въ древнѣйшей поэзiи Индiи. Мысли Канта, которымъ онъ такъ глубоко сочувствовалъ, мысли о высокомъ самопожертвованiи, о соблюденiи долга ради долга, объ истинной мудрости, которая должна стоять выше событiй и, по возможности, отрѣшаться отъ переворотовъ внѣшняго мiра, мысли эти встрѣчались ему здѣсь въ разсужденiяхъ Кришны, въ ученiи объ индiйскомъ самоуглубленiи; онѣ примѣнялись къ настоящему его положенiю, которое многiе считали опалою, за которое онъ самъ благословлялъ Провидѣнiе. Дѣйствительно, удалившись отъ шума политической дѣятельности, живя наукою, углубляясь въ спокойный мiръ мысли и труда, изучая человѣка въ самомъ таинственномъ внутреннемъ его проявленiи, Гумбольдтъ сталъ выше переворотовъ, добровольно разорвалъ все, что связывало его съ внѣшнимъ мiромъ, и, какъ индѣйскiй йоги, спокойно и безстрастно, безъ волненiй и желанiй, смотрѣлъ на все окружающее. Этимъ объясняется сочувствiе его къ индѣйской поэзiи, увлеченiе, съ которымъ онъ предался своему новому предмету. Сочувствiе это выразилось въ желанiи воспроизвести нѣкоторыя, особенно поразившiя его, мѣста индѣйской поэмы. Къ этому времени относится его сочиненiе: «Объ отрывкѣ изъ Мага-Бараты, извѣстномъ подъ именемъ Багавадъ-Гиты». Даже взглядъ Гумбольдта на науку, быть можетъ, измѣнился подъ вліянiемъ индѣйской философiи. Ученые труды его не имѣли послѣднею, конечною цѣлью самую науку; результаты науки важны для него были не столько сами по себѣ, сколько по вліянiю, которое они оказываютъ на умственное и нравственное совершенствованiе человѣка. Созрѣть, развиться въ себѣ и въ своихъ идеяхъ, «идеями вызрѣть изъ жизни», какъ онъ пишетъ къ Генцу, вотъ настоящая цѣль, связывающая интересъ науки съ собственными, личными интересами Гумбольдта.

Трудъ мысли, занятiя наукой не вытѣснили, не подавили чувства, котораго искала воспрiимчивая душа Гумбольдта, въ которомъ нуждалась нѣжная, почти женственная его природа. Безграничная, но тихая и спокойная привязанность его къ женѣ, дружескiя отношенiя къ брату, къ Каролинѣ Вольцогенъ, къ Шарлоттѣ Дiэде, къ Гёте, къ Вольфу оживляли дни его старости отрадными воспоминанiями былого. Чувство его къ женѣ, основанное на глубокомъ уваженiи, на взаимномъ пониманiи и сочувствiи, никогда не имѣло ничего общаго съ мимутнымъ пыломъ юношеской страсти, не могло съ лѣтами охладѣть и погаснуть. Сила привычки могла только скрѣпить узы сознательнаго чувства. Со времени удаленiя Гумбольдта отъ дѣлъ, Каро-

лина была его неразлучною спутницею; съ Каролиной дѣлился онъ трудами, радостями, надеждами и сомнѣніями, и Каролина понимала его, сочувствовала ему. Гумбольдту нужно было такое сочувствіе; онъ дорожилъ дружбой женщины и, какъ художникъ, какъ идеалистъ, умѣлъ цѣнить прекрасную женственность, полную любви и самоотверженія. «Въ чувствѣ къ прекрасной женственности, писалъ онъ къ Каролинѣ Вольцогенъ, заключается пониманіе всего изящнаго въ человѣчествѣ и природѣ, разоблаченная сущность духовной жизни, на сколько она доступна на землѣ.» Изъ этихъ словъ видно, чѣмъ могла быть, чѣмъ дѣйствительно была для него Каролина, видно, какимъ жестокимъ ударомъ должна была поразить его преждевременная ея кончина. Слабое здоровье госпожи Гумбольдтъ долгое время то поправлялось, то снова разстроивалось; грудная болѣзнь, которою она страдала въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, болѣзнь, неоднократно принуждавшая ее пользоваться гастейнскими минеральными водами, въ послѣднее время усилилась и наконецъ свела ее въ могилу 26-го Марта 1829 года. Ни дружба брата, ни нѣжная привязанность дѣтей, ни участіе друзей и близкихъ не могли замѣнить Гумбольдту жестокую утрату. Въ горести его, какъ въ его любви, не было порыва, не было страсти; то была грусть тихая, спокойная, но глубокая и постоянная; онъ не искалъ забвенія, не старался разсѣяться и утѣшиться. Не впадая въ мизантропію, онъ сталъ избѣгать сношеній съ людьми; его тяготило ихъ безсильное участіе; смерть любимой женщины оставила по себѣ такую пустоту въ внѣшней его обстановкѣ, что Гумбольдтъ почувствовалъ потребность уединить себя, отдалиться отъ внѣшняго міра, углубиться въ самаго себя, въ благотворныя истины науки, окружить себя образами отжившихъ друзей, картинами былой юности, былого счастья, словомъ, живѣе прежняго почувствовалъ потребность жить въ мірѣ идей и воспоминаній. «Вы спрашиваете, пишетъ онъ къ Каролинѣ Вольцогенъ, что для меня теперь всего отраднѣе? Признаюсь вамъ, только глубокое, совершенное одиночество. Въ одиночествѣ у человѣка являются чувства, мысли, воспоминанія, которыя укрѣпляютъ и поддерживаютъ его; печаль переходитъ въ какое то тихое, нѣжное, постоянное чувство грусти. Но чтобы я снова могъ находить удовольствіе въ сношеніяхъ съ людьми,— этого я рѣшительно не могу себѣ представить; допускаю только дружескій разговоръ съ глазу на глазъ съ человѣкомъ одинаковыхъ убѣжденій со мною.»

Но Гумбольдту не удалось остаться въ сторонѣ отъ дѣлъ, не удалось въ уединеніи насладиться своей горестью. Cabinetsordre

15 Сентября 1830 года снова назначилъ его членомъ Госу-
ственнаго Совѣта и предсѣдателемъ коммиссіи, которой по-
ено было заняться внутреннимъ устройствомъ вновь откры-
берлинскаго музея; впрочемъ, первое мѣсто, данное болѣе
виду, какъ возмездіе за удаленіе, походившее на опалу, не
агало на Гумбольдта трудныхъ и сложныхъ обязанностей и
о вызывало его изъ Тегеля. Второю должностью, требовав-
эстетическаго вкуса и обширныхъ познаній въ дѣлѣ
ества, Гумбольдтъ занимался съ любовью, не смотря на то,
занятія эти нарушали заведенный порядокъ его вседневной
ни и часто приводили его въ соприкосновеніе съ людьми и
ествомъ. Кромѣ того, еще съ 1825 года существовало въ
ссіи Общество любителей искусствъ, имѣвшее цѣлью
рять молодыхъ художниковъ, давать имъ средства къ обра-
нію, развивать въ нихъ врожденный талантъ и такимъ обра-
ь содѣйствовать процвѣтанію изящныхъ искусствъ въ Прус-
Гумбольдтъ былъ однимъ изъ основателей и дѣятельныхъ
новъ этого общества; изъ подъ его пера выходили годовые
ты общества, которые въ совокупности представляютъ пол-
курсъ эстетики, какъ понималъ ее Гумбольдтъ въ послѣдніе
своей жизни и дѣятельности. Здѣсь, какъ и въ «Эстетичес-
опытахъ», видно пристрастіе къ древнему, классическому
, связанное впрочемъ съ полнымъ его пониманіемъ. Гум-
дтъ миритъ греческое искусство съ новѣйшимъ, романтичес-
, болѣе сообразнымъ съ духомъ нашего вѣка и требованія-
временнаго общества, но, допуская слiяніе обоихъ элемен-
, считаетъ искусство Грековъ единственнымъ, истиннымъ
ощеніемъ идеи изящнаго.
ъ этому времени относится новая характеристика Гёте, пред-
нятая Гумбольдтомъ по поводу послѣдней части итальянскаго
шествія Гёте, изданной въ 1829 году. И въ этой характери-
ѣ проглядываетъ любовь Гумбольдта къ древне-греческому
енту. Сравнивая Гёте съ греческими поэтами Гумбольдтъ
озноситъ его объективность, естественность и вѣрность его
инъ, отражающихъ природу во всей ея изящной простотѣ,
семъ роскошномъ блескѣ ея свѣжести и жизни; онъ выво-
творческое стремленіе Гёте изъ одного источника съ его
леніемъ изслѣдовать сокровенные законы природы, указы-
ъ на внутреннюю связь, существующую между учеными тру-
и поэтическимъ творчествомъ Гёте.
го Мая 1832 года, уже по смерти Гете, Гумбольдтъ въ Об-
вѣ любителей искусствъ прочелъ письмо Гёте къ тайному
тнику Бейту, въ которомъ покойный поэтъ благодаритъ за

подарокъ, посланный ему отъ имени общества, и обѣщаетъ дать молодымъ художникамъ нѣсколько совѣтовъ насчетъ выбора предмета. «Горестно намъ, продолжаетъ Гумбольдтъ по окончаніи чтенія, отказаться отъ поученія, которое обѣщаетъ покойный въ этихъ строкахъ. Самое обѣщаніе это доказываетъ, какъ старался онъ до послѣднихъ дней своей жизни развивать всякое стремленіе къ изящному и давать ему направленіе. Это желаніе руководить духовную дѣятельность современниковъ, было ему особенно свойственно; можно даже прибавить, что онъ, безъ намѣренія, почти безсознательно, существованіемъ своимъ и дѣйствіемъ на самаго себя, оказывалъ могучее, характеризующее его вліяніе. Оно представляется отдѣльно отъ духовнаго творчества его, какъ мыслителя и поэта, и заключается въ его великой, своеобразной личности. Мы это чувствуемъ въ самой горести, которою поразила насъ его кончина. Мы оплакиваемъ въ немъ не только творца столькихъ геніальныхъ произведеній всякаго рода, не только изслѣдователя, разширившаго область столькихъ наукъ и указавшаго имъ новые пути глубокимъ воззрѣніемъ на внутреннюю природу ихъ, не только дѣятельнаго поборника всякаго стремленія къ духовному развитію, мало того,—у насъ какъ будто вырвано что-то изъ самыхъ завѣтныхъ мыслей и чувствъ въ самомъ возвышенномъ ихъ соединеніи, недостаетъ чего-то, потому единственно, что его нѣтъ между нами. Но, хотя мы горько чувствуемъ нашу потерю, насъ снова оживляетъ то убѣжденіе, что онъ вложилъ въ свой вѣкъ и свой народъ сѣмена, которыя перейдутъ въ будущія поколѣнія и долго еще будутъ развиваться, когда языкъ его сочиненій уже, быть можетъ, устарѣетъ. У каждой націи, достигшей высокой степени развитія, есть свой особый кругъ мыслей и чувствованій, обнимающій всю ея жизнь. Онъ стоитъ не на твердыхъ и опредѣленныхъ единичныхъ воззрѣніяхъ, но заключается въ общемъ направленіи умовъ, въ формѣ, отъ которой зависятъ во всѣхъ отрасляхъ духовной дѣятельности мѣра и размѣръ, спокойствіе и живость, равновѣсіе и гармонія; онъ дѣйствуетъ такимъ образомъ, черезъ обусловливаемое имъ сліяніе чувственнаго съ нечувственнымъ, на полное созерцаніе внѣшняго и внутренняго міра. Личности Гёте преимущественно суждено было дѣйствовать на эту точку. Въ эту таинственную среду, въ которой одно духовное стремленіе воодушевляетъ цѣлую націю, проникъ Гёте силою своею творчества, посредствомъ языка, который далъ ему возможность выразить свой характеръ, и которому онъ, съ своей стороны, придалъ столько силы и души. Такимъ образомъ, начиная свое поприще въ періодѣ литературы, въ которомъ духъ нѣмецкой науки

а не получилъ еще яснаго, рѣшительнаго характера,
олѣтними трудами своей жизни наложилъ на него новый,
поминающій о немъ отпечатокъ. Постоянно веселая раз-
ность, свѣтлая ясность, живое, созерцательное понима-
ды, всегда подчиненное изящному образу или еще глуб-
твованной формѣ, безконечная гибкость генія, всѣ эти
преимущественно отличающія Гёте, сами собою при-
къ нему умы. Ни въ комъ не было болѣе справедливаго,
аго на внутреннемъ характерѣ отвращенія ко всему за-
у, туманному, мистически загадочному. Все это въ со-
ти придавало его вліянію такое общее, глубокое значе-
представлялось такъ весело и свѣтло, что безъ труда и
ія вытекало изъ своего источника, то также легко при-
и удерживалось, пускало корни для дальнѣйшаго разви-
, какъ Гёте всегда понималъ природу въ единствѣ ея
а и въ тоже время въ полномъ развитіи ея богатаго раз-
, то въ немъ никогда не могло быть рѣзкой противопо-
между чувственнымъ и идеальнымъ міромъ. Дѣйстви-
теряла въ немъ свою форму, чтобы получить новую
создающей фантазіи. Вотъ почему, скажу я, чтобы воз-
къ своему предмету, онъ такъ благотворно дѣйствовалъ
тво; онъ былъ близокъ къ нему въ основныхъ нача-
его духа и сроднился съ нимъ во всѣхъ его отрасляхъ по-
съ созерцанія, собиранія и упражненія; общее чувство
ому укоренилось въ немъ глубже, нежели въ комъ либо
Онъ безконечно много сдѣлалъ для искусства непо-
но поученіемъ, поощреніемъ и содѣйствіемъ всякаго
все это не могло сравниться съ тѣмъ, чѣмъ оно обязано
едственно. Въ продолженіе многолѣтней жизни, тихимъ
своей личности онъ будилъ въ душахъ современниковъ
ую искру любви къ изящному, направлялъ наклонность
ность къ чистому стремленію (къ искусству), которое,
удаляясь отъ принужденія стѣснительныхъ правилъ и
астическаго произвола, слѣдуетъ свободному ходу при-
равляемому внутренними законами!»

за характеристикой Гёте были изданы въ свѣтъ письма
къ Гумбольдту съ предисловіемъ, въ которомъ авторъ
кистью рисуетъ великую личность покойнаго друга.
ть признаетъ въ Шиллерѣ слѣды вліянія Канта и ра-
ается при этомъ на счетъ философіи Канта, которую ста-
равненно выше системы Гегеля, бывшей тогда въ пол-
. Стремясь примирить человѣка со всѣмъ окружающимъ,
я Гегеля по своей основной идеѣ соглашалась съ лич-

ему. Королевская фамилія и дворъ выразили свое прискорбіе. Общество и наука лишились въ немъ одного изъ лучшихъ своихъ дѣятелей и чувствовали въ эту скорбь горестную утрату.

Мы уже знаемъ изъ жизни Вильгельма Гумбольдта какъ сильно чувствовалъ онъ все благородное, возвышенное и прекрасное, какъ неуклонно стремился онъ къ идеалу нравственнаго совершенства; путемъ къ тому служили ему наука, искусство и эстетическія впечатлѣнія, облагороживающія и возвышающія душу. Такой взглядъ на науку представляетъ глубокую, внутреннюю связь съ его уваженіемъ къ человѣку и его индивидуальности, которой благополучіе онъ ставитъ выше государственныхъ интересовъ, для сохраненія которой готовъ жертвовать всѣмъ, нарушать установленный государственный порядокъ и возмущать спокойствіе общества. Это уваженіе къ индивидуальности, выказавшееся съ полною силою въ первомъ его политическомъ сочиненіи, слишкомъ увлекало его въ молодости и довело его до несбыточныхъ, утопическихъ теорій. Но съ лѣтами индивидуализмъ этотъ смягчился уваженіемъ къ государственному устройству, сознаніемъ его необходимости, стремленіемъ примирить «я» отдѣльной личности со всѣмъ его окружающимъ. Изученіе природы, созерцаніе вѣчной ея гармоніи и соотвѣтствія между цѣлымъ и отдѣльными его составными частями, содѣйствовало этому примиренію, развивая въ Гумбольдтѣ сознаніе его необходимости. Дѣйствительно, весь образъ дѣйствій его на поприщѣ государственной службы, проэктъ новой конституціи, распоряженія по министерству проникнуты стремленіемъ согласить интересы отдѣльной личности съ выгодами и спокойствіемъ общества, содѣйствовать развитію индивидуальности, не разрушая государственнаго устройства, поставить индивидуальность подъ защиту общества и правительства, не подвергая ее стѣсненію, словомъ, достигнуть разумной законной свободы отдѣльныхъ личностей, свободы, необходимой для развитія и совмѣстной съ благомъ государства. Впрочемъ вообще говоря, характеръ Гумбольдта мало измѣнялся съ лѣтами; въ немъ смолоду господствовало то веселое спокойствіе, которымъ онъ отличался подъ старость, спокойствіе, которое, предохраняя его отъ увлеченія, позволяло ему съ твердостью, терпѣливо переносить несчастіе. «Мое спокойствіе, пишетъ онъ, не достоинство; это счастливое преимущество моего темперамента; терпѣніе мое никогда не стоило мнѣ труда; я могу назвать его врожденнымъ.» Въ минуты горести личность Гумбольдта является въ самомъ чистомъ, поэтическомъ свѣтѣ; онъ самъ сознаетъ возвышающую силу горести и, понимая благотворное ея вліяніе, спокойно

и безропотно переноситъ постигающія его несчастія. «Горесть, говоритъ онъ, имѣетъ высокую, очищающую силу, невыразимую прелесть, когда она, какъ плющъ, обвивается вокругъ сердца; она даже разрушая сохраняетъ свою собственную, могучую жизнь.» Стремясь къ нравственному совершенствованію, Гумбольдтъ старается быть равнодушнымъ ко всему внѣшнему и матеріальному, къ славѣ, къ удовольствію, къ счастію и къ несчастію и удивительно успѣваетъ развить въ себѣ это стоическое равнодушіе, этотъ идеальный взглядъ на вещи. Развитію этого идеализма во многомъ содѣйствовало также внѣшнее положеніе Гумбольдта, положеніе, независимое и вполнѣ обезпеченное въ матеріальномъ отношеніи. При постоянной борьбѣ съ нуждою, при безпрерывныхъ столкновеніяхъ съ мелочными дрязгами вседневной жизни, трудно было бы отрѣшиться отъ матеріальнаго, стать выше его, выработать себѣ свѣтлый, всеобъемлющій, независимый взглядъ на міръ и его явленія. Изъ перваго политическаго сочиненія Гумбольдта видепъ его взглядъ на религію. Онъ понималъ идею религіи, онъ былъ проникнутъ ею, но понималъ ее во всей ея чистой отвлеченности, не облекая ея въ внѣшнія формы, не придавая этимъ формамъ никакой цѣны, никакого значенія. Онъ вѣритъ въ загробную жизнь, потому что вѣритъ въ силу мысли, въ силу чувства, въ которыхъ видитъ вѣрный залогъ безсмертія, но, сильный сознаніемъ долга, для его исполненія не нуждается въ возбудительныхъ средствахъ и съ спокойною совѣстью, безъ сожаленія готовъ отказаться отъ надежды на награду. И такъ мы видимъ въ Вильгельмѣ Гумбольдтѣ идеалиста, человѣка съ благородными, возвышенными стремленіями, гражданина, умѣвшаго съ горячею любовью къ своей народности соединить полное, безпристрастное уваженіе ко всему истинно прекрасному, истинно человѣчественному, геніальнаго ученаго, который, не сдѣлавшись сухимъ, односторонпимъ спеціалистомъ, широко раздвинулъ область своей науки, создалъ новое направленіе, указалъ своимъ послѣдователямъ безконечную сферу развитія. Такихъ людей не забываетъ исторія.

преимущественно на языкѣ ученыхъ и поэтовъ, на языкѣ Кави, сохранившемся въ немногихъ отрывкахъ поэмы «Братта-Юдз»; этотъ языкъ, въ которомъ сливались малайскій народный элементъ и индѣйская образованность, составилъ предметъ особенныхъ, обширныхъ изслѣдованій Гумбольдта, служилъ ему точкой исхода при опредѣленіи внутренней природы языка вообще и законовъ его происхожденія и сдѣлался основою всѣхъ его общихъ лингвистическихъ положеній. Такимъ образомъ, Гумбольдтъ зналъ почти всѣ извѣстные тогда языки: баскскій и въ связи съ нимъ американскіе языки, санскритскій, зендскій, армянскій, китайскій, австралійскіе языки: и связывающіе ихъ съ санскритскимъ, а чрезъ санскритскій и съ европейскими языками нарѣчія малайскія, въ особенности же языкъ Кави были ему знакомы, не говоря уже о языкахъ греческомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ и италіянскомъ, изученію которыхъ были посвящены годы его юности. Съ такимъ огромнымъ запасомъ матеріаловъ и фактическихъ свѣдѣній, при своей осторожности и вѣрномъ взглядѣ на вещи, Гумбольдтъ могъ смѣло перейти отъ данныхъ къ результатамъ, отъ механической части труда къ интеллектуальной, отъ изученія языковъ къ изслѣдованію ихъ, отъ грамматики къ философіи языка.

Въ сочиненіи своемъ «Ueber den Dualis» (о двойственномъ числѣ), къ несчастію, неоконченномъ, но уже въ неоконченности своей обнаруживающемъ зрѣлость идей и совершенное знакомство съ предметомъ, Гумбольдтъ опредѣляетъ общую задачу и методъ лингвистики, обрисовываетъ свойства разсматриваемой имъ грамматической формы и указываетъ на связь и соотношенія ея съ внутренней сущностью языка. Другое его сочиненіе «Ueber die Verwandschaft der Ortsadverbia mit den Pronomen in einigen Sprachen» (о сродствѣ нарѣчій мѣста съ мѣстоимѣніями въ нѣкоторыхъ языкахъ) доказываетъ сродство личныхъ мѣстоимѣній съ нарѣчіями мѣстъ и, ставя оба понятія въ зависимость отъ общихъ законовъ человѣческаго мышленія, выводитъ ихъ изъ общаго понятія пространства, которое, вмѣстѣ съ понятіемъ времени, составляетъ, по Канту, первый предметъ нашего познаванія.

Собравъ въ одну стройную систему разбросанныя въ этихъ сочиненіяхъ мысли о языкахъ вообще, мы могли бы сдѣлать общій выводъ изъ всѣхъ этихъ данныхъ, подвести имъ итогъ и, взсоздавъ передъ собою такимъ образомъ языкознаніе Гумбольдта, взвѣсить и оцѣнить заслуги его на поприщѣ науки, еслибы самъ Гумбольдтъ не представилъ результата всѣмъ своимъ лингвистическимъ трудамъ въ знаменитомъ сочиненіи: «Ueber die Ver-

schiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwickelung des Menschengeschlechts» (о различіи построенія человѣческихъ языковъ и его вліяніи на духовное развитіе человѣческаго рода), которое служитъ введеніемъ къ громадному, неоконченному его творенію о языкѣ Кави. Въ этомъ введеніи, представляющемъ окончательный и полный результатъ всѣхъ лингвистическихъ трудовъ Гумбольдта, является геній его во всемъ своемъ величіи и блескѣ; самостоятельность взгляда, разумная увѣренность, съ которою онъ обращается съ своимъ матеріаломъ, увѣренность, основанная на строгомъ знаніи фактовъ и никогда не доходящая до произвола и бездоказательности, послѣдовательность, сила и новизна идей, соединенная съ важностію добытыхъ результатовъ, ставитъ этотъ трудъ выше всѣхъ предшествовавшихъ отрывочныхъ разсужденій и дѣлаетъ его истиннымъ основаніемъ славы Гумбольдта, достойнымъ довершеніемъ великихъ его начинаній.

I. НАУЧНЫЙ МЕТОДЪ ГЕГЕЛЯ И В. ГУМБОЛЬДТА.

Философія Гегеля представляетъ совершеннѣйшую изъ всѣхъ до сихъ поръ образовавшихся философскихъ системъ, но и въ ней есть существенный недостатокъ; недостатокъ этотъ состоитъ въ ея апріоричности, въ противоположности ея съ науками опытными. Она сама созналась, что внутреннее существуетъ только во внѣшнемъ, безконечное въ конечномъ, сила въ проявленіи; этимъ сознаніемъ она уничтожила возможность своего существованія независимо отъ наукъ опытныхъ, относящихся къ ней, какъ проявленіе къ силѣ, какъ внѣшнее къ внутреннему; слѣдовательно отвлеченная, умозрительная философія должна погибнуть и слиться съ опытомъ. Отношенія умозрительной философіи къ опыту, по понятію самого Гегеля, неопредѣленны; мыслитель не долженъ принимать въ соображеніе предметовъ внѣшнихъ при самомъ мышленіи, но долженъ по нимъ повѣрять условія, найденныя путемъ апріоричнымъ. Цѣль каждой философской системы—достиженіе истины; къ этой общей цѣли стремится и философія Гегеля путемъ чистаго мышленія. Чистое мышленіе, сбросивъ съ себя все, что есть конечнаго и чувственнаго въ единичныхъ предметахъ и что необходимо примѣшивается къ нашему созерцанію и представленію, выводитъ изъ самаго себя, передумываетъ и возсоздаетъ божественную думу Творца, которая, въ видѣ зародыша, уже заключается въ нашемъ духѣ и составляетъ основаніе истины, въ насъ живущей. Вотъ причина, почему

ловѣческое свойство человѣка. На этой точкѣ зрѣнія созерцательнаго мышленія мы достигаемъ истиннаго единства дѣйствительности и мысли, находимъ дѣйствительность и объективное понятіе о ней. Чтобы знакомиться съ предметами мы должны пользоваться нашими чувствами, чувствами человѣческими, слѣд. разумными, которыми мы можемъ обнять истину. Нельзя стѣснять въ чистое, отвлеченное понятіе богатую полноту жизни, проявляющуюся въ природѣ и въ исторіи. Только разумно—созерцательнымъ методомъ можно постигнуть предметы въ ихъ истинномъ значеніи, въ полнотѣ, въ цвѣтѣ ихъ жизни.

Такимъ образомъ въ философіи Гегеля удерживается двойственность мышленія и дѣйствительности. Понятіе остается понятіемъ, чуждымъ соотвѣтствующему ему дѣйствительному предмету. Предметовъ нельзя произвольно дѣлить, анатомировать, какъ мертвую массу, вполнѣ зависящую отъ нашего мышленія. Мы должны руководствоваться естественнымъ, свойственнымъ имъ дѣленіемъ; тогда, переходя въ понятіе, предметъ не утратитъ жизни и красокъ, не сдѣлается безцвѣтною, мертвою отвлеченностью. Желая усвоить себѣ, постигнуть предвѣчную думу Творца, мы должны подчинить наше мышленіе мышленію вѣчному, должны читать въ природѣ и исторіи, а не вносить въ нихъ извнѣ категорій, найденныхъ чистымъ мышленіемъ, должны съ фактами ихъ согласовать наше мышленіе, а не подчинять эти факты условіямъ, выведеннымъ a priori. Каждая истинная идея можетъ и должна воплощаться, осуществляться въ внѣшнемъ частномъ проявленіи и достигать въ чувственномъ развитіи своей истины. Эта точка зрѣнія миритъ чувственное созерцаніе съ понятіемъ, философію съ опытною наукою или, лучше сказать, уничтожаетъ и то, и другое и создаетъ новую науку, которая совокупляетъ въ себѣ, какъ въ высшемъ единствѣ, истину обѣихъ первыхъ. Бездушная и опытная наука едва порождаетъ идеи и потому почти не заслуживаетъ имени науки. Философія разработываетъ только общія отвлеченности и, оставляя неприкосновеннымъ истинное содержаніе, допускаетъ только одностороннее примиреніе опыта съ чистымъ мышленіемъ. Истинное же примиреніе происходитъ только въ созерцательномъ мышленіи. Чтобы вполнѣ убѣдиться въ превосходствѣ нашей точки зрѣнія, разсмотримъ ближе въ чемъ состоитъ различіе между опытною наукою и философіею, какъ понимаетъ ее Гегель. Говоря объ энцеклопедіи философіи, Гегель отличаетъ ее отъ другихъ энциклопедій, называя послѣднія совокупленіемъ наукъ по внѣшнимъ признакамъ безъ системы и строгаго единства, мѣсто котораго занимаетъ внѣшній порядокъ; къ такимъ совокупленіямъ

наукъ онъ причисляетъ и филологію. Этого нельзя принять какъ общее правило, хотя большая часть филологическихъ энциклопедій могутъ заслужить этотъ упрекъ. Это не составляетъ неизбѣжнаго свойства самаго предмета, потому что, какъ различныя дѣятельности и образы проявленія человѣческой души, которыя излагаетъ филологія, такъ и различныя отрасли этой науки имѣютъ между собою естественную связь и не образуютъ одного пустаго, случайнаго, несистематическаго собранія. Основанная на такихъ началахъ, филологія исключаетъ, согласно съ философіей Гегеля, вопервыхъ, простое накопленіе свѣдѣній, хотя и пользуется ими какъ матеріаломъ; вовторыхъ, науки, основанныя на одномъ произволѣ и вполнѣ положительныя, напр. геральдику; въ третьихъ, другія науки, которыя называются также положительными, хотя и имѣютъ раціональное начало. Это начало принадлежитъ филологіи. Положительность этихъ наукъ состоитъ, по мнѣнію Гегеля, въ томъ, что раціональное начало ихъ переходитъ въ случайное,—общее унижается до эмпирической единичности и случайности. Но самъ Гегель говорилъ, что общее заключается въ единичности, раціональное—въ эмпирической дѣйствительности. Такъ какъ во внѣшней природѣ вездѣ виденъ проблескъ идеи, а съ другой стороны и самъ Гегель не принимаетъ, чтобы существовали «такіе счастливцы, которымъ непосредственно открыта внутренняя сторона природы», то вѣрнѣе будетъ искать общее въ единичномъ, нежели видѣть единичное въ общемъ. Можетъ ли, слѣдовательно, наука, стремящаяся къ общему, оставить безъ вниманія эмпирическую единичность и дѣйствительность, какъ положительное и случайное. «Исторія, говоритъ Гегель, входитъ въ область философіи въ томъ отношеніи, что сущность ея составляетъ идея, которая однако проявляется въ случайности и произволѣ.» Но Гегель слишкомъ рѣзко отдѣляетъ идею отъ явленія, приписывая истину только первой, а на долю втораго оставляя случайность, между тѣмъ какъ, по его собственнымъ же словамъ, личность человѣка—ничто иное, какъ послѣдовательный рядъ его поступковъ, слѣд. всякая идея обнаруживается и познается только въ явленіи или въ цѣломъ рядѣ явленій. Въ совокупности явленій, фактовъ должно искать этой идеи. Созерцательное мышленіе должно видѣть идею въ этихъ явленіяхъ, выводить ихъ изъ идеи и сю объяснять ихъ происхожденіе, хотя этой цѣли не могутъ достигнуть ни отвлеченная, односторонняя философія, ни сухой бездушный опытъ.

Положительными науками Гегель считаетъ тѣ, которыя не заключаютъ въ себѣ своей конечной цѣли и не указываютъ перехода всей своей сферы въ сферу высшую; но какъ общій ор-

ганизмъ природы представляетъ въ себѣ постепенность развитія отъ низшаго къ высшему, такъ и наука, созерцающая это развитіе, по внутреннему побужденію переходитъ отъ низшихъ степеней къ высшимъ, въ которыхъ находитъ въ большей полнотѣ то, чего не доставало въ предъидущихъ. И здѣсь односторонняя философія, которая не умѣетъ распредѣлить дѣйствительные предметы по степенямъ, найденнымъ въ чистомъ мышленіи, и сухой опытъ, который не разсматриваетъ внутренняго значенія и развитія предметовъ, уступаетъ созерцательно мыслящей наукѣ; послѣдняя, облекая мышленіе въ чувственность, сознаетъ и опредѣляетъ въ предметахъ степени и располагаетъ ихъ сообразно съ внутреннимъ ихъ развитіемъ, такъ, однимъ словомъ, какъ размѣщаютъ себя предметы въ самой природѣ. Съ этою конечностью формы связана конечность средствъ познанія,—разсужденія, авторитета другихъ, особенно же собственнаго внутренняго и внѣшняго созерцанія. Но философія, не смотря на свои, по ея мнѣнію, безконечные источники познанія, должна сообразоваться съ тѣмъ, что оказывается на опытѣ. Напротивъ того созерцательно мыслящей наукѣ, источнику познанія въ нѣкоторомъ родѣ конечному, ничто не мѣшаетъ обнять безконечный разумъ въ проявленіи его въ природѣ и въ исторіи. Дальнѣйшее развитіе его состоитъ въ томъ, чтобъ узнавать безконечное въ конечномъ, какъ въ его внѣшнемъ, дѣйствительномъ проявленіи. Наука, съ нашей точки зрѣнія, пользуется всѣмъ матеріаломъ, собраннымъ опытомъ, между тѣмъ какъ философія многаго не принимаетъ, какъ созданнаго произволомъ. Понятія о случайности и положительности матеріала могутъ измѣняться съ каждымъ новымъ открытіемъ опыта. Гегель часто указываетъ на точку зрѣнія воображаемаго созерцанія, по которой сначала смотрятъ и потомъ мыслятъ; она ближе подходитъ къ нашей точкѣ зрѣнія, хотя между ними еще замѣтно существенное различіе. Наша наука не опирается на опытѣ. Она сама опытъ, созерцаніе; въ ней совершенно исчезаетъ противоположность между созерцаніемъ и мышленіемъ, которая все еще имѣетъ мѣсто въ воображаемомъ созерцаніи Гегеля. Въ нашей наукѣ совпадаетъ философія и эмпирія, здѣсь нѣтъ искуственнаго порядка, расположенія; мы принимаемъ только то, чего требуетъ созерцательное мышленіе, сущность самыхъ предметовъ. Гегель зналъ о нашей точкѣ зрѣнія; его взглядъ приближается къ нашему, который служитъ основаніемъ всѣмъ его великимъ мыслямъ; онъ иногда называетъ его своимъ взглядомъ, не смотря на противорѣчіе его съ чистымъ мышленіемъ (Энцикл. III, стр. 22).

Таковъ методъ Гегеля; таково его отношеніе къ точкѣ зрѣнія созерцательнаго мышленія. Теперь намъ слѣдуетъ разсмотрѣть научный методъ В. Гумбольдта; сопоставленіе ихъ опредѣлитъ значеніе послѣдняго.

Въ разсужденіи «О задачѣ историка» В. Гумбольдтъ говоритъ слѣдующее: «Чтобы придать изложенію перепутанныхъ событій всемірной исторіи ту форму, въ которой является ихъ истинная связь, историкъ долженъ отвлечь эту форму отъ самыхъ событій.» Съ перваго взгляду въ этихъ словахъ можно видѣть противорѣчіе; на основаніи ихъ можно предположить, что Гумбольдъ безотчетно склоняется на сторону гегелевскаго чистаго мышленія. Но это только кажущееся противорѣчіе: всякое пониманіе предмета предполагаетъ необходимымъ условіемъ своей возможности предварительное соотношеніе между субъектомъ и объектомъ; пониманіе вовсе не есть ни простое развитіе идеи изъ субъекта, слѣд. не есть чистое мышленіе, ни простое отвлеченіе отъ объекта, слѣд. не простое созерцаніе, но соединеніе того и другаго—созерцательное мышленіе. Далѣе: «историкъ прежде всего долженъ остерегаться того, чтобы облекать дѣйствительность въ произвольно созданныя идеи или даже, отыскивая связь цѣлаго, сколько-нибудь жертвовать живымъ богатствомъ индивидуальнаго, потому что ничто не существуетъ совершенно отдѣльно, внѣ общей связи».

Теперь мы должны обратить вниманіе на одну важную особенность Гумбольдта, которая врядъ ли можетъ ускользнуть отъ того, кто изучалъ его сочиненія. Онъ не всегда держится закона мышленія, по которому сила и дѣйствіе, существо и явленіе не могутъ быть разлучены и разсматриваемы порознь; узнавши правильно одно въ другомъ, онъ иногда изслѣдуетъ свойства силы отдѣльно, а между тѣмъ единственное свойство силы то, что она заключается въ своемъ проявленіи. Онъ зналъ, что духъ есть только дѣятельность; не смотря на то, онъ желалъ бы увидѣть въ полномъ блескѣ какое то существо, живущее одною духовною жизнію. Такимъ неестественнымъ разсматриваніемъ силы независимо отъ проявленія онъ создавалъ себѣ въ своемъ предметѣ темныя мѣста, которыхъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ, и удерживалъ эту произвольно созданную неясность въ представленіи силы, которая, конечно, независимо отъ явленія, представляетъ самое темное ничто. Въ этой особенности Гумбольдта можно видѣть остатокъ вліянія Канта. Кромѣ того, она имѣетъ тѣсную связь съ чертою его характера, которая особенно сильно выразилась въ послѣдніе годы его жизни. Въ его сонетахъ трогательно высказывается тоскливое стремленіе къ чему-то высшему не

земному. Стремленіе это не позволяло ему довольствоваться добытыми результатами, не позволяло останавливаться на явленіи, побуждая его идти все далѣе и далѣе въ изысканіяхъ, увлекая его въ безконечную область отвлеченности, гдѣ онъ не находилъ ничего, кромѣ непроницаемаго мрака. Онъ проникъ во всю глубину своего предмета, куда не проникалъ до него никто, но и этимъ не могъ удовольствоваться. Онъ объяснялъ себѣ это стремленіе, происходившее отъ избытка силъ, неудовлетворительнымъ рѣшеніемъ вопроса. Все это кажется, имѣетъ тѣсную связь съ сильнымъ стремленіемъ Гумбольдта къ высшей индивидуальности. Онъ представлялъ себѣ каждую духовную силу въ видѣ самостоятельной личности и ей приписывалъ тотъ блескъ, котораго слабое отраженіе обнаруживается въ проявленіи. Но не должно на этомъ основаніи искать у Гумбольдта чего либо фантастическаго. Правда, онъ не былъ лишенъ поэзіи, былъ проникнутъ теплымъ чувствомъ ко всему высокому, благородному и прекрасному, но не смотря на то отличался самымъ яснымъ самосознаніемъ, холодною осмотрительностью и послѣдовательностью въ изложеніи мыслей, стараніемъ яснѣе высказать и опредѣлить свои положенія. Эти достоинства изложенія вытекаютъ изъ того научнаго метода, котораго держался Гумбольдтъ, изъ созерцательнаго мышленія, которое проникаетъ во всѣ его изслѣдованія. Созерцательное мышленіе объемлетъ матеріалъ въ его движеніи, идею въ естественномъ разчлененіи, не прилагая къ нимъ условій, выведенныхъ a priori, полученныхъ отдѣльно отъ предметовъ.

Это и обнаруживается въ изложеніи Гумбольдта, которое, безъ всякихъ постороннихъ, искусственныхъ прикрасъ, имѣетъ форму, вполнѣ соотвѣтствующую внутреннему значенію матеріала. Этотъ созерцательный методъ, разсматривающій *исторію* матеріала, слѣдящій за его естественнымъ развитіемъ, разрѣшаетъ противорѣчія такъ, какъ разрѣшаетъ ихъ жизнь самихъ предметовъ. Это слѣпокъ, взятый съ метода природы, тогда какъ гегелевскій методъ чистаго мышленія чуждъ ей, придан ъ ей извнѣ; онъ стѣсняетъ, мертвитъ ее. Гумбольдтъ, который такимъ образомъ неуклонно держался метода созерцательнаго мышленія, въ этомъ отношеніи стоитъ выше Гегеля, у него не встрѣчается тѣхъ противорѣчій, которыя мы указали въ системѣ перваго. Гумбольдтъ былъ современникъ Гегеля; онъ жилъ въ то время, когда авторитетъ знаменитаго мыслителя увлекъ за собою замѣчательнѣйшихъ представителей германской науки; не смотря на это общее увлеченіе, Гумбольдтъ успѣлъ сохранить свою самостоятельность; онъ внесъ въ современную науку элементъ созерцатель-

наго мышленія, другими словами проложилъ путь исторически—сравнительному методу научнаго изслѣдованія.

Неясности, встрѣчающіяся у В. Гумбольдта, происходятъ не отъ метода, а отъ оригинальности, новизны его идей, для которыхъ тѣсно, безсильно слово, не вполнѣ вѣрно, ясно обнявшее выразившее ихъ; въ словахъ его есть что-то не досказанное, какой то затаенный смыслъ, пробуждающій духовныя силы наши къ болѣе напряженному труду; мы все должны бояться, что не вполнѣ поняли Гумбольдта. При чтеніи его необходимо собственная неуклонная работа мысли; чтобы усвоить себѣ богатство и глубину его идей должно возсоздать ихъ передъ собою, понять то, что не досказано, не вполнѣ выразилось въ словѣ.

II. ОСНОВНЫЯ ПОЛОЖЕНІЯ ЯЗЫКОЗНАНІЯ ГУМБОЛЬДТА.

Мы уже сказали, что основныя идеи языкознанія Гумбольдта изложены въ сочиненіи «о различіи построенія человѣческихъ языковъ и его вліяніи на духовное развитіе человѣчества», которое служитъ введеніемъ къ изслѣдованію о языкѣ Кави; это введеніе есть разсужденіе чисто-филологическое.

Подъ именемъ филологіи мы разумѣемъ науку, которая съ историко-философской точки зрѣнія опредѣляетъ развитіе общечеловѣческаго духа (1). По мнѣнію Гейзе (2), филологія должна съ исторической точки зрѣнія разсматривать совокупность духовныхъ побужденій одного извѣстнаго народа, его духовное развитіе и произведенія въ извѣстную эпоху времени, не ограничиваясь притомъ однимъ языкомъ, но распространяя кругъ своихъ изслѣдованій на всѣ остальныя проявленія его духовной жизни, на область религіи, искуства, права и литературы. На этомъ основаніи онъ считаетъ Гримма творцомъ *германской* филологіи. Но Гейзе ограничиваетъ матеріалъ филологіи однимъ извѣстнымъ народомъ и періодомъ времени, слѣд. дробитъ нашу науку на множество отдѣльныхъ, самостоятельныхъ, по его мнѣнію, отраслей; мы напротивъ того полагаемъ задачею фило-

---

(1) Понятіе объ обще-человѣческомъ духѣ объясняется Штейнталемъ въ его сочиненіи: «Grammatik, Logik und Psychologie».

(2) Штейнталь въ 1857 году, издалъ посмертное сочиненіе Гейзе: «System der Sprachwissenschaft».

логіи показать весь ходъ развитія слова (λόγος), духа обще-человѣческаго, и разсматриваемъ отдѣльныя его проявленія въ народѣ и времени какъ составныя части одного всеобъемлющаго организма; въ духѣ различныхъ народовъ и періодовъ времени мы видимъ степени развитія одного обще-человѣческаго духа. Филологія должна держаться метода *философскаго*, потому что имѣетъ цѣлью *постигнуть* и *изложить идеи*; филологія должна держаться метода *историческаго*, потому что имѣетъ задачею слѣдить за *постепеннымъ развитіемъ* духовной дѣятельности, излагать идеи въ естественной ихъ *послѣдовательности*. Созерцательное мышленіе, необходимое условіе всякой научной дѣятельности, съ полною силою и опредѣленностью проявляется и въ филологіи. Въ самомъ началѣ своего разсужденія Гумбольдтъ обѣщаетъ представить съ точки зрѣнія языка основныя черты исторіи человѣческаго духа. Мы признаемъ его сочиненіе истинно филологическимъ, образцовымъ твореніемъ, потому что истинно-филологическій элементъ заключается въ общемъ воззрѣніи на духъ человѣка, который въ различныхъ степеняхъ проявляется въ отдѣльныхъ языкахъ и народахъ.

Разсматривая ходъ развитія человѣчества, Гумбольдтъ отличаетъ въ немъ два момента, съ одной стороны, спокойную, естественную послѣдовательность фактовъ, основанную на связи причины и слѣдствія, послѣдовательность, въ которой онъ видитъ однако необходимость неслѣпую, но свободную и разумную, такъ какъ все развитіе исторіи представляетъ только самоопредѣленіе одного общаго духа; съ другой — ходъ событій ускоряемый, измѣняемый вліяніемъ посторонней силы, силы геніальной, существованіе и происхожденіе которой не объясняется и не обусловливается тѣмъ, что ей предшествовало. Постепенный ходъ развитія обусловливается дѣятельностью генія, возникая отъ его воспламеняющаго дыханія, изъ котораго получаетъ новыя силы и новое направленіе. Послѣдователи генія идутъ по проложенному имъ пути, развиваютъ идеи, заключавшіяся въ видѣ зародыша въ твореніяхъ ихъ первообраза; каждая отрасль ихъ дѣятельности болѣе или менѣе подготовлена; они только разработываютъ данный матеріалъ. Геній творитъ самобытно, повинуясь собственному самовозбужденію, производитъ все изъ себя и внезапно достигаетъ такой высоты, къ которой не могъ привести проложенный до него путь, но въ дѣятельности его нѣтъ ничего произвольнаго и случайнаго. «Геній выводитъ необходимое изъ глубины своего разума». Геніальная сила тоже обще человѣческая духовная сила, заключенная въ одну извѣстную личность и усиленная въ этомъ ограниченіи. Она внезапно

возникаетъ и начинаетъ дѣйствовать среди обыкновеннаго хода развитія и, хотя появленія ея нельзя объяснить прежнимъ послѣдовательнымъ ходомъ событій, однако его должно разсматривать какъ явленіе, опредѣленное Промысломъ, какъ нормальную степень духовнаго развитія. Слѣдовательно, принципъ всякой исторіи есть духовная сила, которая проявляется то въ послѣдовательномъ, спокойномъ развитіи, то въ внезапномъ полетѣ генія. Разнообразіе народовъ земнаго шара, какъ современныхъ, такъ и слѣдующихъ другъ за другомъ во времени, Гумбольдтъ понимаетъ какъ самовозрожденіе духовной силы человѣчества въ образахъ постоянно новыхъ, а иногда далеко превышающихъ прежніе. Всякая духовная дѣятельность есть вспышка духа, взятая во всей своей цѣлости, но опредѣленная по одному направленію; такъ и языкъ, взятый какъ общечеловѣческая способность говорить, есть цѣлый общій духъ или общее духовное начало жизни, взятое во всей своей цѣлости, но обращенное на созданіе языковъ. Въ этомъ случаѣ Гумбольдтъ называетъ общій духъ идеею языка. Идея языка живетъ и осуществляется въ отдѣльныхъ языкахъ, какъ общее въ единичномъ; отдѣльные языки представляютъ частныя вспышки одной духовной силы, частныя проявленія одного принципа. Эта идея языка не отвлеченный идеалъ; она осуществляется и приводится въ дѣйствительность живою дѣятельностью обще-человѣческаго духа со стороны языка. Различіе языковъ есть стремленіе обще-человѣческой способности говорить къ осуществленію въ живомъ словѣ, стремленіе, которое въ различныхъ народахъ прорывается болѣе или менѣе удачно, сообразно съ особенностью народнаго характера, которая можетъ содѣйствовать или препятствовать ея осуществленію. Гумбольдтъ разсматриваетъ различные языки какъ *одинъ*, въ самомъ себѣ различный языкъ, понимаетъ различіе ихъ, какъ *одно* стремленіе, только распространяющееся по разнымъ направленіямъ. Языкъ, какъ отрасль общей человѣческой духовной дѣятельности, находится въ тѣсной связи съ общимъ духовнымъ развитіемъ, и Гумбольдтъ старается изобразить одно въ другомъ, потому что общее проявляется только въ частномъ. Мы всегда видимъ языкъ на степени развитія, соотвѣтствующей состоянію остальныхъ отраслей духовной дѣятельности; онъ идетъ съ ними рука объ руку. Но есть эпоха, когда языкъ совершенно замѣняетъ всякое духовное развитіе и служитъ единственнымъ проявленіемъ духовной дѣятельности. Въ языкѣ народъ впервые является творцомъ; здѣсь впервые развертываются и дѣйствуютъ тѣ силы, которыя находились въ усыпленіи во время безсознательной, почти животной жизни народовъ въ бли-

жайшемъ общеніи съ природой и въ непосредственной зависимости отъ нея. Самодѣятельность, обнаруживающаяся въ языкѣ, указываетъ намъ высшее его значеніе; языкъ не есть твореніе народа, это невольное изліяніе духа, даръ, доставшійся ему свыше, въ происхожденіи котораго онъ не можетъ дать себѣ отчета. Окончивъ первобытное созданіе языка въ тотъ періодъ, когда онъ замѣнялъ собою духовное развитіе, народъ можетъ выступить на болѣе обширное поприще духовной дѣятельности; предъ нимъ открываются болѣе возвышенныя и разнообразныя ея направленія. Вотъ понятіе о языкѣ вообще.

Отдѣльныя формы, видоизмѣненія языка вообще составляютъ развитіе идеи языка; правда, каждый языкъ порознь стремится удовлетворить и дѣйствительно удовлетворяетъ идеѣ языка; но найти эту идею вполнѣ можно только въ совокупности всѣхъ различныхъ формъ, въ которыхъ выразилась духовная особенность человѣка. Формы эти измѣняются до безконечности. Для осуществленія идеи языка необходимо разнообразіе языковъ, какъ для духовнаго развитія человѣчества разнообразіе народовъ. Каждый языкъ вполнѣ осуществляетъ одну какую нибудь сторону идеала, какъ отдѣльная личность удовлетворяетъ въ извѣстномъ отношеніи общему типу человѣка. Такимъ образомъ должно указать въ различныхъ, чуждыхъ другъ другу семьяхъ языковъ различные пути, по которымъ стремится къ совершенству дѣло созданія языка. Иногда языки, лишенные исторической связи, представляются различными степенями развитія одного принципа; по тому Гумбольдтъ считаетъ задачею филолога прослѣдить эту связь языковъ въ постепенномъ возвышеніи принципа, котораго внѣшнія явленія могутъ быть разрознены. Разсматривая ходъ развитія этого принципа, онъ видитъ въ немъ, какъ и во всякомъ другомъ развитіи, два момента. Одни языки можно произвести отъ другихъ и разсматривать какъ высшія степени развитія того-же принципа. Въ другихъ языкахъ видно дѣйствіе возвышенной, особенной творческой силы. Вступленіе ихъ на поприще духовной дѣятельности человѣка начинаетъ въ ней важную эпоху; происхожденія ихъ нельзя объяснить спокойнымъ, послѣдовательнымъ ходомъ развитія; несмотря на то, они могли находиться въ первобытномъ родствѣ съ другими, менѣе совершенными семействами языковъ и дѣйствительно сливаются съ ними въ глубокой, неопредѣленной древности. Языки Санскритскіе или индо-европейскіе, безспорно принадлежащіе къ высшему разряду языковъ, во времена до-миѳическія составляли одинъ языкъ съ языками Симитическими, съ которыми находились въ нѣкоторомъ родствѣ языки татарскіе,

зывающіеся съ китайскимъ языкомъ чрезъ тибетскій. Замѣ
такимъ образомъ сродство языковъ индо-европейскихъ съ
ками столь несовершенными, Гумбольдтъ принимаетъ для
ьясненія ихъ происхожденія, что искра генія, таившаяся въ
скритскихъ племенахъ, внезапно воспылала, возбужденная
имъ нибудь историческимъ или физическимъ переворотомъ,
орвала связь ихъ съ родственными имъ тогда языками и обра-
ала языкъ новый, вполнѣ отличный отъ прочихъ. Языкъ соз-
ся внезапно, съ первою флективною формою, хотя пригото-
ельныя условія существовали, быть можетъ, уже давно въ
тюмѣ, въ обрядахъ, въ празднествахъ, которыя, какъ прояв-
ія человѣческаго духа, имѣютъ тѣсную съ языкомъ связь. Но
буждающее дыханіе генія раздуло искру и переработало су-
ствующій матеріалъ такъ, что явилось новое слово, исключи-
ьно свойственное именно тѣмъ народамъ, которые оно такимъ
разомъ отдѣлило отъ сродныхъ племенъ, оставшихся далеко
ади на пути духовнаго развитія. Это объясняетъ намъ, поче-
Греки такъ возвысились надъ остальными народами древнос-

Въ общемъ развитіи мы должны еще упомянуть о двухъ
ктахъ: объ эпохѣ первобытной жизни народовъ, подчиненной
ественнымъ условіямъ жизни растительной, и о переселеніяхъ
цѣльныхъ личностей и цѣлыхъ народовъ, какъ средствѣ пере-
сить просвѣщеніе въ другія менѣе образованныя земли. Пер-
й изъ этихъ фактовъ оказываетъ свое вліяніе въ древнѣйшія
емена существованія народовъ, но тоже не исключаетъ совер-
нно присутствія геніальной силы, которая только проявляется
въ личностяхъ, а въ цѣлыхъ народахъ, въ переходѣ ихъ отъ
кости къ гражданственности, отъ звѣроловства къ земледѣлію.
, эту эпоху возникъ языкъ. Но ежели объяснять его происхож-
ніе необходимостью взаимной помощи и, въ слѣдствіе того,
имнаго пониманія, то такой взглядъ будетъ неудовлетворите-
нъ и даже ошибоченъ. Говоря о переселеніяхъ, Гумбольдтъ
оминаетъ о древне-греческихъ и новѣйшихъ колоніяхъ и ви-
тъ въ нихъ попытки перенести цивилизацію въ отдаленнѣйшія
сти земнаго шара.

Обозрѣвъ общій послѣдовательный ходъ духовнаго развитія,
мбольдтъ переходитъ къ разсмотрѣнію этого развитія въ каж-
мъ отдѣльномъ поколѣніи, къ разсмотрѣнію совокупнаго дѣй-
вія личностей и народовъ. Онъ смотритъ на каждую націю
къ на человѣческую индивидуальность, слѣдующую свойствен-
му ей одной направленію; впрочемъ, стремленіе къ общей ду-
вной формѣ, къ общимъ идеямъ, выражающееся особенно ярко
наукѣ и искусствѣ, постепенно сглаживаетъ рѣзкое различіе

національностей. Тѣмъ не менѣе, общій духъ проявляется только въ частной формѣ, но его стѣсненіе духовною особенностью народа, народнымъ духомъ только возвышаетъ и напрягаетъ его, придавая ему особенную силу и оригинальность; народный духъ долженъ проникать и поддерживать дѣятельность отдѣльнаго человѣка; геніальная сила нуждается въ его содѣйствіи, но въ свою очередь обратно дѣйствуетъ на него, придаетъ ему новую, особенную силу полета. Эту мысль подтверждаетъ и Гегель, говоря, что «каждый отдѣльный человѣкъ—сынъ своего народа и сынъ своего вѣка.» Это совокупное дѣйствіе личностей и народовъ съ особенною силою обнаруживается при созданіи языка; языкъ не переходитъ отъ отдѣльныхъ людей къ массѣ народа, какъ переходятъ творенія искусства, произведенія литтературы и открытія въ области наукъ.

Въ языкѣ творцомъ является народъ. «Языкъ, говоритъ Гумбольдтъ, возникаетъ отъ общей самодѣятельности всѣхъ.» Языкъ не прививается къ духу извнѣ, но, какъ зародышъ, какъ способность, составляетъ коренное, первобытное его достояніе; эту способность пробуждаютъ, ей даютъ опредѣленную форму, въ которой она можетъ осуществиться. Языкъ связываетъ отдѣльнаго человѣка съ его народомъ, потому что языкъ создаютъ не по соглашенію, но каждый порознь, что предполагаетъ необходимымъ условіемъ возможность пониманія, и въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ сознаніе этой возможности. Это объясняется совокупнымъ дѣйствіемъ личностей и народа, т. е. согласнымъ настроеніемъ душевныхъ способностей, по которому всѣ одинаковымъ образомъ принимаютъ и выражаютъ внѣшнія впечатлѣнія, стараясь дѣйствовать другъ на друга по одному извѣстному направленію, съ инстинктивною, но твердою увѣренностью, что ихъ поймутъ, что имъ будутъ сочувствовать. Потому созданіе языка составляетъ для человѣка не только внѣшнюю потребность для поддержанія общественныхъ сношеній, но потребность внутреннюю для духовнаго развитія; посредствомъ взаимнаго обмѣна мыслей, посредствомъ языка человѣкъ открываетъ вокругъ себя разумныя существа, узнаетъ въ нихъ внутреннія побужденія и потребности, которыя нашелъ въ себѣ, находитъ въ нихъ способность сочувствовать его стремленіямъ, естественно выходитъ изъ нравственнаго уединенія и желая быть понятымъ, ища сочувствія сближается съ подобными себѣ. И такъ языкъ созданіе цѣлой массы, въ которой отдѣльныя личности самодѣятельны.

Такимъ образомъ Гумбольдтъ различаетъ интеллектуальность или духъ, т. е. цѣлый образъ мыслей народа, и языкъ, выво-

дитъ и то и другое изъ недосягаемой глубины духа и во взаимномъ отношеніи ихъ между собою видитъ собственно дѣятельность языка и вліяніе его на духовное развитіе. Дѣйствіе языка на духъ обнаруживается во всѣхъ сферахъ духовной дѣятельности, которыя въ свою очередь, обратно дѣйствуютъ на языкъ. Не должно однако придавать слишкомъ большой важности обратному вліянію образованности на языкъ. Правда, народъ можетъ сдѣлать орудіемъ развитія высокихъ идей языкъ менѣе совершенный, но не можетъ освободиться отъ внутреннихъ ограниченій, глубоко вкоренившихся въ языкѣ. Хотя, съ одной стороны, народъ, говорящій языкомъ, недостаточно совершеннымъ, можетъ, чрезъ соприкосновеніе съ другими народами, доходить до болѣе высокихъ идей, однако эти идеи, пересаженныя на чужую почву, не приготовленную къ принятію ихъ, не достигаютъ полной своей силы и энергіи. Съ другой стороны, случайныя обстоятельства могутъ правда удерживать на низшей степени умственнаго развитія народы съ превосходными языками; но въ языкѣ ихъ тантся зародышъ духовнаго развитія, который ожидаетъ только благопріятнаго случая, чтобъ развернуться въ полной силѣ. Народный духъ и форма языка находятся между собою въ такой тѣсной связи, что, зная одно, можно въ общихъ чертахъ опредѣлить другое. Съ этою мыслью соглашаются многіе авторитеты науки: «Различныя внѣшнія проявленія духовной жизни народа, говоритъ Гегель, по тождественности ихъ существа, содержанія и предмета, находятся въ нераздѣльномъ единствѣ съ народнымъ духомъ; съ извѣстною религіею совмѣстно только извѣстное государственное устройство, въ такомъ то государствѣ можетъ существовать такая только философская система, такое то искусство,» и, прибавимъ съ Гумбольдтомъ, такой только языкъ. Это соотвѣтствіе всѣхъ формъ духовной дѣятельности особенно вѣрно представлено Бёккомъ по сравненію характера греческихъ племенъ. Бёкъ полагаетъ даже, что еслибъ для насъ была потеряна какая нибудь отрасль духовной дѣятельности извѣстнаго племени, то мы могли бы a priori судить о главнѣйшихъ ея свойствахъ по нарѣчію его. Цѣнитель искусствъ опредѣляетъ стиль и размѣръ колонны по одному оставшемуся отъ нея обломку; Кювье по одному данному члену животнаго возсоздаетъ весь его организмъ. Но развѣ животное представляетъ организмъ болѣе стройный въ соотвѣтствіи членовъ, нежели народный характеръ. Но изо всѣхъ проявленій, въ которыхъ обнаруживается духъ и характеръ, одинъ языкъ способенъ выражать и то, и другое въ тончайшихъ изгибахъ и формахъ. Это органъ внутренней жизни народа, это самая внут-

мая внутренняя его жизнь, въ томъ видѣ, какъ она мало по малу достигаетъ самосознанія и полнаго внѣшняго проявленія. Бекъ признаетъ языкознаніе высшею частью своей филологической системы, потому что оно всего глубже и полнѣе уясняетъ собою характеръ народа. Но для этого на языкъ должно смотрѣть не какъ на мертвое уже созданіе, но какъ на производительную силу; должно обращать вниманіе не столько на обозначеніе предметовъ въ языкѣ, сколько на самое его происхожденіе, тѣсно связанное съ его духовною дѣятельностью. Гумбольдтъ считаетъ происхожденіе языка въ сущности необъяснимымъ, хотя бы мы знали всѣ приготовительныя условія и составные элементы его. Вообще всякое зарожденіе непостижимо. Гегель говорилъ объ этомъ въ своей «Логикѣ» и въ «Философіи природы» и даже старался объяснить его, но успѣлъ только доказать его необъяснимость; онъ правда, показалъ, что въ зарожденіи сливаются, исчезая другъ въ другѣ, бытіе и небытіе, показалъ, что для зарожденія, необходимы три главныя условія: во первыхъ, приготовительныя условія, вовторыхъ—предметъ, въ третьихъ—дѣятельность; но не могъ объяснить перехода отъ приготовительныхъ условій къ самому предмету, отъ возможности къ дѣйствительности; онъ говоритъ что между приготовительными условіями и существованіемъ лежитъ бездна, чрезъ которую предметъ перескакиваетъ въ дѣйствительность; но эти слова и выраженія ничего не объясняютъ; необъяснимость зарожденія доказывается тѣмъ, что предметъ не можетъ быть выведенъ изъ естественнаго развитія приготовительныхъ условій. Какъ бы точно мы ни опредѣлили предварительное положеніе вещей, моментъ зарожденія, въ которомъ все это пресуществляется, останется для насъ непостижимымъ. Пресуществленія этого нельзя наблюдать, слѣдовательно нельзя и постигнуть. Такимъ образомъ, по словамъ Гумбольдта, происхожденіе языковъ не только первичныхъ (первичной формаціи) (*), во времена доисторическія, но и вторичныхъ, во времена историческія, въ сущности необъяснимо. Мы можемъ знать приготовительныя условія, но намъ останутся неизвѣстны принципъ языка, какъ предмета, и его дѣятельность; слѣдовательно, достигши такимъ образомъ границы, черезъ которую насъ не поведутъ ни историческія изслѣдованія, ни свободная мысль, мы должны, съ возможной точностью опредѣлить фактическое положеніе дѣлъ и вытекающія изъ него слѣдствія. Но происхожденіе языковъ—одинъ изъ фактовъ, существенно опредѣляющихъ ходъ человѣческаго развитія. Не смотря на то, языкъ должно разсма-

(*) Этотъ терминъ заимствовала филологія изъ наукъ естественныхъ.

гривать не какъ сдѣланное (ἔργον), но какъ дѣятельность (ἐνεργεία), какъ постоянное, повторяющееся создаваніе, во первыхъ, въ племени, которому языкъ обязанъ своею формою, потомъ въ изученіи языка дѣтьми и наконецъ въ ежедневномъ, разговорномъ употребленіи его. Языкъ во всемъ своемъ объемѣ находится въ каждомъ человѣкѣ, т. е. каждый обладаетъ стремленіемъ создавать изъ себя весь языкъ, смотря по своимъ побужденіямъ, стремленіямъ, подчиненнымъ силѣ, слѣдующей извѣстнымъ законамъ. Въ изученіи языка дѣтьми и во вседневномъ употребленіи эта сила есть опредѣленная форма народнаго языка, но въ первобытномъ созданіи она не могла обусловливаться народнымъ характеромъ, который развивался вмѣстѣ съ языкомъ изъ одного, скрытаго для насъ источника. Мы можемъ слѣдить за ходомъ дѣятельности языка, хотя и не знаемъ, какія именно причины дали ей такое или другое направленіе. Кромѣ элементовъ, уже опредѣлившихся и получившихъ постоянную форму, въ составъ языка входятъ мотивы, начала дальнѣйшаго развитія духовной дѣятельности, которой языкъ даетъ направленіе и форму. На этомъ основано двоякое отношеніе между языкомъ и человѣкомъ, отношеніе, по которому языкъ находится въ зависимости отъ отдѣльной личности и въ тоже время оказываетъ на нее обратное дѣйствіе. Во вліяніи языка на человѣка заключается постоянство и правильность формъ, въ дѣйствіи человѣка проявляется принципъ свободы. Въ человѣкѣ можетъ возникнуть то, чему мы не можемъ найти причины въ предъидущихъ обстоятельствахъ, и мы не имѣемъ права исключать изъ языка возможность подобныхъ явленій. На этомъ основаніи твореніе языка необъяснимо со стороны вліянія, оказываемаго на него геніальною силою, которая можетъ проявляться какъ въ духѣ народа, такъ и въ отдѣльной личности; вліяніе это выказывается въ первомъ образованіи языка, въ преобразованіи обветшалаго организма его въ новый, и наконецъ въ частныхъ случаяхъ появленія геніальной личности, дѣйствующей на языкъ. Съ другой стороны, создаваніе языка на столько подвержено наблюденію, на сколько языкъ дѣйствуетъ на отдѣльную, говорящую личность и на сколько въ этомъ дѣйствіи выражается организація особенной силы, творчески создавшей языкъ. По этому требованіе Гумбольдта—считать языкъ созданіемъ—ни сколько не противорѣчитъ тому, что, по его же словамъ, процессъ создаванія языка непостижимъ. Языкъ—постоянно повторяющееся создаваніе, котораго начало и причины мы опредѣлить не можемъ, но тѣмъ не менѣе должны слѣдить за ходомъ этого творенія. По этому, Гумбольдтъ въ своихъ изслѣдованіяхъ особенно обращаетъ внима-

піе на характеристическія особенности языковъ, проходящія чрезъ всѣ ихъ отдѣльныя части и опредѣляющія ихъ форму. Формою языка онъ называетъ взятый во всей полнотѣ и систематически изложенный постоянный и однообразный элементъ, заключающійся въ стремленіи духа возвысить членораздѣльные звуки до выраженія мысли; слѣдовательно, форма языка не ограничивается формами словосочиненія и словообразованія. Самъ Гумбольдтъ, говоря о языкѣ Бирманскомъ, далъ намъ превосходный образецъ изложенія формы языка.

III. ИДЕЯ ЯЗЫКА ИЛИ ИДЕЯ СОВЕРШЕНСТВА ЯЗЫКА.

Гумбольдтъ не полагаетъ нужнымъ искать такъ называемую общую форму языка. Онъ считаетъ это понятіе, созданное позднѣйшими философскими грамматиками, пустою отвлеченностью. Различіе формы возникаетъ съ самой азбукой. Дѣйствительно общее проявляется только въ эмпирической единичности и, разсматриваемое отдѣльно отъ своего проявленія, обращается въ ничто. Такъ и общая форма языка, взятая независимо отъ множества разнообразныхъ языковъ, представляетъ намъ пустую схему, лишенную содержанія. Мало того: эта схема, эта рамка не всѣмъ языкамъ въ пору, потому что многіе изъ нихъ безконечно удалены другъ отъ друга, и подвести ихъ категоріи подъ одинъ уровень нѣтъ никакой возможности. Слѣдовательно, Гумбольдтъ не считалъ нужнымъ и не могъ показать общей формы языка; онъ опредѣлилъ только общее требованіе, возбуждаемое этимъ понятіемъ, требованіе, которое, впрочемъ, различно выполняется въ отдѣльныхъ языкахъ. На этомъ основаніи, Гумбольдтъ считаетъ особенно важнымъ для языковѣдѣнія изученіе отдѣльныхъ языковъ, потому что только въ нихъ выражается идея совершенства языка. Напротивъ, историческія и философскія грамматики навязываютъ всѣмъ языкамъ, не смотря на безконечное ихъ разнообразіе—не исключая даже своего роднаго—несвойственныя имъ категоріи классической греческой грамматики, въ которой, вопреки явной несообразности такого предположенія, они стараются видѣть общую форму языка. Противъ этого направленія возставалъ Гумбольдтъ; онъ доказывалъ, что сильно ошибаются тѣ ученые, которые приступаютъ къ изученію чужаго языка съ своими односторонними понятіями и со своимъ взглядомъ на вещи, между тѣмъ какъ каждый народъ отличается собственнымъ, своеобразнымъ воззрѣніемъ, которое проявляется

зыкѣ и которое мы должны усвоить себѣ при его изученіи. историческія грамматики во всѣхъ языкахъ находили въ бо- или менѣе совершенномъ видѣ форму, данную древне-грече- ми грамматиками, видѣли слѣдовательно одно количественное личіе; философскія грамматики носились въ неизмѣримой асти отвлеченнаго. Ни тѣ, ни другіе не постигали идеи языка. и не умѣли понимать, потому что ихъ взглядъ былъ односто- енъ; другимъ нечего было понимать, потому что они созда- и идеи, лишенныя содержанія. Гегель, величайшій изъ новѣй- къ философовъ, считаетъ философію исторіею философскихъ гемъ, изображеніемъ развитія абсолютнаго въ дѣйствитель- ги. Истина предмета есть развитіе его въ дѣйствительности. ъ Гегель, слѣдовательно, не можетъ требовать, чтобы иска- (какъ дѣлаютъ то философскія грамматики) абсолютной фор- языка внѣ предѣловъ языковъ, дѣйствительно существую- къ. Создавъ себѣ такую абсолютную форму, философскія грам- ики находятъ даже лишнимъ изучать иностранные языки и мѣнять къ нимъ категоріи, найденныя a priori. По ихъ мнѣ- , всѣ существующіе языки должны подчиняться ихъ за- амъ, даже языкъ китайскій, въ которомъ, по ихъ словамъ, одятся тѣ же внутреннія, грамматическія отношенія, проявъ- щіяся только другимъ, менѣе органическимъ образомъ. Но, ь извѣстно, все внутреннее должно проявляться во внѣшнемъ; не проявляется, то, слѣдовательно, и не существуетъ. Конеч- всякій языкъ имѣетъ грамматическія опредѣленія, иначе онъ ъ бы наборъ словъ, но эти опредѣленія вѣроятно не всегда вѣтствуютъ опредѣленіямъ, найденнымъ философскими матиками. Историческія грамматики поступили почти также; находятъ въ китайской грамматикѣ всѣ наши категоріи, ряды словъ, склоненія, спряженія, степени сравненій, однимъ юмъ всю нашу флексію. Перейдемъ теперь къ ближайшему смотрѣнію различія языковъ. Языкъ, по опредѣленію Бек- а, какъ всякій человѣческій органъ, представляетъ намъ двѣ юны, внутреннюю, обращенную къ разуму, т. е. мысль, и шнюю, обращенную къ явленію, т. е. звукъ. Первая сторо- -логическая, вторая—фонетическая. Мышленіе, логика одни- овы у всѣхъ народовъ; слѣдовательно, различіе можетъ имѣть го только въ сторонѣ фонетической. Каждый индивидуаль- й языкъ, по словамъ Беккера, имѣетъ свою индивидуальную нь, но можетъ быть понятъ только въ приложеніи къ общимъ намъ мышленія и созерцанія, которые должны составить метъ общей грамматики. Слѣдовательно, Беккеръ и его по- ователи признаютъ возможность и необходимость общей

національностей. Тѣмъ не менѣе, общій духъ проявляется только въ частной формѣ, но его стѣсненіе духовною особенностью народа, народнымъ духомъ только возвышаетъ и напрягаетъ его, придавая ему особенную силу и оригинальность; народный духъ долженъ проникать и поддерживать дѣятельность отдѣльнаго человѣка; геніальная сила нуждается въ его содѣйствіи, но въ свою очередь обратно дѣйствуетъ на него, придаетъ ему новую, особенную силу полета. Эту мысль подтверждаетъ и Гегель, говоря, что «каждый отдѣльный человѣкъ—сынъ своего народа и сынъ своего вѣка.» Это совокупное дѣйствіе личностей и народовъ съ особенною силою обнаруживается при созданіи языка; языкъ не переходитъ отъ отдѣльныхъ людей къ массѣ народа, какъ переходятъ творенія искусства, произведенія литтературы и открытія въ области наукъ.

Въ языкѣ творцомъ является народъ. «Языкъ, говоритъ Гумбольдтъ, возникаетъ отъ общей самодѣятельности всѣхъ.» Языкъ не прививается къ духу извнѣ, но, какъ зародышъ, какъ способность, составляетъ коренное, первобытное его достояніе; эту способность пробуждаютъ, ей даютъ опредѣленную форму, въ которой она можетъ осуществиться. Языкъ связываетъ отдѣльнаго человѣка съ его народомъ, потому что языкъ создаютъ не по соглашенію, но каждый порознь, что предполагаетъ необходимымъ условіемъ возможность пониманія, и въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ сознаніе этой возможности. Это объясняется совокупнымъ дѣйствіемъ личностей и народа, т. е. согласнымъ настроеніемъ душевныхъ способностей, по которому всѣ одинаковымъ образомъ принимаютъ и выражаютъ внѣшнія впечатлѣнія, стараясь дѣйствовать другъ на друга по одному извѣстному направленію, съ инстинктивною, но твердою увѣренностью, что ихъ поймутъ, что имъ будутъ сочувствовать. Потому созданіе языка составляетъ для человѣка не только внѣшнюю потребность для поддержанія общественныхъ сношеній, но потребность внутреннюю для духовнаго развитія; посредствомъ взаимнаго обмѣна мыслей, посредствомъ языка человѣкъ открываетъ вокругъ себя разумныя существа, узнаетъ въ нихъ внутреннія побужденія и потребности, которыя нашелъ въ себѣ, находитъ въ нихъ способность сочувствовать его стремленіямъ, естественно выходитъ изъ нравственнаго уединенія и желая быть понятымъ, ища сочувствія сближается съ подобными себѣ. И такъ языкъ созданіе цѣлой массы, въ которой отдѣльныя личности самодѣятельны.

Такимъ образомъ Гумбольдтъ различаетъ интеллектуальность или духъ, т. е. цѣлый образъ мыслей народа, и языкъ, выво-

дитъ и то и другое изъ недосягаемой глубины духа и во взаимномъ отношеніи ихъ между собою видитъ собственно дѣятельность языка и вліяніе его на духовное развитіе. Дѣйствіе языка на духъ обнаруживается во всѣхъ сферахъ духовной дѣятельности, которыя въ свою очередь, обратно дѣйствуютъ на языкъ. Не должно однако придавать слишкомъ большой важности обратному вліянію образованности на языкъ. Правда, народъ можетъ сдѣлать орудіемъ развитія высокихъ идей языкъ менѣе совершенный, но не можетъ освободиться отъ внутреннихъ ограниченій, глубоко вкоренившихся въ языкѣ. Хотя, съ одной стороны, народъ, говорящій языкомъ, недостаточно совершеннымъ, можетъ, чрезъ соприкосновеніе съ другими народами, доходить до болѣе высокихъ идей, однако эти идеи, пересаженныя на чужую почву, не приготовленную къ принятію ихъ, не достигаютъ полной своей силы и энергіи. Съ другой стороны, случайныя обстоятельства могутъ правда удерживать на низшей степени умственнаго развитія народы съ превосходными языками; но въ языкѣ ихъ таится зародышъ духовнаго развитія, который ожидаетъ только благопріятнаго случая, чтобъ развернуться въ полной силѣ. Народный духъ и форма языка находятся между собою въ такой тѣсной связи, что, зная одно, можно въ общихъ чертахъ опредѣлить другое. Съ этою мыслью соглашаются многіе авторитеты науки: «Различныя внѣшнія проявленія духовной жизни народа, говоритъ Гегель, по тождественности ихъ существа, содержанія и предмета, находятся въ нераздѣльномъ единствѣ съ народнымъ духомъ; съ извѣстною религіею совмѣстно только извѣстное государственное устройство, въ такомъ то государствѣ можетъ существовать такая только философская система, такое то искусство,» и, прибавимъ съ Гумбольдтомъ, такой только языкъ. Это соотвѣтствіе всѣхъ формъ духовной дѣятельности особенно вѣрно представлено Бёккомъ по сравненію характера греческихъ племенъ. Бёкъ полагаетъ даже, что еслибъ для насъ была потеряна какая нибудь отрасль духовной дѣятельности извѣстнаго племени, то мы могли бы a priori судить о главнѣйшихъ ея свойствахъ по нарѣчію его. Цѣнитель искусствъ опредѣляетъ стиль и размѣръ колонны по одному оставшемуся отъ нея обломку; Кювье по одному данному члену животнаго возсоздаетъ весь его организмъ. Но развѣ животное представляетъ организмъ болѣе стройный въ соотвѣтствіи членовъ, нежели народный характеръ. Но изо всѣхъ проявленій, въ которыхъ обнаруживается духъ и характеръ, одинъ языкъ способенъ выражать и то, и другое въ тончайшихъ изгибахъ и формахъ. Это органъ внутренней жизни народа, это самая внут-

мая внутренняя его жизнь, въ томъ видѣ, какъ она мало по малу достигаетъ самосознанія и полнаго внѣшняго проявленія. Бекъ признаетъ языкознаніе высшею частью своей филологической системы, потому что оно всего глубже и полнѣе уясняетъ собою характеръ народа. Но для этого на языкъ должно смотрѣть не какъ на мертвое уже созданіе, но какъ на производительную силу; должно обращать вниманіе не столько на обозначеніе предметовъ въ языкѣ, сколько на самое его происхожденіе, тѣсно связанное съ его духовною дѣятельностью. Гумбольдтъ считаетъ происхожденіе языка въ сущности необъяснимымъ, хотя бы мы знали всѣ приготовительныя условія и составные элементы его. Вообще всякое зарожденіе непостижимо. Гегель говорилъ объ этомъ въ своей «Логикѣ» и въ «Философіи природы» и даже старался объяснить его, но успѣлъ только доказать его необъяснимость; онъ правда, показалъ, что въ зарожденіи сливаются, исчезая другъ въ другѣ, бытіе и небытіе, показалъ, что для зарожденія, необходимы три главныя условія: во первыхъ, приготовительныя условія, вовторыхъ—предметъ, въ третьихъ—дѣятельность; но не могъ объяснить перехода отъ приготовительныхъ условій къ самому предмету, отъ возможности къ дѣйствительности; онъ говоритъ что между приготовительными условіями и существованіемъ лежитъ бездна, чрезъ которую предметъ перескакиваетъ въ дѣйствительность; но эти слова и выраженія ничего не объясняютъ; необъяснимость зарожденія доказывается тѣмъ, что предметъ не можетъ быть выведенъ изъ естественнаго развитія приготовительныхъ условій. Какъ бы точно мы ни опредѣлили предварительное положеніе вещей, моментъ зарожденія, въ которомъ все это пресуществляется, останется для насъ непостижимымъ. Пресуществленія этого нельзя наблюдать, слѣдовательно нельзя и постигнуть. Такимъ образомъ, по словамъ Гумбольдта, происхожденіе языковъ не только первичныхъ (первичной формаціи) (*), во времена доисторическія, но и вторичныхъ, во времена историческія, въ сущности необъяснимо. Мы можемъ знать приготовительныя условія, но намъ останутся неизвѣстны принципъ языка, какъ предмета, и его дѣятельность; слѣдовательно, достигши такимъ образомъ границы, черезъ которую насъ не поведутъ ни историческія изслѣдованія, ни свободная мысль, мы должны, съ возможной точностью опредѣлить фактическое положеніе дѣлъ и вытекающія изъ него слѣдствія. Но происхожденіе языковъ—одинъ изъ фактовъ, существенно опредѣляющихъ ходъ человѣческаго развитія. Не смотря на то, языкъ должно разсма-

(*) Этотъ терминъ заимствовала филологія изъ наукъ естественныхъ.

тривать не какъ сдѣланное (ἔργον), но какъ дѣятельность (ἐνεργεία), какъ постоянное, повторяющееся создаваніе, во первыхъ, въ племени, которому языкъ обязанъ своею формою, потомъ въ изученіи языка дѣтьми и наконецъ въ ежедневномъ, разговорномъ употребленіи его. Языкъ во всемъ своемъ объемѣ находится въ каждомъ человѣкѣ, т. е. каждый обладаетъ стремленіемъ создавать изъ себя весь языкъ, смотря по своимъ побужденіямъ, стремленіямъ, подчиненнымъ силѣ, слѣдующей извѣстнымъ законамъ. Въ изученіи языка дѣтьми и во вседневномъ употребленіи эта сила есть опредѣленная форма народнаго языка, но въ первобытномъ созданіи она не могла обусловливаться народнымъ характеромъ, который развивался вмѣстѣ съ языкомъ изъ одного, скрытаго для насъ источника. Мы можемъ слѣдить за ходомъ дѣятельности языка, хотя и не знаемъ, какія именно причины дали ей такое или другое направленіе. Кромѣ элементовъ, уже опредѣлившихся и получившихъ постоянную форму, въ составъ языка входятъ мотивы, начала дальнѣйшаго развитія духовной дѣятельности, которой языкъ даетъ направленіе и форму. На этомъ основано двоякое отношеніе между языкомъ и человѣкомъ, отношеніе, по которому языкъ находится въ зависимости отъ отдѣльной личности и въ тоже время оказываетъ на нее обратное дѣйствіе. Во вліяніи языка на человѣка заключается достоинство и правильность формъ, въ дѣйствіи человѣка проявляется принципъ свободы. Въ человѣкѣ можетъ возникнуть то, чему мы не можемъ найти причины въ предъидущихъ обстоятельствахъ, и мы не имѣемъ права исключать изъ языка возможность подобныхъ явленій. На этомъ основаніи твореніе языка необъяснимо со стороны вліянія, оказываемаго на него геніальною силою, которая можетъ проявляться какъ въ духѣ народа, такъ и въ отдѣльной личности; вліяніе это выказывается въ первомъ образованіи языка, въ преобразованіи обветшалаго организма его въ новый, и наконецъ въ частныхъ случаяхъ появленія геніальной личности, дѣйствующей на языкъ. Съ другой стороны, создаваніе языка на столько подвержено наблюденію, на сколько языкъ дѣйствуетъ на отдѣльную, говорящую личность и на сколько въ этомъ дѣйствіи выражается организація особенной силы, творчески создавшей языкъ. По этому требованіе Гумбольдта—считать языкъ созданіемъ—ни сколько не противорѣчитъ тому, что, по его же словамъ, процессъ создаванія языка непостижимъ. Языкъ—постоянно повторяющееся создаваніе, котораго начало и причины мы опредѣлить не можемъ, но тѣмъ не менѣе должны слѣдить за ходомъ этого творенія. По этому, Гумбольдтъ въ своихъ изслѣдованіяхъ особенно обращаетъ внима-

національностей. Тѣмъ не менѣе, общій духъ проявляется только въ частной формѣ, но его стѣсненіе духовною особенностью народа, народнымъ духомъ только возвышаетъ и напрягаетъ его, придавая ему особенную силу и оригинальность; народный духъ долженъ проникать и поддерживать дѣятельность отдѣльнаго человѣка; геніальная сила нуждается въ его содѣйствіи, но въ свою очередь обратно дѣйствуетъ на него, придаетъ ему новую, особенную силу полета. Эту мысль подтверждаетъ и Гегель, говоря, что «каждый отдѣльный человѣкъ—сынъ своего народа и сынъ своего вѣка.» Это совокупное дѣйствіе личностей и народовъ съ особенною силою обнаруживается при созданіи языка; языкъ не переходитъ отъ отдѣльныхъ людей къ массѣ народа, какъ переходятъ творенія искусства, произведенія литературы и открытія въ области наукъ.

Въ языкѣ творцомъ является народъ. «Языкъ, говоритъ Гумбольдтъ, возникаетъ отъ общей самодѣятельности всѣхъ.» Языкъ не прививается къ духу извнѣ, но, какъ зародышъ, какъ способность, составляетъ коренное, первобытное его достояніе; эту способность пробуждаютъ, ей даютъ опредѣленную форму, въ которой она можетъ осуществиться. Языкъ связываетъ отдѣльнаго человѣка съ его народомъ, потому что языкъ создаютъ не по соглашенію, но каждый порознь, что предполагаетъ необходимымъ условіемъ возможность пониманія, и въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ сознаніе этой возможности. Это объясняется совокупнымъ дѣйствіемъ личностей и народа, т. е. согласнымъ настроеніемъ душевныхъ способностей, по которому всѣ однаковымъ образомъ принимаютъ и выражаютъ внѣшнія впечатлѣнія, стараясь дѣйствовать другъ на друга по одному извѣстному направленію, съ инстинктивною, но твердою увѣренностью, что ихъ поймутъ, что имъ будутъ сочувствовать. Потому созданіе языка составляетъ для человѣка не только внѣшнюю потребность для поддержанія общественныхъ сношеній, но потребность внутреннюю для духовнаго развитія; посредствомъ взаимнаго обмѣна мыслей, посредствомъ языка человѣкъ открываетъ вокругъ себя разумныя существа, узнаетъ въ нихъ внутреннія побужденія и потребности, которыя нашелъ въ себѣ, находитъ въ нихъ способность сочувствовать его стремленіямъ, естественно выходитъ изъ нравственнаго уединенія и желая быть понятымъ, ища сочувствія сближается съ подобными себѣ. И такъ языкъ созданіе цѣлой массы, въ которой отдѣльныя личности самодѣятельны.

Такимъ образомъ Гумбольдтъ различаетъ интеллектуальность или духъ, т. е. цѣлый образъ мыслей народа, и языкъ, выво-

го и другое изъ недосягаемой глубины духа и во взаим-
ношеніи ихъ между собою видитъ собственно дѣятель-
зыка и вліяніе его на духовное развитіе. Дѣйствіе языка
обнаруживается во всѣхъ сферахъ духовной дѣятельно-
орыя въ свою очередь, обратно дѣйствуютъ на языкъ.
ѣно однако придавать слишкомъ большой важности обрат-
іянію образованности на языкъ. Правда, народъ можетъ
орудіемъ развитія высокихъ идей языкъ менѣе совер-
, но не можетъ освободиться отъ внутреннихъ ограничс-
боко вкоренившихся въ языкѣ. Хотя, съ одной сторо-
одъ, говорящій языкомъ, недостаточно совершеннымъ,
, чрезъ соприкосновеніе съ другими народами, доходитъ
в высокихъ идей, однако эти идеи, пересаженныя на чу-
чву, не приготовленную къ принятію ихъ, не достигаютъ
своей силы и энергіи. Съ другой стороны, случайныя об-
ьства могутъ правда удерживать на низшей степени ум-
го развитія народы съ превосходными языками; но въ
ихъ таится зародышъ духовнаго развитія, который ожи-
олько благопріятнаго случая, чтобъ развернуться въ пол-
ѣ. Народный духъ и форма языка находятся между со-
такой тѣсной связи, что, зная одно, можно въ общихъ
опредѣлить другое. Съ этою мыслью соглашаются многіе
еты науки: «Различныя внѣшнія проявленія духовной
народа, говоритъ Гегель, по тождественности ихъ су-
содержанія и предмета, находятся въ нераздѣльномъ
ѣ съ народнымъ духомъ; съ извѣстною религіею совсѣ-
только извѣстное государственное устройство, въ такомъ
царствѣ можетъ существовать такая только философская
, такое то искусство,» и, прибавимъ съ Гумбольдтомъ,
олько языкъ. Это соотвѣтствіе всѣхъ формъ духовной
ности особенно вѣрно представлено Бёккомъ по сравне-
актера греческихъ племенъ. Бёккъ полагаетъ даже, что
для насъ была потеряна какая нибудь отрасль духовной
ности извѣстнаго племени, то мы могли бы a priori судить
йшихъ ея свойствахъ по нарѣчію его. Цѣнитель искусствъ
яетъ стиль и размѣръ колонны по одному оставшему-
нея обломку; Кювье по одному данному члену жи-
возсоздаетъ весь его организмъ. Но развѣ животное пред-
ъ организмъ болѣе стройный въ соотвѣтствіи чле-
ежели народный характеръ. Но изо всѣхъ проявленій,
рыхъ обнаруживается духъ и характеръ, одинъ языкъ
ъ выражать и то, и другое въ тончайшихъ изгибахъ и
ь. Это органъ внутренней жизни народа, это самая внут-

мая внутренняя его жизнь, въ томъ видѣ, какъ она мало по малу достигаетъ самосознанія и полнаго внѣшняго проявленія. Бекъ признаетъ языкознаніе высшею частью своей филологической системы, потому что оно всего глубже и полнѣе уясняетъ собою характеръ народа. Но для этого на языкъ должно смотрѣть не какъ на мертвое уже созданіе, но какъ на производительную силу; должно обращать вниманіе не столько на обозначеніе предметовъ въ языкѣ, сколько на самое его происхожденіе, тѣсно связанное съ его духовною дѣятельностью. Гумбольдтъ считаетъ происхожденіе языка въ сущности необъяснимымъ, хотя бы мы знали всѣ приготовительныя условія и составные элементы его. Вообще всякое зарожденіе непостижимо. Гегель говорилъ объ этомъ въ своей «Логикѣ» и въ «Философіи природы» и даже старался объяснить его, но успѣлъ только доказать его необъяснимость; онъ правда, показалъ, что въ зарожденіи сливаются, исчезая другъ въ другѣ, бытіе и небытіе, показалъ, что для зарожденія, необходимы три главныя условія: во первыхъ, приготовительныя условія, вовторыхъ—предметъ, въ третьихъ—дѣятельность; но не могъ объяснить перехода отъ приготовительныхъ условій къ самому предмету, отъ возможности къ дѣйствительности; онъ говоритъ что между приготовительными условіями и существованіемъ лежитъ бездна, чрезъ которую предметъ перескакиваетъ въ дѣйствительность; но эти слова и выраженія ничего не объясняютъ; необъяснимость зарожденія доказывается тѣмъ, что предметъ не можетъ быть выведенъ изъ естественнаго развитія приготовительныхъ условій. Какъ бы точно мы ни опредѣлили предварительное положеніе вещей, моментъ зарожденія, въ которомъ все это пресуществляется, останется для насъ непостижимымъ. Пресуществленія этого нельзя наблюдать, слѣдовательно нельзя и постигнуть. Такимъ образомъ, по словамъ Гумбольдта, происхожденіе языковъ не только первичныхъ (первичной формаціи) (*), во времена доисторическія, но и вторичныхъ, во времена историческія, въ сущности необъяснимо. Мы можемъ знать приготовительныя условія, но намъ останутся неизвѣстны принципъ языка, какъ предмета, и его дѣятельность; слѣдовательно, достигши такимъ образомъ границы, черезъ которую насъ не поведутъ ни историческія изслѣдованія, ни свободная мысль, мы должны, съ возможной точностью опредѣлить фактическое положеніе дѣлъ и вытекающія изъ него слѣдствія. Но происхожденіе языковъ—одинъ изъ фактовъ, существенно опредѣляющихъ ходъ человѣческаго развитія. Не смотря на то, языкъ должно разсма-

(*) Этотъ терминъ заимствовала филологія изъ наукъ естественныхъ.

тривать не какъ сдѣланное (ἔργον), но какъ дѣятельность (ενεργεία), какъ постоянное, повторяющееся создаваніе, во первыхъ, въ племени, которому языкъ обязанъ своею формою, потомъ въ изученіи языка дѣтьми и наконецъ въ ежедневномъ, разговорномъ употребленіи его. Языкъ во всемъ своемъ объемѣ находится въ каждомъ человѣкѣ, т. е. каждый обладаетъ стремленіемъ создавать изъ себя весь языкъ, смотря по своимъ побужденіямъ, стремленіямъ, подчиненнымъ силѣ, слѣдующей извѣстнымъ законамъ. Въ изученіи языка дѣтьми и во вседневномъ употребленіи эта сила есть опредѣленная форма народнаго языка, но въ первобытномъ созданіи она не могла обусловливаться народнымъ характеромъ, который развивался вмѣстѣ съ языкомъ изъ одного, скрытаго для насъ источника. Мы можемъ слѣдить за ходомъ дѣятельности языка, хотя и не знаемъ, какія именно причины дали ей такое или другое направленіе. Кромѣ элементовъ, уже опредѣлившихся и получившихъ постоянную форму, въ составъ языка входятъ мотивы, начала дальнѣйшаго развитія духовной дѣятельности, которой языкъ даетъ направленіе и форму. На этомъ основано двоякое отношеніе между языкомъ и человѣкомъ, отношеніе, по которому языкъ находится въ зависимости отъ отдѣльной личности и въ тоже время оказываетъ на нее обратное дѣйствіе. Во вліяніи языка на человѣка заключается постоянство и правильность формъ, въ дѣйствіи человѣка проявляется принципъ свободы. Въ человѣкѣ можетъ возникнуть то, чему мы не можемъ найти причины въ предъидущихъ обстоятельствахъ, и мы не имѣемъ права исключать изъ языка возможность подобныхъ явленій. На этомъ основаніи твореніе языка необъяснимо со стороны вліянія, оказываемаго на него геніальною силою, которая можетъ проявляться какъ въ духѣ народа, такъ и въ отдѣльной личности; вліяніе это выказывается въ первомъ образованіи языка, въ преобразованіи обветшалаго организма его въ новый, и наконецъ въ частныхъ случаяхъ появленія геніальной личности, дѣйствующей на языкъ. Съ другой стороны, созданіе языка на столько подвержено наблюденію, на сколько языкъ дѣйствуетъ на отдѣльную, говорящую личность и на сколько въ этомъ дѣйствіи выражается организація особенной силы, творчески создавшей языкъ. По этому требованіе Гумбольдта—считать языкъ созданіемъ—ни сколько не противорѣчитъ тому, что, по его же словамъ, процессъ созданія языка непостижимъ. Языкъ—постоянно повторяющееся созданіе, котораго начало и причины мы опредѣлить не можемъ, но тѣмъ не менѣе должны слѣдить за ходомъ этого творенія. По этому, Гумбольдтъ въ своихъ изслѣдованіяхъ особенно обращаетъ внима-

ніе на характернстическія особенности языковъ, проходящія чрезъ всѣ ихъ отдѣльныя части и опредѣляющія ихъ форму. Формою языка онъ называетъ взятый во всей полнотѣ и систематически изложенный постоянный и однообразный элементъ, заключающійся въ стремленіи духа возвысить членораздѣльные звуки до выраженія мысли; слѣдовательно, форма языка не ограничивается формами словосочиненія и словообразованія. Самъ Гумбольдтъ, говоря о языкѣ Бирманскомъ, далъ намъ превосходный образецъ изложенія формы языка.

III. ИДЕЯ ЯЗЫКА ИЛИ ИДЕЯ СОВЕРШЕНСТВА ЯЗЫКА.

Гумбольдтъ не полагаетъ нужнымъ искать такъ называемую общую форму языка. Онъ считаетъ это понятіе, созданное позднѣйшими философскими грамматиками, пустою отвлеченностью. Различіе формы возникаетъ съ самой азбукой. Дѣйствительно общее проявляется только въ эмпирической единичности и, разсматриваемое отдѣльно отъ своего проявленія, обращается въ ничто. Такъ и общая форма языка, взятая независимо отъ множества разнообразныхъ языковъ, представляетъ намъ пустую схему, лишенную содержанія. Мало того: эта схема, эта рамка не всѣмъ языкамъ въ пору, потому что многіе изъ нихъ безконечно удалены другъ отъ друга, и подвести ихъ категоріи подъ одинъ уровень нѣтъ никакой возможности. Слѣдовательно, Гумбольдтъ не считалъ нужнымъ и не могъ показать общей формы языка; онъ опредѣлилъ только общее требованіе, возбуждаемое этимъ понятіемъ, требованіе, которое, впрочемъ, различно выполняется въ отдѣльныхъ языкахъ. На этомъ основаніи, Гумбольдтъ считаетъ особенно важнымъ для языковѣдѣнія изученіе отдѣльныхъ языковъ, потому что только въ нихъ выражается идея совершенства языка. Напротивъ, историческія и философскія грамматики навязываютъ всѣмъ языкамъ, не смотря на безконечное ихъ разнообразіе—не исключая даже своего роднаго—несвойственныя имъ категоріи классической греческой грамматики, въ которой, вопреки явной несообразности такого предположенія, они стараются видѣть общую форму языка. Противъ этого направленія возставалъ Гумбольдтъ; онъ доказывалъ, что сильно ошибаются тѣ ученые, которые приступаютъ къ изученію чужаго языка съ своими односторонними понятіями и со своимъ взглядомъ на вещи, между тѣмъ какъ каждый народъ отличается собственнымъ, своеобразнымъ воззрѣніемъ, которое проявляется

въ языкѣ и которое мы должны усвоить себѣ при его изученіи. Но историческія грамматики во всѣхъ языкахъ находили въ болѣе или менѣе совершенномъ видѣ форму, данную древне-греческими грамматиками, видѣли слѣдовательно одно количественное различіе; философскія грамматики носились въ неизмѣримой области отвлеченнаго. Ни тѣ, ни другіе не постигали идеи языка. Одни не умѣли понимать, потому что ихъ взглядъ былъ односторонень; другимъ нечего было понимать, потому что они создавали идеи, лишенныя содержанія. Гегель, величайшій изъ новѣйшихъ философовъ, считаетъ философію исторіею философскихъ системъ, изображеніемъ развитія абсолютнаго въ дѣйствительности. Истина предмета есть развитіе его въ дѣйствительности. Самъ Гегель, слѣдовательно, не можетъ требовать, чтобы искали (какъ дѣлаютъ то философскія грамматики) абсолютной формы языка внѣ предѣловъ языковъ, дѣйствительно существующихъ. Создавъ себѣ такую абсолютную форму, философскія грамматики находятъ даже лишнимъ изучать иностранные языки и примѣнять къ нимъ категоріи, найденныя a priori. По ихъ мнѣнію, всѣ существующіе языки должны подчиняться ихъ законамъ, даже языкъ китайскій, въ которомъ, по ихъ словамъ, находятся тѣ же внутреннія, грамматическія отношенія, проявляющіяся только другимъ, менѣе органическимъ образомъ. Но, какъ извѣстно, все внутреннее должно проявляться во внѣшнемъ; что не проявляется, то, слѣдовательно, и не существуетъ. Конечно, всякій языкъ имѣетъ грамматическія опредѣленія, иначе онъ былъ бы наборъ словъ, но эти опредѣленія вѣроятно не всегда соотвѣтствуютъ опредѣленіямъ, найденнымъ философскими грамматиками. Историческія грамматики поступили почти также; онѣ находятъ въ китайской грамматикѣ всѣ наши категоріи, разряды словъ, склоненія, спряженія, степени сравненій, однимъ словомъ всю нашу флексію. Перейдемъ теперь къ ближайшему разсмотрѣнію различія языковъ. Языкъ, по опредѣленію Беккера, какъ всякій человѣческій органъ, представляетъ намъ двѣ стороны, внутреннюю, обращенную къ разуму, т. е. мысль, и внѣшнюю, обращенную къ явленію, т. е. звукъ. Первая сторона—логическая, вторая—фонетическая. Мышленіе, логика одинаковы у всѣхъ народовъ; слѣдовательно, различіе можетъ имѣть мѣсто только въ сторонѣ фонетической. Каждый индивидуальный языкъ, по словамъ Беккера, имѣетъ свою индивидуальную жизнь, но можетъ быть понятъ только въ приложеніи къ общимъ законамъ мышленія и созерцанія, которые должны составить предметъ общей грамматики. Слѣдовательно, Беккеръ и его послѣдователи признаютъ возможность и необходимость общей

грамматики. Этому взгляду не противорѣчатъ и философскія грамматики. Шаслеръ говоритъ, что общія категоріи должны входить во всѣ языки, на сколько эти категоріи составляютъ необходимую принадлежность нашего мышленія. Гумбольдтъ во многихъ мѣстахъ своего сочиненія высказываетъ мысль, что различіе языковъ заключается преимущественно въ сторонѣ фонетической, и что сторона логическая, какъ обще-человѣческая сила мышленія, у различныхъ народовъ должна быть болѣе однообразна. Изъ этого можно заключить, что Гумбольдтъ, быть можетъ, считаетъ эту болѣе одинаковую сторону предметомъ общей грамматики и что онъ не принимаетъ различіе языковъ въ такихъ обширныхъ предѣлахъ, что могутъ существовать цѣлые отдѣльные разряды языковъ. Чтобы вѣрнѣе понять эти слова Гумбольдта, займемся изслѣдованіемъ сущности языка вообще и въ особенности опредѣлимъ связь мышленія съ словомъ. Для этого должно опредѣлить элементы, заключающіеся въ языкѣ, элементы, которыхъ обыкновенно принимаютъ два, внутренній и внѣшній (Беккеръ), или матерія и форма (Шаслеръ). Гумбольдтъ опредѣляетъ языкъ какъ вѣчно повторяющееся стремленіе духа сдѣлать членораздѣльный звукъ способнымъ къ выраженію мысли. Такимъ образомъ, мы здѣсь видимъ звукъ и мысль, какъ элементы внутренній и внѣшній. Но мысль есть духъ. Слѣдовательно, опредѣленіе наше можно выразить такъ: языкъ есть стремленіе духа выразить самаго себя въ звукѣ, и мы получимъ два противоположные другъ другу элемента: духъ (въ смыслѣ страдательномъ) и звукъ. Впрочемъ, дѣйствительнаго духа нельзя себѣ представить отдѣльно, независимо отъ страдательнаго. Дѣйствительность невещественнаго духа состоитъ въ томъ, что онъ самъ себя превращаетъ въ вещественный, страдательный, т. е. выливается въ мысль, подлежащую нашимъ чувствамъ. Какъ духъ въ самомъ себѣ распадается на дѣйствительный и страдательный, такъ и звукъ представляетъ въ себѣ внутреннее, соотвѣтствующее этому дѣленіе. Съ одной стороны звукъ есть работа, дѣятельность языка; онъ соотвѣтствуетъ здѣсь дѣйствительному духу и составляетъ съ нимъ одно цѣлое. Съ другой стороны, какъ звуковая форма, онъ находится въ соотвѣтствіи съ страдательнымъ духомъ, съ мыслью, которой служитъ выраженіемъ. Языкъ никогда нельзя разсматривать какъ нѣчто, окончательно созданное, получившее полное развитіе; онъ, какъ мы видѣли выше, съ одной стороны, опредѣляетъ путь для дальнѣйшаго развитія, съ другой, представляетъ уже установившіяся формы, оказывающія ограничительное вліяніе на этотъ дальнѣйшій ходъ дѣятельности, однимъ сло-

омъ, твореніе языка послѣ образованія звуковой формы есть не самостоятельное созданіе, а примѣненіе извѣстныхъ законовъ,—образованіе.

Разграничимъ теперь яснѣе два довольно сходныя между собою понятія, форму языка и его характеръ. Форма состоитъ въ звукѣ, принявшемъ извѣстный видъ для выраженія мысли. Характеръ обнаруживается въ приложеніи этой формы. Въ первыя времена творенія языка, когда языкъ считается болѣе цѣлью нежели орудіемъ, на первомъ планѣ стоитъ форма. Вліяніе характера выражается въ употребленіи языка, уже получившаго форму. Форма языка—элементъ относительно твердый, постоянный, почти не подлежащій вліянію цивилизаціи; характеръ языка, напротивъ того, развивается вмѣстѣ съ общимъ духовнымъ развитіемъ народа и съ особенною силою выражается въ періодъ процвѣтанія литературы, въ которомъ языкъ отдѣляется отъ матеріальности ежедневной жизни и дѣлается орудіемъ чистаго развитія идей. Звуковая форма представляетъ двѣ стороны; какъ форма, она имѣетъ матеріаломъ самую мысль и, въ свою очередь, служитъ матеріаломъ для формы языка, съ которою не должно ее смѣшивать. Слѣдовательно, матеріалъ формы языка простая дѣятельность, самый языкъ, а не особенный взглядъ на вещи и образъ представленія предметовъ въ народѣ, составляющій творческій принципъ языка и его причину. Гумбольдтъ матеріаломъ формы языка называетъ элементы языка, но собственно этихъ элементовъ нѣтъ; есть только постоянное созданіе ихъ, дѣятельность, которая и составляетъ матеріалъ формы языка. Гумбольдтъ говоритъ, что опредѣленіе этого матеріала выводитъ насъ за предѣлы языка вообще; это, быть можетъ, вѣрно въ томъ отношеніи, что за матеріалъ принимаютъ не дѣятельность языка, а факторовъ ея, звукъ и мысль, которые, взятые независимо, дѣйствительно выводятъ насъ за предѣлы языка вообще.

При опредѣленіи матеріала національной формы языка можно поступать двояко. Съ одной стороны, за матеріалъ можно принять народную дѣятельность языка, которая происходитъ въ извѣстной формѣ, обусловливаемой народною особенностью. Съ другой стороны, принимая эту форму за видоизмѣненіе общей формы языка, мы получимъ матеріаломъ ея эту общую форму, которая, подъ вліяніемъ народнаго духа, переработывается въ частную. Но эта общая форма, составляющая общее достояніе всѣхъ языковъ, достояніе, котораго ищутъ философскія грамматики, есть ничто иное какъ возможность языка, не имѣющая формы, но стремящаяся выразиться въ отдѣльныхъ дѣйствитель-

ныхъ формахъ. Опредѣливъ такимъ образомъ отношеніе между языкомъ и мышленіемъ возвратимся снова къ опредѣленію границъ возможнаго различія языковъ. Мы отличали внутри языка три элемента: звукъ, страдательный духъ или мысль и дѣйствительный духъ или дѣятельность языка, въ которомъ оба первые элемента находятся въ движеніи. Кромѣ этихъ опредѣленныхъ элементовъ, при раздѣленіи общаго языка на частные выступаютъ еще два принципа, звуковая форма и ея употребленіе, законы котораго, по словамъ Гумбольдта, ничто иное, какъ путь, по которымъ движется духовная дѣятельность въ твореніи языка. Самые гармоническіе звуки не могутъ образовать языкъ, достойно соотвѣтствующій духу, ежели не будутъ проникнуты и оживлены идеями, имѣющими отношеніе къ языку. Мы получимъ такимъ образомъ два ряда взаимно соотвѣтствующихъ другъ другу понятій, относящихся къ языку. Во первыхъ, мы получаемъ звукъ и мысль, потомъ, со стороны внутренняго элемента, употребленіе и руководящее употребленіемъ внутреннее чувство языка (innere Sprachsinn); со стороны внѣшняго элемента звуковую форму и чувство членораздѣльности, создающее эту форму для удовлетворенія требованіямъ внутренняго чувства языка; это понятіе (чувство членораздѣльности), созданное Гумбольдтомъ, должно строго отличать отъ силы членораздѣльности т. е. общей способности произносить членораздѣльные звуки. Въ чувствѣ членораздѣльности особенно обращаетъ на себя вниманіе отношеніе звуковъ къ значенію (*); сила членораздѣльности, напротивъ того, выказывается въ большей или меньшей чистотѣ орудій слова, въ большей или меньшей членораздѣльности произнесеннаго звука и, слѣдовательно, касается одной внѣшней стороны, механизма звука. И такъ вотъ наши два ряда понятій, первое—звукъ, чувство членораздѣльности, звуковая форма или внѣшняя форма языка, второе—мысль, внутреннее чувство языка, употребленіе или внутренняя форма языка; звуковая форма съ перваго взгляда кажется часто-страдательною матеріею и потому, по видимому, не можетъ соотвѣтствовать употребленію, но, проникаясь духомъ языка, принимая въ себя интеллектуальную силу, звукъ дѣлается дѣйствительнымъ и оказываетъ вліяніе на дальнѣйшій ходъ созданія языка. Вліяніе это можетъ быть не только ограничительное, по которому звукъ затрудняетъ мысль, не будучи въ состояніи примѣниться къ тончайшимъ ея изгибамъ; часто звукъ возникаетъ раньше мысли, т. е. готовая зву-

(*) Это отношеніе выражается въ выборѣ звуковъ, соотвѣтствующихъ значенію, т. е. производящихъ на органъ слуха впечатлѣніе, сходное съ тѣмъ, которое предметъ производитъ на душу.

ковая форма побуждаетъ духъ создать понятіе, къ которому можно было бы примѣнить ее; слѣдовательно, мы дѣйствительно можемъ считать звуковую форму принципомъ образованія языка и противополагать ее употребленію.

Въ другомъ мѣстѣ, Гумбольдтъ опредѣляетъ языкъ, какъ орудіе для выраженія мысли, и отличаетъ въ немъ двѣ стороны, фонетическую и интеллектуальную.

Различіе языковъ не должно ограничиваться большею или меньшею степенью совершенства техники; она можетъ проникать въ самую сущность ея устройства, которое измѣняется до такой степени, что даже сравненіе такихъ языковъ дѣлается невозможнымъ. Сближая теперь принципы языка съ факторами дѣятельности языка, мы найдемъ, что звуковая форма соотвѣтствуетъ звуку; употребленіе и чувство членораздѣльности—дѣятельности языка или дѣйствительному духу; только мысль (стремительный духъ) не находитъ себѣ равносильнаго понятія, потому что дѣятельность языка, не касаясь сущности и содержанія мысли, создаетъ только форму для нея, какъ для матеріала. Слѣдовательно, мысль не принадлежитъ къ языковѣдѣнію, предметъ котораго составляетъ языкъ, какъ форма мысли, отдѣльно отъ нея взятая. Въ этомъ случаѣ, языкъ имѣетъ два элемента: форму звуковую и внутреннюю.

Въ приложеніе языка, въ говоръ входитъ, кромѣ двухъ первыхъ элементовъ третій, мысль, въ которой и заключается то, что одинаково во всѣхъ человѣческихъ языкахъ; но этотъ принципъ не принадлежитъ къ языку; опредѣленіе его категорій относится къ логикѣ. Слѣдовательно, различіе языковъ проникаетъ и въ употребленіе, не ограничиваясь одною звуковою формою. Опредѣлимъ теперь отношеніе между внутреннимъ чувствомъ языка и мыслью. Созерцаніе отъ совокупнаго дѣйствія внѣшнихъ чувствъ и духовныхъ силъ переходитъ въ представленіе, которое созерцается еще разъ и усвоивается субъектомъ. Впрочемъ, для этого усвоенія необходимо, чтобы представленіе было, по возможности, осязательно. Поэтому представленіе переходитъ въ языкъ и, воплощаясь въ звукѣ, возвращается къ уху. Слѣдовательно, слово—отпечатокъ впечатлѣнія, произведеннаго предметомъ на душу, и потому въ каждомъ языкѣ заключается особенный, свойственный ему взглядъ на вещи. Это обстоятельство, впрочемъ, оказываетъ болѣе вліянія на выборъ словъ, нежели на грамматическія формы, неразвитость которыхъ можетъ происходить отъ слабости внутренняго чувства языка или отъ недостаточной гибкости звуковой формы. Предметъ представляется нашему созерцанію съ разныхъ сторонъ въ отдѣльныхъ своихъ

свойствахъ, въ своемъ общемъ родовомъ понятіи и въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ предметамъ и обстоятельствамъ. Полное, ясное созерцаніе предмета съ совершеннымъ сознаніемъ этихъ отношеній выразилось въ языкѣ и произвело флексію, какъ словесное выраженіе созерцаемаго и чувствуемаго. Слѣдовательно, грамматическія категоріи представляютъ слѣпокъ не съ логическихъ, дѣйствительныхъ категорій, но съ понятія, которое составляетъ себѣ о нихъ народъ; изъ этого видно, что различіе языковъ главнымъ образомъ обусловливается духомъ народа. При твореніи языка, духъ можетъ неполно и даже невѣрно усвоить себѣ понятіе, или же, усвоивъ его, не вложить въ звукъ, не сдѣлать осязательнымъ и чрезъ это снова утратить его. Въ дѣятельности говоренія духъ въ самомъ себѣ дѣлится на дѣйствительный, проявляющійся въ внутреннемъ чувствѣ языка, и страдательный, выказывающійся въ представленіи, которое должно вложить въ звукъ.

Сильный духъ, напр. духъ, создавшій языки индо-европейскіе, не теряется при такомъ самодѣленіи, схватываетъ весь предметъ и со всѣми оттѣнками значенія влагаетъ его въ слово. Но духъ многихъ народовъ при этомъ теряется, какъ страдательный, т. е. не вполнѣ объемлетъ представленіе, чрезъ это сбивается съ пути и или создаетъ неудовлетворяющую понятію звуковую форму, или ошибается въ употребленіи, т. е. образуетъ грамматическія категоріи, не соотвѣтствующія естественнымъ отношеніямъ представленій; по причинѣ этихъ невѣрныхъ или недостаточныхъ соображеній, различіе языковъ распространяется на часть чисто идеальную, зависящую отъ разсчетовъ ума, въ которой однако находятся въ дѣйствіи чувства и фантазія. Внутреннее чувство языка, принципъ, управляющій языкомъ изнутри, въ тоже время составляетъ главный, основной принципъ различія языковъ. Впрочемъ, въ невидимыхъ движеніяхъ духа невозможно отдѣлить того, что относится къ звуку, отъ того, чего требуетъ внутреннее чувство языка. Но ежели раздѣлить эти два понятія, то въ послѣднемъ найдется главная причина различія языковъ. При образованіи внутренней формы языка дѣйствуютъ, сообразно съ народнымъ характеромъ, всѣ силы души, чувство, фантазія и разумъ, который, посредствомъ ложныхъ соображеній, можетъ привести даже къ совершенно-неправильнымъ и произвольнымъ заключеніямъ. И такъ, вотъ почему могутъ происходить языки до такой степени различные, что ихъ невозможно свести въ одинъ разрядъ.

Гумбольдтъ и не требуетъ этого; языкъ рода человѣческаго, по его мнѣнію, образуетъ не одинъ организмъ, но цѣлое царство

отдѣльныхъ, замкнутыхъ органическихъ системъ, слѣдующихъ особымъ принципамъ; взглядъ Беккера отличается отъ взгляда Гумбольдта тѣмъ, что онъ принимаетъ въ дѣятельности языка только два элемента, не принимая въ соображеніе матеріала, мысли и смѣшивая это понятіе съ внутреннею формою языка. На этомъ основаніи онъ и философскія грамматики вообще принимаютъ, что общія категоріи языка принадлежатъ мышленію по самой сущности, не отличая такимъ образомъ законовъ внутренняго чувства языка отъ требованій логическаго мышленія, съ которыми они иногда имѣютъ большое сходство, но никогда не бываютъ совершенно тожественны. Грамматическія отношенія касаются первобытныхъ условій звуковаго выраженія, слѣдовательно не могутъ быть тожественны съ категоріями логическими, относящимися къ представленію; Беккеръ допускаетъ различіе между познаваніемъ и представленіемъ, но, принимая содержаніе мысли за внутреннюю форму языка, не можетъ провести этого различія. Опредѣляя, напримѣръ, существительное и глаголъ, какъ категоріи бытія и дѣятельности, философскіе грамматики вовсе не доходятъ до языка, не касаются сущности этихъ понятій и значенія ихъ въ языкѣ. Хотя логическія категоріи могутъ быть изображены въ языкѣ, однако онѣ не всегда выражаются въ опредѣленной, строго соотвѣтствующей имъ формѣ. Предложеніе соотвѣтствуетъ сужденію, но не тожественно съ нимъ; въ предложеніи можетъ быть выражено и умозаключеніе, которому собственно долженъ соотвѣтствовать періодъ.

Различіе значенія логическаго и грамматическаго видно и въ отдѣльныхъ словахъ. Имена отглагольныя логически выражаютъ дѣятельность, грамматически существо или свойство. Изъ этого слѣдуетъ, что всѣ языки должны имѣть выраженіе для извѣстныхъ дѣятельностей и предметовъ, но могутъ выразить эту дѣятельность не только въ видѣ флективнаго глагола, собственно соотвѣтствующаго этому понятію, но въ видѣ отглагольнаго существительнаго или прилагательнаго, т. е. въ формѣ существа или свойства. Обыкновенная ошибка философскихъ грамматиковъ состоитъ въ томъ, что они предполагаютъ, будто въ словесной формѣ должно выразиться все, что заключается въ содержаніи, не обращая вниманія на то, что въ словѣ оно можетъ выразиться совершенно иначе. Вотъ почему они искали во всѣхъ языкахъ однихъ категорій, основываясь на томъ, что всѣ они имѣютъ общее содержаніе, человѣческое мышленіе. Безъ различенія понятій существительнаго и глагола не можетъ быть составлено настоящее предложеніе; а такъ какъ говорятъ

предложеніями, то безъ него собственно нельзя и говорить. Слѣдовательно это различеніе составляетъ такой же важный признакъ для раздѣленія языковъ какъ спинной хребетъ для раздѣленія животныхъ. Искать общей формы всѣхъ языковъ, переносить категоріи языковъ индо-европейскихъ на языки бирманскій и подобные ему такъ же нелѣпо, какъ создавать себѣ общую форму животнаго и искать въ моллюскахъ всѣхъ органовъ обезьяны. Языкъ, хотя и долженъ выражать всѣ логическія категоріи, можетъ однако не отличать каждую изъ нихъ отдѣльною формою. Изъ всего этого слѣдуетъ, что правильное воззрѣніе на языкъ невозможно при чисто логической точкѣ зрѣнія. Гумбольдтъ во многихъ мѣстахъ ясно доказываетъ необходимость историко-философской точки зрѣнія, требуетъ изученія фактовъ, съ которыми связываетъ однако выводы изъ простыхъ понятій, чтобы такимъ образомъ избѣгнуть односторонности, какъ въ философскомъ такъ и въ историческомъ направленіи. Языкъ выходитъ изъ глубины духа, изъ общихъ законовъ мышленія, но потомъ, проявляясь въ дѣйствительности, требуетъ по самой сущности своей соединенія чистаго логическаго мышленія съ строго историческимъ изслѣдованіемъ. *Языкъ* свободенъ, выходитъ изъ самаго себя, но *языки* зависятъ отъ націй, отъ духовной особенности ихъ, наложившей на нихъ многія ограниченія. Эти особенности имѣютъ вліяніе на языковѣдѣніе.

Для составленія общей грамматики Гумбольдтъ считаетъ нужнымъ прослѣдить образованіе грамматическихъ формъ въ различныхъ языкахъ и воспользоваться этимъ изученіемъ чтобы представить характеристику языка человѣческаго, взятаго какъ общій идеалъ.

Въ своемъ сочиненіи «о двойственномъ числѣ», онъ говоритъ, что изъ всѣхъ путей, ведущихъ, въ сравнительномъ языкознаніи, къ рѣшенію вопроса, какимъ образомъ общій человѣческій языкъ обнаруживается въ отдѣльныхъ проявленіяхъ, безспорно вѣрнѣе всѣхъ ведетъ къ цѣли разсматриваніе отдѣльной части рѣчи, прослѣженной чрезъ всѣ извѣстные языки земнаго шара. Для общей грамматики имѣютъ несомнѣнную важность даже тѣ частныя воззрѣнія, которыя, хотя не вытекаютъ изъ общихъ законовъ *языка*, однако обрисовываютъ физіогномію отдѣльныхъ *языковъ*.

Напротивъ, Беккеръ и Штернъ, при составленіи общей грамматики, приняли за основаніе формы нѣмецкаго языка, пренебрегая такимъ образомъ историческимъ изслѣдованіемъ отдѣльныхъ языковъ, которое по словамъ Штерна, можетъ только

доставить ему «примѣры» для формъ, выведенныхъ изъ ума. Гумбольдтъ возстаетъ противъ такого рода умствованій, не поддержанныхъ фактами, совѣтуя проводить, чрезъ всѣ языки, отдѣльныя ихъ составныя части и посредствомъ этихъ изслѣдованій отыскивать и скрѣплять нити, изъ которыхъ одни проходятъ, по его словамъ, въ ширину, чрезъ соотвѣтственныя части различныхъ языковъ, другія въ длину, чрезъ различныя части одного языка. Первыя обозначаютъ общія побужденія *языка* человѣческаго, вторыя обрисовываютъ индивидуальную физіогномію отдѣльныхъ *языковъ*. При такомъ изслѣдованіи ярче выходитъ наружу общій языкъ и характеръ націи; тогда становится возможнымъ рѣшеніе высшихъ вопросовъ о связи языка съ образованностію, о его возбудительномъ вліяніи на духъ, вопросовъ связывающихъ языкознаніе съ филологіею. Принимая родовое различіе языковъ, мы должны разсмотрѣть отношеніе личной свободы человѣка къ законности языка. Законность эта несомнѣнно подвергаетъ ее ограниченію, но ограниченіе это незамѣтно, и дѣлается чувствительнымъ только тогда, когда мы выходимъ за его предѣлы, изучая новый языкъ, сравнивая его съ нашимъ, или, всего лучше, переводя съ другаго языка. Каждый отдѣльный человѣкъ находитъ въ своемъ языкѣ содѣйствіе или препятствіе, смотря по большей или меньшей примѣняемости его къ изложенію идей.

Во вторыхъ, раздѣляя языки по разрядамъ и утверждая, что языки, подобные бирманскому не могутъ быть одного разряда съ языкомъ греческимъ, мы, по видимому, отвергаемъ, чтобы Бирманы были люди на равнѣ съ Греками, такъ какъ въ языкѣ мы видимъ выраженіе духа, самый вѣрный отпечатокъ его. Духъ всѣхъ народовъ одинъ и тотъ же въ томъ отношеніи, что духъ каждаго способенъ возвыситься до познаванія истины, до абсолютнаго духа; но форма, въ которой они понимаютъ абсолютное, часто бываетъ чрезвычайно несовершенна. Несовершенство это не останавливается на одномъ языкѣ, но распространяется на религію, на искусство, на образъ правленія, которые обыкновенно бываютъ еще несовершеннѣе языка.

Языкъ, который, какъ проявленіе духа, представляетъ иногда крайнее несовершенство, всегда достигаетъ своей цѣли, какъ средство выраженія мысли, и содержитъ въ себѣ цѣлое, соотвѣтствующее объему неограниченной человѣческой способности образованія и безконечнаго по себѣ мышленія. Вотъ въ какомъ отношеніи языкъ стоитъ выше искусствъ и государственнаго устройства тѣхъ же народовъ.

Но эти два значенія языка часто находятся между собою въ

обратномъ отношеніи. Объяснимъ это примѣромъ. — Классическій римскій языкъ, обогащенный формами греческаго подъ перомъ Цицерона и Горація, сдѣлался болѣе способнымъ къ безконечному употребленію, но римскій языкъ до Эннія представлялъ, безъ сомнѣнія, большую способность развитія, которая потомъ могла снова возродиться только въ производныхъ языкахъ Романскихъ. И въ этомъ отношеніи языкъ стоитъ выше дѣлъ человѣка и представляется намъ созданіемъ идеальнаго міра.

Замѣтимъ еще, что можетъ случиться, что языкъ, при недостаточномъ принципѣ, при нестройности общаго впечатлѣнія, производимаго имъ на духъ, имѣетъ нѣкоторыя частныя преимущества, и оказываетъ побудительное вліяніе на отдѣльныя стороны духа; таковъ языкъ китайскій, который, какъ сознаются въ томъ Гегель, говоря о народѣ, и Гумбольдтъ, разсматривая языкъ, во многихъ отношеніяхъ стоитъ на высокой степени совершенства, хотя не выходитъ за предѣлы корневой формы и не принимаетъ различія между глаголомъ и существительнымъ. Гумбольдтъ говоритъ, что «въ китайскомъ языкѣ именно мнимое отсутствіе всякой грамматики возвышаетъ въ духѣ націи способность познавать формальную связь рѣчи». Китайскій языкъ не образуетъ періода, потому что Китайцы не постигли различія между словомъ и періодомъ, или понятіемъ и сужденіемъ. Слова ихъ—корни, въ которыхъ, какъ въ нашихъ междометіяхъ, находится въ видѣ зародыша цѣлый періодъ. Эти корни ставятся другъ возлѣ друга безъ показанія ихъ связи и взаимныхъ отношеній, но такъ однако, что опредѣляющее понятіе занимаетъ мѣсто передъ опредѣляемымъ. Напримѣръ, наше простое предложеніе «великій государь говорилъ войску» будетъ передано четырьмя корнями, изъ которыхъ каждый можно принять за сокрытый періодъ, такъ что мы получимъ слова: «который великъ, это государь, онъ говорилъ, это было войско», стоящія другъ возлѣ друга безъ означенія какой либо грамматической связи. Конечно, въ этой фразѣ, несмотря на странную форму изложенія, можно находить всѣ наши грамматическія категоріи, хотя ихъ вѣроятно не сознаютъ Китайцы. Логическія категоріи остаются тѣ же, хотя могутъ быть облечены въ разнообразнѣйшія формы, и хотя въ китайскомъ нѣтъ соотвѣтствующей имъ отдѣльной формы.

Расположеніе словъ указываетъ на порядокъ опредѣленія совокупленныхъ понятій; для самаго совокупленія нѣтъ звуковъ, такимъ образомъ наше предложеніе можно измѣнить въ слѣдующее: «государь, говорящій къ войску. Рѣчь государя къ войску», слѣдовательно въ китайскомъ нѣтъ ни одной изъ нашихъ катего-

рій. Въ языкѣ проявляется тотъ же принципъ неподвижности и безразличнаго единства, который обнаруживается и въ китайской жизни, гдѣ смѣшиваются понятія закона государственнаго и нравственнаго, государства и семейства, образа правленія и религіи. Въ Китаѣ совершенно уничтожается принципъ свободы, внутреннее самосознаніе, углубленіе духа въ самаго себя; религія, искуства, свободная нравственность, наука, все въ чемъ у насъ проявляется духовность, у нихъ обратилось въ внѣшность, въ рутину, въ обрядъ.

Вмѣсто нравственнаго чувства видимъ мертвую букву закона; вмѣсто вдохновенія художника, поэта—бездушное, холодное подражаніе, умѣніе, искуственность. Тотъ же характеръ внѣшности отразился и на языкѣ, гдѣ значеніе лежитъ не столько на матеріалѣ звука, сколько на его формѣ и объусловливается удареніемъ, гдѣ внутреннее отношеніе понятій выражается внѣшнимъ расположеніемъ словъ. Мало того: Китайцы переносятъ въ пространство бытіе языка, исчезающее во времени, низводятъ языкъ на степень письма, такъ что, не понимая словъ, произносимыхъ на старомъ стилѣ, они могутъ свободно читать его по заученнымъ знакамъ. Не имѣя чувства благозвучія, они дорожатъ красивымъ письмомъ и мало отличаютъ bene scriptum отъ bene pictum. Кромѣ того, наши буквы замѣняютъ звуки, между тѣмъ, какъ китайскія изображаютъ самые предметы, и чрезъ это болѣе нашихъ удалены отъ языка. По словамъ Гумбольдта, форма китайскаго языка болѣе нашей вызываетъ наружу силу чистаго мышленія и съ большимъ напряженіемъ направляетъ его къ предмету, устраняя посторонніе, посредствующіе соединительные звуки. Впрочемъ, сомнительно, чтобы она направляла духъ къ той средѣ, гдѣ одинаково легко развиваются поэзія и философія, научное изслѣдованіе и краснорѣчивое изложеніе. И такъ, нельзя не принять рѣшительной противоположности между языками чисто законной формы и языками, отступающими отъ этой законности, языками, которые могутъ обнаруживать нѣкоторую степень совершенства, искуственность техническаго строя, но не могутъ собственными силами производить на духъ постоянное, стройное и гармоническое впечатлѣніе.

Не смотря на то, каждый языкъ есть слѣпокъ съ первобытной основы для языка вообще, и, чтобы достигать самыхъ простыхъ и необходимыхъ цѣлей, долженъ имѣть такое сложное строеніе, что знаніе языковъ самыхъ несовершенныхъ представляетъ большій интересъ, нежели изученіе литературы, искусства и другихъ отраслей духовной жизни тѣхъ же народовъ.

Въ языкѣ заключается самосознаніе народа; потому духъ народа—языкъ, такъ какъ духъ его есть то, чѣмъ онъ сознаетъ себя.

Въ языкѣ заключается логика народа, воззрѣніе его на міръ; слѣдовательно, грамматика, въ высшемъ своемъ значеніи есть исторія логики народовъ. Сущность исторіи и всякаго развитія—критика; задача филолога познать эту объективную критику, въ которой каждая высшая степень есть критика низшей.

Критика есть сравненіе предмета съ понятіемъ, которое выводится изъ самаго предмета.

Слѣдовательно, какъ естествоиспытатель распредѣляетъ организмы въ возвышающихся степеняхъ, принимая въ соображеніе степень достиженія общей цѣли организма, и выводя эту цѣль изъ наблюденій надъ самымъ организмомъ, такъ и филологъ долженъ наблюдать въ различныхъ языкахъ постепенность осуществленія идеи языка, не создавая себѣ идеала языка, но принимая только въ соображеніе степень достиженія цѣли языка, большее или меньшее совершенство его органовъ.

Но, для такого труда необходимо значительное число предварительныхъ изслѣдованій, которыя до сихъ поръ еще не были предприняты. Изслѣдованія эти должны быть произведены путемъ индивидуально-историческимъ, который стоитъ на столько же выше общаго философскаго, на сколько единичное выше общаго. Наконецъ, такъ какъ языкъ дѣйствительно существуетъ только тогда, когда на немъ говорятъ, то грамматика ведетъ насъ ко второй части языковѣдѣнія, къ исторіи литературы. Дополнимъ теперь замѣчаніе о матеріалѣ и формѣ языка, которое сдѣлали выше.

Ежели мы опредѣлимъ языкъ какъ форму мышленія, то мы найдемъ въ общей всему человѣчеству способности говорить форму общей способности мыслить, какъ матеріала, и отношеніе это не измѣнится и тогда, когда мы предположимъ, что эта способность въ отдѣльныхъ народахъ формируется и опредѣляется народнымъ характеромъ.

Въ отдѣльной личности, языкъ и мысль достигаютъ дѣйствительности, но независимо отъ нея языкъ имѣетъ свою національную форму, на которую не можетъ распространяться вліяніе отдѣльной личности, и которая должна быть созданіемъ общей массы народа. Принципъ ея—народный характеръ. Но языкъ отдѣльной личности подчиняется двоякому вліянію.

Съ одной стороны, какъ форма мышленія, онъ обусловливается своимъ матеріаломъ и видоизмѣняется имъ въ своемъ характерѣ, хотя остается неизмѣненнымъ въ національной

формѣ. На этомъ основаніи характеръ языка лирическаго отличается отъ характера языка драматическаго.

Съ другой стороны, какъ словесная форма мысли отдѣльной личности, языкъ подчиняется ея вліянію, получаетъ отъ нея особенный, своеобразный характеръ, отражающій главныя, основныя черты характера этой отдѣльной личности, какъ національная форма языка представляетъ отпечатокъ и выраженіе отличительныхъ свойствъ народнаго характера.

Тогда языкъ получаетъ послѣднюю опредѣленность и превращается въ слогъ, который у различныхъ писателей бываетъ различенъ. Но въ каждомъ языкѣ легокъ и естественъ только тотъ слогъ, который сообразуется съ главнѣйшими свойствами общаго характера языка. Этотъ то слогъ составляетъ предметъ исторіи литературы, которая такимъ образомъ противополагается грамматикѣ, составляя съ нею одну обширную науку о языкѣ.

Грамматика—наука о языкѣ, потому что въ ней заключается сознаніе духа о самомъ себѣ; исторія литературы—наука о языкѣ, въ томъ отношеніи, что она показываетъ, какимъ образомъ народъ изъ конечныхъ средствъ языка сдѣлалъ безконечное приложеніе. Первая—исторія формъ языковъ; вторая—исторія характеровъ. Включая первую въ область логики, мы должны отнести вторую къ наукѣ абсолютнаго духа, къ исторіи искусства.

«По изслѣдованію грамматики и запаса словъ у всѣхъ народовъ, говоритъ Гумбольдтъ, по изученію литературныхъ памятниковъ народовъ образованныхъ, должно опредѣлить способъ и степень вліянія языковъ на духовное развитіе говорящихъ ими народовъ».

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХЪ ИМЕНЪ.

Изслѣдованіе П. П. Шафарика,

Переводъ съ чешскаго Викентія Макушева.

> Quum vides, unde ortum est *nomen*, citius *rem* intelligis; omnis enim rei inspectio etymologiâ cognitâ plenior est.
>
> Isidorus.

Предисловіе переводчика.

Предлагаемое изслѣдованіе о числительныхъ именахъ, за достоинство котораго ручается имя его автора, принадлежитъ къ числу лингвистическихъ монографій, напечатанныхъ Шафарикомъ во Временникѣ чешскаго музея (Časopis českého Museum). Онѣ представляютъ необходимое пособіе при изученіи славянскаго языка, но къ сожалѣнію у насъ мало извѣстны: вотъ почему я считаю небезполезнымъ напомнить о нихъ.

Во Временникѣ за 1846 г. помѣщены изслѣдованія: 1) объ образованіи словъ посредствомъ удвоенія корня (o tvoření slov zdvojováním kořene) и 2) о распространеніи глагольныхъ корней и стволовъ вставкою и приращеніемъ согласныхъ (o šíréni časoslovnich kořenůw a kmenůw vsauvánim a přiřažénim sauhlasek).

Во Временникѣ за 1847 годъ: 3) объ измѣненіи гортанныхъ согласныхъ (o přetvorování hrdelních sauhlasek) и 4) объясненіе нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ въ языкѣ славянскомъ (vyklad nekterých grammatických forem v jazyku Slovanském).

Во Временникѣ за 1848 г. напечатана предлагаемая нами монографія: 5) филологическій разборъ числительныхъ именъ (Mluvozpytný rozbor čísloslova).

Числительныя имена, по сознанію самаго Шафарика, *представляютъ* сравнительно съ другими частями рѣчи *наиболѣе*

трудности для этимолога. Своимъ изслѣдованіемъ великій словянскій ученый желалъ не только объяснить темное происхожденіе числительныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ доказать на опытѣ *возможность и пользу этимологіи, какъ науки;* поэтому онъ долженъ былъ въ началѣ своей монографіи разсмотрѣть *задачу этимологіи* и различныя филологическія системы о *происхожденіи языка*. Шафарикъ относитъ числительныя имена къ отдѣлу *главныхъ категорій словъ*, безъ которыхъ языкъ и мышленіе невозможны. Основныя числа, по его мнѣнію, родственны частію (1—3) съ указательными частицами, изъ которыхъ образовались личныя мѣстоименія, частію (4—10) съ корнями, выражающими понятія, изъ которыхъ произошли имена и глаголъ.

Кромѣ Шафарика, писали о числительныхъ именахъ *Боппъ, Гриммъ, Поттъ, Беккеръ, Штернъ, Павскій* и мн. др. Всѣ эти изслѣдованія, по двумъ господствующимъ системамъ языкознанія, можно раздѣлить на два разряда: философскій и сравнительно-историческій.

Филологи-философы опредѣляютъ числительныя имена довольно темно.

«Числительныя имена, говоритъ *Беккеръ* (1), по значенію своему весьма близки къ мѣстоименіямъ. Они *не выражаютъ понятія* бытія или дѣйствія, но только *обозначаютъ отношенія*, въ которыхъ бытіе представляется въ основѣ мышленія (2). Число *не есть понятіе*, но только *отношеніе понятія*, хотя двойственность и множественность обозначаются особенными флексіями двоїств. и множ. ч. (3). Вполнѣ развитая форма числительныхъ не позволяетъ намъ сомнѣваться, что они *первоначально* выражали *понятія* и образовались изъ *глагольныхъ корней* и что только въ послѣдствіи стали обозначать численныя отношенія. При другихъ служебныхъ частяхъ рѣчи (Formwörter) можно еще теперь указать, какое значеніе они имѣли первоначально; доказательствомъ же глубокоій древности числительныхъ служитъ то, что никому изъ изслѣдователеій не удалось до сихъ поръ дойти до сколько-нибудь правдоподобноій догадки касательно понятіій, которыя первоначально выражали числительныя. Кажется, что они *сначала были именными названіями* (substantivische Benennungen) предметовъ, обозначавшихъ численное отношеніе; напр. Paar, Mandel, Stock, Stiege.»

(1) Organismus der Sprache, von Becker. Frankfurt am Main. 1841. SS. 209—211.

(2) Die Zahlwörter drücken nicht Begriffe eines Seins oder einer Thätigkeit aus, sondern bezeichnen nur Verhältnisse, in denen das Sein als Individuum seiner Art in einer besonderen Anschauungsform von dem Sprechenden aufgefasst wird. S. 209.

(3) Die Zahl ist nicht ein Begriff, sondern nur ein Beziehungsverhältniss des Begriffes s. 210.

«Числительныя имена, по мнѣнію *Штерна*, суть ничто иное, какъ *обособленіе* одной стороны числовой категоріи, *множественности*, а потому каждое число, начиная съ одного, требуетъ послѣ себя множеств. ч. (4).

Изслѣдованія о числительныхъ именахъ въ области *сравнительно-историческаго* языкознанія гораздо обильнѣе и важнѣе для науки по своимъ результатамъ. Разсмотримъ важнѣйшія изъ нихъ.

Фр. Боппъ, въ своемъ классическомъ произведеніи. *Сравнительная грамматика*, посвящаетъ большой отдѣлъ образованію числительныхъ [5]). По его мнѣнію, числительныя образовались большею частію накопленіемъ: *три* (скр. tri, кор. tr=transgredi) =2 + 1, *четыре* (скр. čatur, čatvar, жен. čatasar=ca (et)+tisar) = 1 + 3, *пять* (скр. pančan = pan + ča = pa (въ мѣст. éka) + ča) = 4 + 1. Числительныя происходятъ не отъ глагольныхъ корней, но отъ мѣстоименныхъ.—Числительныя по своей формѣ раздѣляются на существительныя и прилагательныя, а потому принадлежатъ къ двумъ склоненіямъ—существительному и мѣстоименному; но изъ нихъ весьма многія, первопачально измѣнявшіяся по числамъ и падежамъ, въ послѣдствіи со всѣмъ или только частію потеряли свою склоняемость. Въ Санскритѣ и Зендѣ удержали различіе рода только числительныя 1—4. Уже въ этихъ языкахъ замѣчается неправильность въ скл оненіи числительныхъ: *одинъ* допускаетъ только единственное число, *два*—двойственное, а прочія числительныя только множеств. ч.; 5—10 въ ИВЗ. считаются въ единств. ч., а въ прочихъ падежахъ во множ.

Яковъ Гриммъ указываетъ *въ Исторіи нѣмецкаго языка* [6]) на числительныя имена, какъ на одну изъ данныхъ, по которымъ можно судить о степени родства языковъ. Съ этой точки зрѣнія онъ сравниваетъ числительныя во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ, находитъ въ нихъ поразительное сходство и о происхожденіи только трехъ числительныхъ высказываетъ свою догадку, именно: *pančan* (5) означаетъ распростертую руку съ пятью пальцами отъ *pač*—extendere, *dasan* (10)—обѣ руки съ десятью пальцами отъ *das*—monstrare, *navan* (9)—новое число отъ скр. nava

(4) Das Zahlwort ist nichts weiter, als eine Individualisation der einen Seite der Form des Numerus, die Mehrheit, und jede Zahl von eins an regiert daher gleichsam den Plural. *Vorläufige Grundlegung zu einer Sprachphilosophie*, von *Dr. Stern*, Berlin, 1835. S. 77 Штернъ замѣчателенъ въ исторіи филологіи тѣмъ, что примѣнилъ идеи Гегеля къ языку.

(5) *Fr. Bopp.* Vergleichende Grammatik, Berlin. 1833 S. S. 428—467.

(6) *Jacob Grimm*, Geschichte der deutschen Sprache, Leipzig, 1848 ibd SS. 219—237.—Изслѣдованы три данныя для узнанія родства языковъ: имена числительныя, мѣстоименія и 3 л. ед. ч. существительнаго глагола—*есть*.

(novus, новый)[1]. Объ остальныхъ числительныхъ онъ замѣчаетъ, что можетъ быть нѣкоторыя изъ нихъ выражаютъ понятіе *совокупленія, собранія*.

Августъ-Фридрихъ Поттъ издалъ въ 1847 г. монографію: *Пятиричная и двадцатиричная система счисленія у народовъ всего міра*[2].

Основаніемъ всѣхъ извѣстныхъ системъ счисленія служитъ *рука* или вѣрнѣе счетъ *пальцевъ*, чаще всего 10, рѣже 5, еще рѣже 20; оттого три различныя системы счисленія: *десятиричная* (самая удобная, почти у всѣхъ образованныхъ народовъ Европы), *пятиричная* (въ сѣв. Азіи, сѣв. и частію въ средней Америкѣ, въ большей части Австраліи и Африки) и *двадцатиричная* (изъ европ. народовъ—у Датчанъ, Кельтовъ и частію у Французовъ).

Во всѣхъ языкахъ находится опредѣленное, весьма ограниченное количество *первообразныхъ* (primitiver) числительныхъ именъ, изъ которыхъ производятся остальныя посредствомъ четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій: сложенія (лат. undecim=1+10, франц. vingt-quatre=20+4), умноженія (лат. viginti=2×10, франц. quatre-vingts=4×20), вычитанія (лат. undeviginti=20—1) и дѣленія (эстон. poolteist sadda=anderthalb hundert).

Числительныя имена первоначально были *названіями предметовъ*, что очевидно въ языкахъ дикихъ народовъ, гдѣ еще ясно образованіе словъ; напр. въ одномъ изъ африк. языковъ для выраженія 1 употребляется слово *bull* (голова), для выраженія 5—*men* (рука) и т. д. Съ этимъ можно сравнить названія нѣкоторыхъ числительныхъ въ языкахъ европейскихъ: у силезкихъ Нѣмцевъ 12 называется *Schilk* (Schilling=12 Pfening), 15—*Mandel*, 20—*Stiege*. Нѣм. *Schock* тоже что пол. *koppa*, литв. *kappa*=60; у Словаковъ 40 называется *meru* (мѣра).

Вообще численныя представленія, какого бы ни были они рода, имѣютъ *конкретное основаніе*. Такъ мѣра, вѣсъ, пространство, лѣтосчисленіе получали свои названія отъ естественныхъ отношеній; напр. для означенія 14 фунтовъ употребляется у многихъ народовъ слово *камень*: нижнелуж. jaden kamen, нѣм. stein, англ. stone, гэл. clach.—Бразилійцы называютъ *годъ* по имени дерева *acajou*, которое каждый годъ приноситъ плоды.

---

[1]) Доказательство существованія въ нашихъ языкахъ четверичной системѣ. Срв. римскія *nundinae*=novendinae.

[2]) Die quinare und vigesimale Zählmethode bei Völkern aller Welttheile. Nebst ausführlicheren Bemerkungen über die Zahlwörter Indogermanischen Stammes und einem Anhange über Fingernumer. *A. Fr. Pott*. Halle 1847.

Вступленіе.

Предметъ этимологіи или словопроизведенія состоитъ, какъ показываетъ самое названіе, въ изслѣдованіи словъ т. е. въ объясненіи ихъ происхожденія и образованія, съ цѣлію полнѣйшаго опредѣленія и совершеннѣйшаго пониманія какъ языка, такъ и самаго нашего мышленія, необходимаго его условія.

При бѣгломъ взглядѣ на запасъ словъ нашего роднаго языка, легко замѣтимъ что въ немъ подлѣ такихъ, которыхъ происхожденіе и соотношеніе съ предметомъ для насъ очевидны, напр. krejči a), kowář b), řeznik c), červenka p), bělice e), okaun f), roháč g), hrdlička h), zeměplaz i), kowkop k), náprstek l), prohlubeň m), příwal n), и т. д. находится великое множество иныхъ, въ которыхъ соотношеніе звука съ предметомъ, а потому и *поводъ къ наименованію* совершенно темны, неизвѣстны, такъ что такія слова употребляются уже только какъ условные знаки для выраженія извѣстныхъ понятій; напр. zub, čmel, wčela, zlato, srdce, skála, kotew или kotwice, kopřiwa или kropiwa и т. д. Если посредствомъ филологическаго разбора докажемъ, что поводъ къ наименованію вышеозначенныхъ словъ дѣйствительно находится въ родственныхъ имъ zobati u zábsti (срв. нѣм. *beissende* Kälte, die Kälte *beisst* mich) šûmêti, wučeti или bučeti, žlutý, střed (слв. срѣдъ), skelitise, откуда skulina (срв. лат. rumpes и rumpere), kot или kočka (срв. однозначущее древ. чешск. и слк. mačka «kotwice nebo mačka», венгер. Vas-macska, t. Zelesná kočka), u-krop (срв. лат. carbo и однознач. záhawka, urtica, *Bren*-nesel),—тогда достигнетъ какъ наше мышленіе, такъ и языкъ большей ясности и точности, а потому и познаніе наше будетъ совершеннѣе. А чтобы этимъ способомъ мы могли дойти

---

a) Портной, кор. *кро*-ить.
b) Кузнецъ, кор. *ков*-ать.
c) Мясницкій ножъ. кор. *рез* ать.
d) Красная чашечка у цвѣтка, Кор.-*черв*. Срв. *червон*-ная Русь, *Черн*-ное море.
e) Бѣлуга.
f) Окунь.
g) Рогачъ.
h) Горлица.
i) Пресмыкающіяся животныя; сост. изъ *зем*-ля, и *плз*-ти.
k) Рудокопъ, kow=руда.
l) Наперстокъ.
m) Глубина.
n) Буря, *вол*-неніе.

до ближайшаго повода къ наименованію, мы должны рѣшить новую задачу: откуда образовались слова zobati, šuméti, wučeti или bučeti, žlutý, střed, skeliti или škeřiti se, kot или kočka, ukrop? гдѣ у нихъ поводъ къ наименованію? Такимъ образомъ мы непремѣнно должны приступить къ новому разбору и доискиваться до болѣе глубокихъ основаній до тѣхъ поръ пока дойдемъ до самыхъ глубочайшихъ. Однако и то, что найдется при первомъ разборѣ слова и открытіи ближайшаго повода къ наименованію предмета, для усовершенствованія человѣческихъ познаній всегда важно, часто неоцѣнимо.

Возможность и необходимость этимологіи, какъ науки, опирается на началахъ, извлекаемыхъ отчасти изъ мысли, отчасти изъ опыта. Эти начала принуждаютъ насъ принять за истину, что все предлагаемое нашему познанію какъ внѣшнею природою, такъ и собственнымъ нашимъ духомъ, есть осуществленіе духа самодѣятельнаго и свободнаго, но дѣйствующаго по законамъ и правиламъ а не по слѣпому случаю,—духа постижимаго, если не въ самомъ себѣ и въ своей сущности, то по крайности въ своей дѣятельности (причемъ онъ только легко впадаетъ въ неосновательность), постижимаго разуму человѣческому (который самъ есть духъ),—и воспринимаемаго его понятіями въ истинномъ объемѣ. Такъ какъ языкъ есть наивысшее, къ сущности духа найближайшее осуществленіе мысли человѣческой, то не можетъ такое явленіе имѣть причину въ самомъ себѣ и оставаться чужимъ и непроницаемымъ до внѣшняго обнаруженія. Конечно, если бы съ другой стороны внимательно и строго мы разсмотрѣли то несовершенное состояніе, въ которомъ находится этимологія до настоящаго времени, несмотря на многостолѣтнія усилія тысячи ученыхъ изслѣдователей,—если бы вспомнили, какъ ложны, несостоятельны, даже нелѣпы ея результаты, то мы могли бы усумниться въ возможности ея, какъ науки, могли-бы поставить ее на ряду съ астрологіей, хиромантіей, кроніологіей, физіогномикой и т. д. въ число простыхъ грёзъ и забавъ воображенія, а также загадочныхъ, не достойныхъ имени науки гаданій. Но судя такъ, мы судили бы необдуманно, неосновательно и несправедливо. Несовершенство обще этимологіи съ самыми точными и найболѣе обработанными науками, философіей, физикой, химіей, медициной и др., объемы которыхъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, даже тысячелѣтій не могли быть вполнѣ опредѣлены, и отъ времени до времени появляются еще новыя системы; но по этой причинѣ ни одинъ разумный цѣнитель не будетъ считать ихъ невозможными и ненужными, хорошо зная, что истинная сущность человѣческаго духа заключается

не въ вѣденіи того или въ вѣрѣ въ то, чему мы научились, но въ стремленіи къ пріобрѣтенію познаній, въ изысканіи и изслѣдованіи. Ничтожность этимологіи тогда только былабы доказана, когда бы совершенно убѣдились, что все постигнутое и вообще сдѣланное постижимымъ изслѣдованіями ученыхъ нисколько не важнѣе того, что знаетъ и можетъ знать объ языкѣ простой самородный умъ каждаго человѣка. Правда, что касательно послѣдняго результата и, такъ сказать, ядра предмета одно вѣденіе ничѣмъ не превышаетъ другое: но относительно формы различіе между ними велико, безконечно, а на этомъ здѣсь все и основывается. Еслиже мы видимъ въ этимологіи болѣе, чѣмъ въ другихъ наукахъ, ошибокъ и заблужденій ученыхъ, то слѣдуетъ вспомнить, что, доходя до глубочайшихъ основъ языка, мы подходимъ къ предѣламъ безконечнымъ необъятнаго царства духа, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, если наше слабое зрѣніе ища свѣта уже у самаго приступа къ нему теряетъ силы и тонетъ во мглѣ и мракѣ. Тутъ обыкновенно является на помощь разсудку воображеніе: судьба всѣхъ наукъ, не одной этимологіи. А потому, несмотря на неосновательность *въ цѣломъ*, этимологическая система можетъ быть поучительна *въ частностяхъ* и способствовать къ усовершенствованію человѣческихъ познаній, какъ цѣлаго усовершаемаго, но никогда вполнѣ не усовершимаго.

Задачу этимологіи составляетъ, какъ мы сказали выше, разъисканіе повода къ наименованію предмета или основанія, почему опредѣленныя понятія выражаются опредѣленными звуками человѣческой рѣчи, что достигается только изслѣдованіемъ родства словъ, разборомъ составныхъ ихъ частей. То и другое возможно, потому что всегда большáя часть каждаго языка насквозь прозрачна и видима, такъ что происхожденіе и образованіе словъ, а тѣмъ самымъ и поводъ къ наименованію предмета, въ той части языка ясенъ здравому смыслу и не можетъ приводить въ сомнѣніе.

Изощренный наукою умъ опредѣляетъ и здѣсь, какъ и вездѣ, неизвѣстное помощію того, что извѣстно, указываетъ органическое соотношеніе словъ темнаго происхожденія и образованія со словами ясными и такимъ образомъ стремится къ открытію первичныхъ, простыхъ элементовъ, а также послѣднихъ основаній языка. Но такъ какъ языкъ, что было прежде показано, должно разсматривать, какъ найвысшее, найсовершеннѣйшее воплощеніе теоретическаго духа въ природу, мысли въ тѣло, понятія въ звукъ, то само собою разумѣется, что всякое словопроизводство не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только вѣчнымъ

приравниваніемъ или лучше примѣриваніемъ идеи къ звуку и наоборотъ звука къ идеѣ, т. е. постоянными положеніями и противуположеніями или утвержденіями и отрицаніями, какъ необходимыми условіями нашего мышленія. Что не входитъ въ этотъ объемъ, то и не составляетъ предметъ языка и его науки. То, о чемъ мы здѣсь разсуждаемъ, есть первичный и настоящій синтезъ, который, какъ всему въ природѣ, такъ и языку не только даетъ форму, но и опредѣляетъ его сущность, и безъ него ничто не можетъ быть воспринято, что только находимъ мы въ природѣ для воспріятія, хотя самъ онъ остается непостижимъ для человѣческаго разума.

Есть три ученыя системы,—скажуобъ этомъ коротко,—касательно образованія основы или организма человѣческаго языка. По первой, языкъ есть прирожденное, механическое отправленіе человѣческаго организма, точно такое же какъ и дыханіе и т. п., и образовался самостоятельно посредствомъ соединенія членосоставныхъ звуковъ въ большія или меньшія цѣлыя въ слѣдствіе простаго подражанія природѣ т. е. уподобленіемъ звуковъ мертвой и живой природы: это-*атомизмъ* (atomismus), по которому языкъ обязанъ своимъ происхожденіемъ природѣ, а разумъ человѣческій языку. Подобная ему философская система называется *матеріализмомъ* (materialismus) (1).

По другой системѣ языкъ есть истеченіе (emanatio) духа, распространяющагося извнутри наружу и переходящаго въ своемъ образованіи отъ цѣлаго къ частямъ, такъ напр. отдѣльныя слова образуются не внѣшнимъ соединеніемъ звуковъ, но какъ цвѣтокъ и растеніе внутреннимъ развитіемъ или побѣгомъ однихъ изъ другихъ, напр. производныхъ словъ изъ коренныхъ: это-*динамизмъ* (dynamismus), по которому языкъ, а слѣдовательно и весь міръ, созданный языкомъ или мыслимый въ немъ, родился изъ идеи. Соотвѣтствующая философская система называется *идеализмомъ* (idealismus). По третьей системѣ, ни духъ произошелъ изъ языка и ни языкъ изъ духа человѣческаго, но человѣкъ при первомъ своемъ сознаніи открылъ себѣ и слово, органически соединенное съ его духомъ, т. е. образованіе языка синтетическое, положеніе, которое можно себѣ уяснить, но для окончательнаго разрѣшенія котораго необходимыя данныя премудро отказаны провидѣніемъ.

По этой третьей системѣ языкъ человѣческій во всѣхъ своихъ частяхъ и явленіяхъ, начиная отъ найпростѣйшаго общепонятнаго звука до найвысшаго искуснопоставленнаго предложенія, есть безпрерывный и безконечный *синтезъ* въ полномъ смыслѣ этого слова т. е. такой, который при каждомъ новомъ во-

площеніи мысли въ звукъ, при каждомъ генетическомъ соединеніи матеріи съ формой, при каждомъ органическомъ сращеніи и совокупленіи элемента съ элементомъ, слога со слогомъ, слова со словомъ, нѣчто такое образуетъ, чего не было въ отдѣльновзятыхъ частяхъ и что опять уничтожается по разложеніи формы или разборѣ цѣлаго; напр. *nadoba* изъ *na* и *doba*, *obraz* изъ *ob* и *raz* и т. д.

Что эта третія система одна только истинна и достойна человѣка, было всегда моимъ полнымъ убѣжденіемъ; но я не отвергаю и относительнаго значенія остальныхъ двухъ системъ, въ той степени, какъ духъ человѣческій, иначе не поступающій въ своемъ мышленіи, какъ путемъ утвержденія и отрицанія, пользуется ими, какъ условіями и ступенями къ достиженію чего-то высшаго.

Для объясненія этого необходимо прибавить слѣдующее: каждый языкъ, взятый въ объективномъ смыслѣ, какъ содержаніе всего, что только образовалось отъ воплощенія мыслящаго духа въ форму звука, естественнѣе всего разсматривать, какъ нѣкоторый складъ понятій и словъ разныхъ порядковъ, изъ которыхъ самый низшій, состоящій изъ чувственныхъ словъ и звукоподраженій, основывается на необходимости природы, самый высшій, изъ частныхъ, каждый день творимыхъ и прилагаемыхъ къ предметамъ и лицамъ именъ, теряется въ эѳирѣ свободы, а между этими двумя порядками находятся остальные со своими переносами понятій и словъ отъ внѣшнихъ образовъ къ мыслямъ, отъ мыслей къ идеямъ.

Любознательный разумъ человѣка, стремясь къ разрѣшенію вопросовъ своей жизни, ищетъ такихъ точекъ отправленія, откуда бы онъ могъ видѣть чисто, свѣтло и ясно всѣ тайны природы, а слѣдов. и тайны своего языка. Онъ избираетъ прежде всего низшую точку отправленія: тутъ ему представляется языкъ органическимъ необходимымъ произведеніемъ природы. Не успоковшись этимъ, онъ переходитъ на высшую ступень: тутъ ему представляется языкъ чистымъ оттискомъ и отголоскомъ жизненнаго духа. Но и здѣсь онъ не находитъ полнаго удовлетворенія. Тогда обогащенный необходимою опытностію, онъ возвращается на первую точку зрѣнія, изъ которой вышелъ.

Намѣреваясь представить этимологическій разборъ числительнаго имени, чтобы этимъ изслѣдованіемъ, если оно удастся, доказать не только возможность но и пользу этимологіи, какъ науки, я призналъ нужнымъ сказать предварительно нѣсколько словъ о началахъ, которыми буду руководствоваться въ предпринятомъ трудѣ и о предѣлахъ, въ которыхъ я намѣренъ удержаться, чтобы избѣгнуть тѣмъ всѣхъ возможныхъ недоразумѣ-

ній и нарѣканій. И такъ скажу какъ можно короче объ этихъ началахъ и положеніяхъ.

1) Образованіе (genesis) языка есть *синтетизмъ* (synthetismus) т. е. такое соединеніе простыхъ элементовъ или членораздѣльныхъ звуковъ, въ которомъ при каждомъ совокупленіи составныхъ частеіі въ новообразовавшемся цѣломъ касательно понятія ничего такого не прибавляется, чегобы не было въ отдѣльныхъ частяхъ.

2) Словообразованію противополагается *разборъ* (analysis), посредствомъ котораго обнаруживается совокупленіе составныхъ частей, но при разрушеніи формы теряется сущность слова т. е. смыслъ, заключающійся въ синтезѣ.

3) Каждый элементъ слова, каждый членораздѣльный звукъ прежде, нежели онъ синтетически совокупился съ другимъ, былъ самостоятеленъ и выражалъ извѣстное понятіе, ибо выраженіе понятіи есть существенное свойство человѣческой рѣчи; безъ этого звукъ человѣческіі стоитъ наравнѣ съ звукамъ звѣринымъ.

4) При совершенномъ или синтетическомъ соединеніи составныя части слова теряютъ свою самостоятельность такъ, что ни одна изъ нихъ сама по себѣ не имѣетъ значенія, всѣ же вмѣстѣ *они выражаютъ одно понятіе* (sauznamenaji, consignificant, συσσημαίνουσι), но при этомъ одни изъ нихъ болѣе, а другія менѣе важны, одни сильнѣе, другія слабѣе, одни называются частицами (prwky) и корнями, другія образовательными и флективными слогами или приставками (suffixa).

5) Рядомъ съ синтетическимъ образованіемъ новыхъ словъ изъ простыхъ элементовъ находится въ каждомъ языкѣ тропическій или *образный* способъ, который готовыя слова употребляетъ въ разныхъ смыслахъ, перенося ихъ отъ предмета къ предмету, отъ чувства слуха къ чувствамъ зрѣнія, осязанія, обонянія и вкуса, отъ предметовъ вещественныхъ и чувственныхъ къ отвлеченнымъ и сверхчувственнымъ, отъ понятій къ идеямъ. При этой многозначительности слова часто затемняется первичное, собственное значеніе, даже теряется совершенно; напр., hûh, um, wtip, mysl и т. д. Здѣсь задачу словоизслѣдователя составляетъ изъисканіе первичнаго, собственнаго смысла, а для этого онъ долженъ пробираться по всѣмъ вышеозначеннымъ порядкамъ языка, начиная отъ самыхъ высшихъ, гдѣ ясно образованіе и употребленіе словъ, до самыхъ нисшихъ, гдѣ онъ посредствомъ догадокъ долженъ проникать со своими простыми элементами до необходимаго въ природѣ. Теперь по обнаженія первичнаго, собственнаго значенія слова можно приступить къ

разбору составныхъ его частей, если только оно дѣйствительно есть синтетически образованное высшее цѣлое, а не простой, единичный, недѣлимый элементъ.

Между всѣми классами или категоріями словъ, на которыя дѣлится человѣческая рѣчь, едвали какая другая представляетъ для филолога столько трудности въ этимологическомъ отношеніи какъ та, которую мы называемъ *именемъ числительнымъ* (početním nebo číselním slowem, a šetřice krátkosti čísloslowem). Эти слова какъ въ нашемъ славянскомъ, такъ и въ родственныхъ индоевропейскихъ языкахъ, носятъ на себѣ подобіе одиночкихъ корней безъ видимой связи съ другими: доказательство ихъ старобытности. Кажется, что во всѣхъ языкахъ или генетическое соединеніе ихъ составныхъ частей, или первичное и собственное ихъ значеніе, смотря потому тѣмъ или другимъ способомъ они образованы, синтезомъ или метафорою, очень часто затемняются, отчего и поводъ къ ихъ наименованію приходитъ въ забвеніе. Трудность разбора числительнаго имени еще болѣе увеличилась оттого, что александріійская система категорій словъ, обработанная Аристархомъ, Діонисіемъ и Аполлоніемъ, новѣйшими учеными подрыта и ниспровергнута, а на мѣсто ея еще не поставленна новая, стольже твердая и прочная. Тутъ начались и о категоріи числительнаго имена нескончаемые споры: иные стали причислять его къ имени существительному, иные къ прилагательному, иные къ мѣстоименію, иные отдѣлили отъ всѣхъ ихъ и поставили особенно; иные считали его главною частію рѣчи, другіе служебною; иные подводили его подъ категорію реальную, другіи идеальную. Знаменитый берлинскій мыслитель и изслѣдователь Dr. Штернъ, которому мы обязаны большою благодарностію за двѣ прекрасныя книги о философіи языка, объяснивъ много темнаго въ языкѣ, впалъ въ заблужденіе относительно одного числительнаго имени, утверждая, что оно не слово, а неорганическій побѣгъ или лучшее вымыселъ языка, что однозначительно съ выраженіями Аполлонія и Аристарха «flatus vocis «или» flatus aeris». 2) Удивительно, что числительныя, которыя новѣйшіе нѣмецкіе писатели (и сами аугсбургскія всеобщія вѣдомости) пишутъ и печатаютъ безъ отстановки напр. *dreimillionenneunzigtausend siebenhundertfünfzig*, не составляютъ слова по выраженію спекулятивнаго доктора Штерна, тогда какъ мы эмпирики Славяне считаемъ наше *а* или *и* полнымъ, совершеннымъ словомъ! Мы не только не сомнѣваемся въ мѣстѣ, которое занимаютъ числительныя имена въ категоріи словъ, но и утверждаемъ какъ истину, что числительныя принадлежатъ къ отдѣлу главныхъ категорій словъ, наравнѣ съ существитель-

нымъ и прилагательнымъ именемъ и глаголомъ, безъ которыхъ языкъ и мышленіе невозможны: такъ какъ мышленіе есть опредѣленіе опредѣлимаго, то безъ трехъ простыхъ опредѣленій и категорій—количества, качества и пространства—оно не возможно. Въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что понятія низшихъ чиселъ наравнѣ съ прочими найнизшими понятіями развиваются въ дитяти и вступаютъ въ организмъ мыслей. Итакъ съ этой стороны, касательно категоріи числительнаго имени, ничто болѣе не будетъ препятствовать нашему разбору, если только мы не наткнемся на иныя препятствія.

Такъ какъ основа числительнаго имени въ индоевропейскихъ языкахъ, какъ мы показали, столь стародавна, темна и непроницаема даже для привычнаго взгляда, то возникаетъ вопросъ, какимъ путямъ слѣдовали филологи, пытавшіеся разобрать числительное имя, и что указало имъ эти пути? Отвѣчаемъ: сравненіе высшаго порядка человѣческихъ языковъ и перенесеніе законовъ отъ языковъ, такъ сказать, *явнотканной* организаціи (jawnoskaného austrojí) на языки *скрытнотканной* организаціи (krytotkaného austrojí).

При этомъ замѣчается слѣдующее: 1) Во многихъ языкахъ, особенно народовъ дикихъ, а именно африканскихъ и американскихъ, образованіе числительнаго имени достаточно извѣстно и очевидно; напр. въ языкѣ Фотъ: fok (1), be (2), la (3), nü (4), tan (5), ta-fok (6), ta-be (7), ta-la (8), ta-nü (9), ntak (10); въ языкѣ Фулахъ: goh, diddi, tatti, ni, jowi, joa-go, joa-diddi, joa-tatti joa-ni, sappo; въ языкѣ Вей: dondo, filla, sakwa, nani, sólu, sundondo, sun-filla, sun-sakwa, sun-nani, tan и т. д., гдѣ видно, что числит. отъ *шести* до *девяти* образованы посредствомъ сложенія *пяти* съ основными единицами. 2) Другіе народы, стоящіе еще на низшей степени, Гренландцы, бразиліійскіе Индѣйцы, Абипонцы, Тарахумарцы, Кооссане и т. д. считаютъ отъ *одного* до *десяти* или *двадцати* на пальцахъ, сначала лѣвой руки, потомъ правой, на конецъ ногъ, показывая каждый разъ столько пальцевъ, сколько нужно для выраженія даннаго числа, для *пяти* одну руку, для *десяти* обѣ руки или руку и ногу и т. д. Бразиліійцы для выраженія числа *пять* показываютъ руку, говоря: *ojeré xé pó одна моя рука* или пять пальцевъ, для *десяти* обѣ руки, со словами: *xé pó* т. е. *мои руки*, для *двадцати* руки и ноги, при чемъ прибавляютъ: *xé pó xé py* т. е. *мои руки мои ноги*. Гренландцы вмѣсто *двадцать* говорятъ *человѣкъ*, а вмѣсто *стопять человѣкъ*. И то и другое т. е. подъятіе нижнихъ числительныхъ именъ на высшія мѣста и движеніе, при счетѣ по пальцамъ, рукою и ногою, какъ основаніе числительной системы,

привело естественно къ той мысли, что какъ высшія числа образуются посредствомъ сложенія низшихъ чиселъ, такъ и высшія числительныя имена составляются посредствомъ синтетическаго соединенія низшихъ числительныхъ именъ, и что какъ *человѣкъ* въ иномъ смыслѣ и на иныхъ мѣстахъ составляетъ «*мѣру тѣлъ*» [срв. палецъ, пядь, ступень (stŕewic), футъ, локоть. сажень (sah)], такъ особенно *рука* его, которая служитъ основаніемъ числительной системы почти во всѣхъ языкахъ.

3) При сравненіи египетской системы численныхъ письменныхъ знаковъ съ числительными словами въ рѣчи замѣчено, что эти послѣднія въ своемъ образованіи представляютъ много аналогіи съ чисельными знаками, т. е. іероглифическіе знаки такъ устроены, что отъ *одного до девяти* отдѣльныя черточки ставятся одна подлѣ другой, однако съ видимыми отдѣленіями въ высшихъ порядкахъ: 1+3=4, 2+3=5, 3+3=6, 3+4=7, 4+4=8, 4+5=9 (т. е. одна черточка и три черточки озн. четыре и т. д.), и это соединеніе открыто болѣе глубокимъ вникнутіемъ въ складъ языка и въ именахъ числительныхъ, напр. коптское *psit*=9 сокращено изъ *psitiv*, сложеннаго изъ *psi*=4 и *tiv*=5.

4) При нѣкоторыхъ, особенно высшихъ числительныхъ, наглядно видно, что слова перенесены отъ означенія предметовъ вещественныхъ, цѣлыхъ или раздѣленныхъ на извѣстныя части, къ означенію опредѣленныхъ чиселъ, и притомъ такъ чтоимена членовъ человѣческаго тѣла измѣняющейся величины (напр. palec, pid, loket, палецъ, пядь, локоть и т. д.) перенесены къ означенію опредѣленнаго количества. Такъ напр. въ Китайскомъ языкѣ словдо *ni* означ. *ухо* и *два*, *bel ухо* и *bel два*, *liu соль* (шестигранно-кристализующуюся) и *liu шесть* (также *олень*, потому что у него 4 ноги и два рога), *kieй луковица* (которая, будучи поперегъ разрѣзана, представляетъ шесть круговыхъ кожичекъ и три срединныхъ) и *девять*; въ малайскомъ языкѣ *lima рука* и *пять*, въ мексиканскомъ *ma-рука* и соединеніе пятковъ т. е. *десять*, *двадцать*, въ турецкомъ *el рука* и *пять* въ словѣ *el-li* (пять десятъ), въ татарскомъ *tumen* мгла и *tuman десять тысячъ* и т. д.

5) Наконецъ въ продолженіи послѣднихъ тридцати лѣтъ ученые филологи посредствомъ тщательныхъ изслѣдованій надъ главнѣйшими языками индоевропейскаго племени доказали, что все ихъ словарное богатство можетъ быть выведено изъ двухъ-трехъ элементовъ: изъ *частицъ* (prwkŭw), изъ которыхъ образовались мѣстоименія, предлоги и нарѣчія, и изъ *корней*, изъ которыхъ произошли глаголъ и имена существительныя и прилагательныя. Примѣриваніе числительнаго имени къ этимъ эле-

ментамъ показываетъ, что одни изъ нихъ, именно низшія, представляютъ нѣкоторое сходство съ мѣстоименными частицами, другія же напротивъ, и именно высшія, съ именными и глагольными корнями.

Такими и подобными замѣчаніями облегчился приступъ къ изслѣдованію темнаго образованія числительнаго имени въ языкахъ индоевропейскаго племени, и не замѣшкали ученые филологи, особенно нѣмецкіе, мужественно проникнуть чрезъ новорастворенную дверь до найсокровеннѣйшихъ тайниковъ языка, такъ долго бывшихъ для нихъ недоступными. Но не время и не мѣсто теперь не только распространяться о различныхъ опытахъ разбора числительнаго имени [1]), но даже и въ не многихъ словахъ повторить то, что намъ кажется правдоподобнымъ въ ихъ изслѣдованіяхъ: только одно еще здѣсь припомнимъ.

Всѣ способы счисленія основываются на употребленіи *руки*, такъ что обыкновенно число пальцевъ на обѣихъ рукахъ т. е. *десять* принимается за основную единицу счисленія, рѣже мѣнѣе т. е. счетъ пальцевъ одной руки или *пять*, а еще рѣже счетъ пальцевъ на рукахъ и ногахъ т. е. *двадцать*;—оттого три различныя системы счисленія: пятиричная, десятиричная и двадцатиричная, въ которыхъ дальнѣйшій счетъ производится посредствомъ соединенія пятковъ, десятковъ или двухъ десятковъ и приложенія къ нимъ единицъ.

Но уже и самыя единицы, исключая первыхъ изъ нихъ, составляютъ весьма часто плодъ или слѣдствіе вычисленія (обыкновеннѣе всего сложенія, часто умноженія), выраженнаго въ языкѣ соотвѣтствующимъ синтетическимъ соединеніемъ корней словъ,—рѣже метафоризма, который образно выражаетъ числа уже готовыми и совершенными словами;—но это еще яснѣе можетъ быть узнано изъ предлагаемаго разбора.

Разборъ имени числительнаго.

1. *Одинъ*.

а) Слв. *инъ* сохранилось только въ производномъ *инокъ* (solivagus, monachus) и въ сложныхъ *инорогъ* (unicornis), *иподушно* (unanimiter), также въ нарѣчіи *выни* т. е. *въ инѣ* (semper, in einem fort), въ русскомъ *иноходь* (gradus tolutarii, Zelt) и *иноходецъ* (gradarius, tolutarius, Zelter, чеш. однознач. mimochod). Корень *ен* сохранился въ *еден* и чеш. *jen*, *jenom* (solum, unice), литв. *wiẽnas*, лат. *wẽns*. скр. *una* въ ûna-vinsati (un-de-viginti, 19). Въ прочихъ случаяхъ *êka*, зенд. *aêvô*, греч. ἑῖς изъ ἑνς, въ др. грч. ἓν. лат. *unus*, др. лат. *oinos*. гот. *ains*. в. сѣв. ein, слв. *единъ*, чеш. *jeden*. скр. *âdi* (primus).

Первая древнѣйшая форма ближе всего подходитъ къ мѣстоименіямъ *инъ* (alius) и *онъ* (ille), которыя равняются скр. *anja* (alius) и не вполнѣ сохранившемуся *éna*, вин. *énam* (hunc). Корень слова есть звукъ *н*, въ смыслѣ указательномъ на предметъ присутствующій и видимый, отдѣленный въ пространствѣ, имъ занимаемомъ, отъ прочихъ мыслимыхъ предметовъ. Въ языкахъ индоевропейскихъ звукъ этотъ, употреблялся для образованія мѣстоименія перваго лица, сохранился только въ двойственномъ и множественномъ числѣ, слав. *на* или *ны*. *наю, нама, насъ, нами нами*, и въ косвенныхъ падежахъ единственнаго числа *мене, мнѣ, мною* здѣсь сверхъ того только какъ приставка), но въ другихъ языкахъ, а именно финскихъ, находимъ его на первомъ мѣстѣ т. е. въ имен. п. ед. ч., въ венгер. *én* (ego).

Впрочемъ за основаніе своего дальнѣйшаго разбора и изслѣдованія мы принимаемъ, что въ ту незапамятную доисторическую эпоху, въ которую образовались нынѣшнія наши числительныя имена, и въ томъ языкѣ, изъ котораго произошли индоевропейскія языки, звукъ *н*, полнѣе *на* или *ан*, употреблялся для мѣстоименія перваго лица и по родству понятій былъ перенесенъ къ означенію перваго числа.

Наше *инъ* можно сравнить съ Латин. *unus*, дрв. *oinos* и т. д., несмотря на различіе гласныхъ *и* и *у*, потому что слав. *и* соотвѣтствуетъ Лат. *у*, *ю*; напр. иго—jugum, да и въ самомъ слав. яз. переходъ *у* въ *и* и на оборотъ *и* въ *у* (имати-умъ) считается правильнымъ.

Вторая новѣйшая форма т. е. слав. *к-дина* чеш. *jeden* ни съ чѣмъ не можетъ быть сравнена, кромѣ скр. *ádi* primus).

Я полагаю, что слово это сложно изъ *к-ди-на*, такъ что въ первой части скрывается указательная частица *и*, которая ясно выказывается въ первообразномъ словѣ *к-за*, *и* (ego) и въ производномъ *к-же, и-же, к-же* срв. нѣм. *je* въ jeder, jemand, jemals и т. д.), а во второй указательная же частица *du* однознач. съ Греч. δεῦ. въ смыслѣ τις, по Мельгорну, въ οὐδείς (nemo), δεν въ выраженіи οὐδὲν ἐκ δενὸς γίνεται. ὁ δεῖνα, сиракуз. ὁ δεῖν (чеш. *onsah, onseh*, слав. *онсица*, венгер. *ixé*, хотя нѣкоторые отрицаютъ это, разлагая первое въ οὐδὲ εἷς, а второе въ οὐδὲ ἷνα.

Впрочемъ *к-дина*, *jeden* не можетъ быть непосредственно сравниваемо съ нѣм. *jeder*, потому что это противно аналогіи, по которой слав. *д* обращается въ нѣм. въ т (t и на оборотъ нѣм. *t* въ слав. *д*, такъ что нѣм. *der* родственно съ чеш. *ten*.

Что *к-дина*, *jeden* образованы отъ *мѣстоименнаго* корня, а не отъ именнаго или глагольнаго, доказывается его часто мѣстоименнымъ склоненіемъ: *к-динаго, jednoho*, какъ *того, онаго, toho*,

оноѣ и т. д. (О различіи существительнаго и мѣстоименнаго склоненія см. Počatky Staročes. mluwnice въ Wýboru z lit. české D. I str. 28, 76, § 28, 71).

2. *Два.*

a. Слв. *дъва*, ж, *дъвѣ*, чеш. *dwa*, *dwe*. — литв. *du*, *dwe*, лат. *diwi*. — скр. *dvau*, *dvé*, зенд. *dva*.—греч. δύω, δύο. — лат. *duo*.— гот. *tvâi*.

b. Слв. *оба* см. ниже.

Это числительное имя видимо родственно къ мѣстоименіемъ втораго лица, слв. и чеш. *ты*, литв. *tù*, *скр. tva*, зенд. *tû*, греч. σύ (др. греч. τούν), лат. *tu*, гот. *thu*. Это родство еще очевиднѣе въ скр. *tvas* (alius, secundus), произвед. отъ *tva* (tu), какъ лат. *tuus* отъ *tu* (въ такомъ же отношеніи стоитъ греч. μία, una, къ лат. *mea*, греч. μόνος, unus, solus, къ гот. *méins*, нѣм. *mein*): во всѣхъ прочихъ случаяхъ первоначальное острое *t* перешло въ тупое д.

Числительное *дъва*, какъ оно написано въ Остром. Ев., или *diwi*, какъ оно переиначено въ литв. яз., сложено изъ двухъ элементовъ: *дъ* и *ва*. Изъ нихъ первый, по своей матеріи, равняется, какъ было выше сказано, мѣстоименію втораго лица *ты*; другой же является въ двойств. ч. мѣст. какъ перваго, такъ и втораго лица, *ва*, жен. *вѣ*, ревно какъ и въ 1 л. глагола: *да-ва*, *дахо-ва*.

Мѣстоименіе *ты*, какъ по своей матеріи, такъ и по понятію, имъ выражаемому, родственно съ указательною частицею слав. и дрв. чеш. *тъ*, *ten* (ille); а мѣстоименіе *ва* опирается на указат. частицу слв. и дрв. чеш. *овъ* (hic). По этому числит. *тъва*, позже *дъва*, образовалось посредствомъ соединенія (synthesis) двухъ элементовъ *ты* и *овъ* или *ва*, такъ что главный смыслъ заключается въ первомъ, а второй служитъ только къ означенію формы т. е. показываетъ отношеніе втораго лица (ты) къ первому (ва), что совершенно правильно.

Этотъ разборъ основывается на двусложности слова *дъва*, литв. *diwi;* но еслибы было справедливѣе разсматривать *в*, какъ измѣненіе гласной *у*, причиненное окончаніемъ *а*, которое иногда, а именно въ существительныхъ имепахъ, уже само по себѣ означаетъ двойственность, напр. слв. человѣка, бока и т. п., тотда бы нужно было принять за истину, что въ словѣ *дъва* совершено соединеніе перваго и втораго лица только по понятію, а не по звуку, т. е. что два не означаетъ *одинъ и одинъ*, но только единицу, которая также непосредственно слѣдуетъ за первою и къ ней относится, какъ *ты* за *я*.

Что каждый изъ элементовъ, *ты* или *тъ* и *ва* или *овъ*, самъ по-

себѣ выражаетъ понятіе двойственности, видно въ глагольныхъ формахъ: да-*ва*, да-*та*, гдѣ какъ *ва*, такъ и *та* выражаетъ понятіе двойственности или два, съ тѣмъ только различіемъ, что *ва* относится къ первому, *та* ко второму и третьему лицу.

Но я не могу доказать, что это *ва* сокращено изъ *два*, какъ вторый, wtéry изъ двъторый, dwtéry (срв. греч. δεύτερος) и скр. vinsati изъ dvinsati (20), лат. viginti изъ dviginti, греч. εἴκατι, атт. εἴκοσι изъ δϝείκατι и т. д.

Мѣстоименное происхожденіе числительнаго *два* объясняется тѣмъ, что оно склоняется по мѣстоименному склоненію; впрочемъ напр. род. и мѣст. мн. *двою*=*жену* и т. д.

3. *Три.*

Слв. три, чеш. tri. литв. trys, лат. tris. скр. tri, traja, жен. tisar, зенд. thri, thrâjô. греч. τρεῖς, τρία.—лат. tres. гот. thri.

Каждому съ перваго взгляда представляется очевиднымъ родство этого числительнаго съ окончаніемъ сравнительной степени въ языкахъ индоевропейскихъ, скр. зенд. *tara* (напр. *punjatara* отъ punja, чистый), греч. τερος (напр. σοφώ-τερος отъ σοφός мудрый), лат. *terus*, сокращ. *ter*, которое находится только въ прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ, напр. *uter*, *neuter*, *alter*, *ceterus*, *exterus*, гот. *thara*, *thar* на тѣхъ же мѣстахъ, напр. *hvathar* (кто изъ двухъ, uter), слв *торъ* и *теръ* только въ мѣстоименіяхъ, напр. *нетеръ* (quidam), *которъ*, *кътоpъ*, *který* (quis) и въ порядочномъ *вторый*, *wterý* вм. *двътерый* (secundus).

Если мы сравнимъ это окончаніе сравнительной степени *tara* съ окончаніемъ превосходной скр. и зенд. *tama* (напр. *punja-tama*), лат. timus (напр. *in-timus*, *ex-timus*), греч. τατος (напр. σοφώτατος), убѣдимся, что то и другое сложено синтетически; потому что слогъ *ta* во всѣхъ трехъ формахъ одинъ и тотъ же, только въ τατος онъ соединенъ самъ съ собою, въ *tama* съ *ma*, въ *tara* съ *ra*, и на этомъ различіи синтеза или соединенія основывается различіе между *tara* и *tama*.

Что касается до слога *ta*, то мы принимаемъ за истину, что онъ и здѣсь, какъ въ числит. *два*, гот. *dvai*, одного происхожденія съ указательною частицею *тъ*, изъ которой образовалось мѣстоименіе втораго лица *ты*. Первое и основное противуположеніе въ языкѣ есть отдѣленіе *я* отъ *нея* или *я* и *ты*, второе отдѣленіе 2-го лица, съ которымъ говорятъ, отъ 3-го, о которомъ говорятъ, и это отдѣленіе есть подраздѣленіе, подчиненное первому. Что различеніе втораго лица отъ третьяго есть подраздѣленіе или что второе лицо раздѣлилось на два, второе и третіе, доказательствомъ тому служитъ между прочимъ и то, что въ

древнѣйшихъ индоевропейскихъ языкахъ, санскритскомъ, зендскомъ, греческомъ и славянскомъ, второе и третее лицо въ двойств. числѣ обозначаются одною и тоюже приставкою т. е. *тъ;* скр. въ наст. вр. *thas*, *tas*, въ прошед. *tam*, *tâm;* греч. въ наст. τον, τον, въ прош. τον, την, слв. *та. бисте*, *ходита*, *несета*. Такъ и повелит. накл. въ лат. спряж. имѣетъ во 2 и 3 лицѣ *t: amato moneto*, *jungito*, *capito*. Такъ какъ въ отличеніи 2 лица отъ 3 вся сила падаетъ на 2 лицо, какъ на единицу, вычтенную изъ остальной суммы, то естественно послѣдовало заостреніе, а слѣдов. и измѣненіе звука. Оттого въ нѣкоторыхъ языкахъ корень мѣстоименія 2 лица замѣтно перемѣнчался въ выговорѣ, тогда какъ въ третьемъ лицѣ остался въ первоначальной своей чистотѣ и безъ всякой перемѣны; напр. греч. συ (tu) и τον (is-tum). Тоже самое замѣчаемъ и въ числительномъ именп: во второмъ числѣ *t* перешло въ *d* (исключая готскаго языка), въ третьемъ осталось безъ перемѣны: *два* (2), *три* (3). Чтоже касается до втораго элемента т. е. *ra*, то въ ближайшихъ и наиболѣе извѣстныхъ намъ языкахъ индоевропейскаго племени въ отдѣльномъ и самостоятельномъ видѣ его не находимъ, но въ болѣе отдаленныхъ и менѣе извѣстныхъ языкахъ, именно въ георгіанскомъ или грузинскомъ (а слѣд. и въ другихъ кавказскихъ, ему родственныхъ, языкахъ) сохранялся онъ вполнѣ не только въ коренной формѣ въ вопросительномъ *ra* (quid?), но и въ производныхъ *a-ra* (non), *ra-tha* (ut, dass), *ra-me* (aliquid), *ro-med* (qui), *wi-tha-ri* (quis?), *wi-tha-r* (quomodo?), чѣмъ достаточно доказывается самостоятельность и первоначальное указательное значеніе этого элемента въ индоевропейскихъ языкахъ, потому что относительныя и вопросительныя мѣстоименія, какъ извѣстно, образуются изъ указательныхъ. Творецъ сравнительной грамматики считаетъ грузинское *ra* за измѣненіе грузин. *wi* (quis?) или скр. *ja*, что по моему убѣжденію совершенно неосновательно и безполезно.

Наше *три* по своей формѣ есть множественное число сущ. жен. рода (какъ *кости* и т. д.), съ чѣмъ случайно согласенъ грузинскій языкъ, который въ единственномъ числѣ имѣетъ мягкое окончаніе *i* въ словѣ *withari* (qui?). Итакъ если въ числительныхъ *два* и *три* основной элементъ одинъ и тотъ же т. е. *тъ ты* (tu), то и синтезъ, какъ въ понятіи, такъ и въ звукахъ не различенъ. Въ словѣ *два* движеніе назадъ къ первому лицу выражается реально, но не обозначается звукомъ, развѣ если бы мы захотѣли принять *w* за указатель этого отношенія, что, какъ было сказано, не совсѣмъ неумѣстно; въ словѣ *три* есть шагъ къ чему-то, лежащему за *тъ*, *ты*, выражанному указательною частицею *r*, *ra*, и движеніе впередъ къ первому лицу, вовсе не

обозначенное, а только предположенное еще въ мысли, двини вполнѣ заключающееся въ синтезѣ числа *два*.

Что нѣкоторые какъ числительное *три*, такъ и оконч сравнительной степени *tara* производятъ отъ скр. корн (transgredi), откуда лат. *trans*, *terminus* и т. п., достаточно детъ упомянуть вскользь; выводъ этотъ не находитъ подтверж нія въ нашемъ языкѣ, въ которомъ напротивъ зубнымъ скр и лат. *trans* соотвѣтствуютъ гортанные *kr* въ *kročiti*, *krox*, и т. д.

За тѣми предѣлами, которыхъ не смѣетъ перейти истори кое языкознаніе, въ ту эпоху, когда глагольные корни и м именныя частицы составляли одно недѣлимое, могло и *tara* ви дится въ нѣкоторомъ соотношеніи съ *tr:* но этого мы не хоти здѣсь ни подтверждать, ни отрицать.

Нѣкоторые полагаютъ, что окончаніе сравнительной степ tara служитъ къ означенію двойственности, напр. въ скр. *ras* (alter) изъ *anjas* (alius), гот. *anthar*, греч. ἕτερος вм. ἔντερος, *ceterus*. Но *antaras*, ἕτερος имѣло первоначально иное значе по моему мнѣнію, и теперь только перенесено къ понятію *дру* (secundus).

4) *Четыре*.

Слв. четыри, чеш. čtyři, литв. keturi, лат. četri. скр. čatu čatvâr, ж. čatasar; зенд. čatvâr. греч. τέτταρες эол. πίσυρες ла quatuor. гот. fidvôr.

Въ нашемъ славянскомъ языкѣ есть нѣсколько словъ, оче но происходящихъ отъ одного корня съ числительнымъ *четы* такъ что органическій составъ этого слова, очень уже затем ный въ другихъ родственныхъ языкахъ, у насъ еще впол извѣстенъ. Такія слова суть: рус. *четъ* (par), пол. *cetno* (par) выраженіи *cetno licho* (въ игрѣ, чеш. *lich suda*, рус. *четъ* или *четъ*, срб. *lijo ili tako*, par impar, Grade oder Ungrade), слв. ч (agmen, cohors), *четати* въ *съ-четати* (conjungere). Поэтому полагаемъ, что основной смыслъ, заключающійся въ словѣ или *чета* есть соединеніе, совокупленіе, сопряженіе двухъ метовъ въ одинъ (срв. лат. *jugum* отъ *jungere*) Союзъ *ча* въ *četvoro*, *čtvero*, въ скр. и зенд. *čatvâr*, лат. *quatuor*, гот. очевидно скрытый, въ *четыре*, *keturi* и τέτταρες уже затемнен въ скр. жен. *čatasrî* вытѣсненный вставкою жен. *tisras* отъ есть безспорно таже самая указательная частица *са*, *съ*, ко обыкновенно употребляется въ нашихъ языкахъ, какъ з двойственности. Итакъ *чета* значитъ двѣ пары, двѣ четы juga). Наконецъ окончаніе *ри* есть дальнѣйшее измѣненіе

ной частицы *ра*, какъ мѣра склоненія этого такъ сложнаго и
едѣлимое синтетическое цѣлое слившагося корня.
ишему *четъ*, *чета* въ смыслѣ *par* и *jugum*, вполнѣ соотвѣт-
этъ венг. *két*, *kettö* (duo) и *kötni* (ligare), *kötet* (ligamen),
е Нѣм. *Kette* (catena) и *Kitt* (lithocola, caementum), *kitten*
:usammenkitten (vincere lithocola), съ правильной обмѣной
анаго *к* и шипящаго *ч*.

› такъ какъ слова *четъ* и *четати* сами образованы уже изъ
етическаго соединенія звуковъ *ч* или *к* и *t* (по аналогіи съ
—чутити, рюкъ—рютити, трукъ—трутити, шакъ сѧ—шатати
кукъ—кутити и т. д.), то должно въ разборѣ идти ступенью вы-
ъ элементамъ недѣлимымъ. Первый изъ нихъ находимъ въ
či (legere, colligere), второй есть извѣстное окончаніе причa-
t, на пр. пить, мыть и т. д. Отъ этого многозначительнаго
корня *či* (colligere, congregare, numerare, solvere, aestimare)
исходятъ: глаголъ *čdpajâmi*, сущ. *čaja*, *čit*, *čitja* (cumulus),
ныя *wičі* (numerare), *apačita* (expensus, solusas), *apačiti* (honor),
(mentem colligere, cogitare), удлиненный корень *čit* (cogitare),
да *čintâ* (cogitatio) и т. п. Ему соотвѣтствуетъ греч. τίω, τίνω
ere, poenam luere, punire), откуда τιμή (poena, honor); Лат.
mare (aes-*tim*-are) и наше слв. *чьтъ*, *чту* (lego, numero, ho-
), *число*, *чисмо* (numerus), *почьтъ*, *почетъ* (numerus), *цѣна*
ium, срв. литв. *cena* summa, numerus, лат. honor, dignitas),
ь, *честь* (honor), *чета* (agmen), *четати*, *съчетати* (conjun-
) и т. д. (Другаго корня суть слк. *licit* numerare, и срб. *broj*—
erus, *brojiti* numerare, которому соотвѣтствуетъ чеш. *brojiti*
ultuari).

такъ въ нашемъ *чьтъ*, *чьсти*, *чьтъ*, *почьтъ* и т. д. основное
тіе—*соединеніе* (synthesis); слѣд. тоже самое должно заклю-
ся и въ скр. *čintâjâmi* (cogito) и *činta* (cogitatio), словахъ,
ь мы видѣли, происходящихъ отъ корня *či*.

зъ всего этого мы видимъ, что числит. *четыре* основывается,
вое изъ всѣхъ до сихъ поръ разсмотрѣнныхъ, на словѣ, выра-
ющемъ понятіе *четъ* (par), образовавшемся изъ глагольнаго
я *či* (colligere). Предъидущія *три* основывались на указа-
ныхъ частицахъ *п*, *т*, *в*, *р*, какъ непосредственныхъ звуко-
ъ истолкователяхъ воззрѣній духа, наглядно представившаго
ѣ формы пространства.

› происхожденіи разности въ произношеніи этого числи-
ьнаго въ различныхъ индоевропейскихъ языкахъ, напр.
ч. τέτταρες, гот. *fidvôr* и т. д., я не буду распространяться:
тный филологъ можетъ самъ себѣ объяснить, не требуя
ей помощи, а только что начинающаго мы отсылаемъ

къ другимъ сочиненіямъ, особенно къ сравнительной грамматикѣ Фр. Боппа.

Иные производятъ *четыре*, скр. *čatur*, отъ скр. *ča* (греч. *kai*, лат. que) вм. *ка*, собственно относительнаго (первоначально указательнаго) мѣстоименія, употребляющагося въ смыслѣ *одинъ* въ скр. *éka*, греч. ἑκάτερος, и *три*, такъ что *ča-tur*, *че-тыри*=1+3. Однакожъ это объясненіе не естественно.

Въ евр. *'arbâgâh* безъ сомнѣнія отъ *rab* (multus, magnus), откуда и *rabab* (multitudo) и *rbabâh* (μύριοι, 10000), выражается идея размноженія, увеличенія. Венгер. *négy* (quatuor) отъ одного корня съ *nagy* (multus). Въ обоихъ этихъ языкахъ основаніемъ числительнаго *четыре* служитъ слово, выражающее понятіе, а не указательная частица или мѣстоименіе.

5. *Пять.*

Слв. пѧть, чеш. pět. литв. penki; лат. pĕci. скр. pančan, зенд. pančan. греч. πέντε, дрв. πέμπε, лат. quinque. гот. fimf.

Наблюденіе, что рука, т. е. счетъ пальцевъ на ней, служитъ основаніемъ системы счисленія въ весьма многихъ языкахъ, въ которыхъ образованіе числительнаго имени яснѣе, чѣмъ въ нашихъ индоевропейскихъ, привело естественно этимологовъ къ мысли о родствѣ между скр. *pancan* (5) и *pâni* (рука). Мнѣніе это, прекрасное само по себѣ и идущее къ дѣлу, получаетъ опору изъ нашего богатаго и организованнаго языка въ ожиданіи блестящаго подтвержденія.

Наше *пѧть*, первоначально *панти*, потомъ измѣненное и сокращенное въ *пѧть*, по формѣ сущ. собирательное жен. р., подобно прочимъ числительнымъ до *десяти*, съ перваго взгляда обнаруживаетъ родство со словами *пядь* (spithama, Spanne) и *пясть* (pugnus, Faust), которыхъ корень и вѣтви находимъ въ глаголѣ *пьнѫ*, въ скр. *sphâ*, *spha*, откуда *sphâjâmi* (extendere, ducere), также въ кор. *sphar* съ приставкою *r*, откуда *pharparika* (spithama), въ перс. *penc* (pugnus), въ греч. σπάω, откуда σπιθαμή, въ лат. *pando*, откуда *spatium*, въ гот. *Spannan*, въ нѣм. *Spannen*, откуда *Spanne*, и въ иныхъ подобныхъ словахъ. Въ словѣ *пясть* (pugnus) *с* есть такая же вставка, какъ и въ словѣ *пѣстунъ* (paedagogus) отъ *питати* (alere), *мѣсто* (locus) отъ *мѣтати* (jacere, ponere срв. Лот. *miti*, habito), *нѣстѣл* (praefurmium, focus) отъ *нѣтити* (accendere), *вѣсть*, *повѣсть* (nuncium, fama) отъ *вѣтити* (loqui), *луспъ* (squama) отъ *лупати* (decorticare), н. луж. *corstalo* вм. *чрьтало* (culter aratri) отъ *чрьтати* (incidere) и т. д.

Поэтому основаніемъ числительнаго *пѧть* служитъ понятіе пальцевъ руки, вмѣстѣ взятыхъ и сжатыхъ въ кулакъ (*пясть*,

перс. *penč*, pugnus. manus compressa), чему новое окончательное доказательство увидимъ ниже, при числѣ *шесть*.

Подобно въ евр. *chamš* или *chamêš* (5), первоначально тоже что пасть, отъ слова *kaf* (manus), а это послѣднее отъ *qudmex* (capere nehmen).

Примѣры изъ другихъ языковъ, въ которыхъ оба понятія, *рука* и *пять*, обозначаются однимъ и тѣмъ же словомъ, мы привели уже выше; напр. бразил. *pó*, мал. *lima*, мекс. *ma*, тур. *el* и т. д.

О достойномъ вниманія греч. выраженіи πεμπάζειν, т. е. (на пальцахъ) *считать* отъ дрв. греч. πέμπε вм. πέντε, было уже выше сказано.

6. *Шесть*.

Слв. шесть, чеш. šest. литв. лтш. šešі. скр. šaš, зенд. ksvas. греч. ἕξ. лат. sex. гот. saihs. евр. šeš.

Слово, которымъ означается понятіе *шесть* въ языкахъ индоевропейскихъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ весьма отдалилось отъ первоначальной своей формы и измѣнилось.

Можно съ достовѣрностію предполагать, что первоначальною формою была *sakš*, съ которой лат. *sex*, въ произношеніи *seks*, греч. ἕξ, въ произношеніи *heks*, древнезендское *haksu*, въ мн. ч. *haksvas*, сокращ. *ksvas*, гот. *saihs* гораздо ближе стоитъ, чѣмъ наше *шесть*, скр. *šaš*, лит. *šešі* и само евр. *šeš*, уже очень измѣненныя смягченіемъ гортаннаго *k* въ шипящую *ш* (о переходѣ *k* въ *š* и наоборотъ *s*, *š* въ *k*. см. čas XXI roč sw. I, str. 37 sld).

Открытіемъ первоначальной формы *šakš*, за что мы обязаны благодарить остроумнаго Бенфея (Benfey), объясняется близкое родство этого слова съ нашимъ старославянскимъ, во всѣхъ трехъ южныхъ нарѣчіяхъ—сербскомъ, хорватскомъ и хорутанскомъ, употребляющимся до настоящаго времени словомъ *šaka* т. е. горстъ (vola, hohle Hand; manipulus, Handvoll), которое само безъ сомнѣнія происходитъ отъ одного корня съ скр. *šač*, desider. *šakš* (jungere).

Итакъ, теперь ясно отношеніе числительнаго *шесть* къ непосредственно предшествующему *пять:* оно ступенью или единицею выше нежели пять, какъ *šaka* (горсть) т. е. рука или длань съ распростертыми и нѣсколько загнутыми пальцами, приспособленная взять или обхватить что нибудь, больше *пясти* т. е. руки сжатой.

7. *Семь*.

Слв. седмь, чеш. sedm.—литв. septyni, лтш. septini. скр. saptan, зенд. haptan. греч. ἑπτα. лат. septem. гот. sibun. евр. šeba.

Первоначальное значеніе этого числительнаго давно уже потеряно во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ: сравненіе съ семитическими языками, особенно евр. *šeba*, ведетъ къ евр. *šâba* (jurare), откуда и *šabat* (dies sacramenti, sacrificii, sabbatum). Поэтому *šaba* первоначально, какъ кажется, значило только присяга, святость, посвященіе (sacramentum, sacratio), но потомъ оно было перенесено, что весьма обычно и естественно, къ означенію числа, которое чаще всего употреблялось при св. обрядахъ т. е. *семи*, напр. семь жертвенныхъ животныхъ, семь свѣтильниковъ и т. д. Извѣстно, что число *семь* отъ начала исторіи рода человѣческаго считалось св. числомъ. Кому бы эта метафора показалась смѣлою и невѣроятною, тотъ пусть обратитъ вниманіе на первоначальное и буквальное значеніе словъ чеш. *týden*, рус. и сръ. *недѣля* (hebdomas, septimana, слв. седмина, илл. sedmica) и т. д. и на нынѣшнее ихъ значеніе.

Иные изслѣдователи считаютъ корнемъ словъ *sapta*, *septem*, ἑπτα скр. *sap* (nectere), которое по ихъ объясненію сложено изъ скр. *sa* или *saha* и *ap*, и утверждаютъ, что лат. *cop* въ *copula* родственно ему, чего мы не допускаемъ (греч. ἅπτω однокор. съ скр. *sač*).

Въ нашемъ *седмь*, какъ каждый видитъ, коренное *n* выпало и острое *m* перешло въ тупое *d*. Въ гот. *sibun*, нѣм. *sieben* выпало *m*.

Окончаніе *м* въ нашемъ *седмь*, *осмь* и въ лат. *septem*, *novem*, *decem* кажется появилось вмѣсто первоначальнаго *n*.

Иные думаютъ, по моему мнѣнію, безъ достаточнаго основанія, что въ *saptamas* (Septimus) *ma* есть суффиксъ порядковыхъ числительныхъ. Едвали это такъ.

8. *Осмь.*

Слв. осмь, чеш. osm. литв. aštûni, aktoinis (octava pars); лот. astoni. скр. aštau, ašṭan; зенд. astan. греч. ὀκτώ. лат. octo. гот. ahtâu.

Въ нѣкоторыхъ индоевропейскихъ языкахъ, а именно: въ скр. *ašṭan*, греч. ὀκτώ, лат. *octo* и гот. *ahtâu*, числительное *осмь* очевидно имѣетъ окончаніе двойственнаго числа. Это замѣчается и въ языкахъ семитическихъ, яснѣе всего въ арабскомъ, также въ эѳіопскомъ, самомъ отдаленномъ изъ нихъ.

Такъ какъ *четыре* удвоенное составляетъ *осмь*, то необходимо предположить, что въ словѣ *осмь* скрывается корень слова *четыре*. Мысль эту по справедливости могъ бы считать простою грёзою каждый, кто только бы сравнилъ слв. *четыре* съ слв. *осмь*: но если поставить литв. *ket-uri* и лат. *quat-uor* рядомъ съ литв. *a-kt-*

ainis, греч. ὀ-κτ-ώ и лат. *o-ct-o*, тогда возможность соединенія ихъ сдѣлается вѣроятною и понятною. Ядро обоихъ словъ, *ket* и *kt*, чего нельзя отвергнуть, одно и тоже: все различіе состоитъ въ измѣненіи звуковъ и въ приставкахъ. Переходъ гортаннаго *к* въ шипящіе *ч*, *ш* и въ свистящій *с* совершенно правиленъ и намъ уже извѣстенъ (См. čas. XXI ročn. sw I, str. 37 sld). Сильное измѣненіе и окончательное затемнѣніе корня неминуемо ускорено приставкою *а*, которой значеніе до сихъ поръ еще загодочно. Если же въ скр. *aštau* и т. д. окончаніе *и* или *v*, сравнительно съ латин. *octavus*, принадлежитъ къ корню (*čatva*, *četva*), то признакъ двойственнаго числа *та* слился съ окончаніемъ корня (который и самъ первоначально означалъ двойственность, срв. *четыри*), что вознаграждено символическимъ означеніемъ двойственности спереди слова т. е. приставкою *а*, вѣроятно тою же самою, которая символизуетъ въ аор. минулость т. е. исполненіе и какъ бы удвоеніе времени, и во множествѣ греческихъ словъ, напр. ἀδελφοί (fratres) отъ δελφός (uterus), ἄλοχος (conjux) отъ λόχος (lectus), ἄκοίτης (maritus) отъ κοίτη (cubile) и т. д. соединеніе, совокупленіе, а тѣмъ самымъ какъ бы удвоеніе.

Насъ не должно приводить въ заблужденіе то обстоятельство, что окончаніе корня *р* въ *четыри*, скр. *čatwâs*, *čatas*, здѣсь отброшено; оно отпало и въ скр. *čatus* вм. *caturs* (наоборотъ въ лат. *quater* вм. *quaters*), будучи вообще приставкою исчезающею, непостоянною.

Попытки нѣкоторыхъ ученыхъ объяснить это числительное производствомъ или отъ вымышленнаго корня скр. *aś* (dividere), по сравненію съ *aṅśa* (pars), или отъ нѣм. *Ecke*, потому что чаще всего встрѣчаются четырехсторонніе или четверичныя призмы съ осмью углами (Ecke) и т. д. мы проходимъ молчаніемъ, какъ простое хватаніе съ вѣтру, безъ всякаго прочнаго основанія.

9. *Девять*.

Слв. девать, чеш. dewêt. литв. dewyni, лот. dewini; по старопрус. nevints. скр. и зенд. navân; греч. ἐννέα. лат. novem. гот. niun.

Что въ нашемъ слв. *девать*, а подобно ему, и въ литв. *dewyni* первоначальное поднебное *н*, находящееся во всѣхъ прочихъ индоевропейскихъ языкахъ, вытѣснено изъ своего мѣста позднѣйшимъ зубнымъ *д*, доказывается старопрусскимъ (нарѣчіе литовскаго языка теперь уже вымершее) *nevints*, сохранившемся по счастливому случаю. Этотъ переходъ *н* въ *д* находимъ въ срб. двойныхъ *kon*, *nakon* и *kod* (penes), *ustane* и *ustade* (surrexit),

nestane и *nestade* (defecit), равно употребляемыхъ въ той или другой формѣ.

Числит. *невѧть*, скр. *nava*, лат. *novem* и т. д. родственны съ прилаг. слв. *новъ*, литв. *naujas*, скр. *nava*, греч. νέος, лат. *novus*, гот. *nivis*, нѣм. *neu* и т. д., которое въ свою очередь вмѣстѣ съ превеликимъ множествомъ другихъ однокоренныхъ словъ, каковы *нынѣ*, νῦν, *nunc*, *nun*, скр. *nu*, происходятъ отъ первичной, недѣлимой частицы указательной *na* (на). Иные при словахъ *новъ*, *novus*, указываютъ на евр. *naah*, *navah* (splendere, lucere), считая общимъ ихъ корнемъ *nu* (splendeo, luceo).

Причиною къ наименованію служитъ исполненіе или завершеніе второй четверки, осми, т. е. 4+4, и начало новаго порядка. *Невѧть* или *девѧть* означаетъ тогда число, непосредственно (noviter) слѣдующее за осмью. Подобно ему лат. *secundus* (отъ sequor), число слѣдующее за первымъ.

Иные принимаютъ *novus* въ смыслѣ *ultimus*, *postremus*, употребленіе часто встрѣчающееся въ латинскомъ языкѣ; но это мнѣніе мы считаемъ менѣе пригоднымъ. Впрочемъ мы соглашаемся съ тѣми изслѣдователями, которые думаютъ, что въ нашей десятиричной системѣ скрывается въ низшихъ числахъ четверичная, нисколько не измѣненная въ своихъ началахъ, вложенная въ самомъ зародышѣ своемъ въ ту, которая многимъ ея совершеннѣе и удобнѣе, и какъ бы заключенная въ ней. Что касается до измѣненія гласной *о* въ *е* въ нашемъ *девѧть* вм. *невѧть* изъ *новъ*, нужно вспомнить *вторый*, *wtorek*, *который* и *wterý*, *auterý*, *který*, *broskew* и *břeskew*, *hrom* и *hřeměti*, *stonati* и *stenati*, *pelyń polyń u palyń*, и *lebeda* и *loboda* и мн. др. Въ языкѣ еврейскомъ *tišgâh* (9) означаетъ расширеніе, распространеніе, что довольно аналогично съ нашимъ понятіемъ.

Совершенно иначе, нежели въ индоевроп. языкахъ образованы числит. *осмь* и *девять* въ языкѣ финскомъ, а именно вычитаніемъ *двухъ* и *одного* изъ *десяти;* напр. эстон. осмь, по различіи нарѣчій, *kahheksa* и *kattesa* отъ *kaks*, *kátt* два, и *ksa*, *sa* десять, девять; эстон. *ühheksa* и *üttesa*, отъ *üks*, *üss* одинъ, и того же самаго *ksa*, *sa*, такъ сказать duo-de-decem, unum-de-decem (какъ undeviginti).

10. *Десять.*

Слв. десѧть, чеш. deset.—литв. déšimt, лот. desmits.—скр. зенд. dasan.—греч. δέκα.—лат. decem.—гот. taihun.

Въ высшихъ числахъ а) слв. единонадесѧть, чеш. jedenáct.—Литв. wienolika, лот. wén-padesmit.—скр. êkadasa; зенд. aêvan-

dasô. греч. ἕνδεκα.—лат. undecim.—гот. áinlif.—в) слв. двадесать, чеш. dwacet.—литв. dwidešimit; лот. diwidesimit.—скр. vinsati; зенд. visaiti.—греч. εἴκοσι, дрв. ἔνυατι.—лат. viginti.—гот. twáitigus.

Если мы примемъ догадку за истину, что корень этого числительнаго въ первоначальной формѣ былъ *дак* или *дек*, такъ что *das* или *des* есть правильное его измѣненіе, происшедшее отъ перехода гортаннаго *k* въ свистящее *s*, и если обратимъ вниманіе на выраженіе рукою, какъ основаніе всѣхъ извѣстныхъ системъ счисленія, то найдемъ въ языкахъ индо-еврейскихъ немало число словъ явнаго родства съ нашимъ корнемъ. На первой ступени находятся: Скр. *dakšas*, *dakšina*, перс. *dest* (*manus*), греч. δεξιός, δεξίτερος; лат. *dexter*, гот. *taihsvô*, слв. *десн*, *десница* (чеш. *prawy*, *prawice*); на второй и на дальнѣйшихъ ступеняхъ скр. *dis* (monstrare), греч. δάκτυλος, δείκνυμι, δέχομαι, δεκομαι, лат. digitus, dicare въ indicare, гот. teihan (nunciare, dicere, *zeigen*); слв. *удесити* или *удосити* (occurere, antreffen), *десть* (liber chartae, срв. франц. une *main* de papier) рус. *досугъ* (otium, Musse) и т. д. Глаголъ *удесити*, *удосити* читается не рѣдко въ древнихъ русскихъ лѣтописяхъ и въ самыхъ извлеченіяхъ изъ нихъ у Карамзина (5).

Родство этихъ словъ съ числит. *десать*, касательно языковъ скр., греч. лат. и готскаго давно признано всѣми дѣльными филологами, что же касается нашего славянскаго языка, то оно для теоретика здравомыслящаго, непредубѣжденнаго основательно, чтобъ не сказать истинно само по себѣ.—Но касательно генетическаго происхожденія корня *дак* или *дек* и равнаго ему *das* или *des*, дѣло не можетъ быть до сихъ поръ положительно рѣшено.

Два противуположные пути избирали изслѣдователи къ рѣшенію этой задачи. Одни утверждаютъ, что *dek* или *des* есть простой, несложный корень, тожественный съ скр. *dis* (monstrare), и что первоначально онъ означалъ руку и именно правую; отсюда *десать* тоже, что указаніе т. е. движеніе правою рукою при десятичномъ счетѣ. На высшихъ мѣстахъ, въ скр. *vinsati* (20), *šaṣṭi's* (60), лат. *viginti* и т. д. корень этотъ сокращенъ и затемненъ отпаденіемъ *de*, *des*. Въ этомъ случаѣ слово *десити*, *удесити* точно также относится къ слову *десница*, *десный*, какъ лат. *monstro*, causat. *moneo*, греч. μηνύω къ лат. *manus*. (Наше слв. *рука*, чеш. *ruka*, литв. *rankà* объясняется изъ литв. *rinkti* (colligere).

Другіе полагаютъ что слово *десать* сложное, что по этой причинѣ повода къ наименованію должно искать въ составныхъ его частяхъ, и что слова *десный*, *десница* и т. д. образовались уже позже, перенесеніемъ корня *дес* къ означенію руки. Чтобъ мы

могли этотъ способъ объясненія вполнѣ понять и правильно оцѣнить, должно идти выше и разсмотрѣть цѣлый рядъ высшихъ единицъ, опирающихся на словѣ *десять*, какъ основаніи десятиричной системы. Такія слова суть: *двадесать* (20), *сто* (100), *тысѫща* и *тысѧща* (1000); литв. *dwidesimti* (20) *šimtas* (100), *tukstantis* (1000); скр. *vinsati* (20), *šatam* (100). зенд. *visaiti* (20) *s'ata*, *s'atem* (100); греч. ϝίκοσι вм. дрв. ϝίκατι (20), τριάκοντα (30) ἑκατόν (100); гот. *tváitigus* (20), *saihstêhund* (60), *taihuntêhund* (100), *thûsundi* (1000) и т. д. Если мы исключимъ слв. и литв. формы *двадесать*, *dwidešimti*, также готскія двойныя *tvaitigus* и *saihstêhund*, увидимъ, что во всѣхъ прочихъ числит. *десять* является въ новоій формѣ, а именно скр. *s'ati*, зенд. *s'aiti*, греч. κοντα, лат. *ginti*, *ginta*, и догадка, что *десать* могло быть сложено изъ *два* и *сать*, представляется сама собою. Тутъ намъ прійдетъ на встрѣчу гот. *saihs-têhund* (60), *sibun-têhund* (70), *ahtân-têhund* (80), *niun-têhund* (90), *taihun-têhund* (100), въ которыхъ во всѣхъ *têhund* тоже что *taihun* или первоначальное *taî-hund*, а это очевидно сложено изъ *tvái* (duo) и *hand* (manus). 6) Послѣднее слово происходитъ отъ корня *hinthan* (capere), отъ котораго образовано и *hunds* (canis, quia feras captat), и съ которымъ родственно лат. *prehendo*, правильнѣе *praehendo*, греч. γέντο у Гомера (ἕλετο, *cepit*), χανδάνειν, слв. *сѧгати*, чеш. *sahati* (contingere) *сажень*, чеш. *sáh*, мор. слк. *sáha* (orgya, hexapeda).

По этому наше *десать* было бы сложно изъ *два* и *сати* и значило бы тоже что *dva sahy* т. е. два обхвата, двѣ горсти (zwei Griffe), подобно гот. *tái-sund=zwei Hände* (zwee Hend, zehend, zehen).—Другая готская форма *tigus*, замѣчу мимоходомъ, вѣроятно перепначена и сокращена изъ *tvái* и *gund*, вм. *hund*, такъ что *gus* равняется греч. κοσι въ ϝίκοσι (вмѣсто первоначальнаго δϝει-δέκοσι, какъ скр. *vinsati* вм. *dvin-da sati*, лат. *viginti* вм. *dvi-de-ginti*). Срв. н. нѣм. *Stiga*=20 и нѣм. *Stiege*.

Что въ высшихъ числахъ, происшедшихъ чрезъ соединеніе основнаго десятка, сокращеніе весьма употребительно, подтверждается всѣми до сихъ поръ разсмотрѣнными языками, чеш. *dvacet*, произошло изъ *dvadset*, а это изъ *dvadeset* *jedenáct* изъ *jedenadeset*, въ сапскритѣ въ формахъ *šaš-tis* (60), *šapta-tis* (70), *aš-tis* (80) и *nava-tis* (90) сверхъ того еще и самъ корень *sati* раздробленъ, такъ что осталось изъ него одно *ti*, подобно тому, какъ во франц. въ *on-ze*, *douze*, *trei-ze* и т. д. сохранилось только *ze* изъ *decem*. Согласно съ этимъ объясненіемъ, представленнымъ Лепсіемъ и достаточно согласнымъ съ духомъ славянскаго языка и организмомъ нашего числительнаго, должно принимать слова, каковы *десный*, *десница*, *удесити* или *удосити*, *десть*, *досуѣ* и

г. л. скр. *dis* (monstrare), *daksas*, греч. δεξιός, δάκτυλος лат. *dexter*, *digitus*, гот. *taihsvô* и т. д. уже за вторичный плодъ изъ той позднѣйшей эпохи всеобщаго, еще нераздѣлившагося индоевропейскаго языка, въ которую составъ слова *десять* совершенно затемнился и корень *des*, *dis* сталъ считаться простымъ, несложнымъ. Примѣровъ такого выростанія новыхъ корней изъ сложныхъ словъ темнаго образованія индоевропейскіе языки представляютъ много, но мы не хотимъ на нихъ останавливаться. Въ этомъ случаѣ языкъ уподобляется извѣстному растенію, индійской смоковницѣ, которая погружаетъ въ землю около себя свои вѣтви, и они въ свою очередь даютъ корни, изъ которыхъ выростаютъ новые стволы, совершенно похожіе на первые и отличающіеся отъ нихъ только позднѣйшимъ образованіемъ и отдѣленіемъ.

Этому объясненію нѣсколько противорѣчитъ то, что *десница* (предметъ конкретный) заимствуетъ свое имя отъ числа *десять* (понятія абстрактнаго), но сотни подобныхъ примѣровъ находятся въ языкахъ наиболѣе извѣстныхъ (между прочимъ срв. древ. чеш. *dwaky*, два пальца, которые кладутъ во время присяги на св. предметъ, сокращ. изъ *dwajáky*, или по обыкновенному переходу *j* въ *h dwaháky*), и еще недавно многіе филологи (Боппъ и Поттъ и др.) не считали невозможнымъ, чтобъ скр. *pani* (manus) получило свое имя отъ числа *pančan*, лат. *dextra* отъ *decem* и т. д. а не на оборотъ.

Форма числительныхъ *пять*, *девять*, *десять*, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, есть причастная, таже самая, которую мы находимъ и въ нашихъ существительныхъ именахъ на *а*: *дѣвча*, *отроча*, *внуча*, род. *дѣвчате*, *опрочате*, *внучате* и т. д. Въ числит. *шесть* приставка *т* явилась позже вслѣдствіе простаго подраженія числамъ *пять*, *девять* и *десять*. Въ санскритѣ и другихъ родственныхъ языкахъ болѣе полныя формы нежели слв. *девять*, *десять*, а именно *navanti*, *dasanti*, не составляютъ позднѣйшее явленіе: напротивъ аналогія велитъ принять ихъ за основныя. Изъ высшихъ десятичныхъ чиселъ здѣсь будутъ особенно разсмотрѣны только *сто* и *тысяча*: прочіе сами собой въ этимологическомъ отношеніи ясны и вразумительны.

а) Слв. *сто*, чеш. *sto*. литв. *simtas*, лот. *simts*. скр. *satam*. зенд. *satem*, *sata*. греч. ἑκατόν. лат. *centum*. гот. taihuntêhund. осетинское *sadda*.

Въ готскомъ *taihuntehund*, что значитъ двѣ руки умноженныя на двѣ руки (т. е. *tai* и *tê* = двѣ, *hund* вм. *hand* = рука), вполнѣ выраженъ поводъ къ наименованію. Но въ дальнѣйшемъ счетѣ въ готскомъ языкѣ употребляется простое *hunda* въ смыслѣ *сто*;

напр. *tva hunda* (200) Въ прочихъ индоевропейскихъ языкахъ *съто*, *simtas*, *satam*, *satem*, ἑκατόν и *centum* отличается, отъ основнаго *сѧть*: *simti*, *sati* или *santi*, κατι и *cem* или *genti* вм. *centi* только слабымъ видоизмѣненіемъ корня, окончаніемъ и началомъ, чѣмъ оно какъ бы приспособлено къ выраженію высшаго десятка; въ слв. *съто* носовой звукъ ѧ перешелъ въ ъ, въ чеш. *sto* совсѣмъ исчезъ (подобный переходъ *сѫ* въ *съ*, глѫбокъ въ глъбокъ и т. п.); окончаніе *о* равняется скр. *am*, греч. ον, лат. *um* сред. рода; напр. ζυγόν *jugum иго*, *vinum вино*, *granum зерно* и т. д.

Что касается до этимологическаго разбора этого слова, то здѣсь имѣетъ силу все, замѣченное нами о славѣ *десять*.

Кто въ словѣ *десѧть* признаетъ *дес* за простой и первоначальный корень, тотъ принимаетъ въ славѣ *съто* отпаденіе кореннаго *де*. Кто напротивъ того слово *десѧть* считаетъ сложнымъ изъ *два-сѧти* т. е. двѣ горсти, тотъ принимаетъ исчезновеніе первой половины т. е. *два*.

в) Слв. *тысѧща*, *тысѫща*, срб. *tisutja*, чеш. *tisic*. литв. *tukstantis*; лот. *tukstóts*. гот. *thûsundi*. (Въ прочихъ иначе: скр. *sahasram*, зенд. *hazanhra*, греч. χίλιοι, лат. *mille*).

Поводъ къ наименованію затемненъ сокращеніемъ и слитіемъ составныхъ частей слова: должно раздѣлить *тысѫща* на *ты-сѧща*, *túkstantis* на *túk-stantis*, *thûsundi* на *thû-sundi*, и первую часть разсматривать, какъ сокращенную форму изъ *десѧть*, *dešimt* (первонач. *dekimt*), *taihun*, а вторую какъ измѣненіе *santi сѧти*, *hundi* въ смыслѣ *сто*. Большая опредѣлительность и самостоятельность слова достигается и здѣсь только легкимъ видоизмѣненіемъ и какъ бы обновленіемъ корня: у насъ ѫ вм. ѧ, хотя есть и тысѧща, у литв. *ú* и *k* вм. *s*; или только особеннымъ, удлиненнымъ мягкимъ окончаніемъ: срб. *ty-sutja*, блг. *тысѫща*, преобразованная и измѣненная форма вм. тысѫтжа, тысѫтꙗ (См. Časop. ročn. XXI, sw. I. Str. 62).

Иные производятъ это слово отъ лот. *tûkt*, *tûkst* (tumere слв. тьнѫ, тыти), чего мы не можемъ допустить.

Въ прочихъ индоевропейскихъ языкахъ число *тысяча* означается иными словами, которыя не родственны съ нашимъ: греч. χίλιοι, лат. *mile* или *mille*, скр. *sahasram*, зенд. *hazanhra* и т. д.; но здѣсь мы не можемъ заняться разъисканіемъ о поводѣ къ ихъ наименованію и первоначальномъ значеніи.

Припомнимъ только, что лат. *mile*, *mille* обыкновенно сближаютъ съ *multus*. баск. *mola* (multitudo) и греч. μυριοι, и что скр. и зенд. *sahasram* и *hazanhra* распространены и въ языкахъ турецкихъ, монгольскихъ и финскихъ (Срв. венгер. *ezer*).

II. Собирательныя и другія.

До сихъ поръ мы перечли и разобрали, на сколько намъ было можно, основныя числительныя нашего славянскаго языка, на которыхъ зиждется вся система счисленія у нашего племени; теперь намъ должно обратить вниманіе на нѣкоторыя другія, какъ бы отдаляющіяся отъ первыхъ и употребляемыя рѣже и въ болѣе ограниченномъ смыслѣ.

Разобравъ первыя довольно пространно, бросимъ только бѣглый взглядъ на послѣднія. Сначала разсмотримъ тѣ, которыя близки по своему понятію къ основнымъ и которыхъ большій отдѣлъ обыкновенно называютъ *собирательными*, а именно: *самъ, полъ, оба, десть, сорокъ, мѣра, копа, тьма, ликъ* или *лика;* потомъ *порядковыя*, каковы: *первый, второй, другой*; наконецъ сложныя и раздѣлительныя, какъ въ формѣ прилагательныхъ, такъ и въ формѣ нарѣчій, а именно: *duch, násoben, губъ, пѧтъ, пѧдъ, sbvuk, кратъ, жды, щи* и т. д.

Первое изъ нихъ, *самъ*, есть мѣстоименный корень, только образно перенесенный къ опредѣленному означенію понятія единичности; напр. *sám. jeden, sám jediný, samoten* и т. д. Сюда принадлежитъ скр. *sama* (aequalis, similis), откуда *sâmi* (semis) т. е. ровная часть, Лат. *semel, simplex, semi*, греч. *ἅμα* (simul, cum), *ἡμι*, нѣм. *samt*. чеш. *samec, samice*, слв. *сѫ*, сокращ. *съ*, чеш. *sau*—и *s* (лат. *cum*, греч. *σύν*), главные предлоги для означенія понятія совокупленія, *соединенія* и мн. др.

Глубшимъ вникнутіемъ въ основу индоевропейскихъ языковъ уже давно разложено слово *sama* на двѣ мѣстоименныя частицы, изъ которыхъ каждая служитъ къ означенію единичности: на *sa*, греч. *ἁ*, напр. въ *ἁ—παξ*, и *ma*, напр. въ *μία, μόνος*, о чемъ достаточно будетъ только упомянуть.

Полъ, одна изъ двухъ разныхъ частей, сравнивается съ производными словами *police* (armatia), *полено* (segmentum lignosum, lignum ad focum fissum) и *палица*, рус. *палка* (baculus), рус. *плаха*, чурбанъ изъ толстаго дерева на двое расщипленный, лат. *palus*, нѣм. *Pfahl* и н. др. Означаетъ также сторону, напр. объ онъ *полъ* рѣки, т. е. на той сторонѣ рѣки, — и родъ: мужской *полъ*, женскій *полъ* т. е. мужской родъ, женскій родъ. Слово весьма древнее (уже въ венгер. яз., чудскаго поколѣнія, *fele*=полъ, dimidium.) темнаго, загадочнаго происхожденія: скр. *phal* (dissecari, соб. rumpi) не принадлежитъ ли къ одному корню съ нашимъ *плънъ?* Если родственны слв. *поле*, лат. *planum*,—то поводъ къ наименованію

заключается въ *ровности* (planities) касательно поверхности предмета. —

Оба, ж. обѣ, литв. *abbu*, лот. *abbi*, жен. *abbas;* скр. *kbhau*, зенд. *uba*, *ubé;* греч. ἄμφω; лат. *ambo;* гот. *bái*, *ba*, *bajôths*. Родственность предлогомъ слв рус. чеш. *объ*, напр. *ob* druhau stranu (ex adverso), *ob* rok *ob* den, *ob* noc. (alternis annis, diebus, noctibus); греч. ἀμφὶ; лат. *ambie*; (напр. ambedere, amburere, Ambidravi отъ Dravus, Abisones отъ Sontius) гот. *bi*, древнѣм. *umbi*, нѣм. *um.* вт. *umb.* и т. д. Что *оба*, *ambo* сложено изъ двухъ указательныхъ частицъ, изъ *a* или *am* и *ba* или *bo*, объясняется изъ сравненія съ синтетическими (имѣющими многосложныя слова) языками и подтверждается самостоятельнымъ употребленіемъ словъ *bài*, *ba* (ambo) и *bi* (ambi) въ готскомъ языкѣ. Я полагаю, что и зенд. *bitja* (secundus) лат. *bi-ceps*, *bis*, *binus* гораздо естественнѣе производить непосредственно изъ частицы *bi* нежели изъ *dva*, *duo* (т. е. потерею зубнаго *д* и отверженіемъ губнаго *ю* въ в). На первомъ мѣстѣ форма *am* вѣроятно уже позже получила характеръ носоваго звука, подобно скр *tinsati* лат. *quadringenti* и т. д. и простое *a* вѣроятно есть символическое означеніе двойственности, подобно *a—štau* (octo).

Десть слв. рус. срб. тетрадь бумаги (24 листа), такъ сказано «рука бумаги» (срв. франц. une *main* de papier) отъ корня *десный десница*, о чемъ было сказано выше при словѣ *десять*.

Сорокъ рус. тоже, что четыредесять (чеш. čtyřicet), изъ новогреческаго σαράκοντα, а это послѣднее изъ древ. греч. τεσσαράκοντα. Уже у древнихъ τράπεζα вш. τετράπεζα. Въ болгар. нар. начальныя *to* и *de* именъ греческихъ часто отбрасываются, напр. Меа, нынѣ Mangrad, вм. Tomea, Tomi; Pirus, нынѣ Boár Kalesi вм. Topirus. Welta вм. Develtus или Debeltus и т. д.

Meru у Словаковъ сорокъ въ просторѣчіи, напр. Kúpil meru wajec (купилъ сорокъ яицъ),—есть слв. *мѣра*, чеш. *míra* (mensura, Maas).

Кора у Чеховъ, *Kdpa* у Литовцевъ, *Kaps* у Лотышеіі, шестьдесятъ (нѣм. Schok); впрочемъ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ *кор*, *кора*, *кира* означаетъ тоже, что куча (cumulus), литв. *kaupas*, лот. *kòpa*, лат. *copia*, *cumulus*, нѣм. *Haufen*, швед. *кор* и т. д. Корень тотъ же, что и въ скр. *cápajámi* т. е. *ci* (colligere). И слв. кѫпина (rubas), пол. *kępa*, *kępina*, (frutex; insula in fluvio, Werder) и т. п. непремѣнно принадлежатъ сюдаже не смотря на то, что въ нихъ носовой звукъ ѫ, ę.

Слв. *тьма* (μύριοι, 10.000) тоже что *тьма* мракъ (tenebrae). Рус. *туманъ* (nebula) первоначально было одинаковаго значенія

съ словомъ тьма, и заимствовано въ этой формѣ отъ Татаръ; срв. мандж. *tome* (omnis), *tumen* (10.000), татар. *tuman* (nebula). Мракъ, облако и т. п. употребляются въ весьма многихъ языкахъ, какъ образное представленіе множества; срв. νέφος μαρτύρων (testium nubes) Евр. XII, I, «patriarchuw a prorokuw *oblak* weliky» Bratři. И греч. μύριοι родственно съ μαῦρος (niger), хотя нѣкоторые сравниваютъ его съ лат. *mille* и *multus*, а другіе съ скр. *bhuri* (valde multum).

Ликъ у насъ въ двоякомъ смыслѣ: а) рус. срб. *ликъ*=образъ, видъ (species), удлиненное слв. чеш. пол. хрв. блг. *лице* (facies). b) мрус. пол. сик. *lik*=число (numerus), слв. *ликъ* (chorus), слк. *oblik* (rationes), литовскорусское и словакское *liciti* (computare); у литовцевъ *lika* въ числахъ отъ 11 до 19 тоже, что десять: *wienolika* (11), *dwylika* (12), *trylika* (13) и т. д. Это *lik* или *lika* многоуважаемый творецъ сравнительной грамматики слишкомъ отважно, по моему мнѣнію, основывая на *возможности* перехода согласныхъ *дѣйствительность* его, производитъ вмѣстѣ съ гот. *lif* вм. *libi* отъ скр. *dasan* (decem), отдѣляя его какъ отъ нашего *ликъ*, прил.—*ликій* въ *коликій*, *толикій* и т. д., такъ и отъ гот. *leiks* (similis) въ *galeiks* (aequalis, gleich), *analeiks* (similis *ähnlich*), а это послѣднее *lik* еще отважнѣе, при помощи перемѣны понятій, выдаетъ за простое видоизмѣненіе скр. *drs* (similis) отъ корня *drs*, греч. δέρκω (video [1]). Другіе литв. *lika* въ *wienolika* (11) и т. д производятъ отъ литв. *likti* или *liekmi* (linquo), такъ что *wienolika*=*одинъ съ остаткомъ* (jeden a ostatek) и т. д Гораздо ближе, если мы не ошибаемся, скр. *likh* (sribere, pingere), особенно если мы сравнимъ съ чеш. *liciti* (pingere), и лат. *litera* и т. д. Основное понятіе вездѣ *species*, *figura*. Это слово наравнѣ съ словомъ *дова* есть одно изъ наиболѣе распространенныхъ и самыхъ замѣчательныхъ въ языкѣ славянскомъ, а потому заслуживаетъ болѣе полнаго, болѣе точнаго объясненія нежели то, которое мы можемъ здѣсь сообщить. — Впрочемъ мы различаемъ *lik*, *liku* (species, numerus) отъ окончанія—*ликій* въ *великій*, *толикій*. *коликій*, *veliky* ит. д., греч.—λίκος въ πηλίκος, τηλίκος, считая это послѣднее сложеннымъ изъ *ли* и *къ*, согласно съ мнѣніемъ Добровскаго и вопреки Боппу.

Во всѣхъ языкахъ высшія количественныя и собирательныя числительныя имена происходятъ отъ корней означающихъ *множество;* напр. евр. *elef* (1000) употребляется болѣе въ смыслѣ семейство, первоначально же означало *стадо*, такъ какъ *elef* значитъ также скотъ; *rbabah* (μύριοι, 10000) отъ *rabab* (multitudo), а это послѣднее отъ *rab* (multus, magnus); тоже самое и въ другихъ языкахъ.

Изъ порядковыхъ *прьвъ*, *первый* *prwni*, литв. *pirmas*, лот. *pirms* скр. *purva*, *prathamas*, зенд. *frathimo*, греч. πρῶτος, лат. *primus*, гот. *frum's*, *frumist's*, вмѣстѣ съ прилагат. *правый* и *прямой* имѣютъ своимъ корнемъ предлогъ *пра* (въ *праотецъ*), скр. *pra* отъ котораго *про*, *прѣ* и т. п. отличаются только значеніемъ, а не элементарною формою. Родственно по звуку, но отличнопо понятію, скр. *para*, лат. *par*, т. е. равный, товарищъ, греч. παρ (juxta), собственно ровно, ровномѣрно противуположно ему зенд. *taro* (super), скр. *tiras* (transversim, oblique), лат. *trans*, слв. *кроз* *чрезъ*. Тамъ понятіе равенства, одинаковости,—здѣсь избытка излишества; тамъ четъ (*par*), здѣсь нечетъ (*impar*) т. е. *три*.

Въторъ, *въторый*, *вътеръ* *вътерый*, дрв. чеш. *wtory* и *wtery* (secundus) сокращено изъ *двъ* *терый*, греч. δεύτερος отверженіемъ коренцаго *д*. Подобно въ скр. *vinsati* вм. *dvinsati* (20), греч ἕικα атт. ἕικοσι вм. δϝείκατι, лат. *viginti* вм. *dviginti*.

Другъ, *другый* (secundus) тожественно съ *другъ* (amicus, sodalis) и одного корня съ *драгъ* (carus).

Изъ сложныхъ и раздѣлительныхъ чеш. *duchy* въ *jednoduchy* (simplex) и *násobní* въ *dwojnásobni* (duplex) ясны сами собой; въ старославл. употреблялось *губъ* напр. *сѧгубъ*, *трегубъ* или *тригубъ* (duplex, triplex) литв. *gubas*, напр. *gubaj*, отъ *гъс-бати*, чеш. *hybati* въ *zahybati* (plicare), а это послѣднее изъ корня *gu*, скрытаго въ скр. *guna* (vocalis incrementum, Zulaut), *dviguna* (duplex) и въ пол. *giąć* (flectere); въ иллирскихъ нарѣчіяхъ *put* въ *jedanput*, *dvaputa* (semel, bis) есть Старослав. *пѫть* (via, iter), *red* въ *jedanred* (semel) тоже, что *рѧдъ* (ordo), *struk* въ *dvostruk* (duplex), отъ струкъ (siliqua, caulis). Изслѣдованіе о болѣе глубокихъ корняхъ этихъ словъ мы оставляемъ въ настоящее время.

Слв. *кратъ*, чеш. *krat* въ *jedenkrat* (semel), литв. *kartas*, скр. *krtvas*, напр. *panča-krtvas*, пять-кратъ, происходитъ отъ скр. *krt* (faciens), а это отъ корня *kri* (facere, creare) перс. *kerden*, слв. *кръвати*).

Жды, въ нарѣчіяхъ *дважды*, *трижды* (bis, ter) и т. д. равняется скр. *dhá* въ *dvidhá*, *tridhá* и т. д. потому что *жд* есть болгарское измѣненіе древнѣйшаго *dj*, а наше *j* соотвѣтствуетъ скр. *h*.

Шти, по русскому выговору *щи*, также въ нарѣчіяхъ слв. *дващи*, *трищи* (bis, ter) и т. д. есть болгарская форма древнѣйшаго измѣненія *ти* или *tji*, не знаю, отдѣльнаго первоначально или однокореннаго съ вышеприведеннымъ *dji*.

Заключеніе.

Такъ какъ намѣреніе наше состоитъ не въ томъ, чтобъ представить здѣсь полное и подробное изслѣдованіе о числительныхъ именахъ, но только въ томъ, чтобъ разобрать этимологически образованіе основнаго нашего числительнаго, и этимъ путемъ, на сколько возможно, пробраться къ первому, наиближайшему поводу наименованія чиселъ,—то мы можемъ пропустить всѣ другіе грамматическіе вопросы, которые рождаются въ мысли при разсматриваніи этого предмета, и оглянуться назадъ на совершенный нами путь къ предположенной цѣли и собрать въ одно мѣсто всѣ результаты. Вотъ они въ короткихъ словахъ:

I. Основныя наши числительныя имена родственны въ этимологическомъ отношеніи частію съ указательными частицами, изъ которыхъ образовались личныя мѣстоименія, частію съ корнями, выражающими понятія, изъ которыхъ произошли глаголъ и имена, какъ существительныя, такъ и прилагательныя. Съ указательными частицами родственны первыя три числа, согласно раздѣленію трехъ личныхъ мѣстоименій, съ которыми они совершенно одинаковой матеріи: слв. *i-единъ*, чеш. *jeden*, слв. *инъ* (i-a, ны), *два* (ты), *три* (тъ, ten); съ корнями глагольными и именными родственны прочія семь: *четыре*=двѣ четы, двѣ пары, *пять*=*пасть* (у лѣвой руки), *шесть*=шака т. е. горсть, *семь*=обѣтъ или святость, *осмь*=двѣ четверки, *девять*=новое число, *десять*=десница или правая рука, *сто* есть вторая половина слова *десять*, по отпаденіи первой.—*Тысяча* сокращена изъ десать—сать, десять сотъ. Къ тому же результату ведетъ разборъ всѣхъ прочихъ числительныхъ именъ нашего языка и родственныхъ ему индоеврейскихъ. И между этими послѣдними низшія и также элементарныя три числа родственны съ личными мѣстоименіями. а прочія съ глагольными и именными корнями; напр. греч. μία, μόνος съ *mea*, *meins*, чеш. *mne*, *me*, *mi; sa* съ нашимъ *ся* (сѧ), *си*, *себѣ*, *собѣ*, скр. *tvas* съ *tva* (tu); напротивъ *мѣра*, *копа*, *тьма* и т. п. суть существительныя имена, перенесенныя къ означенію опредѣленнаго числа. Замѣчательно и достойно вниманія сходство и въ томъ, что какъ къ означенію понятія перваго лица употребляется много различныхъ частицъ въ прямыхъ и косвенныхъ падежахъ, такъ и къ означенію понятія единичности употребляются тѣже самыя частицы одна возлѣ другой, но изъ нихъ въ самой числительной системѣ обыкновенно одна получаетъ перевѣсъ надъ всѣми другими.

2) Въ томъ показаніи, что первыя, элементарныя три числа родственны съ тремя личными мѣстоимѣніями, а слѣдовательно

и съ различеніемъ трехъ лицъ и ихъ значеніемъ,—прочія же образовались посредствомъ болѣе или менѣе свободнаго перенесенія словъ отъ предметовъ вещественныхъ къ означенію отвлеченныхъ понятій т. е. опредѣленнаго количества,—въ этомъ показаніи обнаруживаются свойства и качества какъ цѣлаго языка, такъ и самой человѣческой мысли. Съ одной стороны мы стоимъ на томъ краю дѣятельности человѣческаго разума, гдѣ начальныя и основныя его понятія кажутся погребенными въ внутренности природы; по этому намъ предстоитъ все дальше и дальше разбирать элементы и изслѣдовать ихъ значеніе. Съ другой стороны мы находимся въ области свободной и сознательной дѣятельности духа, именно происхожденія своихъ мыслей и ихъ означенія, перенесеніемъ словъ отъ предмета къ предмету, отъ мысли къ мысли, измѣненіемъ и установленіемъ ихъ значенія по произволу.—Уже изъ этого мы можемъ заключать о несостоятельности мнѣнія тѣхъ впрочемъ ученыхъ и достоуважаемыхъ филологовъ, которые *всякое* числительное, *всякое* мѣстоимѣніе, *всякій* предлогъ выдаютъ за *метафору*, утверждая, что они суть сокращенныя имена предметовъ вещественныхъ, а именно:

одинъ происходитъ отъ какого нибудь слова, которое нѣкогда въ какомъ нибудь языкѣ означало *голову*, потому что голова единична, *два* отъ слова которое означало *очи*, *уши*, *руки*, *ноги*, *рога*, и т. п., потому что эти предметы двойственны. Заблужденіе явно. Если бы всѣ числа были простымъ перенесеніемъ словъ отъ означенія предметовъ вещественныхъ и чувственныхъ къ понятіямъ отвлеченнымъ и сверхчувственнымъ, неминуемымъ слѣдствіемъ было бы то, что человѣческое мышленіе и рѣчь могли когдато въ опредѣленныхъ границахъ и могутъ теперь еще производиться безъ опредѣленія количества и различенія лицъ, что противорѣчитъ само себѣ.

Разборъ имени числительнаго, какъ и всего прочаго въ языкѣ, чего нельзя отвергнуть, ведетъ къ дуализму элементовъ и корней. Будемъ знать только, что эта простая антиномія, какъ и всѣ другія, въ которыя впадаетъ духъ человѣческій при своемъ мышленіи, достигаетъ въ чемъ то высшемъ своего соединенія и соглашенія, что эта антиномія, въ которую вдается филологъ при изслѣдованіи основныхъ элементовъ и человѣческихъ понятій, находитъ причину въ чемъ-то высшемъ, но скромному филологу нельзя перескакивать межу, опредѣленную его наукѣ, и обѣщать свѣтъ, который не данъ ему въ удѣлъ.

3) Все, что духъ человѣческій самодѣятельно, хотя подъ вліяніемъ тѣлеснаго своего организма, творитъ и образуетъ, въ области чувственнаго воспріятія воплощеніемъ мысли въ слово,

должно,—чтобъ получить истинное существованіе, истинное бытіе,—принять на себя подобіе и видъ природы, слѣдовательно подчиниться законамъ механизма, въ чемъ заключается вся сила и особенность природы какъ прямой противуположности духа. Изученіе же духа доходитъ въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи до самыхъ глубочайшихъ и недовѣдомыхъ основъ.

Правда, изучая природу, мы тѣмъ самымъ изучаемъ и міръ духовный; но и въ самой душѣ бываетъ смѣна дня и ночи, свѣта и мрака, и она обладаетъ способностію вѣдѣнія, пока свѣтитъ солнце сознающаго разума. Ясное этому доказательство представляютъ и числительныя имена. Искать въ каждомъ случаѣ причинъ, почему духъ человѣческій различеніе трехъ лицъ или трехъ начальныхъ чиселъ назвалъ тѣми, а не другими звуками, составляетъ и для геніальныхъ умовъ задачу неразрѣшимую, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не разрѣшенную: но и на высшихъ, болѣе доступныхъ для нашего вѣденія ступеняхъ числительной системы нашего и вообще каждаго языка,—этого искусно созданнаго міра величинъ и количествъ,—свѣтъ прибываетъ слабо и мало-по-малу, и между предѣлами мрака и свѣта далеко простирается область сумрака. И видимъ тутъ, что слова свободно и сознательно,—и конечно не безъ причины,—перемѣнивъ первоначальное свое значеніе должны были все болѣе и болѣе слагаться и переходить въ простые, самородные знаки понятій, чтобъ достичь права *прирожденности*. Никто не мыслитъ при *пяти* о *пясти*, при *шести о шакъ* или горсти, при *семи объ объять* или святости, при *девяти* о *новомъ* числѣ, при *десяти* о *десницѣ*, хотя было время, когда все это ясно и чисто должно было приходить на мысль говорящему и быть имъ сознаваемо. Такое отчужденіе по истинѣ было необходимо, неизбѣжно, если только счисленіе съ помощію этихъ словъ входило въ организмъ *прирожденнаго* языка. Сокращеніе и измѣненіе числительныхъ именъ по ихъ матеріи или звуку есть простое слѣдствіе этого.

4) Каждый языкъ заключаетъ въ себѣ безчисленное множество смѣлыхъ и разнообразныхъ сокращеній и измѣненій словъ, и можно найти сотни болѣе смѣлыхъ и разнообразныхъ, чѣмъ тѣ, которыя представляютъ намъ имена числительныя. Это сокращеніе и измѣненіе достигаетъ высочайшей степени на высшихъ десятичныхъ, сотенныхъ и тысячныхъ мѣстахъ. Изъ многихъ примѣровъ я приведу здѣсь только нѣкоторые, для простого напоминанія. Чеш. *jedenáct* вм. *jedennadeset*, *dwacet* вм. *dwadeset*, *jedenmecitma* вм. *jedenmezidesitma* (10+1+10=21), служитъ намъ ближайшимъ того доказательствомъ. Уже въ скр. мы находимъ

šašti вм. *šašdasati* (60), *saptati* вм. *sapladasati* (70) и т. д., въ греч. εἴκοσι вм. δϝειδέκατι, τέτρακμον вм. τετράδρακμον, въ лат. *viginti* вм. *trideginti*, *duodennis* вм. *duodecennis*, *dodrans* вм. *dequadrans*, *sembella* вм. *semilibella* въ нѣм. *hundert* вм. гот. *taihuntéhund*, во франц. *onze*, *douze*, *treize* и т. д. сократилось такъ, что изъ первоначальнаго *decem (dix)* образовалось простое *ze*, въ англ. *eleven* вм. *one-leven*, въ итал. *venti* вм. *viginti* и т. д. Нашему *сто* вм. *десять×десять*, *тысяча* вм. *деесть×сто* аналогично лат. *decies aeris* вм. *decies centena millia aeris*. Подобныхъ примѣровъ во всѣхъ языкахъ множество, чѣмъ въ извѣстной степени оправдывается отважность филолога, восходящаго въ мысли своей отъ разсматриванія кусковъ и обломковъ къ угадыванію цѣлаго.

5) Мы сказали въ самомъ вступленіи къ этому труду, что предметъ этимологіи составляетъ разъисканіе причины наименованія предмета, или соотношенія нашихъ понятій съ означающими ихъ звуками,—сказали, что при этомъ непремѣнно должно восходить постепенно отъ причинъ ближайшихъ къ отдаленнѣйшимъ, пока не дойдемъ до самыхъ глубокихъ. Мы старались, на сколько намъ было возможно, добраться только до ближайшихъ причинъ наименованія нашихъ чиселъ; восхожденіе къ болѣе глубокимъ и достиженіе послѣдней мы должны предоставить доброй волѣ, охотѣ и опытности снисходительнаго читателя.

Почтемъ себѣ за счастіе, если намъ удалось пролить изъ богатаго и древняго языка нашего какой нибудь *новый* свѣтъ на этотъ важный и темный предметъ, а чрезъ то доказать предъ лицемъ непредубѣжденныхъ судей право однородства нашего языка съ прочими прославленными индоевропейскими языками.

Мы увѣрены, что и тотъ, кто при помощи его будетъ съ искренностію и постоянствомъ искать дальнѣйшаго и высшаго свѣта, не даромъ будетъ трудиться и не пожалѣетъ своего труда. Заключимъ словами, произнесенными нами двадцатью двумя годами прежде: *языкъ славянскій старъ и богатъ, и изучающій его будетъ щедро вознагражденъ*.

Примѣчанія.

1) См. I. M. *Minner* Ansichten von Entstehung, Wesen und Erscheinungen der menschlichen Sprache, Stuttg. 1839. 8°. Здѣсь происхожденіе *всѣхъ* понятій отъ чувственныхъ образовъ и матеріальность ихъ, равно какъ и происхожденіе разума изъ языка ясно выражены, и между прочимъ вотъ что читается о матеріальности понятій: «Einen recht deutlichen Beweis von der tastbaren materiellen Beschaffenheit unserer Begriffe erhalten wir, wenn wir etwas Vergessenem mit unserem Gedächtnisse nachjagen, und es uns ist, als wenn es einen Körper hätte und wir manchmal im Begriffe sind es zu erhaschen, wenn es uns, wie ein Aal, entschlüpft» S. 30.

2) *S. Stern.* Lehrbuch der allgemeinen Grammatik. Berlin 1840. 8° Сочинитель оканчиваетъ свое изслѣдованіе о числительныхъ именахъ слѣдующими замѣчательными словами: «Und so müssen wir also das Resultat als entschieden betrachten, dass das Zahlwort nicht in die Reihe der Wörter als organisches Sprachgebilde gehöre». S. 76.

3) Достойно вниманія въ этомъ отношеніи греческое выраженіе πεμπάζειν т. е. считать на пальцахъ, отъ дрв. греч. πεμπε вм. πέντε (quinque).

4) По этой причинѣ мы отсылаемъ снисходительнаго читателя къ слѣд. сочиненіямъ: *Fr. Wüllner* Über Ursprung und Urbedeutung der sprachlichen Formen, Münster. 1831. 8° *Его же* Über die Verwandtschaft des Indo-germanischen, Semitischen und Tibetanischen. Münster. 1838. 8°

Fr. Bopp. Vergleichende Grammatik. Berlin. 1833 4° S. 428—467.

R, Lepsius Zwei sprachvergleichende Abhandlungen. Berlin 1836 8°

Th. Benfey Griechisches Wurzellexicon. Berlin 1839 8° 2 d.

W. Mohr Dialektik der Sprache. Heidelberg 1840 8°

M. Schasler de pronomine personali. Berol. 1848 8°

A. T. Pott Etymologische Forschungen. Lemgo 1837 8° ч. 2 стр. 276—277.

Его же Die quinare und vigesimale Zählmethode. Halle 1847 8°

5) Ист. Гос. Рос. IV, 53 *неудоси* (незастигъ); IV, 12 *удоси кто* настигъ его, угодилъ ему) и т. д.

Находится и въ весьма старомъ словарѣ церковнославянскаго языка.

6) Удивительно, что и въ арабскомъ языкѣ слово *handa*, по Лепсію, имѣетъ значеніе ста.

7) *Fr. Bopp* Vergleichende Grammatik. Berl. 1833 S. 447. 597.

О жизни и сочиненіяхъ Д. В. Веневитинова.

Сочиненіе студента Ал. Пятковскаго.

(Статья первая)

Матеріалы для біографіи Веневитинова.

Имя Веневитинова давно извѣстно въ нашей литературѣ. Талантливый, такъ много обѣщавшій поэтъ, умный критикъ,—онъ конечно не могъ, безъ большой несправедливости, пройти въ ней незамѣченнымъ, а похвалы и сожалѣнія о его ранней утратѣ вполнѣ упрочили за нимъ извѣстность, купленную природными дарованіями.

Бѣлинскій говорилъ объ немъ: «Изъ всѣхъ поэтовъ, появившихся въ первое время Пушкина, исключая геніальнаго Грибоѣдова, несравненно выше всѣхъ другихъ и достойнѣе памяти—Полежаевъ и Веневитиновъ». Туманскій, Дельвигъ, Деларю, Кольцовъ, писали ему эпитафіи, избранныя его произведенія вошли въ разнаго рода литературные сборники, а небольшая, поверхностная біографія ввела нашего поэта въ кругъ привилегированныхъ знаменитостей Энц. Словаря (Т. IX).

Казалось бы, со всѣхъ сторонъ оцѣнена эта краткая дѣятельность, которую часто осматривали и высоко поставили... Но на дѣлѣ выходитъ не такъ. Ни одно изъ всѣхъ данныхъ о нашемъ поэтѣ не пошло далѣе того предисловія къ первому изданію его сочиненій, гдѣ говорилось о его ранней смерти, о несомнѣнности его дарованій, о симпатичности его музы. Только одна, серьозная по самому плану, статья И. В. Кирѣевскаго (Денница за 1830 г.), бывшаго друга покойнаго поэта, является исключеніемъ, указывая прямѣй и рѣшительнѣй мѣсто Веневитинова въ литературѣ. Но затрогивая множество лицъ и вопросовъ, статья эта не могла имѣть значенія и отвѣтственности монографіи,—а ее то уже пора представить на судъ общества, которому долго

твердили, что Веневитиновъ послужилъ его эстетическому образованію, и которое однакожъ беретъ это не иначе какъ «на вѣру». Вѣроятно, было бы интересно узнать ему: на чемъ основываются эти права на его особенное вниманіе, какимъ рѣзкимъ, самобытнымъ характеромъ отмѣчена посвященная ему дѣятельность?

А между тѣмъ—и еще такъ недавно-сочиненія Веневитинова изданы вмѣстѣ съ сочиненіями В. Л. Пушкина, какъ бы весьма близкія къ нимъ по достоинству, или характеру, безъ всякихъ комментарієвъ, безъ группировки, или выбора произнесенныхъ о нихъ сужденій. Неумѣстное сосѣдство удаляетъ отъ Веневитинова менѣе просвѣщенную публику, а отсутствіе подробной характеристики ослабляетъ въ болѣе образованной то сочувствіе къ поэту, которое вызывается ближайшимъ съ нимъ знакомствомъ.

Но Веневитиновъ замѣчателенъ не только какъ литераторъ. Его личная натура представляетъ намъ такое богатство разнообразныхъ дарованій, такое замѣчательное сліяніе строгаго мышленія съ самой нѣжной чувствительностью, наконецъ столько счастливыхъ условій для полнѣйшаго развитія, что, быть можетъ и слабый очеркъ ея заинтересуетъ читателя. Г. Плетневъ былъ совершенно правъ, сказавши, что «природа, какъ бы съ удовольствіемъ, образовала Веневитинова, надѣливъ его талантами самыми увлекательными».

Вполнѣ убѣжденные въ томъ, что частная жизнь подобнаго человѣка—въ видѣ совокупности тѣхъ душевныхъ движеній, которыя только вполовину выражены имъ въ словѣ и безъ указаній не всегда понятны и связны—не лишена хотя относительной важности, мы излагаемъ ее—какъ необходимое поясненіе литературной дѣятельности поэта, необходимое вступленіе къ ней.

Дмитрій Владиміровичъ Веневитиновъ родился въ Москвѣ 14-го Сентября 1805 года (*). Общественное положеніе, изобы-

(*) Большая часть фактовъ, приведенныхъ здѣсь, сообщена намъ словесно лицами ближайшими къ покойному поэту. Спѣшимъ замѣтить, что, въ выборѣ этихъ фактовъ, мы руководились одной идеей-очертить по возможности характеръ и ближайшую обстановку его развитія, а не писать перечень событій, гдѣ бы, за обиліемъ ненужныхъ подробностей, исчезала живая мысль. Съ тѣми же видами мы пользовались въ послѣдней части «Матеріаловъ» до сихъ поръ нетронутыхъ сокровищень—письмами Веневитинова къ одной близкой особѣ.

Нельзя при этомъ не предупредить читателя насчетъ неизбѣжныхъ пробѣловъ нашего труда, особливо же въ описаніи первой молодости поэта. Пополнить ихъ—принадлежитъ соединеннымъ усиліямъ всѣхъ лицъ, знавшихъ поэта, и ихъ то мно-

токъ матеріальныхъ средствъ благопріятствовали новорожденному. Онъ принадлежалъ по роду къ одной изъ старинныхъ дворянскихъ фамилій, по всей вѣроятности вышедшей изъ Запорожья (въ родословной Д. В. часто упоминаются «есаулы»); большое помѣстье въ Воронежской губерніи ограждало его отъ всѣхъ золъ и искушеній бѣдности.

Въ младенчествѣ потерялъ онъ своего отца,—и весь трудъ первоначальнаго воспитанія ребенка доставался на долю матери (Анны Николаевны). Къ счастію Веневитинова, она не была похожа на тѣхъ классическихъ «матушекъ», по имени которыхъ называютъ цѣлую толпу балованныхъ и вѣчно недозрѣлыхъ сынковъ; она также избѣгала односторонней методы «учить» дѣтей нравственности съ помощью избитой морали и жесткаго обращенія съ возрастомъ, нимало не примѣняемаго къ его свойствамъ и требованіямъ. Постоянное, но не стѣснительное наблюденіе надъ сыномъ, въ духѣ теплой, непедантической религіи, составляло для нея лучшую заботу, а собственный примѣръ христіанской любви и кротости, вѣрнѣе всѣхъ голословныхъ поученій, дѣлалъ благотворнымъ надзоръ ея. Подъ ея то вліяніемъ освоился поэтъ съ тою «нравственною свободой» про которую такъ часто говорилъ въ своихъ сочиненіяхъ.

Когда ребенку минуло 8 лѣтъ, то мать, уже теряя возможность вести его впередъ одними собственными стараніями, съумѣла найти человѣка, который бы могъ съ такою же любовью и внимательностью направлять его дальнѣйшее образованіе. Это былъ французъ Дорёръ: умный и вполнѣ образованный воспитатель, онъ могъ, какъ нельзя лучше, дѣйствовать на впечатлительнаго мальчика.

Лѣтнія поѣздки въ Кусково или Сокольники пріятно разнообразили учебную жизнь—и тамъ, на волѣ и просторѣ, тѣшился ребенокъ-поэтъ. Всевозможныя игры бывали имъ перепробованы; тамъ же вѣроятно одушевила его впервые и та любовь къ природѣ, которую онъ постоянно сохранялъ въ себѣ. Часто доброму гувернёру приходилось отыскивать въ саду своего питомца, чтобы спросить почти всегда бойко выученный урокъ,—и звонкій голосокъ, а потомъ и книга, слетавшая съ какого нибудь высокаго дерева, давали знать о прихотливо выбранномъ мѣстѣ.

вниманія, уже готовыя утратиться, хотѣлось бы пробудить намъ. Если намъ это удастся, если только о Веневитиновѣ, возбужденные нашей статьею, уяснятъ его, достойную вниманія, личность, то мы будемъ довольны уже тѣмъ, что, первые, подали за него голосъ.

Авт.

Книга эта обыкновенно была латинской грамматикой: съ нея началъ Дореръ, знатокъ римской литературы, классическое образованіе мальчика.

Хотя, въ параллель съ изученіемъ древней литературы, Дорёръ ставилъ изученіе своей родной, ложно классической, но онъ далеко не былъ тѣмъ ограниченнымъ и упрямымъ доктринеромъ, какимъ мы видимъ въ послѣднее время Низара. По крайней мѣрѣ онъ не старался привить своему ученику теоретическаго поклоненія ложному классицизму, и ни въ дѣтствѣ, ни въ позднѣйшихъ лѣтахъ, у Веневитинова не лежало сердце къ франц. поэтамъ. Только Грессѐ и Мильвуà, задушевные болѣе прочихъ, одно время нравились ему. Къ тому же успѣшное занятіе нѣмецкой литературой, (подъ руководствомъ того же гувернера), скоро открыло для его мысли тотъ просторъ, котораго не могли дать однообразныя произведенія французскихъ писателей и указали какихъ взглядовъ на искусство будетъ держаться молодой поэтъ. Впослѣдствіи, при помощи К. И. Герке, одного изъ друзей дома, занятія нѣмецкой словесностью пошли еще успѣшнѣй. Для греческаго языка былъ найденъ, по совѣту Дорёра, особый преподаватель—грекъ Бейля.

Замѣчательныя способности дитяти, его недѣтская вдумчивость и внимательность много помогали его успѣхамъ. Софоклъ и Эсхилъ скоро увлекли его, и укрѣпившись въ познаніяхъ языка, онъ пробовалъ даже переводить изъ послѣдняго («Прометея»). Вѣроятно съ этого же времени онъ полюбилъ и Платона, въ которомъ находилъ «столько же поэзіи, сколько глубокомыслія, столько же пищи для чувства, сколько для мысли». (Опис. о Филос. Соч. Вен. изд. 1855 г. стр. 129).

Вообще онъ скоро свыкся съ древнимъ міромъ, гдѣ «мысли... и чувства соединялись въ одной очаровательной области, заключающей въ себѣ вселенную, въ которомъ философія и всѣ искусства, тѣсно связанныя между собою, изъ общаго источника разливали дары свои на смертныхъ». (Разб. разс. Мерзл. стр. 136). По другимъ предметамъ, нужнымъ для элементарнаго образованія, были своевременно приглашаемы наставники,—и такимъ образомъ мальчикъ избавился отъ училищнаго воспитанія, конечно представляющаго много практическихъ выгодъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, особенно же въ то время, и много препятствій для правильнаго, постепеннаго развитія.

Впрочемъ никто изъ этихъ учителей не вліялъ замѣтно на мальчика, не исключая и преподавателя русской словесности. Русская литература, еще только расцвѣтавшая тогда, не могла предложить много даровитыхъ спеціалистовъ, и нашъ поэтъ

былъ позаботиться объ этой части своего образованія. Изъ русскихъ писателей онъ познакомился прежде всего съ Карамзинымъ. «Исторія Госуд. Россійскаго» и другія сочиненія того же автора были прочтены Веневитиновымъ съ большою жадностью, и, безъ сомнѣнія, съ пользой. Можно думать, что они отчасти развили въ немъ страсть къ познаніямъ и то нѣжное, мечтательное настроеніе духа, которое было прежде возбуждено названными нами французскими писателями.

Объ руку съ литературными занятіями Веневитинова шли другія, столько же освѣжающія и увлекательныя—занятія живописью и музыкой. Его разнообразные таланты и здѣсь выказали себя въ полномъ блескѣ. Позже онъ такъ успѣлъ въ послѣдней, что могъ свободно писать довольно трудныя композиціи и постоянно слылъ въ кругу своихъ знакомыхъ за талантливаго музыканта. Заключительные стихи «къ любителю музыки» показываютъ весьма ясно, какой глубокій, вдохновенный смыслъ имѣла для него поэзія звуковъ. Нѣсколько пьесъ Пушкина было въ ранней молодости переложено имъ на ноты; до насъ не дошли эти переложенія, но сохранились нѣкоторыя другія музыкальныя пьесы.

Мы видѣли также одну его художническую работу (эскизъ головы Медузы) и не могли не признать въ ней смѣлости и выразительности, весьма значительныхъ при томъ маломъ упражненіи, которымъ онъ могъ пользоваться.

Среди такихъ то занятій незамѣтно промелькнуло дѣтство поэта.... Но эта любовь къ размышленію и серьознымъ умственнымъ трудамъ, замѣчаемая въ нашемъ дитяти, нисколько не мѣшала его природной рѣзвости,—и рѣдкій изъ дѣтей такъ непринужденно и добродушно веселился какъ онъ.

Съ 14-ти лѣтъ особенныя наклонности мальчика выразились опредѣленнымъ образомъ: Горацій не сходилъ съ его рабочаго стола и плодомъ такой умственной дружбы были немногіе переводы въ стихахъ изъ римскаго корифея. До насъ не дошелъ этотъ авторскій дебютъ поэта, но мы имѣемъ другой переводъ—изъ Виргиліевыхъ Георгикъ, (Знаменія передъ смертью Цезаря), писанный почти въ одно время. Подобные опыты не пропадаютъ даромъ, и 16-ти лѣтъ Веневитиновъ уже былъ достаточно развитъ, чтобы написать чистымъ и звучнымъ языкомъ маленькое оригинальное посланіе къ друзьямъ (Соч. Вен. стр. 14). Здѣсь подъ именемъ друзей нужно разумѣть дѣйствительныхъ друзей юности поэта. Подобно всякому юношѣ съ нѣжной и пылкой душею, онъ рано искалъ дружеской пріязни и первыя лица, раздѣлявшія ее, были: Скарятинъ, даровитый художникъ, умер-

шій въ Италіи на мѣстѣ изученія искуства и Ѳ. С. Хомяковъ, о которомъ мы будемъ говорить ниже. Къ этому же времени относится и «Вѣточка» переводъ изъ Грессе (Gresset), единственное стихотвореніе заимствованное Веневитиновымъ изъ французской литературы (*).

Изъ посланія видимъ мы, что юный поэтъ уже успѣлъ усвоить себѣ строгій и здравый взглядъ на вещи. «Пусть — говоритъ онъ—кто хочетъ ищетъ славы, богатства, веселья—я и безъ нихъ счастливъ.

Съ лирой, съ вѣрными друзьями....

---

* Это стихотвореніе помѣщено въ «сочиненіяхъ Веневитинова» безъ указанія заимствованія. По примѣру бо́льшей части тогдашнихъ писателей, Веневитиновъ, прибавивъ въ концѣ пьесы четыре собственныхъ стиха, считалъ себя вправѣ печатать её подъ своимъ именемъ.

Мы приводимъ параллельно оба стихотворенія, отмѣчая курсивомъ тѣ строфы или отдѣльныя выраженія, которыя переданы особенно близко.

Gresset. (Galerie littéraire, par J. B. Maigrot).	Веневитиновъ. (Соч. Вен. стр. 17).
En promenant vos rêveries	Въ безцѣнный часъ уединенья,
Dans le silence des prairies,	Когда пустынною тропой
Vous voyez un faible rameau	Съ живымъ восторгомъ упоенья
Qui par *les jeux du vague Éole*,	Ты бродишь съ милою мечтой
Détaché de quelque arbrisseau,	Въ тѣни дубравы молчаливой,—
Quitte sa tige, tombe et vole	Видалъ ли ты, какъ *вѣтръ игривый*
Sur la surface d'un ruisseau.	Младую вѣточку сорветъ?
Là, par une invincible pente,	Родной кустарникъ *оставляя*,
Forcé d'errer et de changer,	Она вьется, упадая
Il flotte au gré de l'onde errante	*На зеркало ручейныхъ водъ*,
Et d'un mouvement étranger	И, новый житель влаги чистой,
Souvent il paraît, il surnage;	Съ потокомъ плыть *принуждена*,
Souvent il est au fond des eaux.	То надъ струею серебристой
Il rencontre sur son passage	Спокойно носится она,
Tous les jours des pays nouveaux:	То вдругъ предъ взоромъ исчезаетъ
Tantôt un fertile *rivage*	*И кроется на днѣ ручья;*
Bordé de côteaux fortunés;	*Плыветъ—все новое встрѣчаетъ,*
Tantôt une rive sauvage	*Все незнакомые края:*
Et des *déserts* abandonnés.	Усѣянъ нѣжными цвѣтами
Parmi ces erreurs continues,	Здѣсь улыбающійся *брегъ*,
Il fuit, il vogue jusqu'au jour,	А тамъ *пустыни*, вѣчный снѣгъ,
Qui l'ensevelit à son tour	Иль горы съ грозными скалами.
Au sein de ces mers inconnues	Такъ далѣй вѣточка плыветъ
Où tout s'abîme sans retour.	И путь невѣрный свой свершаетъ
	Пока она не утопаетъ
	Въ пучинѣ безпредѣльныхъ водъ
	Вотъ наша жизнь!—такъ къ вѣчной [illegible]
	Необоримою волной
	Потокъ насъ всѣхъ отъ колыбели
	Влечетъ до дня

Взглядъ самъ по себѣ конечно идиллическій, но и самый буколизмъ его уже нѣсколько указывалъ на ту норму понятій, въ которой позже утвердился поэтъ. Послѣдствія доказали, что подобный складъ мыслей былъ не плодомъ расшалившагося воображенія, но первымъ откликомъ пробужденнаго сознанія.

Уже много лѣтъ спустя, Веневитиновъ говорилъ въ одномъ изъ лучшихъ стихотвореній, обращаясь къ поэтическому образу—«хранителю» своей души:

Не отдавай души моей
На жертву суетнымъ желаньямъ,
Но воспитай спокойно въ ней
Огонь возвышенныхъ страстей.
Уста мои сомкни молчаньемъ,
Всѣ чувства тайной осѣни,—
Да взоръ холодный ихъ не встрѣтитъ
И лучъ тщеславья не просвѣтитъ
На незамѣченные дни....

(Соч. Вен. стр. 43).

Быть можетъ раннее изученіе Байрона, (на франц. языкѣ), помогало развиваться этому взгляду, но самая чуткость, съ которою нашъ поэтъ прислушивался къ мотивамъ англійскаго лирика, уже предполагаетъ собой достаточную душевную зрѣлость и способность «воспринимать» то, что могло вызвать сочувствіе молодаго сердца. А если же впослѣдствіи Веневитиновъ и называлъ себя «ученикомъ» (*) Байрона, то этого никакъ нельзя принимать въ ограниченномъ смыслѣ подражательности. Въ этомъ случаѣ онъ былъ столько же подражателемъ, сколько и тогда когда называлъ Жуковскаго своимъ «наставникомъ» (соч. Вен. стр. 55). Какъ англійскій поэтъ, такъ и знаменитый его переводчикъ, только обогатили поэзію Веневитинова новыми звуками, которые онъ располагалъ и разнообразилъ совершенно по своему.

Подобный взглядъ не подавлялъ собой природной впечатлительности поэта. Чувство, высказанное только вполовину, или переданное ближайшему сердцу, не глохнетъ въ глубокой душѣ, но возбуждая сильную внутреннюю работу, дѣлается полнѣе и плодотворнѣе..... 17-ти лѣтъ Веневитиновъ посѣтилъ впервые театръ. Давали какую то Оперу Россини. Пьеса произвела сильное впечатлѣніе на поэта, и онъ потомъ цѣлый мѣсяцъ твердилъ наизустъ поразившія его мѣста, и примѣнялъ къ себѣ различныя положенія дѣйствующихъ лицъ.

Семнадцати же лѣтъ Веневитиновъ почувствовалъ себя достаточно приготовленнымъ, чтобы слушать лекціи въ своемъ родномъ университетѣ, уже представлявшемъ, въ удостовѣреніе

(*) Въ Посланіи къ Скарятину (Соч. Вен. стр. 25).

полезной дѣятельности, имена Мерзлякова, Давыдова, Павлова. Несомнѣнный талантъ перваго изъ нихъ составилъ даже эпоху въ исторіи этого университета. То поэтъ, то ученый, Мерзляковъ имѣлъ сильное вліяніе на слушателей. Его горячая любовь къ успѣхамъ русскаго просвѣщенія, часто выражавшаяся въ увлекательной импровизаціи, много укрѣпила необходимую симпатическую связь между каѳедрой и аудиторіей, а публичныя лекціи, читанныя имъ въ 1812 и 16 годахъ, обратили на университетъ особенное вниманіе общества. Притомъ же и сухой классицизмъ Баттё и Лагарпа, принятый Мерзляковымъ въ основу профессорской и критической дѣятельности, замѣтно смягчался въ немъ эшенбурговыми идеями, и еще болѣе тѣмъ природнымъ чувствомъ изящнаго, которое нерѣдко проглядывало изъ за механическаго построенія его ученыхъ приговоровъ. Такъ напримѣръ, не смѣя открыто бранить Сумарокова и Хераскова, Мерзляковъ находилъ иногда возможнымъ вставлять среди похвалъ такія замѣчанія, которыя позволяютъ сомнѣваться въ непринужденности его хвалебнаго тона (Тр. Общ. Люб. Рос. Сл. за 1804).

Но ограниченность и отсталость его литературной теоріи уже вызывала дѣятельность Давыдова (И. И.), въ духѣ новыхъ, болѣе широкихъ взглядовъ на искусство. На долю Павлова (М. Ѳ.) выпала та же обязанность вести впередъ своихъ слушателей и современниковъ—именно усвоить точнымъ наукамъ болѣе разумное и вмѣстѣ примѣнимое къ жизни направленіе. Эта замѣчательная черта профессора Сельскаго Домоводства всего яснѣе выразилась впослѣдствіи — и въ его публичныхъ лекціяхъ (въ Февр. 1825 г.), и въ разныхъ журнальныхъ статьяхъ, гдѣ, по привычкѣ объяснять каждый фактъ какимъ нибудь разумнымъ началомъ, онъ проводилъ «философическій взглядъ» даже на холеру (Телеск. 1831 г.), тогда еще мало разъясненную. Бесѣды съ Павловымъ и слушаніе его лекцій навели Веневитинова на занятія шеллинговой философіей, которую Павловъ одинъ изъ первыхъ распространялъ въ Россіи. Плодомъ этихъ занятій были извѣстныя публикѣ письма къ Княгинѣ Трубецкой—о Философіи (Графинѣ N).

Посѣщая университетъ, Веневитиновъ не записывался впрочемъ въ студенты и не обязывалъ себя къ постоянному, регулярному посѣщенію одного факультета. Педагогическія бесѣды, устроенныя для всѣхъ желающихъ профессоромъ Мерзляковымъ, развернули въ юношѣ тѣ качества хорошаго прозаика, которымъ суждено было проявиться только въ весьма не многихъ статьяхъ. Очевидцы говорили намъ, что остроуміе молодаго человѣка и замѣчательная діалектика его доводовъ обращали на

вниманіе какъ главы ученыхъ диспутовъ, такъ и самихъ диспутантовъ. Здѣсь же, возражая профессору, Веневитиновъ показалъ впервые ту самостоятельность взглядовъ, которую выразилъ впослѣдствіи въ разборѣ разсужденія Мерзлякова: «о началѣ и духѣ древней трагедіи».

Въ самомъ дѣлѣ трудно было бы нашему поэту согласиться съ тѣмъ, что «Жуковскій—это арабскій конь, который бросился въ каменистую степь и хромаетъ на всѣ четыре ноги» (*).

Года два продолжалось это вольное, перерывистое слушаніе университетскихъ лекцій—и къ его то времени относятся многія произведенія Веневитинова, и между ними переводъ изъ Макферсона (съ франц. текста—пѣснь Кольмы), и два отрывка изъ неконченной поэмы. Сюжетъ поэмы заимствованъ изъ исторіи г. Зарайска, жестоко пострадавшаго въ первое нашествіе Монголовъ. Еще въ ранней молодости поэтъ былъ въ этомъ городѣ и воспользовался устнымъ преданіемъ.

Говорятъ, что Зарайскій Князь Ѳедоръ получилъ отъ Батыя предложеніе достойное азіатца: привести къ нему на ложе свою молодую, прекрасную жену Евпраксію. Въ случаѣ несогласія Батый грозилъ ему окончательнымъ разореніемъ удѣла. Но молодой князь не испугался угрозы и въ порывѣ благороднаго мужества рѣшился отстоять свои супружескія права. Онъ встрѣтилъ Хана передъ стѣнами города и далъ ему роковую битву, имѣвшую одинъ конецъ со всѣми тогдашними битвами. Ѳедоръ былъ убитъ, Батый съ торжествомъ готовился исполнить желаніе. Но Евпраксія не дождалась своего позора: узнавъ о геройской смерти мужа, она бросилась внизъ съ городской стѣны... До сихъ поръ мѣстные жители показываютъ ея могилу, не привлекательную ничѣмъ кромѣ воспоминаній.

Одно лишь темное преданье
Вѣщаетъ о дѣлахъ вѣковъ
И вѣетъ вкругъ нѣмыхъ гробовъ.....
(Соч. Вен. стр. 19).

Простое, но выразительное событіе было оцѣнено по достоинству поэтическимъ чутьемъ Веневитинова, и только скоро начавшееся глубокое изученіе германской литературы отвлекло его отъ тщательной обработки этого сюжета.

Сюда же прилегаютъ: Къ друзьямъ на новый (1823) годъ, Отрывки изъ пролога: Смерть Байрона, Пѣснь Грека, Любимый цвѣтъ и 1-е посланіе къ Рожалину. «Отрывки» показываютъ

(*) Воспоминаніе одного изъ бывшихъ слушателей Мерзлякова.

намъ, что Веневитиновъ умѣлъ видѣть Байрона въ самомъ поэтическомъ свѣтѣ, какъ бойца за угнетенное человѣчество; «Пѣснь Грека» навѣяна тѣмъ же предметомъ. «Любимый цвѣтъ» посвященъ Веневитиновымъ своей сестрѣ—Софьѣ Владиміровнѣ (С. В. В.). Небрежность нѣкоторыхъ стиховъ въ этой пьесѣ, а равно и во многихъ другихъ,—вредящая поэтической мысли, происходитъ отъ того, что нашъ поэтъ писалъ «сразу», почти безъ варіантовъ.

Посланіе къ Рожалину, носящее на первый взглядъ слѣды какого то насильственнаго байронизма, объясняется тѣмъ, что поэтъ дѣйствительно былъ обманутъ однимъ близкимъ человѣкомъ, долго скрывавшимъ свой настоящій характеръ. Оно начинаетъ въ жизни поэта новую эпоху, о которой мы будемъ говорить въ свое время. Учебныя занятія юноши шли въ уровень съ его поэтическимъ развитіемъ, и черезъ два года послѣ первой прослушанной лекціи, онъ, безъ труда, выдержалъ довольно трудный экзаменъ, требовавшійся тогда по указу 1809 года для полученія нѣкоторыхъ преимуществъ по гражданской службѣ. Недостатокъ реальныхъ познаній поэтъ восполнилъ нѣсколько позже изученіемъ физіологіи подъ руководствомъ знаменитаго Лодера. Въ анатомическомъ театрѣ вѣроятно пришла ему впервые мысль того романа, гдѣ, какъ извѣстно, трупъ хорошенькой женщины играетъ весьма важную роль.

Теперь Веневитиновъ вступалъ уже въ болѣе широкую практическую жизнь. Но не шумными оргіями, не разгульнымъ самозабвеніемъ отпраздновалъ онъ свое вступленіе въ свѣтъ. Московскій Архивъ Коллегіи Иностран. Дѣлъ, (тогда еще не было Министерства) скрылъ его на время отъ всякаго блеску и хлопотъ въ скучномъ сосѣдствѣ съ пыльными хартіями. Развитый юноша не плѣнился привольной жизнью военнаго человѣка, такъ заманчивой въ то время, когда

> Любимцамъ гвардіи, гвардейцамъ, гвардіонцамъ,
> Ихъ золоту, шитью дивились будто солнцамъ,

и, безъ всякихъ колебаній, предпочелъ ей скромную архивную службу, представлявшую впереди переводъ въ Коллегію Ин. Дѣлъ. А возможность поѣздки въ русскомъ посольствѣ за границу, гдѣ онъ могъ бы, въ сближеніи съ чужими народностями, дополнить свое умственное образованіе, всегда манила поэта. Вѣроятно, онъ думалъ въ этомъ случаѣ, что «знающій одну свою родину прочелъ только первую страницу книги вселенной» (*).

Конечно не безъ глубокаго сознанія Веневитиновъ р[illegible]

(*) Эпиграфъ къ Чайльдъ-Гарольду.

на такой выборъ. Его «Жертвоприношеніе» (Соч. Вен. стр. 59) говоритъ довольно убѣдительно, что сходясь весьма близко съ прелестями разсѣянной жизни, онъ всегда умѣлъ предпочесть ей другую жизнь—трудовую и разумную. Благодѣтельное воспитаніе, которое получилъ онъ, объясняетъ вполнѣ удовлетворительно такой образъ мыслей. Нестѣсненный никогда въ своемъ нормальномъ развитіи давленіемъ грубой власти, Веневитиновъ не могъ чувствовать и того желанія «закружиться», хватить черезъ край всякаго рода удовольствій, которое овладѣваетъ иногда молодымъ человѣкомъ, только что вырвавшимся на волю, получившимъ, послѣ долгихъ задержекъ, свободу самоуправленія....

Другаго рода страсти овладѣли теперь юношей: онъ сдѣлался членомъ весьма замѣчательнаго литературнаго кружка, въ который вошли: И. В. Кирѣевскій, Кошелевъ, Мальцовъ, В. П. Титовъ, Рожалинъ, Шевыревъ, Погодинъ, Ѳ. С. Хомяковъ. Каждый вторникъ вся названная молодежь собиралась къ Веневитинову—и въ этой сферѣ доканчивалось развитіе поэта. Философское направленіе, только что возникавшее между образованнѣйшими москвичами, преобладало въ этомъ кружкѣ,—и здѣсь то Веневитиновъ, подкрѣпленный десяткомъ умныхъ и пылкихъ головъ, окончательно вышелъ на тотъ «священный путь» пытливаго, но не узкаго мышленія, который долженъ былъ, безъ большихъ поворотовъ и уклоненій, вести его къ цѣли жизни.

Москва вообще богата всякаго рода кружками: славянская общительность и охота рѣшать всѣ дѣла «міромъ» нигдѣ такъ не развита, какъ въ нашей древней столицѣ. Москвичъ словоохотливъ и любитъ объяснять разумной причиной каждый свой поступокъ, быть можетъ не стоющій объясненія. «При первой встрѣчѣ съ вами—говоритъ Бѣлинскій «въ Физіологіи Петербурга»—Москвичъ непремѣнно заспоритъ и только тогда начнетъ иронически улыбаться, когда увидитъ, что ваши мнѣнія не сходятся съ мнѣніями кружка, въ которомъ онъ ораторствуетъ или слушаетъ, какъ другіе ораторствуютъ.»

Противъ такихъ-то кружковъ многіе возставали и возстаютъ, какъ противъ такой умственной западни, гдѣ гибнетъ свобода мысли и самостоятельное развитіе человѣка и на мѣсто всего этого воцаряется полная послушность «общей» волѣ, «общему» движенію, всегда подчиненнымъ одной сильной волѣ, или двумъ, тремъ даровитымъ людямъ; короче говорятъ, что каждый такой общинникъ вырабатываетъ не свою личность, а личность кружка, къ которому принадлежитъ онъ, и, теряя собственную физіономію, сливается съ дюжиной, или массой. Подобное мнѣніе нельзя назвать безусловно неправильнымъ, но вѣрность его тѣсно

опредѣляется бо̀льшимъ или мѐньшимъ объемомъ входящаго въ кружокъ дарованія. Если оно ничтожно-мало, то нѣтъ сомнѣнія что типичность его будетъ совершенно сглажена вліяніемъ болѣе сильныхъ и даровитыхъ натуръ,—и конечно не къ худшему, потому что лучше вовсе не имѣть никакой физіономіи, нежели имѣть ее дикую. Но если же дарованіе это въ самомъ объемѣ своемъ носитъ неистребимый зародышъ своеобразности, то странно предполагать, что какое бы нибыло постороннее вліяніе можетъ унизить его до безличности. Въ самомъ послѣдованіи чужимъ мыслямъ оно останется оригинальнымъ, по тому что въ безконечныхъ примѣненіяхъ мысли и долженъ выказаться особый тонъ, или извѣстная степень ея усвоенія.

Такими то эклектиками являются намъ и члены упомянутаго кружка. Такъ напримѣръ, бывши очень друженъ съ Кирѣевскимъ, Веневитиновъ уберегся отъ той гордоіи, чуждой всѣхъ сердечныхъ вѣрованій, философіи, которой поддался было сначала его молодоіи другъ, вѣроятно отъ пристальнаго и черезъ чуръ довѣрчиваго изученія писателей прошлаго вѣка, точно также впослѣдствіи, согласясь съ главными пунктами его новой теоріи, не утратилъ бы своего личнаго, поэтическаго воззрѣнія на предметы, находившаго жизнь и красоту тамъ, гдѣ другіе увидѣлъ бы только одно разрушеніе (*).

Кромѣ Кирѣевскаго, Рожалинъ былъ особенно близокъ къ нему. Умныіі труженикъ, знатокъ нѣмецкоіи и древне классической литературъ, и партизанъ новаго, болѣе жизненнаго направленія искуства, Рожалинъ скоро сдѣлался необходимъ для нашего. Природные инстинкты Веневитинова, отвлекавшіе его отъ застоя въ литературѣ и ложно классическихъ авторитетахъ, были закрѣплены тщательнымъ изученіемъ Шекспира, (въ переводахъ Авг. Шлегеля), на котораго Рожалинъ указалъ ему. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ отъ Рожалина только одни, крошечно отдѣланные, переводы изъ Геерена, (Моск. Вѣстн. 1827 г., «О древней торговлѣ», «О Рамаянѣ», «О Шлёцерѣ»), но при всемъ усердномъ трудничествѣ, составлявшемъ отличительную черту этаго характера, онъ не былъ лишенъ и того поэтическаго элемента, который привлекалъ къ нему Веневитинова. Полноіі взаимностью отвѣчалъ Рожалинъ нашему поэту и

(*) Сущность новой теоріи Кирѣевскаго, какъ извѣстно, состояла въ томъ, что Европа отжила свою умственную жизнь и что отъ Россіи она ожидаетъ обновленія своихъ силъ. Если съ великимъ назначеніемъ Россіи можно было и тогда согласиться, то перваго положенія Кирѣевскаго нельзя было признать не только тогда, когда гегелизмъ еще не проникалъ въ европейскую науку, а Франція не выработала органическихъ началъ, но даже и теперь—въ виду Италіи, готовоіи начать свою историческую жизнь.

вій, умирая въ чахоткѣ, вспоминалъ объ немъ.... Ко вре-
этой пріязни относятся переводы Веневитинова — изъ
ита» Гете и Геерена (отрывокъ «Европа»). Выборъ послѣд-
гатьи, вѣроятно, былъ сдѣланъ не безъ совѣта Рожалина.
і, между причинами возвышенія Европы, встрѣчаемъ одну,
ніе которой даетъ особенную цѣну труду переводчика—это
авительная форма европейскихъ государствъ...
рытая душа Веневитинова была вполнѣ цѣнима его друзья-
о блестящее остроуміе, не вездѣ одинаково настроенное,
гда удачно разыгрывавшееся въ близкомъ пріятельскомъ
ѣ, много оживляло систематическія засѣданія молодыхъ
. Замѣчательная физическая красота, выразительные каріе
и звучный голосъ довершали очаровательность Веневити-
о всякомъ обществѣ. Съ любовью и глубокой грустью вспо-
ь нашъ поэтъ объ этомъ близкомъ сердцу кружкѣ, оторван-
гъ него необходимостью. Онъ говорилъ:

Отдайте мнѣ друзей моихъ,
Отдайте пламень ихъ объятій,
Ихъ тихій, но горячій взоръ,
Языкъ безмолвныхъ рукожатій
И вдохновенный разговоръ.
(Соч. Вен.; Послан. къ Р-ну, стр. 46).

ество молодыхъ, даровитыхъ людей, со всѣмъ жаромъ
возраста привязанныхъ ко всѣмъ благороднымъ стремле-
конечно не могло вести безплодныхъ бесѣдъ и неболѣе
шумныхъ» преній. Мы достовѣрно знаемъ по крайней
что на этихъ мало замѣченныхъ сеймахъ весьма послѣдо-
но выработалась идея необходимости такого журнала, ко-
выполнялъ бы всѣ условія «русскаго» періодическаго
і. Условія эти съ большою ясностью высказаны въ статьѣ
тинова: «Нѣсколько мыслей въ планъ журнала», которая,
ѣ проэкта, была прочтена на одномъ изъ литературныхъ
въ. Въ ней высказывалось много свѣтлыхъ мыслей на
характера русскаго просвѣщенія, русскихъ журналовъ и
шаго изъ него «чувства подражательности, которое само-
анту приноситъ въ дань не удивленіе, но раболѣпство».
мъ же кружкѣ были прочтены прозаическіе отрывки:
птура, живопись и музыка», «Утро, полдень, вечеръ и
и «Анаксагоръ». Содержаніе этихъ отрывковъ уже пока-
ъ многосторонность и живой интересъ бесѣдъ молодыхъ
Послѣдній изъ нихъ («Анаксагоръ»), гдѣ высочайшая
полагается въ философіи, обнаруживаетъ разомъ и то, что
ушелъ очень далеко въ наукѣ познанія, и силу поэтическаго
оторымъ онъ могъ оживлять самыя отвлеченныя мысли.

Программу статьи: «Нѣсколько мыслей въ планъ журна взялся исполнить нѣсколько позже Московскій Вѣстникъ (и съ 1827 г.) Веневитиновъ, всегда ожидая отъѣзда въ Пет бургъ, не могъ быть редакторомъ Вѣстника, но постоянно бр въ немъ самое дѣятельное участіе. Его содѣйствію обязанъ бы этотъ журналъ сотрудничествомъ Пушкина. Уже изъ Петерб га Веневитиновъ просилъ: «сказать искренно, что говорят Московскомъ Вѣстникѣ». Въ другомъ мѣстѣ того же письма п проситъ передать Погодину, (редактору Вѣстника), что нем было бы пригласить въ сотрудники журнала Мицкевича, сл шаго за знатока «литовскихъ древностей, латышскаго и древ славянскаго языковъ». Также предлагаетъ онъ сразить въ в вецъ «треглавую петербургскую гидру»: Пчелу, Архивъ Сынъ Отечества, мира съ которыми, по его мнѣнію, не мог быть. Въ полемикѣ съ Телеграфомъ онъ совѣтовалъ быть ост рожнѣе, указывая на особенныя достоинства этого журнала.

«Скажи Погодину—пишетъ онъ въ письмѣ отъ 24-го Января 1827 года—чтобъ онъ не скупился, прибавилъ листочекъ к журналу. а то онъ точно въ чахоткѣ. Да что онъ не разнообразит его! Я объ нихъ, (издателяхъ Моск. Вѣстника), больше забочус чѣмъ они о себѣ».

Большая часть его совѣтовъ исполнилась—и современни оцѣнили прекрасное направленіе журнала. Самый Телеграф забывъ на время свою обычную строгость и сухость похвалъ, го ворилъ, что «Московскій Вѣстникъ обращаетъ на себя внима не одною исправностью выхода книжекъ (достоинство далеко не маловажное въ то время), но и самымъ содержаніемъ, благона мѣренностью критики, свѣжестью статей. И такъ мы будемъ вполн правы, если бросимъ впослѣдствіи бѣглый взглядъ на русску журналистику и укажемъ въ ней мѣсто этому новому органу. Теперь же перейдемъ къ важнѣйшей эпохѣ въ жизни поэта—его первой, юношеской любви.

Ученые труды и философскія бесѣды конечно не могли погло тить всего Веневитинова: его живая, сочная душа не могла остаться при одной жизни ума безъ жизни сердца, чтобы наконец представить въ юношѣ одного изъ тѣхъ довременныхъ «старче ковъ» надъ которыми недавно такъ зло и удачно подсмѣялся г. Бенедиктовъ (Нов. ст. Бен., стр. 27). Природная впечатлите ность поэта не загасла въ этомъ раннемъ умственномъ развит и вырвалась таки наружу въ горячей, страстной любви.... Это случилось въ половинѣ 1825-го года, то есть когда Веневитинову было около 20-ти лѣтъ.

Время любви—весьма важный и вмѣстѣ не

изни каждаго человѣка. Кто не прошелъ этихъ волненій, дорогихъ для памяти, кто не былъ въ той завѣтной порѣ,

Безумно сердце проситъ женской ласки.
И чудная мечта нашептываетъ сказки?

съ же особенности натуры Веневитинова много способство-лѣ и продолжительности его любви,—и потому неудиви- что она длилась довольно долго и не скоро поддалась хо-изни. Обладая сердцемъ нѣжнымъ и привязчивымъ, поэтъ любить вспышкой, съ разсчетомъ, съ arrière pensée,—и лю-бралась его вдохновеніемъ, цѣлью, привязывавшей его къ

ъ» (Соч. Вен. стр.27)—одинъ изъ лучшихъ сонетовъ того и—предваряетъ эту любовь. Изъ него видимъ мы, что въ молодаго поэта было скоплено уже много страсти прежде, нъ встрѣтился съ предметомъ своей любви.

ихотворенія: «Элегія» и «Италія», (написанныя уже по отъ-зъ Москвы), нѣсколько изображаютъ личность любимой и характеръ любви къ ней Веневитинова. Изъ перваго мы ь, что она только вернулась съ юга и «принесла въ очахъ южнаго неба» Чувство, возбужденное ей, поэтъ называетъ ельнымъ и мятежнымъ огнемъ»:

Онъ не горитъ любовью тихой, нѣжной,
Нѣтъ! онъ и жжетъ, и мучитъ, и мертвитъ,
Волнуется измѣнчивымъ желаньемъ,
То стихнетъ вдругъ, то бурно закипитъ,
И сердце вновь пробудится страданьемъ.
(Соч. Вен. стр. 64).

стихотвореніе, гдѣ поэтъ самъ надѣется посѣтить «от-вдохновенья», позволяетъ думать, что разсказы молодой ественницы о дальней и чудной сторонѣ были свѣжи и гельны...

: «Завѣщаніе» и «Къ моему перстню (Соч. Вен. стр. 47 и тя написанныя уже послѣ, относятся по духу къ этому и, и какъ слѣдовало ожидать, носятъ на себѣ печать болѣз-ти и ѣдкой грусти, такъ сродныхъ всякой нѣжной и глу-бящей душѣ въ минуты сильнѣйшаго напряженія ея чувства. у же любимая особа была много старше и развитѣе нашего не могла отвѣчать его страсти съ одинаковой искренностью отою. Два стиха въ пьесѣ: «Къ моему перстню» наводятъ сль, что отношенія ихъ были лишены той взаимности, ко-могла бы исключить душевную тревогу поэта. «*Дружба*»— тъ онъ своему перстню—

..... тебя залогомъ состраданья
Любви рыдающей дала!

Но натура этой женщины,—недаромъ прозванной въ вы кругу «Сѣверной Коринной»,—была весьма даровита и тична,—и любовь къ ней Веневитинова продолжалась въ бургѣ, сверхъ полутора года, проведеннаго въ Москвѣ. Т ворилъ онъ, вспоминая интимныя бесѣды:

Отдайте сладостные звуки,
Они мнѣ счастія поруки:
Такъ тихо вѣяли они
Огнемъ любви въ душѣ невѣжды
И свѣтлой радугой надежды
Мои расписывали дни....

(Соч. Вен. стр. 46

Но сверхъ этого сильцаго чувства, замыкавшаго соб нравственное развитіе поэта, московская жизнь подарила е комствомъ съ А. С. Пушкинымъ, пріѣзжавшимъ въ 1826-ду, по особеннымъ причинамъ, въ Москву.

Еще живши въ Тригорекомъ, Пушкинъ узналъ Веневи по разбору 1-й пѣсни Онѣгина въ критикѣ на статью Те (Соч. Вен. стр. 156). По пріѣздѣ въ Москву, онъ, съ жи такъ ему свойственной, объявилъ г. Соболевскому, у ко остановился, желаніе познакомиться съ авторомъ. «Это ственная статья—говорилъ А. С.—которую я прочелъ с бовью и вниманіемъ. Все остальное или брань, или перес ная дичь» (*).

Въ домѣ Соболевскаго произошло это знакомство, когда кинъ, устроивъ литературную вечеринку для прочтенія «Б Годунова», пригласилъ къ ней и Веневитинова. Въ домѣ по няго происходило на другой день вторичное чтеніе т пьесы.

Геніальный поэтъ не могъ не замѣтить въ Веневитиновѣ особенныхъ достоинствъ, которыя такъ влекли къ нему людей, знавшихъ его, и скоро между ними началась д тѣсная связь. Мы имѣемъ одну пьесу, писанную Вене вымъ къ своему новому другу и ея почтительный тонъ г довольно ясно, что Пушкинъ увлекъ нашего юношу ж живостью своего ума, гибкостью остроумія, тонкаго и тельнаго.

Пьеса начинается обращеніемъ къ творцу «Бориса»:

Разсѣй на мигъ восторгъ святой,
Раздумье творческаго духа

(*) Мы не ручаемся, конечно, за буквальную точность

И снисходительнаго слуха
Младую музу удостой.....

(Соч. Вен. стр. 54).

ослѣдствіи Пушкинъ былъ глубоко огорченъ смертью своего
о друга и раздѣлялъ всѣ хлопоты родныхъ о его погребеніи.
корѣ однако приблизилось для Веневитинова время разлуки
оквой. Въ Канцеляріи Коллегіи Иностран. Дѣлъ открылась
сія—и въ концѣ Сентября 1826 года нашъ поэтъ отправился
—съ прежней любовью и недавно начатымъ романомъ. Буте-
становился въ Петербургѣ его ближайшимъ начальникомъ;
Хомяковъ и французъ Вошѐ, только что вернувшійся изъ
ри, куда онъ сопровождалъ княгиню Трубецкую, были его
гчиками. Компанія послѣдняго надѣлала остановокъ въ дол-
и скучномъ переѣздѣ, но прямота и благородство молодаго
скоро кончили всю некстати начатую исторію.
оѣздомъ чрезъ Новгородъ Веневитиновъ вдохновился его
ной судьбой и написалъ стихотвореніе, названное именемъ
аго города (Соч. Венев. «Новгородъ»).
оскву оставилъ я какъ шальной—писалъ Веневитиновъ въ
мъ письмѣ изъ Петербурга—не знаю, какъ не сошелъ съ
Сюда пріѣхалъ больной». На просьбу своего корреспонден-
исать ему Петербургъ, онъ отвѣчалъ, что «описывать Пе-
ргъ не стоитъ. Хотя Москва и не даетъ объ немъ понятія,
ъ говоритъ болѣе глазамъ, чѣмъ сердцу». Любуясь Казан-
ь Соборомъ, поэтъ находилъ въ себѣ склонность къ набож-
. «Я люблю, говоритъ онъ, церковь огромную и довольно
ественную». Чувство изящнаго и необходимость сильнаго
енія заодно развивали въ немъ эту склонность, но мы не
емъ, чтобы когда нибудь она перешла ту черту, на которой
о возвышаетъ и укрѣпляетъ человѣка, не заразивъ его ни
измомъ, ни презрѣніемъ—достойнымъ тоже презрѣнія—
иламъ разума.
врическій Дворецъ съ своей знаменитой залой и садомъ
сдѣлался предметомъ частыхъ посѣщеній поэта: особен-
авилась ему группа Лаокоона. Нева «плѣняла» его и это
во онъ спѣшилъ заявить въ стихотвореніи: «Къ моей бо-
». Изъ него видимъ мы, что не одну прогулку по берегамъ
«струйной» рѣки сдѣлалъ нашъ поэтъ, вспоминая Москву
овницу того чувства, которое теперь отравлялось разлукой.
бѣдаю за общимъ столомъ у Andrieux—писалъ онъ въ пер-
же письмѣ—гдѣ собираются говоруны и умники Петер-
. Я, разумѣется, молчу и нужно прибавить, что я сталъ
молчаливъ съ тѣхъ поръ, какъ тебя оставилъ». Здѣсь по-

ясняется замѣчательная черта въ характерѣ Веневити
не былъ «говоруномъ», не любилъ словесныхъ тури
которые иной боецъ за-долго запасаетъ стрѣлы и к
только съ близкими людьми, могъ вступать въ живой
ленный разговоръ. Въ этомъ случаѣ, онъ былъ вполн
тому идеалу человѣка, который самъ начерталъ въ сти
ніи: «Поэтъ». Ему трудно было говорить то, чего онъ не
валъ и о томъ, чему не сочувствовалъ, и «слово, сжатое
вомъ» всегда замирало въ устахъ его. Конечно, при по
ширной проницательности и способности вызывать на с
ность всякое новое лицо, сближавшееся съ нимъ, онъ ско
дилъ людей, съ которыми бы могъ «отвести душу», но,
и на это, онъ онъ не могъ остаться въ Петербургѣ впол
человѣкомъ, какимъ зналъ себя прежде. Всѣ привя
сердца, всѣ воспоминанія молодости, влекли его въ покин
родъ,—и онъ, съ полнымъ правомъ, указывалъ на себя Р
какъ на жертву «многолюдной пустыни, не населенной
ною душою». (Соч. Вен. стр. 45). Въ письмахъ къ одно
кому лицу, онъ часто просилъ передать поклонъ люби
бѣ, или нѣкоторые изъ своихъ стиховъ. Въ Петербу
встрѣтилъ одну, тоже весьма привлекательную женщ
сердце его уже не было свободно и онъ говорилъ, что
ся ей, какъ Ифигиніей въ Тавридѣ, которая, мимохо
зать, прекрасна». Въ Декабрѣ онъ думалъ развлечь
бургскими маскарадами, но не вынесъ изъ нихъ ничег
скуки. Болѣзненное состояніе его духа заранѣе опред
впечатлѣніе.—Изъ всѣхъ знакомствъ, заведенныхъ
новымъ въ новомъ мѣстѣ, закомства съ Кн. В., Гр. Л.,
гомъ и Козловымъ были для него пріятнѣйшими. Въ д
выхъ двухъ онъ чаще всего проводилъ время, свобо
службы и поэтическихъ вдохновеній. Дельвигъ, благод
прямой, честной натурѣ, «привлекавшей его къ возвыш
нѣвцамъ» скоро сдѣлался любимымъ собесѣдникомъ
нова. Нерѣдко цѣлые вечера проводили они вмѣстѣ
пѣсни и швыряя другъ въ друга стихами».

Здѣсь же кстати замѣтить, что, въ минуту увлече
нашъ былъ самымъ счастливымъ импровизаторомъ и ч
сочинялъ цѣлую шутливую пьесу на того, кто затрогивал
юмористическую жилу. Сохранилась діатриба, направле
на одного изъ знакомыхъ, большаго мастера на пышны
человѣка, который самъ себя подслушивалъ въ разго
уцѣлѣлъ водевиль, писанный, подъ веселую руку, д
няго спектакля

омѣ Дельвига, нашлись и другіе претенденты на дружбу
: два журналиста «увивались около него, какъ около липки»,
тивъ пользу для себя и для своихъ изданій, но скоро однако
яли надежду «добыть отъ него меду». Молодость поэта не
ла ему разгадать вполнѣ новыхъ пріятелей и ихъ разсчет-
я ласки.

дружусь съ моими дипломатическими занятіями»—писалъ
витиновъ въ Декабрѣ, пригоняемый къ нимъ горечью своей
женней жизни. «Молю Бога, чтобы поскорѣе былъ миръ
ерсіей: хочу отправиться туда и на свободѣ пѣть съ восточ-
и соловьями.» Судьба не дала ему дожить до той печальной
трофы, которой вскорѣ подверглось наше персидское по-
тво: оно уже готовило ему болѣе раннюю и мирную смерть.
ланты молодаго человѣка и его усердіе къ службѣ были ско-
мѣчены гр. Лавалемъ, поручавшемъ его перу самыя важ-
бумаги. По его же приглашенію, Веневитиновъ разбиралъ
у изъ «Бориса Годунова» для Journal de S. Pétersbourg (Соч.
стр. 181; Analyse d'une scène, détachée de la tragédie de Mr.
hkin), но, еще нерѣшенная въ то время, участь Пушкина
шала этой статьѣ явиться въ правительственномъ журналѣ.
а же пронесся слухъ, что Улыбышевъ собирается бранить
цену, то Веневитиновъ надѣялся опять приняться за перо.
чиню перышко-говорилъ онъ-и мы перевѣдаемся».
есмотря на множество занятій-сообщалъ онъ въ декабрь-
ь письмѣ- я все таки нахожу время писать». Хотя это слу-
ь довольно часто, но, несмотря на свое обиліе, всѣ произве-
, писанныя имъ въ эту пору, имѣютъ много достоинствъ
но выражаютъ тотъ крутой переходъ отъ юношества къ
ости, въ которомъ теперь находился авторъ. Сюда относят-
«Поэтъ», первое стихотвореніе, присланное изъ Петербур-
і всѣ стихотворенія, помѣщенныя въ изданіи послѣ него.
ихъ проглядываетъ уже серьозный взглядъ на жизнь, а въ
водахъ изъ Фауста видно желаніе глубже вникать въ во-
ы этой жизни. Пьесы: «Три участи» и «Жизнь» показы-
ъ, что поэтъ не обошелся при этомъ безъ того невольскептицизма, который обусловливаетъ всякое раннее разви-
Неустоявшаяся мысль еще требуетъ опоры, хотя серце и
ся съ прежней горячностью по однажды избранному пути.
ая пьеса могла бы даже служить программой поэзіи Баратын-
, хотя послѣдній нисколько не былъ подражателемъ, но соб-
нымъ мышленіемъ достигъ того же грустнаго вывода.(*)

(*) Вотъ эта коротенькая пьеска:

Сначала жизнь плѣняетъ насъ,

енитинова въ сокровеннѣйшихъ движеніяхъ его сердца
нимъ строфу:

Душа сказала мнѣ давно:
Ты въ мірѣ молніей промчишься!
Тебѣ все чувствовать дано,
Но жизнью ты не насладишься.

поэтъ твердо вѣруетъ, что

Тому, кто жребій довершилъ,
Потеря жизни не утрата...

ная участь и апоѳеоза художника» дополняетъ впечатлѣ-
ъидущаго: ту же вѣру въ безсмертіе, надежду на пони-
и сочувствіе потомства поэтъ выражаетъ въ образахъ,
ованныхъ у Гёте. Частныя мысли замѣчательны: въ ли-
дожника» поэтъ говоритъ:

. . . . . лишь тотъ знакомъ съ душевнымъ наслажденьемъ,
Кто пріобрѣлъ его трудами и терпѣньемъ.

ъ именемъ «Мастера» онъ сѣтуетъ на то, что

. . . . . въ наши времена всѣ любятъ путь широкій,
Не трудную стезю, не строгіе уроки. (*)

Февралѣ 1827 года мы застаемъ Веневитинова за новой ра-
которая должна была рѣшить: «долженъ ли онъ слѣдо-
леченію къ поэзіи или побороть въ себѣ эту страсть». Къ
ѣнію намъ не осталось ни одного отрывка изъ этого, по всей
гности, прекраснаго произведенія. Романъ, начатый Вене-
овымъ въ Москвѣ, тоже подвигался впередъ. Намъ сохра-
отъ него одинъ отрывокъ и еще программа всего сочине-
зложенная въ предисловіи къ прозаическимъ статьямъ Ве-
нова. По ней можно судить, что романъ этотъ всего при-
е было бы писать стихами. Его многія длинноты не были
къ замѣтны, а иныя подробности вышли бы гораздо эф-
ѣй подъ выразительнымъ, краткимъ стихомъ Веневи-
.

помянутаго отрывка мы убѣждаемся еще положительнѣй,
ія поэта проходила уже пора безотчетныхъ восторговъ
. Усиленная работа мысли, укрѣпленной и направленной
мъ, уже привела его къ рубежу юношеской страсти—стро-
аблюдательности и безъисключительному анализу всякаго
а. Поэтъ уже не удовлетворялся «первымъ идеаломъ сво-
ѣмъ образомъ, въ который выливалъ всю душу»,—и смѣ-
зывалъ себѣ на третью эпоху жизни, эпоху *думъ*. Трудъ

итатель не удивится смѣлости, съ какой мы усвоиваемъ Веневитинову приче-
мысли: у такихъ мыслителей-поэтовъ, какъ Веневетиновъ, переводныя
всегда въ главныхъ чертахъ, выражаютъ собственный духъ переводчика.
Авт.

опредѣляется бо́льшимъ или мѣньшимъ объемомъ входя кружокъ дарованія. Если оно ничтожно-мало, то нѣтъ нія что типичность его будетъ совершенно сглажена болѣе сильныхъ и даровитыхъ натуръ,—и конечно не к му, потому что лучше вовсе не имѣть никакой физіон жели имѣть ее дикую. Но если же дарованіе это в объемѣ своемъ носитъ неистребимый зародышъ своеобр то странно предполагать, что какое бы нибыло посторон ніе можетъ унизить его до безличности. Въ самомъ по ніи чужимъ мыслямъ оно останется оригинальнымъ, что въ безконечныхъ примѣненіяхъ мысли и должен заться особый тонъ, или извѣстная степень ея усвоенія.

Такими то эклектиками являются намъ и члены упо кружка. Такъ напримѣръ, бывши очень друженъ съ ским, Веневитиновъ уберегся отъ той гордой, чужд сердечныхъ вѣрованій, философіи, которой поддался б чала его молодой другъ, вѣроятно отъ пристальнаго чуръ довѣрчиваго изученія писателей прошлаго вѣка также впослѣдствіи, согласясь съ главными пунктами е теоріи, не утратилъ бы своего личнаго, поэтическаго на предметы, находившаго жизнь и красоту тамъ, гд увидѣлъ бы только одно разрушеніе (*).

Кромѣ Кирѣевскаго, Рожалинъ былъ особенно близок эту. Умный труженикъ, знатокъ нѣмецкой и древне ской литературъ, и партизанъ новаго, болѣе жизненнаго ленія искуства, Рожалинъ скоро сдѣлался необходимъ эта. Природные инстинкты Веневитинова, отвлекавшіе застоя въ литературѣ и ложно классическихъ автор были закрѣплены тщательнымъ изученіемъ Шекспира, реводахъ Авг. Шлегеля), на котораго Рожалинъ указа Къ сожалѣнію, мы имѣемъ отъ Рожалина только одни, ливо отдѣланные, переводы изъ Геерена, (Моск. Вѣсти, «О древней торговлѣ», «О Рамаянѣ», «О Шлёцерѣ»), всемъ усердномъ тружничествѣ, составлявшемъ отл ную черту этаго характера, онъ не былъ лишенъ и того ческаго элемента, который привлекалъ къ нему Венев Полной взаимностью отвѣчалъ Рожалинъ нашему поэту

(*) Сущность новой теоріи Кирѣевскаго, какъ извѣстно, состояла въ Европа отжила свою умственную жизнь и что отъ Россіи она ожидаетъ своихъ силъ. Если съ великимъ назначеніемъ Россіи можно было и тогда ся, то перваго положенія Кирѣевскаго нельзя было признать не только т гегелизмъ еще не проникалъ въ европейскую науку, а Франція не выр піальныхъ началъ, но даже и теперь—въ виду Италіи, готовой начать ную историческую жизнь.

ѣдствіи, умирая въ чахоткѣ, вспоминалъ объ немъ.... Ко врени этой пріязни относятся переводы Веневитинова — изъ гмонта» Гете и Геерена (отрывокъ «Европа»). Выборъ послѣдй статьи, вѣроятно, былъ сдѣланъ не безъ совѣта Рожалина. ь ней, между причинами возвышенія Европы, встрѣчаемъ одну, изнаніе которой даетъ особенную цѣну труду переводчика—это ѣдставительная форма европейскихъ государствъ...

Открытая душа Веневитинова была вполнѣ цѣнима его друзья. Его блестящее остроуміе, не вездѣ одинаково настроенное, всегда удачно разъигрывавшееся въ близкомъ пріятельскомъ ужкѣ, много оживляло систематическія засѣданія молодыхъ одей. Замѣчательная физическая красота, выразительные каріе аза и звучный голосъ довершали очаровательность Веневитива во всякомъ обществѣ. Съ любовью и глубокой грустью вспоналъ нашъ поэтъ объ этомъ близкомъ сердцу кружкѣ, оторвавій отъ него необходимостью. Онъ говорилъ:

Отдайте мнѣ друзей моихъ,
Отдайте пламень ихъ объятій,
Ихъ тихій, но горячій взоръ,
Языкъ безмолвныхъ рукожатій
И вдохновенный разговоръ.
(Соч. Вен.; Послан. къ Р-ну, стр. 46).

Общество молодыхъ, даровитыхъ людей, со всѣмъ жаромъ его возраста привязанныхъ ко всѣмъ благороднымъ стремленіямъ, конечно не могло вести безплодныхъ бесѣдъ и неболѣе ихъ «шумныхъ» преній. Мы достовѣрно знаемъ по крайней рѣ, что на этихъ мало замѣченныхъ сеймахъ весьма послѣдовательно выработалась идея необходимости такого журнала, корый выполнялъ бы всѣ условія «русскаго» періодическаго данія. Условія эти съ большою ясностью высказаны въ статьѣ евитинова: «Нѣсколько мыслей въ планъ журнала», которая, видѣ проэкта, была прочтена на одномъ изъ литературныхъ еровъ. Въ ней высказывалось много свѣтлыхъ мыслей на ъ характера русскаго просвѣщенія, русскихъ журналовъ и икшаго изъ него «чувства подражательности, которое самоталанту приноситъ въ дань не удивленіе, но раболѣпство». этомъ же кружкѣ были прочтены прозаическіе отрывки: ульптура, живопись и музыка», «Утро, полдень, вечеръ и ь» и «Анаксагоръ». Содержаніе этихъ отрывковъ уже показываетъ многосторонность и живой интересъ бесѣдъ молодыхъ ей. Послѣдній изъ нихъ («Анаксагоръ»), гдѣ высочайшая зія полагается въ философіи, обнаруживаетъ разомъ и то, что ъ ушелъ очень далеко въ наукѣ познанія, и силу поэтическаго а, которымъ онъ могъ оживлять самыя отвлеченныя мысли.

Программу статьи: «Нѣсколько мыслей въ планъ журнала» взялся исполнить нѣсколько позже Московскій Вѣстникъ (изд. съ 1827 г.) Веневитиновъ, всегда ожидая отъѣзда въ Петербургъ, не могъ быть редакторомъ Вѣстника, но постоянно бралъ въ немъ самое дѣятельное участіе. Его содѣйствію обязанъ былъ этотъ журналъ сотрудничествомъ Пушкина. Уже изъ Петербурга Веневитиновъ просилъ: «сказать искренно, что говорятъ о Московскомъ Вѣстникѣ». Въ другомъ мѣстѣ того же письма онъ проситъ передать Погодину, (редактору Вѣстника), что нехуже было бы пригласить въ сотрудники журнала Мицкевича, слывшаго за знатока «литовскихъ древностей, латышскаго и древнеславянскаго языковъ». Также предлагаетъ онъ сразить въ конецъ «треглавую петербургскую гидру»: Пчелу, Архивъ и Сынъ Отечества, мира съ которыми, по его мнѣнію, не могло быть. Въ полемикѣ съ Телеграфомъ онъ совѣтовалъ быть осторожнѣе, указывая на особенныя достоинства этого журнала.

«Скажи Погодину—пишетъ онъ въ письмѣ отъ 24-го Января 1827 года—чтобъ онъ не скупился, прибавилъ листочекъ къ журналу, а то онъ точно въ чахоткѣ. Да что онъ не разнообразитъ его! Я объ нихъ, (издателяхъ Моск. Вѣстника), больше забочусь, чѣмъ они о себѣ».

Большая часть его совѣтовъ исполнилась—и современники оцѣнили прекрасное направленіе журнала. Самый Телеграфъ, забывъ на время свою обычную строгость и сухость похвалъ, говорилъ, что «Московскій Вѣстникъ обращаетъ на себя вниманіе не одною исправностью выхода книжекъ (достоинство далеко не маловажное въ то время), но и самымъ содержаніемъ, благонамѣренностью критики, свѣжестью статей. И такъ мы будемъ вполнѣ правы, если бросимъ впослѣдствіи бѣглый взглядъ на рускую журналистику и укажемъ въ ней мѣсто этому новому органу. Теперь же перейдемъ къ важнѣйшей эпохѣ въ жизни поэта—его первой, юношеской любви.

Ученые труды и философскія бесѣды конечно не могли поглотить всего Веневитинова: его живая, сочная душа не могла остаться при одной жизни ума безъ жизни сердца, чтобы наконецъ представить въ юношѣ одного изъ тѣхъ довременныхъ «старичковъ» надъ которыми недавно такъ зло и удачно подсмѣялся г. Бенедиктовъ (Нов. ст. Бен., стр. 27). Природная впечатлительность поэта не загасла въ этомъ раннемъ умственномъ развитіи и вырвалась таки наружу въ горячей, страстной любви.... Это случилось въ половинѣ 1825-го года, то есть когда Веневитинову было около 20-ти лѣтъ.

Время любви—весьма важный и вмѣстѣ необходимый моментъ

ъ развитіи каждаго человѣка. Кто не прошелъ этихъ волненій, сегда дорогихъ для памяти, кто не былъ въ той завѣтной порѣ, огда

Безумно сердце проситъ женской ласки.
И чудная мечта нашептываетъ сказки?

Притомъ же особенности натуры Веневитинова много способствовали силѣ и продолжительности его любви,—и потому неудивительно, что она длилась довольно долго и не скоро поддалась ходу жизни. Обладая сердцемъ нѣжнымъ и привязчивымъ, поэтъ не могъ любить вспышкой, съ разсчетомъ, съ aggière pensée,—и любовь сдѣлалась его вдохновеніемъ, цѣлью, привязывавшей его къ изни.

Сонетъ» (Соч. Вен. стр.27)—одинъ изъ лучшихъ сонетовъ того ремени—предваряетъ эту любовь. Изъ него видимъ мы, что въ руди молодаго поэта было скоплено уже много страсти прежде, нѣмъ онъ встрѣтился съ предметомъ своей любви.

Два стихотворенія: «Элегія» и «Италія», (написанныя уже по отъѣздѣ изъ Москвы), нѣсколько изображаютъ личность любимой особы и характеръ любви къ ней Веневитинова. Изъ перваго мы знаемъ, что она только вернулась съ юга и «принесла въ очахъ цвѣтъ южнаго неба» Чувство, возбужденное ей, поэтъ называетъ «томительнымъ и матежнымъ огнемъ»:

Онъ не горитъ любовью тихой, нѣжной,
Нѣтъ! онъ и жжетъ, и мучитъ, и мертвитъ,
Волнуется измѣнчивымъ желаньемъ,
То стихнетъ вдругъ, то бурно закипитъ,
И сердце вновь пробудится страданьемъ.
(Соч. Вен. стр. 64).

Второе стихотвореніе, гдѣ поэтъ самъ надѣется посѣтить «отчизну вдохновенья», позволяетъ думать, что разсказы молодой путешественницы о дальней и чудной сторонѣ были свѣжи и увлекательны...

Пьесы: «Завѣщаніе» и «Къ моему перстню (Соч. Вен. стр. 47 и 49), хотя написанныя уже послѣ, относятся по духу къ этому времени, и какъ слѣдовало ожидать, носятъ на себѣ печать болѣзненности и ѣдкой грусти, такъ сродныхъ всякой нѣжной и глубоко любящей душѣ въ минуты сильнѣйшаго напряженія ея чувства. Къ тому же любимая особа была много старше и развитѣе нашего поэта и не могла отвѣчать его страсти съ одинаковой искренностью и теплотою. Два стиха въ пьесѣ: «Къ моему перстню» наводятъ на мысль, что отношенія ихъ были лишены той взаимности, которая могла бы исключить душевную тревогу поэта. «*Дружба*»—говоритъ онъ своему перстню—

..... тебя залогомъ состраданья
Любви рыдающей дала!

Но натура этой женщины,—недаромъ прозванной въ высшемъ кругу «Сѣверной Коринной»,—была весьма даровита и симпатична,—и любовь къ ней Веневитинова продолжалась въ Петербургѣ, сверхъ полутора года, проведеннаго въ Москвѣ. Такъ говорилъ онъ, вспоминая интимныя бесѣды:

Отдайте сладостные звуки,
Они мнѣ счастія поруки:
Такъ тихо вѣяли они
Огнемъ любви въ душѣ невѣжды
И свѣтлой радугой надежды
Мои расписывали дни....

(Соч. Вен. стр. 46).

Но сверхъ этого сильнаго чувства, замыкавшаго собой все нравственное развитіе поэта, московская жизнь подарила его знакомствомъ съ А. С. Пушкинымъ, пріѣзжавшимъ въ 1826-мъ году, по особеннымъ причинамъ, въ Москву.

Еще живши въ Тригорскомъ, Пушкинъ узналъ Веневитинова по разбору 1-й пѣсни Онѣгина въ критикѣ на статью Телеграфа (Соч. Вен. стр. 156). По пріѣздѣ въ Москву, онъ, съ живостью такъ ему свойственной, объявилъ г. Соболевскому, у котораго остановился, желаніе познакомиться съ авторомъ. «Это единственная статья—говорилъ А. С.—которую я прочелъ съ любовью и вниманіемъ. Все остальное или брань, или переслащенная дичь» (*).

Въ домѣ Соболевскаго произошло это знакомство, когда Пушкинъ, устроивъ литературную вечеринку для прочтенія «Бориса Годунова», пригласилъ къ ней и Веневитинова. Въ домѣ послѣдняго происходило на другой день вторичное чтеніе той же пьесы.

Геніальный поэтъ не могъ не замѣтить въ Веневитиновѣ тѣхъ особенныхъ достоинствъ, которыя такъ влекли къ нему всѣхъ людей, знавшихъ его, и скоро между ними началась довольно тѣсная связь. Мы имѣемъ одну пьесу, писанную Веневитиновымъ къ своему новому другу и ея почтительный тонъ говоритъ довольно ясно, что Пушкинъ увлекъ нашего юношу широтой и живостью своего ума, гибкостью остроумія, тонкаго и блистательнаго.

Пьеса начинается обращеніемъ къ творцу «Бориса»:

Разсѣй на мигъ восторгъ святой,
Раздумье творческаго духа

(*) Мы не ручаемся, конечно, за буквальную точность этихъ словъ.

Авт.

И снисходительнаго слуха
Младую музу удостой.....

(Соч. Вен. стр. 54).

Впослѣдствіи Пушкинъ былъ глубоко огорченъ смертью своего юнаго друга и раздѣлялъ всѣ хлопоты родныхъ о его погребеніи.

Вскорѣ однако приблизилось для Веневитинова время разлуки съ Москвой. Въ Канцеляріи Коллегіи Иностран. Дѣлъ открылась вакансія—и въ концѣ Сентября 1826 года нашъ поэтъ отправился туда,—съ прежней любовью и недавно начатымъ романомъ. Бутеневъ становился въ Петербургѣ его ближайшимъ начальникомъ; Э. С. Хомяковъ и французъ Вошѐ, только что вернувшійся изъ Сибири, куда онъ сопровождалъ княгиню Трубецкую, были его попутчиками. Компанія послѣдняго надѣлала остановокъ въ долгомъ и скучномъ переѣздѣ, но прямота и благородство молодаго поэта скоро кончили всю некстати начатую исторію.

Проѣздомъ чрезъ Новгородъ Веневитиновъ вдохновился его грустной судьбой и написалъ стихотвореніе, названное именемъ вольнаго города (Соч. Венев. «Новгородъ»).

«Москву оставилъ я какъ шальной—писалъ Веневитиновъ въ первомъ письмѣ изъ Петербурга—не знаю, какъ не сошелъ съ ума. Сюда пріѣхалъ больной». На просьбу своего корреспондента описать ему Петербургъ, онъ отвѣчалъ, что «описывать Петербургъ не стоитъ. Хотя Москва и не даетъ объ немъ понятія, но онъ говоритъ болѣе глазамъ, чѣмъ сердцу». Любуясь Казанскимъ Соборомъ, поэтъ находилъ въ себѣ склонность къ набожности. «Я люблю, говоритъ онъ, церковь огромную и довольно величественную». Чувство изящнаго и необходимость сильнаго утѣшенія заодно развивали въ немъ эту склонность, но мы не думаемъ, чтобы когда нибудь она перешла ту черту, на которой только возвышаетъ и укрѣпляетъ человѣка, не заразивъ его ни аскетизмомъ, ни презрѣніемъ—достойнымъ тоже презрѣнія—съ силамъ разума.

Таврическій Дворецъ съ своей знаменитой залой и садомъ скоро сдѣлался предметомъ частыхъ посѣщеній поэта: особенно нравилась ему группа Лаокоона. Нева «плѣняла» его и это чувство онъ спѣшилъ заявить въ стихотвореніи: «Къ моей богинѣ». Изъ него видимъ мы, что не одну прогулку по берегамъ «стихоструйной» рѣки сдѣлалъ нашъ поэтъ, вспоминая Москву и виновницу того чувства, которое теперь отравлялось разлукой.

«Обѣдаю за общимъ столомъ у Andrieux—писалъ онъ въ первомъ же письмѣ—гдѣ собираются говоруны и умники Петербурга. Я, разумѣется, молчу и нужно прибавить, что я сталъ очень молчаливъ съ тѣхъ поръ, какъ тебя оставилъ». Здѣсь по-

ясняется замѣчательная черта въ характерѣ Веневитинова: онъ не былъ «говоруномъ», не любилъ словесныхъ турнировъ, на которые иной бесцъ за-долго запасаетъ стрѣлы и копья,—и, только съ близкими людьми, могъ вступать въ живой, одушевленный разговоръ. Въ этомъ случаѣ, онъ былъ вполнѣ вѣренъ тому идеалу человѣка, который самъ начерталъ въ стихотвореніи: «Поэтъ». Ему трудно было говорить то, чего онъ не чувствовалъ и о томъ, чему не сочувствовалъ, и «слово, сжатое искусствомъ» всегда замирало въ устахъ его. Конечно, при помощи обширной проницательности и способности вызывать на откровенность всякое новое лицо, сближавшееся съ нимъ, онъ скоро находилъ людей, съ которыми бы могъ «отвести душу», но, несмотря и на это, онъ онъ не могъ остаться въ Петербургѣ вполнѣ тѣмъ человѣкомъ, какимъ зналъ себя прежде. Всѣ привязанности сердца, всѣ воспоминанія молодости, влекли его въ покинутый городъ,—и онъ, съ полнымъ правомъ, указывалъ на себя Рожалину, какъ на жертву «многолюдной пустыни, не населенной ни единою душою». (Соч. Вен. стр. 45). Въ письмахъ къ одному близкому лицу, онъ часто просилъ передать поклонъ любимой особѣ, или нѣкоторые изъ своихъ стиховъ. Въ Петербургѣ онъ встрѣтилъ одну, тоже весьма привлекательную женщину, но сердце его уже не было свободно и онъ говорилъ, что «любуется ей, какъ Ифигиніей въ Тавридѣ, которая, мимоходомъ сказать, прекрасна». Въ Декабрѣ онъ думалъ развлечься петербургскими маскарадами, но не вынесъ изъ нихъ ничего, кромѣ скуки. Болѣзненное состояніе его духа заранѣе опредѣлило это впечатлѣніе.—Изъ всѣхъ знакомствъ, заведенныхъ Веневитиновымъ въ новомъ мѣстѣ, закомства съ Кн. В., Гр. Л., Дельвигомъ и Козловымъ были для него пріятнѣйшими. Въ домѣ первыхъ двухъ онъ чаще всего проводилъ время, свободное отъ службы и поэтическихъ вдохновеній. Дельвигъ, благодаря своей прямой, честной натурѣ, «привлекавшей его къ возвышеннымъ пѣвцамъ» скоро сдѣлался любимымъ собесѣдникомъ Веневитинова. Нерѣдко цѣлые вечера проводили они вмѣстѣ «попѣвая пѣсни и швыряя другъ въ друга стихами».

Здѣсь же кстати замѣтить, что, въ минуту увлеченія, поэтъ нашъ былъ самымъ счастливымъ импровизаторомъ и часто даже сочинялъ цѣлую шутливую пьесу на того, кто затрогивалъ въ немъ юмористическую жилу. Сохранилась діатриба, направленная имъ на одного изъ знакомыхъ, большаго мастера на пышныя фразы, человѣка, который самъ себя подслушивалъ въ разговорѣ; еще уцѣлѣлъ водевиль, писанный, подъ веселую руку, для домашняго спектакля

Кромѣ Дельвига, нашлись и другіе претенденты на дружбу поэта: два журналиста «увивались около него, какъ около липки», намѣтивъ пользу для себя и для своихъ изданій, но скоро однако потеряли надежду «добыть отъ него меду». Молодость поэта не мѣшала ему разгадать вполнѣ новыхъ пріятелей и ихъ разсчетливыя ласки.

«Я дружусь съ моими дипломатическими занятіями»—писалъ Веневитиновъ въ Декабрѣ, пригоняемый къ нимъ горечью своей внутренней жизни. «Молю Бога, чтобы поскорѣе былъ миръ съ Персіей: хочу отправиться туда и на свободѣ пѣть съ восточными соловьями.» Судьба не дала ему дожить до той печальной катастрофы, которой вскорѣ подверглось наше персидское посольство: оно уже готовило ему болѣе раннюю и мирную смерть.

Таланты молодаго человѣка и его усердіе къ службѣ были скоро замѣчены гр. Лавалемъ, поручавшемъ его перу самыя важныя бумаги. По его же приглашенію, Веневитиновъ разбиралъ сцену изъ «Бориса Годунова» для Journal de S. Pétersbourg (Соч. Вен. стр. 181; Analyse d'une scène, détachée de la tragédie de Mr. Pouchkin), но, еще нерѣшенная въ то время, участь Пушкина помѣшала этой статьѣ явиться въ правительственномъ журналѣ. Когда же пронесся слухъ, что Улыбышевъ собирается бранить эту сцену, то Веневитиновъ надѣялся опять приняться за перо. «Я очиню перышко-говорилъ онъ-и мы перевѣдаемся».

«Несмотря на множество занятій-сообщалъ онъ въ декабрьскомъ письмѣ- я все таки нахожу время писать». Хотя это случалось довольно часто, но, несмотря на свое обиліе, всѣ произведенія, писанныя имъ въ эту пору, имѣютъ много достоинствъ и ясно выражаютъ тотъ крутой переходъ отъ юношества къ зрѣлости, въ которомъ теперь находился авторъ. Сюда относятся: «Поэтъ», первое стихотвореніе, присланное изъ Петербурга, и всѣ стихотворенія, помѣщенныя въ изданіи послѣ него. Въ нихъ проглядываетъ уже серьозный взглядъ на жизнь, а въ переводахъ изъ Фауста видно желаніе глубже вникать въ вопросы этой жизни. Пьесы: «Три участи» и «Жизнь» показываютъ, что поэтъ не обошелся при этомъ безъ того невольнаго скептицизма, который обусловливаетъ всякое раннее развитіе. Неустоявшаяся мысль еще требуетъ опоры, хотя серце и рвется съ прежней горячностью по однажды избранному пути. Вторая пьеса могла бы даже служить программой поэзіи Баратынскаго, хотя послѣдній нисколько не былъ подражателемъ, но собственнымъ мышленіемъ достигъ того же грустнаго вывода.(*)

(*) Вотъ эта коротенькая пьеска:

Сначала жизнь плѣняетъ насъ,

Стихотвореніе «Домовой» присланное съ однимъ декабрьскимъ письмомъ, тоже имѣетъ цѣну по милой простотѣ и народному колориту, особенно утѣшительному въ то время, когда «солдатъ» Дельвига описывалъ высокимъ слогомъ вліяніе лѣтняго воздуха на свои «суставчики», а рыбакъ Гнѣдича любовался на звѣзды и слышалъ въ тѣни ночей какіе то «вѣщіе гласы».

При посылкѣ «Домоваго» выразилась еще одна важная особенность въ характерѣ Веневитинова: онъ запрещаетъ показывать эту пьеску въ дамскомъ обществѣ, хотя въ ней нѣтъ ничего, не только циническаго, но и сколько нибудь оскорбительнаго для самой придирчивой нравственности. Но всего замѣчательнѣй стихи, начинающіеся такъ:

Я чувствую, во мнѣ горитъ
Святое пламя вдохновенья.

(Соч. Вен. стр. 67.

Въ нихъ уже видно начало освобожденія поэта отъ всѣхъ исключительныхъ привязанностей въ пользу свѣтлой, глубоко поэтической созерцательности. Онъ не доволенъ однимъ чувствомъ, незрѣлымъ въ самомъ себѣ хотя и обогатившимъ его жизнь новыми впечатлѣніями,—но хочетъ обнять *всю* природу и въ свободномъ вдохновеніи воспроизводить каждый ея фактъ достойный воспроизводить.

Такъ соловей, въ тѣни дубравъ,
Восторгу краткому послушный,
Когда на долы ляжетъ тѣнь,
Уныло вечеръ воспѣваетъ,
И утромъ весело встрѣчаетъ,
Въ румяномъ небѣ ясный день.

Короткій разговоръ «Поэта и Друга» писанный подъ вліяніемъ какого то пророческаго предчувствія, долженъ остановить на себя все вниманіе біографа. Здѣсь, въ лицѣ «Поэта», мы узнаемъ са-

---

Въ ней все тепло, все серце грѣетъ,
И, какъ заманчивый разсказъ,
Нашъ умъ причудливый лелѣетъ:
Кой-что страшитъ издалека,—
Но въ этомъ страхѣ наслажденье.—
Онъ веселитъ воображенье,
Какъ о волшебномъ приключеньи
Ночная повѣсть старика.
Но кончится обманъ игривый;
Мы привыкаемъ къ чудесамъ,
Потомъ-на все глядимъ лѣниво,
Потомъ—и жизнь постыла намъ.
Ея загадка и завязка
Уже длинна, стара, скучна,
Какъ пересказанная сказка
Усталому предъ часомъ сна.

(Соч. Вен. стр. 44.

енитинова въ сокровеннѣйшихъ движеніяхъ его сердца
нимъ строфу:

Душа сказала мнѣ давно:
Ты въ мірѣ молніей промчишься!
Тебѣ все чувствовать дано,
Но жизнью ты не насладишься.

оэтъ твердо вѣруетъ, что

Тому, кто жребій довершилъ,
Потеря жизни не утрата...

ная участь и апоѳеоза художника» дополняетъ впечатлѣ-
здъидущаго: ту же вѣру въ безсмертіе, надежду на пони-
и сочувствіе потомства поэтъ выражаетъ въ образахъ,
ованныхъ у Гёте. Частныя мысли замѣчательны: въ ли-
дожника» поэтъ говоритъ:

. . . . . лишь тотъ знакомъ съ душевнымъ наслаж-
деньемъ,
Кто пріобрѣлъ его трудами и терпѣньемъ.

ъ именемъ «Мастера» онъ сѣтуетъ на то, что

. . . . . въ наши времена всѣ любятъ путь широкій,
Не трудную стезю, не строгіе уроки. (*)

Февралѣ 1827 года мы застаемъ Веневитинова за новой ра-
которая должна была рѣшить: «долженъ ли онъ слѣдо-
леченію къ поэзіи или побороть въ себѣ эту страсть». Къ
нію намъ не осталось ни одного отрывка изъ этого, по всей
ности, прекраснаго произведенія. Романъ, начатый Вене-
вымъ въ Москвѣ, тоже подвигался впередъ. Намъ сохра-
отъ него одинъ отрывокъ и еще программа всего сочине-
зложенная въ предисловіи къ прозаическимъ статьямъ Ве-
нова. По ней можно судить, что романъ этотъ всего при-
было бы писать стихами. Его многія длинноты не были
къ замѣтны, а иныя подробности вышли бы гораздо эф-
й подъ выразительнымъ, краткимъ стихомъ Веневи-

помянутаго отрывка мы убѣждаемся еще положительнѣй,
я поэта проходила уже пора безотчетныхъ восторговъ
. Усиленная работа мысли, укрѣпленной и направленной
мъ, уже привела его къ рубежу юношеской страсти—стро-
блюдательности и безъисключительному анализу всякаго
а. Поэтъ уже не удовлетворялся «первымъ идеаломъ сво-
ѣмъ образомъ, въ который выливалъ всю душу»,—и смѣ-
зывалъ себѣ на третью эпоху жизни, эпоху *думъ*. Трудъ

(*) татель не удивится смѣлости, съ какой мы усвоиваемъ Веневитинову приче-
мысли: у такихъ мыслителей-поэтовъ, какъ Веневитиновъ, переводныя
всегда въ главныхъ чертахъ, выражаютъ собственный духъ переводчика.
Авт.

и мышленіе становились его девизомъ.... Но физическія силы поэта, какъ ни были значительны, не вынесли такой жгучей умственной работы. Онъ

. . . . . жизни не щадилъ чувства,—

и надъ нимъ сбывалось его же собственное пророчество. . . . За мѣсяцъ до кончины поэта, Гр. Стурдза уже видѣлъ на его лицѣ признаки близкаго разрушенія. «Я видѣлъ Веневитинова—говорилъ онъ впослѣдствіи Ѳ. С. Хомякову—и съ перваго взгляда призналъ въ немъ геніальность, но тутъ же замѣтилъ я на его лицѣ признаки скорой смерти. Я въ этомъ никогда не ошибался.»

Еще бѣдный поэтъ мечталъ о поѣздкѣ въ Маѣ мѣсяцѣ въ Ревель и Финляндію, какъ вдругъ неотразимая болѣзнь сложила его въ постель. Жестокій тифъ продолжался, по показанію однихъ писемъ до 5, а по другимъ даже до 9 дней. Докторъ Раухъ, славный въ то время въ Петербургѣ, лечилъ больнаго, но безъ успѣха,—и 15 Марта 1827 года Д. В. Веневитиновъ скончался на рукахъ Хомякова, Муханова и другихъ близкихъ людей.

Вѣсть о его смерти поразила ужасомъ всѣхъ его родныхъ и знакомыхъ. Стоитъ только просмотрѣть разныя письма на этотъ печальный случай, чтобы убѣдиться въ томъ, что только глубоко честная, любящая и обаятельная душа могла возбудить такія сходныя чувства. Отъ матери долго скрывали ея потерю. Хомяковъ заболѣлъ отъ горести. Выражая свою любовь къ покойному, одна дама писала, что «это чувство было обще всѣмъ, кто зналъ поэта». «Душа разрывается—писалъ Кн. О.—я плачу, какъ ребенокъ»!...

Тѣло Веневитинова было перевезено въ Москву, и вотъ какой эпитафіей почтилъ его гробницу старикъ—Дмитріевъ:

Здѣсь юноша лежитъ подъ хладною доской,
Надъ нею роза дышетъ,—
А старость дряхлою рукой
Ему надгробье пишетъ!...

На могильной плитѣ, (въ Симоновомъ монастырѣ), вырѣзана краткая надпись:

Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ. (*)

(*) Москва до сихъ поръ не забыла своего поэта какъ видно изъ статьи г. Лонгинова о похоронахъ С. Т. Аксакова (Русск. В. 1859 года). *Авт.*

ЗАМѢТКИ ОБЪ А. С. ГРИБОѢДОВѢ.

Скудость обнародованныхъ до сихъ поръ свѣдѣній о жизни Грибоѣдова препятствуетъ разъясненію важнаго въ его біографіи вопроса: какъ развилось и окрѣпло его дарованіе и что способствовало этому развитію? Предлагаемъ нѣсколько указаній, хоть отчасти разъясняющихъ этотъ вопросъ.

А. С. Грибоѣдовъ родился 4 Января 1795 года, первоначальное образованіе онъ получилъ въ родномъ семействѣ сперва подъ руководствомъ матери, Настасьи Ѳедоровны, женщины очень просвѣщенной, а потомъ подъ наблюденіемъ иностранцевъ гувернеровъ. Первымъ изъ нихъ былъ извѣстный ученый и энциклопедистъ Петрозиліусъ, вторымъ Богданъ Ивановичъ Іонъ. Послѣдній, человѣкъ очень ученый, образованный, далъ Александру Сергѣевичу классическое образованіе. Въ 1811 году превосходно приготовленный Грибоѣдовъ поступилъ на юридическій факультетъ Московскаго Университета. Но Іонъ продолжалъ жить у Грибоѣдовыхъ и всегда сопровождалъ своего воспитанника на лекціи; это было тогда въ обычаѣ у молодыхъ людей богатыхъ фамилій. Уже въ это время Грибоѣдовъ говорилъ по французски, нѣмецки, англійски и итальянски (1) и оказывалъ наклонность къ серьезному чтенію. Это чтеніе, вмѣстѣ съ университетскими лекціями, стало въ послѣдствіи главнымъ основаніемъ его образованія. Будучи студентомъ, Грибоѣдовъ съ Іономъ читалъ латинскихъ классиковъ; любимыми его писателями были комики

---

(1) Это показаніе, принадлежащее г. N. (см. ниже), не согласно однако со слѣдующими словами Грибоѣдова: «Les connaissances que je possède se réduisent à celle des langues: Slavonne et Russe, Latine, Française, Anglaise, Allemande. Durant ma station en Perse je me suis appliqué au Persan et l'Arabe (Москвитянинъ 1856 г., № 12, изъ черновой рукописи одного письма, писаннаго Грибоѣдова въ 1820 году. См. также изд. Серчевскаго: А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія». СПб. 1858 (8), стр. 48). Быть можетъ скрытность руководила словами поэта. Грибоѣдовъ занимался также греческимъ языкомъ (около 1817 года), какъ увидитъ читатель изъ напечатаннаго ниже письма А. С.

Плавтъ и Теренцій. Однажды онъ не поладилъ со своимъ наставникомъ и вмѣсто Іона прислъ одного изъ своихъ товарищей, г. N. (2), помочь ему въ чтеніи Плавтова «Хвастливаго Воина». При этомъ случаѣ г. N. убѣдился, что латынь коротко знакома Грибоѣдову, и г. N. приходилось объяснять Александру Сергѣевичу только нѣкоторыя особенности Плавтова языка.

Благодаря знанію древнихъ языковъ, Грибоѣдовъ почти одинъ изъ русскихъ былъ въ состояніи слѣдить за лекціями нѣмецкихъ профессоровъ, читавшихъ по латини. Недовольствуясь университетскими лекціями, онъ частнымъ образомъ слушалъ эстетику у профессора Буле, на нѣмецкомъ языкѣ.

Литературныя занятія будущаго автора «Горе отъ ума» начались еще въ университетѣ. Нерѣдко читалъ онъ своимъ товарищамъ стихи своего сочиненія, большею частью сатиры и эпиграммы. Однажды, въ началѣ 1812 года, онъ прочелъ Іону и г. N. отрывокъ изъ комедіи, имъ задуманной: это были начатки «Горе отъ «ума». Это извѣстіе, сообщенное г. N., по нашему мнѣнію, такъ важно, что для полной достовѣрности, требуетъ новаго подтвержденія, но во всякомъ случаѣ оно правдоподобнѣе разсказа г. Булгарина о снѣ, видѣнномъ Грибоѣдовымъ въ Персіи и подавшемъ ему поводъ къ созданію знаменитой комедіи (3). Могутъ возразить, что семнадцатилѣтній Грибоѣдовъ не могъ близко знать московское общество, такъ живо имъ изображенное.—Справедливо, но несомнѣнно и то, что комедія была много разъ передѣлываема и исправляема (4). И можетъ быть, въ своемъ первообразѣ, мало походила на полнѣйшую свою форму.

Передъ началомъ войны 1812 года студентамъ Московскаго Университета сдѣланъ былъ вызовъ: не пожелаетъ ли кто поступить въ военную службу? Патріотическое движеніе было всеобщее, и Грибоѣдовъ, подобно многимъ другимъ, оставилъ университетъ для военной службы.

Служебная дѣятельность Грибоѣдова, сперва военная, а потомъ дипломатическая, не помѣшала ему продолжать свое образованіе чтеніемъ, которое было очень разнообразно, какъ это доказывается недавно изданною черновою тетрадью поэта (5). Полагаемъ, что это чтеніе сформировало здравыя литературныя понятія Грибоѣдова, не позволившія ему увлечься сенти-

(2) Г. N. сообщившій намъ всѣ эти свѣдѣнія (за что приносимъ ему полную нашу благодарность) былъ короткимъ знакомымъ Грибоѣдова. Г. N. спеціально изучалъ римское право и латинскую филологію.

(3) Воспоминанія о Грибоѣдовѣ, напечатанныя при «Горѣ отъ ума», изданіе г. Черпохвостова. Спб. 1854 (12), стр. XII и XIII.

(4) Свидѣтельство г. Булгарина тамъ же.

(5) Русское слово на 1859 годъ, книги IV и V.

ентальнымъ направленіемъ, которое господствовало въ на-
ей литературѣ въ послѣдніе годы прошлаго вѣка и въ пер-
ыя десять, пятнадцать лѣтъ нынѣшняго столѣтія. Это на-
равленіе утвердилось у насъ «Письмами Русскаго Путеше-
ственника» (1791 г.), повѣстями Карамзина, пѣснями Дмитріе-
а и Нелединскаго-Мелецкаго. Подражатели ихъ довели это
аправленіе до крайности. Крайности вызвали въ литературѣ
асмѣшки и противодѣйствіе: появился «Новый Стернъ» Кн.
Шаховскаго (1807), началось изданіе «Благонамѣреннаго», ко-
орый открылъ жестокую войну съ сентиментальностью (1818 г.).
агоскинъ написалъ «Романъ на большой дорогѣ» (1819). Гри-
оѣдовъ тоже принялъ участіе въ этой литературной борьбѣ,
аписавши въ 1817 году, вмѣстѣ съ П. А. Катенинымъ, коме-
ю въ трехъ дѣйствіяхъ «Студентъ». Она не была до сихъ
оръ ни напечатана, ни играна на сценѣ (*). Поэтому, предла-
емъ здѣсь краткое обозрѣніе ея содержанія, на основаніи ру-
описи, принадлежавшей П. А. Катенину.

Его превосходительство г. Звѣздовъ, будучи въ Казани, позна-
омился съ г. Беневольскимъ, который «предложилъ ему свои
слуги и имѣлъ хожденіе за его дѣлами». Въ благодарность за
го Звѣздовъ обѣщалъ покровительствовать сыну Беневольскаго,
огда онъ, окончивши курсъ въ Казанскомъ Университетѣ, пріѣдетъ, въ Петербургъ, и выдать за него свою воспитанницу
арвару Николаевну. Но Варинька влюблена въ Полюбина, моло-
ого человѣка, служащаго въ Петербургѣ, и любима имъ взаимно.
о этому, когда Евлампій Аристарховичъ Беневольскій (сынъ)
ріѣзжаетъ въ домъ Звѣздова (этимъ начинается комедія) и заду-
ываетъ немедленно привести въ исполненіе обѣщаніе своего
окровителя, то встрѣчаетъ противодѣйствіе и въ самой Ва-
инькѣ, и въ женѣ Звѣздова, и въ ея братѣ Саблинѣ (пріятелѣ
олюбина). Дѣло въ томъ, что Беневольскій оказывается боль-

(*) Г. Серчевскій въ изданіи сочиненій Грибоѣдова (СПб. 1858 (8), стр. 243) го-
ритъ, о «Студентѣ» слѣдующее: «Въ этомъ произведеніи выведена тогдашняя
рьба классицизма съ романтизмомъ; она наполнена идеями устарѣвшими и заклю-
етъ въ себѣ личности, недозволившими (должно быть не дозволившія) предста-
ть ее на сценѣ и еще менѣе подвергнуть типографскому тисненію» Неизвѣстно,
куда взяты эти свѣдѣнія; не знаемъ также противъ кого направлена комедія (что
ается борьбы классицизма съ романтизмомъ и устарѣвшихъ идей, то ихъ вовсе
тъ въ пьесѣ: Грибоѣдовъ, какъ и Кн. Шаховской, враждовалъ противъ чувствитель-
сти, но былъ горячій защитникъ романтизма, что видно изъ его статьи «О разбо-
вольнаго перевода Бюргеровой баллады: Леонора» помѣщенной въ Сынѣ Отече-
а 1816 г. № 30, стр. 150», и въ изд. Серчевскаго стр. 18) между тѣмъ какъ Шахов-
ой пытался осмѣять романтизмъ въ «Липецкихъ Водахъ». Вообще Грибоѣдовъ от-
чался чрезвычайною самостоятельностью литературныхъ понятій.

встанетъ: тотъ не танцуетъ, у того нога болитъ, а все изъ-подъ наконецъ иногда упросятъ, онъ удостоитъ выборомъ какую-нибудь счастливую дѣвушку, прокружится разъ по залѣ и устанетъ до ужина. Тутъ, правда, усталыхъ нѣтъ: наѣдятся, напьются и уѣдутъ спать.

С—кз. А я тебѣ коротко скажу, что, кромѣ ужина, нѣтъ ничего хорошаго ни на одномъ балѣ; я ихъ терпѣть не могу съ десяти лѣтъ, какъ дядюшка заставлялъ меня насильно прыгать со всѣми уродами.

Къ тому же 1817 году относится сатирическое стихотвореніе Грибоѣдова «Лубочный Театръ», направленное противъ Загоскина. Мы печатаемъ это стиховореніе вмѣстѣ съ письмомъ автора «Горе отъ ума» къ П. А. Катенину, заключающимъ въ себѣ нѣкоторыя объясненія по поводу «Лубочнаго Театра». Правописаніе подлинниковъ сохранено нами вполнѣ.

Октября 19.

Что ты? душа моя Катенинъ, надѣюсь, что не сердишься на меня за письмо, а если сердишься, такъ сдѣлай одолженіе перестань. Ты знаешь, какъ я много, много тебя люблю. Согласись, что твои новости никакъ не могли мнѣ быть по сердцу, а притомъ меня взбѣсило, что ихъ читали тѣ, кому бы вовсе не слѣдовало про это знать (7). Впрочемъ я вообще былъ не въ духѣ какъ писалъ, и пасмурная осенняя погода немало этому способствовала. Ты можетъ быть не знаешь какъ сильно хорошее и дурное время надо мной дѣйствуютъ, спроси у Бѣгичева (8). Ахъ! поклонись Алексѣю Скуратову, да сажай его чаще за фортепьяно: по настоящему эти вещи пишутся въ концѣ письма; но ужь у меня однажды на всегда никто не на своемъ мѣстѣ. А самое первое голова—И смѣшно сказать отъ чего?—Дуракъ Загоскинъ въ Журналѣ своемъ намаралъ на меня ахинею (9). Коли ты хочешь непростительно, точно непростительно этимъ оскорбляться, и я сперва какъ прочелъ расмѣялся, но послѣ чѣмъ больше объ

---

(7) Надобно замѣтить, что это письмо—только небольшой отрывокъ переписки двухъ друзей писателей.

(8) Другъ Грибоѣдова, полковникъ Степанъ Никитичъ Бѣгичевъ.

(9) Тутъ разумѣется журналъ, «Сѣверный Наблюдатель», который въ 1817 году издавалъ П. Корсаковъ (СПб. (8) 2 ч.) Загоскинъ принималъ въ немъ дѣятельное участіе (см. Біографію М. Н. Загоскина, сост. С. Т. Аксаковымъ и помѣщ. въ Москвитянинѣ (СПб. 1853 г, № 1, отд. I, стр. 27). Перелистывая Наблюдатель, мы не могли однако найти намековъ, оскорбившихъ Грибоѣдова.

томъ думалъ, тѣмъ больше злился. Наконецъ не вытерпѣлъ, написалъ самъ фасесію и пустилъ по рукамъ, вѣрнешь ли? нынче [illegible] ертый день, какъ она сдѣлана а вчера въ театрѣ во всѣхъ глазахъ ее читали, благодаря моимъ пріятелямъ, которые очень усердно разносятъ и разносятъ копіи этой шалости. Я тебѣ ее пересылаю, покажи Бѣгичеву;—покажи кому хочешь впрочемъ. Воля твоя нельзя же молчаньемъ отдѣлываться когда глупецъ клевещетъ объ тебѣ дурачества. Этимъ ничего не возмешь, доказательство Шаховской, который вѣчно хранитъ благородное молчаніе, и вѣчно засыпанъ пасквилями. Ахъ! кстати онъ совершенно окончилъ свою комедію (10), не достаетъ только предисловія, развязка преакуратная: графъ женится на княжнѣ, князь съ княжной уѣзжаютъ въ деревню, дяди и тетка изъясняютъ моральную цѣль всего произшедшаго, Машу и Ваньку устыжаютъ, они хотятъ—стыдятся, хотятъ—нѣтъ, Цаплинъ въ полиціи, Инквартусъ и многіе другіе въ дуракахъ, въ числѣ ихъ будутъ и зрители я думаю, ну да это не мое дѣло, я буду хлопать.—Хочешь ли кое что узнать объ другихъ твоихъ пріятеляхъ. Изволь.—Объ Чепеговѣ, однако я ничего не могу сказать, потому что не видалъ его съ тѣхъ поръ какъ ты отправился въ Москву.—А Андрей Андреевичъ (11) послѣдній вторникъ является на вечеръ къ Шишкову, слушаетъ Тасса въ прозѣ (12), и благополучно спитъ, потомъ приходитъ ко мнѣ и бодрствуетъ до третьяго часа ночи. Я его какъ душу люблю, и жалѣю, а самъ я регулярно каждый вторникъ боленъ. Читалъ ты Жандровъ отрывокъ изъ Гоѳоліи въ *Наблюдатель* (13)?—Безподобная вещь, только одно слово и къ тому же рѳма пребогомерзская: *говяда*. Видишь ты въ Библіи это значитъ стадо, да какое мнѣ дѣло? . . . . . Я теперь для него Семелу Шиллерову перевожу слово въ слово, онъ изъ нея вѣрно сдѣлаетъ прелестную вещь (14)—это для бенефиса Семеновой. А я сей же въ бенефисъ отдаю Les fausses infidélités (15). Для Вальберховой я

(10) Здѣсь разумѣется комедія въ 5 д. «Пустодомы», изданная въ 1820 г. Спб. (8).

(11) Жандръ.

(12) «Освобожденный Іерусалимъ» въ 20 пѣсняхъ; соч. Торквата Тасса, пер. съ Итал. А. С. Шишковъ 2 г. Спб. 1818—1819 (4).

(13) «Сѣверный Наблюдатель» Корсакова, на 1817 годъ.

(14) Въ Сынѣ Отечества на 1817 г. ч. 42, стр. 237 и слѣд., напечатана «Семела (вольный переводъ съ Нѣмецкаго)» А. А. Жандра, при запискѣ Грибоѣдова въ редакцію. Въ запискѣ сказано, что А. А. Жандръ предпринялъ переводъ по усиленной просьбѣ Грибоѣдова и во вставкахъ обогатилъ эту вещь новыми, оригинальными красотами.

(15) Грибоѣдовъ, вмѣстѣ съ А. А. Жандромъ, перевелъ съ французскаго стихами комедію Барта «Притворная невѣрность» (Спб. 1818 (8). Впрочемъ, изъ письма можно заключить, что автору «Горе отъ ума» принадлежитъ большая часть перевода. Г. Серчевскій (А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія стр. 213) говоритъ, что

сдѣлалъ четыре сцены, которыми Жандръ очень доволенъ (16). На будущей почтѣ пришлю тебѣ. Скажи Бѣгичеву, что это безстыдное дѣло, онъ мнѣ еще ни строчки не писалъ.—И я ему буду платить тѣмъ же. Прощай сейчасъ ѣду со двора: куда ты думаешь? Учиться погречески. Я отъ этого языка съ ума схожу, каждый божій день съ 12-го часа до 4-го учусь, и ужъ дѣлаю большіе успѣхи. По мнѣ онъ вовсе не труденъ.

ЛУБОЧНЫЙ ТЕАТРЪ.

Comptable de l'ennui, dont sa Muse m'assomme.
Pourquoi s'est il nommé, s'il ne veut, qu'on le nomme?
Gilbert.

Эй! Господа!
Сюда! Сюда!
Для дѣловыхъ людей и праздныхъ,
Есть тьма у насъ оказій разныхъ:
Есть дикій человѣкъ, безрукая мадамъ!
Взойдите къ намъ!
Добро пожаловать, кто баринъ тороватый,
Извольте видѣть—вотъ
Рогатый, нерогатый
И всякій скотъ.
Вотъ господинъ Загоскинъ,
Вотъ весь его причетъ:
Княгини и *княжны*, *князь Фольгинъ* и *князь Блесткинъ* (17)
Они хоть не смѣшны, да самъ за то ужь онъ
Куда смѣшонъ!—
Съ нимъ вмѣстѣ быть ей богу! праздникъ.
Вотъ вамъ его *Проказникъ* (18)
Спроказилъ онъ неловко—разъ упалъ,
Да и не всталъ.
Но авторъ таковымъ примѣромъ

«Притворная невѣрность» была играна на СПб. театрѣ 29 Сентября 1815 года; это несправедливо, въ этотъ день играна была первая комедія Грибоѣдова «Молодые супруги». «Притворная невѣрность» представлена была въ Февралѣ 1818 года.

(16) Эти сцены, которыя прибавилъ Грибоѣдовъ въ комедіи Кн. Шаховскаго «Своя семья». Онѣ напечатаны въ первый разъ въ Сынѣ Отечества 1817 года, ч. 42, съ маленькимъ предисловіемъ А. С., объясняющимъ содержаніе комедіи.

(17) Намеки на дѣйствующихъ лицъ въ комедіи Загоскина.

(18) Комедія Загоскина, ненапечатанная; написана имъ въ 1814 году (См. Москвитянинъ 853, № 1 статья С. Т. Аксакова о Загоскинѣ, стр. 21).

Не наученъ—грѣшитъ передъ партеромъ
Проказитъ до сихъ поръ.
Что видитъ и что слышитъ,
Онъ обо всемъ исправно вздоръ
И говоритъ и пишетъ.
Вотъ *Богатоновъ* (19) вамъ: особенно онъ милъ,
Богатъ чужимъ добромъ, все крадетъ, что находитъ,
Съ *Транжирина* (20) кафтанъ стащилъ
Да въ немъ и ходитъ
А свѣтскій тонъ
Не только онъ
И вся его бесѣда,
Переняла у *буйнаго сосѣда* (21).
Что вы? неужь-то по домамъ?
Ужь надоѣло вамъ!
И кстати-ль?
Вотъ вамъ *Загоскинъ-Наблюдатель*
Вотъ *Сынъ Отечества*, съ нимъ вѣчный состязатель,
Одинъ напишетъ вздоръ,
Другой на то разборъ,
А разобрать труднѣе
Кто изъ двоихъ глупѣе?.....
Что вы смѣетесь господа?
Писцу насмѣшка не бѣда.
Онъ знаетъ многое смѣшное за собою,
Да ужь давно махнулъ рукою.
Махнулъ перомъ, отдалъ съиграть,
А вы пожалуй разсуждайте.
Махнулъ перомъ, отдалъ въ печать,
А вы читайте!

Какъ ты думаешь? Вѣстникъ Европы не согласится у себя напечатать. Бѣгичевъ съ нимъ пріятель.—Я бы подписалъ свое имя *(коли нельзя иначе)*.

Вмѣсто Загоскина:

Вотъ вамъ *Михайло Моськинъ*.

---

(19) «Господинъ Богатоновъ или провинціалъ въ столицѣ», ком. въ 5 д. соч. М. Загоскина СПб. 1817 (8).

(20) Главное дѣйствующее лицо въ комедіяхъ Кн. Шаховскаго «Полубарскія Затѣи» и «Чванство Транжирина».

(21) Извѣстное въ рукописи стихотвореніе В. Л. Пушкина.

сдѣлалъ четыре сцены, которыми Жандръ очень доволенъ (
На будущей почтѣ пришлю тебѣ. Скажи Бѣгичеву, что э
безстыдное дѣло, онъ мнѣ еще ни строчки не писалъ.—И я
буду платить тѣмъ же. Прощай сейчасъ ѣду со двора: куда
думаешь? Учиться погречески. Я отъ этого языка съ у
схожу, каждый божій день съ 12-го часа до 4-го учусь, и у
дѣлаю большіе успѣхи. По мнѣ онъ вовсе не труденъ.

ЛУБОЧНЫЙ ТЕАТРЪ.

Comptable de l'ennui, dont sa Muse m'assomme.
Pourquoi s'est il nommé, s'il ne veut, qu'on le nom
Gilbert.

Эй! Господа!
Сюда! Сюда!
Для дѣловыхъ людей и праздныхъ,
Есть тьма у насъ оказій разныхъ:
Есть дикій человѣкъ, безрукая мадамъ!
Взойдите къ намъ!
Добро пожаловать, кто баринъ тороватый,
Извольте видѣть—вотъ
Рогатый, нерогатый
И всякій скотъ.
Вотъ господинъ Загоскинъ,
Вотъ весь его причетъ:
Княгини и *княжны*, *князь Фольгинъ* и *князь Блесткинъ* (
Они хоть не смѣшны, да самъ за то ужь онъ
Куда смѣшонъ!—
Съ нимъ вмѣстѣ быть ей богу! праздникъ.
Вотъ вамъ его *Проказникъ* (16)
Спроказилъ онъ неловко—разъ упалъ,
Да и не всталъ.
Но авторъ таковымъ примѣромъ

«Притворная невѣрность» была играна на СПб. театрѣ 29 Сентября 1815 года несправедливо, въ этотъ день играна была первая комедія Грибоѣдова «Мо супруги». «Притворная невѣрность» представлена была въ Февралѣ 1818 года.

(16) Эти сцены, которыя прибавилъ Грибоѣдовъ въ комедіи Кн. Шаховскаго « сенья». Онѣ напечатаны въ первый разъ въ Сынѣ Отечества 1817 года, съ маленькимъ предисловіемъ А. С., объясняющимъ содержаніе комедіи.

(17) Намеки на дѣйствующихъ лицъ въ комедіи Загоскина.

(18) Комедія Загоскина, ненапечатанная; написана имъ въ 1814 году (См. М 853, № 1 статья С. Т. Аксакова о Загоскинѣ, стр. 21).

Не наученъ—грѣшитъ передъ партеромъ
Проказитъ до сихъ поръ.
Что видитъ и что слышитъ,
Онъ обо всемъ исправно вздоръ
И говоритъ и пишетъ.
Вотъ *Богатоновъ* (19) вамъ: особенно онъ милъ,
Богатъ чужимъ добромъ, все крадетъ, что находитъ,
Съ *Транжирина* (20) кафтанъ стащилъ
Да въ немъ и ходитъ
А свѣтскіи тонъ
Не только опъ
И вся его бесѣда,
Переняла у *буйнаго сосѣда* (21).
Что вы? неужь-то по домамъ?
Ужь надоѣло вамъ!
И кстати-ль?
Вотъ вамъ *Загоскинъ-Наблюдатель*
Вотъ *Сынъ Очечества*, съ нимъ вѣчный состязатель,
Одинъ напишетъ вздоръ,
Другоіи на то разборъ,
А разобрать труднѣе
Кто изъ двоихъ глупѣе?.....
Что вы смѣетесь господа?
Писцу насмѣшка не бѣда.
Онъ знаетъ многое смѣшное за собою,
Да ужь давно махнулъ рукою.
Махнулъ перомъ, отдалъ съиграть,
А вы пожалуй разсуждайте.
Махнулъ перомъ, отдалъ въ печать,
А вы читайте!

Какъ ты думаешь? Вѣстникъ Европы не согласится у себя напечатать. Бѣгичевъ съ нимъ пріятель.—Я бы подписалъ свое имя *(коли нельзя иначе)*.

Вмѣсто Загоскина:

Вотъ вамъ *Михайло Моськинъ*.

---

(19) «Господинъ Богатоновъ или провинціалъ въ столицѣ», ком. въ 3 д. соч. М. Загоскина СПб. 1817 (8).

(20) Главное дѣйствующее лицо въ комедіяхъ Кн. Шаховскаго «Шалуны» и «Чванство Транжирина».

(21) Извѣстное въ рукописи стихотвореніе В. Л. Пушкина.

А въ другомъ мѣстѣ:
Вотъ *Москвинъ-Наблюдатель*
А стихъ:
Княгини и пр. и пр.
Вотъ какъ раздробить:
Княгини и
Княжны
Князь Фольгинъ и
Князь Блесткинъ
Между тѣмъ обнимаю тебя.

Въ заключеніе нашихъ замѣтокъ считаемъ долгомъ выра искреннюю благодарность М. И. Катенину, сообщившему р пись «Студента», «Лубочный Театръ» и письмо Грибоѣдова напечатанія въ студентскомъ «Сборникѣ».

Л. Майковъ.

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ СТАТЬѢ

«НОВОЕ ПРЕДПРІЯТІЕ НАШИХЪ СТУДЕНТОВЪ»

ПОМѢЩЕННОЙ ВЪ ПЕРВОМЪ ВЫПУСКѢ «СБОРНИКА»

Съ оживленіемъ современнаго русскаго общества все болѣе чувствуется и сознается необходимость результатовъ науки для примѣненія ихъ къ жизни. Проявленіе этой необходимости особенно ярко отражается на молодомъ поколѣніи, въ ихъ юношескомъ, горячемъ стремленіи къ усвоенію науки по всѣмъ отраслямъ знаній и обнаруживается въ ихъ дѣятельности. Первый выпускъ «Сборника» Студентовъ С. Петербургскаго Университета довольно ясно показалъ начало этой дѣятельности, которая простирается и на изученіе восточныхъ языковъ.

Наукообразное изученіе восточныхъ языковъ въ Россіи, кромѣ цѣли науки, имѣетъ тѣсную связь съ русскою государственною и гражданскою жизнію, потому что Россія находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ соприкосновенными восточными государствами, а главное — въ ея собственныхъ нѣдрахъ обитаютъ милліоны инородцевъ восточнаго происхожденія, знаніе жизни и стремленія которыхъ невозможно безъ знанія языка и исторіи. Эти причины достаточно показываютъ, что изученіе восточныхъ языковъ въ Россіи совпадаетъ съ другими животрепещущими общественными вопросами и что въ этомъ все русское общество необходимо должно содѣйствовать видамъ правительства, представляя изъ среды своей молодыхъ людей, научно знакомыхъ съ восточными языками и проникнутыхъ истинными философскими началами, не разъединяющими чело-

вѣка отъ дѣйствительности. Предоставивъ этимъ людямъ кругъ дѣятельности соотвѣтственно силамъ каждаго, правительство дастъ имъ возможность на дѣлѣ осуществить убѣжденія, внушаемыя истиннымъ образованіемъ: эти люди, управляя внѣшнею жизнію инородцевъ, въ тоже время могутъ имѣть благотворное вліяніе и на развитіе ихъ нравственныхъ силъ.

Съ такой точки зрѣнія вновь учрежденному Факультету Восточныхъ языковъ при С. Петербургскомъ Университетѣ *предстоитъ огромное значеніе въ жизни и наукѣ* (1), какъ единственному учрежденію въ Россіи для изученія восточныхъ языковъ и народовъ, учрежденію тѣмъ болѣе важному, что оно сосредоточено въ столицѣ, откуда умственное движеніе и дѣятельность распространяются на всю Имперію. Несмотря на кратковременность своего существованія, Факультетъ Восточныхъ языковъ (открытъ 28 Августа 1855 года) начинаетъ уже обнаруживать свою дѣятельность. Такъ, изданіе нашего «Сборника» преимущественно обязано мысли и стараніямъ одного изъ студентовъ этого Факультета; *новое* же *предпріятіе нашихъ студентовъ* (2), о чемъ помѣщено извѣстіе въ ученo-литературныхъ замѣткахъ «Сборника», есть начало проявленія дѣятельности студентовъ въ изученіи *собственно восточныхъ языковъ*, дѣятельности, которая съ теченіемъ времени должна расширяться все болѣе и болѣе отъ многоразличія вопросовъ, напрашивающихся на наше вниманіе.

Задачею настоящаго предпріятія студентовъ Факультета Восточныхъ языковъ было—положить начало къ основательному изученію восточныхъ языковъ *составленіемъ, переводомъ и изданіемъ* слѣдующаго рода руководствъ:

1) *Пособій для начинающихъ*. Эти пособія имѣютъ въ виду дать средства начинающимъ изученіе восточныхъ языковъ *узнать и усвоить въ короткое время (посредствомъ чтенія) основные элементы изучаемаго языка, занимаясь независимо отъ профессора* (3), и такимъ образомъ, *усвоивъ эти элементы въ стройной, живой органической системѣ, одушевляемой самобытною идеею языка* (4), быть готовымъ сознательно слѣдить за лекціями профессоровъ.

---

(1) Сборникъ Студентовъ С. Петербургскаго Университета выпускъ первый стр. 381.

(2) Мысль изданія «Сборника» и мысль новаго предпріятія студентовъ Факультета Восточныхъ языковъ высказаны впервые однимъ и тѣмъ же Студентомъ, Г. Богушевичемъ.

(3) Тамъ же, стр. 365.

(4) Тамъ же, стр. 366.

2) *Составленіе, переводъ и изданіе грамматикъ.* Нѣкоторые восточные языки не представляютъ удовлетворительныхъ для студентовъ грамматикъ или по причинѣ своей краткости, или сложности правилъ, или наконецъ потому, что вовсе нѣтъ печатныхъ грамматикъ,—или если и есть, то недоступны по рѣдкости и дороговизнѣ изданія, или изложены на такомъ языкѣ, которымъ не всѣ владѣютъ. Удовлетворить этимъ требованіямъ составленіемъ, переводомъ и изданіемъ ихъ (если онѣ находятся въ рукописи у г. профессоровъ) было второю задачею предпріятія студентовъ.

3) *Составленіе, переводъ и изданіе* такихъ *словарей* восточныхъ языковъ, какихъ нѣтъ на русскомъ языкѣ.

4) *Составленіе и изданіе христоматій* подъ руководствомъ профессоровъ.

5) *Составленіе и изданіе учебныхъ пособій для разговорнаго языка* подъ руководствомъ практическихъ преподавателей.

Вотъ въ чемъ заключалась, по нашему мнѣнію, задача *новаго предпріятія студентовъ* Восточнаго Факультета. Цѣлью исхода этого предпріятія было: 1) во время университетскаго образованія, основательно изучивъ восточные языки, ознакомиться съ жизнію, исторіею восточныхъ народовъ и умственнымъ развитіемъ ихъ возможно полно и отчетливо, и 2) чтобъ это изученіе шло въ связи съ изученіемъ другихъ наукъ, безъ чего оно въ примѣненіи къ жизни не можетъ представить студентамъ предполагаемыхъ результатовъ. Вѣроятно, съ такоій точки зрѣнія и была высказана общая мысль въ проектѣ о составленіи учебниковъ для восточныхъ языковъ: «недостатокъ, или *вѣрнѣе—совершенное неимѣніе учебниковъ по нашему Факультету*, «дѣлаетъ изученіе восточныхъ яз. въ высшей степени труднымъ «и далеко не позволяетъ студентамъ удовлетворять требованіямъ «программы, составленной для преобразованнаго Факультета «Восточныхъ языковъ» (5).

Вообще вѣрная мысль относительно взгляда студентовъ на изученіе у насъ восточныхъ языковъ, *въ частности* она не вѣрна. Объяснимся. Послѣ этого пункта упомянутаго проекта говорится: «пересмотрѣвши учебники, которыми въ настоящее «время пользуемся, мы увидимъ, что....для *Монгольскаго и Калмыцкаго языковъ нѣтъ христоматій, а для послѣдняго и грамматики* (6). На основаніи чего требуютъ изданія: *Монгольская краткая Грамматика, Калмыцкая Грамматика, Калмыцкая*

(5) Тамъ же, стр. 364.
(6) Тамъ же, стр. 365.

«*Христоматія, Словарь Русско-монгольскій, Словарь Русско-калмыцкій, Словарь Калмыцко-русскій*», (7) Изъ этого проекта видно, что для *Монгольскаго и Калмыцкаго яз. нѣтъ ни грамматикъ, ни христоматій, ни словарей*, однимъ словомъ, нашими учеными не сдѣлано ничего для изученія этихъ языковъ.

Ближе знакомые съ трудами Г. г. оріенталистовъ, съ честію и славою подвизавшихся и подвизающихся на обширномъ, многотрудномъ поприщѣ ученой разработки и изслѣдованій Монгольскаго и Калмыцкаго языковъ 1) пересмотримъ то, что они представили и представляютъ намъ для изученія этихъ языковъ, 2) укажемъ средства избѣжать неопредѣленности въ настоящемъ предпріятіи студентовъ Восточнаго Факультета для достиженія прекрасной ихъ цѣли.

Систематическое изученіе Монгольскаго языка положено уроженцемъ г. Амстердама, купеческимъ прикащикомъ въ нашихъ приволжскихъ странахъ, впослѣдствіи знаменитымъ тружеником наукъ Академикомъ нашимъ *Я. Шмидтомъ* (8). Въ 1831 году онъ издалъ *Grammatik der Mongolischen Sprache*, которая въ слѣдующемъ 1832 году была переведена на русскій языкъ подъ заглавіемъ»: *Грамматика Монгольскаго языка. Перев. съ Нѣм. съ литогр. чертежемъ. 1832* (9). Къ концу ея присоединены отрывки *изъ Улигеръ-унъ далай («море притчъ»)* и *Алтанъ-Гересъ («золотой лучъ»)* съ пояснительными примѣчаніями и переводомъ на русскій языкъ. Вслѣдъ за тѣмъ въ 1835 году онъ издалъ *Монголо-нѣмецко-русскій Словарь, съ присовокупленіемъ Нѣмецкаго и Русскаго алфавитныхъ списковъ.* (10) Этотъ Словарь достаточно замѣняетъ словари и *Русско-монгольскій и Нѣмецко-монгольскій.* Въ предисловіи къ нему Шмидтъ говоритъ: «я не имѣлъ въ виду составить Словарь, вполнѣ объемлющій все сокровище Монгольскаго языка, а, соображаясь съ настоящею *потребностію*, ограничился только выборомъ нужнѣйшихъ и употребительнѣйшихъ словъ и оборотовъ, которые могли бы

---

(7) Тамъ же, стр. 387.

(8) Некрологъ Шмидта въ журн. Министерства Народ. Просв. часть LI, отд. III, стр. 41.

(9) *Первая* Монгольская грамматика написана протоіереемъ Бобровниковымъ, который, будучи не приготовленъ къ ученымъ занятіямъ, не могъ представить въ системѣ правилъ Монгольскаго языка. Эта Грамматика въ настоящее время библіографическая рѣдкость.

(10) О немъ сказано въ журналѣ Мин. Нар. Пр. Часть VII, стр. 411.

служить порядочною основою учащимся, пока со временемъ болѣе развившееся познаніе сего доселѣ еще малоуваженнаго языка не потребуетъ обширнѣйшихъ пособій. Словарь сей—продолжаетъ онъ—должно почитать какъ бы началомъ и основаніемъ другаго подробнѣйшаго лексикона, коего выполненіе предоставлено будущему времени; и мы вправѣ ожидать, что время это не такъ далеко: ибо есть надежда, что систематическое изученіе Монг. яз. не пресѣчется моею смертію, съ тѣхъ поръ какъ два молодые ученые, г. г. *Ковалевскій* и *Поповъ* съ ревностію и отличнымъ успѣхомъ посвятили себя сему предмету и, уже занявъ по оному каѳедры при Казанскомъ Университетѣ, обѣщаютъ принести не маловажную пользу». (предисл. къ словарю стр. III и IV.).

Еще прежде выхода этихъ трудовъ знаменитаго Шмидта, именно въ 1828 году, по Высочайше утвержденному положенію Комитета Министровъ, на основаніи представленія исправлявшаго должность Попечителя Казанскаго учебнаго округа (Мусинъ-Пушкина) состоявшіе при Казанскомъ Университетѣ, по Восточной словесности, перемѣщенный изъ Вильны кандидатъ *Іосифъ Ковалевскій* и казенно-коштный воспитанникъ Университета дѣйствительный студентъ *Александръ Поповъ*, были отправлены въ Иркутскъ къ служившему тамъ переводчикомъ Статскому Совѣтнику Игумнову для изученія Монгольскаго языка и для занятія, по возвращеніи, мѣстъ преподавателей. Съ разрѣшенія Попечителя тамъ предпринимали они поѣздки въ кочевья Бурятъ, вступая въ сношенія съ ученными ламами и вникая не только въ языкъ какъ книжный, такъ и разговорный, но и въ Литературу, религію и исторію. Для ближайшаго знакомства съ бытомъ внутреннихъ монголовъ *Ковалевскій* въ 1829 году предпринималъ поѣздку въ *Ургу*, столицу Монголіи, а въ 1830 году былъ прикомандированъ къ отправлявшейся въ Китаій Пекинскоій Духовной Миссіи, которую *Поповъ* сопровождалъ до Урги. По возвращеніи въ Кяхту они поселились уже въ стойбищахъ монгольскихъ, сами дополняя пріобрѣтенныя обширныя познанія, и постоянно представляли Попечителю отчеты о своихъ занятіяхъ. Въ 1833 году они возвратились въ Казань, а потомъ, когда Императорская С. Петербургская Академія Наукъ подвергала ихъ строгому испытанію, они заняли каѳедры (11).

Такимъ образомъ русскими учеными было начато изученіе Монгольскаго языка *самостоятельно*: они еще въ 1831 году,

(11) Журн. Мин. Нар. Пр. Часть XL, отд. II, стр. 56—58.

до выхода трудовъ Шмидта, занимались въ Иркутскѣ составленіемъ Монгольской грамматики и словаря (12), начало котораго было положено Г. Поповымъ (13). Въ 1835 году Г. Ковалевскій издалъ *Краткую Грамматику Монгольскаго языка* (14), въ которой онъ изложилъ ясно и опредѣлительно самыя основныя начала этого языка. Вслѣдъ за тѣмъ вышли слѣдующія Монгольскія христоматіи:

а) *Монгольская Христоматія для начинающихъ обучаться Монгольскому языку, изданная Адъюнктъ-Профессоромъ Казанскаго Университета А. Поповымъ. Казань 1836* (15). О цѣли и предназначеніи ея издатель говоритъ въ предисловіи на V и IV стр. «желалъ сколько возможно содѣйствовать къ успѣшному изученію сего языка въ любезномъ нашемъ отечествѣ, я составилъ Монгольскую христоматію съ краткимъ при ней словаремъ. *Отрывки лучшихъ Монгольскихъ сочиненій*, помѣщенные въ ней, я расположилъ въ систематическомъ порядкѣ, сообразно качеству слога. Во время преподаванія этого языка въ Университетѣ и Гимназіи (Казанской), я узналъ на опытѣ, что таковая постепенность скорѣе ознакомливаетъ учащихся съ лучшими произведеніями Монгольской литературы; потому что статьи, входящія въ составъ моей Христоматіи, выбраны изъ разнородныхъ сочиненій, какъ по слогу, такъ и самому содержанію». *Объясненія* и *Словарь*, присовокупленныя къ этой прекрасно-составленной Христоматіи, также удовлетворяютъ своей задачѣ.

в) *Монгольская Христоматія, изданная Экстра-ординарнымъ Профессоромъ Казанскаго Университета О. Ковалевскимъ. Томъ Первый 1836 году. Томъ второй въ 1837 году* (16). Издатель говоритъ въ своемъ предисловіи на страницахъ XIV, XV и XVI, что онъ заботился «о соблюденіи связи и постепенности въ переходѣ отъ легкихъ отрывковъ къ труднѣйшимъ», и что, кромѣ языка

---

(12) Казанскій Вѣстникъ 1831 года, стр. 170.

(13) Этотъ Словарь г. Попова первоначально состоялъ изъ двухъ томиковъ, а впослѣдствіи былъ увеличенъ до трехъ большихъ томовъ и представленъ въ Императорскую Академію Наукъ, которая сдѣлала о немъ лестный отзывъ. Г. Поповъ не могъ издать этотъ Словарь въ свое время по причинѣ обстоятельствъ отъ него независящихъ. Первоначальный Словарь Поповъ принесъ въ даръ въ библіотекѣ 1-й Казанской Гимназіи въ память полученнаго имъ тамъ образованія, а полный Словарь пожертвовалъ имъ въ библіотеку Казанскаго Университета, какъ мѣста его образованія и двадцатипятилѣтней служебной его дѣятельности. Оба Словаря находятся теперь въ библіотекѣ С. Петербургскаго Университета; первый въ *студентской библіотекѣ* S. MS. 267 f, а *второй* въ общей университетской библіотекѣ подъ № 25, 578.

(14) Разборъ помѣщенъ въ Жур. Мин. Нар. Пр. Часть IX, стр. 651.

(15) Разборъ ея тамъ же Часть XIX, стр. 181.

(16) Разборъ ея Ж. М. Н. Пр. Часть XIX, стр. 170—180.

въ выборѣ текста онъ обращалъ вниманіе на разнообразіе и самое содержаніе піэсъ. «*Повѣсти*—говоритъ онъ—познакомятъ читателей съ нравственною и догматическою частью Буддизма и приготовятъ ихъ разумѣнію чисто догматическихъ статей, коихъ слогъ и идеи требуютъ уже особеннаго запаса предварительныхъ свѣдѣній. *Отрывки* о судьбѣ вѣры буддійской представятъ рядъ происшествій и подробностей, необходимыхъ для каждаго вникающаго въ сущность событій азійскихъ народовъ, и послужатъ пособіемъ къ дальнѣйшимъ розысканіямъ. Наконецъ извлеченія *изъ Монгольскаго и Тибетскаго уложенія*, также изъ Императорскихъ поученій, облегчатъ доступъ къ новому языку и положенію упомянутыхъ народовъ. *Примѣчанія*, присовокупленныя, къ этой учебной книгѣ, принимали также разнообразное направленіе. Въ нихъ объяснены—или свойства языка, разборъ грамматическихъ измѣненій, значеній словъ и оборотовъ (частію съ помощію другихъ книгъ), указаніемъ связи предложеній, или свѣдѣнія, облегчающія понятіе смысла и знакомящія съ духомъ религіи, правами, идеями и исторіей народа». Имѣя такія превосходныя Христоматіи, возможно ли было говорить, *что нѣтъ Монгольской Христоматіи?* (17)

Этими трудами не ограничились преемники Шмидта, перваго руководителя Европейцевъ въ новой для нихъ области изученія языка и литературы Монголовъ. Г. *Ковалевскій* выполнилъ надежды Шмидта. Онъ издалъ плодъ пятнадцатилѣтнихъ трудовъ своихъ: *Монголо-русско-французскій Словарь* (18) (*Dictionnaire Mongol-russe-français*), Казань. Первый томъ вышелъ въ 1844, второй въ 1846, третій въ 1849 году. Этотъ превосходный Словарь, составленный по 80 источникамъ, изъ этихъ источниковъ главнымъ былъ первопачально составленный Поповымъ краткій Монгольско-русскій Словарь, которымъ пользовался г. Ковалевскій, о чемъ не сказано ни слова въ предисловіи, въ ученомъ мірѣ пріобрѣлъ почетную славу и представилъ богатѣйшіе матеріялы для сравнительнаго изученія языковъ.

Систематическое изученіе собственно Калмыцкаго языка (языка Ойратовъ) обязано г. *Попову*, который въ 1838 году представилъ

---

(17) Есть еще трудъ священника Шергина: «Собраніе нравоученій, молитвъ съ канономъ святыя пасхи, басенъ, повѣстей, изрѣченій, анекдотовъ и разговоровъ, переведенныхъ на Монгольскій языкъ съ *присовокупленіемъ Монголо-Россійскаго Словаря*. Казань, 1841». Переводъ съ русскаго невѣренъ и пользоваться имъ нельзя, кромѣ *Словаря*, въ которомъ до 3,000 словъ.

(18) Разборъ его помѣщенъ въ Ж. М. Н. Пр. Часть I., отд. III, стр. 56. Изъ отчетовъ Казанскаго Универ. видно, что Г. Ковалевскій въ началѣ составлялъ *Монголо-Латино-Русскій Словарь*.

Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа (Мусину-Пушкину) с предположеніе, что такъ какъ къ изученію Монгольскаго яз уже собрано было много матеріяловъ, то было бы полезно п ступить къ собранію такихъ же матеріяловъ и для Калмыцк языка по близкому сродству обоихъ языковъ. Г. Поповъ в звался собрать эти свѣдѣнія на мѣстахъ, гдѣ населеніе Кал ковъ наиболѣе многочисленно, въ губерніяхъ Астраханск Саратовской и въ Кавказской области. Результатомъ четыр мѣсячнаго тамъ пребыванія Г. Попова были: отчетъ (19), зас живши лестное одобреніе Министра Народнаго Просвѣщенія и составленная имъ *Сравнительная Грамматика Монголо-К мыцкаго языка* (21).

Впрочемъ Поповъ издалъ въ свѣтъ *Грамматику* одного то ко *Калмыцкаго языка* (Казань, 1847), (22) имѣя въ виду д прежде руководство для этого языка, не имѣвшаго еще ни Гр матики, ни христоматіи, ни словаря. «По своему появленію— воритъ авторъ въ предисловіи къ Грамматикѣ на стр. VIII—(есть первая въ Европѣ и ни одинъ ученый не сдѣлалъ даже п пытки къ обработкѣ избраннаго мною предмета. Такъ какъ ли ратура Калмыцкая народными произведеніями обильнѣе литер туры Монгольскоій, потому—продолжаетъ авторъ—если съ одн стороны разработка такой богатоій, разнообразной литерату уже сама по себѣ можетъ открыть весьма много новаго, любоп наго, недосказаннаго Монголами, какъ по части буддизма, так по части политическоій литературы, то съ другоій стороны и ченіе *калмыцкаго въ отношеніи административномъ*. Что многочисленное народонаселеніе *Калмыковъ*, находящееся предѣлахъ нашего отечества и составляющее особенное уп вленіе, вывести изъ состоянія полудикости, *сблизить съ гра данственностію*, чтобы вполнѣ дать почувствовать отеческую ботливость благотворнаго нашего Правительства, *надобно пре де приготовить людей, которые бы знали ихъ языкъ, и успѣ вникнуть въ нравы, обычаи и самое ихъ вѣроученіе*(стр. VIII)» Съ такой точки зрѣнія составлена настоящая Грамматика, от чающаяся яснымъ изложеніемъ правилъ языка, многочислен стію примѣровъ къ каждому грамматическому правилу; свер

---

(19) *Краткія Замѣчанія о Приволжскихъ Калмыкахъ*. Жур. М. Н. Просв. Часть отд. II, стр. 17. Переведено на Нѣмецкій языкъ въ Augsburger Allgemeine Zeitung

(20) Ж. М. Н. Пр. Часть XL, отд. II, стр. 71.

(21) Ж. М. Н. Пр. Часть XLII, отд. III, стр. 51. и отчеты Казанскаго Университе

(22) Рецензія Ковалевскаго Ж. М. Н. Пр. Часть LXII, отд. III, стр. 52. Отвѣтъ нова на эту рецензію, тамъ же, Часть LXVII, отд. VI, стр. 1.

ого приложено девять отрывковъ Калмыцкихъ произведеній съ переводомъ на русскій языкъ, съ примѣчаніями и указаніями на 88 грамматическихъ правилъ. Все это ставитъ Калмыцкую Грамматику Попова замѣчательнымъ явленіемъ тѣмъ болѣе, что она замѣняла до сихъ поръ Калмыцкую Христоматію, для начинающихъ изученіе этого языка.

Составленная Поповымъ *Сравнительная Грамматика Монголо-калмыцкаго языка* (рукописная) послужила главнымъ основаніемъ къ прекрасному труду ученика его, Баккалавра Казанской Духовной Академіи *Алексѣя Бобровникова: «Грамматика Монгольско-калмыцкаго языка, Казань 1849 года* (23). Въ этомъ ученo-филологическомъ трудѣ, составленномъ на основаніи трудовъ предъидущихъ, Бобровниковъ и сдѣлалъ сближеніе, соединивши подъ одинъ обзоръ и книжный и живой Монгольскій языкъ, т. е. онъ разсмотрѣлъ въ ней Монгольскій яз. въ двухъ измѣненностяхъ Монгольской и Калмыцкой, или, что почти тоже, онъ видитъ въ ней грамматику книжно-разговорнаго Монгольскаго языка. Этою Грамматикою авторъ желалъ доставить также пособіе, которое открыло бы изучающимъ настоящее значеніе Монгольскаго языка, облегчило переходъ отъ изученія языка книжнаго къ разумѣнію живой рѣчи и дало бы изучающимъ Калмыцкій языкъ возможность пользоваться Монгольскимъ Словаремъ Ковалевскаго тогда только что изданнымъ (Предисловіе къ Грам. стр. VII и VIII). Бобровниковъ (сынъ сочинителя первой Монгольской грамматики) совершенно съ новой точки зрѣнія, какъ требуетъ духъ этихъ языковъ, превосходно обработалъ этимологію; въ синтаксисѣ же не достигаетъ своей цѣли, желая возвести каждую въ языкѣ встрѣчающуюся форму въ правило, въ законъ. Однако знатоки съ удовольствіемъ могутъ останавливаться на новыхъ возрѣніяхъ и въ этомъ отдѣлѣ.

Изъ этого обзора видимъ слѣдующія руководства: 1) *Грамматику Монгольскаго языка* Шмидта (на Нѣм. и Рус. яз.). 2) *Краткую Грамматику Монгольскаго книжнаго языка* Ковалевскаго. 3) *Грамматику Калмыцкаго языка* Попова. 4) *Грамматику Монгольско-калмыцкаго языка* А. Бобровникова. 5) *Монголо-нѣмецко-русскій Словарь* Шмидта, достаточно замѣняющій

(23) Рецензія помѣщ. въ Ж. М. Н. Пр. Часть LXXI, отд. III, стр. 11.

6) *Русско-монгольскій* и *Нѣмецко-монгольскій Словарь*, 7) *Мо*
голо-русско-французскій Словарь Ковалевскаго, 8) *Монгольску*
Христоматію для начинающихъ обучаться Монгольскому язы
Попова и 9) *Монгольскую Христоматію* Ковалевскаго.

Исправивъ такимъ образомъ ошибку проекта, (по которому
оказывалось ни одного учебника для изученія Монгольскаго и Ка
мыцкаго языковъ), должны упомянуть и о тѣхъ трудахъ, котор
приготовляются къ печати нашими учеными оріенталистам
Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ выхода *Калмыцкой Христомат*
съ примѣчаніями и *Калмыцко-русскимъ Словаремъ*, и *Русс*
Калмыцкаго Словаря составленнаго исправляющимъ должнос
адъюнктъ-профессора *К. Ѳ. Голстунскаго* (24). Кромѣ этихъ т
довъ подъ руководствомъ практическаго преподавателя Ла
Галсанъ Гомбоева готовятся матеріялы для *изученія разговорн*
Монгольскаго языка.

Вполнѣ сочувствуя предпріятію Студентовъ Факультета Вост
ныхъ языковъ мы однако думаемъ, что нашимъ трудамъ по
ставленію учебныхъ пособій долженъ предшествовать въ «Сб
никѣ рядъ статей, представляющихъ: 1) исторію изученія
преподаванія восточныхъ языковъ въ Россіи, и 2) обозрѣніе всѣ
руководствъ для изученія восточныхъ языковъ, изданныхъ
различныхъ требованіяхъ необходимости и науки до настоящ
времени. Такой предварительный обзоръ: 1) представитъ на
въ настоящемъ свѣтѣ дѣятельность ученыхъ оріенталистовъ
укажетъ намъ, къ чему должна быть обращена наша дѣяте
ность, 2) желающимъ посвятить себя изученію восточныхъ я
ковъ при С. Петербургскомъ Университетѣ укажетъ пособія,
которыми они могутъ уже сознательно слѣдить за лекціями п
фессоровъ, и 3) дастъ современному русскому обществу слу
убѣдиться, какъ необходимо изученіе восточныхъ языковъ

---

(24) При изученіи Калмыцкаго языка до настоящаго времени мы пользовались, к
Монгольскаго Словаря Ковалевскаго, рукописнымъ *Калмыко-русскимъ Слова*
Шмидта, (привезеннымъ въ 1856 году изъ Калмыцкихъ степей и нынѣ хранящ
въ нашей Университетской Библіотекѣ). Этимъ Словаремъ Шмидта пользо
вѣроятно и *Цвикъ* въ своемъ литографированномъ *Калмыцко-нѣмецкомъ Сло*
Handbuch der West-mongolischen Sprache и печатномъ *Нѣмецко-калмыцкомъ с*
витномъ спискѣ (изданныхъ въ 1855 году). Deutsches Wort-Register zum West-mon
schen Wörterbuch. Со словаремъ Цвика, небрежно изданнымъ, нельзя прочест
одной Калмыцкой рукописи; равно и литографированная *Калмыцкая Грамма*
Grammatik der West-mongolischen das ist Oirad oder Kalmükischen Sprache не
бавляетъ ничего новаго къ трудамъ нашихъ ученыхъ. Вышедшій въ 1857
Русско-калмыцкій Словарь священника *Смирнова*, также не можетъ служить
собіемъ потому, что кратокъ (2,000 словъ), невѣренъ въ значеніяхъ словъ и
графіи.

Россіи и какъ этотъ важный вопросъ тѣсно совпадаетъ съ другими животрепещущими общественными вопросами. При такомъ историческомъ обзорѣ не можетъ быть уже никакой неопредѣленности въ нашемъ предпріятіи, и мы въ состояніи будемъ заявить нашу дѣятельность еще подъ руководствомъ профессоровъ. Такимъ путемъ Факультетъ Восточныхъ языковъ при С. Петербургскомъ Университетѣ съ теченіемъ времени, дѣйствительно можетъ пріобрѣсть *огромное значеніе въ жизни и наукѣ*.

Студенты Монголо-Калмыцкаго разряда.

Декабрь 1857 года.

ЛѢТОПИСЬ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ УНИВЕРСИТЕТА.

Nugae sunt, fateor, sed nugae ad seria ducunt.

—

Два года прошло со времени появленія 1-го выпуска Сборника, ‹дав. студентами. Многое измѣнилось въ нашей жизни въ эти два ‹да: много отброшено стараго, много принято новаго и теперь, въ ‹аткомъ обзорѣ, мы хотимъ представить читающей публикѣ тѣ изъ ‹ктовъ внутренней жизни Университета, которые имѣютъ право ‹ ея вниманіе.

Мы начнемъ съ того, чѣмъ заканчивалась лѣтопись внутренней ‹зни 1-го выпуска,—скажемъ нѣсколько словъ о *Кассѣ бѣдныхъ ‹удентовъ*. Надежды, высказанныя въ ту пору, вполнѣ оправда‹ись: мысль помогать недостаточнымъ нашимъ товарищамъ и та‹имъ образомъ устранять физическія препятствія для ихъ труда, ‹уществилась и стала въ настоящее время дѣломъ. 3 Декабря 857 г. было положено: основанною кассою завѣдывать студентамъ‹дакторамъ и депутатамъ, выбраннымъ большинствомъ голосовъ ‹ъ каждаго факультета, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, постановлены и при‹ты студентами правила о кассѣ бѣдныхъ студентовъ. Въ основѣ ‹ихъ правилъ лежатъ два существенныя положенія:

I. Касса студентовъ состоитъ при Сборникѣ, издаваемомъ сту‹ентами Петербургскаго Университета.

II. Право на вспоможеніе изъ кассы даетъ трудъ. Въ послѣдств признано было необходимымъ пояснить это 2-е положеніе так «всякій бѣдный студентъ имѣетъ право на вспоможеніе, если будетъ доказано, что онъ не трудится.» И дѣйствительно, нужд ющіеся изъ вновь поступившихъ студентовъ, хотя и не могутъ пр ставить видимыхъ доказательствъ труда, тѣмъ не менѣе по бѣдно имѣютъ право на полученіе вспоможенія. Этимъ былъ избѣгну формализмъ свидѣтельствованія о бѣдности. Къ этимъ основны положеніямъ, служащимъ исходною точкою въ кругѣ дѣятельнос членовъ кассы, присоединены положенія, принятыя студентами, подвергающіяся, по мѣрѣ надобности, новому обсужденію. Приводи здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ: 1-е. Свидѣтельствовать о бѣдности варища можетъ и нравственно обязанъ каждый студентъ. Для э го заведена особая книга, въ которую каждый студентъ мож вносить кандидата на вспоможеніе, означая при этомъ свою милію.

2. Узнаютъ о положеніи нуждающихся товарищей и распре ляютъ (предварительно) вспоможеніе студенты редакторы и с денты—депутаты, каждый по своему факультету.

3. Окончательное назначеніе выдачи производится въ общ собраніи студентовъ-редакторовъ и депутатовъ всѣхъ факультет и разрядовъ.

4. Выдачи производятся двоякимъ образомъ: во 1-хъ, въ в заимообразной ссуды; во 2-хъ, въ видѣ вспоможенія или предва тельнаго вознагражденія за статью для Сборника. И въ томъ и другомъ случаѣ получающій росписывается въ особой книгѣ.

5. Выдачи производятся отдѣльному лицу такъ часто и въ кихъ размѣрахъ, какъ позволяютъ средства кассы.

Правило 4-е получило въ послѣдствіи дальнѣйшее разви а.) Заимообразныя выдачи возможны при ручательствѣ член редакціи. Срокъ зависитъ отъ желанія занимающихъ, однако простирается далѣе выхода изъ Университета; и b.) Дѣлая заи образныя выдачи изъ кассы студентовъ должно строго наблюда чтобы касса не истощалась подобными выдачами и была въ стояніи удовлетворять просьбамъ о вспомоществованіи.

Для того, чтобы редакторы и депутаты не могли въ этомъ дѣлѣ дѣйствовать произвольно, существуетъ правило, по которому они обязаны давать своему факультету отчетъ въ дѣйствіяхъ по кассѣ.

Перечисливъ главныя положенія кассы студентовъ для вспоможенія, мы перейдемъ къ самымъ источникамъ кассы. Они заключаются:

Во 1-хъ, во взносахъ достаточныхъ студентовъ произвольной суммы, довольно большой или очень малой, для помощи своимъ бѣднымъ товарищамъ. Взносы эти принимаются въ Редакціонной комнатѣ, гдѣ для этой цѣли находится дежурный депутатъ, а сумма и имя вносящаго пишутся его собственной рукой въ особой шнуровой книгѣ.

Во 2-хъ, ежегодныя музыкальныя упражненія, производимыя въ Университетской залѣ, которыя, за покрытіемъ расходовъ, доставляютъ довольно значительныя средства для вспоможеній.

Въ этомъ году произошло во внутреннемъ ихъ составѣ слѣдующее измѣненіе: до сего времени музыкальными упражненіями завѣдывалъ Г. инспекторъ студентовъ, и по окончаніи ихъ оставшаяся сумма раздавалась нѣкоторымъ недостаточнымъ студентамъ. Но, такъ какъ нынѣ при редакціи Сборника учредилась касса для вспоможенія, такъ какъ членамъ редакціи наиболѣе извѣстно положеніе и состояніе своихъ бѣдныхъ товарищей, и какъ отъ этого знанія зависитъ возможная вѣрность и справедливость въ выдачѣ вспоможеній; то и завѣдываніе музыкальными упражненіями передано, по желанію Г. Инспектора и съ утвержденія Г. Попечителя, къ студентамъ редакторамъ и депутатамъ.

Къ этому роду источниковъ мы отнесемъ и одинъ концертъ въ году, по окончаніи всѣхъ музыкальныхъ упражненій, съ участіемъ артистовъ итальянской труппы. Вся сумма, выручаемая отъ этихъ концертовъ, за покрытіемъ издержекъ, идетъ въ кассу и слѣдовательно въ пользу нашихъ недостаточныхъ товарищей.

Говоря объ этихъ концертахъ, мы позволимъ себѣ сказать слово объ Анджелинѣ Бозіо, мы позволимъ себѣ почтить память той, которая съ горячимъ сочувствіемъ принимала въ нихъ участіе. Не

задолго до своей смерти, она, какъ и въ прошлые годы, прияла къ нимъ принести и свою лепту въ общую сокровищницу. При громкихъ рукоплесканіяхъ, при крикѣ, высказывавшемъ общую благодарность, на рукахъ вынесли студенты изъ своего зданія представительницу искусства.... А чрезъ мѣсяцъ съ небольшимъ узналъ весь Петербургъ о ея смерти. Бо̀льшая часть студентовъ жила въ домъ, гдѣ она жила и теперь лежала мертвая. Почти всѣ мы, студенты, собрались на ея погребеніе. Каждый шелъ туда, влекомый своимъ собственнымъ чувствомъ.... Вотъ что прочли мы въ одномъ журналѣ: «Отсюда (изъ церкви Св. Екатерины), въ «сопровожденіи тысячной толпы, въ которой особенно замѣтно было «огромное множество восторженныхъ и признательныхъ студентовъ, «тѣло Андж. Бозіо отвезено на католическое кладбище Св. Маріи и «предано землѣ. На свѣжую могилу, вмѣстѣ съ землею, падали не«притворныя слезы и цвѣты....»

Наконецъ въ 3-хъ, къ источникамъ кассы относятся и суммы отъ публичныхъ лекцій нашихъ профессоровъ. Говоря ниже объ этомъ полезномъ учрежденіи и прекрасномъ поступкѣ Гг. профессоровъ въ которомъ высказалось ихъ сочувствіе къ общему дѣлу студентовъ, мы здѣсь только замѣтимъ, публичныя лекціи будутъ читаться и въ этомъ году.

Имѣя такіе источники и средства, касса, начавъ производить свои выдачи съ 31 Декабря 57 г., выдала до 1 Іюня 59 г.— 9000 р. с. въ видѣ вспоможеній и занмообразныхъ ссудъ. Правленіе Университета въ этотъ промежутокъ времени выдало стипендіями и единовременными пособіями 7160 р. с. Г. Инспекторъ студентовъ, изъ суммъ выручаемыхъ за музыкальныя упражненія, роздалъ около 3000 р. с.

Итогъ всѣхъ этихъ пособій уже слишкомъ достаточно свидѣтельствуетъ о количествѣ бѣдныхъ студентовъ; а при этомъ еще недолжно забывать всѣхъ мѣръ, которыя употребляютъ наши товарищи для пріисканія себѣ хлѣба и покрова: одни занимаются извлеченіями (компиляціями) изъ различныхъ сочиненій для журналовъ, другіе—переводными статьями съ иностранныхъ языковъ, корректурою и т. д.; многіе даютъ уроки въ частныхъ домахъ; для доставленія

студентамъ этого послѣдняго рода занятій, при редакціи Сборника заведена книга для записыванія лицъ, желающихъ имѣть уроки г.г. студентовъ; но, къ сожалѣнью, эта предпринятая мѣра для удовлетворенія обѣихъ сторонъ пока не дѣйствительна и можетъ быть достигнута тогда только, когда на самомъ дѣлѣ будутъ обращаться съ подобными просьбами въ редакцію.

А между тѣмъ численность студентовъ, которая можетъ свидѣтельствовать о потребности Университетскаго образованія, растетъ съ каждымъ годомъ. Въ 1859 году число студентовъ дошло до 859. Вотъ распредѣленіе этого числа по факультетамъ:

На факультетѣ историко-филологическомъ			50
— — — восточныхъ языковъ			54
— — — физико-математическ.	разрядъ матем. наукъ		147
	—— естеств. —		130
— — — юридическ.	разрядъ юрид. наукъ.		300
	—— камер. —		178

Разность въ числѣ между факультетами не можетъ не обратить на себя вниманія, и прежде всего это вниманіе останавливается на числѣ студентовъ по Историко-Филолог. факультету. Тутъ, разумѣется, существуютъ положительныя причины такой малочисленности. Онѣ высказаны уже въ первомъ выпускѣ нашего Сборника (лѣтопись внутр. жизни Университ., стр. 380.). Мы опять повторяемъ здѣсь, что и на самомъ дѣлѣ, къ сожалѣнью, только весьма немногіе могутъ получить классическое образованіе: одна 3-я гимназія не можетъ служить, достаточнымъ разсадникомъ молодыхъ людей, готовящихся впослѣдствіи къ ученымъ занятіямъ и трудамъ по историческимъ и филологическимъ наукамъ. Мы опять повторяемъ высказанное въ 54 г. обѣщаніе объ устраненіи этого препятствія. Мы ждемъ исполненія этого обѣщанія, и намъ вѣроятно прійдется ждать недолго, потому что въ настоящую минуту, когда идетъ рѣчь и дѣло о развитіи всѣхъ элементовъ духовной жизни, элементъ классическаго образованія не можетъ остаться въ сторонѣ, время приспѣло.

Число студентовъ увеличивается, молодое поколѣніе жаждетъ и ищетъ услышать разумное слово объ истинѣ, разрѣшенія многихъ

вопросовъ, накопляющихся въ неокрѣпшихъ еще головахъ, оно ищетъ и находитъ. Каѳедры обогащаются новыми дѣятелями: Въ Сентябрѣ 57 г. началъ свои лекціи по гражданскому праву К. Д. Кавелинъ; въ Январѣ 58 г. вступилъ на каѳедру Уголовнаго права Вл. Д. Спасовичъ; въ Сентябрѣ того же года возвратился изъ-за-границы послѣ двухлѣтняго путешествія профессоръ по каѳедрѣ Исторіи. М. М. Стасюлевичъ. Масса слушателей, постоянно наполняющая большія аудиторіи этихъ профессоровъ, говоритъ громче всѣхъ рукоплесканій о достоинствѣ и живомъ интересѣ ихъ лекцій.

Въ настоящее время, при факультетѣ Восточныхъ языковъ учрежденъ 6-й разрядъ—Санскрито—Персидскій. Вслѣдствіе этого, въ Сентябрѣ 59 г. было объявлено, «что преподаватель Коссовичъ, по приказанію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, будетъ читать вступительную лекцію, въ Четвергъ, 24 сего Сентября, въ которой между прочимъ, представитъ историческій очеркъ, трудовъ, совершенныхъ европейскими учеными по части языкознанія Арійскаго Востока.»

Въ тоже время молодые профессора пріобрѣтаютъ богатые запасы знаній въ заграничныхъ Университетахъ. Между другими, и Май уѣхалъ изъ Петербурга М. И. Сухомлиновъ, провожаемый толпою благодарныхъ ему студентовъ. Эта благодарность была имъ вполнѣ заслужена. Изданіе Сборника было еще мечтою, когда онъ, вмѣстѣ съ студентами, взялся за осуществленіе этой мысли. Онъ дѣйствовалъ, полный энергіи и любви къ общему дѣлу, онъ былъ нашимъ первымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ руководителемъ въ новомъ для насъ дѣлѣ; подъ его руководствомъ основалась и касса для вспоможенія нашимъ недостаточнымъ товарищамъ. Такимъ образомъ, избранный студентами въ Профессора—редактора, онъ вполнѣ оправдалъ ихъ довѣріе; они доказывали ему это и фотографіей его портрета и не разъ высказанною общею благодарностью.

Заговоривъ объ одномъ лицѣ, такъ много принимавшемъ участія въ общемъ дѣлѣ студентовъ, мы не можемъ умолчать о другомъ, не можемъ не вспомнить имени, которое въ непродолжительное время студенты привыкли уважать и любить, которое и теперь часто раздается въ стѣнахъ Университета. Мы говоримъ о бывшемъ По-

почителѣ Петербургскаго Округа, о Князѣ Григорьѣ Алексѣевичѣ Щербатовѣ. Въ первомъ выпускѣ Сборника упомянуто уже о содѣйствіи Кн. Щербатова въ изданіи Сборника. Понимая хорошо значеніе Университета, сознавая потребность его образованія, онъ неутомимо заботился о средствахъ къ развитію внутренней университетской жизни, и его заботы не потрачены даромъ. Онъ любилъ студентовъ, это высказалось во всѣхъ его дѣйствіяхъ, и студенты платили ему взаимною любовью. Оттого намъ и было такъ грустно услышать вѣсть объ оставленіи имъ должности попечителя.

Такое понятіе объ университетскомъ образованіи, такая потребность его постоянно растетъ и высказывается. Въ подтвержденіе своихъ словъ мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь слѣдующее предложеніе отъ начальника Могилевской губерніи Г. Беклемишева къ Г. Инспектору студентовъ:

«Озабочиваясь замѣщеніемъ различныхъ должностей въ вѣренной моему управленію губерніи людьми способными, добросовѣстными и научно-образованными, и принимая въ соображеніе, что нынѣ предстоятъ значительныя преобразованія какъ по губернскому, такъ и преимущественно по уѣздному управленію, съ учрежденіемъ должностей особенныхъ слѣдственныхъ чиновниковъ, я рѣшаюсь обратиться къ Вамъ, Милостивый Государь, съ покорнѣйшею просьбою предложить молодымъ людямъ, съ успѣхомъ окончившимъ или оканчивающимъ курсъ юридическихъ наукъ въ петербургскомъ университетѣ, поступить на службу въ Могилевскую губернію кандидатами на должности уѣздныхъ стряпчихъ и слѣдственныхъ чиновниковъ. Къ сему считаю не лишнимъ присовокупить, что содержаніе уѣздныхъ стряпчихъ предполагается увеличить, но въ какомъ размѣрѣ еще неизвѣстно; слѣдственнымъ же чиновникамъ предназначается до 1000 руб. сер. въ годъ. Такъ какъ по всѣмъ вѣроятіямъ предположенныя преобразованія будутъ осуществлены въ весьма не продолжительномъ времени, то было бы необходимо, чтобъ молодые люди, желающіе занять означенныя должности, заблаговременно прибыли въ Могилевскую губернію, дабы имѣть возможность въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ изучить порядокъ службы и хотя нѣсколько ознакомиться съ практическимъ примѣненіемъ теоритиче-

«скихъ познаній, пріобрѣтенныхъ имя въ Университетѣ. Я надѣюсь, «что г. г. студенты Петербургскаго Университета примутъ такое «предложеніе мое, какъ выраженіе живаго сочувствія къ благо- «родному направленію университетскаго юношества, какъ дока- «зательство, что я буду умѣть цѣнить честный, просвѣщенный «трудъ тѣхъ изъ нихъ, которые сдѣлаютъ мнѣ честь поступить на «службу въ ввѣренную мнѣ губернію.»

Мы перейдемъ теперь къ самому нашему изданію и, по установленному правилу, приведемъ здѣсь отзывы Гг. Профессоровъ о нѣкоторыхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ этомъ выпускѣ,

О статьѣ Дм. Писарева «Вильгельмъ Гумбольдъ» Профессоръ А. В. Никитенко отозвался, что она «по литературному и ученому своему достоинству заслуживаетъ быть напечатанною въ Сборникѣ».

Профессоръ Изм. Ив. Срезневскій далъ слѣдующій отзывъ о переводной статьѣ В. Макушева «Филологическій разборъ числительныхъ именъ». «Съ истиннымъ удовольствіемъ я перечелъ статью П. П. Шафарика въ Русскомъ переводѣ В. В. Макушева. Изъ нея хоть нѣсколько можно познакомиться съ тѣмъ филологическимъ направленіемъ, котораго сталъ держаться Шафарикъ, когда занялся языкомъ Славянскимъ спеціально. Между славистами онъ одинъ изъ первыхъ пошелъ по этому пути,—и выработанное выработалъ самостоятельно. Нельзя не жалѣть, что изъ его работъ на этомъ полѣ напечатаны пока еще очень немногія.»

Статья Г. студента Пятковскаго б. одобрена къ печати въ слѣдующихъ словахъ Г. Професс. Никитенко: «Статья Г. Пятковскаго *о жизни и сочиненіяхъ Веневитинова*, назначеная для сборника, над. студ. С. Петербургсаго Университета, по литературному своему достоинству, заслуживаетъ быть помѣщенною въ немъ.»

О сочиненіи кандидата А. Фаминцына «Организмы на границѣ животнаго и растительнаго царства» мы не можемъ дать точный отчетъ за отсутствіемъ Проф. Ценковскаго.

Профессоръ И. Е. Андреевскій сообщилъ слѣдующее мнѣніе о статьѣ Студ. Генерозова-Смыкова «Робочіе люди.

«Изъ многихъ еще неизслѣдованныхъ вопросовъ Государственнаго Права, на которые я обращалъ вниманіе моихъ слушателей,

Студ. *Генерозовъ-Смыковъ* занялся изученіемъ Рабочихъ Людей, какъ класса лицъ весьма кратко опредѣленнаго въ положительномъ законодательствѣ (Т. IX Св. Зак. Гражд.), и представляющаго любопытное историческое происхожденіе, вовсе еще необъясненное въ нашей литературѣ. Въ своей статьѣ, «Рабочіе люди,» г. Генерозовъ-Смыковъ прослѣдилъ по всѣмъ указамъ, начиная со времени Имп. Екатерины II, судьбу рабочихъ людей, и въ своемъ историческомъ анализѣ представилъ задатки хорошо усвоеннаго критическаго метода, бросилъ много справедливыхъ взглядовъ, и въ заключеніи помѣстилъ новые и весьма любопытные выводы объ историческомъ происхожденіи и нынѣшнемъ значеніи рабочихъ людей. По этимъ причинамъ, статья г. Генерозова-Смыкова, не смотря на ея краткость, не пройдетъ незамѣченою въ литературѣ Русскаго государственнаго права. Напрасно только авторъ начало своей статьи наполнилъ общими понятіями, и то недостаточно у него развитыми, о наказаніи и исправленіи преступника: его статья не только бы не потеряла, но напротивъ выиграла бы, если бы онъ ее началъ прямо съ историческаго разсмотрѣнія рабочихъ людей.»

Къ сожалѣнью авторъ не могъ воспользоваться справедливыми замѣчаніями Профессора: смерть запретила ему это: онъ умеръ оставивъ по себѣ добрую память между товарищами. Статью свою онъ посвятилъ сестрѣ Аннѣ Аѳон. Смыковой въ слѣдующемъ письмѣ:

Любезная сестра!

Съ младенчества ты замѣняла мнѣ няньку, мать: во время моего дѣтства была моимъ другомъ и первымъ учителемъ, — тебѣ обязанъ я первыми уроками нравственности; наконецъ ты была ангеломъ-утѣшителемъ въ скорбныя минуты моей жизни. Живо помню твои простыя, но исполненныя любви до самоотверженія къ брату, какъ къ другу, слова, которыя ты писала мнѣ, когда я, не видя исхода своему бѣдственному положенію, хотѣлъ оставить Университетъ. Вотъ твои строки: онѣ у меня предъ глазами, — я сохраню ихъ на всегда въ моемъ сердцѣ, какъ драгоцѣннѣйшій перлъ изъ моихъ воспоминаній. «Ты хочешь оставить Университетъ», писала ты, «что же думаешь предпринять, оставя ученье? Тогда ты

тебѣ не хватитъ самъ содержать себя собственными средствами, а это тебѣ будетъ въ тысячу разъ досаднѣе теперешняго. Теперь ты при мѣстѣ, а тогда ты будешь праздникъ человѣкомъ, которыхъ не держатъ и которого презираютъ. Я совѣтовала бы тебѣ продолжать начатое тобою ученье, хоть какъ нибудь, если это возможно и при бѣдственномъ положеніи: за дѣломъ все-таки легче переносить голодъ и холодъ; быть полубосымъ и полунагимъ, да быть при мѣстѣ, — еще сносно. Терпи, — Богъ не посылаетъ намъ крестовъ сильнѣе силъ нашихъ, а внутренно мы должны сознаться что Онъ смотритъ на насъ еще окомъ милосердія и любви». . . . . .

. . . . . .

«Я сама пріѣду къ тебѣ въ Петербургъ, буду жить для тебя въ услуженіи, только бъ ты исполнилъ мое желаніе — учился и былъ хорошимъ человѣкомъ!» — Позволь же мнѣ, любезная сестра, напечатать тебѣ это мое сочиненіе, мой первый опытъ на ученно-литературномъ поприщѣ. Онъ воспреемлетъ принадлежащее тебѣ, какъ трудъ того времени, когда ты писала мнѣ, приведенныя мною, строки. Я счастливымъ себя сочту, если мы принесетъ этотъ трудъ, какъ выраженіе моего совершеннѣйшаго къ тебѣ уваженія и искренней преданности. —

Мы привели здѣсь это письмо: оно имѣетъ право на помѣщеніе въ нашей лѣтописи, какъ по предсмертному желанію автора статьи, такъ и по прекрасному убѣжденію, высказанному въ письмѣ дѣвушки къ брату о необходимости труда и ученія.

Не говоря здѣсь о всѣхъ дисертаціяхъ, писанныхъ на заданныя Гг. Профессорами темы *) въ 1858 и 59 г., мы напремъ только одну изъ нихъ, которую предполагается помѣстить въ слѣдующемъ выпускѣ Сборника. Эта дисертація студентомъ IV курса Юридическаго факультета *П. Вильямса*, писанная на тему: «Изложить въ систематическомъ единствѣ ученіе Лейбница о правдѣ и о выраженіи ея въ государствѣ и положительныхъ законодательствахъ, и

*) Отчетъ и разборъ объ этихъ дисертаціяхъ помѣщается въ «Годичномъ Актѣ Петерб Университета, въ Приложеніи.

объяснить это ученіе сравненіемъ съ новѣйшими понятіями о разныхъ основаніяхъ законовѣдѣнія.»

Но кругъ студентскихъ занятій не ограничивается этими трудами. Одни занимаются полезными трудами по факультетскимъ предметамъ, другіе трудятся и помѣщаютъ свои статьи оригинальныя или переводныя въ разныхъ журналахъ, нѣкоторые издаютъ отдѣльныя книги, болѣе или менѣе полезныя. Такъ студентомъ Восточнаго факультета *Цвѣльковымъ* составленъ Манджурско-Русскій словарь. Прекрасный этотъ трудъ предполагается помѣстить въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ Сборника. Студентомъ Восточнаго факультета *Воронскимъ* литографированы Записки Арабской Грамматики, составленныя по лекціямъ М. Т. Навроцкаго.

Студенты Ив. Лазаревскій и Як. Утинъ издали: *Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древняго русскаго права. СПБ. 1859 г.* Цѣль этой книги объясняется составителями въ предисловіи. Вотъ что говорятъ они: «Источниками исторіи права служатъ законныя книги, различные юридическіе акты и другіе памятники законодательства. У насъ такихъ памятниковъ издано въ настоящее время достаточное количество, чтобы на основаніи ихъ начать разработку исторіи права. Но памятники эти разбросаны въ различныхъ изданіяхъ, большею частію недоступныхъ студенту или по своей рѣдкости, или по дороговизнѣ; а между тѣмъ чтеніе этихъ памятниковъ, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ изъ нихъ, необходимо для каждаго студента, иначе и самыя лекціи исторіи права не принесутъ всей ожидаемой отъ нихъ пользы;—слѣдовательно необходима книга, въ которой были бы собраны эти памятники. «Указатель россійскихъ законовъ» Максимовича (собственно первая его часть) могъ бы удовлетворить этой потребности; но, не говоря уже о томъ, что этотъ сборникъ составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость, въ немъ помѣщены не всѣ памятники, ознакомленіе съ которыми составляетъ, такъ сказать, введеніе въ полное изученіе памятниковъ русскаго права, и самые памятники изданы въ немъ по неполнымъ и неточнымъ спискамъ. И такъ, — повторяемъ, — необходимъ сборникъ, въ которомъ были бы собраны всѣ важнѣйшіе памятники древняго русскаго права и который былъ бы доступенъ каждому

студенту. Несовершеннымъ изданіемъ мы думаемъ удовлетворить этой потребности; насколько мы успѣли въ этомъ, — предоставляемъ судить преподавателямъ и товарищамъ нашимъ, — тѣмъ паче для послѣднихъ собственно и назначается эта книга.» Изданіе это уже подверглось критической оцѣнки въ разныхъ журналахъ (Жур. Мин. Юстиціи, Архивъ, Н. М. Калачова, Русское Слово). Всѣ рецензіи, признавая пользу труда нашихъ товарищей, находили однако и нѣкоторые недостатки. Вѣроятно, второе изданіе «Собранія памятниковъ» докажетъ что составители умѣли воспользоваться дѣльными замѣчаніями.

А теперь, пока, во всякомъ случаѣ, книга Н. Лавровскаго и Як. Утина составляетъ пріятное явленіе въ Русской юридической литературѣ; нельзя же ея не оцѣнить, — въ этомъ на опытѣ можетъ убѣдиться каждый, и особенно студентъ, занимающійся хоть сколько нибудь исторіей русскаго права.

Студенты Аверкіевъ и Алексѣевъ перевели на русскомъ языкѣ замѣчательную книгу: *Введеніе въ изученіе Химіи по системѣ Шарля Жерара.* Это сочиненіе есть первый химическій трудъ по унитарной системѣ Шарля Жерара и Августа Лорана. Авторъ книги Шарль Жераръ есть въ тоже время и творецъ унитарной системы. Изъ этого уже прямо видно, что унитарная система изложена здѣсь съ полнотою и ясностью и примѣнена не только къ выдающимся, но и ко всѣмъ мелкимъ фактамъ Химіи. На русскомъ языкѣ теперь это единственное руководство къ изученію унитарной системы.

Студентъ Н. Бенардаки перевелъ на Англійскій языкъ знаменитое «Горе отъ Ума» Грибоѣдова, и намъ пріятно заявить здѣсь, что англійскіе журналы отозвались съ похвалою объ этомъ трудѣ нашего товарища. Считаемъ умѣстнымъ упомянуть здѣсь, что кромѣ комедіи Грибоѣдова, студентъ Н. Бенардаки перевелъ нѣсколько пьесъ Гоголя, которыя скоро появятся въ печати въ одномъ изъ англійскихъ журналовъ.

Кромѣ того, Н. Бенардаки и Ю. Богушевичъ предприняли составленіе и изданіе: *Указателя статей серьезнаго содержанія, помѣщенныхъ въ русскихъ журналахъ прежнихъ лѣтъ.* Пока вышло въ свѣтъ пять выпусковъ: 1.) Къ Сыну Отечества (1812—

1852.), 2.) Къ Библіотекѣ для Чтенія (1834—1854), 3.) Къ Финскому Вѣстнику и Сѣверному Обозрѣнію (1845—50), 4.) Къ Репертуару и Пантеону (1839—56), 5.) Къ Московскому Телеграфу (1825—34.).

Этотъ трудъ пріобрѣтетъ значеніе въ Русской Литературѣ, если будетъ окончен въ полномъ объемѣ, т. е. если обнимет въ своемъ составѣ всѣ замѣчательныя русскіе журналы; потому что всѣ до сихъ поръ предпринимавшіяся подобныя библіографическія изданія или не были доведены до конца (какъ Указатель къ журналамъ *Быстрова*), или касались только спеціальныхъ изданій (какъ Указатель къ Сѣверному Архиву А. Н. Аѳанасьева, Указатель къ *Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія*.—Галанина).

По установленному правилу и порядку въ Январѣ или Февралѣ каждаго новаго года студентами производятся перевыборы редакторовъ и депутатовъ.

Мы указываемъ на это явленіе 1858 и 1859 г. только по отношенію къ тому разногласію, которое проявилось при этомъ случаѣ. Было высказано мнѣніе, что Сборникъ не долженъ существовать. За такимъ убѣжденіемъ, если только такое убѣжденіе возможно, должна слѣдовать апатія, и, если бы эта мрачная стихія проникла въ большую семью студентовъ, — она бы сгубила много хорошаго, она бы принесла съ собою много злаго. Пусть вспомнятъ тѣ, которые рѣшились высказать мнѣніе противъ изданія Сборника, слова нашего извѣстнаго соплеменника В. В. Ганки (въ письмѣ его къ редакторамъ съ благодарностью за сообщеніе 1-го выпуска Сборника) «Друзья мои,» писалъ онъ, употребляйте слово въ духѣ правды, въ духѣ любви, какъ орудіе мира и дружелюбія. Горе употребляющимъ слово во зло!... Ваша мысль соединиться въ одну дружную семью, работать совокупными силами, имѣя въ виду общій интересъ, да занимаетъ Васъ еще долго на пользу, честь и славу Вашего великаго отечества! Да будете увѣрены, что при такомъ стремленіи залетятъ лучи вашего успѣха далеко, за предѣлы къ роднымъ племенамъ.»

Пусть же прочтутъ наши товарищи, охладѣвшіе къ общему дѣлу, слова уважаемаго нами Ректора, пусть прочтутъ они и вспом-

[illegible] въ нашу дружную семью. Число ихъ [illegible] не [illegible], но въ нашей общинѣ каждый членъ ея [illegible] быть дорогъ. [illegible] этой, давая обществу отчетъ о состоянiи и дѣятельности [illegible] бургскаго Университета за 1857 г. П. А. Плетневъ говорилъ:

«Убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ [illegible] умственной дѣятельности студентовъ здѣшняго Университета служитъ предпринятое ими изданiе, подъ названiемъ «Сборника». И далѣе: «Я [illegible] повторить здѣсь [illegible], въ которыхъ не [illegible] недостатка противъ [illegible] предпрiятiя... Время, употребленное студентами на приготовленiе сочиненiя и на самое ихъ печатанiе, не будетъ ли отнято отъ необходимаго изученiя преподаваемыхъ имъ предметовъ? Университетское изученiе не есть выучиванiе лекцiй на изусть. Оно состоитъ въ [illegible] главныхъ идей науки и въ дополненiи ихъ непосредственнымъ трудомъ по указаннымъ источникамъ. Идеи только отъ того и становятся яснѣе, когда вдумываешься въ нихъ, [illegible] проходишь ихъ въ послѣдовательности и наконецъ свободно обнимаешь ихъ въ полномъ составѣ.» Ничѣмъ такъ легко и вѣрно не дойдешь до этого, какъ задуманнымъ трудомъ надъ отдѣльною частiю науки. Этотъ анализъ открывающiй уму [illegible] отъ него до сихъ поръ тайны, развертываетъ его силы и подобно гимнастикѣ укрѣпляетъ ихъ. Что касается до ближайшаго знакомства съ источниками, дополняющими схваченныя на лекцiи идеи, [illegible] необходимость сообщить собственному сочиненiю достоинство [illegible] приведетъ къ нимъ и заставитъ изучить ихъ со всемъ [illegible]. Кто испыталъ обаянiе увлеченiя кабинетнаго труда, тотъ [illegible] знаетъ, какъ въ продолженiе его сосредоточиваются всѣ [illegible] наши способности, и до какой зрѣлости [illegible] въ этой работѣ. Безъ собственныхъ опытовъ [illegible] до совершенства. Теоретическiя знанiя подобны [illegible] смыслѣ тѣхъ умственныхъ прiобрѣтенiй, которыя [illegible] душу при разсказахъ о прекрасныхъ [illegible], картинахъ и музыкѣ. Кажется, все чувствуешь, а въ сущности остается [illegible] понятiе. Только непосредственное прикосновенiе къ предметамъ сообщаетъ [illegible], прочное [illegible].»

Переходя къ изложенію болѣе или менѣе важныхъ явленій въ жизни роднаго нашего Университета за второй семестръ прошлаго академическаго года, намъ пріятно начать нѣсколькими словами о публичныхъ лекціяхъ, читанныхъ въ залѣ Университета нѣкоторыми изъ его Гг. Профессоровъ.

Мысль чтенія подобныхъ публичныхъ лекцій по праву принадлежитъ вполнѣ студентамъ: они первые заговорили объ этомъ, они приглашали Гг. Профессоровъ, на ихъ заботливости лежало все устройство этихъ лекцій, наконецъ къ нимъ же перешелъ и конечный результатъ публичныхъ бесѣдъ—сумма выручавшаяся за нихъ должна была быть однимъ изъ источниковъ «кассы бѣдныхъ студентовъ.»

Съ особеннымъ удовольствіемъ упоминаемъ мы о нихъ; совершенно новая мысль эта вполнѣ оправдала надежду студентовъ, — и Гг. Профессора и наше образованное Общество высказали участіе къ своему Университету. Гг. Профессора воспользовались представившимся имъ случаемъ содѣйствовать студентамъ въ ихъ намѣреніи пособить нашимъ недостаточнымъ товарищамъ и чрезъ то и самой наукѣ, на сколько она зависитъ отъ матерьяльныхъ достатковъ ея тружениковъ. Съ другой стороны и Общество, оказало сочувствіе къ этому предпріятію и наполнило собою Университетское зало.

Общество шло съ полною увѣренностію услышать новые результаты науки въ формѣ доступной для каждаго; эту увѣренность гарантировали съ одной стороны выборъ предмета, съ другой стороны имена Гг. Профессоровъ взявшихъ на себя эту не легкую задачу: нашей образованной публикѣ давно было знакомо имя А. В. Никитенко. Старый любимецъ ея выступилъ говорить «о Державинѣ и его времени;» затѣмъ вступилъ на каѳедру молодой, только что возвратившійся изъ-за границы М. М. Стасюлевичъ, съ которымъ общество познакомилось еще такъ недавно, но уже такъ ясно высказало къ нему свое сочувствіе и онъ предлагалъ ему на судъ новые взгляды науки на одну изъ самыхъ интересныхъ эпохъ, предлагалъ ближе познакомиться съ провинціальнымъ бытомъ Франціи при Людовикѣ XIV. Рядъ публичныхъ лекцій заключилъ Н. М. Благовѣщенскій, желавшій сказать обществу о «Ювеналѣ и его сати-

рахъ» и неубоявшійся старыхъ, гнилыхъ предубѣжденій противъ науки, которой онъ былъ представителемъ.

Малочисленность публичныхъ лекцій (числомъ 3) не позволила Профессору Никитенко выполнить вторую часть своей задачи, но личность и заслуги пѣвца Екатерины желалъ очертить совершенно рельефно нашъ знатокъ русской литературы; не требуя отъ Профессора ничего невозможнаго — обнять всю тему въ нѣсколько часовъ, публика высказала свое полное сочувствіе и знанію и таланту Профессора. Отъ временъ Екатерины вниманіе публики было перенесено Профессоромъ Стасюлевичемъ въ другой вѣкъ, далеко назадъ, слѣдить за жизнью другаго народа подъ управленіемъ Людовика XIV, имя котораго въ лѣтописяхъ Франціи составляетъ такую же эпоху, какую въ лѣтописяхъ нашей страны — имя Екатерины Великой. Послѣ лекціи Профессора мы могли повторить вмѣстѣ съ нимъ, что «еще однимъ великимъ человѣкомъ меньше!» Еще далѣе отнесено было вниманіе публики, Н. М. Благовѣщенскимъ, къ болѣе отдаленному времени Римскихъ Императоровъ. Темою его лекцій былъ «Ювеналъ», сатирикъ временъ Домиціана, который такъ хорошо зналъ всѣ черныя стороны своего времени и такъ мѣтко поражалъ ихъ.

Двумя лекціями Г. Благовѣщенскаго заключился рядъ публичныхъ лекцій въ залѣ нашего Университета. Въ заключеніе мы должны прибавить, что и другіе Гг. Профессора представили программы лекцій по предметамъ ихъ каѳедръ, но должны были отказаться помочь общему дѣлу, вслѣдствіе обстоятельствъ отъ нихъ не зависѣвшихъ.

Мы просили всѣхъ Гг. Профессоровъ читавшихъ публичныя лекціи позволенія напечатать ихъ при нашемъ «Сборникѣ.» И въ нынѣшнемъ выпускѣ мы предлагаемъ публикѣ подлинный текстъ публичныхъ лекцій Гг. Профессоровъ Стасюлевича и Благовѣщенскаго. Онѣ помѣщены въ приложеніи къ настоящему выпуску и потому-то мы выше не сказали ничего, ни о ихъ содержаніи, ни о значеніи этого содержанія; относительно лекцій Г. Стасюлевича мы позволимъ себѣ замѣтить только, что при сочувствіи, которое оказала публика, всякая критика по поводу этихъ лекцій,

должна была относиться собственно къ публикѣ, а не къ читавшему ихъ Профессору. Въ своемъ письмѣ къ редакціи, которое мы помѣщаемъ предъ лекціями, Профессоръ самъ отвѣтилъ на возможныя возраженія и объяснилъ причины незначительной перестановки въ текстѣ, которую потребовали условія печати. Что же касается до лекцій Н. М. Благовѣщенскаго, то мы можемъ только сказать, что они уже были помѣщены въ одномъ изъ №№ Русскаго Вѣстника за 1859 годъ; но мы просили Г. Профессора дозволить намъ представить читающей публикѣ лекціи въ неискаженномъ видѣ, въ какомъ мы прочли ихъ въ сказанномъ журналѣ.

Въ послѣднее время Совѣтъ Университета принялъ различныя мѣры для произведенія экзаменовъ съ большею и возможною строгостью. Такія мѣры для увеличенія должной строгости и разборчивости при экзаменахъ, не могли показаться странными. Мы входимъ въ университетъ съ вѣрою на вознагражденіе честнаго труда симимъ трудомъ; въ послѣднее время молодое поколѣніе очистилось отъ позорной мысли приходить въ Университетъ искать матеріальныхъ интересовъ; грубая ограниченность, которая захотѣла бы искать здѣсь только мундира съ свѣтлыми пуговицами или незаслуженнаго кандидатскаго диплома, была бы громко осмѣяна. Къ сожалѣнію прекрасныя намѣренія Совѣта были дурно и ложно поняты многими; это видно изъ появленія въ послѣднее время нѣкоторыхъ неосновательныхъ статей. Университетъ отнюдь не можетъ въ этомъ дѣлѣ руководствоваться извѣстнымъ текстомъ: «много званныхъ, мало избранныхъ;» его двери должны быть открыты для каждаго, который можетъ войти въ нихъ. Тутъ фактъ, что изъ 300 молодыхъ людей вступило въ Университетъ только 73, далеко не ложится пятномъ на юное поколѣніе, онъ говоритъ о слабости среднихъ учебныхъ заведеній, о необходимости преобразованія и улучшенія этихъ заведеній, для чего, какъ извѣстно, предпринимаются въ настоящее время средства и мѣры. Основываясь же на совершенно мнимой легкости переводныхъ и выпускныхъ экзаменовъ, было бы слишкомъ дерзко и нагло обвинить студентовъ въ небозукоризненномъ поведеніи. Одинъ голый перечень явленій въ жизни Университета, какъ касса бѣдныхъ студентовъ, полныя большія аудиторіи Гг. Профессоровъ, разнообразные труды

студентовъ по разнымъ отраслямъ наукъ, труды, которые не могутъ быть работою одного дня, много другихъ фактовъ, громко говорятъ въ пользу студентовъ, ясно свидѣтельствуютъ, что студенты посѣщаютъ преимущественно и безъ строгаго сравненія съ другими «публичными мѣстами», Университетъ; и такимъ образомъ служатъ прямымъ опроверженіемъ многихъ неосновательныхъ мнѣній.

Намъ пріятно закончить нашу лѣтопись извѣстіемъ о тѣхъ пріобрѣтеніяхъ которымъ суждено быть украшеніемъ нашего Университета; мы говоримъ о Гг. Совѣтовѣ, Лагунѣ, Губѣ, Костомаровѣ и Утинѣ, пополнившихъ собою число Профессоровъ нашего Университета. Для большинства нашей публики это уже не новость, живой интересъ возбуждаемый лекціями нѣкоторыхъ изъ Гг. Профессоровъ снялъ съ нашего Университета ту долю исключительнаго, изолированнаго учрежденія, которая тяготѣла надъ нимъ. Мы съ радостію увидѣли среди себя много лицъ не принадлежащихъ къ числу студентовъ, изъ среды всѣхъ сословій нашего отечества; различіемъ возраста, званія, пола лицъ посѣщающихъ лекціи нѣкоторыхъ изъ нашихъ Профессоровъ, Университетъ нашъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ то значеніе въ обществѣ, которое по праву принадлежитъ ему. *)

Обѣщаніемъ сказать подробнѣе, въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ, о дѣятельности нѣкоторыхъ изъ нашихъ Профессоровъ, мы заканчиваемъ нашу лѣтопись.

Мы по возможности старались привести здѣсь всѣ явленія, совершившіяся въ университетской нашей жизни. Быть можетъ мы многое недосказали, многаго только коснулись, но самое это молчаніе невольно высказываетъ наши убѣжденія, касательно вопросовъ нами незатронутыхъ и предоставленныхъ суду людей, болѣе или менѣе принимающихъ живое участіе въ ходѣ образованія русскаго юношества.

---

*) Вступительныя лекціи Гг. Профессоровъ Костомарова и Утина напечатаны: одна въ «Русскомъ Словѣ», другая — въ «Отечественныхъ Запискахъ».

ь не превышало тридцати пяти тысячъ человѣкъ, имѣя от-
кожь нѣсколько орудій. Восьмаго сентября 1514 года *считая*
Р. Х.,[60] пастлавъ мостъ, Константинъ переправилъ пѣхоту
ѣзъ Борисѳенъ у города Орши, конница же переправилась
ѣзъ узкій бродъ полъ самой оршинской крѣпостью. Вскорѣ
слѣ того какъ половина войска перешла черезъ Борисѳенъ,
вѣстили объ этомъ Ивана Андреевича Челядина,[61] кото-
му московскій князь поручилъ главное начальство,—и
ѣтовали напасть на эту часть войска и уничтожить
Но онъ отвѣчалъ: «если мы разобьемъ эту часть вой-
литовскаго, то останется другая, къ которой могутъ при-
единиться другія силы; и такимъ образомъ намъ будетъ
озить *новая* болѣе опасная *война*. Подождемъ немного, пока
ереправится все войско: у насъ такія силы, что, безъ сомнѣ-
я, мы можемъ безъ большаго труда или разбить это войско,
окружить его и гнать до самой Москвы, какъ быковъ. На-
нецъ намъ останется только занять всю Литву». Между тѣмъ
иближалось литовское войско, въ составъ котораго вхо-
ли поляки и солдаты изъ чужихъ странъ, и когда оно ото-
шло отъ Орши на 4000 шаговъ,—обѣ арміи остановились.
московитовъ два крыла далеко отошли отъ остальнаго
ойска, для того чтобы обойти непріятеля съ тыла; главное же
ойско въ боевомъ порядкѣ стояло въ серединѣ, а впереди были
ставлены тѣ, которые должны были вызвать непріятеля на
й. Напротивъ нихъ литовцы долго давали диспозицію сво-
ъ разноплеменнымъ силамъ, ибо каждое княжество присла-
войско и предводителя своего племени, и такимъ образомъ
боевой линіи каждому было дано свое мѣсто. Наконецъ, по-
авивъ нѣсколько отрядовъ впереди, московиты подаютъ сиг-
лъ и первые дѣлаютъ нападеніе на литовцевъ.—Тѣ стоятъ
острашно и отражаютъ ихъ; но московиты, получивъ под-
ѣпленіе, въ свою очередь обращаютъ въ бѣгство литовцевъ.
имъ образомъ нѣсколько разъ обѣ стороны, усиливаясь
ѣжими подкрѣпленіями, опрокидываютъ другъ друга. На-
нецъ всѣ силы введены были въ дѣло.

Тогда литовцы, съ намѣреніемъ отступивъ къ тому мѣсту,
ѣ у нихъ поставлены были орудія, обратили пушки на пре-
ѣдовавшихъ ихъ московитовъ: они стрѣляютъ, разстраиваютъ
разрываютъ густые задніе ряды, стоящіе въ резервѣ. Моско-
ты были устрашены этимъ новымъ образомъ войны, такъ
къ они думали, что только первые ряды, сражающіеся съ не-
іятелемъ, находятся въ опасности; они смѣшались и ударя-
сь въ бѣгство, считая передніе дружины уже разбитыми.

gam capessunt. quos Lithvuani conversi, omnibus copijs
insequuntur, fugant, caeduntque. Hanc caedem sola nox ac
diremerunt. Est inter Orsam et Dobrovunam[43] quae quatu
Ger. distant fluvius Cropivuna[45] dictus, in cuius dubijs e
ripis fugientes, tot Mosci submersi sunt, ut cursus fluminis
diretur. Capti sunt in eo conflictu omnes militiae praefe
consiliarij: quorum praestantiores, Constantinus sequenti di
tissime accepit, deinde ad Regem misit, qui per castra Lithv
sunt distributi. Ioannes Czeladin[44] cum alijs duobus prae
ingravescentis iam aetatis ducibus, habebatur in ferreis c
dibus Vuilnae. Hos ego, cum a Caesare Maximiliano lega
Moscoviam missus essem, permittente Rege Sigismundo, a
eosque consolatus, aureos praeterea aliquot [illegible] n
dederam. Princeps porro accepta [illegible] clade, Smolenczk
tinuo relinquens, in Moscoviam fugit, et ne castrum Drog
Lithvuani occuparent, incendi iubet. Lithvuanicus exercitus
Smolenczko civitatem contendit, sed capere eam non potuit
praesidijs impositis Moscus eam bene firmatam reliquerat[a] e
hyems impendens obsidionem impediebat. Tum quod pluri
conflictum praeda onusti, satis se effecisse rati, domum repet
denique quod neque Lithvuani, neque Mosci expugnare arc
ut capere norunt.[45] Ex ea autem victoria, praeter recuperat
Smolenczko tria castra, Rex nihil reportaverat. Anno pos
conflictum quarto, misit in Lithvuaniam exercitus Moscus,
intra meatus Dvinae[a] fluvij et Polotzko castrum consedit:
de bonam exercitus partem, quae Lithvuaniam abacta praed
de et incendijs depopularetur, immisit. Albertus Gastold Po
Vuayvuoda[46] una noctium cursus flumine superato, acervu
m,[b] quod ad longam obsidionem congesserant Mosci, in
hostem invadit: quorum alij caesi ferro, alij fugiendo sub
alij capti, pauci evaserunt. caeteri, qui palantes[c] Lithvu

[illegible] Grossfürsten [illegible] worden. [illegible]

a 1557 B [illegible] Reisen und raub

Тогда литовцы обращаются назадъ, со всѣми силами настигаютъ ихъ, преслѣдуютъ и убиваютъ. Одна ночь и лѣса прервали эту сѣчу. Между Оршеи и Дубровной [62] (которыя отстоятъ другъ отъ друга на 4 германскихъ мили) есть судоходная рѣка Кропивна [63]: въ ней потонуло столько московитовъ, бѣжавшихъ по ея опаснымъ и высокимъ берегамъ, что теченіе рѣки замедлилось. Взяты были въ этомъ сраженіи всѣ начальники войска и военные совѣтники. На слѣдующій день Константинъ сдѣлалъ великолѣпный пріемъ знатнѣйшимъ изъ нихъ; потомъ отправилъ ихъ къ королю: они были распредѣлены по литовскимъ крѣпостямъ. Иванъ Челяднинъ [64], съ другими двумя главными вождями уже преклонныхъ лѣтъ, содержался въ Вильнѣ въ желѣзныхъ кандалахъ; когда я былъ отправленъ посломъ отъ цесаря Максимиліана *къ королю Сигизмунду и къ упомянутому великому князю Василію*, то навѣстилъ ихъ съ позволенія короля Сигизмунда и утѣшалъ ихъ, кромѣ того, по ихъ покорной просьбѣ, далъ въ долгъ нѣсколько золотыхъ, *которые и были уплачены мнѣ по ихъ запискѣ въ Москвѣ.* Услышавъ о пораженіи своихъ войскъ, князь *испугался* немедленно и оставилъ Смоленскъ и поспѣшно уѣхалъ въ Москву, приказавъ сжечь крѣпость Дорогобужъ, чтобы не завладѣли сю литовцы. Литовское войско направилось прямо къ городу Смоленску, но не могло взять его, потому что московскій князь сильно укрѣпилъ его и оставилъ въ немъ гарнизонъ. Къ тому же приближающаяся зима мѣшала осадѣ. Кромѣ того литовцы были обременены добычей, доставшеюся послѣ сраженія, и многіе требовали возвращенія домой, полагая, что они уже довольно сдѣлали. Наконецъ литовское войско не могло взять Смоленска и потому, что ни литовцы, ни московиты не умѣютъ брать крѣпостей [65]. Но отъ этой побѣды король ничего не выигралъ, кромѣ возвращенія трехъ городовъ по сю сторону Смоленска. На четвертый годъ послѣ этого сраженія московскій князь послалъ войско въ Литву; оно расположилось станомъ между теченіями рѣки Двины и городомъ Полоцкомъ. Отсюда онъ отпустилъ бо́льшую часть своего войска опустошать Литву огнемъ и мечемъ и собирать добычу. Альбертъ Гастолдъ, полоцкій воевода [66], вышедши въ одну ночь и перешедъ рѣку, зажегъ кучу сѣна, которую собрали московиты для долгой осады, и напалъ на непріятелей: одни изъ нихъ погибли отъ меча, *другіе потонули* въ бѣгствѣ, третьи были взяты въ плѣнъ, немногіе спаслись; изъ остальныхъ, которые, переходя съ одного мѣста *на* другое, *грабили* и опустошали Литву,—одни побѣждены *въ разныхъ* мѣстахъ, другіе убиты поселянами, спасаясь въ лѣ-

uastabant, pars in locis diuersis deuicti, alij in syluis errantes à colonis trucidati sunt. [d] [67].

Casan regnum [e] Moscus quoque eo tempore, tam nauali quàm equestri exercitu erat aggressus: sed re infecta, amissis quampluribus militibus redijt. [68] [f] Porrò princeps ille Basilius, etsi in bello esset infaelicissimus, nihilominus tamen à suis semper, tanquam res faeliciter gereret, laudatur: et cum nonnunquam uix dimidia militum pars domum redierit, tamen ne unum quidem praelio esse amissum dictitant. Imperio, quod in suos exercet, omnes facilè uniuersi orbis monarchas superat. [69] et id quod pater incaeperat, ipse perfecit: nimirum omnes princepes, et alios quo suis omnibus castris ac munitionibus exuit. Certè fratribus suis germanis nec arces permittit, nec etiam confidit. omnes iuxtà, dura seruitute premit: adeò, ut quemcunque apud se in aula esse, aut in bellum ire, aut legationem aliquam obire iusserit, obire quoduis suis sumptibus cogatur: exceptis adolescentulis filijs Boiaronum [g], hoc est, tenuioris fortunae nobilium, quos paupertate oppressos, quotannis assumere, eosque inaequali stipendio proposito alere solet [70] [h]. Porrò quibus in annum sex [i] aureos numerat, ijs tertio quoque anno stipendium exoluitur: quibus autem in singulos annos dantur XII aurei, ij coguntur ad quoduis munus obeundum suis et sumptibus et equis aliquot, esse parati ac expediti. praestantioribus, qui legationem aut alia grauiora officia obeunt, [j] aut praefecturae, [k] aut uillae, aut praedia, [l] habita cuiusque et dignitatis et laboris ratione, attribuuntur: de quibus tamen singulis certos annuos census Principi pendunt mulcta duntaxat, quam à pauperibus aliquid fortè delinquentibus extorquent, et quaedam alia illis cedunt. Huiusmodi autem possessiones utendas plerunque ad sesquiannum permittit. si quem tamen singulari gratia, seu beneuolentia [n] complectitur, addit menses aliquot: sed elapso eo tempore, cessat omnis gratia, totoque sexennio gratis tibi erit deinceps seruiendum. [o] Erat quidam [p] Basilius Tretyack Dolmatovu, [71] charus Principi, et inter intimos Secretarios habitus: quem cum legatum ad Caesarem Maximilianum decerneret, seque ut praepareret, iuberet: ac cum

---

d) 1550 Ит. прим. et morti restorno. 1557 B. прим. das also von den allen weniz haimbkhumen sein sollenn. e) 1557 прим. Thatterisch. f) 1557 B. amis. quampl. mil. redijt—имѣть. g) 1557 B. Boyarn Sun. 1563 B. jüngling der Boiaronen. h) 1557 B. eosque—solet-имѣть. i) 1557 B. им. *drey je ainem* sechs gulden. j) 1557 B. прим. den gibt man nit gelt. k) 1563 B. Landtvogtey. l) 1563 B. meyerhöff. m) 1557 B. им. aut praedia-ratione: oder andere bestimbte und benennte einkhomen. n) 1550 Ит. прим. et amicitia. o) 1557 B. Въ предъидущемъ предложеніи нѣкоторыя порядокъ словъ. p) 1563 B. es war einer

сахъ, *гдѣ и оставались мертвые такъ, что изъ всѣхъ воротились немногіе* [67].

Въ тоже время московскій князь также выступилъ противъ *(татарскаго)* царства казанскаго, съ судовою и конною ратью,— но воротился, не сдѣлавъ дѣла и потерявъ весьма много воиновъ [68]. Хотя этотъ князь Василій въ войнѣ былъ весьма несчастливъ, однако тѣмъ не менѣе свои всегда выхваляютъ его такъ, какъ будто бы онъ велъ дѣла свои счастливо; и хотя иногда ворочалась едва половина воиновъ, однако они утверждаютъ, что въ сраженіи не потеряно ни одного. Властью, которую имѣетъ надъ своими, онъ превосходитъ едва ли не всѣхъ монарховъ цѣлаго міра [69]. Онъ исполнилъ то, что началъ его отецъ,—именно отнялъ у всѣхъ князей и другихъ владѣтелей всѣ ихъ города и укрѣпленія. Даже своимъ роднымъ братьямъ онъ не вѣряетъ крѣпостей, и не позволяетъ имъ въ нихъ жить. Почти всѣхъ гнететъ онъ тяжкимъ рабствомъ, такъ что тотъ, кому онъ приказалъ быть у себя во дворцѣ, или идти на войну, или отправлять какое нибудь посольство, принужденъ отправлять свою должность на свой счетъ, исключая юношей, боярскихъ дѣтей, т. е. благородныхъ людей небольшаго достатка, которыхъ, по ихъ бѣдности, онъ ежегодно беретъ къ себѣ и обыкновенно даетъ жалованье, но не всѣмъ одинаковое [70]. Тѣмъ, которымъ онъ кладетъ *отъ трехъ до* 6 золотыхъ въ годъ, жалованье выдается только на третій годъ; тѣже, которымъ дается каждый годъ по 12 золотыхъ, обязаны быть готовыми ко всякой должности на своихъ издержкахъ и съ нѣсколькими лошадьми. Знатнѣйшимъ, которые отправляютъ посольства или другія важныя должности, даются или управленія областями, или села, или помѣстья, или *другія опредѣленные и означенные доходы*, смотря по труду и достоинству каждаго; однако они платятъ съ нихъ князю извѣстную ежегодную подать: имъ идетъ только денежная пеня, которую они взимаютъ съ бѣдныхъ, чѣмъ либо провинившихся, и нѣкоторые другіе доходы. Князь позволяетъ пользоваться такого рода владѣніями большею частью въ продолженіи полутора года; если же оказываетъ кому особенную милость и благоволеніе *и дружбу*, то прибавляетъ еще нѣсколько мѣсяцевъ: но по прошествіи этого времени всякое жалованье прекращается, и цѣлые шесть лѣтъ такой человѣкъ долженъ служить даромъ. При княжескомъ дворѣ былъ нѣкто Василій Третьякъ Долматовъ,[71] пользовавшійся милостью князя и бывшій въ числѣ ближнихъ дьяковъ его. Князь назначилъ его посломъ къ цесарю Максимиліану и приказалъ ему приготовляться. Когда Третьякъ говорилъ, что у него нѣтъ

uiatico se ac sumptibus[q] carere diceret. mox in Bieloyessero captus, inque perpetuos carceres coniectus, tandem miserrimè perijt. cuius tam mobilia quàm immobilia[r] bona Princeps sibi uendicauit. et quamuis ter mille florenorum in prompta pecunia repererat. fra-
cap. 15. tribus tamen ac haeredibus suis ne terunne teruncium[a] quidem dederat. Hoc ita esse, praeter communem famam,[b] Ioannes scriba[72], qui à Principe. ut mihi res in quotidianos uitae usus necessarios suppeditaret. constitutus erat. fatebetur: et qui illum simul, ubi captus erat. in sua custodia habebat: itidem duo Basilij fratres, Theodorus et Zacharias,[73c] qui nobis redeuntibus ex Mosaisco in Smolenczko procuratores erant dati, sic actam rem affirmabant[d]. Quicquid Oratores ad externos Principes missi, preciosi,[e] reportant, id Princeps in suum fiscum reponit. inquiens, aliam ipsis gratiam se facturum: quae talis est. ut suprà dixi. Oratores enim, Knes Ivuan, Posetzen, Jaroslavuski et Semen, id est Simeon, Trophimovu secretarius,[f74] à Caesare CAROLO Quinto, ad quem missi erant, donati grauibus torquibus aureis. cathenis[g]. Hispanica et ea quidem aurea moneta: item à Caesaris fratre FERDINANDO archiduce Austriae. Domino meo. argenteis poculis. aureis et argenteis pannis. Germanica aurea moneta.[75] cum redeuntes nobiscum[h] in Moscovuiam uenissent,[i] Princeps continuò et cathenas et pocula.[k] atque maiorem partem Hispanicorum aureorum illis ademit. Eius rei ueritatem cum ab Oratoribus inquirerem, alter timens ne Principem suum traduceret. constanter negabat: alter uerò dicebat. Principem iussisse numera Regia ad se deferri, ut ea videat. Pòst cum saepius eius rei meminissem. alter, aut ut mentiendi occasionem. si pernegaret: aut periculum, si fortè ueritatem fateretur. effugeret: me posthac frequentare desierat. Aulici denique factum non negabant. sed respondebant: Quid tum, si alia gratia illis Princeps rependit? Authoritate sua tam in spirituales quàm seculares utitur. liberè ac ex uoluntate sua de omnium et ui-

---

an dess fürsten hoff. q) 1557 B. *uiatico se ac sump.*—zerung и прпб. unnd der Fürst jm zwaymal bevolhen zu raisen, zum dritten mal liess den fahen. r) 1557 B. Clainoter und Parschafft.

a) 1557 B. nichts. 1563 Б. Kein pfennig. b) 1557 B. praeter com. famam—нѣтъ. c) 1557 B. прпб. der ain dem Graff Lienharden Nugarolis und der annder mir. d) 1557 B. прпб. und uns gefragt, was für ain recht bey uns were, wann ain Brueder sturb, ob nit seine brüeder desselben verlassen guet erbten. e) 1557 B. прпб. und dieselben mit khetten. Tringkhgeschirren und annderm Verehrt worden. f) 1550 Нт. Knes Jvuan-seeretarius—нѣтъ. g) 1557 B. вм. *torqu. cathenis*-khetten. 1563 Б. vil Hispanischer ducaten (вм. слѣд. Hisp.—mon.) h) 1557 B. вм. *nobiscum*: mit dem grafen Nugarolis und mit mir. i) 1557 B. прпб. haben sy dem Fürsten alles solches fürtragen unnd bringen müessen. j) 1557 B. *et cath. et poc.*—нѣтъ. k) 1557 B. вм. Gottes Klucznick das ist Schlüsselträger sovil als Camerer.

денегъ на дорогу и на издержки, *и когда князь дважды ему приказывалъ, то въ третій разъ*—его тотчасъ схватили, увезли въ Бѣлоозеро и на всю жизнь заключили въ темницу, гдѣ онъ наконецъ и погибъ жалкою смертью. Князь взялъ себѣ его имѣнье, движимое и недвижимое, *драгоцѣнности и подарки*, и нашедши у него 3000 флориновъ чистыми деньгами, не далъ его братьямъ и наслѣдникамъ *ничего, ни пфеннига*, даже четвертей части. Подлинность этого, кромѣ общей молвы, подтвердилъ писецъ Иванъ[72], который былъ ко мнѣ приставленъ княземъ, чтобы доставлять вещи, необходимыя для ежедневнаго употребленія: онъ держалъ Третьяка подъ стражей, когда тотъ былъ взятъ. Два брата Василія Третьяка, Ѳеодоръ и Захарія,[73] которые были даны *одинъ графу Леонгарду Нугаролису, другой мнѣ* приставамъ на возвратномъ пути изъ Можайска въ Смоленскъ, утверждали тоже самое *и спрашивали, какой законъ у насъ и не послѣдуетъ-ли у насъ братъ имѣнья, оставшіяся послѣ смерти брата*. Если послы, отправленные къ иностраннымъ государямъ, *которые почтятъ ихъ подарками, цѣпями* (ожерельемъ), *чашами и прочее*, привозятъ *эти* драгоцѣнности, то князь откладываетъ это въ свою казну, говоря, что онъ дастъ имъ другую награду, а она такова, какъ я сказалъ выше. Такъ, когда вмѣстѣ съ *графомъ Леонгардомъ Нугаролисомъ и со мною* возвратились въ Москву послы князь Иванъ Посѣченъ Ярославскій и дьякъ Семенъ (т. е. Симеонъ) Трофимовъ,[74] получивъ въ даръ отъ цесаря Карла V, къ которому были посланы, тяжелыя золотыя ожерелья, цѣпи, *много испанскихъ дукатовъ*,—а отъ брата цесаря, Фердинанда, эрцгерцога австрійскаго, моего государя, серебряныя чаши, золотыя и серебряныя парчи, и нѣсколько нѣмецкихъ гульденовъ,[75]—то *они должны были все это представить и принести князю, который* не медля отобралъ у нихъ и цѣпи, и чаши, и большую часть испанскихъ дукатовъ. Когда я спрашивалъ пословъ, справедливо ли это,—то одинъ постоянно отрицалъ, боясь унизить своего князя, другой же говорилъ, что князь приказалъ принести съ собѣ царскіе подарки, чтобы поглядѣть на нихъ. Потомъ, когда я весьма часто вспоминалъ объ этомъ, одинъ изъ нихъ пересталъ послѣ этого посѣщать меня, чтобы не быть принужденнымъ ко лжи, продолжая отпираться, или чтобы избѣжать опасности въ томъ случаѣ, если признается въ истинѣ. Но придворные не отвергали этого факта, а отвѣчали: Такъ чтоже, если князь вознаградитъ ихъ другою милостью? Онъ имѣетъ власть какъ надъ свѣтскими, такъ и надъ духовными особами, и свободно, по своему произволу, распоряжается жизнью и имуществомъ всѣхъ. Между совѣтниками, которыхъ

ta et bonis constituit. consiliariorum quos habet, nullius est tantae authoritatis, qui dissentire, aut sibi in re aliqua resistere audeat. Fatentur publice, uoluntatem Principis, Dei esse uoluntatem: et quicquid Princeps egerit, ex uoluntate Dei agere. ob id etiam clauigerum et cubicularium Dei[k] appellant, exequutorem denique uoluntatis diuinae credunt. Vnde Princeps ipso, si quando preces interponuntur pro captiuo aliquo, aut re alia graui,[l] respondere solet: Cum Deus iusserit,[m] liberabitur. Ita similiter, si quisquam de re aliqua incerta et dubia quaerit, respondere communiter solent: Deus scit,[n] et magnus Princeps. Incertum est, an tanta immanitas gentis tyrannum principem exigat: an tyrannide Principis, gens ipsa tam immanis, tamque dura crudelisque reddatur.[76]

Atempore Rurickh[o] usque ad hunc praesentem Principem,[p] non alio titulo[77] usi sunt principes illi, quàm Magnorum Ducum aut Vuolodimeriae, aut Moscouiae aut Nouuogardiae,[q] etc. praeter Ioannem Basilij qui se dominum totius Russiae, et magnum Ducem Vuolodimeriae, etc[r] appellabant. Hic vero Basilius Ioannis[s] sibi uendicat et titulum et nomen regium, in hunc modum: Magnus Dominus Basilius Dei gratia Rex et Dominus totius Russiae, et magnus Dux Vuolodimeriae, Moscouiae, Nouuo-
etp 1c. gardiae, Plescouiae, Smolenczkiae, Tuueriae, Jugariae, Permiae, Viackiae,[t] Bulgariae, etc. Dominus et magnus Dux Nouuogardiae terrae inferioris, et Czernigouiae. Rezaniae, Vuolotkiae, Rschouiae, Beloiae,[a] Rostouiae, Iaroslauiae,[b] Bielozeriae, Vdoriae, Obdoriae, Condiniae, etc. Porrò cum omnes[c] hunc Imperatorem nunc appellent,[d] uidetur necessarium, ut et titulum et causam huius erroris exponam. Czar Rhutenica lingua regem significat, cum autem communi Slauonica, apud Polonos, Bohemos, et alios omnes sumpta quadam consonantia, ab ultima, et ea graui quidem syllaba Czar,[e] Imperator seu Caesar[f] intelligatur: unde omnes qui Rhutenicum idioma seu literas non callent, item Bohemi, Poloni, atque etiam Slaui regno Hungarico subditi, alio nomine regem appellant, nempe Kral, alij Kyrall, quidam Koroll: Czar autem solum Caesarem, seu Imperatorem[g] dici existimant: unde factum, ut Rhuteni interpre-

---

l) 1557 B. *aut re al. gr.*—нѣтъ. m) 1557 B. прим. das wirdt on dein leitt. n) 1549 B. fecit—опечатка вм. scit. o) 1550 Нт. Ruridch. p) 1557 B. прим. des blinden Basili Sun. q) 1557 B. союзовъ *aut*—нѣтъ. r) 1557 B. *Vuolodimeriae etc.*—нѣтъ.s) 1557 B. вм. desselben sun Gabriel, der sich Basilium übernente. t) 1550 Нт. Viackhia.

a) 1550 Нт. Baiosa. b) 1550 Нт. Larossauia. c) 1557 B. seine Thulmetschen. d) 1557 B. прим. nicht Khunig, sonder Lateinisch Imperator, das ist Teutsch, Kayser. e) 1563 B. Keytzar oder Czar. f) 1557 B. прим. das solches wort ainen Khunig ausspricht. g) 1563 B. Kayszar

онъ имѣетъ, никто не пользуется такимъ значеніемъ, чтобы осмѣлиться въ чемъ нибудь противорѣчить ему или быть другаго мнѣнія. Они открыто признаютъ, что воля князя есть воля Бога, и что̀ князь дѣлаетъ, то дѣлаетъ по волѣ божіей; потому они даже называютъ его *божьимъ ключникомъ, ключеносцемъ тоже что: Camerer*, и постельникомъ Бога, и наконецъ вѣрятъ, что онъ есть исполнитель воли божіей. Оттого самъ князь, когда его умоляютъ о какомъ нибудь заключенномъ, или въ другомъ важномъ дѣлѣ, обыкновенно отвѣчаетъ: будетъ освобожденъ, когда Богъ велитъ, *это случится безъ твоей заботы*. Подобно тому, если кто нибудь спрашиваетъ о какомъ нибудь неизвѣстномъ и сомнительномъ дѣлѣ,—обыкновенно отвѣчаютъ: знаетъ Богъ и великій князь. Неизвѣстно, такая ли загрубѣлость народа требуетъ тирана государя; или отъ тиранніи князя этотъ народъ сдѣлался такимъ грубымъ и жестокимъ[76].

Со времени Рюрика до нынѣшняго князя, *сына Василія Темнаго*, прежніе государи не употребляли другаго титула,[77] какъ великихъ князеи или владимірскихъ или московскихъ или новгородскихъ и пр., кромѣ Іоанна Васильевича, который называлъ себя господиномъ всеи Руссіи и великимъ княземъ владимірскимъ и пр. Василіи же Іоанновичъ *(прежде Гавріилъ)* присвоиваетъ себѣ титулъ и имя царя слѣдующимъ образомъ: Великіи Господинъ Василіи; Божіею милостію Царь и Господинъ всеи Руссіи, и Великіи Князь Владимірскіи, Московскіи, Новгородскіи, Псковскіи, Смоленскіи, Тверскои, Югорскіи, Пермскіи, Вятскіи, Болгарскіи и пр., Господинъ и Великіи Князь Нижнеи земли Новгородскои, и Черниговскіи, Рязанскіи, Волоцкіи, Ржевскіи, Бѣлевскіи, Ростовскіи, Ярославскіи, Бѣлозерскіи, Удорскіи, Обдорскіи, Кондинскіи, и пр. Такъ какъ нынѣ всѣ *(переводчики, толмачи)* называютъ его *не королемъ, но* императоромъ, *по нѣмецки-Kayser*,—то мнѣ кажется необходимымъ распространиться о титулѣ императора и о причинѣ этои ошибки. Слово царь на русскомъ языкѣ значитъ король, rex. Но на общемъ славянскомъ языкѣ, у поляковъ, богемцевъ и всѣхъ другихъ—подъ словомъ *кейцарь (кесарь)* или царь понимаютъ императора или цесаря *такъ какъ-будто это слово равносильно королю*, отъ созвучія этого слова съ послѣднимъ долгимъ слогомъ слова *Caesar*. Оттого всѣ, которые не понимаютъ русскаго языка, и не знаютъ русскихъ буквъ, какъ то богемцы, поляки и славяне, подвластные венгерскому королевству, называютъ *rex* другимъ именемъ, одни—краломъ, другіе кираллемъ, нѣкоторые королемъ, и полагаютъ, что царемъ называется только одинъ цезарь или императоръ. Отъ этого произошло, что

tes audientes Principem suum ab externis nationibus sic appellari. coeperunt et ipsi deinceps Imperatorem nominare, nomenque Czar dignius esse quàm Regis (licet idem significent) existimant. Caeterùm si euoluas omnes eorum historias, atque sacram scripturam, ubique Regis nomine Czar, Imperatoris uerò Kessar reperies. Eodem errore Imperator Thurcarum Czar appellatur, qui tamen non alio eminentiore quàm Regis, hoc est, Czar titulo ab antiquo est usus. Hinc Constantinopolim Czarigrad, quasi dicas Regiam urbem, Turcae Europaei,[h] qui lingua Slauonica utuntur, appellant. Sunt qui Principem Moscouiae Album Regem nuncupamt[i][77] Ego quidem causam diligenter quaerebam, cur Regis Albi nomine appelaretur, cum nemo principum Moscouiae eo titulo antea esset usus: imò consiliarijs ipsis saepe data occasione, et apertè dixi, nos non Regem, sed Magnum ducem agnoscere. Plerique tamen hanc Regij nominis rationem esse putabant, quòd sub imperio suo reges haberet:[j] Albi uerò rationem nullam habebant. Credo autem, ut Persam nunc propter rubea tegumenta capitis Kisilpassa, id est, rubeum caput uocant: ita illos propter alba tegumenta, albos appellari.[k] Regis porrò titulo utitur[l] ad Romanum Imperatorem et Pontificem, regem Suetiae et Daniae, Magistrum Prussiae,[m] Liuoniae: et, ut accepi,[n] ad Turcarum principem. ipse uerò à nemine horum, nisi fortè à Linonien[o]. Rex appellatur[p] Titulis autem antiquitùs, tribus circulis triangulo inclusis,[78] uti solebant, quorum primus in supremo circulo hisce verbis continebatur: Deus noster trinitas, quae fuit ante omnia secula, pater, filius, et spiritus sanctus: non tamen tres dij, sed unus Deus in substantia. In secundo, titulus Imperatoris Thurcarum erat, particula adiecta: Fratri nostro

---

h) 1550 Нт. *Cauuopei* (!). i) 1557 B. вм. *Turcae Europaei etc.* u *sunlqui—nuncupant:* Weisse Reissen oder weissen Khunig nennen etliche, und wollen damit ain underschied der Reyssen machen. j) 1557 B. *imo—haberent*—имѣть. k) 1557 B. вм. *Albi vero rationem* и до *albos appel:* Die gemainen leut in der Mosqua, welche höflichen vermainen zu reden, haben den Grossfürsten den weissen Khûnig genent, aber der khainer vrsach gewüsst zu geben, es wäre dann, wie etliche Khünig nach jren hueten genent werden, als den Persier nent man das Rot huetl, nach ainen andern nennt man das gruen huetl, So fueren die Moscovither all weisse huetl, ob der Fürst auch darnach der weisse hiess. l) 1557 B. прим. wiewol er alle seine Brief mir Reissisch schreibt darin Er ich Czar nent, so schikht Er gemeineklich Lateynische Copeyen darmit oder darinn und anstat des Czar setzen sy Imperator, den wir Theûtsch Khayser nennen, des gebraucht Er sich allain zu ferrlendischen, als—m) 1557 B. *Mag. Pr.*—имѣть. n) 1557 B. *ut acc.*—имѣть. o) 1557 B. *nisi—Livonien*—имѣть. 1563 B. вм. *Livonien:* Grossmeister in Leyfland. p) 1557 B. прим. Wann sich aber der Reiss ein Czar gegen den Khunig zu Polln geschriben, so hat man solche brieff mit angenumen, dann die zwen wollen in den titln, einer dem anndern nichts neues zuelassen. Als auch geschach, so wie den anstand zwischen jnen beschlossen, setzt der Polnisch in sein titl, Hertzog in der Mass. der vor niche gewest, wie harrt man das erhalten, das die Moscovither dasselb zuegeben haben. Въ Лат. текстѣ см. далѣе на стр. 25. Basilio Ioannis etc.

русскіе переводчики, слыша, что иностранцы называютъ ихъ государя императоромъ, начали и сами именовать его такъ, полагая, что имя царя почетнѣе, чѣмъ имя короля (хотя они и значатъ одно и тоже). Но если пересмотрѣть всѣ ихъ лѣтописи и священное писаніе, то вездѣ слово царь соотвѣтствуетъ слову rex, а императоръ—слову кесарь. По такоій же ошибкѣ царь турецкій назывался императоромъ, хотя онъ издревле не употреблялъ другаго болѣе высокаго титула, чѣмъ титулъ царя т. е. короля. Отъ того европейскіе турки, которые употребляютъ славянскій языкъ, называютъ Константинополь Цареградомъ, такъ сказать царскимъ городомъ. Нѣкоторые *различаютъ бѣлыхъ русскихъ или бѣлаго царя и хотятъ даже такимъ образомъ раздѣлять русскихъ.*[77] Я тщательно отыскивалъ причину, почему бы онъ назывался бѣлымъ царемъ, когда прежде никто изъ московскихъ князей не употреблялъ этого титула; сверхъ-того часто и открыто говорилъ при случаѣ совѣтникамъ, что мы признаемъ его не царемъ, а великимъ княземъ. Весьма многіе полагали причину царскаго титула въ томъ, что онъ имѣетъ подъ властью царей, но не могли представить никакоій причины названію бѣлый. Я же увѣренъ что московскаго князя называютъ *простолюдины въ Москвѣ* бѣлымъ царемъ, *но имѣя то основанія, кромѣ того, какъ другіе цари называются по своимъ шапкамъ*, отъ своихъ бѣлыхъ шапокъ, какъ теперь Персидскій Шахъ называется Кизиль-пашей т. е. красноій головоій—отъ красноій шапки, *другихъ называютъ сѣрой шапкой. Такъ какъ московиты носятъ бѣлыя шапки, то можетъ быть и князь по этому называется бѣлымъ. Хотя великій князь всѣ свои грамоты ко мнѣ пишетъ по русски, гдѣ называетъ себѣ царемъ; но онъ прилагаетъ обыкновенно латинскія копіи, гдѣ вмѣсто царь пишетъ императоръ, котораго по нѣмецки мы называемъ Kayser. Этотъ титулъ онъ употребляетъ только въ сношеніяхъ иностранныхъ, именно* въ сношеніяхъ съ великимъ императоромъ и папоій, съ королями шведскимъ и датскимъ, съ магистрами прусскимъ и ливонскимъ и, какъ я слышалъ, съ государемъ турецкимъ; его же никто изъ нихъ не называетъ царемъ, развѣ только *великій* ливонскій *магистръ*. Съ давняго времени они (московскіи князья) употребляли титулы, которые были написаны на трехъ кружкахъ,[78] вставленныхъ въ треугольникъ. Первый изъ нихъ, на верхнемъ кружкѣ, заключался въ слѣдующихъ словахъ: Богъ нашъ есть Святая Троица, которая была прежде всѣхъ вѣковъ, Отецъ и Сынъ и Духъ Святоій; но не три Бога, а по существу одинъ Богъ. На второмъ былъ титулъ императора турецкаго, съ прибавленіемъ: Любезному

dilecto. In tertio, titulus Magni ducis Moscovuiae, quo se regem, et haeredem ac dominum totius Russiae orientalis et meridionalis fatebatur, in quo communi formulae subiunctum uidimus: Misimus ad te nostrum fidelem consiliarium[q]. Ad regem autem Poloniae huiusmodi titulo utitur: Magnus Dominus Basilius, Dei gratia Dominus totius Russiae, et Magnus dux Vuolodimeriae, Moscovuiae, Novogardiae, Smolenski, Tvueriae, Iugariae, Permiae, Bolgariae,[r] etc. omisso Regis titulo. neuter enim horum alterius literas nouo titulo auctas, accipere dignatur. Quod quidem nobis Moscovuiae existentibus acciderat, cum regis Sigismundi literas ad se missas, atque titulo ducis Masovuiae auctas, Moscus grauatim acceperat.—

стр. 17

Scribunt [a] quidam, Moscum à Pontifice Romano et à Caesare Maximiliano nomen expetiuisse, et titulum Regium.[79] Mihi uerisimile non uidetur: praesertim cum nulli homini infensior sit, quàm summo Pont. et quem non nisi Doctoris titulo dignatur. Caesarem autem Romanum non maiorem se existimat: ut ex literis suis apparet, in quibus nomen suum Imperatoris titulo praeponit. Nomen item Ducis apud eos dicitur Knes: nec alium maiorem titulum, ut dixi, unquam habuerunt, adiuncta illa dictione, Magnus. nam omnes alij qui unicum principatum habebant, dicebantur Knes: qui uerò plures principatus, atque alios Knes subiectos sub imperio habebant, Vueliki Knesi, id est Magni duces appellabantur. neque alium gradum seu dignitatem habent post Boiaros, qui more nostro locum nobilium (ut suprà dixi) seu equitum tenent [b]. In Croacia uerò primores similiter Knesi uocantur: apud nos uerò, sicuti et in Hungaria, uno nisi Comitum nomen obtinent.[80] [c]

Non dubitarunt [d] mihi uiri quidam principes dicere, imò ceu exprobare, quòd modernus Moscouiae princeps proferre soleat literas sanctae memoriae Imperatoris Maximiliani, quibus nomen Regium tributum sit patri eius Gabrieli, qui postea mutato nomine Basilius uocari maluit: quodque affirmet, me eas literas ad illum

---

q) 1557 B. вм. описанія формы титула—приложено самое изображеніе: въ 3 соединенныхъ между собой въ видѣ прямой цѣпи сѣнкахъ, изъ которыхъ средній больше крайнихъ, сдѣланы надписи. Въ среднемъ: Vnser Gott die dreyfaltigkhait die gewest ist von Ewigkhait Vater, Son, Hailiger Geist, doch nit drey Götter, sonder ein Gott im wesen; въ 1-мъ крайнемъ: Hierinn war des Türgkhen Titl gestelt; въ 3-мъ концѣ: Grosser Herr Basillius Khunig Herr und Erb aller Reissen im anfang und mittag.
r) 1557 B. *Ad regem—Bolgariae*—нѣтъ.

a) 1557 B. Scribunt etc. помѣщено въ нѣмецкомъ текстѣ выше (на 9 стр. об.;
b) 1557 B. прибав. die minndern nennt man der Boyern Sun. Bey nach windischer Sprach haisst khrieg, aus dem mochten Sy Kriegsleude haissen. c) 1557 B. вм. предыд. предложенія: in Crobaten und Hungern nennt man die Grafen auch die Pfaffen Khnesen. Вообще все это мѣсто въ нѣмецкомъ пер. нѣсколько измѣнено въ порядкѣ предложеній. d) Отсюда и до [illegible] на 3 строкѣ 19-й стр. [illegible] текста нѣтъ въ 1549 B. 1551 B. и 1556 Ит.

брату нашему. На третьемъ титулъ великаго князя московскаго, въ которомъ онъ писался царемъ и наслѣдникомъ и господиномъ всеи Руссіи восточноіи и южноіи, и въ которомъ я видѣлъ прибавленіе обыкновенноіи формулы: Посылаемъ къ тебѣ нашего вѣрнаго совѣтника. Въ сношеніяхъ же съ королемъ польскимъ онъ употребляетъ такого рода титулъ: Великіи Господинъ Василіи, Божіею милостью Господинъ всеи Руссіи и Великіи Князь Владимірскіи, Московскіи, Новгородскіи, Смоленскіи, Тверскоіи, Югорскіи, Пермскіи, Болгарскіи, и пр., пропуская титулъ царя, по тому что ни тотъ, ни другоіи изъ нихъ не удостоитъ принять грамоту другаго съ прибавленіемъ новаго титула. Это случилось даже въ нашу бытность въ Москвѣ, когда московскіи князь насилу принялъ присланныя къ нему грамоты короля Сигизмунда, съ прибавленіемъ титула московскаго князя.

Нѣкоторые пишутъ, что московскіи князь домогался отъ римскаго папы и отъ цесаря Максимиліана царскаго имени и титула [79]. Это мнѣ кажется неправдоподобнымъ, преимущественно потому, что московскіи князь ни одному человѣку такъ не враждебенъ какъ папѣ, котораго онъ удостоиваетъ только титула учителя. Цесаря же римскаго онъ почитаетъ не выше себя, какъ это явствуетъ изъ его грамотъ, въ которыхъ онъ свое имя ставитъ впереди императорскаго титула. Герцогъ у нихъ называется княземъ, и они, какъ я сказалъ, никогда не имѣли другаго титула больше этого, и только прибавляли къ нему слово великіи, ибо всѣ прочіе, которые имѣли только одно княжество, назывались князьями; которые же владѣли большимъ числомъ княжествъ и имѣли подъ своеи властью другихъ князеи, тѣ назывались великими князьями. Они не имѣютъ другоіи степени или достоинства, кромѣ бояръ, которые соотвѣтствуютъ, какъ я сказалъ выше, нашимъ дворянамъ или рыцарямъ. *Низшихъ называютъ боярскими дѣтьми. Бой на виндскомъ языкѣ значитъ воина, отсюда (бояре) значитъ военные люди.* Въ Кроаціи знатнѣйшіе вельможи *и духовенство* также называются князьями,—а у насъ, какъ и въ Венгріи, даютъ имъ только названіе графовъ [80].

Нѣкоторые знаменитые *мужи въ Польшѣ и Москвѣ* не усомнились обратиться ко мнѣ съ укоромъ за то, *что будто черезъ меня присвоена великому князю такая свобода въ титулѣ, это царское достоинство*, что новѣйшіи московскіи князь обыкновенно ссылается на грамоты блаженноі памяти Максимиліана, которыми присвоенъ царскіи титулъ его отцу Гавріилу, который потомъ перемѣнилъ имя и по своему желанію сталъ называться Василіемъ. По словамъ этихъ людеи, онъ утверждаетъ, что я

pertulisse. [e] ea que ob causam factum est, ut in nouissimis cum rege Poloniae tractatibus, aut Rexappllri, aut omnes pactiones irritas esse noluerit. Etsi uerò his sermonibus, tanquam nec ueris, nec uerisimilibus minimè deberem commoueri: tamen eos non tam mea. quàm opti mi et clementissimi principis mei causa cogor refutare, cum uideam etiam pijssimos eius manes temerè in inuidiam uocari. Non est obscurum, fuisse quandoque simultatem aliquam inter Maximilianum Imper. et Sigismundum Poloniae regem, ea nimirum tempestate, qua Sigismundus ducebat Stephani comitis Scepusiensis [e] filiam. Nam id eò fieri quidam interpretabantur, ut frater sponsae Ioannes, nuptijs Annae filiae Vuladislai regis Hungariae, autoritate et opera Sigismundi fratris potiretur: et per hoc impediretur, irritumque fieret ius succ'essionis, quòd Maximiliano, eius' ue nepotibus in regnum Hungariae debebatur. Qua de causa sanè Maximiliànus sua referre existimabat, Moschum perpetuum Lithuanorum et Polonorum hostem, sibi habere coniunctum. At posteaquam conuentu ad Posonium habito, de Annae nuptijs inter Maximilianum et Vuladislaum, praesente et fauente Sigismundo, conuenit, extinctis subitò et sublatis omni'us suspicionibus et simultatibus, tam arctè complexus est Sigismundum Maximilianus, ut non dubi-
стр. 18. (*) taret quandoque dicere, (quòd alibi quoque retulimus) se cum Sigismundo et ad superos et ad inferos esse iturum. Etsi igitur fuit tempus, cum Maximilianus sibi Moschum foederatum esse uellet tamen ei regium nomen nunquam tribuit: quod literis et instrumentis utrinque datis et acceptis, facilé comprobari potest, si cui fortè testimonium meum, etsi uerum et fidele, minus ponderis habere uideatur. Cur uerò hunc titulum ab Imperatore Maximiliano peteret Moschus, qui antequam quiquam inter eos negocij esset, non modò se ei parem, sed etiam superiorem uideri uoluit, nomen suum et titulum semper Imperatorio praeponens, siue loqueretur, siue scriberet: quod nunc quoque, ut dictum est, ceu mordicus retinetur? At Regium nomen, ne ad Poloniae quidem regem scribens, post meum ex Moscovuia reditum usurpauit. Hoc quidem in confesso est, quod ad Imperatorem. aut summum Pontificem scribens, se Regem et Dominum totius Russiae uocat. Quin ne Imperatorio quidem nomine abstinet, si quas fortè literas ex Ruthena lingua in Latinam

---

e) 1557 В. вм. *Non dubitarunt—pertulisse:* Es haben hernach etliche in Polln (1563 [illegible] Moscoviten) mich in Verdacht ziehen wollen, als solde ich dem grossfürsten solche [illegible] hait des Titls oder Khunigckliche Wird bracht haben. Затѣмъ отъ *eumque ob causam* и до *adducturi* (19 стр. Лат. текста)—нѣтъ.

(*) *Въ подлинномъ базельскомъ изданіи 1556 г. здѣсь опечатка: вм. 18-й стр. 20-*

привезъ къ нему эти грамоты [81]. По этой причинѣ произошло то, что въ новѣйшихъ трактатахъ съ королемъ польскимъ, онъ захотѣлъ или называться царемъ, или считать недѣйствительными всѣ договоры. Хотя я не долженъ бы былъ нисколько безпокоиться объ этихъ рѣчахъ, какъ о несправедливыхъ и неправдоподобныхъ, однако я принужденъ опровергнуть ихъ не столько для себя, сколько для благочестиваго и милостивѣйшаго моего государя, видя, какъ дерзко призываютъ ненависть на его блаженную память. Довольно извѣстно, что одно время существовала вражда между императоромъ Максимиліаномъ и Сигизмундомъ, королемъ польскимъ, именно когда Сигизмундъ женился на дочери Стефана, графа сцепузійскаго [82]. Ибо нѣкоторые толковали, что это было сдѣлано для того, чтобы Іоаннъ, братъ невѣсты, могъ получить руку Анны, дочери короля венгерскаго Владислава, черезъ вліяніе и посредство его брата Сигизмунда,—и черезъ то воспрепятствовать и уничтожить права наслѣдства на королевство венгерское, которыя принадлежали Максимиліану и его внукамъ. По этой причинѣ Максимиліанъ справедливо полагалъ, что ему полезно будетъ имѣть союзникомъ московскаго князя, постояннаго врага литовцевъ и поляковъ. Но послѣ того какъ на сеймѣ въ Пресбургѣ Максимиліанъ и Владиславъ уговорились о бракѣ Анны, въ присутствіи и при содѣйствіи Сигизмунда,—съ этого времени всѣ подозрѣнія и несогласія были устранены и уничтожены, и Максимиліанъ такъ крѣпко полюбилъ Сигизмунда, что не усумнился сказать (въ другомъ мѣстѣ мы также объ этомъ говорили), что онъ пойдетъ съ Сигизмундомъ въ рай и въ адъ. Хотя было время, когда Максимиліанъ искалъ союза съ московскимъ княземъ, но однако никогда не присвоивалъ ему царскаго титула, что легко можетъ быть доказано граматами и печатями, обмѣненными съ обѣихъ сторонъ, если мое свидѣтельство, хотя справедливое и вѣрное, покажется кому недостаточнымъ. Для чего же бы московскій князь просилъ этого титула у императора Максимиліана, тогда какъ еще прежде нежели было между ними какое нибудь дѣло, онъ хотѣлъ видѣть себя не только равнымъ, но и высшимъ, ставя свое имя и титулъ въ рѣчахъ и на бумагѣ выше императорскаго, что даже нынѣ, какъ сказано, такъ упорно соблюдается? А послѣ моего возвращенія изъ Московіи онъ не употреблялъ царскаго титула даже въ перепискѣ съ польскимъ королемъ. Извѣстно же, что въ сношеніяхъ съ императоромъ или съ папой онъ называетъ себя царемъ и господиномъ всей Руссіи. Даже и отъ названія императора не отказывается онъ, если присоединяетъ переводъ грамоты съ русс[illegible] латинскій,

uersas adiungit: nimirum ipsis interpretibus uocem Czar, quae Regem significat, Imperatorem uertentibus. Atque hunc in modum idem se et regem et Imperatorem facit. Sed quòd ab Imperatoribus, Maximiliano, eiusue nepotibus, creatus sit Rex, in Poloniae regum iniuriam, id nemo crediderit. Quorsum enim attineret, eum Regiam dignitatem, ut fama est, à summo Pontifice petere, si eam antea ab Imperatoribus accepisset? Atque haec quidem dicta sint pro Maximiliano Augusto, domino meo: qui Sigismundo regi, quoad uixit, certus et syncerus amicus fuit,

De me uerò ipso quid dicam? Qua fronte quaeso fuissem ausus, toties et in Poloniam et in Lithuaniam currere ac recurrere, in regum Poloniae Sigismundi patris et filij conspectum uenire, publicis Polonorum conuentibus interesse, uiros Principes intueri, si commodassem operam hac in re meam Principe meo, cuius nomine ac uerbis, fraternè, amicè, benignè ac beneuolè, et Regi et Ordinibus omnibus frequentissimè detuli, quicquid à coniunctissimo, optimo, et clementissimo Imperatore deferri posset? Si nullum est secretum, quod non reueletur: certè si quid indignum officio meo admisissem, id dudum in lucem erupisset. Sed consolor me recti conscientia, qua nulla est consolatio firmior. Et acquiesco suauiter in Regum Poloniae gratia, ac caeterorum Poloniae ordinum beneuolentia, quam mihi nunquam defuisse recordor.

Fuerunt fortè tempora, quibus talia minore quàm nunc inuidia spargi potuissent. Sed haec feri hac tempore, quid est aliud, quàm quaerere modos, ad dissociandas coniunctissimorum Principum voluntates, quae omnibus studijs atque officijs copulandae et consolidandae essent? Videbantur acta transacta esse omnia, quae nemo non putabat ad reliquias Hungariae seruandas, et ad amissa recuperanda, maximum momentum esse habitura. Verùm quibus ea res et antè magno bono fuit, et amplius futura erat, hi sive Turcico, sive alio quopiam malo spiritu afflati, pactorumque et
exp. 19. conuentorum obliti, res nouas et perniciosas moliuntur: non reputantes secum, in quantum discrimen et se ipsos, et uicinas prouincias, ac in primis Hungariam, de uniuerso nomine Christiano quàm optimè meritam, sint adducturi. [19].

какъ сами толмачи переводятъ слово царь, которое зна-
король, словомъ императоръ. Такимъ образомъ, онъ самъ
лъ себя и царемъ и императоромъ. Но чтобы сдѣлали его
мъ императоры Максимиліанъ и его внуки, въ обиду коро-
польскимъ,—этому никто не повѣритъ. Для какой же нуж-
нъ, какъ слышно, домогается царскаго достоинства отъ
, если прежде того получилъ его отъ императоровъ. Пусть
послужитъ въ защиту августѣйшему Максимиліану, моему
арю, который до самой смерти былъ вѣрнымъ и искрен-
другомъ королю Сигизмунду.

о же я скажу о самомъ себѣ? Съ какимъ лицемъ, спраши-
осмѣлился бы я столько разъ ѣздить въ Польшу и Литву
зываться на глаза королей польскихъ, Сигизмунда и его
, присутствовать на сеймахъ поляковъ, глядѣть на вель-
ыхъ пановъ, если бы я помогалъ въ этомъ дѣлѣ моему
арю, отъ имени и по порученію котораго я весьма часто
илъ братски, дружески, благосклонно и доброжелательно и
ю и всѣмъ сословіямъ все, что можно говорить отъ самого
ественнаго, самого лучшаго и милостивѣйшаго императора?
нѣтъ тайны, которая не обнаружится, то вѣрно давно бы
о на свѣтъ, если бы я позволилъ себѣ что нибудь недо-
ное моего званія. Но я утѣшаюсь сознаніемъ своей право-
верже котораго нѣтъ никакого утѣшенія. И я спокойно
аюсь на милость королей польскихъ и благосклонность
ихъ сословій Польши, вспоминая, что я всегда имѣлъ ихъ.
ли времена, когда такія рѣчи могли быть распространяе-
менѣе разжигая ненависть, нежели нынѣ. Но распростра-
ихъ въ наше время,—это ничто иное, какъ искать спо-
въ къ разрушенію взаимнаго расположенія самыхъ друже-
ныхъ государей, тогда какъ его должно было бы скрѣп-
и всевозможнымъ стараніемъ. Казалось, что окончены
всѣ дѣла, которыя, по общему мнѣнію, должны были
ъ величайшую важность для сохраненія остатковъ Венгріи
возвращенія утраченнаго. Но тѣ, для которыхъ это дѣло
жде было большимъ добромъ, а въ будущемъ обѣщало
больше, тѣ, заразясь турецкимъ или какимъ нибудь дру-
злымъ духомъ, и забывъ объ условіяхъ и договорахъ, за-
яютъ новое и опасное дѣло, не разсудивъ, въ какое не-
іе они вовлекутъ и самихъ себя и сосѣдей, и преимуще-
но Венгрію, такъ прекрасно послужившую всему христіан-

MODUS INAUGURANDI
Principes. [b]

Morem, quo Principes Moscovuiae inaugurantur, seque la, quam non ita facilè consecutus sum,[84] tibi depinge usus est Magnus Dux Ioannes Basilij, cum suum nepote

---

b) 1549 B., 1550 Нт. 1551 Б. заглавія нѣтъ. 1551 B.: Wie die Grossfürst werden unud sonderlich der Demeter des Hannsen Son eigesetzt ist worde нѣтъ слѣд. *Morem etc.*. 1563 Б. Wie sig ire fürsten einsetzend und bestä

Appendix oder angehengte Historien von der Moscoviten letsten hand

Es hat der Moscoviter Grossfürst Basilius treffendlichen viel land und fu sich gebracht, und sein reich sehr geweitteret, wie vorhin angezeigt wor lich aber als man zalt nach Christe geburt 1513 jar hat er mit künig Sigmu schwere krieg gefüret und durch Michael Linski hilff und verretterey di statt unnd land Smolentzko an sich gezogen, welche mehr dann vor hunder Vitolden den Grossfürsten in Littaun eroberet worden. Ob wol auch in 1514 jar die Polecken mit grosser Rüstung in der Moscoviten grentzen gez nen gewaltigen sig bekommen, also dass mehr dann dreissig tausent M Smolentzko auf der wallstatt tod beliben (wie solliches in Pauli Iovij histo lenge beschriben) habend sie doch dise statt unnd gewaltig fürstenthu mögen an sich bringen desshalben sy auch biss zu diser zeit in der Mosc beliben.

In volgendem 1518 jar ist Basilius der Moscoviten Grossfürst abermal treffenlichen grossen gezeüg in Littaun gefallen, dess vorhaben dasselbig g sich zu bringen, aber er ist von kunig Sigmunden dermassen mit starcker v gen, dass er nicht aussgerichtet, sonder widerhinder sich in sein land ziel

Nach diser tath ist durch keyser Maxmilian auch härnch durch keyser C nes brüders Ferdinandi ernstliche unterhandlung ein friden oder anst den Christen und Moscoviten angerichtt worden. Mitler zeit aber hatt B Orient und Mittag wilandere landschafften eroberet und sein reich erv letst aber Anno 1527 sind sy mit den Tartaren abermalen angezogen, also ner namhafftigen feldschlacht bey Carionen in Littaun gerathen, da dan dann sechs und zwantzig tausent ungleübigen erschlagen worden. Auff wel gen ein austand gevolget. In dem nachgenden jar ist Basilio dem Grossfürs der Sun Johannes, erboren, welcher zum volgenden zeyten auff den vatter ment Kommen.

Anno 1553 hatt Johannes der Grossfürst in Moscauw einen ernstlichen k Schwedieren gefüeret, vil land verderbet, und zu letst nach grossem bl wider friden angerichtet.

Anno 1562 hatt Johannes der Grossfürst in Moscauw einen ernstlichen fel en Teütschen ritters orden in Leyfland zu handen genommen, grausamen tyr der weib und man, jung und alt geüebet, auch denselbigen in einem streyt und fast das gantz land mit gewalt an sich gebracht. Also dass die Leyfländ Römischen reich hilff begeren, unnd sich Zu letst an Sigmunden dess namm deren Künig in Poland ergeben müessen.

Desshalben der krieg zwischen den Polecken und jhren angebornen feinden coviten wider angangen, unnd treffentlich zu genommen. Dann es ist der Mos Littauw gezogen, mehr dann hundert flecken verherget, vil Christen gefange füeret, un sich doch zu letst, als jm künig Sigmund mit starcker macht begeg der hinder sich ghen Smolendzko in sein gewarsamme gethon, und bald härna ein Anstand gemachet.

Обрядъ вѣнчанія князя на царство (*).

ѣдующее описаніе, которое я съ трудомъ досталъ, изо-
итъ тебѣ обычай вѣнчанія московскихъ князей на царства.
форму употребилъ великій князь Іоаннъ Васильевичъ, когда

Приложеніе или дополнительная исторія послѣднихъ Московитовъ дѣяній.

икій князь Московскій Василій покорилъ себѣ великое множество земель и
ествъ и весьма распространилъ свое царство, какъ о томъ прежде указано.
я по Р. Х. въ 1513 г. онъ велъ особенно замѣчательную, тяжелую войну съ
мундомъ королемъ польскимъ и покорилъ себѣ съ помощью Михаила Глин-
и его измѣны извѣстное княжество и городъ Смоленскъ, который былъ взятъ
имъ княземъ Литовскимъ Витольдомъ еще за 100 лѣтъ передъ симъ. Хотя въ
ющемъ 1514 г. поляки двинулись съ огромнымъ вооруженіемъ въ предѣлы
овитовъ и одержали сильную побѣду такъ, что на полѣ битвы передъ Смолен-
осталось болѣе 30000 убитыхъ московитовъ (какъ это подробно описано въ
іи Павла Iobus); но все таки они не смогли покорить городъ и княжество, ко-
и до сихъ поръ остаются во власти Московитовъ.
слѣдующемъ 1518 году Великій Князь Московскій Василій снова вторгся въ
сь очень большимъ войскомъ, чтобъ покорить себѣ всю страну. Но онъ
встрѣченъ королемъ Сигизмундомъ съ такимъ сильнымъ отпоромъ, что не
гнувъ цѣли долженъ былъ вернуться къ себѣ домой. Послѣ того, благодаря
ному участію Царя Максимиліана, а позже Царя Карла и брата его Фердинан-
ключенъ миръ или перемиріе между христіанами (православными католиками
ами) и московитами. Между тѣмъ Василій покорилъ много другихъ земель къ
у и къ югу и распространилъ свое царство. Наконецъ въ 1527 г. они снова
ись съ татарами, при чемъ произошла знаменитая битва при Каріонѣ въ
, гдѣ было избито болѣе двадцати шести тысячъ невѣрныхъ. За тѣмъ снова
довало перемиріе. Въ слѣдующемъ году у Великаго Князя Василія родился
ій сынъ Іоаннъ, который въ послѣдствіи времени наслѣдовалъ отцу.
1553 г. Великій Князь Московскій Іоаннъ велъ жестокую войну со Шведами,
рилъ многія страны и наконецъ послѣ большаго кровопролитія заключилъ
миръ.
1562 г. Іоаннъ Великій Князь Московскій предпринялъ тяжелый походъ про-
зѣмецкаго рыцарскаго ордена въ Ливляндіи; онъ поступалъ съ жестокой ти-
й съ женщинами и мужчинами, съ молодыми и старыми, и разбивъ непрія-
ь одномъ сраженіи, онъ силой воевалъ почти всю страну. Тогда Ливляндцы
ли помощи у римской имперіи и наконецъ должны были отдаться Сигизмун-
олю польскому, второму съ этимъ именемъ. Поэтому снова завязалась война
Поляками и ихъ враждебными врагами московитами и весьма усиливалась.
ины пошли въ Литву, разорили тамъ болѣе 100 мѣстечекъ увели въ плѣнъ
христіанъ *(католиковъ)* и, когда наконецъ имъ вышелъ на встрѣчу ко-
гизмундъ съ сильнымъ войскомъ, то они отошли назадъ къ Смоленску въ
ое мѣсто, и вскорѣ послѣ того заключили перемиріе.
(*) 1567 г. прибавлено:) Въ 1567 г. въ Январѣ прошелъ общій слухъ, что
-ликій Князь Московскій приготовляетъ сильное вооруженіе, чтобъ въ слѣ-
ъ году напасть снова на Литву и на прилежащія страны. Да обратитъ Богъ
обру!

trium, ut antea memini, Magnum ducem et monarcham Russiae inuestituerat. [c]

In medio templi diuae Virginis, erigitur tabulatum, super quo tria sedilia, Auo scilicet, Nepoti, et Metropolitano [d] collocantur. Constituitur item fuggestum, quod ipsi Nolai uocant: super quo Ducalis pileus, [e] et Barma, hoc est ornamentum Ducale, ponuntur. Pòst, ad constitutum tempus Metropolitanus, Archiepiscopi, Episcopi, [f] Abbates, Priores, totusque conventus Ecclesiasticorum, solemnibus [g] ornamentis induti adsunt. Magno itaque Duce cum Nepote templum ingrediente, canunt Diaconi: Multos annos [h] uni Duci magno Ioanni, secundum consuetudinem. Sub haec Metropolitanus cum toto clero canere incipit orationem [i] diuae Virginis, et sancti Petri confessoris, quem ipsi more suo Miraculosum appellant: quo finita, Metropolitanus, Magnus Dux, et Nepos, tabulatum ascendunt, inque sedilia collocata sedent, Nepote interim ab initio tabulati subsistente. Tandem Magnus Dux in haec verba praefatur: Pater [j] Metropolitane, ex diuina uoluntate, à nostris maioribus Magnis Ducibus antiqua et hactenus obseruata consuetudine, patres Magni Duces, filijs suis primogenitis consignabant Magnum Ducatum: et sicut eorum exemplo, genitor meus Magnus Dux, me coram se benedixit Magno Ducatu: ita ego quoque primodenitum meum Ioannem, coram omnibus Magno Ducatu benedixi. Sed quia diuina uoluntate accidit, ut filius ille meus mortem obierit, superstes autem sit unigenitus Demetrius, quem mihi Deus loco filij me dedit: hunc itaque ego pariter coram omnibus benedico, nunc, et post me, Magno Ducatu Vuolodimeriae, Novuogardiae, et caeteris super quibus et patrem eius benedixeram.

Sub haec Metropolitanus iubet Nepotem locum sibi assignatum

(Въ изданіи 1567 г. прибавлено:) Anno 1567 in Jannuario ist ein gemein geschrey aussgangen, das der Grossfürst in Moscauw in treffenlicher rüstung seye, abermalen in Littauw und umstossende lender das volgende jar zufallen. Gott welle es zu gutem wenden.

Durch solliche mannigfaltige feldzug und nammhaffte tathen ist der Moscowiter namm bey allen umliegenden Völcker auch in Teütschem land sehr erschrockenlich worden, also dass man besorgen, es werde uns Gott durch unser vilfaltige sund und Missethat, wor wir uns nicht zu jhm mitt warer buss bekeeren, durch den Moscoviter Türcken, oder andere grosse Monarchen ernstlichen heimsuchen, unnd schwerlich straaffen. Wann aber yemand etwas weytleüfftiger der Moscoviten historien zu wüssen begeret, der läse der hochwürdigen weyssen herren Pauli jovij unnd Martini Cromeri historien, so sig vonn den Mittnächtischen völckeren fleyssig beschriben, welche er neüwlich inn nechst verschinen jaren zu gutem gemeiner Teütscher nation durch eins uns?) auch verteütschet, und inn truck verfertiget worden.

c) 1757 B. *Morem-investituerat*—нѣтъ. См. предыд. пар. *b*. d) 1557 B. приб. dem obristen priester. 1563 Б. dem Ertzbischoff. e) 1557 B. der huet. f) 1557 B. *Episcopi*—нѣтъ. g) 1557 B. hochzeitlichen. h) 1563 Б. приб. regiere i) 1563 B. Magnificat oder Lobgesang. j) 1563 Б. приб. mein lieber.

ставилъ своего внука Димитрія великимъ княземъ и монархомъ Руссіи, какъ я прежде упомянулъ.

Посреди храма Пресвятой Дѣвы воздвигается досчатое возвышеніе, на которомъ помѣщены три сѣдалища, именно для дѣда, внука и митрополита. Ставится также налой, на которомъ положены княжеская шапка и бармы т. е. княжескія украшенія. Потомъ въ назначенное время собираются митрополитъ, архіепископы, епископы, архимандриты и игумены и все духовенство въ торжественномъ *(свадебномъ)* облаченіи. Когда входитъ въ храмъ великій князь съ внукомъ, діаконы поютъ по обыкновенію многія лѣта *царствовать* одному великому князю Іоанну. Послѣ этого митрополитъ со всѣмъ клиромъ начинаетъ пѣть благодарственный молебенъ, *(канонъ, Magnificat)* Пресвятой Дѣвѣ и св. Петру Исповѣднику, котораго они по своему обычаю называютъ чудотворцемъ. По окончаніи этого митрополитъ, великій князь и внукъ всходятъ на досчатое возвышеніе и садятся на приготовленныя сѣдалища, между тѣмъ какъ внукъ останавливается на краю возвышенія. Тогда великій князь произноситъ слѣдующія слова: Отецъ митрополитъ, по волѣ Божіей, по древнему обычаю соблюденному доселѣ великими князьями, нашими предками, великіе князья—отцы назначали великое княжество своимъ первороднымъ сыновьямъ: и какъ по ихъ примѣру, великій князь родитель мой, при себѣ благословилъ меня на великое княжество, такъ и я передъ всѣми благословилъ на великое княжество моего первенца Іоанна. Но такъ какъ божіею волею случилось, что сынъ мой умеръ, и остался послѣ него единородный сынъ его Димитрій, котораго Богъ далъ мнѣ на мѣсто сына; то я предъ всѣми вами благословляю его, теперь и послѣ меня, на великое княжество владимірское, новгородское и пр., на которыя я благословилъ его отца.

Послѣ этого митрополитъ велитъ внуку сѣсть на назначенное

От этихъ различныхъ походовъ и знаменитыхъ дѣлъ, имя московитовъ сдѣлалось страшнымъ для сосѣднихъ народовъ, а также и для Германіи. Должно стараться, чтобъ Богъ не попустилъ-бы и за многіе грѣхи и злодѣянія наши, въ которыхъ мы каемся Ему не съ истиннымъ раскаяніемъ, не наказалъ-бы насъ тяжко нападеніемъ московитовъ, турковъ или другихъ сильныхъ монарховъ. Если же кто нибудь пожелаетъ знать подробнѣе исторію московитовъ, тотъ пусть прочтетъ повѣствованія высокопочтенныхъ ученыхъ мужей Павла Іовія и Мартина Кромера, такъ какъ они прилежно описали восточные народы. Ихъ сочиненія недавно, въ послѣдніе года, переведены нами на нѣмецкій языкъ и приготовлены къ печати для чтенія германскому народу.

accedere, et benedicit illi cruce. Diaconumque iubet orationes diaconorum recitare, ipse interim sedendo iuxta illum, capite inclinato quoque, orat: Domine Deus noster, Rex regum, Dominus dominantium, qui per Samuelem prophetam elegisti Dauid seruum tuum, et inunxisti illum in Regem, super populum tuum Israel: tu nunc exaudi preces nostras, tuorum indignorum, et respice à
cap. 20. Sanctuario tuo ad fidelem seruum tuum Demetrium, quem elegisti, exaltare regem tuis gentibus sanctis, quem redemisti praeciosissimo unigeniti filij tui sanguine: et inunge eum oleo laeticiae, protege eum virtute excelsi, pone super caput coronam de lapidibus preciosis, da illi longitudinem dierum, et in dextram sceptrum Regale: pone illum in sedem iustam, circunda illum omnibus armis iusticiae, fortifica illum in brachio, et subijce illi omnes linguas Barbaricas: [a] et sit totum cor eius in timore tuo, qui te humiliter audiat: auerte illum à fide mala, et demonstra illi saluum conseruatorem mandatorum sanctae tuae uniuersalis Ecclesiae, et udicet populum in iusticia, et iusticiam praestet pauperibus, conseruetque filios pauperum, et consequatur dein regnum coeleste.

Postea clara uoce loquitur: Sicuti est tua potentia, et tuum est regnum: ita et laus et uirtus sit Deo patri, et filio, et spiritui sancto, nunc et in secula seculorum. Finita hac oratione, imperat duobus Abbatib. Metropolitanus, ut sibi barma porrigant, quae unà cum pileo, quodam tegumento serico (quod Schirnikoiu appellant) tecta erat. Mox hanc tradit Magno duci, cruceque nepotem signat. Magnus autem dux eam super nepotem ponit. Dein Metropolitanus inquit: Pax omnibus. Cui diaconus: Domine oremus. tum Metropolitanus orans: Tibi unico regi aeterno, cui terrenum quoque regnum creditum: inclinate vos nobiscum, inquit, et orate omnia regnantem: Conserva illum sub protectione tua, contine illum in regno, ut semper bona et decentia agat: fac clarescat iusticia in diebus suis, amplificationeque sui dominij, et ut in tranquillitatae eius quietè, sine discordia uiuamus, in omni bonitate et puritate. et haec submissius. Alta autem uoce: Tu es Rex mundi, et seruator animarum nostrarum: laus tibi patri, et filio, spirituique sancto, nunc et in secula seculorum, amen. Tandem pileum Ducalem à duobus Abbatibus mandato sibi allatum, Magno

---

[a] Psalm.

му мѣсто и благословляетъ его крестомъ, а діакону велитъ читать молитвы діаконовъ (эктеніи?); самъ между тѣмъ, сидя подлѣ него и наклонивъ голову, произноситъ слѣдующую молитву: Господи Боже нашъ, Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, Который чрезъ Самуила пророка избралъ Давида раба Своего и помазалъ его въ цари надъ народомъ Своимъ Израилемъ: Ты и нынѣ услышь мольбы наши, Твоихъ недостоійныхъ рабовъ, и воззри отъ Святилища Твоего на вѣрнаго раба Твоего Димитрія, котораго Ты избралъ воздвигнуть царемъ надъ святыми Твоими народами, котораго ты искупилъ драгоцѣннѣйшею кровію Единороднаго Твоего Сына; и помажи его елеемъ радости, покрой его доблестью высокою, положи на его голову вѣнецъ изъ драгоцѣнныхъ камней, дай ему долгодействіе и въ десницу его царскій скипетръ; поставь его на престолъ правды, окружи его всѣми орудіями правосудія, укрѣпи его руку, и покори ему всѣ языки *иноплеменные*; и да будетъ сердце его всецѣло въ страхѣ Твоемъ, дабы смиренно послушалъ Тебя; отврати его отъ неправой вѣры, и покажи ему праваго хранителя завѣтовъ святой Твоей вселенской церкви, да судитъ народъ по правдѣ, и воздастъ правду бѣднымъ, и хранитъ сыновъ бѣдныхъ, и наслѣдитъ потомъ Царствіе небесное.

Послѣ того онъ говоритъ громкимъ голосомъ: Яко Твоя есть сила и Твое есть царство, да будетъ и хвала и честь Богу Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и во вѣки вѣковъ. Окончивъ эту молитву, Митрополитъ приказываетъ двумъ архимандритамъ принести ему бармы, которыя покрыты вмѣстѣ съ шапкой однимъ шолковымъ покрываломъ (которое называется Ширинкою). Потомъ передаетъ ихъ великому князю и осѣняетъ внука знаменіемъ креста. Великій же князь возлагаетъ ихъ на внука. Потомъ Митрополитъ говоритъ: Миръ всѣмъ. Діаконъ говоритъ ему: Владыко помолимся. Тогда Митрополитъ произноситъ молитву: Тебѣ единому Царю вѣчному, которому также земное царство подвластно: преклонитесь вмѣстѣ съ нами и молите царствующаго надъ всѣмъ: Сохрани его подъ кровомъ Твоимъ, содержи его на царствѣ, чтобы онъ всегда совершалъ то, что добро и что надлежитъ ему дѣлать; дай, чтобы онъ въ дни свои царствовалъ правосудіемъ, и умножь его царства, и чтобы мы жили подъ его тихимъ правленіемъ въ покоѣ, безъ распреи, во всякомъ добрѣ и чистотѣ; это Митрополитъ произноситъ тихо. Потомъ громкимъ голосомъ: Ты еси Царь міра и Спасъ душъ нашихъ: хвала Тебѣ Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и во вѣки вѣковъ, *аминь*. Наконецъ онъ подаетъ великому князю княжескую *шапку*, принесенную по его приказанію двумя архиман-

duci porrigit: ad haec, cruce nepotem in nomine patris, et filij, & spiritus sancti signat. pileum [b] porrò Magno duce capiti nepotis imponente, Metropolitanus primùm, dein archiepiscopus et episcopi accedentes, manu ei benediceb ınt. His ordine peractis, Metropolitanus, et Magnus dux, nepotem sibi assidere iubent, paulisperque commorati surgunt. Interea diaconus Letaniam (ut uocant) incipit, Miserere nostri Domine: nominans Ioannem magnum ducem. rursus alter chorus commemorat, magnum ducem Demetrium nepotem, et alios secundum consuetudinem. Finita Letania, orat Metropolitanus: Osanctissima domina uirgo Dei genitrix. et post orationem Metropolitanus et magni duces consident. Sacerdos seu diaconus locum demonstrat, in quo legebatur Euangelium, altaque uoce dicit: Multos annos Magno duci Ioanni, bono fideli Christi dilecto, Deo electo, et Deo honorando, Magno duci Ioanni Basilij Vuolodimeriae, Novuogardiae et totius Russiae monarchae, per multos annos. Sub haec sacerdotes ante altare canunt: Magno duci multos annos. itidem in dextro ac sinistro choro diaconi canunt, Multos annos. tandem rursus diaconus alta uoce, Multos annos Magno duci Demetrio, bono fideli Christi dilecto, Deo electo et honorando: [a] magno duci Demetrio Ioannis Vuolodimeriae, Novuogardiae, et totius Russiae multos annos. Sacerdotes item apud altare, et in utroque choro intonant, Multos annos Demetrio. Quibus peractis, Metropolitanus, Archiepiscopus, Episcopi, et tota congregatio ordine, magnos duces accedunt, eosque honorifice consalutant. accedunt et filij magni ducis, inclinando et salutando magnum ducem.

INSTITUTIONES MAGNI

Ducis iam inaugurati. [b 85]

Simon Metropolitanus [c] inquit: Domini et fili, magne dux Demetri diuina uoluntate, auus tuus magnus dux fecit tibi gratiam, benedixit te ducatu magno: et tu Domine et fili, habe timorem Dei in corde tuo: ama iusticiam, et iustum iudicium: obedias auo tuo magno duci. et nos te Dominum filium suum benedicimus, & Deum oramus pro tua salute. Dein Metropolitanus et magni duces surgunt, Metropolitanusque orans benedicit cruce magno duci.

---

b) 1563 B. das fürstlich parrest.

a) 1557 B. *bono-honorando*—нѣтъ. b) 1557 B. die vnndterweisung dem Neuen Grossfürsten füergehalten. 1563 Б. Dess Grossfürsten ordnungen wann er jetzt erwehlt worden. c) 1563 Б. прп6. oder der oberste Bischoff.

дритами; затѣмъ осѣнятъ внука крестомъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Потомъ когда великій князь возложилъ шапку (*княжескій вѣнецъ*) на главу внука, сперва Митрополитъ, потомъ архіепископъ, епископы, подходя, благословляютъ его рукою. Когда же было сдѣлано по порядку, Митрополитъ и великій князь приказываютъ внуку сѣсть съ ними и, немного обождавъ, встаютъ. Между тѣмъ діаконъ читаетъ такъ называемую литанію: Помилуй насъ, Господи, и за тѣмъ поминаетъ великаго князя, Іоанна. Ему отвѣчаетъ хоръ и поминаетъ внука, великаго князя Димитрія и другихъ, по обыкновенію. По окончаніи литаніи, митрополитъ произноситъ молитву: О пресвятая Владычица Богородица Дѣва и пр.; послѣ молитвы митрополитъ и великіе князья садятся. Священникъ или діаконъ указываетъ на мѣсто, на которомъ читалось Евангеліе, и говоритъ громкимъ голосомъ: Многія лѣта великому князю Іоанну, благовѣрному, возлюбленному Христа, Богомъ избранному и Богомъ превознесенному, великому князю Іоанну Васильевичу Владимірскому, новгородскому и всей Руссіи монарху, многія лѣта. Послѣ этого священники предъ олтаремъ поютъ: Великому князю многія лѣта, также на правомъ и лѣвомъ хорѣ діаконы поютъ многія лѣта. Наконецъ снова діаконъ говоритъ громкимъ голосомъ: Многія лѣта великому князю Димитрію, благовѣрному, возлюбленному Христа, Богомъ избранному и превознесенному, великому князю Димитрію Іоанновичу владимірскому, новгородскому и всей Руссіи, многія лѣта. Также священники у олтаря и на обоихъ хорахъ поютъ: многія лѣта Димитрію. Послѣ чего Митрополитъ, архіепископъ, епископы и все собраніе по порядку подходятъ къ великимъ князьямъ и съ почтеніемъ поздравляютъ ихъ; потомъ подходятъ и сыновья великаго князя, кланяясь и поздравляя новаго великаго князя.

Церемоніалъ послѣ вѣнчанія великаго князя.[85]

Митрополитъ Симонъ *или старшій епископъ* говоритъ: Государь и сынъ, великій князь Димитрій, дѣдъ твой, великій князь, волею Божіею пожаловалъ тебя, благословилъ тебя на великое княжество: и ты, государь и сынъ, имѣй въ сердцѣ твоемъ страхъ божій, люби справедливость и правый судъ; повинуйся дѣду твоему, великому князю, и всѣмъ сердцемъ пекись о всѣхъ православныхъ. И мы тебя, государя сына своего, благословляемъ и молимъ Бога о твоемъ здравіи и благоденствіи. Потомъ Митрополитъ и великіе князья встаютъ, а Митрополитъ съ молитвой благословляетъ крестомъ великого князя и его сыновей.

eiusque filijs. tandem Liturgia, hoc est sacro perasto, [d] magnus dux auus se in suam habitationem confert. Demetrius uero in ducali pileo et barma, ex aede diuae Virginis, magna Baiaronum caterua, filijsque comitantibus, ad templum Michaelis archangeli pergit. ubi in uestibulo supra pontem à Georgio magni ducis Ioannis filio, ter [e] dengis aureis aspergitur (per dengam genus monetae [f] intellige) templumque ingresso. Sacerdotes letaniam orantes. secundum consuetudinem. cruce ei benedicebant, et iuxta sepulchra ac monumenta eum signo crucis signabant. Dein templum egrediens. in porta à Georgio rursus dengis aureis aspergitur Pòst rectà in templum annunciationis Mariae progreditur. ubi Sacerdotes pariter ei benedicebant.et à Georgio dengis ut antea aspergebatur. Peractis tandem ijs. ad auum et matrem se contulit Demetrius. Acta sunt haec anno mundi [g] 7006. à nato autem Christo 1497. die quarta mensis Februarij. [h]

Interfuerunt autem huic mandato magni ducis, et benedictioni Simonis metropolitani:

Tychon archiepiscopus Rostouiensis et Ioruslavuiensis: [i] Nyphont Susdaliensis et Toruski: Vuasian episcopus Tvuerensis. Prothasius. Resanensis et Muromski Afranius Columbnensis, Ieufimi, [j] Sarki et Podonski episcopi. [86]

Multi item Abbates et Priores inter quos potiores Serapion, prior monasterij ad sanctam Trinitatem, diui Sergij et Makirij, Prior monasterij [k] sancti Cyrilli: magnus denique conuentus religiosorum et Ecclesiasticorum aderat. Inter prandendum, muneris quasi loco oblatum erat cingulum latum auro, argento, gemmis preciosis стр 22. p. 22 confectum. quo cingebatur. mox Selgi quoque Pereaslavuski, hoc est, pisciculi ex lacu Pereaslavuiensi, halecibus non dissimiles, quorum et nomen habent. Ideo [a] autem id genus piscium putant afferi, quod Pereaslavu nunquam separabatur à Moscovuia, uel Monarchia.

Barmai est ueluti torques latae formae, ex serico uilloso, [b] extrinsecus tamen auro et omnis generis gemmis concinnè confectus: quem Vuolodimerus praefecto cuidam Caphae Januensi profligato ademit.

Pileus ipsorum lingua Schapka dictus, quo Vuolodimerus Monomach usus est, et quem gemmis ornatum, aureis item laminis,

---

d) 1563 Б. вм. *Liturgia h. e. sac. perac.* die Liturgia unnd das Göttlichampt. e) 1563 B. zum dritten mal. f) 1563 Б. вм. jr beste müntz ist. g) 1557 B. nach jrer Raitung (=Rechnung?) h) 1563 Б. Hornung i) 1557 B. приб. die Bischoffe. j) 1563 Б. zu jerifimi, nom. r. человѣческое имя (Ефимій) принято за названіе какой-то мѣстности. k) 1563 Б. вм. St. Sergien und Macherien die fürnempsten auch prior etc.

a) 1557 B. приб. darumb zu solcher hochzeit bringt b) 1549 B. вм. ex veluto. c) 1557

Наконецъ, по совершеніи Литургіи т. е. священно—дѣйствія, великій князь—дѣдъ отправляется въ свое жилище. Димитрій же въ княжеской шапкѣ и въ бармахъ, въ сопровожденіи большой толпы бояръ и боярскихъ дѣтей, шествуетъ изъ храма Пресвятой Дѣвы въ храмъ Михаила архангела, гдѣ Георгій, сынъ великаго князя Іоанна, трижды *(въ третій разъ?)* осыпаетъ его на паперти золотыми деньгами (подъ деньгой надобно понимать *лучшій* родъ *изъ* монеты), и когда онъ вошелъ въ храмъ, священники служили летанію по обычаю, благословляли его крестомъ, и также осѣняли его крестнымъ знаменіемъ у могилъ и надгробныхъ памятниковъ. Потомъ при выходѣ изъ храма, Георгій снова осыпалъ его золотыми деньгами. Послѣ этого онъ отправился въ храмъ Благовѣщенія, гдѣ священники также благословляли его, а Георгій, какъ прежде, осыпалъ деньгами. По окончаніи этого Димитрій пришелъ къ дѣду и матери. Это происходило въ 7006 году *по ихъ лѣтосчисленію* отъ сотворенія міра, а отъ Рождества Христова въ 1497, въ четвертый день мѣсяца февраля.

При этомъ присутствовали по приказанію великаго князя и по благословленію Митрополита Симона.

Тихонъ, архіепископъ ростовскій и ярославскій, Нифонтъ, суздальскій и торускій (туровскій?); Вассіанъ, епископъ тверской; епископы: Протасій рязанскій и муромскій, Аѳраній коломенскій, Ефимій сарскій и подонскій. [86]

Также многіе архимандриты и игумены, между которыми важнѣйшіе: Серапіонъ, игуменъ троицко-сергіевскаго монастыря и Макарій, игуменъ монастыря св. Кирилла; наконецъ присутствовало большое сборище монаховъ и духовныхъ. За обѣдомъ Димитрію былъ поднесенъ въ даръ широкій поясъ, сдѣланный изъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ каменьевъ, которымъ онъ опоясывался; послѣ этого поднесены были переяславскія сельги т. е. рыбки изъ озера переяславскаго, не отличающіяся отъ нашихъ сельдей, имя которыхъ онѣ и носятъ. Полагаютъ, что этотъ сортъ рыбъ подаютъ *на пирахъ* потому, что Переяславъ никогда не отдѣлялся отъ московскаго княжества или монархіи.

Бармы есть родъ широкаго ожерелья изъ мохнатаго шелку; снаружи прекрасно отдѣланы золотомъ и всякаго рода драгоцѣнными камнями; ихъ Владиміръ отнялъ у одного генуэзскаго правителя Кафы, побѣжденнаго имъ.

Pileus называется на ихъ языкѣ *шапка*; ее послалъ Владиміръ Мономахъ; она украшена драгоцѣнными камнями и чудно сдѣлана изъ золотыхъ пластинокъ, которыя извиваются наподобіе

quasi quibusdam spirulis subinde sese uibrantibus, mirè concinnatum reliquit. hasctenus dixi de principe, qui maiorem partem Russiae tenet. [87]

[c]Caeteras ussiae part es nunc unus Sigismundus [d] Poloniae rex, magnusque Dux Lithvuaniae tenet. Caeterùm cum regum Poloniae, qui originem suam ex Lithvuanis traxerunt, mentio fit, de genealogia [e] eorum quaedam subiungenda uidentur. [88]

Praefuit magno Ducatui Lithvuaniae princeps quidam Vuitenen, quem cum famulus eius Gedemin, ut Polonorum annales referunt [89 f], occidisset, mox et ducatu et uxore potitus est: ex eáque inter plures alios, praecipuos duos suscepit filios, Olgird et Kestud. Ex Kestud natus est Vuitoldus [g], quem aliás Vuitovudum appellant: et Anna, Janusij [h] ducis Mazovuiae [i] coniunx.

Vuitoldus reliquit unicam filiam Anastasiam, quae Basilio duci Moscovuiae in matrimonium collocata, Sophiaque nominata est [j]: ex qua natus est Basilius, pater magni illius Joannis [k], auus Basilij Rhutenorum principis, ad quem Orator missus fui.[o]

Kestud porro ab Olgird fratre in carcerem coniectus, miserè perijt. Vuitoldus quoque, uir, quo maiorem Lithvuania non habuit, et ex baptismo Alexander dictus, 1430 moritur.

Olgird Gedemini filius, ex uxore Maria, principe Tvuerensi Christiana, inter alios filios Jagelonem suscepit. Is regnandi cupiditate non solum regnum Poloniae, sed ipsam Hedvuigim[m] quoque, quae tum diademate insignita regno praefuit, Vuihelmóque duci Austriae desponsata fuit, atque adeo parentibus primatibusque utriusque regni consentientibus, ante nubiles annos[n] Regio more cum eo coucubuisset, affectabat: missisque mox in Poloniam Oratoribus suis, regnum et Hedvuigim uxorem expetit[o]. Vt autem Polonos in suam sententiam pertraheret, uotique compos fieret, inter alia fidem se Christi unà cum fratribus suis, ducatibus item Lithvuaniae et Samogithiae suscepturum pollicetur: alijsque id genus promissionibus, Polonos in suam sententiam permouit, ut Hedvuigis horum authoritate adducta, atque etiam inuita, rescisso priore matrimonij foedere, illi nuberet.[p] quo facto, Jagelo ipse continuó Vuoladislai nomine accepto baptisatur, in Regem coronatur, nuptijsque peractis Hedvuige uxore anno Domini 1386 potitur.

Нт. Слѣдующее озаглавлено: Del Re di Polonia. d) 1557 B. *Sigismundus*—нѣтъ. e) 1563 B. прим. oder geburtslinien. f) 1563 B. прим. so neüwlich von Heinrich Pantaleon teütschet worden. g) 1557 B. прим. der grosz stritbar fürst. h) 1557 B. Ianvsa. i) 1557 Mass. j) 1557 B. *Sophioque nomin. est*—нѣтъ. k) 1557 B. прим. von dem Hannen Gabriel, der hernach Basilius genannt. l) 1557 B. *avus fui*—нѣтъ. m) 1557 B. прим. König Ludwigs zu Hungern und Poln Tochter. n) 1557 B. прим. zu Hamburg der Ehenaw. o) 1557 B. *missisque—expetit*—нѣтъ. p) 1557 B

qua tamen non longé pòst primo in partu mortua. Annam comitem
стр. 25. Celeiae duxit uxorem: ex qua suscepit unicam filiam Hedvuigim. desponsatam Friderico iuniori Brandenburgensi. Duxerat et anum[a] quandam: qua pariter mortua, Rhutenam Andreae Joannis ducis Chiovuiensis filiam Soncam. quae pòst assumpto ritu Romano, Sophia[10] appellata est, [b] duxit: ex eáque suscepit Valadislaum et Casimirum filios.

Vuladislaus patri in regno successit, inque Hungariae regem. submoto legitimo haerede, Alberti regis defuncti filio Ladislao posthumo, coronatus, ad Vuarnamque pòst à Thurcis oppressus est.[c]

Casimirus, qui tum magnum Lithvuaniae ducatum tenebat, et qui Ladislao posthumo similiter regnum Bohemiae. forté fratris exemplo ductus. adimere uoluit. fratri in regno Poloniae successit. dein eius Ladislai. Hungariae et Bohemiae regis sororem Elisabetham in uxorem duxit: ex qua suscepit filios. Vnladislaum Hungariae et Bohemiae regem. Ioannem Albertum. Alexandrum. Sigismundum. Poloniae reges: Fridericum Cardinalem. et Casimirum[d], qui in Sanctorum numerum relatus est.

[e]Vuladislao erat Ludouicus[f] filius. et Anna filia. Ludauicus in regno successit: Maria Philippi regis Castellae. archiducis Austriae, filia in uxorem ducta, à Thurcis in Mohacz anno 1526[g] oppressus est.

Anna FERDINANDO[h], Romanorum. Hungariae et Bohemiae regi, archiduci Austriae nupsit: quatuor filijs. et undecim filiabus ex ea susceptis, Pragae tandem in puerperio, anno Domini 1547 moritur[i].

Ioannes Albertus sine coniuge obijt.

---

a) 1557 В. приб. des geschlechts Piletzkhj, des die Poln vbl zufridn b 1563 Б. *quae est*—нѣтъ. c) 1557 В. вм. *Vuladislaus-oppressus est:* Wladislavs kha nach seines vatters Tod in das Khunigreich Poln, und als Albrecht ain Hertzog zu Osterreich, Römiscer, Hungerischer unnd Behaimischer Khúnig abstarb, die Khúnigin schwanger verliess, vil, der Hungern wolten der geburt nit erwarten, schigkhten zu dem Wladislaw gen Poln unnd ehe solche pottn zu dem Khunig khamen, wardt des Khúnig Albrechts Sun Lasla geborn, solcher wardt den potten zeitlichen verkhundt, Sy verharrten aber in jrer potschafft, begerten dee Wladislaen zu ainem Khúnig, der nam das an, unnd kham in Hungern, verstiess den rechtn Erben macht darnach mit den Türgkhen fryd, liess sich darüber dem Babst bewegen, und brach dem Türgkhen sein gegebnen glauben, umb das unnd das er den rechten Erben enterbte, strafft in Gott, der Türgkh hat jne zu Warna erschlagen. 1563 Б. приб. Anno 1444. d) 1557 В. приб. der hat mit seinem Bruder umb das Hungerland Khriegt, и далѣе: ligt zu der Wilda. e) 1557 В. приб. Wladislaus, Casimirj Sun, Khunig zu Hungern und Behamb nam Annam des geschlechts de Foxis unnd Candola aus Frangkhreich. f) 1557 В. приб. ist in des vaters leben zu Hungern und Behamb gecrönt worden. g) 1557 В. приб. am 29 Tag Augusti. h) 1557 В. Къ титулу Ферд. прибавлено: Infantn in Hispanien. i) 1557 В. приб. ain unaussprechlich.

лѣ того умерла въ первыхъ родахъ, онъ взялъ въ супруги Анну, графиню целейскую; отъ нея онъ имѣлъ единственную дочь Гедвигу, обрученную съ Фридерикомъ, младшимъ принцемъ бранденбургскимъ. Потомъ онъ женился на какой то старухѣ; *изъ пилецкаго роду, чьимъ поляки были недовольны*; когда и она также умерла, онъ взялъ въ супруги русскую, Сонку, дочь кіевскаго князя Андрея Іоанновича, которая потомъ, принявъ римское исповѣданіе, названа Софіею: [90] отъ нея онъ имѣлъ сыновей Владислава и Казиміра.

Владиславъ вступилъ на польскій престолъ по смерти своего отца, когда Альбрехтъ, герцогъ австрійскій, римскій, венгерскій и богемскій умеръ, оставивъ беременную жену, то многіе изъ венгерцевъ не хотѣли дожидаться рожденія (младенца), послали къ Владиславу въ Польшу; но прежде чѣмъ послы явились къ королю, родился сынъ Альбрехта Ласла, (Ладислава Постума) о чемъ они и были извѣщены. Однако они медлили своимъ посольствомъ и уговорили Владислава быть королемъ. Тотъ принялъ предложеніе, пришелъ въ Венгрію, свергнувъ истиннаго наслѣдника, заключивъ потомъ миръ съ турками; и за то, что свергнулъ истиннаго наслѣдника, былъ наказанъ Богомъ: турки разбили его при Варнѣ въ 1444 году.

Казиміръ, владѣвшій тогда великимъ княжествомъ литовскимъ и по примѣру брата желавшій подобнымъ же образомъ отнять у Ладислава Постума богемское королевство, наслѣдовалъ брату въ Польшѣ; потомъ взялъ въ супруги Елисавету, сестру того же Ладислава, короля венгерскаго и богемскаго: отъ нея онъ имѣлъ многихъ сыновей: Владислава, короля венгерскаго и богемскаго, Іоанна Альберта, Александра, Сигизмунда, королей польскихъ, Фридерика Кардинала и Казиміра, *который воевалъ съ своимъ братомъ за Венгрію, потомъ* причисленъ къ лику святыхъ *и нынѣ покоится въ Вильнѣ.*

У Владислава, *сына Казиміра, короля венгерскаго и богемскаго, женатаго на Аннѣ изъ французскаго рода de Foxis и кандоса* былъ сынъ Лудовикъ и дочь Анна. Лудовикъ *коронованный королемъ Венгерскимъ и Богемскимъ еще при жизни отца* наслѣдовалъ царство; взялъ въ супруги Марію, дочь Филиппа, короля Кастильскаго и Эрцгерцога Австрійскаго, онъ погибъ въ 1526 году 29 *Августа* въ битвѣ съ турками при Могачѣ.

Анна вышла замужъ за Фердинанда *инфанта Испанскаго*, короля Римскаго Венгерскаго и Богемскаго Эрцгерцога Австріи-[ского]; произведя на свѣтъ четырехъ сыновей и одиннадцать [дочерей], она умерла въ родахъ, въ Прагѣ, въ 1547 году. *Невы-[разимое] благочестіе добродѣтельной королевы дѣлало то, что [смерть] не уходилъ отъ лица ея не утѣшенный.*

[Альбертъ] Альбертъ умеръ въ безбрачіи.

Sigismundus ex priore uxore Barbara, Stephani comitis Zepusiensis filia, suscepit Hedvuigin, Ioachimi Brandenburgensis Electoris coniugem. Ex posteriore Bona, filia Soaunis Ifortiae ducis Mediolani et Barij[j], suscepit Sigismundum[k] secundum Poloniae regem, magnum Lihvuaniae ducem: qui Elizabetham FERDINANDI Romanorum, Hungariae et Bohemiae regis etc. filiam, anno 1543. sexta die Majj uxorem duxit.[r] quae tamen immatura morte, et sine prole, anno 1545. die Iunij[m] decimaquinta decessit.[n]

Duxit deinde Barbaram, ex domo Radsivilorum; quae ante Gastoldo Lithvuano nupta fuerat, inuitis parentibus: et subditis hoc matrimonium tam indignè ferentibus, ut rebellio eorum iam coepta, in perniciosam seditionem abijsset, st FERDINANDUS rex iniurias filiae illatas ulcisci, quàm earum memoriam deponere maluisset.[o] Hac uerò mortua, idem Sigismundus ad redintegrandam cum Ferdinando coninctionem et affinitatem conuersus, coniugio sibi copulauit Catharinam, germanam sororem Elisabethae, quam Franciscus dux Mantuae uiduam reliquerat. Nuptiae celebratae sunt Cracoviae, 31 Iulij, anno 1553. Ytranque sororem ego, tanquam Magister seu Praefectus Curiae, ad sponsum deduxi.[p]

Semouites Mazovuiae dux, ex Alexandra Iagelonis sorore suscepit multos filios, filiasque. Filij sine liberis decesserunt. Ex filiabus p. 24 Czimburgis[q] nupsit Arnesto austriae Archiduci, ex eòque genuit Fridericum Romanorum Imperatorem, patrem Maximiliani Imperatoris. Maximilianus genuit Philippum, Hispaniarum regem: Philippus CAROLUM V. et FERDINANDUM, Romanorum Imperatores.

стр. 24.

Ovuka Vuoleslao, Thesinensi duci,[a] in matrimonium collocata est.

Amulia, Vuoguslao Stolpensium duci, qui nunc Pomeraniae dux appellatur, nupsit.

Anna uerò, Michaeli duci Lithvuaniae: Catharina innupta obijt.

Porrò Olgird atque Iagelonis fratres, nepotesque, item filiarum eiusdem liberos, Kestudis denique Casimiri, aliorumque Regum

---

Gottsfurchtige guettige Eerliche Khunigin khain mensch ist traurig von jrem angesicht jrenthalben geschaiden. j) 1557 В. приб. der hayrat halben ich nach beselch Khaiser Maximilians etc. am ersten gehanndelt hab. k) 1557 В. приб. Augustum, der in seines Vater und Muetter leben zu Khunig zu Polln gekhrönt. l) 1557 В. *anno — duxit* — нѣтъ. m) 1563 Б. Brachmonat. n) 1557 В. *anno—decessit*—нѣтъ; но вм. этого приб. die [illegible] wol gehalten worden, и далѣе: welche in Poln in gmain hertzlichen clagte, [illegible] auch heillig. o) 1557 В. приб. Ich bin ain pot gewest damit der (Frieden) erhalten [illegible] worden. p) 1549 В., 1550 Ит. и 1551 Б. *duxi—deduxi*—нѣтъ. 1557 В. приб. und [illegible] den Khunig Sigmunden allain khomen, [illegible]rnach von den Töchtern. q) 1549 В. [illegible]burgis.

a) 1563 Б. fürst zu Thesin oder Ste[illegible]

posteros, si quis ordine recensere uellet, in immensun numerosa proles excresceret: quae tamen ut subitò aucta es nunc in uno regis Poloniae iam mortui filio, Sigismundo se Poloniae rege, masculinus sexus residet.

[b] Quoniam autem in mentionem posteritatis Gedemini, et r ex ea stirpe incidimus, haud abs re uisum est, si quae regna Vuladislao Hungariae et Boemiae, ac eius fratre Sigismundo niae regibus (Casimiri filijs) euenerunt, subijceremus.

Alexander Helenam, Ioannis magni ducis Moscovuiae f duxit uxorem: sine liberis tamen decessit.

---

est absorptus (на стр. 25, лат. текста) — нѣтъ. Въ 1557 В. т. е. въ нѣмецкомъ пе самого Герберштейна все это мѣсто изложено нѣсколько иначе и подробнѣе, а слѣдующимъ образомъ:

Khunig Sigmund erzeugt auch mit der Bona vier Töchter, die elter Isabe Graf hansen im Zips der sich nach Khúnig Ludwigs tot in das Khúnigreich H eengedrungen, Und dan mit thäding bey ainem thail des Reichs Khúnig beliben. de geherten Hanns Sigmundn dem das Hertzogthumb Oppl in der Schlesien mit t noch mit seinem Vater beschlossen, damit er hungern abgestanden geben ist word

So dann des Gedemin geschlachts gedacht worden, hat mich nit für unütz ang etliche geschichten bey desselben absteigenden Khúnigen Wladislao zu Hungern u hamb und Sigmunden Khúnig Casimirus zu Poln Súnen, sich zugetragen. Der V laus wardt noch Khünig Iursickhn tod, zu Khúnig in Beham, und nach Khúnig I absterben zu Khúnig in Hungern erwölt. Wiewol Khaiser Maxmilian aus vorg vertragen, weill Mathias Khain leibserben verlassen, des sich die Hungern nottu lichen verschriben hetten, zu Khúnig antzunemen, wol ursach und guet re ht g solch Khúnigreich antzufallen. So hat doch der Khaiser zugeben, unnd den zu K hewilligt. Allain das seinen Sünen wofern Wladislaus khainen mändlichen Erb liess, das Khúnigreich zuesteen soldt, Solches abermals mit den geistlichen und cen notturfftigelichen verschriben, und verlübt worden, Wladislaus hette Be Khúnig Mathias witben unfruchtbare verwilligt zunemen, mit der selben hilff un solchen trost wardt er erwöllt, aber voltzug das nit Namb auss Frannkhreich Anna dem geschlächt Candale unnd Foyx mit der erzeugt ain Tochter Annam. Khaiser M lian wolt die verträg und der Hungern verschreibung becrefftigen, Súcht weg, die selb tochter Anna ainem seiner Enengkhl Carolo oder Ferdinando Khúnig F sen in Hispanien Eertzhertzogen zu Osterreich Súnen ainen vermählt wurde, und le das mit vleiss, Sowas graff Steffan in Zipps (der bey Khúnig Mathias in grosse wallt und ansehen gewest ist, dardurch auch vil Reichthumb uberkhomen, gel witib ain geborne hertzogin von Teschn, aines grossen gemúets, die understúend mit den ansechlichisten hungern in den merern Spanschafften zu handeln mit j (das sy jargeläsch nennen) diensten und in vill annder weg an sich zuziehen, der nung das sy jren Sun hansen die obgemelt jres Khúnigs tochter zu gemaehl der hof darmit auch das Khúnigreich (weil der Khúnig allt unnd khrangkh war) zu bekh Zu den gab Khúnig Sigmunds in Poln heirat, der gemelltes graff Steffans tochter B ram ehelichen genomen hette, ain grossen trost, der wurde bey seinem Brúeder s sachen befürdern, solches gab auch dem Khaiser umb sovil mit mererm ernst sei nemen in das werch zubringen vrsach, Desselben gemuettes war auch der Khún Hungern, der aber nit aller sachen sein selbs gewalltig war, dann die bestelten hu befürderten auff die ander Parthey, Derhalben der Khaiser sein Khriegssvolgkh vers lete, und zohe für Bresspurg das war im 1506 jar (datzumal ich mein erstes har gebraucht unnd mit getzogen bin), Es war gleichwol die red die Khúnigin wäre sel ger, das etliche nit glauben wolten, So begab es sich das sy in der zeit jren Sun Lu en geberte, Darauff war ein anstand und dann gantzer frid gemacht, nichts m

ихъ разрослось до безконечности. Однако не смотря на то,
но такъ быстро размножилось, теперь вся мужеская линія
чается въ одномъ королѣ Польскомъ Сигизмундѣ второмъ,
умершаго короля Польскаго.
съ какъ мы упомянули о потомствѣ Гедимина и о королях
таго дома, то, кажется, не будетъ лишнимъ, если мы сюда
вимъ описаніе того, что произошло въ царствованіе Влади-
короля Венгерскаго и Богемскаго, и его брата Сигизмун-
роля Польскаго, сыновей Казиміра.
ксандръ вступилъ въ бракъ съ Еленой, дочерью Іоанна,
аго князя Московскаго, однако скончался бездѣтнымъ.

Posteaquam Vuladislaus regno Hungariae, concedent successionis sibi reseruante Maximiliano Romanorum Imp esset, et unicam tantum filiam iam consenescens haberet: lianus, quo ius successionis aliqua arctiore coniunctione c retur, cum Vuladislao de matrimonio inter alterum nepot rum ex filio suo Philippo Hispaniarum rege, et Anna Vl filia contra hendo, tractare coepit. Nam Annae nuptias perdit bat Ioannes Zapolitanus, filius Stephani Scepusiensis comit summa fuerat apud Mathiam regem, atque adeò apud ips ladislaum authoritas. Vehementer adnitente matre uidu

---

handlet jeglicher thail nach seinem besten, Der Ludwig war also junger n unnd Behamb gekhronn.

Weil auch Khúnig Sigmund in Poln in verdaaht war, als fürderte der s schwager, khame mit dem Kayser in ainen unwillen. Aber hernach war sovil g das im 1515 jar die drey Khúnig Wladislaus mit seinem Sún Khunig Lud Sigmunden sein brüeder gen Wienn zu dem Khaiser khamen, Die tochter da stryt, war auch dargebracht. Als die drey Khúnig auff zwo meilwegs gegen W khame der Khaiser denen entgegen, unnd als der Khaiser uber ain claine höch Schyn die Sun hell inn das geharnascht oder gerüste volgkh, Als das die Hung hen, empfhiengen ain forcht vermainten man bedörffte zu freúntlichen Handl vil eisens nit, Schigkhten zu Khúnig Sigmunden, vermainteu sich dem Khais vertrauen, Der Khúnig zu Polln gab die Antwort, Er hab sich in Khaiser vertr auch jmezuezichen, wer nit wolt, setzt solches yegelichem zu seinem bedenkhe Wien waren die heyratten beschlossen, Dem Khúnig Ludwigen Maria Khúnig F obgemellt Khaisers Sun tochter, die Anna dauon oben, wardt dem Khoiser S ner obermelter Engkhl khainer die name, vermaehlt, Mit dem wardt die freu zwischen dem Khaiser unnd Khúnig Sigmundem verneuert, dermassen das ich Khaisers mund die wort gehört hab, mit dem Khúnig wohin der wolte zu hi zur hell faren, Khúnig Ludwig (wie man sagte) war unzeittig gebornn, als on zu früe jme der part gewachsen, unzeittig verheyrat, unnzeittig in das Regimen ben, Ist auch vunzeittig gestorben, Sein tod hat grosse beschwärdt und bekhüm nit allain dem Hunger Lannd, Sunder allen anrinenden auch gemainer Chri ptocht, Es ist gleichwol an jme die erfarnhait und merere wissenhait obgange er doch aines gar Erlichen treuen unnd frumen gemüets gewesst, Da Seli Thürkhisch Khaiser in seinem adel oder Regimennt zu Constantinopl gesessen. seiner Eltern gewonhait sein potschafft geu Hungern geschickht, Solche sein e verkhundt, danehn wer frid oder khrieg begerte, dem stüend sein Portten ol selb potschafft haben die hungern aufgehalten zu Rach, umb das des Türgcken v postchofft auch aufgehalten, unnd in seiner hörfart mit sich gefüert hette, des bedacht war, ainem mächttigern dermassen zu bewegen, Darumb auch der Türg Hungern gezogen, Khriechisch weissenburg (welches an der Sau, wie die in di narn felt, ligt) genomben. So der Türgkh der Hungern thúen unnd mügen, er Er am dritten jar wider khomen, Über die Saw und Traa in Hungern geruekht, v nig Ludwig erinderte das der Türgkh mit seiner macht jme zûetzuge, Schigkht hofmaister Trepkha genannt ain Polägkhn zu Khúnig Sigmunden seinem vettern mit höchstem bitt, er wolte sich an die Grenitzen seines Reichs thúen, dasel wolt er auch khumen zu berathschlagen, wie den sachen zuthun wäre, Der möchte das nit erbitten, hat er mit zäherendeu augen zu dem Khúnig Sigmund du wirdest deinen vetter nimer sehen, auch Khain pottschafft mer von Ime h ist laider also ergangen, Khúnig Sigmund zohe vorn von der Hungrischen g nach Dantzkha in Preussen, Khúnig Ludwig sembt seinem treuen Hofmaist hätsch umbkhumen, Unnd von Jagello der ainig Khúnig Sigmund Augustus Khúnig Sigmunds des Erstenn Sun mädlichs stammens auff hent noch v

Владиславъ овладѣлъ королевствомъ Венгерскимъ съ согласія ...скаго Императора Максимиліана, которыій выговорилъ себѣ ...во наслѣдства. Будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, Влади... имѣлъ только одну дочь. Для того чтобы подкрѣпить свое ...во на наслѣдство болѣе тѣснымъ союзомъ, Максимиліанъ ...чалъ съ Владиславомъ переговоры о заключеніи брака между ...имъ изъ его внуковъ, отъ сына Филиппа, короля Испанскаго, ...нною, дочерью Владислава. Руки Анны всѣми средствами ...огался Іоаннъ Запольскій, сына Стефана, графа Сцепузій-...го; онъ пользовался большимъ вліяніемъ при королѣ Матвіѣ ...же при самомъ Владиславѣ. Сильно помогала ему его мать,

primarios quosque uiros in Comitatibus et prouincijs Hungariae, muneribus atque stipendijs annuis (quae sua lingua Iargalas uocant) inescatos, et ad quaeuis obsequia obuoxios tenebat: nihil dubitans, quin horum studijs et suffragationibus, et matrimonium istud filio conficeret, et per hoc eidem regnum pararet. quibus mulieris machinationibus ingens deinde momentum addidere nuptiae, quae inter eius filiam, Ioannis sororem et Sigismundum Poloniae regem factae sunt. His rebus animaduersis, Maximilianus hoc magis sibi, quod de matrimonio inter nepotem suum et Annam instituerat, urgendum esse ratus, cum exploratum haberet, Vuladislaum idem cupere, sed factione et studijs eorum qui Ioanni Zapolitano deuincti erant, impediri: aleam sibi iaciendam, et Hungariam armis tentandam esse putauit. quo in bello ego primum militiae tyrocinium feci. Sed cum hoc in armorum strepitu Ludouicum Vuladislao nasci contigisset, interpositis primùm inducijs, ad solidiorem pacem deuentum est: quae deinde huc exijt, ut Vuladislaus cum filio iam coronato, et filia, ac huius frater Sigismundus Poloniae rex Viennam ad Maximilianum uenirent: ubi factis cum Anna sponsalibus, et extinctis omnibus simultatibus, et suspicionibus, quibsv, ob ambitionem Ioannis Zapolitani indul-
стр. 25. gebatur, principes isti perpetuo foedere sunt coniuncti. Sic autem Sigismundus rex tum Maximiliano Imp. satisfecit, séque approbauit, ut idem aliquando me audiente diceret: Se cum hoc rege, quacunque intendat, et ad superos et ad inferos esse iturum. De Ludouico uulgò dictum est, quòd immaturo partu editus, immatura aetate uxori iunctus et barbatus fuerit: ac regno quoque immaturus, immaturam mortem obierit. His uerò addi potest, quòd mors eius regno Hungariae, et omnibus uicinis, non minus immatura quàm acerba fuerit. Etsi uerò salutaribus con siliis destituebatur Ludouicus, tamen optima eum in patriam etsubditos suos mente et affectione fuisse, et quibus ea seruarentur rationibus quaesisse, constat Nam ubi cognouisset, Solimanum post Belgradum [a] captum, nouam et formidabilem expeditionem aduersus se moliri, miserat adolescens Curiae suae magistrum Polonum cognomento Trepca, [b] ad patruum suum regem Sigismundum: summis precibus oratum atque obtestatum, ut ne ad regni sui confinia accedere, ac secum capiendorum consiliorum causa conuenire grauaretur. Sed cum hoc praecise r cusatum esset a Sigismundo, Trepca cum lachrymis dixisse fertur: Nepotem tuum rex nunquam deinde uidebis, nec ullam ab eo

a) 1563 Б. Griechischeu weissenburg. b) 1563 Б. Trepla; и далѣе таже ошибка. c) 1563

вдова, которая привлекла къ себѣ всѣхъ знатнѣйшихъ людей въ комитатахъ и провинціяхъ Венгріи подарками и годовымъ жалованьемъ (что̀ называется на ихъ языкѣ Iargalass), и могла разсчитывать на ихъ услуги. Она нисколько не сомнѣвалась, что ихъ содѣйствіемъ состоится бракъ ея-сына съ наслѣдницею, а черезъ это отойдетъ къ нему и королевство. Интригамъ этой женщины большую важность придалъ бракъ, заключенный между ея дочерью, сестрой Іоанна, и Сигизмундомъ, королемъ Польскимъ. Узнавъ объ этомъ и полагая, что тѣмъ болѣе ему нужно стараться о заключеніи брака между его внукомъ и Анною, Максиміліанъ увѣрился вмѣстѣ съ тѣмъ, что и Владиславъ желаетъ тогоже, но ему препятствуетъ въ этомъ вліяніе партіи, которая была привязана къ Іоанну Запольскому. Потому онъ полагалъ, что ему должно кинуть жребій и домогаться Венгріи оружіемъ. Въ этой войнѣ я сдѣлалъ первый опытъ на военномъ поприщѣ. Но когда во время бранной тревоги у Владислава родился Людовикъ, то сперва было заключено перемиріе, а потомъ и прочный миръ, на которомъ было положено, что Владиславъ съ сыномъ, уже коронованнымъ, и съ дочерью, и его братъ Сигизмундъ, король Польскій, пріѣдутъ къ Максимиліану въ Вѣну. Здѣсь совершено было обрученіе Анны, и уничтожены непріязнь и всѣ подозрѣнія, возбужденныя честолюбіемъ Іоанна Запольскаго, и эти государи заключили вѣчный союзъ и дружбу. Король же Сигизмундъ совершенно оправдался передъ императоромъ Максиміліаномъ и такъ удовлетворилъ его, что Максиміліанъ, въ моемъ присутствіи, однажды сказалъ: За этимъ королемъ я пойду и въ рай и въ адъ. Объ Людовикѣ обыкновенно говорятъ, что, родившись прежде времени, онъ прежде времени возмужалъ, женился, и преждевременно взошедъ на престолъ, также преждевременно и умеръ. Къ этому можно прибавить, что смерть его была нетолько преждевременна, но и горестна для Венгріи и всѣхъ сосѣдей, хотя Людовикъ не могъ сдѣлать ничего полезнаго, однако достовѣрно, что онъ любилъ отечество, былъ добръ съ своими подданными и изыскивалъ средства къ ихъ спасенію. Узнавъ, что Солиманъ, по взятіи Бѣлграда, замышляетъ новый, ужасный походъ противъ него, юный король послалъ своего Гофмейстера Трепку, родомъ поляка, къ своему дядѣ, королю Сигизмунду, и заклиналъ его, чтобы онъ не вмѣнилъ себѣ въ трудъ пріѣхать на границу своего королевства и съѣхаться съ нимъ для совѣщанія. Но когда Сигизмундъ наотрѣзъ отказалъ въ этомъ,—Трепка, говорятъ, сказалъ со слезами: Король, ты никогда уже не увидишь своего племянника, и не будешь больше принимать отъ него посоль-

legationem audies. Idque sic evenit. Nam rege Sigismundo ab Hungariae finibus religionis praetextu longius ad Gedanum [c] in Prussiam abeunte, nepos eius unà cum eodem Trepca, illa funestissima clade, quàm à loco Mohaciensem uocant, est absorptus. Sed nunc ad Moscos redeo.

Basilio Ioannis [d] de uxore ducenda deliberanti, consultantique, uisum tandem fuit, ut potius subditi alicuius filiam, quàm externam duceret: tum ut maximis parceret sumptibus, simul ne uxorem peregriniis moribus diuersàque religione imbutam haberet. Huius autem consilij Georgius cognomento Paruus, principis et thesaurarius [e] et consiliarius summus, author fuit. Putabat enim, principem, filiam suam uxorem ducturum. Sed tandem publico de consilio, Boiaronum filiae numero mille et quingentae, cum in unum locum conductae essent, ut ex illis quam uellet, eligeret: [f] delectu princeps habito, Salomeam, Ioannis Sapur Boiaronis filiam, contra Georgij opinionem in uxorem elegerat. [g] Ex eà porrò cum ad unum et uiginti annos liberos non suscepisset, sterilitate uxoris offensus, eam eo anno quo nos Moscouiam ueneramus, nimirum 1526 in monasterium quoddam in Susdali principatu intrusit. huic Metropolitanus in monasterio lachrymanti, eiulantique, capillis primùm abscissis, cum cucullam porrexisset, eam sibi inijci haec adeò non patiebatur, ut apprehensam, in terramque prolectam cucullam pedibus calcauerit. quà rei indignitate, Ioannes Schygona, unus ex primarijs consiliarijs, commotus, eam non solum acriter obiurgauit, sed flagello caecidit, superaddens: Tùne uoluntati Domini resistere audes? illiusque iussa capessere moraris? Hunc Salomea cum interrogaret, qua se authoritate caederet? mandato Domini, cum respondisset: animo illa tum fracto coram omnibus, quòd cucullam inuita atque coacta induat, protestatur, tantaeque iniuriae sibi illatae Deum ultorem inuocat. Salomea itaque in monasterium coniectà, cum princeps Helenam filiam Knes Basilij Lintzkij Caeci, iamque uita defuncti, fratris inquam Ducis Michaëlis Litnzkij, qui tum captiuus detinebatur, uxorem duxisset: continuò fama exoritur, Salomeam grauidam, propeque partum esse rumorem confirmabant duae matronae, primorum consiliariorum, Georgij parui thesaurarij, [a] et Iacobi Mazur cubicularij, uxores; aiebantque sese ex ore ipsius Salomeae audiuisse, ut quae grauidam se et prope partum esse fateretur. Qua re audita, grauiter commotus princeps, utramque à se repulit: alte-

---

b. Dantzge. d) 1557 B. Basilio Joannis ete (см. выше вор. къ ур. 16 дат. текста ; это мѣсто въ нѣмец. перев. пояснено ранѣе. e) 1563 Б. Rendtmeister. f) 1557 B. *ut ex illis qu vel, elig.* — нѣтъ. g 1557 B. *contra Georgii—elegerat*—нѣтъ.

a) 1563 Б. Rendtmeister.

ства. Такъ это и вышло. Ибо, когда король Сигизмундъ, подъ предлогомъ (пилигримства?) религіи, уѣхалъ далеко отъ границъ Венгріи, въ Пруссію, къ Гданску, племянникъ его, вмѣстѣ съ тѣмже Трепкою, погибъ въ томъ ужасномъ пораженіи, которое по мѣсту называютъ Могачскимъ. Теперь я возвращаюсь къ Московитамъ.

Когда Василій Іоанновичъ собирался жениться,—ему казалось, что лучше взять дочь кого нибудь изъ подданныхъ, чѣмъ чужестранку, какъ для того чтобъ избѣжать большихъ издержекъ, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и для того чтобы не имѣть супруги съ чужеземными обычаями и другоій вѣры. Виновникомъ этого намѣренія князя былъ Георгій, по прозванію малый, казначей и высшій совѣтникъ князя; онъ полагалъ, что князь возьметъ въ супруги его дочь Съ общаго совѣта были собраны въ одно мѣсто дочери бояръ, числомъ 1500, для того чтобы князь выбралъ изъ нихъ супругу по желанію. По осмотрѣ, противъ ожиданія Георгія, онъ выбралъ Саломею, дочь боярина Іоанна Сабура. Въ продолженіи 21 года онъ не имѣлъ отъ нея дѣтей: огорчаясь безплодіемъ супруги, онъ заключилъ ее въ одинъ монастырь въ суздальскомъ княжествѣ, въ тотъ самый годъ, въ который мы пріѣхали въ Москву (т. е. въ 1526 году). Она плакала и кричала, когда митрополитъ въ монастырѣ рѣзалъ ей волоса, а когда онъ подалъ ей кукуль, она не допускала надѣть его на себя и, схвативъ кукуль и бросивъ его на землю, топтала его ногами. Іоаннъ Шигона, одинъ изъ первостепенныхъ совѣтниковъ, негодуя на этотъ поступокъ, не только сильно бранилъ ее, но и ударилъ плетью (flagello), прибавивъ: Смѣешь ли ты противиться волѣ Государя и медлить исполненіемъ его приказаній? Когда Саломея спросила, по какому праву онъ ее бьетъ? онъ отвѣчалъ: По приказанію Государя. Тогда съ растерзаннымъ сердцемъ, она объявила передъ всѣми, что надѣваетъ монашеское платье не по желанію, а по принужденію, и призывала Бога въ мстителя за такую несправедливость. По заключеніи Саломеи въ монастырь, князь вступилъ въ бракъ съ Еленою, дочерью уже умершаго князя Василія Глинскаго-Слѣпаго, брата князя Михаила Глинскаго, который тогда содержался въ заключеніи. Вдругъ распространяется слухъ, что Саломея беременна и скоро разрѣшится. Этотъ слухъ подтверждали двѣ боярыни, супруги первостепенныхъ совѣтниковъ, казначея Георгія малаго и постельничаго Якова Мазура; онѣ говорили, что изъ устъ самоій Саломеи слышали о ея беременности и близкихъ родахъ. Услышавъ это, князь сильно смутился и удалилъ отъ себя обѣихъ боярынь, а одну, супругу

am, Georgij uxorem, etiam nerberibus affecit, quòd tempestinius de hac re ad se non retulisset. Mox ut rem compertam haberet, Theodoricum Rack [b] consiliarium, et Potat secretarium quendam, ad monasterium in quo detinebatur, mittit: illisque, ut ueritatem rei diligenter inquirerent, demandat. Quidam nobis tum Moscovuiae existentibus, sanctè affirmabant, Salomeam filium Georgium nomine peperisse: nemini tamen infantem ostendere uoluisse. Quin cognoscendae ueritatis gratia, quibusdam ad se missis, dicitur respondisse, indignos illos esse, quorum oculi infantem uiderent: dum in suam Maiestatem ueniret, matris iniuriam ulturum. quidam uerò eam peperisse, constanter negabant. Ambigua itaque ea de re est fama.

Basilij porrò Linczkij ex Lithvuania profugi filiam, cur uxorem duxerit princeps, duas causas, praeterquam quòd se ex ea liberos suscepturum sperabat, fuisse accepi: tum quòd socrus genus suum duxisset ex familia Petrovuitz, quae magni quondam nominis in Hungaria erat, Graecorumque fidem sequebatur: tum quòd Michaelem Linczkij, singulari dexteritate ac rara quadam fortitudine uirum, patruum liberi habituri essent. [c] Habebat etenim princeps duos germanos fratres superstites, Georgium et Andream: atque ideo si fortè liberos ex aliqua alia uxore susciperet, eos fratribus uiuentibus, parum tutos fore in regni administratione putabat. Michaele autem in gratiam recepto, libertatèque donato, filios ex Helena susceptos, authoritate patrui in maiore quiete futuros non dubitabat, de cuius liberatione nobis praesentibus tractabatur: quem etiam uinculis solutum, liberisque custodijs honestè mandatum, uidimus tandem libertate donatum, interque caeteros Knesos testamentò à principe nominatum, tutorem denique nepotum suorum Ioannis et Georgij institutum fuisse. Sed postea principe mortuo, cum niduam regium thorum continuò cum quodam Boiarone cognomento Ovuczina contaminantem, inque mariti fratres uinculis constrictos saeuientem, crudeliusque imperantem uideret, eam, ut honestius et sanctius uiueret, aliquoties sola pietate ac honestate adductus admonuerat: [d] sed huius illa admonitionem adeò molestè impatienterque tulit, ut mox qua ratione è medio tolleretur, consilium quaereret. causaquae reperta, Michaelem aiunt continuò proditionis crimine fuisse insimulatum, atque in carceres rursus coniectum, miserè tandem perijsse: uiduam quoque non ita

---

b) 1557 B. Приб. Pheodor das ist Dietrichen Kockh c) 1557 B. *tum quod—essent—* нѣтъ. d) 1557 B. приб. Daran sy ain beschwärdt gehabt, ain vrsach gedacht, als wollte derselb die Khinder und das Land dem Khunig zu Polln übergben.

Георгія, высѣкъ, за то что она раньше не доложила ему объ этомъ. Вскорѣ, желая узнать дѣло навѣрно, онъ послалъ совѣтника Ѳеодорика Рака и одного дьяка, Потата, въ монастырь, гдѣ содержалась Саломея, и поручилъ имъ хорошенько развѣдать истину. Нѣкоторые, въ нашу бытность въ Московіи, утверждали намъ за истину (sanctè), что Саломея родила сына, именемъ Георгія, однако никому не хотѣла показывать ребенка. Когда къ ней были присланы люди, чтобы узнать истину, она, говорятъ, отвѣчала, что они недостойны, чтобы глаза ихъ видѣли ребенка, и что когда онъ облечется въ свое Величіе (взойдетъ на престолъ?), то отомститъ за оскорбленіе матери. Нѣкоторые же постоянно не хотѣли признать за истину, что она родила. И такъ слухъ объ этомъ двоякаго рода.

Я слышалъ, что князь по двумъ причинамъ вступилъ въ бракъ съ дочерью Василія Глинскаго, бѣжавшаго изъ Литвы, сверхъ того, что онъ надѣялся имѣть отъ нея дѣтей: во первыхъ, потому что его тесть велъ свой родъ отъ фамиліи Петровичей, которая нѣкогда въ Венгріи была весьма знаменита, и исповѣдывалъ греческую вѣру; во вторыхъ, потому что дѣти его имѣли бы (въ такомъ случаѣ) дядею Михаила Глинскаго, мужа особенно опытнаго въ дѣлахъ и отличавшагося рѣдкою храбростью. Ибо князь имѣлъ двухъ родныхъ братьевъ еще здравствовавшихъ, Георгія и Андрея, и потому полагалъ, что его дѣти, если онъ будетъ имѣть ихъ отъ другой супруги, при жизни его братьевъ, не будутъ безопасно обладать царствомъ. Снявъ опалу съ Михаила и освободивъ его, онъ не сомнѣвался, что его сыновья отъ Елены, подъ вліяніемъ дяди, будутъ въ большой безопасности; объ освобожденіи Михаила разсуждали въ нашу бытность. При насъ сняли съ него оковы и отдали на поруки, а наконецъ дали и полную свободу; въ завѣщаніи Государя онъ былъ поименованъ между прочими князьями, и наконецъ назначенъ опекуномъ своихъ племянниковъ, Іоанна и Георгія. По смерти князя, видя, что его вдова оскверняетъ царское ложе съ однимъ бояриномъ, Овчиною, безчеловѣчно поступаетъ съ братьями мужа, заключивъ ихъ въ оковы, и управляетъ весьма жестоко—Михаилъ увѣщевалъ ее, чтобы она вела жизнь болѣе честную и добродѣтельную, руководясь при этомъ единственно родственною любовью и своею честностью. Но она худо приняла его увѣщанія, и съ того времени начала искать средствъ къ его погибели. Говорятъ, что Михаилъ скоро былъ обвиненъ въ измѣнѣ, снова брошенъ въ темницу, и наконецъ жалкою смертью погибъ; вдова въ непродолжительномъ времени

diu pòst ueneno sublatum,[e] Ovuczina uerò adulterum in partes dissectum fuisse. Matre itaque è medio sublata, maior natu filius Ioannes 1528, anno natus, in regno successit.[f]

Religio.

Russia ut coepit, ita in hunc usque diem in Fide Christi ritu Graeco perseverat. Habuit Metropolitanum, quondam residentem in Chiovuia, dein in Wuolodimeria, nunc vero in Moscovuia. Post, cum Metropolitae septimo quoque anno Russiam Litvuanorum imperio subjectam inviserent, exactisque nummis inde redirent, hoc Wuitoldus, ne videlicet provinciae suae argento exhavrirentur, ferre noluit. Cavqocatis itaque episcopis, proprium Metropolitanum constituit, qui nunc Wuilnae, metropoli Litvuaniae, suam fidem habet: quae etsi Romanum ritum sequatur, plura tamen templa Ruthenici, quam Romani ritus, in ea cernuntur. Caeterum metropolitae Rhutheni authoritatem suam a patriarcha Constantinopolitano habent.

Rhuteni in Annalibus suis aperte gloriantur, ante Wuolodimerum et Olham, terram Russiae esse baptizatam et benedictam ab Andrea Christi apostolo, quem ex Graecia ad ostia Borysthenis venisse ipsi affirmant: et adverso flumine ad montes, ubi nunc Chiovuia est, navigasse, athque ibi omnem terram benedixisse et baptizasse: crucem suam illic collocasse, praedixisseque magnam ibi Dei gratiam, multasque Ecclesias Christianorum futuras. Post inde usque ad fontes Borysthenis pervenisse in Wuoloklacum magnum, et per fluvium Lovuat descendisse in Ilmer lacum: unde per fluvium Wuolchovu, qui ex eodem lacu fluit, Novoogardiam: inde fluvio eodem in Ladoga lacum, et Heua flu. atque in mare quod ipsi Wuaretzkoiae appellant, nos Germanicum, inter Wuinlandiam et Livuoniam, Romam navigando perrenisse. Postremo in Peloponneso propter Christum, ab Ago Antipatro crucifixum fuisse. Haec Annales ipsorum.

Eligebantur quondam Metropolitae,[a] item Archiepiscopi, convocatis omnibus Archiepiscopis, Episcopis, Abbatibus et Prioribus monasteriorum, inquirebatur vir sanctioris vitae per monasteria et heremos, eligebaturque. Hunc vero principem ajunt ad se certos

---

e) 1557 B. *viduam—sublatum*—нѣтъ. f) 1557 B. прив. (häus) herst—wie man sagt wuetterichisch.

a) 1557. B. Metropolitan.

также была отравлена ядомъ, а обольститель ея Овчина разсѣченъ на части. По смерти матери, старшій сынъ Іоаннъ, родившійся въ 1528 году, наслѣдовалъ царство.

Религія.

Руссія, какъ начала такъ и до сего времени, твердо пребываетъ въ вѣрѣ христіанской по греческому закону. Ея митрополитъ, (ihr Metropolitan) нѣкогда имѣлъ свое мѣстопребываніе въ Кіевѣ, потомъ во Владимірѣ, нынѣ же въ Москвѣ. Митрополиты, каждыя семь лѣтъ, посѣщали Руссію подвластную литовцамъ, и возвращались оттуда съ собранными деньгами. Но Витолдъ не захотѣлъ болѣе допускать этого, именно для того чтобы не вывозилось серебро изъ его областей. Собравъ для того епископовъ, онъ поставилъ собственнаго митрополита, который нынѣ имѣетъ свое пребываніе въ Вильнѣ, столицѣ Литвы. Хотя Литва и слѣдуетъ римскому закону, однако въ ней видно русскихъ храмовъ болѣе, чѣмъ Римскихъ. Впрочемъ русскіе митрополиты имѣютъ свое поставленіе отъ константинопольскаго патріарха (ihr authoritet und ansähen).

Русскіе въ своихъ лѣтописяхъ открыто славятся тѣмъ, что, прежде Владиміра и Ольги, земля русская была крещена и благословлена Андреемъ, Христовымъ апостоломъ. Они говорятъ, что Андреи пришелъ изъ Греціи къ устью Борисѳена и поплылъ вверхъ по рѣкѣ къ тѣмъ горамъ, гдѣ нынѣ Кіевъ, и тамъ благословилъ и крестилъ всю землю (alle einwoner): что онъ поставилъ тамъ свой крестъ и предсказалъ, что на этой землѣ будетъ великая милость Господа и много христіанскихъ церквей, что потомъ оттуда онъ дошелъ до потоковъ Борисѳена, къ большому озеру Волокъ и по рѣкѣ Ловати спустился въ озеро Илмень, оттуда по рѣкѣ Волхову, которая течетъ изъ этого озера, онъ прибылъ въ Новгородъ, оттуда, по тойже рѣкѣ, въ Ладожское озеро, и рѣкой Невою въ море, которое они называютъ Варяжскимъ, мы же, на пространствѣ между Финляндіею и Ливоніею, Германскимъ, и морскимъ путемъ прибылъ въ Римъ; наконецъ, что въ Пелопонесѣ онъ былъ распятъ за Христа Агомъ Антипатромъ. Это разсказываютъ ихъ лѣтописи.

Нѣкогда митрополитъ, также архіепископы, были выбираемы и соборы изъ всѣхъ архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ, бѣлыми въ монастыряхъ и пустыняхъ мужа [illegible]. Про нынѣшняго же князя говорятъ, призываетъ къ себѣ нѣкоторые (ettliche gewüsse personen),

convocare solere, atque ex eorum numero unum suo judicio deligere. Erat eo tempore, cum Caesaris Maximiliani Oratorem Moscovuiae agerem, Bartholomaeus[b] Metropolita, vir sanctae vitae: cumque princeps violasset juramentum, per se et ipsum Metropolitam duci Semefitz[c] praestitum, et alia quaedam designasset, quae videbantur contra authoritatem illius esse, accessit principem, et inquit:[d] Dum omnem authoritatem[e] tibi usurpas, ideo officio meo praeesse non possum. Porrecto que sibibaculo suo, quem in modum crucis ferebat, officium resignat. Princeps baculum cum officio sine mora suscipit, atque pauperem cathenis vinctum, continuo Bielogesero[f] mittit. Ajunt hunc ibi aliquandiu in vinculis fuisse: liberatum tamen post, priqatumque, in monasterio reliquum vitae exegisse. Huic metropolita Daniel quidam XXX fere annos natus homo corpore robusto atque obaeso, facie rubenti, succesit: qui ne ventri magis quam jejuniis, vigiliis ac orationibus deditus videretur, quoties actum publicum esset celebraturus, sulphuris fumo tum faciem, ut impallesceret, inficere, atque ita pallore imbutus, in publicum prodire solebat.

Sunt et alii duo Archiepiscopi in dominio Mosci, in Novuogardia, scilicet Magrici et Rostoff.[a] item Episcopi Tvuerensis, Resanensis, Smolensis, Permiae, Susdali, Columnae, Czernigovuiae, Sari.[b] Hi omnes Metropolitae Moscovuitico subjecti sunt. habent autem süos proventus certos ex praediis, et aliis extraordinariis, ut vocant, accidentalibus: castra autem, civitates, aut illam administrationem secularem (ut vocant) non habent: carnibus perpetuo abstinent. Abbates duos tantum in Mosco vuia esse reperi: Priores vero monasteriorum plurimos, qui omnes arbitrio ipsius Principis, cui nemo resistere audet, eliquntur.

Priores quomodo eligantur,[c] ex cujusdam Warlami, Prioris Hntteniensis monasterii, anno 7034. instituti, literis, ex quibus capita rerum dun taxat excevpsi, apparet. Principio fratres alicujus monasterii, Magno duci supplicant, ut idoneum Priorem eligat, qui eos divinis praeceptis instituat. Electus autem, priusquam confirmetur a principe, cogitur se juramento atque inscriptione obstringere, quod velit in eo monasterio juxta sanctorum patrum

---

b) 1560. B. Wartholomei.—c) 1549. B. Saemaetitz.—d) 1563. Б. Und so sprach er.—e) 1551. Б. potestatem. 1563. Б. Gewallt.—f) 1551. Belojesero. 1557. B. Bielo[illegible] 1563. B. weithin.

a) 1563. Б. нѣтъ. 1567. Б. приб. unnd. andere Mehr. b) 1567 Б. отъ item—Sari нѣтъ. c) 1557. B. aussgerucht.

и изъ нихъ числа выбираетъ одного по своему усмотрѣнію. Въ то время, когда я былъ въ Московіи въ качествѣ посланника цесаря Максимиліана, митрополитомъ былъ Варѳоломей, мужъ святой жизни. Когда князь нарушилъ клятву, данную имъ и самимъ митрополитомъ клязю Шемячичу, и сдѣлалъ нѣкоторыя другія распоряженія, которыя, по видимому, не приличествовали его власти (auch etwas anders began-len das seiner Authoritet nit wol angestanden), Варѳоломей пришелъ къ князю и сказалъ: Такъ какъ ты присвоиваешь всю власть себѣ, то потому я не могу отправлять мою должность,—и протянувъ къ нему посохъ, который былъ у него сдѣланъ на подобіе креста, онъ отказался отъ своего сана. Князь тотчасъ принялъ посохъ вмѣстѣ съ отказомъ отъ должности и, заключивъ бѣднаго Варѳоломея въ оковы, немедленно отправилъ на Бѣлоозеро. Говорятъ, что онъ нѣкоторое время былъ содержимъ въ оковахъ, потомъ однакожь освобожденъ и частнымъ человѣкомъ провелъ остатокъ жизни въ монастырѣ. Въ митрополіи ему наслѣдовалъ нѣкто Даніилъ, едва тридцати лѣтъ отъ роду, человѣкъ съ здоровымъ и тучнымъ тѣломъ и съ краснымъ лицемъ. Для того чтобы не казаться преданнымъ болѣе желудку, чѣмъ постамъ, бдѣнію и молитвѣ, онъ всякій разъ, какъ намѣревался публично отправлять богослуженіе, обыкновенно дѣлалъ свое лице блѣднымъ съ помощью сѣрнаго дыма и въ такомъ видѣ выходилъ предъ народъ.

Во владѣніяхъ московскаго князя есть еще два другихъ архіепископа— въ Новгородѣ, именно Магриціи и въ Ростовѣ; также Епископы: Тверской, Рязанскій, Смоленскій, Пермскій, Суздальскій, Коломенскій, Черниговскій, Сарскій. Всѣ они подчинены Московскому митрополиту. Они имѣютъ свои извѣстные доходы отъ помѣстьевъ и другихъ, какъ они называютъ, нечаянныхъ случаевъ; но неимѣютъ замковъ, городовъ и никакаго, какъ они называютъ мірскаго управленія. Отъ мяса [4] постоянно воздерживаются. Я узналъ, что въ Московіи только два Архимандрита, Игуменовъ же очень много и всѣ они избираются по волѣ Князя, которому никто не смѣетъ сопротивляться. Какимъ образомъ избираются игумены, явствуетъ изъ посланія нѣкоего Варлама, игумена Хутынскаго Монастыря, поставленнаго въ 7034 г. отъ С. М. [1526]; изъ посланія я извлекъ только главныя статьи. Сначала братія какаго нибудь монастыря умоляетъ великаго князя избрать имъ способнаго игумена, который бы наставлялъ ихъ въ божественномъ ученіи. Прежде нежели князь утвердитъ избраннаго, тотъ долженъ обязаться клятвою и записью, что будетъ жить въ этомъ монастырѣ благочестиво и свято, по

constitutionem pie et sancte vivere: omnes Officiales juxta rum consvetudinem, consentientibus etiam senioribus fra assumere: singulis officiis fideles praeficere, atque commodu nasterii diligenter procurare: de negotiis et rerum causis, cu bus aut quatuor senioribus deliberare, factaque deliberatio gotium ad totum Collegium fratrum referre, atque eorum c ni sententia de rebus decernere, constituereque: non lautius tim vivere, sed in eadem mensa perpetuo esse, et commu cum fratribus uti: omnes census et reditus annuos diligente gere, ac in thesaurum monasterii fideliter reponere. Hae magna poena, quam sibi infligere Princeps potest, item priv officii, servaturum se promittit. Obstringunt se juramento (ipsi seniores fratres, praedicta omnia sese servaturos, ac Pri stituto fideliter et fedulo obtemperaturos.

Sacerdotes seculares ut plurimum consecrantur hi, qui di ecclesias tanquam diaconi servierunt. In diaconum autem consecratur, nisi conjugatus. unde plerunque et nuptias cele et in gradum Diaconatus simul ordinari solent. Sivero spon cujus diaconi male audit. tum in diaconum, nisi integre uxorem duxerit, non consecratur. Mortua conjuge, sacer sacris obeundis prorsus suspenditur: si caste tamen officiis ac aliis rebus divinis, cum caeteris ecclesiae ministris ro tanquam minister interesse potest. Erat quidem antea co tudo, ut vidui caste viventes, sine reprehensione sacra peragi Sed nunc mos invaluit, ut nullus viduorum ad sacra faciend mittatur, nisi monasterium aliquod ingrediatur, juxtaque reg vivat.

Quicunque sacerdos viduus, ad secundas nuptias, quod c liberum est, transierit, si nihil habet cum clero commune: nullus sacerdotum aut sacru obire, aut baptizare, aut alio q fungi munere audet, nisi diacono praesente.[d]

Sacerdotes in ecclesias primum tenent locum.[e] Et quicu illorum contra religionem aut officium sacerdotale quavis ra fecerit, judicio[a] spirituali subjicitur. Si vero furti aut ebrie accussatur, aut in aliud id genus vicii inciderit, a seculari m stratu, ut vocant, punitur. Widimus Moscovuiae ebrios sacer publice verberari: qui aliud nihil querebantur, quam sese a vis, et non a Boiarone [a] caesos esse.

Paucis retroactis annis, quidam Principis locum tenens, sacerd in furto deprehensum, laqueo suffocari fecit. quam rem Metro

d) 2557- A. — вѣтъ. e) 1563. B. Katheder.
a) 1563. B. von Reitterlichem Stande.

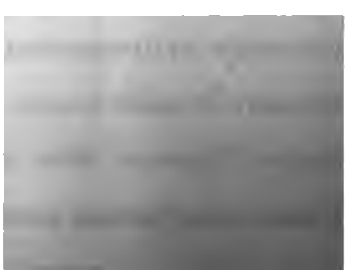
ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

О ПРОВИНЦІАЛЬНОМЪ БЫТѢ

ФРАНЦІИ ВЪ ЭПОХУ ЛУДОВИКА XIV.

Три публичныя лекціи Пр. М. Стасюлевича, читанныя въ залѣ С. П. Университета. 1859.



I

Въ Редакцію Сборника, издаваемаго студентами С. П. Б. Университета.

Я имѣлъ честь получить отъ Г. Профессора-Редактора А. В. Никитенко предложеніе Редакціи помѣстить мои публичныя лекціи въ Приложеніи ко II-му тому Сборника. Цѣль, съ которою я читалъ публичныя лекціи, составляетъ одну изъ цѣлей Сборника, и потому я, препровождая при семъ экземпляръ лекцій, спѣшу выразить какъ готовность, такъ и признательность Редакціи за новый случай для меня принять ближайшее участіе въ достиженіи ея благородныхъ цѣлей. Самое назначеніе моихъ лекцій даетъ Редакціи полное право на ихъ текстъ.

Передаю Редакціи этотъ текстъ въ томъ первоначальномъ видѣ, какъ были читаны лекціи, за исключеніемъ двухъ мѣстъ. Въ моей заранѣе составленной программѣ начало второй лекціи,

какъ она была прочитана, предназначалось для заключенія первой, и только по недостатку времени я долженъ былъ переставить части моей программы. Въ печати я позволяю себѣ возвратить программѣ ея первоначальный видъ. Кромѣ того, въ чтеніи, отнеся заключеніе первой лекціи къ началу второй, весьма естественно я долженъ былъ распространить текстъ и мѣстами измѣнить; въ печати я возвращаю и тексту его первоначальный видъ. Второе измѣненіе относится къ началу второй лекціи, гдѣ я замѣнилъ опущенное и перемѣщенное въ окончаніе первой лекціи небольшою вставкою; это—критическая замѣтка, которая была бы утом[illegible] [illegible] лалась неизбѣжно[illegible]

Снисходительное вниманіе публики къ моимъ лекціямъ не давало мнѣ права искать повторенія ихъ типографскимъ станкомъ. Я увѣренъ, что и Редакція Сборника хочетъ воспользоваться своимъ правомъ на мои лекціи не по ихъ достоинству, но по желанію помѣстить въ Сборникѣ живое доказательство того участія, которое принимаетъ наше сословіе не только въ интеллектуальной, но даже и въ матеріальной судьбѣ своихъ адептовъ.

М. Стасюлевичъ.

Октября 12 дня 1859.
С. Петербургъ.

ПЕРВАЯ ЛЕКЦІЯ.

19 Генваря.

м. Гг. Нашъ Университетъ открываетъ въ первый разъ свою
торію для публики, готовясь на дняхъ праздновать 40 лѣтъ
го существованія. Университетъ не могъ бы избрать ничего
е соотвѣтственнаго своему назначенію для кануна своего
колѣтняго юбилея. Мы желали бы въ эту минуту увѣрить
ество, что мы, въ своихъ уединенныхъ трудахъ, часто дале-
ь отъ насущныхъ его потребностей, никогда не упускаемъ
виду, что служеніе обществу должно всегда оставаться для
главною и существенною цѣлью труда. Дѣйствуя такимъ
зомъ, мы доказываемъ, что намъ памятна исторія нашего
исхожденія и понятно то названіе, которое носитъ на себѣ
е учрежденіе. Университетъ, какъ онъ явился въ первый
въ XII-мъ столѣтіи, не былъ основанъ по мысли или
какого нибудь лица, какъ основывается та или другая
ла. Университетъ явился прямо изъ общества въ отвѣтъ на
ебности, которыя волновали его тогда безсознательно.
колько лицъ, въ которыхъ голосъ этихъ потребностей гово-
ь громче и яснѣе, соединялись между собою съ цѣлью тру-
ся для познанія истиннаго, добраго и справедливаго, однимъ
юмъ для науки, и въ этой-то формѣ явился первый Универ-
тъ. Новѣйшая европейская наука и этотъ главный ея пред-
ватель, можно сказать, родились, какъ родилась Минерва въ
красномъ и полномъ высокаго смысла миѳѣ древнихъ Гре-
ъ. У Юпитера болѣла голова, какъ болѣло все общество за-
ной Европы послѣ тяжелыхъ трехъ столѣтій IX, X и XI,
ми грубыхъ нравовъ и еще болѣе грубыхъ насилій. Вулканъ
ѣкъ голову Юпитеру, и изъ его головы вышла Мудрость-
ерва въ своей панопліи, въ своемъ всеоружіи. Такимъ
комъ для XII столѣтія были крестовые походы; мечъ
тоносца разсѣкъ очумленную голову средневѣковаго обще-

ства, и изъ его головы въ XII стол. родилась новая жиз
повыхъ формахъ; въ XII стол. явилась въ первый разъ
ская община и вмѣстѣ съ нею община людей, посвятившихс
наукѣ; и та, и другая приняли названіе коммюны (comm
или на латинскомъ языкѣ Universitas, община. Въ новѣ
время, конечно, мы строимъ, основываемъ университеты; м
назвать годъ и день, когда тотъ или другой университетъ
чилъ свое начало; но и до сихъ поръ университетъ дол
считать настоящимъ временемъ своего основанія ту счастл
эпоху, когда ему предоставлена возможность въ первый
получить свое общественное значеніе, а этого онъ можетъ
тигнуть, если я не ошибаюсь, удовлетворяя своею дѣятельно
правильнымъ потребностямъ живой жизни окружающаго
щества.

Таково назначеніе университетской дѣятельности; но
достигается путемъ медленнаго развитія науки въ нашихъ сл
ныхъ аудиторіяхъ. Что же касается до настоящихъ бесѣд
я прошу смотрѣть на нихъ какъ на желаніе Университета за
дѣтельствовать свое уваженіе къ обществу, которое высыл
къ намъ изъ среды себя свою юность, свои будущія надеж
Особенная цѣль нашихъ лекцій Вамъ извѣстна самимъ; обя
ность каждой общины облегчить несправедливость слѣпой с
бы къ ея членамъ, весьма часто достойнѣйшимъ, но лишенн
матеріальныхъ средствъ къ поддержанію своего благород
труда: въ достиженіи этой цѣли мы обязаны Вашему учас
что же до меня, то я спѣшу воспользоваться такою прекрас
цѣлью, чтобъ за нею укрыться самому; на этотъ разъ я
повторить извѣстное начало Макіавеля и просить Васъ, р
нашей цѣли, извинить мнѣ мои средства.

Мм. Гг. Предметъ нашихъ бесѣдъ относится къ эпохѣ XVI
столѣтія. Мы привыкли обыкновенно прошедшее XVIII стол
считать эпохою революціи; но, если мы ближе всмотримся въ
рактеръ событій XVII-го столѣтія, вѣка Лудовика XIV, то
безъ сомнѣнія согласимся, что въ XVII столѣтіи произошел
менѣе важный переворотъ въ общественныхъ правахъ и
дарственныхъ учрежденіяхъ. Все XVII-ое столѣтіе было пр
жительною революціею, въ главѣ которой стояли одинъ за
гимъ Генрихъ IV, Ришльё, Мазарини; Лудовикъ XIV
щаетъ въ себѣ и вмѣстѣ заключаетъ эту столѣтнюю револ
точно также какъ Наполеонъ воплотилъ въ себѣ рево
прошедшаго столѣтія. До XVII столѣтія во Франціи не
вден о той строгой централизаціи государства, которая
тельно сложилась въ

ый городъ имѣли свою отдѣльную жизнь, свою хронику, и войны, своихъ великихъ людей; хотя еще въ средніе вѣка дальные бароны признали надъ собою верховную власть кое-й, но они не вполнѣ утратили свои феодальныя привиллегіи, орыя дѣлали ихъ маленькими деспотами въ своихъ провин-хъ. При такомъ положеніи Франціи, задача революціи XVII лѣтія была ясна: надобно было уничтожить дробность госу-ственной жизни и вызвать сознаніе ея цѣлости. Но какимъ зомъ была разрѣшена такая задача? Если справедливо обви-ть революцію XVIII столѣтія въ утопіи, точно также спра-ливость требуетъ сознаться, что революція XVII столѣтія не ѣгла общей участи революцій, и, можетъ быть превзошла гія изъ нихъ своимъ утопическимъ направленіемъ. Уничто-ть всякое проявленіе недѣлимой жизни во имя общей, отвле-ной жизни государства—вотъ была задача, которую преслѣ-ли болѣе или менѣе сознательно Генрихъ IV, Ришльё и Лу-икъ XIV. Замѣчательно, что каждое изъ этихъ лицъ харак-юмъ своей государственной дѣятельности какъ бы осущест-етъ тѣ отдѣльные періоды революціи, въ порядкѣ которыхъ кновенно совершаются перевороты. Я сравнилъ бы эпоху риха IV съ Національнымъ Собраніемъ Большой Француз-й революціи; при Генрихѣ IV новыя идеи только что высту-ть въ борьбу съ старымъ порядкомъ вещей; Ришльё воплo-тъ въ себѣ эпоху терроризма; его палачъ работалъ не менѣе ьотины. При Людовикѣ XIV революція достигаетъ апогеи его развитія, противникъ совершенно истребленъ, и новыя я о централизаціи осуществлены такъ, какъ едва ли когда либо алось осуществленіе какой нибудь утопіи. Людовикъ XIV ршенно справедливо сравнивалъ себя съ солнцемъ, къ кото-у тяготѣютъ всѣ остальныя планеты; въ его знаменитой лышѣ въ Версали кровать была поставлена прямо противъ точнаго окошка, какъ бы для того, чтобы утромъ солнце неба мли могли привѣтствовать другъ друга. Въ этомъ сравненіи ъ одинъ недостатокъ, но такой важный, что онъ уничто-тъ все прочее сходство. Солнце не заимствуетъ своей свѣтъ и ло у предметовъ имъ освѣщаемыхъ и согрѣваемыхъ, а цент-ьное солнце Франціи заимствовало свой блескъ у тѣхъ же, [redacted] его оно бросало свои лучи. Изъ центра должна была разли-ся жизнь на провинціи, а эта центральная жизнь не была ъ нибудь самостоятельнымъ, какъ самостоятеленъ свѣтъ эта центральная жизнь нуждалась сама въ искусствен-[redacted]рахъ, въ огромной администраціи, огромномъ войскѣ, [redacted]ныхъ финансахъ; а послѣднее должно было

быть извлекаемо изъ экономической жизни провинцій
кончается сходство Людовика XIV съ солнцемъ, и тутъ ж
нается утопія. Исторія, ослѣпленная внѣшнимъ блескомъ
Людовика, предлагаетъ намъ всегда исторію Версали, выд
за исторію Франціи, и потому неудивительно, если наше
женіе, вслѣдъ за исторіею, представляетъ себѣ Людови
государемъ съ неограниченною властью, съ непреклонною
но на дѣлѣ, и даже въ самомъ центрѣ своего господства,
викъ XIV является намъ въ чрезвычайной зависимости
разъ, когда дѣло идетъ о главномъ источникѣ блеска
щества центральной администраціи, о финансахъ. При цен
заціи доходъ составляетъ главный первъ всего государст
организма; выборъ средствъ къ доходу поставляетъ адми
тора въ самое критическое положеніе: одною рукою
уничтожать то, что дѣлаетъ другая. Людовикъ XIV зн
примѣръ, что еретики-протестанты составляютъ самое тр
бивое и полезное сословіе въ государствѣ; но, съ другой ст
онъ не менѣе зналъ, что католическое духовенство во Фр
освобожденное отъ податей, владѣетъ огромными богатст
въ то же время ненавидитъ протестантовъ, имѣвшихъ пр
отказываться быть овцами католической паствы. Людови
ны деньги; онъ понимаетъ, что распространеніе промы
ности и труда есть лучшій доходъ, но нужно время, чтобъ
даться плодовъ, а деньги нужны сегодня, иначе администр
ная машина остановится. Государственный смыслъ указ
Людовику настоящій путь; его административныя утопіи
каютъ его на другую дорогу. Въ 1670 г. Людовикъ XIV
еще молодъ и находился въ лучшей порѣ своей славы;
время Людовикъ XIV любилъ; при Дворѣ господствовала
de Montespan; и молодость и любовь отворачиваются отъ п
дованій; но, не смотря на то, непобѣдимый Людовикъ XIV
побѣжденъ. До насъ сохранились протоколы, procès-ve
генеральныхъ собраній духовенства Франціи при Людовик
Они къ сожалѣнью еще не изданы, но ихъ публикація
важнымъ пріобрѣтеніемъ для исторической науки. Года тр
назадъ, одинъ изъ современныхъ намъ ученыхъ, О. Л
воспользовался этими рукописными протоколами и сдѣлал
нихъ большое извлеченіе въ своемъ сочиненіи: L'égli
philosophes au dix-huitième siècle. Я пользуюсь этимъ
ніемъ, чтобы познакомить васъ съ новою и до сихъ
извѣстною, но полною интереса стороною
XIV. Мы увидимъ на этотъ разъ Людовика въ
никакъ не соотвѣтствуетъ нашимъ идеямъ

кованномъ на наружномъ блескѣ его правленія. Быть можетъ, тогда придемъ къ иному результату и скажемъ: еще однимъ никимъ человѣкомъ меньше! Лудовику XIV досталось самому къ свидѣтелемъ паденія своей славы. Мы укажемъ на причитакого явленія; такое отступленіе подготовитъ насъ вмѣстѣ лучшему уразумѣнію нашего главнаго предмета; явленія щественнаго быта въ провинціи, далеко отъ Версали, будутъ нас понятнѣе, когда мы познакомимся съ настоящимъ хатеромъ власти Лудовика въ одно время и безпредѣльной и аниченной до того, что Лудовикъ XIV долженъ былъ заглуть въ себѣ голосъ сердца и лучшіе государственные инстинкчтобы оставаться вѣрнымъ своимъ политическимъ принцип-ъ.

Извѣстно, что во Франціи духовенство собиралось каждые ъ лѣтъ, чтобы представлять королю съ своей стороны денежо помощь на государственныя потребности; такая помощь ывалась les dons gratuits, добровольныя приношенія. Каждый ъ между собраніемъ и министрами короля, не смотря на назіе приношеній, происходила отчаянная борьба. Духовенство ьзовалось удобнымъ случаемъ, чтобы вынудить у Правительа новыя привиллегіи и торговалось; министры хотѣли принуть духовенство нести повинности наравнѣ съ прочими сосло-ми; въ этомъ случаѣ Лудовикъ не требовалъ ничего болѣе, ъ того же, чего требовала въ послѣдствіи революція. Мы одимся въ 1660 г.; Мазарини только что умеръ; Лудовикъ V входитъ съ хлыстомъ въ рукѣ въ Парламентъ. Въ этомъ же у открываются съ обычными церемоніями Генеральныя ранія духовенства; духовенство недовольно; Мазарини его оянно обманывалъ своими обѣщаніями; духовенство предило молодому королю свои неудовольствія въ формѣ жалобы протестантовъ. Вотъ отрывокъ изъ обвинительнаго акта: ы протестуемъ противъ права реформаторовъ строить храмы, ивъ ихъ притязанія имѣть собственныя больницы, свои ища, которыя увеличиваются во многихъ городахъ, свои бища и свои академіи. Эти злоупотребленія доказываютъ ліе, которое претерпѣли католики отъ еретиковъ.» Не забудьто еретиковъ въ то время не считалось болѣе 100,000, межъ какъ католическая паства равнялась нѣсколькимъ милліъ; по обвинительному акту милліоны претерпѣваютъ насиъ горсти людей; все это напоминаетъ басню Волкъ и Ягне-ъ съ тѣмъ только различіемъ, что Волкъ по крайней мѣрѣ инуетъ откровенно и говоритъ безъ обиняковъ:

Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать!

Въ заключеніе обвинительный актъ требуетъ, чтобы «еретики были наказываемы тѣлесно, какъ того требуютъ ордонансы Карла IX; были удалены отъ всѣхъ государственныхъ должностей; хотя Нантскій Эдиктъ и допускаетъ еретиковъ въ государственныя должности, но такая привиллегія противна божескимъ, человѣческимъ и церковнымъ правамъ; она противна божескимъ правамъ, потому что вредитъ благоденствію нашей религіи (волю былъ гораздо откровеннѣе и прямо сослался на желудокъ); она противна и человѣческимъ, потому что законъ запрещаетъ давать должности врагамъ религіи; все это сказано въ постановленіяхъ Императоровъ Константина, Граціана и Валентиніана». Въ то время интендантомъ финансовъ былъ d'Aligre; онъ явился въ собраніе и настаивалъ на обязанности духовенства нести государственныя повинности безусловно: собраніе раздражено и отказываетъ даже и въ добровольныхъ приношеніяхъ. Министръ уступаетъ и дѣлаетъ обѣщаніе удовлетворить требованіямъ духовенства; духовенство уступаетъ и дѣлаетъ обѣщаніе удовлетворить требованіямъ министра. Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ, но министръ ничего не исполнилъ, за то ничего и не получилъ. Тогда онъ является въ 4-й разъ съ руками, полными ордонансовъ противъ еретиковъ: это его векселя, которые онъ надѣется размѣнять на звонкую монету. Бѣдный Алигръ знаетъ на сколько положеніе короля не выгодно и унизительно; онъ маскируетъ это положеніе цвѣтами риторики: «Messieurs, говоритъ онъ, ваши требованія вовсе не были обязательны для доброй воли его величества; онъ соглашается на нихъ совершенно охотно, предупреждая тѣмъ ваше приношеніе. Облако, которое могло пробѣжать по челу его величества, какъ слѣдствіе небольшаго жара нашихъ преній, не произвело ничего другого кромѣ росы, которая осадилась въ теплый дождь различныхъ постановленій и указовъ, которые мы и представляемъ вамъ въ знакъ своего расположенія къ вамъ». За этимъ слѣдуетъ 15 указовъ противъ протестантовъ. Но это физическое объясненіе происхожденія росы и дождя не произвело большого результата, потому что требованія духовенства были выполнены не всѣ; d'Aligre требовалъ 4 милльона ливровъ; духовенство предлагаетъ 180,000, и послѣ комическаго торга соглашается на 2 милльона. Таковъ былъ первый дебютъ Лудовика. Въ 1665 году новое собраніе; тому же д'Алигру поручаютъ вести торгъ съ духовенствомъ: «Господа, при входѣ въ зало я почувствовалъ подъ вліяніемъ блеска вашихъ лицъ и пурпурныхъ одеждъ, эффектъ лучей рождающейся Авроры на статую Мемнона, ея сына, которыми она одушевляла статую каждое утро и приводила ее въ сотрясеніе, которое вызы-

вало гармоническіе звуки на цитрѣ, находившейся въ рукахъ статуи». Далѣе онъ въ прозѣ выразилъ сущность дѣла: «казна его величества пуста», и заключилъ словами: «господа, мы не опредѣляемъ суммы, но вы примите въ соображеніе и качество того, кто требуетъ, и справедливость того, что требуютъ». На этотъ разъ Собраніе поступило весьма энергически: оно представило королю составленный духовенствомъ указъ противъ еретиковъ, по параграфамъ. Такимъ образомъ, почти въ одно и то же время, Лудовикъ готовился давать предписанія Европѣ и получилъ предписаніе самъ. Вотъ извлеченіе изъ этого знаменитаго ордонанса 1665 года:

§ 1. Запретить католикамъ отказываться отъ ихъ религіи для обращенія къ реформѣ. (Съ боку помѣчено королемъ: его величество удерживаетъ за собою право подумать объ этомъ).

§ 4. Закрыть университеты, академіи и школы, гдѣ реформаторы обучаютъ наукамъ и своей теологіи, въ Сомюрѣ, Шатильонѣ, Седанѣ и проч. (Замѣтка Короля: Его Величество исполнитъ).

§ 6. Судебныя королевскія должности вручать однимъ католикамъ, точно также какъ и прочія должности въ бюро.—(Помѣчено королемъ: его величество исполнитъ).

§ 7. Отнять у реформаторскихъ консисторій ихъ имущества. (Помѣчено королемъ: поручить это коммиссарамъ.)

§ 18. Его Величество откажется отъ всякаго покровительства реформаторамъ, потому что оно даетъ имъ возможность совращать его подданныхъ съ пути истины.
(Помѣтка короля: его величество обѣщаетъ). (1)

Духовенство на этотъ разъ пришло въ восторгъ, и дало королю 4 милльона ливровъ; въ 1666 году эти параграфы повлекли за собою притѣсненія протестантовъ; какой убытокъ принесли подобныя преслѣдованія въ промышленности, а слѣдовательно и въ общественной экономіи, это вычислить трудно, но едвали это не превышало 4 милльоновъ ливровъ. Третье собраніе было въ 1670 году, когда только что Лудовикъ заключилъ блестящій Ахенскій миръ, принесшій ему даромъ нѣсколько крѣпостей на нидерландской границѣ. Тотъ же д'Алигръ является предъ собраніемъ духовенства, и на этотъ разъ превосходитъ себя въ краснорѣчіи: «Господа, я признаюсь, что видъ вашего величественнаго собранія меня смутилъ противъ всякаго ожиданія, потому что я имѣлъ счастіе нѣсколько разъ входить въ ваше собраніе и

(1) О Дюпе. 14 стр. и слѣд.

пользоваться его расположеніемъ; мои глаза, хотя и слабые, не должны были бы смущаться ослѣпительнымъ блескомъ Вашихъ лицъ и пурпуровыхъ одѣяній. Между тѣмъ я испытываю обратное и признаюсь, что во мнѣ вовсе нѣтъ той прирожденной способности, по которой орлята смотрятъ прямо на солнце. Поразительный свѣтъ стольких звѣздъ меня ослѣпилъ, и, въ эту минуту, я потерялъ бы свой даръ слова, если бы не чувствовалъ подкрѣпленія въ благосклонномъ взорѣ нашего верховнаго солнца, которое укрѣпило мое зрѣніе и дало мнѣ рѣшимость представить вамъ его ордонансы. Я называю солнцемъ нашего несравненнаго монарха Франціи, и я полагаю, что я даю ему титулъ справедливо не только въ отношеніи къ Франціи, но и во всей вселенной; при блестящихъ лучахъ нашего солнца первыя звѣзды другихъ государствъ блѣднѣютъ и теряютъ свой свѣтъ». Всѣ эти метафоры, комическія на языкѣ государственнаго человѣка, кончились обычною просьбою: «Господа, мы просимъ васъ открыть руки вашего огромнаго сословія, чтобы помочь королю частью своихъ богатствъ». Подобными словами можно просить только милостыню, и эти слова сказалъ министръ Людовика XIV, въ самую блестящую эпоху его славы. Я не буду Васъ утомлять, Милостивые Государи, разсказомъ подробностей результата новаго торга Людовика XIV съ духовенствомъ; достаточно сказать, что товаромъ были тѣ же протестанты и связанное съ ними благосостояніе государства, менѣе блестящее, но болѣе прочное. Дѣло кончилось къ обоюдному удовольствію; 1 Августа 1670 года изданъ былъ новый эдиктъ противъ еретиковъ; духовенство сдѣлало небольшую уступку, оно не требовало срытія церквей протестантскихъ, но просило ихъ только перенести на другія мѣста, подальше отъ населенныхъ городовъ; впрочемъ, духовенство и при этомъ имѣло въ виду, что зданіе не иначе переносится, какъ прежде срывается; всѣ остальныя условія, менѣе двусмысленныя, были приняты безусловно; въ церквахъ пѣли Hosanna in excelsis; Людовикъ получилъ 2 милльона 400 т. ливровъ отъ духовенства съ небольшимъ замѣчаніемъ: La séance ordonne qu'il faudra faire savoir à Sa Majesté que l'effort, qu'elle fait est un effet de son entière confiance en sa parole royale, т. е. «Засѣданіе повелѣваетъ дать знать его величеству, что усиліе пожертвованія, которое дѣлаетъ церковь, есть результатъ ея полной увѣренности въ королевскомъ словѣ». Какъ ни ясенъ въ этихъ словахъ намекъ на былое, когда слово не всегда сдерживалось, но это не помѣшало сдѣлать надпись на докладѣ: Le roi, charmé de ce présent, qui dépasse ses espérances, fait répondre que cette confiance ne sera pas trompée et fait abandon de 200,000

livres» т. е. король, восхищенный этимъ подаркомъ, который превосходитъ его надежды, приказываетъ отвѣтить, что это довѣріе не будетъ обмануто, и возвращаетъ изъ подарка 200 т. ливровъ». Мы остановимся на этомъ; могущество Людовика XIV даже въ самомъ центрѣ государства представляется намъ теперь далеко уже не въ томъ блескѣ, какимъ насъ ослѣпляетъ исторія, рисуя намъ его побѣды и версальскія празднества. Теперь насъ менѣе удивитъ въ той эпохѣ и сцена провинціальнаго быта Франціи, который я избралъ предметомъ для нашихъ настоящихъ бесѣдъ. На пути нашего изслѣдованія мы встрѣтимъ явленія болѣе поразительныя тѣхъ, которыя мы встрѣтили въ центрѣ административной жизни Франціи. Вся администрація, мы увидимъ, была направлена къ одной цѣли: сдѣлать провинціи источникомъ дохода и средствомъ къ административной жизни государства; на дѣлѣ всегда выходитъ другое: правительство получаетъ незначительную часть дохода, а самая большая часть остается въ рукахъ сборщиковъ податей: правительство, находясь въ такомъ положеніи, имѣетъ одно средство пополнить недостатокъ: увеличить налоги. Судебная администрація представляетъ тѣже недоразумѣнія; правительство отняло судъ и расправу у феодальныхъ бароновъ и взяло на себя контроль надъ правосудіемъ; при всѣхъ добрыхъ намѣреніяхъ правительства и тутъ результаты были совершенно обратные. Правительство видѣло себя постоянно въ безвыходномъ положеніи: ему приходилось въ одно и тоже время никому не вѣрить и безпрестанно повѣрять; едва учрежденъ какой нибудь новый контроль, какъ оказывалась необходимость надъ новымъ контролемъ еще болѣе новаго контроля. Въ средневѣковое время судебная власть находилась въ частныхъ рукахъ; баронъ въ своихъ владѣніяхъ былъ почти верховный судья; это было полное self-government, но осуществленное въ самомъ безобразномъ видѣ. Революція XVII-го столѣтія поставила себѣ задачею искоренить такое зло; но уничтожая одну утопію, революція впала въ другую. Участіе въ судѣ было совершенно исторгнуто изъ частныхъ рукъ и сдѣлалось достояніемъ одной администраціи. Мѣсто бароновъ заняли les gouverneurs et les intendants; они были представителями правительства, ихъ назначеніе было стереть частное самоуправство бароновъ; но они были неограничены, какъ самое правительство; правительство думало держать ихъ въ своихъ рукахъ, какъ свои креатуры; правительство при этомъ преслѣдовало самую высокую цѣль, но въ ней былъ одинъ недостатокъ: она была недостижима. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть лучше такой картины администраціи: правительство стоитъ выше всякаго личнаго

интереса и заботится только объ общемъ благѣ; оно избираетъ достойнѣйшихъ для осуществленія своихъ цѣлей; эти достойнѣйшіе избираютъ въ свою очередь людей благонадежныхъ въ свои помощники и т. д., однимъ словомъ образуется цѣлая лѣстница администраторовъ, изъ которыхъ каждый въ одно и тоже время подчиненъ высшей инстанціи и самъ надзираетъ за низшею; государственные интересы, поднимаясь съ самаго дна, восходятъ по этой лѣстницѣ тщательно обдуманными, очищенными до самаго центра администраціи, и на оборотъ по этой же лѣстницѣ сходятъ заботы центральнаго правительства объ общественной жизни. Нельзя себѣ представить болѣе величественной картины государственной жизни и нельзя потому не пожалѣть, что она разсчитана не на людей, и въ практикѣ ея примѣненіе приводитъ прямо къ противоположному результату. Правительство для искорененія злоупотребленій самоуправства находится въ необходимости дать неограниченную власть своимъ агентамъ, но, безъ гласности, не имѣетъ средствъ устранить новыя злоупотребленія, которыя могутъ возникнуть отъ самовластія его же собственныхъ представителей; правительство думаетъ назначить интендантомъ человѣка достойнаго и назначаетъ племянника дяди или что нибудь тому подобное. Чтобы дать Вамъ съ перваго слова идею, напримѣръ, о состояніи суда и расправы при Лудовикѣ XIV, позвольте прочесть письмо, писанное къ министру Лудовика XIV Кольберу изъ одной отдаленной провинціи Франціи, Оверни, и помѣщенное въ любопытномъ собраніи, изданномъ въ 50 годахъ подъ заглавіемъ: Correspondance administrative sous le règne de Louis XIV. T. I. стр. 9 и 10: «Безпорядки въ Оверни сдѣлались такъ часты и совершаются всѣми такъ обыкновенно, что я счелъ своею обязанностью довести до Вашего свѣдѣнія, что всѣ и въ особенности чиновники, каждый въ своемъ округѣ, укрываютъ виновныхъ вмѣсто того, чтобы ихъ наказать. Я указываю Вамъ на это, Monseigneur, по поводу драки, которая произошла въ прошедшемъ посту, между шестью лицами; изъ нихъ одинъ La Sale, королевскій трубачъ, убилъ Верри, служившаго въ полку Мазарини, занимавшемъ гарнизонъ въ маленькомъ городкѣ пр. Лимузина, называемомъ Бортъ. Мѣстное начальство, освѣдомившись о томъ, нарядило большое слѣдствіе: но при помощи 600 ливровъ, которые были собраны участниками преступленія, La Sale убѣдилъ судью сжечь всѣ протоколы этого дѣла и составить вмѣсто ихъ другіе, изъ которыхъ было бы видно, что это не было убійство а дуель, и что Верри былъ убитъ другимъ. «За тѣмъ корреспондентъ Кольбера сообщаетъ ему новые подвиги La Sale въ этомъ же родѣ и кото-

ые остались также безнаказанными и продолжаетъ далѣе»: я молю Васъ всенижайше, Monseigneur, дѣйствовать такъ, чтобы го письмо не попало въ руки пріятелей La Sale, которые слуатъ при Дворѣ; но будьте увѣрены, что все мною сообщенное овершенно справедливо; отецъ убитаго, получившій недавно звѣстіе о своемъ несчастіи, при первомъ случаѣ отправится аловаться лично Королю, и подтвердитъ Вамъ все, за что ышеупомянутый La Sale долженъ быть наказанъ. Я прошу асъ, Monseigneur, принять мое уваженіе, съ которымъ и т. д.

Затѣмъ слѣдуетъ приписка:

P. S. «Всѣ честные люди будутъ Вамъ обязаны, если Вы доведете это дѣло до свѣдѣнія короля, но сдѣлайте то такъ, чтобы го мое письмо осталось въ секретѣ, à cause du seigneur qui a ris l'argent, et qui est à craindre, т. е. потому что того господина, который получилъ взятку, надобно бояться». Смыслъ той прибавки весьма ясенъ; судья, получившій 600 ливровъ за оддѣлку протокола, очевидно, имѣетъ сильную руку. И такъ, въ то время, когда Лудовикъ XIV думалъ, что все трепещетъ предъ, нимъ что боятся только его одного, было много еще и другихъ, которыхъ должно было бояться, надобно было бояться судью въ мѣстечкѣ Бортѣ, и кому нужно было бояться? корреспонденту Кольбера, находившемуся подъ покровительствомъ перваго министра Лудовика XIV; надобно было бояться даже и трубача La Sale, если тотъ имѣлъ покровительство въ высшихъ сферахъ.

Мнѣ остается въ заключеніе нашей первой бесѣды сказать нѣсколько словъ объ общемъ планѣ нашего краткаго курса и о главнѣйшихъ источникахъ, изъ которыхъ я буду почерпать данныя для составленія общей картины провинціальнаго быта Франціи въ эпоху Лудовика XIV. Избранный мною предметъ могъ бы наполнить собою курсъ несравненно обширнѣе нашего; еще болѣе богато это время источниками, въ числѣ которыхъ много и мемуаровъ и оффиціальныхъ документовъ. Я назвалъ нѣкоторые изъ нихъ; при случаѣ я назову и другіе. Но теперь я остановлюсь на одномъ историческомъ памятникѣ, который обращаетъ на себя особое вниманіе и полнотою картины и интересною личностью самого автора, котораго жизнь могла бы сама по себѣ служить зеркаломъ нравовъ современнаго сій общества. Наконецъ, этотъ памятникъ относится какъ разъ къ тому времени, когда молодой Людовикъ началъ самодержавное управленіе, по смерти Мазарини, и къ одной опредѣленной мѣстности, что очень важно для насъ, когда мы хотимъ сжать картину своего предмета въ самую ограниченную рамку курса. Я разумѣю подъ

этимъ памятникомъ весьма интересный и оживленный журналъ путешествія въ Овернь (Auvergne), предпринятый однимъ молодымъ человѣкомъ сопровождавшимъ туда своего питомца вмѣстѣ со всѣмъ его семействомъ, въ качествѣ домашняго учителя. Этотъ домашній учитель былъ знаменитый въ послѣдствіи кардиналъ Fléchier. Его произведеніе осталось извѣстнымъ подъ именемъ Mémoires sur les Grands Jours d'Auvergne. 1665. Сынъ бѣднаго торговца, но получившій прекрасное воспитаніе въ одномъ монастырѣ, Флешье поступилъ на духовное званіе. Молодой аббатъ, слѣдуя всеобщему увлеченію, явился въ Парижъ; съ своимъ умомъ, образованностью и въ особенности съ поэтическимъ талантомъ онъ сдѣлался скоро извѣстнымъ въ высшемъ кругу Парижа; въ 1662 году ему было только 30 лѣтъ, и онъ получилъ мѣсто домашняго учителя въ одномъ богатомъ семействѣ у Комартена, принадлежавшаго къ высшимъ сферамъ тогдашней бюрократіи. Годъ спустя послѣ своей вторичной женидьбы, Комартенъ долженъ былъ ѣхать по дѣламъ службы въ Овернь; съ нимъ отправилась его вторая жена и молодой аббатъ Флешье. Въ гостиной М-me Комартенъ будущій кардиналъ получилъ свое свѣтское образованіе и пріобрѣлъ тотъ особенный и пріятный характеръ, который сохранялся неизмѣннымъ до конца его жизни. Сдѣлавшись впослѣдствіи епископомъ и кардиналомъ, Флешье не утратилъ свѣтскихъ привычекъ молодаго аббата; «какъ я былъ обрадованъ, пишетъ онъ одной великосвѣтской дамѣ, когда послѣ скучнаго объѣзда своей эпархіи, я нашелъ у себя такое пріятное чтеніе, какое только могутъ доставить мнѣ Ваши стихи. Я думалъ, что мое вниманіе теперь сосредоточено на заботахъ о паствѣ и выполненіи правилъ церкви, а между тѣмъ я чувствую, что я люблю сонеты, стансы и идилліи».....

Ко всему этому я долженъ присоединить черту изъ политическаго характера нашего будущаго источника. Флешье обнаружилъ въ политической сторонѣ своего характера большую честность, и сдѣлавшись кардиналомъ, не измѣнилъ, что случается рѣдко, убѣжденіямъ молодаго аббата. Получивъ въ управленіе эпархію города Нима, онъ былъ поставленъ въ необходимость преслѣдовать протестантовъ; но Флешье употребилъ все зависѣвшее отъ него къ смягченію жестокихъ мѣръ католическаго духовенства противъ еретиковъ. Не удивительно послѣ того, что и въ журналѣ своего путешестія въ Овернь онъ указываетъ съ полнымъ безпристрастіемъ на недостатки провинціальнаго католическаго духовенства и его пороки, такъ что даже въ настоящее время новѣйшее изданіе журнала Флешье, въ 1844 году,

звало большое неудовольствіе клерикальной партіи противъ дателя. Послѣ всего сказаннаго нами, можно утверждать полотельно, что нашъ руководитель имѣлъ всѣ средства, чтобы сдѣть интересными свои наблюденія; онъ поѣхалъ въ провинцію весьма важнымъ должностнымъ лицемъ, у котораго онъ жилъ которое отправилось по личному порученію короля; Флешье гъ потому многое знать и былъ вездѣ принятъ. При его аналическомъ, наблюдательномъ умѣ, ничто не ускользнуло отъ его манія; онъ занесъ въ свои мемуары и судебные процессы, и ы, которые давались въ честь его патрона, и разговоры проціальныхъ дамъ, и описаніе ихъ нарядовъ; онъ дѣлалъ partie plaisir въ сосѣднія деревни; бытъ помѣщиковъ, ихъ отношенія крестьянамъ нашли также себѣ мѣсто въ мемуарахъ остроумо аббата. Наконецъ, что въ особенности увеличиваетъ цѣну муаровъ Флешье, его мемуары были писаны не съ оффиціальо цѣлью; онъ писалъ ихъ по порученію M-me de Caumartin съ мъ, чтобы вечеромъ въ кругу ближайшихъ друзей сообщать ои путевыя наблюденія; если и можно потому подозрѣвать ешье иногда въ красномъ словцѣ, то въ его мемуарахъ нельзя рѣтить за то оффиціальной лжи, которая стóитъ иного красо словца. Но Флешье, какъ ловкій человѣкъ, не забылъ, что кно заплатить дань и современному обществу. Съ этою цѣлью ь написалъ кромѣ мемуаровъ, гдѣ онъ излагаетъ свое путестіе и дѣло порученное его патрону для изслѣдованія въ тоящемъ его видѣ, также и поэму на латинскомъ языкѣ на ъ же самый предметъ. Нѣтъ ничего любопытнѣе, какъ сравть сарказмы, которыми осыпалъ Флешье отправленныхъ вмѣсъ нимъ королевскихъ чиновниковъ и дань удивленія ихъ ипантамъ, дѣятельности и честности, которою наполнена латинія поэма; если исключить одного византійскаго писателя, навшаго двѣ противоположныя картины изъ времени Юстиіна Великаго, то Флешье едва ли не единственный писатель, торый съумѣлъ одною рукою написать и истинное и оффиальное.

ВТОРАЯ ЛЕКЦІЯ.

26-го Генваря.

Мм. Гг. Я указалъ причины, которыя побудили меня
шемъ краткомъ изслѣдованіи остановиться преимуществен
авторитетѣ Флешье. Конечно его мемуары относятся тол
одной провинціи Франціи, но именно на долю только эт
винціи досталось имѣть такого отчетливаго и полнаго санд
какимъ былъ Флешье для Оверни. Представляя отдѣльну
винцію, какъ образчикъ вообще провинціальнаго быта Ф
я никого не ввожу въ заблужденіе, потому что я отъ
слушателей не скрываю процесса своихъ изслѣдованій, тѣ
сылокъ, на которыхъ я основываю свое заключеніе отъ
къ цѣлому. Наконецъ я не нарушаю общепринятыхъ за
исторической критики; или по крайней мѣрѣ я погрѣшаю
тѣ съ такими историками, какъ наприм. Гизо, который дл
чтобы дать понятіе вообще о провинціальномъ управле
Римской Имперіи, разбираетъ управленіе одной изъ преоб

Конечно, сочиненіе Флешье относится къ 1665 году, сл
тельно только къ пятому году дѣйствительно самостояте
управленія Лудовика XIV. Печальное положеніе Оверни н
конечно, результатъ его управленія. Все это справедливо,
справедливѣе то, что послѣдующее управленіе Лудовика
улучшило провинціальнаго быта; скорѣе на оборотъ, оно
лось хуже, особенно со времени уничтоженія Нантскаго
когда въ систему управленія были введены драгонады. И
если я избираю самое начало правленія Лудовика, то меня
можно будетъ упрекнуть въ пристрастіи къ Лудовику X
никакъ не въ несправедливости; я выбралъ эпоху относи
лучшаго состоянія провинціальнаго быта во Франціи во
половинѣ XVII столѣтія. Наконецъ событіе, описанное Ф
принадлежитъ къ числу тѣхъ административныхъ мѣръ,
рыя были приняты именно Лудовикомъ XIV для улучшені
винціальнаго быта; въ этомъ случаѣ меня нельзя будетъ
нуть въ анахронизмѣ.

Овернь, одна изъ самыхъ гористыхъ частей Франціи, п
заная отрогами Севеннъ, менѣе другихъ была доступна д
тральной власти. Нынѣ желѣзная дорога приводитъ въ О
въ главный ея городъ Клермонъ, въ 12 часовъ изъ Пари
10 часовъ утра выходитъ поѣздъ на станціи Орлеанск
лѣзной дороги, и въ 10 часовъ 30 минутъ вечера того же

въ Клермонѣ. Но въ то время были нужны иногда цѣлыя недѣли тяжелаго путешествія, и путешествія весьма дорогаго, которое теперь дѣлается за 50 франковъ. Въ XVII столѣтіи на скалахъ еще гнѣздились замки бароновъ, утратившихъ политическую самостоятельность, но обратившихся въ самовластныхъ помѣщиковъ, смѣявшихся надъ всѣми попытками центральной власти положить предѣлъ ихъ деспотизму. Фрондская война при Мазаринѣ въ Оверни произвела болѣе безпорядковъ, чѣмъ гдѣ нибудь; помѣщики вели войну другъ съ другомъ, грабили сосѣднія деревни; королевскіе чиновники или не имѣли средствъ или находили удобнымъ закрывать глаза на все, что дѣлалось въ провинціи. Безнаказанность доходила до того, что королевскія приказанія не имѣли никакой силы, при всемъ могуществѣ Людовика XIV. Очень часто, разсказываетъ Flechier, смертельный приговоръ былъ произнесенъ и конфирмованъ королемъ, но никто не осмѣливался привести его въ исполненіе. Королевскіе судьи нашли наконецъ средство исполнять буквально королевскія повелѣнія и не вооружать противу себя помѣщиковъ Если виновный имѣлъ большую силу, то его оставляли въ покоѣ и дѣлали его изображеніе изъ воску; палачъ торжественно на площади казнилъ куклу; при этомъ, замѣчаетъ Флешье, не рѣдко осужденные на смерть сами присутствовали при своей казни, и никто не смѣлъ ихъ схватить. На нашей послѣдней бесѣдѣ мы читали письмо изъ Оверни къ Кольберу; оно дорисовываетъ положеніе французской провинціи въ XVII столѣтіи. Боало сказалъ въ шутку Людовику XIV: Государь для васъ нѣтъ ничего невозможнаго; Вы хотѣли написать худые стихи и Вы написали ихъ; но Боало не могъ бы сказать того же самаго, если бы дѣло шло объ искорененіи зла въ администраціи и бытѣ самаго общества. Непоколебимая власть Людовика XIV, подчинившая себѣ всю Европу, очень часто разбивалась о власть какого нибудь интенданта провинціи, какого нибудь даже мелкаго чиновника.

Но такова судьба тоій утопіи, которую думалъ осуществить Людовикъ XIV своею государственною дѣятельностью. Ея послѣдствія повторились вездѣ, гдѣ только она была практикована. Система правленія Людовика XIV не была чѣмъ нибудь новымъ; предъ глазами Людовика XIV могла быть величественная картина подобной же администраціи въ древнемъ Римѣ и Византіи. Въ Византію явился посолъ изъ Западной Европы къ Императору Никифору, которому въ Византіи пѣли гимны о его непобѣдимости и страхѣ, который онъ наводитъ на невѣрныхъ. На обратномъ пути посолъ получаетъ отъ Императора грамоту, повелѣвавшую оказывать послу на дорогѣ всякую помощь и снаб-

жать его лошадьми для подводъ. На отдаленномъ концѣ имперіи близъ границъ, послу случилось у чиновника требовать лошадей, посолъ представилъ Императорскую грамоту, но чиновникъ замѣтилъ въ чемоданѣ кусокъ парчи, который ему понравился. Посолъ не хотѣлъ уступить, и за это простоялъ на мѣстѣ 21 день. Но обратимся къ Оверню и къ Людовику XIV. Губернаторомъ Оверня былъ герцогъ Бульонъ, мало походившій на предводителя первыхъ крестоносцевъ. Кольберъ и Людовикъ XIV знали его нравы; Кольберъ получилъ въ одно время съ извѣстнымъ Вамъ письмомъ, другое письмо и также изъ Оверна отъ Интенданта Pomereuil (Correspondance administrative. s. Louis XIV, T. II, 18 и 19). Позвольте мнѣ заставить современника говорить за себя: «Я замѣчаю, что съ нѣкотораго времени герцогъ Бульонъ, губернаторъ провинціи, слишкомъ интересуется господиномъ Massiac d'Espinschal, который всѣмъ извѣстенъ своими черными поступками. Всѣ дворяне увѣряютъ, что Герцовъ Бульонъ ходатайствуетъ предъ королемъ помиловать Эспиншаля; а я знаю самъ, что клевреты губернатора, шесть недѣль тому назадъ, провожали Эспиншаля для того, чтобы на мѣстѣ повѣрить нѣкоторые пункты его оправданія. Онъ ѣхалъ съ ними въ сопровожденіи 40 всадниковъ, и это обстоятельство мнѣ показалось оскорбительнымъ; но что меня болѣе всего удивило: двѣ недѣли тому назадъ въ Овернь прибылъ коммисаръ съ 5 или 6 жандармами и съ указомъ конфисковать все недвижимое имущество Эспиншаля, вслѣдствіе исполненія смертнаго приговора, произнесеннаго надъ нимъ, и кромѣ того особый королевскій указъ схватить его, если то возможно, si faire se peut, и заключить. Въ это самое время, не смотря на указъ короля, губернаторъ пишетъ крестьянамъ мѣстечка Массіака, принадлежавшаго Эспиншалю, и приказываетъ имъ сохранять доходы своего помѣщика; онъ возлагаетъ на нихъ отвѣтственность за все, и объявляетъ, что Эспиншаль на возвращеніи потребуетъ отъ нихъ отчета».

«Это противорѣчіе королевскихъ указовъ съ одной стороны, и предписаній губернатора провинціи съ другой вынудило меня просить васъ, какъ то я и дѣлаю, чтобъ или увѣдомили меня, дѣйствительно ли король желаетъ, чтобы Эспиншаля преслѣдовали помимо Герцога Бульона, или пусть напомнитъ ему самому о королевской волѣ, съ тѣмъ, чтобы въ провинціи не видѣли, какимъ образомъ онъ даетъ явное покровительство человѣку, противъ котораго Его Величество издало такой строгій указъ. Вы можете себѣ представить дурное [illegible] слѣдствіе того преступника».

рые считаютъ его погибшимъ. Все дворянство его укрываетъ; военные отряды, посланные схватить его, сами предупреждаютъ его; онъ не спитъ никогда двухъ ночей въ одномъ мѣстѣ и ходитъ непроходимыми дорогами съ свитою 25 человѣкъ, участниковъ его преступленій; потому и неудивительно, что они отрядами военными не могли его поймать».

«Я произвожу теперь самую строгую ревизію, и трудно сыскать гдѣ нибудь большій безпорядокъ. Я нашелъ налоги, сдѣланные безъ высшихъ предписаній, безъ повелѣній совѣта; множество жестокихъ помѣщиковъ, (des gentilshommes tyrans en quantité) такъ что въ этой странѣ мнѣ есть на чемъ показать свою власть и строгость». Лудовикъ XIV и самъ не былъ равнодушенъ къ этимъ безпорядкамъ; онъ писалъ другому интенданту, той же Оверни, и по другому но подобному же случаю: «что касается до помилованія, то не должно бояться, чтобы я давалъ его такъ легко. Я знаю, что этимъ я только поддержу безпорядки, а къ моему сердцу ничто такъ не близко какъ желаніе, чтобы на будущее время въ моемъ государствѣ никакое преступленіе не оставалось безнаказаннымъ, je n'ai rien plus à coeur que d'empêcher qu'à l'avenir il ne s'en commette aucune violence impunément dans mon royaume». Прекрасныя слова и за этимъ послѣдовалъ еще болѣе прекрасный поступокъ: 31-го Августа 1665 года былъ изданъ королевскій указъ о принятіи дѣйствительныхъ мѣръ къ уничтоженію злоупотребленій въ Оверни.

«Лудовикъ, милостью Божіей, король Франціи и Наварры и проч. Необузданность войнъ внѣшнихъ и внутреннихъ, которыя 30 лѣтъ сряду опустошали наше государство, не только ослабили силу закона и дѣйствіе указовъ, но еще ввели многія злоупотребленія, какъ въ управленіи финансовъ, такъ и въ судебномъ, первомъ и главномъ предметѣ нашего вниманія; то, что, послѣ завоеваній, общественной безопасности, возстановленія финансовъ и торговли, особенно занято насъ, это именно воцареніе правосудія; мы убѣждены, что нѣтъ ничего, что обязываетъ насъ такъ предъ подданными и налагаетъ отвѣтственность предъ Богомъ, отъ котораго одного мы получили нашу корону; но такъ какъ насъ извѣстили, что зло особенно сильно въ провинціяхъ удаленныхъ отъ нашего Парламента, что законы тамъ презираются и народъ подверженъ всякого рода притѣсненіямъ и насиліямъ, что люди слабые и беззащитные не находятъ никакого покровительства у правосудія, что дворяне очень часто злоупотребляютъ довѣріе и совершаютъ поступки недостойные ихъ рожденія, и что къ тому слабость чиновниковъ такъ велика, что преступленія оста-

ются безнаказанными, то потому для противодѣйствія этимъ безпорядкамъ, которыхъ увеличеніе со временемъ можетъ угрожать нашей королевской власти, ослабить власть нашихъ судовъ и уничтожить значеніе подвѣдомственныхъ мнѣ чиновниковъ, мы опредѣляемъ назначить новый судъ или засѣданіе, извѣстное въ народѣ подъ именемъ Великихъ-Дней, les Grands-Jours, и открыть ихъ въ нынѣшнемъ году въ Клермонѣ для провинціи верхняго и нижняго Оверня, Бурбонне, Нивернэ и т. д. Затѣмъ слѣдуетъ X параграфовъ инструкціи съ самымъ обстоятельнымъ описаніемъ круга дѣятельности членовъ суда Великихъ-Дней, съ цѣлью предупредить всякое злоупотребленіе, которое въ свою очередь можетъ произойти отъ новаго учрежденія, назначеннаго для искорененія злоупотребленій.

Учрежденіе чрезвычайнаго суда, названнаго народомъ les Grands-Jours, относится еще къ XIII столѣтію, когда королевская власть начала замѣтно возвышаться надъ самовластіемъ феодальныхъ бароновъ. Филиппъ Августъ, Людовикъ IX Святой выбирали изъ Парламента членовъ и отправляли ихъ въ провинціи, гдѣ народъ испытывалъ всего болѣе притѣсненій; время такого суда было отдохновеніемъ для беззащитнаго народа, и онъ назвалъ это время Великими Днями. Такіе Великіе дни хотѣлъ сдѣлать и Людовикъ XIV для провинціи, болѣе другихъ пострадавшей отъ самовластія помѣщиковъ и чиновниковъ. Но и въ этомъ случаѣ, какъ и вездѣ, результаты далеко не соотвѣтствовали намѣреніямъ, воодушевлявшимъ правительство. Причины такого явленія мы найдемъ легко, если познакомимся съ главнѣйшими лицами, составлявшими коммиссію Великихъ дней, и которыхъ потому народъ обыкновенно называлъ Messieurs les Grands-Jours. Президентомъ Коммиссіи былъ назначенъ Novion, какъ сказано въ королевскомъ ордонансѣ, «нашъ возлюбленный и вѣрный совѣтникъ, предсѣдатель Парижскаго Парламента». Еще при Мазарини былъ составленъ секретный списокъ всѣхъ членовъ Парламента съ подробными замѣтками о ихъ нравственныхъ качествахъ, способностяхъ и наклонностяхъ; тамъ мы находимъ и характеристику Новіона: «это человѣкъ сомнительный и ненадежный, большой интересанъ и нерѣшителенъ въ поступкахъ: довольно ловкій въ судебныхъ дѣлахъ; имѣетъ свой кружокъ (sa cabale), составленный изъ родственниковъ и друзей; трудился постоянно надъ пріобрѣтеніемъ новыхъ приверженцевъ». Изъ другихъ членовъ замѣтимъ: 1, «Jean Lecoq, также возлюбленный и вѣрный совѣтникъ и членъ Парижскаго Парламента; въ секретныхъ мемуарахъ о немъ сказано: «хапжа и мелочной человѣкъ, [illegible] способенъ; хорошій судья, но [illegible]

много думаетъ о себѣ и упрямъ». 2, Pressy: честный человѣкъ, но терпѣть не можетъ занятій и труда; любитъ развлеченія; натуры довольно кроткой». 3, Vassan: «добрый человѣкъ, уживчивый, общительный, но слабый, непослѣдовательный; имѣетъ отвращеніе къ службѣ; отличный охотникъ и держитъ при себѣ охоту; не интересанъ. «4. Barillon: » не безъ способностей; но не пріученъ къ судебнымъ дѣламъ; не интересанъ; преданъ Двору; самый лучшій другъ графинь; посѣщаетъ только знатныхъ, къ нему не имѣютъ довѣрія за его тщеславіе и суетность«.5, Achilles Barentin:» человѣкъ грубый, докучливый, честолюбивый, упрямый; хорошій хозяинъ; не имѣетъ въ камерѣ ни друзей, ни довѣрія; весьма богатъ». Очень немногіе изъ этой коммисіи имѣли безукоризненную репутацію; между тѣмъ эта коммиссія получала неограниченную власть на жизнь и имущество, безъ всякой апелляціи. Видно, что Лудовику XIV не были представлены секретныя замѣтки; ему указали въ послѣдствіи на одно только неудобство: предсѣдатель Великихъ-Дней Новіонъ имѣлъ въ Оверни двухъ зятей Ribeyre и Tubeuf, съ которыми былъ въ родствѣ и генеральный прокуроръ Великихъ дней M. de Talon. Cet avis vient trop tard; это извѣстіе опоздало, отвѣтилъ Лудовикъ XIV. Въ эту же Коммисію былъ назначенъ и Caumartin, вицепрезидентомъ. Хотя Флешье весьма натурально не говоритъ ничего дурнаго о своемъ покровителѣ, но изъ его дѣятельности виденъ знатный бюрократъ, который при всякомъ случаѣ показываетъ своею величавою небрежностью, что онъ дѣлаетъ большую честь обществу, посвящая службѣ свои досуги. Такимъ образомъ представился случай и его домашнему учителю Fléchier сопровождать своего патрона въ Овернь, быть свидѣтелемъ засѣданій Великихъ дней и записать въ своемъ дорожномъ журналѣ все видѣнное и слышанное въ провинціи въ теченіи слишкомъ 4 мѣсяцевъ, отъ 25 Сентября 1665 года до 4 Февраля 1666 года. Комартенъ везъ съ собою свою мать и молодую жену; Новіонъ, президентъ, взялъ съ собою двухъ пожилыхъ дочерей, предъ которыми онъ разыгрывалъ всегда роль самаго изящнаго кавалера; Талонъ, генеральный адвокатъ, ѣхалъ въ сопровожденіи матери, которая не могла рѣшиться отпустить своего сына одного, потому что на ней лежала забота о хозяйствѣ, и въ важныхъ случаяхъ она облегчала и его государственныя занятія, такъ что на дѣлѣ она и была генеральнымъ прокуроромъ. Флешье говоритъ о ней, какъ объ одномъ изъ главныхъ лицъ между Messieurs les Grands-Jours. Только что она прибыла въ Клермонъ, какъ взяла на себя устроить городскую полицію и спеціально занялась прелистомъ, близкимъ къ домашнимъ интерес-

самъ-посѣщеніемъ магазиновъ. M-me de Talon сочла своею обязанностью удешевить цѣну продуктовъ; какъ хорошая хозяйка она не забыла и съѣстныхъ припасовъ. Въ то время, когда Messieurs les Grands-Jours приготовлялись къ обѣдамъ и рѣчамъ, M-me de Talon взяла на себя трудъ заняться составленіемъ таксы, и собрала на этотъ случаій всѣхъ Mesdames les Grands Jours. Въ этотъ дамскій комитетъ были представлены городскія вѣсы и мѣры и были позваны содержатели магазиновъ, между которыми Fléchier называетъ въ особенности золотыхъ дѣлъ мастеровъ. M-me de Talon и прочіе члены удостоили своими нѣжными руками брать въ руки грязные вѣсы; но M-me de Talon открыла съ свойственною сей проницательностью, что фунтъ въ Клермонѣ имѣетъ только 13 унцій вмѣсто 16. Это открытіе такъ поразило M-me de Talon, что она по замѣчанію Флешье, сохранила навсегда ненависть къ Клермону. 23 Сентября пріѣхали Messieurs les Grands-Jours, а 30-го была уже публикована такса, составленная M-me de Talon, за подписью одного изъ Messieurs. Результатъ былъ неожиданно противоположный: при новыхъ мѣрахъ и цѣнахъ произошло такое замѣшательство въ экономическихъ соображеніяхъ, что купцы нашли средство еще болѣе прежняго обманывать публику. Не потерялась одна M-me de Talon; она приказывала приносить товары къ себѣ на домъ, и, замѣчаетъ Fléchier, при уваженіи къ ея сыну, она покупала все по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. Messieurs les Grands-Jours знали, что подобныя коммисіи встрѣчаются обѣдами и балами; ихъ ожидала на самомъ дѣлѣ всеобщая радость въ провинціи, хотя она и вызывалась различными причинами; провинціальная бюрократія радовалась по наружности и выражала свою радость пиршествами для смягченія гнѣва, кого слѣдуетъ; народъ радовался приближенію небольшаго роздыха и пѣлъ на своемъ провинціальномъ діалектѣ, приглашая поспѣшить веселье:

Aughâ, gens, aughâ:	Слушайте, добрые люди, слушайте:
Le ceo vous reprocha	Небо васъ упрекаетъ,
Qu' aquou ei trop pleghâ	Что вы слишкомъ гнетесь,
Laus Grands-Jours	Не всегда бываютъ
Ne sont pas toujours.	Великіе дни.

Опасенія общественнаго мнѣнія были справедливы; Великіе дни продолжались только до 4 Февраля 1666 года, и затѣмъ наступилъ прежній мракъ. Административная машина совершила однимъ оборотомъ больше, приставили новое колесо; но мы успѣли приподнять частицу занавѣса, который отдѣлялъ кажущееся отъ дѣйствительнаго въ этой знаменитой коммисіи les Grands-Jours. Мы познакомились лично съ ея членами, и мнѣ

кажется, если бы мы не имѣли Fléchier, если бы я не смѣлъ болѣе надѣяться увидѣть васъ на слѣдующей своей бесѣдѣ, то мнѣ кажется Вы могли бы уже теперь сами представить, какая картина провинціальнаго быта предстоитъ намъ впереди и какимъ образомъ засѣданія Великихъ-Дней смѣнятъ только собою эту трагикомическую картину.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦІЯ.

2-го Февраля.

Мм. Гг. Содержаніе моихъ первыхъ двухъ бесѣдъ и въ особенности отношеніе этого содержанія къ главному предмету моей темы, можетъ заставить подумать, что и я не избѣгнулъ сильнаго вліянія Французской централизаціи временъ Лудовика XIV. Въ самомъ дѣлѣ я обѣщалъ Вамъ представить картину провинціальнаго быта Франціи при Лудовикѣ XIV; сего дня я уже заключаю свой курсъ, а между тѣмъ мы еще въ Парижѣ, вблизи Версаля. Но такое распредѣленіе въ изложеніи можетъ быть было не совершенно произвольно съ моей стороны; оно обусловливалось характеромъ самаго предмета.

Судьба французскихъ провинцій до такой степени зависѣла отъ началъ, руководившихъ центромъ Франціи, что и мнѣ пришлось обратить мой главный предметъ въ заключеніе нашихъ бесѣдъ; и я правъ, если справедливо то, что и самый провинціальный бытъ, зависѣвшій вполнѣ отъ своего центра, былъ въ дѣйствительности заключеніемъ, эхомъ того, что дѣлалось въ Версали. При томъ одностороннемъ понятіи, которое мы составили о вѣкѣ Лудовика XIV и о его личности, я не могъ бы начать тѣмъ, чѣмъ я сегодня кончаю; живыя лица, несомнѣнныя событія, сцены и картины изъ провинціальной жизни, которыя я буду имѣть честь развернуть сегодня предъ Вами, показались бы чѣмъ то баснословнымъ, если бы я въ своей первой бесѣдѣ не указалъ бы тѣхъ секретныхъ пружинъ, которыя приводили въ дѣйствіе искусственный механизмъ государственной жизни Франціи XVII столѣтія. Изъ центра Франціи исходили всѣ мѣры, принимаемыя къ благосостоянію провинцій; я остановился въ моей послѣдней бесѣдѣ на одной изъ такихъ мѣръ, какъ на самой важной, которая, въ противоположность всѣмъ мѣрамъ, принимаемымъ центральной администраціей, по видимому должна была бы привести на этотъ разъ къ желаемой цѣли. Такою мѣрою была судная коммисія, названная народомъ les Grands-

Jours. Я объяснилъ Вамъ назначеніе подобнаго учрежденія, я познакомилъ Васъ ближе съ составомъ тѣхъ les Grands Jours, которые были назначены въ 1665 году, для провинціи Оверня, и мнѣ кажется что такія личности, какъ Novion, ухаживавшій болѣе за своими дочерьми, нежели за дѣлами и бывшій въ родствѣ съ главными виновниками народныхъ бѣдствій въ Оверни, или какъ Talon, за котораго его мать устроила въ Оверни полицію и взяла подъ свой надзоръ магазины, или и самъ Caumartin, знатный и богатый бюрократъ, служившій изъ снисхожденія къ обществу, такія личности, едвали внушили Вамъ довѣріе къ новой мѣрѣ, не смотря на то, что въ Ордонансѣ, они были названы «любезными и вѣрными совѣтниками короля». Во всякомъ случаѣ для Васъ не будетъ чѣмъ нибудь неожиданнымъ адресъ жителей Оверни королю въ 1667 году, два года спустя послѣ Великихъ-дней. Они просятъ короля «устранить притѣсненія, испытываемыя слабыми отъ насилія владѣтелей, которые подъ именемъ налоговъ, требуютъ всего, что имъ вздумается, отказываются даже отъ приношеній натурой, хлѣбомъ, произведеніями земли, или оцѣниваютъ все это на деньги, по самымъ высокимъ цѣнамъ. Крестьянинъ усиливаетъ работу, и оттого быки и другіе рабочія животныя погибаютъ отъ труда, на который ихъ осуждаетъ безпощадный произволъ; земли остаются невоздѣланными, и фермеры находятся въ невозможности уплатить королевскую подать». Если мы припомнимъ, кто таковы были Messieurs les Grands Jours, то мы не удивимся такому результату ихъ трудовъ, а между тѣмъ они трудились надъ искорененіемъ зла. Въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ, которые они провели въ Клермонѣ, они рѣшили двѣнадцать тысячъ дѣлъ. Были дни, когда осуждалось на смерть по тридцати человѣкъ. Но мы знаемъ, что казнили не людей, а ихъ изображенія: случалось, что вся площадь была заставлена подобными картинами, и палачъ съ важностью рѣзалъ имъ головы; Флешье съ ироніею замѣчаетъ, что этими картинами лучше было бы украсить зало въ домѣ Талона. Мнѣ остается не много прибавить къ сказанному мною объ этой послѣдней мѣрѣ, предпринятой центральною администраціей для улучшенія провинціальнаго быта; но это не многое сдѣлаетъ для Васъ яснѣе вообще характеръ подобныхъ мѣръ, когда они принимаются центральною администраціею, и причину ихъ безуспѣшности. При Людовикѣ центральная администрація стремилась къ искорененію зла, но она и въ этомъ случаѣ оставалась вѣрною себѣ своимъ принципамъ, а именно, что всякая инициатива, всякое начинаніе должно выходить единственно изъ администраціи; обще-

ство не должно само употреблять мѣръ къ самоулучшенію; все это лежитъ на одной администраціи; она научитъ всѣхъ быть добрыми, честными, она одна будетъ наблюдать за тѣмъ, чтобы господствовала справедливость. Флешье разсказываетъ намъ два случая, въ которыхъ было видно, что общество того времени само сознавало свои недостатки, и не ожидая les grands jours торопилось назвать ихъ. Въ одномъ мѣстечкѣ въ Оверни, какой то священникъ—бываютъ и между ними хорошіе люди, замѣчаетъ съ ироніею Флешье—вздумалъ во время проповѣди отозваться неуважительно о Министрахъ, и говорилъ весьма серьезно прихожанамъ, что Франція управляется дурно, что онъ читалъ въ старыхъ книгахъ о государствахъ, въ которыхъ люди жили лучше. Слушатели его въ послѣдствіе догодались, что, напримѣръ, лучше было бы жить безъ сборщиковъ податей. Въ сущности этотъ духовный ораторъ возставалъ противъ тѣхъ же злоупотребленій, для искорененія которыхъ пріѣхали въ Овернь и самые Messieurs les grands jours; но когда Messieurs les grands jours узнали объ этой проповѣди, эта помощь со стороны общественнаго мнѣнія имъ показалось излишнею; священникъ былъ арестованъ и осужденъ въ ссылку.

Вотъ и другой случай, который не былъ нисколько враждебенъ цѣли, которую преслѣдовали les Grands Jours. Я сказалъ Вамъ, что городъ Клермонъ позаботился устроить увеселенія, чтобы развлечь своихъ гостей въ часы ихъ досуга послѣ государственныхъ занятій. Между прочимъ была выписана труппа комедіантовъ. Флешье, Парижанинъ, съ улыбкою сожалѣнія говоритъ о постановкѣ провинціальнаго театра и выполненіи піесъ; но на этой провинціальной сценѣ, замѣчаетъ Флешье, Messieurs могли видѣть вечеромъ то, что имъ случалось слышать утромъ въ судѣ, на сцену выводились сильные, какъ притѣснители слабыхъ, жены, отравлявшіе мужей, и сотни другихъ страстей; иногда на сценѣ читались и сатиры, на нѣкоторыхъ изъ современниковъ. Однако Messieurs les grands jours нашли неудобнымъ такое вмѣшательство въ ихъ дѣла. Caumartin замѣтилъ, что актеры когда нибудь могутъ вывести на сцену и самихъ Messieurs. Онъ предложилъ своимъ товарищамъ запретить сатирическое направленіе сцены и собраніе нашло это предложеніе fort raisonable Этотъ резонъ вытекалъ изъ убѣжденія центральной администраціи временъ Людовика XIV, что въ ней одной лежитъ источникъ всякаго добра; въ центральной администраціи былъ завязанъ главный узелъ всѣхъ общественныхъ отношеній; провинція жила или лучше сказать прозябала, на столько, на сколько она была удалена

отъ центра. Такъ смотрѣли на это и современники Лудовика; Талонъ въ своей рѣчи при открытіи les Grands Jours выставлялъ слѣдующее непреложное философское начало: «всѣ вещи дѣйствуютъ съ большею или меньшею силою, смотря потому въ какой степени они удалены другъ отъ друга, потому, замѣчаетъ онъ, и дворъ, удаленный отъ провинціи, не можетъ наблюдать за правосудіемъ и посылаетъ насъ временныхъ судей». Въ этихъ немногихъ словахъ заключается самое лучшее обличеніе системы Лудовика XIV; жизнь государственная разсматривается какъ что то матеріальное; отношеніе провинціи къ центру сравнивается съ отношеніемъ матеріальныхъ вещей; когда дѣло идетъ о камнѣ, то весьма справедливо, что его ударъ слабѣетъ вмѣстѣ съ увеличиваніемъ пространства полета; но развѣ цѣль администраціи состоитъ въ метаніи камней, какъ то казалось одному изъ Messieurs les Grands Jours; не имѣетъ ли администрація болѣе высокихъ цѣлей, и жизнь государственная не есть ли моральная связь людей, къ которой не должно примѣнять законы движенія бездушныхъ тѣлъ? Все до сихъ поръ сказанное мною о характерѣ центральной власти, о власти мѣстной, провинціальной, и наконецъ о чрезвычайныхъ мѣрахъ къ благосостоянію провинцій, вытекавшихъ изъ центра власти, все это обусловливало бытъ провинціальнаго общества, составляло его рамку; и такъ какъ эта рамка готова, то мнѣ не остается теперь ничего, какъ вставить въ эту рамку и самую картину провинціальнаго быта при Лудовикѣ XIV. Я представлю эту картину сначала въ общихъ чертахъ, и за тѣмъ перейду къ событіямъ ея ежедневной жизни. При этомъ я ограничусь двумя сторонами оффиціальнаго быта провинцій, а именно финансами и администраціей, какъ главными его рычагами. Въ XVII-мъ столѣтіи была поговорка: un écu qui en vient au roi en coûte plus de dix au peuple, т. е. червонецъ, который доходитъ до короля стоитъ народу 10 червонцевъ; и это было справедливо, потому что сборъ податей былъ врученъ особымъ сборщикамъ, которые уплачивали правительству оптомъ и потомъ возвращали свою сумму съ процентами, о которыхъ можно судить по приведенной пословицѣ. При такой системѣ, къ увеличенію доходовъ вело одно только увеличеніе налоговъ, и со времени Генриха IV количество подати утроилось; эта подать была тѣмъ тяжелѣе, что многочисленное и вмѣстѣ самое богатое сословіе привиллегированныхъ состояній освобождалось отъ податей. Въ началѣ правленія [illegible] овика XIV содержалось въ тюрьмахъ до 23,000 [illegible] постой, изъ нихъ 5000 умерло отъ бо[illegible] [illegible] свой вѣкъ и съ пос-

[illegible]

L'univers, sous ton règne, a-t-il des malheureux?

На эти 23 т. приходилось не много счастливцевъ; мы назовемъ двухъ главныхъ и самыхъ знаменитыхъ. Первый Fouquet, surintendant des finances, товарищъ министра финансовъ, а интендантомъ былъ въ то время самъ Кольберъ. Онъ построилъ себѣ замокъ съ паркомъ, для округленія котораго нужно было срыть три населенныхъ деревни, и сдѣлалъ такое помѣщеніе, что въ немъ могли гостить свободно 600 человѣкъ. Это знаменитый замокъ de Vaux; онъ стоилъ 18 милльоновъ франковъ. Одинъ изъ современниковъ оставилъ намъ таблицу приходовъ Фуке и нѣкоторыхъ его расходовъ (Tallemant des Réaux, Historiettes, III, 9): «Фуке, его клевреты и пріятельницы получали съ откуповъ (fermier) огромныя суммы, которыя потомъ уплачивались народомъ. Онъ имѣлъ пенсіи съ соляного откупа (la ferme de gabelles) 120 т. livres, съ откупа на съѣстные припасы (la ferme des aides) 140 т. livres; Бордосскій откупъ платилъ ему 40 т. ливровъ; сверхъ того этотъ откупъ подносилъ 125 т. à Madame du Plessis-Bellière; 10 т. ливровъ à M. Créquy, зятю тої дамы, и 10 т. ливровъ à Madame de Charart, дочери Фуке. До построенія замка De Vaux никто не обращалъ вниманія на доходы Фуке, и ему нужно было истратить 18 милльоновъ ливровъ на этотъ замокъ, чтобы заставить говорить о себѣ. Но въ сущности его погубило излишнее честолюбіе; онъ возъимѣлъ виды на Mlle de la Vallière; къ этому присоединилось еще другое обстоятельство, налагающее тѣнь на Кольбера; произвести слѣдствіе надъ Фуке было поручено Пюссору (Pussort) дядѣ Кольбера, которому нужно было очистить мѣсто.

Система финансовъ, отдававшая провинціи въ жертву сборщиковъ податей и интендантовъ, съ которыми первые дѣлились, пугала само правительство; но Людовикъ XIV ни разу не рѣшился измѣнить ее. Извѣстный Кардиналъ Ретцъ, въ своихъ мемуарахъ (I, 134) наглядно изображаетъ безвыходное положеніе современнаго ему правительства, которое сознавало ясно, что требуетъ справедливость, и поставило себя въ необходимость слѣдовать не справедливому: «нельзя преслѣдовать ни интендантовъ, ни сборщиковъ податей, потому что это разоритъ самую казну; судъ можетъ сдѣлать банкрутами тѣхъ, которые уплачиваютъ правительству сразу вдругъ и вмѣстѣ кредитъ. Въ подобномъ положеніи находилось и правительство Людовика XIV. Если мы къ этому присоединимъ, что губернаторы и интенданты провинцій въ успѣшномъ сборѣ податей имѣли и личныя выгоды, то тогда неудивительно, что имъ никогда не представлялась необходимость измѣнить систему. Губернаторы и интенданты провинцій

дошли до такого самовластія, что налагали подати прямо на собственнаго употребленія; изъ нихъ нѣкоторыя вошли въ обычаи; такъ въ Бретани новому губернатору полносилось, как don gratuit 100 т. франковъ. Въ Лангедокѣ одинъ интендантъ дошелъ до такого искуства «что налагалъ подати по различнымъ случаямъ своей семейной жизни, и однажды наложилъ подать на жителей по случаю смерти своей жены для покрытія расходовъ погребенія. Городъ, выведенный изъ терпѣнія, отправилъ къ нему депутацію съ протестомъ. «Конечно, говорилъ одинъ изъ депутатовъ, если бы вы, господинъ интендантъ, изволили умереть, то провинція съ большимъ удовольствіемъ согласилась бы на подать для вашего погребенія, . . . mais pour madame». Однако провинція заплатила требуемое, не смотря на остроуміе своего депутата.

Если мы перейдемъ къ частностямъ картины провинціальнаго быта во Франціи въ эпоху Лудовика XIV, то едва ли можно себѣ вообразить что нибудь болѣе печальное и болѣе мрачное. Во главѣ провинціальнаго общества стояло многочисленное дворянство грубое, необразованное и самовластное; на днѣ его лежало безотвѣтное сословіе поселянъ. Дворянинъ проводилъ молодость въ государственной службѣ и преимущественно военной; это былъ для него случаи попасть въ Парижъ и тамъ прожить свое состояніе; разорившись, онъ выходилъ въ отставку и запирался на остальную жизнь въ деревню, гдѣ скука и праздность развивали въ немъ отвратительные пороки. Но для Васъ будетъ нагляднѣе картина жизни провинціальнаго дворянина въ XVII столѣтіи, если я изберу какую нибудь отдѣльную личность изъ того времени, по которой возможно судить приблизительно о цѣломъ сословіи. Я избираю такимъ типомъ Французскаго дворянина въ XVII столѣтіи Маркиза Канильякъ; онъ принадлежитъ къ одному изъ знатнѣйшихъ дворянскихъ домовъ въ провинціи Овернь.

Двое изъ его предковъ сидѣли на папскомъ престолѣ, и многіе стояли въ главѣ арміи; ссылаясь на заслуги своихъ предковъ и разстроивъ свои дѣла и хозяйство, онъ просилъ у правительства пенсіи, если ему нужно было предпринять путешествіе для собственнаго развлеченія. Проведя свою молодость въ службѣ и разоривъ въ то время своею безнравственною жизнію все состояніе, онъ вышелъ въ отставку и занялся хозяйствомъ на свой манеръ; разсказы о его образѣ жизни и отношеніи къ крестьянамъ и мелкимъ помѣщикамъ превышаютъ всякое вѣроятіе. Онъ налогалъ самыя разнообразныя подати, подъ различными названіями: la taille de Monsieur, обращенныя въ его пользу; la taille de Madame—подать въ пользу ея [illegible] подать въ [illegible]

сына и каждой дочери; кромѣ того налагались подати по различнымъ семейнымъ случаямъ. Для предупрежденія ропота онъ держалъ при себѣ двѣнадцать молодцевъ, которыхъ онъ называлъ апостолами и каждый изъ нихъ имѣлъ характеристическую кличку: Безнадежный, Ломай-Все и т. п. Недовольствуясь подушнымъ окладомъ, онъ наложилъ подать на говядину; но замѣтивъ, что его крестьяне никогда не ѣдятъ говядины, онъ поправилъ свою ошибку и наложилъ подать на тѣхъ, которые не ѣдятъ говядины. Но главнымъ предметомъ его доходовъ было правосудіе; въ XVII столѣтіи помѣщикъ имѣлъ право высшаго суда; Канильякъ устроилъ свою уголовную систему и опредѣлилъ таксу за каждое преступленіе; для увеличенія судебныхъ доходовъ, онъ продавалъ впередъ позволеніе сдѣлать преступленіе безнаказанно. Messieurs les Grands Jours не могли не обратить вниманія на эту личность; онъ былъ осужденъ на смерть заочно; его изображеніе было казнено на площади, а онъ самъ смотрѣлъ изъ окошка сосѣдняго дома на собственную казнь; Канильякъ былъ родственникъ президента Novion и потому отдѣлался однимъ денежнымъ штрафомъ; его младшій сынъ имѣлъ не лучшую репутацію; ему предстояла смертная казнь; но Лудовикъ XIV по просьбѣ приближенныхъ отмѣнилъ приговоръ и обязалъ его построить на свой счетъ корабль въ пользу Государства, что ему стоило десять тысячъ золотыхъ; въ сущности это былъ оптическій обманъ; этотъ корабль построилъ не онъ, а тѣ, съ кого онъ получалъ подати; а какъ получалъ подати сынъ Канильяка, мы знаемъ. Но помѣщиковъ, подобныхъ Канильяку было весьма много; баронъ Сенегасъ, сосѣдъ Канильяка, былъ не лучше его; его обвиняли во многихъ убійствахъ и еще не задолго предъ пріѣздомъ Судной Коммисіи, онъ посадилъ одного изъ своихъ подчиненныхъ въ сырой ящикъ, гдѣ онъ не могъ ни сидѣть, ни стоять, не лежать; несчастный просидѣлъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, и когда его оттуда вынули полумертваго на немъ не было человѣческаго лица. Близко къ нимъ подходилъ Эспинашаль, на котораго, какъ мы видѣли въ прошедшей бесѣдѣ, жаловался одинъ интендантъ самому Кольберу; но дерзостью онъ превзошелъ всѣхъ. Еще до прибытія les Grands Jours его нѣсколько разъ казнили за его преступленія, разумѣется мысленно; не считая однако себя совершенно безопаснымъ, онъ рѣшился на смѣлый поступокъ: онъ отправился прямо въ Парижъ, гдѣ ему покровительствовали герцоги Гизы; онъ нашелъ такую квартиру изъ которой можно было всегда укрыться въ домѣ Гизовъ, куда полиція не могла проникнуть. Гизамъ удалось бы выхлопотать помилованіе, еслибы Эспинашаль не надѣлалъ новыхъ преступленій въ самомъ На-

ржѣ. Одинъ изъ обиженныхъ имъ нашелъ средство
ваться королю лично; Людовикъ XIV на этотъ разъ з
показать всю строгость и обѣщаетъ наказать примѣрн
ступника; истецъ выходитъ совершенно счастливый отъ
ля, но къ величайшему его удивленію у самыхъ двере
ра его схватываютъ полицейскіе, показывая ему корол
повелѣніе арестовать его. Это были переодѣтые сооб
Эспиншаля, который на этотъ разъ подшутилъ надъ с
королемъ. Людовикъ XIV подъ вліяніемъ этой послѣдне
рія и назначилъ въ Оверни извѣстную намъ Судную К
сію. Быть можетъ, я утомилъ Васъ въ прошедшій
когда я читалъ длинныя извлеченія изъ Ордонанса Лю
XIV, по поводу открытія les Grands-Jours, гдѣ выстав
государственныя соображенія, какъ причины, побудившія
вительство къ искорененію зла въ Оверни и назначенія les
Jours; но теперь вы слышали отъ меня настоящую причи
зова такихъ заботъ; надобно было пострадать самому Лю
ку XIV и въ собственномъ дворцѣ, чтобы наконецъ было
щено вниманіе на провинцію. Если Вы быть можетъ сѣт
на мою длинную цитату изъ королевскаго ордонанса, то Ви
простите то за желаніе показать Вамъ огромное различіе,
рое такъ часто встрѣчается въ администраціи Людовика
между оффиціальнымъ и истиннымъ. Вы желаете знать,
кончились похожденія Эспиншаля; онъ преспокойно пр
жалъ жить подъ покровительствомъ Герцога Гиза, и с
смерть его покровителя заставила Эспиншаля бѣжать и
винцію, гдѣ его ждали съ нетерпѣніемъ королевскіе суд
пиншалю пришло на мысль осмѣять ихъ до конца; онъ
залъ великолѣпный ящикъ и вмѣстѣ съ этимъ ящикомъ
лалъ визитъ президенту суда и всѣмъ прочимъ судьямъ,
яснивъ имъ, что онъ получилъ отъ короля помилованіе, ко
и хранится въ этомъ ящикѣ; на слѣдующій день онъ
зался имъ представить королевскую грамоту въ присут
рано утромъ Эспиншаль скрылся изъ города, отправивъ ящ
въ судъ; нѣтъ нужды прибавлять, что по открытіи ящи
судѣ произошла сцена, напоминающая извѣстное мѣсто
комедіи Ревизора. Если мы отъ высшаго сословія, стоя
го во главѣ провинціальнаго общества, перейдемъ къ низш
сословію, разсѣянному по провинціи, тамъ мы увидимъ яр
сцены. Можно смѣло утверждать, что ни одинъ народъ въ с
исторіи не представлялъ сельскаго сословія въ такомъ пл
номъ состояніи, въ какомъ оно находилось во Франціи при Л
викѣ XIV. Но зло никогда не ужасаетъ

жность пскорепить зло; герцогъ С. Симонъ, этотъ французскій
ицитъ, говоря о современномъ ему состояніи Государства и
его бѣдствіяхъ, сознается съ нѣкоторымъ отчаяніемъ въ сво-
хъ мемуарахъ, что онъ вынесъ изъ своей государственной дѣя-
льности одно печальное убѣжденіе: tout bien à faire c'est impos-
ble, нѣтъ никакой возможности вездѣ дѣлать добро. Людовикъ
IV употреблялъ много мѣръ къ облегченію сельскаго сословія,
всегда подъ условіемъ не измѣнять своимъ политическимъ
чаламъ. При немъ жилъ геніальный человѣкъ, но его геній
онтъ еще низко въ сравненіи съ величіемъ его сердца. Онъ
святилъ двадцать лѣтъ неутомимаго труда на то, чтобы развѣ-
ть истинное состояніе провинціи; куда не могъ онъ проникнуть
чно, онъ посылалъ на свой счетъ людей свѣдущихъ; преодолѣ-
я страшныя затрудненія, которыя предстоятъ частному чело-
ку при подобномъ предпріятіи, онъ изслѣдовалъ подробно
ность земли провинціи, ихъ торговлю, промышленность, на-
ги, способъ ихъ собиранія и т. п. Изучивъ такимъ обра-
мъ государственный бытъ Франціи, онъ написалъ замѣчатель-
й проэктъ новой финансовой системы. Этотъ великодушный
тріотъ былъ геніальный инженеръ Vauban; онъ выставилъ
главныя положенія, которыя должны были лечь въ основа-
всего государственнаго зданія: 1. Подданные всѣхъ состояній
жны нести государственныя повинности, сообразно съ ихъ
ходами или промышленною дѣятельностію и никто не дол-
нъ быть оттого освобожденъ. 2. Всякая привиллегія, освобож-
ющая отъ государственныхъ повинностей не справедлива,
къ злоупотребленіе, и потому не должна быть раздаваема во
редъ остальному обществу. Восходя изъ этихъ двухъ поло-
ній, Vauban предполагалъ уничтожить всю старую финан-
вую систему, и вмѣсто безчисленныхъ налоговъ ввелъ одно-
разную государственную подать, называемую la dîme royale.
немногихъ словахъ указываетъ С. Симонъ на достоин-
ва и недостатки новой финансовой системы Вобана: «по этой
стемѣ король долженъ былъ получать болѣе прежняго
ходовъ, для народа же подать уменьшалась; но, прибавляетъ С.
монъ, это удобство было ничтожно въ сравненіи съ главнымъ
удобствомъ новой финансовой системы: эта система раззоряла
лую армію чиновниковъ, повѣренныхъ и служащихъ всякаго
да; она могла поставить ихъ въ печальное положеніе жить соб-
венными трудами; это еще не все: при новой системѣ падала
асть Министра Финансовъ, а вмѣстѣ съ нимъ власть интендан-
въ, ихъ секретарей, и другихъ protégés. Нѣтъ ничего удиви-
льнаго, что Людовикъ XIV встрѣтилъ дурно Вобана, когда онъ ему

поднесъ свою книгу съ новымъ планомъ. Всѣ его заслуги, высокія способности, единственныя въ своемъ родѣ, его доблесть, даже засвидѣтельствованная привязанность къ королю, все это было забыто; Людовикъ XIV видѣлъ въ немъ человѣка помѣшаннаго на общественномъ благѣ, и преступника, покусившагося на власть Министра, а слѣдовательно и на его власть. Но что болѣе поразительно: Вобана оставило самое общество, для котораго онъ трудился: всѣ видѣли въ немъ человѣка, впавшаго въ немилость, и слѣдовательно недостойнаго; онъ умеръ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, не услышавъ ни отъ кого утѣшительнаго слова, и Людовикъ XIV показалъ видъ, что онъ и не замѣчаетъ, какого полезнаго знаменитаго слугу онъ потерялъ въ Вобанѣ. Такова участь геніевъ, и таковы люди! Но при такомъ состояніи общества, въ какомъ оно находилось при Людовикѣ XIV, надобно было въ самомъ дѣлѣ больше бояться не за тѣхъ, кто дѣлалъ зло, но за тѣхъ, кому приходило на мысль принести обществу пользу.

Во введеніи къ своему плану Вобанъ обрисовываетъ состояніе государства при Людовикѣ XIV и въ особенности живо изображаетъ состояніе провинціи. Въ его словахъ столько симпатіи смѣлой откровенности, что я надѣюсь не утомить Вашего вниманія, если сдѣлаю небольшое извлеченіе изъ подлинника:

«Въ результатѣ моихъ изслѣдованій, которымъ я посвятилъ многіе годы, оказалось, что въ послѣднее время десятая часть населенія приведена въ состояніе нищеты и дѣйствительно нищенствуетъ. Изъ девяти остальныхъ частей, пять находятся въ такомъ состояніи, что они не могутъ никому подать милостыни, потому что сами находятся почти въ такомъ же состояніи; изъ четырехъ частей, которыя остаются, три въ весьма дурномъ положеніи, и обременены долгами и процессами. И такъ остается одна десятая часть, куда я отношу военныхъ и статскихъ чиновниковъ, духовныхъ, высшее дворянство, купцовъ, зажиточныхъ горожанъ, что вмѣстѣ все составляетъ сто тысячъ жителей; и я не думаю ошибаться, утверждая, что изъ нихъ нѣтъ и 10000 фамилій, которые были бы дѣйствительно съ состояніемъ; если же отсюда исключить спекуляторовъ и ихъ тайныхъ и явныхъ агентовъ, наконецъ тѣхъ, которыхъ король поддерживаетъ своими милостями, то я увѣренъ, что число людей съ истиннымъ состояніемъ весьма уже не велико. Такова картина экономическаго быта Франціи при Людовикѣ XIV. Едва $^1/_{10}$ часть $^1/_{10}$ части всего населенія увѣрены въ своемъ куск хлѣба. На одного сытаго приходится 100 голодныхъ. Далѣе Вобанъ краснорѣчиво указываетъ Людовику XIV на самое дурное сословіе въ государствѣ:

«Честь и совѣсть принуждаютъ меня представить Вашему Величеству, что, какъ мнѣ кажется, во Франціи, во всѣ времена обращали мало вниманія на простой классъ людей; а потому это часть населенія болѣе всего разорена и жалка; между тѣмъ эта часть населенія весьма важна и по своему числу, и по дѣйствительности своихъ заслугъ; она несетъ на себѣ всѣ тяжести, она болѣе всѣхъ переноситъ, и терпитъ еще болѣе, и уменьшеніе населенія всегда падаетъ на нее».

«Нищій классъ населенія своимъ трудомъ, своею промышленностію и своими податями обогащаетъ короля и все его государство; эта же часть населенія поставляетъ солдатъ и матросовъ для сухопутной и морской арміи; изъ нея выходятъ мелкіе торговцы, она ведетъ торговлю и промышленность въ государствѣ; изъ нея выходятъ и земледѣлецъ, и виноѣлъ, и пастухъ, охраняющій и питающій стада; она сѣетъ и жнетъ, собираетъ виноградъ, дѣлаетъ вино; однимъ словомъ, на этой части населенія лежитъ все большое и мелкое хозяйство, какъ городовъ, такъ и деревень». Показавъ важность сельскаго сословія, Вобанъ показываетъ, что именно это сословіе выдано на жертву самыхъ жестокихъ притѣсненій.

«Нельзя повѣрить, до чего доходятъ притѣсненія сборщиковъ податей съѣстныхъ припасовъ. Если крестьянинъ для экономіи приливаетъ двѣ части воды въ купленную имъ мѣру вина или сиры изъ яблокъ и грушъ, то онъ рискуетъ не только все потерять, но еще подвергнуться штрафу, и такимъ образомъ заплатить за воду, которую онъ пьетъ».

«Соль вздорожала отъ налоговъ до того, что они, не имѣя возможности сохранять мясо въ прокъ, прекратили разводъ свиней».

«Изъ чиновниковъ, наблюдающихъ за сборомъ податей, на сто не будетъ одного, который оказался бы честнымъ; правда, еще не употребляютъ огня и желѣза для истребленія имуществъ, но за то нѣтъ никакой другой мѣры, къ которой они не прибѣгали бы для разоренія провинціи. И потому всѣ провинціи, изъ которыхъ состоитъ королевство, до тла разорены». Эта картина экономическаго состоянія провинціи, сдѣланная Вобаномъ, находитъ себѣ подтвержденіе во всѣхъ мемуарахъ того времени. Въ 1697 году Герцогъ Бургундскій, наслѣдникъ престола, желая познакомиться ближе съ истиннымъ состояніемъ Государства далъ секретное предписаніе всѣмъ интендантамъ составить для него мемуары о состояніи провинціи. Отвѣты были всѣ на одну тему; [illegible] въ какихъ краткихъ словахъ былъ изображенъ бытъ крестьянина напримѣръ въ Оверни. «Крестьяне живутъ большую [illegible] года въ снѣжныхъ шалашахъ, а остальную часть прово-

дять въ хлѣвахъ вмѣстѣ съ своими домашними живот

Какъ видно, со времени Флешье бытъ провинціи во Фра сдѣлалъ большихъ успѣховъ. Но никто не даетъ такаго до отвращенія понятія о Французскомъ поселянинѣ XVII тія, какъ La Bruyère (1688) въ своихъ Caractères: «въ деревняхъ есть какія то животныя мужескаго и женскаг разсѣянныя по полямъ, черныя, грязныя, обожженныя сол привязанныя къ землѣ, которую они взрываютъ съ как страннымъ упорствомъ; они однако умѣютъ подавать гол когда они поднимаются на ноги, тогда только видишь че ское лицо, и въ самомъ дѣлѣ это люди; на ночь они пряч шалаши, гдѣ питаются чернымъ хлѣбомъ, водою и кор они избавляютъ другихъ отъ труда сѣять, пахать землю, справедливо потому давать имъ хлѣбъ, который они сѣют

При появленіи les Grands-Jours въ Оверни сельское распространило слухъ, что дѣло идетъ объ освобожденіи янъ отъ помѣщиковъ; при этомъ, идеи французскаго кресп того времени о свободѣ были такъ узки, что онъ приняли за освобожденіе отъ всякаго труда. Одна помѣщица въ должна была жаловаться Messieurs les Grands-Jours на то, крестьяне всѣ купили перчатки, полагая, что les Grands-Jo значены для того, чтобы освободить ихъ отъ работы, ч теперь будетъ кормить король. Но вмѣстѣ съ тѣмъ при щемъ нравственномъ паденіи общества, въ этой грубой народа, лишенной всякаго политическаго смысла, подавле уничтоженной, проглядывали самыя свѣтлыя и благородны ты. Когда случилось одному доброму и честному помѣщ правляться въ Клермонъ, гдѣ были Messieurs les Grands его поселяне, слыша о казни многихъ помѣщиковъ, и б участь своихъ добрыхъ господъ, предлагали имъ свое по тельство и аттестатъ о ихъ хорошей жизни и добрыхъ пр Читая извѣстія подобныя помѣщенным въ Caractères, д быть гдѣ нибудь среди дикихъ и въ самомъ дѣлѣ это бы стоящіе дикари. Если Вашимъ воображеніемъ рисуется ство эпохи Людовика XIV, времени Корнеля, Расина; картина только десятой доли отъ десятой части Франціи выражается Вобанъ. Но Вы видѣли сей часъ матеріальное женіе большинства; моральное состояніе массы въ тотъ в вѣкъ было не лучше: поселяне были не только звѣри, но запуганные звѣри. Я раскажу вамъ анекдотъ изъ мему M-me de Sévigné, который она записала для потѣхи; но дл кто любитъ человѣка при расказѣ этого анекдота возможна одна улыбка состраданія. Народъ часто слышалъ изъ ор

совъ объ одномъ учрежденіи, называемомъ la gabelle; это была подать на соль; народъ былъ тупъ для того, чтобы понимать отвлеченное значеніе подати; онъ видѣлъ, что послѣ такого ордонанса возвышается цѣна на соль; но въ этомъ добромъ народѣ было столько привязанности къ королю, что онъ не хотѣлъ вѣрить, что la gabelle назначается королемъ, а въ народѣ полудикомъ и варварскомъ ходилъ слухъ, что la gabelle есть чудовище, которое появляется время отъ времени для притѣсненія народа. При такомъ настроеніи умовъ въ одной Бретанской деревнѣ распространился слухъ, что въ приходской церкви появилось невѣдомое чудовище, которое впилось въ стѣну и машетъ только хвостомъ; при этомъ оно шипитъ и по временамъ даже и ночью издаетъ звуки похожіе на весеннее мяуканье кошки. Многіе изъ крестьянъ увѣряли, что они видѣли это чудовище собственными глазами. «Синіе колпаки» какъ называли въ то время крестьянъ, собрались на сходку и рѣшили единодушно, что это чудовище и есть именно la gabelle. Толпа вооруженная палками, пошла по направленію къ церкви и встрѣтивъ священника объявила ему, что въ церковь забралась la gabelle, и что они намѣрены убить ее. Священникъ зналъ своихъ прихожанъ и прибѣгнулъ къ хитрости: «нѣтъ, мои дѣти, вы ошибаетесь это не gabelle, а jubilé т. е. явленное чудо» Толпа при этомъ словѣ, поспѣшила снять свои колпаки, бросилась на колѣни и забормотала молитвы, составленныя на подобный случай. Между тѣмъ это явленное чудо были стѣнные часы, которыя священникъ пріобрѣлъ для своего прихода. Такимъ образомъ въ Бретани, недалеко отъ Версаля, центра всякой образованности, масса не подозрѣвала о существованіи часовъ.

Въ этомъ анекдотѣ, записанномъ для потѣхи Версальскаго общества, есть много трогательнаго; поселянинъ грубъ и необразованъ: до него не дошли слухи о новѣйшихъ изобрѣтеніяхъ, въ Версали наслаждались всѣми изобрѣтеніями человѣческаго ума до напудреннаго парика включительно; но за то въ деревнѣ столько было прекрасныхъ инстинктовъ; поселянинъ вѣритъ безпечетно въ истинное назначеніе правительства и создаетъ миѳъ о чудовищѣ, обирающемъ государственную подать; одно слово религіи и онъ падаетъ на колѣни: въ версальской капеллѣ, когда за вечерней службой распространился слухъ о томъ, что Лудовикъ XIV не будетъ по болѣзни въ церкви, всѣ потушили свѣчи и разошлись; между тѣмъ Лудовикъ XIV пришелъ и увидѣлъ себя одного въ церкви. Отнимите у однихъ ихъ [illegible]ній лоскъ образованности и вы получите въ остаткѣ нуль: [illegible]те кору суевѣрія съ другихъ и предъ Вами явится во всемъ

блескѣ то, что дѣлаетъ счастливымъ и отдѣльнаго человѣка и цѣлое общество; я разумѣю чистое, неиспорченное сердце. Главными причинами такого бѣдственнаго экономическаго и моральнаго состоянія сельскаго сословія была финансовая система, юридическія отношенія поселянъ къ земле-владѣльцамъ и дурное провинціальное хозяйство. Постоянный денежный голодъ, которымъ томилась администрація, побуждалъ правительство прибѣгать ко всѣмъ не къ раціональнымъ средствамъ увеличенія доходовъ. Продажа должностей въ провинціяхъ была однимъ изъ главныхъ источниковъ дохода и вмѣстѣ народнаго бѣдствія. Каждый разъ когда правительству нужны были деньги, оно создавало новыя должности и продавало ихъ. Такъ однажды въ одну недѣлю Людовикъ получилъ пять милліоновъ за продажу новыхъ мѣстъ. Такими мѣстами были должности для веденія списка умершимъ, родившимся и т. п. Людовикъ XIV, какъ и всѣ подобные ему великіе люди, любилъ иногда выслушивать голосъ рѣзкой правды; собиратели анекдотовъ видятъ въ подобныхъ случаяхъ великодушіе своихъ героевъ; въ сущности такіе случаи представляютъ капризы великихъ людей, которымъ надоѣдаетъ однообразный голосъ лести. Одинъ изъ приближенныхъ Людовика, по поводу изобрѣтенія имъ новыхъ должностей, замѣтилъ: «всякій разъ когда Ваше Величество творите новую должность, Богъ творитъ новаго дурака, который ее непремѣнно купитъ». Но не всегда можно было отзываться такимъ образомъ о покупателяхъ должностей; большею частію это были люди на бѣду весьма смышленые; купившій новую должность платилъ за мѣсто правительству и потомъ возвращалъ затраченную сумму при отправленіи своей должности. Бѣдный крестьянинъ не могъ окрестить сына, ни жениться, ни умереть безъ того, чтобы не было занесено его имя въ списокъ чиновникомъ, который при этомъ бралъ съ него подать; такъ что крестьяне часто принуждены были для экономіи обходиться безъ священниковъ, и заключали браки сами при помощи свидѣтелей, только чтобы не платить чиновнику подати. Однимъ изъ вѣрныхъ признаковъ присутствія жизни въ провинціяхъ служатъ средства къ сообщенію. При Людовикѣ XIV еще поддерживались дороги, которыя были необходимы для движенія войска и для путешествія знатныхъ между большими городами. Но проселочныя дороги были дурны до того, что часто въ одной провинціи умирали съ голода, и въ сосѣдней хлѣбъ гнилъ отъ невозможности доставить его на рынокъ. Когда M-me de Sévigné должна была проѣхать изъ Парижа въ Бретань, она должна была сломать на дорогѣ двѣ коляски, въ которыя впрягалось семь лошадей; почтовый курьеръ привозилъ ей письма изъ Парижа въ

[illegible]тань въ девять дней, для чего теперь нужно девять часовъ. [illegible]льберъ понималъ всю важность провинціальныхъ дорогъ и дѣ[illegible]лъ важныя улучшенія. До него проведеніе и храненіе дорогъ [illegible]ставляло corvée т. е. барщину; крестьяне выгонялись на дорогу [illegible]гда можно было встрѣтить очень часто толпу въ сто, двѣсти [illegible]ловѣкъ, подъ руководительствомъ деревенскаго полицейскаго, [illegible]чищающихъ дорогу, по тому или другому случаю. Кольберъ [illegible]лъ налогъ, на поправку дорогъ и мостовъ; но этотъ налогъ [illegible]лъ странную судьбу. С. Симонъ разсказываетъ, что послѣ [illegible]льбера соединили старую методу съ новой; по старой методѣ [illegible]рщина продолжала чинить дороги и потому дороги оставались [illegible]проходимыми, а мосты переломанными; одинъ интендантъ въ [illegible]Шампани ввелъ даже усовершенствованіе по этой части: прежде [illegible]вали на барщинѣ казенный хлѣбъ, онъ отмѣнилъ этотъ обы[illegible]й; ему подражали другіе и безъ сомнѣнія за ревность къ служ[illegible], интендантъ Шампани былъ сдѣланъ Conseiller d'Etat; народъ [illegible]пиралъ съ голоду на дорогѣ, надъ проведеніемъ которой онъ [illegible]ботался; а государство наконецъ совершенно отказалось взять [illegible] себя обязанность заботиться о дорогахъ. Странно одно, что [illegible]жду тѣмъ подать, назначенная Кольберомъ на содержаніе до[illegible]гъ осталась въ полной силѣ; ея настоящее назначеніе было [illegible]забыто, и она смѣшалась съ другими государственными доходами.

Въ заключеніе нашей общей картины провинціальнаго быта [illegible] деревнѣ при Лудовикѣ XIV, я долженъ представить Вамъ одно [illegible]мѣчательное явленіе, которое быть можетъ объяснитъ намъ, [illegible]очему правительство Лудовика оставалось глухо и слѣпо ко все[illegible]му, что происходило въ провинціи. Мы до сихъ поръ объяснили [illegible]акое явленіе тѣмъ, что центральная администрація была поставлена разъ навсегда въ такое положеніе, что она по неволѣ видѣла себя осужденною жить тѣмъ порядкомъ вещей, который существовалъ на лицо; такая администрація должна была противъ своей воли повторять слова M-me de Pompadour: après nous le [illegible]ge! Но была и другая причина, которая закрывала отъ [illegible]правительства настоящій бытъ провинцій. Каждая провинція во [illegible]Франціи имѣла свои провинціальные штаты. Эти штаты состояли [illegible]изъ духовныхъ, дворянъ и зажиточныхъ горожанъ большихъ [illegible]городовъ (les grands Bourgeois des bonnes villes). Но духовные не [illegible]платили податей, дворянство также; зажиточные граждане не [illegible]участвовали въ такъ называемыхъ добровольныхъ приношеніяхъ, [illegible]платили подать одни крестьяне; но они не имѣли своего представителя въ штатахъ. Каждый разъ когда правительство чрезъ своего интенданта обращалась къ штатамъ за добровольнымъ приношеніемъ, которое и духовные и дворяне окончательно собирали

съ своихъ подданныхъ, провинціальное собраніе единодушно соглашалось на всякое приношеніе, потому что его члены ничего не платили. Въ Лангедокѣ палата провинціальная въ одинъ голосъ согласилась поднести королю 2.000.000; черезъ два года 2.400.000; черезъ годъ 3.000.000 ливровъ. Въ глазахъ Людовика XIV такое единодушіе было вызвано патріотическимъ чувствомъ страны, и высшія власти, по свидѣтельству Madame de Sevigné получали отъ короля награду за привязанность къ интересамъ Государства. Разъ въ 1673 году въ одной провинціальной палатѣ нашлись два депутата отъ дворянства, которые вздумали противорѣчить; герцогъ Chaulnes, губернаторъ провинціи, пишетъ по этому случаю Кольберу: «мы опредѣлили выгнать двухъ дворянъ изъ собранія за ихъ слишкомъ патетическія рѣчи о состояніи провинціи. Я исполнилъ это вчера утромъ; призвавъ ихъ къ себѣ, я приказалъ имъ оставить палату и выпроводить ихъ за городъ въ моей коляскѣ въ сопровожденіи офицера и 6 стражей. Мой поступокъ оправдывается той властію, которую вручилъ мнѣ король; вчерашній день ко мнѣ явились три депутаціи о возвращеніи этихъ дворянъ. Я воспользовался этими тремя депутаціями, чтобы напугать хорошенько палату, и убѣдить ее согласиться немедленно и безъ условій на «*добровольное* приношеніе» потому что слово короля не позволяетъ ему нищенствовать, и приношенія украшаютъ не того, кто ихъ получаетъ, но тѣхъ, которые его дѣлаютъ. Въ самомъ дѣлѣ послѣ нашихъ объясненій относительно необходимости слѣпаго повиновенія, которымъ палата обязана волѣ Его Величества, палата сего дня утромъ прислала депутацію съ покорнѣйшею просьбою принять 2.600.000 ливровъ, которые именно мнѣ и приказано требовать». На этотъ разъ присужденіе этаго добровольнаго приношенія прошло единодушно и безъ всякихъ условій. Это письмо герцога Шоня къ Кольберу помѣщено въ Correspondance administrative etc., и я не могу сказать, какую награду получилъ герцогъ за такое единодушное и патріотическое согласіе палаты. Я могъ бы Вамъ представить и другіе примѣры подобной государственной комедіи, разыгрываемой въ провинціи, но и этого одного достаточно, чтобы убѣдить Васъ, до какой степени начала администраціи Людовика XIV находили свое наказаніе въ самихъ себѣ. Внѣшняя сторона правленія Людовика XIV, какъ мантіей прикрываетъ несостоятельность внутренней жизни Государства; я приподнялъ эту завѣсу, на сколько мнѣ то позволило время трехъ часовъ нашей бесѣды.

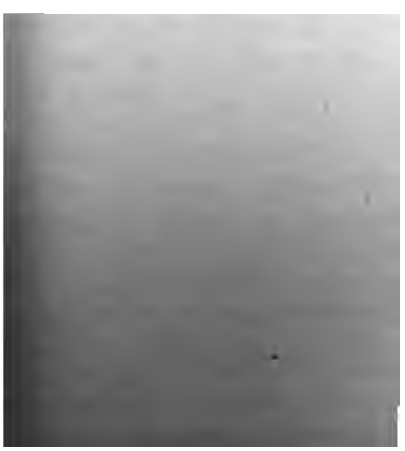
ять можетъ, М. Г., я не сказалъ ничего новаго, ничего, что не было бы извѣстно Вамъ; но и въ такомъ случаѣ я на- ь по крайней мѣрѣ, что мои воззрѣнія на значеніе провин- въ государственной жизни, которыя вытекаютъ изъ тоіі ины провинціальнаго быта во Франціи, будутъ ли эти воз- ія стары или новы, во всякомъ случаѣ близки къ истинѣ. инцію заклеймили Римляне самимъ названіемъ, которое въ водѣ съ латинскаго языка значитъ: побѣжденная страна. яне дорого заплатили за то, что ихъ управленіе провинція- оотвѣтствовала названію самаго предмета; римскіе пропрето- и проконсулы были безпримѣрными деспотами въ провин- ъ; при Лудовикѣ XIV французская провинція была не въ немъ состояніи; правда, Лудовикъ XIV не завоевывалъ сво- провинціи, какъ Римляне, но, по прекрасному замѣчанію Во- , опустошать можно не однимъ желѣзомъ и огнемъ. Адми- рація Лудовика XIV обратила государственную жизнь въ по- нную воіну; армія чиновниковъ стояла римскихъ легіоновъ. авилъ существованіе французскихъ провинціи съ состоя- ь воіны; но оно было еще хуже; воіна кончается миромъ, но а въ формѣ административной безконечна и безпощадна; только истощеніе силъ можетъ окончить такое печальное яніе общества. Мы въ настоящее время имѣемъ лучшіе ды на значеніе провинціи въ общей жизни государства; и въ наше время можетъ явиться необходимость завоевать инцію, то къ этому можетъ быть употреблено только одно ство—образованность и то, что обусловливаетъ успѣхи обра- нности, не тоіі образованности, которая ограничивается, вѣр- сказать, скользитъ по высшимъ слоямъ общества, но тоіі, рая имѣетъ глубокіе корни въ нѣдрахъ самаго общества.

М. Стасюлевичъ.

ОПЕЧАТКИ.

Въ статьѣ Г-на Пятковскаго «Матеріалы для біографіи Веневитинова» стр. 213—234 вкрались опечатки, изъ которыхъ важнѣйшія.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Читай:*
220	сверху 21	(М. Ѳ.)	(М. Г.)
232	снизу 10	воспроизводить	воспроизведенія.
234	снизу 14	потерю.	потерю,



ЮВЕНАЛЪ.

ДВѢ ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ

Н. М. Благовѣщенскаго.

ЮВЕНАЛЪ. *)

ЛЕКЦІЯ I.

Въ первый разъ еще, русскій профессоръ древней филологіи рѣ-
ется выступить съ публичною лекціею о своемъ предметѣ. Въ
вый разъ еще этотъ предметъ привлекаетъ въ аудиторію не обя-
ныхъ слушателей, а представителей образованнаго общества, не
ющихъ никакого офиціальнаго отношенія къ Университету. Мм.
, я долженъ начать мою лекцію съ откровеннаго признанія въ
ъ, что наша филологія едва ли заслужила такую честь. Мы
ыали все или почти все для того, чтобы поселить въ нашемъ
ествѣ недовѣріе къ древней филологіи и сомнѣніе въ ея пользѣ. До
ъ поръ мы обыкновенно шли въ этой наукѣ не дальше грамматики,
древнихъ писателей смотрѣли, какъ на средство изучить всѣ ея
ости, — да и тѣхъ не изучили. Я, разумѣется, нисколько не
ужаюсь противъ грамматики. Нѣтъ сомнѣнія, что она необхо-
е основаніе, безъ котораго невозможно строить зданія филологіи.
оворю только, что принять фундаментъ за зданіе — большая
ка, а скорбѣть о томъ, что никто не восхищается такимъ без-
зднымъ и только что начатымъ зданіемъ — большая наивность.

*) Лекціи о Ювеналѣ уже были помѣщены въ 19-мъ № «Русскаго Вѣстника» 3 г.), но съ пропусками, на которые авторъ, однако, не уполномочилъ редакцію ѣннаго журнала. Пользуясь выходомъ въ свѣтъ втораго выпуска «Сборника, изда-
ого студентами Императорскаго С. Петербургскаго Университета», авторъ счелъ не
ыми снова напечатать свой трудъ въ первоначальномъ его видѣ. *Прим. авт.*

Дѣло въ томъ, что живыя стороны древней филологіи до с
остаются почти совершенно чуждыми намъ. Удивляться
этого, что она находитъ у насъ такъ мало почитателей!

Но не только у насъ, по причинамъ, которыя очень
даже на западѣ Европы раздаются по временамъ голоса
классической филологіи,—и тамъ она уже не разъ была о
какимъ то вопіющимъ анахронизмомъ. Мы стремимся, говор
тивники этой науки, приложить всѣ наши знанія къ самой
таково направленіе нашего вѣка. Мы поняли, что наука не
для жизни и въ прямомъ, т. е. матеріальномъ, непосредс
приложеніи къ ней, и какъ лучшее основаніе, какъ тверд
нашей мысли. Мы поняли, что жизнь безъ науки жалка и п
да, кромѣ того, и опасна въ наше время, потому что лиш
сударство такого оружія, которымъ хорошо владѣетъ Европ

Этотъ современный взглядъ на науку вполнѣ разуменъ: о
щаетъ и для науки, и для общества много хорошаго. Но е
такъ, то невольно возникаетъ вопросъ: какое же значеніе и
наукъ имѣетъ въ наше время древняя филологія? Къ чем
изучать быть какого нибудь давно отжившаго народа, когда
имѣемъ достаточно времени, чтобы ознакомиться съ тѣмъ, чт
окружаетъ, что намъ близко?

По отношенію къ римской древности, такой взглядъ бы
односторонень даже и тогда, когда изъ этой науки мы не мо
извлечь ничего полезнаго для нашей современности. Неуже
достойна нашего вниманія, сама-по-себѣ, жизнь народа, ко
произвелъ столько великаго и изъ ничего достигъ такой
степени политическаго развитія и могущества?

Притомъ не должно забывать, что въ римской древности
чается исторія классическаго міра, на развалинахъ котораго
каетъ новая жизнь, а это самое придаетъ изученію его ин
чисто-практическій. Римъ передалъ новой Европѣ результаты
римской цивилизаціи и сдѣлался необходимымъ звѣномъ, к
связуетъ міръ живущій съ міромъ древнимъ, отжившимъ. На
обоихъ народовъ такъ называемой классической древности мы
ходимо должны смотрѣть, какъ на первое

ь европейскаго быта. Вотъ почему изученіе почти всѣхъ сторонъ
ни Грековъ и Римлянъ, напримѣръ, ихъ литературы, искусства,
тическихъ учрежденій и пр., необходимо для полнаго пониманія
ей современности.

Изученіе римской литературы особенно важно для насъ потому,
она оказала огромное вліяніе на развитіе европейскаго слова:
произвела въ Европѣ періодъ классицизма. Римскую сло-
юсть очень часто упрекаютъ въ томъ, что она съ самаго на-
а усвоила себѣ характеръ подражательный, и не создала по-
ни одной литературной отрасли. Для оправданія этой науки
подобныхъ упрекахъ, достаточно спросить: какую же новую
ысль выработали христіанскія литературы? Развѣ онѣ слѣдуютъ
тѣмъ же путемъ, которымъ шло римское слово? Развѣ почти всѣ
ысли новой литературы не тѣ же самыя, какія явились уже у
ковъ?

Но въ римской литературѣ встрѣчается намъ одна чисто націо-
ьная отрасль: — это сатира. «Сатира вся наша», самодовольно
ъ полнымъ правомъ говоритъ Квинтиліанъ.

Вотъ причина, которая заставила меня избрать римскую сатиру
, говоря точнѣе, одного изъ главныхъ представителей ея—Юве-
ла—темою для моихъ лекцій. Но эта причина не единственная.
теперь всѣ понимаемъ, что изученіе отрицательной стороны
ни какого бы то ни было народа такъ же поучительно, какъ и
жительной. Чувство ненависти ко всему безчестному и преступ-
му, выносимое человѣкомъ изъ подобнаго изученія, безъ сомнѣнія,
ствуетъ на душу его не менѣе благотворно, чѣмъ отрадное успо-
ніе на свѣтлыхъ эпохахъ и утѣшительныхъ фактахъ исторіи.

Недавно, въ этой самой аудиторіи, почтенный мой товарищъ *)
о и краснорѣчиво указалъ на мрачную сторону одного вѣка, ко-
ый до сихъ поръ еще многими считается блестящимъ — это вѣкъ
ювика XIV. Безъ сомнѣнія, этому взгляду суждено со временемъ
наться историческою аксіомою, но несомнѣнно и то, что упомянутая
ка богата, по крайней мѣрѣ, наружнымъ, внѣшнимъ блескомъ.

*) М. М. Стасюлевичъ.

Вѣкъ, въ который я долженъ ввести васъ, Мм. Гг., лишенъ даже этого мишурнаго ореола. Это, можетъ быть, самое мрачное, самое ужасное время, какое пережилъ міръ, съ тѣхъ поръ какъ онъ существуетъ, — это вѣкъ Домиціана.

Въ исторіи человѣчества не рѣдко встрѣчаются такъ-называемыя мрачныя эпохи, когда правдѣ нѣтъ мѣста, когда честный и живой человѣкъ считается чуть не преступникомъ или, по крайней мѣрѣ, человѣкомъ безпокойнымъ и положительно вреднымъ для общественнаго порядка.

Такія эпохи чаще всего являются на двухъ предѣлахъ исторической жизни народовъ, передъ наступленіемъ эпохи процвѣтанія и послѣ нея.

Въ первомъ случаѣ, этотъ нравственный застой, озлобляющійся противъ жизни и правды, имѣетъ опору себѣ въ гражданской и умственной незрѣлости народа; а она, особенно при неблагопріятныхъ условіяхъ для народнаго развитія, продолжается иногда цѣлыя столѣтія.

Положеніе людей, зрѣлыхъ умственно и нравственно, бываетъ въ такія времена очень печально. На свои благородныя стремленія они находятъ мало отзыва въ обществѣ; преслѣдуемые то презрѣніемъ, то подозрѣніями, они безплодно тратятъ свои силы въ борьбѣ съ невѣжествомъ и равнодушіемъ къ общественнымъ интересамъ. Но печальная дума этихъ людей умѣряется, по крайней мѣрѣ, при мысли, что они живутъ въ переходную эпоху, что въ ихъ народѣ достаточно умственныхъ и нравственныхъ, хотя и скрытыхъ до времени, силъ, необходимыхъ для того, чтобы наконецъ достигнуть зрѣлости и лучшаго быта.

Всегда и вездѣ, особенно въ такое переходное время, передовые люди не рѣдко обращались къ литературѣ, и въ ней начинали раздаваться живые голоса, проникнутые пламенною любовью къ правдѣ и благу, неподкупнымъ доброжелательствомъ къ родной странѣ. Эту любовь, по выраженію поэта, писатель не рѣдко проповѣдуетъ «холоднымъ словомъ отрицанья». Это —

Та любовь, что добрыхъ прославляетъ,
Что клеймитъ злодѣя и глупца...

Не только любопытно, но и поучительно прислушиваться къ этимъ честнымъ голосамъ: они часто служатъ выраженіемъ народнаго гласа, а «гласъ народа — гласъ Божій».

Во всякомъ случаѣ, однако, безусловный пессимизмъ въ такое переходное время, представляющее историческій выходъ къ лучшему, — явленіе ненормальное, болѣзненное.

Дѣйствительно, гораздо печальнѣе и мрачнѣе эпохи нравственнаго застоя, которыя являются на другомъ, противоположномъ концѣ жизни народа, и заканчиваютъ собой его исторію. Тогда отъ великой поры прошедшаго остаются только одни воспоминанія, настоящее невыносимо тяжело, и нѣтъ уже никакого исхода къ лучшему будущему. Незавидна участь людей съ умомъ возвышеннымъ и благороднымъ, которымъ суждено жить въ такое безотрадное время. Они глубоко чувствуютъ весь ужасъ и всю безвыходность положенія того общества, къ которому сами принадлежатъ, и это дѣлаетъ личность ихъ вполнѣ трагическою. Литература и въ этомъ случаѣ представляетъ для благороднаго человѣка лучшую, хотя и не очень удобную сферу дѣятельности, и вотъ почему, иногда, въ мрачную историческую эпоху, одиноко свѣтитъ имя писателя, не имѣющаго ничего общаго съ окружающимъ его міромъ.

Въ такое безотрадное время суждено было жить Ювеналу. То была самая мрачная пора эпохи римскихъ цезарей. Въ исторіи нѣтъ другаго примѣра такого страшнаго нравственнаго паденія цѣлой націи, пережившей одну изъ самыхъ блестящихъ эпохъ человѣческаго величія. Безконечный рядъ казней, среди безконечныхъ оргій; легіоны рабовъ и ссыльныхъ, — центуріоновъ, готовыхъ всякому продать римскую корону, — доносчиковъ и шпіоновъ, которые тучнѣли на счетъ своихъ жертвъ: вотъ что увидѣлъ поэтъ въ тѣ годы своей жизни, когда западаютъ въ душу человѣка первыя впечатлѣнія.

Къ сожалѣнію, намъ почти неизвѣстна жизнь Ювенала. У древнихъ авторовъ мы напрасно будемъ искать полной и вѣрной характеристики этого писателя: Тогда еще не понимали значенія исторіи литературы. Римскіе филологи, или такъ называемые грамматики, не обращали почти никакого вниманія на личность авторовъ и, при изученіи ихъ, большею частію исключительно останавливались на

этимологіи разныхъ словъ, ими случайно употребленныхъ. Грамматики не старались собрать преданія о жизни своихъ литературныхъ знаменитостей, или дѣлали это безъ всякой критики, и не умѣли возвыситься отъ простаго слова или факта до идеи. Впрочемъ, не будемъ обвинять ихъ за это слишкомъ строго, тѣмъ болѣе, что подобные филологи и теперь еще не перевелись на свѣтѣ.

Мы имѣемъ древнюю біографію Ювенала, которая наполнена цѣлымъ рядомъ отрывочныхъ, перепутанныхъ и невѣрныхъ замѣтокъ, такъ что очень трудно отыскать въ нихъ историческую правду *). За то нравственная личность Ювенала очень ярко отражается въ его сатирахъ; онъ вполнѣ оправдываетъ собою слова Лессинга, что жизнь поэта — его творенія.

Ювеналъ родился при императорѣ Клавдіи (въ 42 г. по Р. Х.), въ небольшомъ городѣ Кампаніи, Аквинумѣ (Aquinum), и былъ сынъ или пріемышъ (incertum — filius, an alumnus) богатаго отпущенника. Отъ него, вѣроятно, поэтъ получилъ въ наслѣдство, въ окрестностяхъ Тиволи, помѣстье, о которомъ онъ упоминаетъ въ своей XI сатирѣ. Ювеналъ (прибавляетъ древній его біографъ) очень долго, до половины своей жизни, упражнялся въ декламаціи, и она, какъ мы увидимъ, не мало повредила его литературнымъ трудамъ.

Декламаціи составляли, особенно въ періодъ имперіи, главный предметъ въ римскомъ воспитаніи. Наставникъ, или риторъ, обыкновенно предлагалъ своимъ ученикамъ тему для сочиненія. Эти школьныя темы большею частію отличались очень страннымъ характеромъ и не имѣли ничего общаго съ окружающимъ міромъ: задавали, напримѣръ, написать рѣчь мага или жреца во время моровой язвы,

*) Въ старинныхъ манускриптахъ, въ которыхъ дошли до нашего времени сатиры Ювенала, сохранились отрывки изъ нѣсколькихъ его біографій. Главная изъ нихъ, обыкновенно печатаемая въ изданіяхъ сатиръ Ювенала, приписывается то грамматику Пробу, то Светонію (изъ его сочиненія de Poëtis), но безъ достаточнаго основанія. Нѣтъ сомнѣнія, что эта біографія написана въ древности, но несомнѣнно и то, что она дошла до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ, а въ позднѣйшемъ и очень неудачномъ извлеченіи. Кромѣ того, у Свиды и въ древнихъ схоліяхъ къ Ювеналу можно найдти нѣсколько скудныхъ извѣстій о его жизни, но авторитетъ ихъ очень шатокъ. Попытки составить изъ всѣхъ этихъ отрывочныхъ замѣтокъ полную біографію Ювенала не привели да и не могутъ привести къ удовлетворительному результату.

ѣчь пирата къ матросамъ захваченнаго имъ корабля, и т. д. Такую эту молодой человѣкъ долженъ былъ изложить самымъ цвѣтистымъ слогомъ, со всѣми возможными и даже невозможными риторическими украшеніями. Такимъ образомъ Римлянинъ съ самаго ранняго возраста привыкалъ къ напыщенной, неестественной рѣчи, и вотъ одна изъ главныхъ причинъ того непріятнаго риторства, которымъ проникнуты произведенія даже лучшихъ римскихъ авторовъ этой эпохи.

Ювеналъ перешелъ отъ безжизненныхъ декламацій къ живой сатирѣ въ то время, когда другіе нерѣдко кончаютъ свою литературную дѣятельность. Онъ уже пережилъ въ эту пору нѣсколько царствованій, — пережилъ Клавдія, Нерона, видѣлъ кровавую усобицу и власть между Гальбою, Отономъ и Вителліемъ. Наконецъ, Римъ вздохнулъ нѣсколько въ правленіе первыхъ Флавіевъ, Веспасіана и Тита, но какъ бы для того, чтобы еще болѣе почувствовать весь ужасъ деспотизма, когда на римскомъ тронѣ явился Домиціанъ.

Это одна изъ самыхъ чудовищныхъ личностей, даже между римскими цезарями. Это былъ человѣкъ очень властолюбивый, тщеславный, свирѣпый, но скрытный, умѣвшій до времени затаивать свою злобу, и въ то же время очень трусливый. Вообще, онъ много напоминаетъ собою Тиберія: не даромъ мемуары его составляли любимое чтеніе Домиціана. Подобно Тиберію и Нерону, онъ не разомъ обнаружилъ свою жестокость. Всѣ эти цезари сначала какъ будто приглядывались къ тому, что ихъ окружало, и потому первые годы ихъ правленія миновали тихо, мирно и даже не безславно. Но не проходило двухъ-трехъ лѣтъ, и они начинали свирѣпствовать. Въ этомъ актѣ кроется, конечно, историческая причина. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти люди, свирѣпые уже по природѣ, испорченные лестью и воспитаніемъ, очень скоро убѣждались въ томъ, что ихъ народъ — вѣчная толпа рабовъ, готовая терпѣливо и равнодушно сносить самый необузданный произволъ.

Я нахожу глубоко вѣрнымъ слѣдующее, впрочемъ, очень обыкновенное замѣчаніе Гиббона о римской монархіи. Правительственная власть, говоритъ знаменитый англійскій историкъ, съ тѣми элементами, которые вошли въ составъ римскаго принципата, можетъ принять колосальные, ужасающіе размѣры, если въ самомъ обществѣ

не будетъ достаточно нравственныхъ средствъ для ея ограниченія. Вотъ почему эпохи страшнаго деспотизма въ то же время эпохи глубокаго нравственнаго паденія цѣлой націи. Клавдій, Неронъ и Домиціанъ, которые ожесточили душу Ювенала, переполнили ее сатирой и злобой, были прямыхъ, самыхъ логическихъ и необходимыхъ результатомъ своего вѣка. Иначе прокураторы, то-есть губернаторы римскихъ провинцій, передавая приказанія Домиціана, не могли бы начинать свои циркуляры словами: «богъ и властелинъ нашъ повелѣваетъ такъ.» Домиціанъ, какъ извѣстно, не дождался своей посмертной апоѳеозы; онъ еще при жизни торжественно объявилъ себя богомъ, а сенатъ и народъ раболѣпно преклонились передъ этимъ новымъ для человѣка титуломъ.

Римскій богъ началъ свою политическую карьеру съ того, что привлекъ на свою сторону чернь и войско. Онъ очень легко достигъ этого тѣмъ, что забавлялъ народъ великолѣпными зрѣлищами (въ циркѣ и въ амфитеатрѣ) и даровою раздачей хлѣба, а войску увеличилъ жалованье. Такова обыкновенная политика римскихъ цезарей.

Затѣмъ послѣдовали безпрерывныя казни. Между прочимъ, богатство не рѣдко было въ это время единственною винною человѣка. Богатые люди часто были обвиняемы въ оскорбленіи величества или въ какомъ-нибудь другомъ, небываломъ преступленіи, и выводились на казнь только для того, чтобы деньгами ихъ покрылись расходы на увеселенія народа. Значительная часть конфискованнаго имущества отдавалась обыкновенно доносчикамъ, и это было лучшее средство поощрить ихъ дѣятельность и усердіе.

Особенно въ послѣдніе годы своего пятнадцатилѣтняго царствованія, Домиціанъ свирѣпствовалъ съ такою оскорбительною для человѣчества жестокостію, что и теперь нельзя безъ отвращенія и ужаса читать страшную повѣсть его правленія. Нѣсколько слабыхъ попытокъ освободить Римъ отъ этого тирана только безплодно увеличили число жертвъ и казней. Тяжелое было время!

Въ эту-то пору Ювеналъ началъ писать сатиры. Ему было за сорокъ лѣтъ, и уже изъ этого видно, что его произведенія не служили выраженіемъ минутнаго юношескаго порыва: это было негодованіе вполнѣ зрѣлаго человѣка, невольное проявленіе гнѣва, который накипѣлъ въ душѣ поэта въ долгіе годы отчаянія.

Время Домиціана было, конечно, не литературное. Въ этотъ страшный вѣкъ и могли только безопасно писать такіе поэты, какъ Марціалъ и Стацій, которые не стыдились называть Домиціана великимъ человѣкомъ и обращаться къ нему въ своихъ произведеніяхъ съ самою грубою лестью. Казалось бы, что если не нравственное чувство, то простой литературный тактъ могъ удержать отъ подобной низости такого остроумнаго и первокласснаго писателя, какъ Марціалъ, но не такъ было.

И вотъ, среди этой услужливой литературы, неожиданно раздался благородный и гнѣвный голосъ Ювенала. Раздался, впрочемъ, этотъ голосъ сначала не всенародно, для немногихъ. Сатирикъ, не подвергая себя крайней опасности, разумѣется, не могъ открыто выступить съ своимъ бичующимъ протестомъ въ такое время, когда безчестныя дѣла вели къ почестямъ, а задушевное, патріотическое слово считалось преступленіемъ. Припомнимъ здѣсь смерть благородныхъ историковъ: Арулена Рустика и Геренніа Сенеціона, которыхъ Домиціанъ велѣлъ казнить подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ. Въ то же время Эпиктетъ и другіе философы были изгнаны изъ Рима, какъ люди, опасные для общественнаго порядка и спокойствія... Такъ иногда на офиціальномъ языкѣ называется душный и смрадный застой.

Ювеналъ могъ сначала, и то тайкомъ, читать свои сатиры только друзьямъ. Эта осторожность, однако, не помогла. Шпіоны, которые при Домиціанѣ составляли весьма значительную часть римскаго народонаселенія, донесли, кому слѣдуетъ, что явился новый писатель, съ убѣжденіями, несогласными съ видами правительства, что онъ пишетъ сатиры и въ одной изъ нихъ неуважительно отозвался даже о Парисѣ. Парисъ этотъ — личность весьма замѣчательная: это одинъ изъ самыхъ типическихъ клевретовъ Домиціана, отъ которыхъ зависѣла участь почти цѣлаго міра; въ сущности же это былъ пантомимъ, то-есть балетный танцоръ, большой любимецъ римской публики и, вмѣстѣ съ тѣмъ, временщикъ. Онъ пользовался неограниченнымъ вліяніемъ при дворѣ *).

*) При Неронѣ также жилъ въ Римѣ пантомимъ Парисъ и былъ въ большой силѣ, но Ювеналъ, очевидно, не его имѣлъ въ виду въ VII сатирѣ. Поэтъ былъ въ это время

Въ одной изъ своихъ сатиръ, именно въ седьмой (ст. 82 и слѣд.), Ювеналъ выставилъ, конечно, очень извѣстный въ Римѣ фактъ, что, при содѣйствіи Париса, легче всего получить почетное и доходное мѣсто. Обращаясь затѣмъ къ современнымъ писателямъ, поэтъ говоритъ, что напрасно они толпятся въ прихожихъ знати, и совѣтуетъ имъ испытать счастья въ прихожей Париса.

Ювеналъ, какъ мы увидимъ, дорого поплатился за свою остроту, но надобно замѣтить, что и танцоръ-вельможа, котораго онъ задѣлъ, вскорѣ кончилъ свою блистательную карьеру очень трагически. Отъ Париса, между прочимъ, были безъ ума римскія дамы, и въ числѣ его почитательницъ самое видное мѣсто занимала супруга цезаря, Домиція. Она, должно-быть, уже слишкомъ далеко простерла свою любовь къ пантомимному искусству, потому что Домиціанъ удалилъ ее отъ двора, а Париса, въ припадкѣ ревности, закололъ на улицѣ кинжаломъ. Цезарь велѣлъ казнить даже тѣхъ, которые усыпали цвѣтами то мѣсто, гдѣ погибъ любимый актеръ.

Впрочемъ, эта катастрофа случилась уже позже, а въ то время какъ Ювеналъ вывелъ въ своей сатирѣ Париса, онъ былъ еще въ полной силѣ, и потому не удивительно, что поэтъ пострадалъ за свое обличительное слово: онъ былъ сосланъ въ Египетъ *).

еще очень молодъ, и если писалъ, то исключительно школьныя декламаціи. Здѣсь необходимо разумѣть Париса Домиціанова вѣка. Подробнѣе объ этихъ Парисахъ говорится въ *Прогулкахъ*, т. IV, въ моей статьѣ *Римскія пантомимы*. Замѣтимъ еще, что мѣсто о Парисѣ, принадлежавшее первоначально одному изъ ранніхъ произведеній Ювенала, уже позже внесено имъ въ VII сатиру, которая, какъ видно изъ перваго стиха, появилась при Траянѣ. Мы держимся того мнѣнія, что именно этого императора нужно разумѣть здѣсь подъ словомъ Caesar.

*) Заподозрѣнный нѣкоторыми учеными фактъ о ссылкѣ Ювенала въ Египетъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, и вполнѣ подтверждается пятнадцатой сатирой, гдѣ поэтъ говоритъ объ этой странѣ, какъ очевидецъ. Но въ древней біографіи Ювенала прибавлено еще, что онъ былъ посланъ туда восьмидесятилѣтнимъ старикомъ, и при томъ съ званіемъ префекта когорты. Такое показаніе съ перваго раза поражаетъ своею нелѣпостію и странностію. Очевидно, оно произведеніе фантазіи досужаго грамматика, который перемѣшалъ годъ смерти Ювенала съ годомъ его ссылки. Притомъ, кому же могло придти на умъ сдѣлать префектомъ когорты восьмидесятилѣтняго старика? Трудно даже предположить, что Ювеналъ когда-нибудь служилъ въ войскѣ, если обратить вниманіе на XVI его сатиру. Наконецъ, если вѣрить на слово грамматику, то нужно принять, что Ювеналъ былъ сосланъ при Адріанѣ, но такой выводъ совершенно противорѣчитъ дру-

Наконецъ и самъ Домиціанъ сошелъ со сцены: онъ погибъ при одной изъ тѣхъ придворныхъ революцій, которыя были такъ обыкновенны въ Римской имперіи. Нѣсколько клевретовъ Домиціана задушили его въ самомъ дворцѣ. Въ этомъ заговорѣ участвовала Домиція и начальникъ преторіанской гвардіи Петроній Секундъ.

Римъ снова ожилъ, и въ этотъ разъ на довольно долгое время. Между прочимъ, свободно вздохнули и римскіе писатели.

Очень любопытно слѣдить за разными проявленіями того восторга, съ которымъ литература привѣтствовала въ эту пору новую эпоху. Это, конечно, была лучшая эпоха въ исторіи римскаго принципата: она началась Нервою, который вскорѣ взялъ себѣ въ соправители Траяна, и кончилась Маркомъ Авреліемъ.

Этотъ восторгъ не могъ подавить въ Тацитѣ, современникѣ Ювенала, мрачнаго чувства, при воспоминаніи о прежнемъ тяжеломъ времени. Вотъ что писалъ Тацитъ вслѣдъ за смертью Домиціана:

«Да, мы поистинѣ представили собою большое доказательство терпѣнія, и какъ прежній вѣкъ видѣлъ крайній предѣлъ свободы, такъ мы видѣли крайній предѣлъ рабства, — когда розыски отняли

гимъ показаніямъ, которыя мы находимъ въ древней біографіи римскаго сатирика. Такъ, напримѣръ, біографъ прямо называетъ пантомима Париса виновникомъ ссылки Ювенала, а такого пантомима при Адріанѣ не было. Затѣмъ грамматикъ говоритъ, что Ювеналъ занимался декламаціями почти до половины своей жизни (ad mediam fere aetatem), слѣдовательно — до сорокалѣтняго возраста, когда онъ началъ писать сатиры, а сорокъ лѣтъ поэту исполнилось въ началѣ царствованія Домиціана. Не смотря на явное противорѣчіе и запутанность показаній древняго грамматика, они до сихъ поръ еще повторяются учеными, и при томъ не только Низаромъ и Борбергомъ, но Гейнрихомъ, Франке и др. Нѣтъ сомнѣнія, какъ это утверждалъ уже Юстъ Липсій, что Ювеналъ былъ сосланъ въ Египетъ Домиціаномъ. Къ этому же времени должно отнести первыя шесть сатиръ Ювенала, за исключеніемъ четвертой. Начало VII сатиры явно указываетъ на оживленность, которую римская литература получила при Траянѣ. Это мнѣніе уже принято нѣкоторыми учеными, напримѣръ Веберомъ, и мы увѣрены, что со временемъ оно сдѣлается преобладающимъ въ наукѣ. Прибавимъ еще одно замѣчаніе. Говоря о заслугахъ Римлянъ въ сатирѣ, Квинтиліанъ (Inst. Or. X, 1 § 93), очевидно, намекаетъ на Ювенала въ слѣдующихъ словахъ: «и теперь есть у насъ знаменитые (въ этомъ родѣ) писатели, имена которыхъ будутъ раздаваться и въ потомствѣ». Изъ этихъ уклончивыхъ словъ ясно видно, что Ювеналъ не пользовался расположеніемъ Домиціана, къ которому Квинтиліанъ былъ близокъ, какъ воспитатель его племянника. Иначе, что же могло заставить римскаго критика умолчать о Ювеналѣ?

у насъ возможность даже говорить и слушать. Мы утратили бы, вмѣстѣ съ словомъ, самую память, если бы забвеніе на столько же было въ нашей власти, на сколько — молчаніе.

«Но теперь, продолжаетъ благородный историкъ, бодрость снова къ намъ возвращается. При самомъ зарожденіи новаго, благодатнаго вѣка, Нерва умѣлъ соединить то, что прежде казалось несоединимымъ — императорскую власть и свободу, а Траянъ съ каждымъ днемъ увеличиваетъ благоденствіе государства. Общественное благосостояніе основано теперь не на однихъ только надеждахъ и желаніяхъ, но на твердой увѣренности въ томъ, что эти желанія исполнятся. Однако, по свойству слабости человѣческой, лѣкарство дѣйствуетъ медленнѣе, чѣмъ злая немочь, и какъ тѣло укрѣпляется не скоро, а разрушается быстро, такъ точно гораздо легче подавить таланты и науку, чѣмъ воззвать ихъ къ жизни [1])...»

Ювеналъ также ободрился. Онъ, по прежнему, съ тяжелымъ чувствомъ презрѣнія смотритъ на римское общество, но съ довѣріемъ обращается къ новому правительству. «Вся надежда и опора литературы, говоритъ онъ [2]), теперь въ одномъ только цезарѣ. Онъ одинъ въ это трудное время обратилъ вниманіе на печальныхъ Каменъ, послѣ того какъ прославленные и всѣмъ извѣстные нами поэты стали брать на откупъ — кто баню въ Габіяхъ, а кто пекарню въ самомъ Римѣ, и голодная муза, покинувъ долины Аганиппы, переселилась въ прихожія богачей.» Отрадно было поэту обратиться къ молодому поколѣнію съ такими словами [3]): «трудитесь, юноши, на васъ устремлены взоры благодушнаго императора; онъ поощряетъ васъ къ дѣятельности и только ищетъ повода благотворить вамъ.»

Надежды Ювенала на новое правительство оправдались только отчасти. Траянъ былъ, конечно, однимъ изъ лучшихъ цезарей, и вполнѣ заслужилъ титулъ «Optimus», которымъ почтили его Римляне, но онъ почти все время своего царствованія провелъ въ войнахъ, и постоянно стремился къ увеличенію и безъ того необъятнаго

---

1) Agricola, конецъ II и начало III главы.

2) Въ началѣ VII сатиры.

3) Ibid. ст. 20.

Римскаго государства. Нельзя отрицать, что онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ отличный администраторъ, заботился о воспитаніи своихъ подданныхъ, увеличилъ число школъ въ Римѣ, учредилъ новую общественную библіотеку, но царствованіе его не вызвало къ дѣятельности ни одного замѣчательнаго писателя, потому что Тацитъ, Ювеналъ, Марціалъ и Квинтиліанъ созрѣли для литературы еще въ предшествующую эпоху. За то прежніе дѣятели могли теперь открыто выступить съ тѣми самыми произведеніями, за которыя имъ еще такъ недавно грозила тюрьма, казнь и ссылка.

Вмѣстѣ съ свободой рѣчи исчезла, какъ это обыкновенно бываетъ, тайная литература, которая, составляя запретный плодъ, уже тѣмъ самымъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе общества въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ литература привилегированная, но въ то же время стѣсненная до самыхъ узкихъ размѣровъ, не допускающихъ ни свѣтлой мысли, ни живаго слова. Ювеналу, который между тѣмъ былъ возвращенъ изъ ссылки, также открылась теперь возможность издать въ свѣтъ свои сатиры. Во всю свою остальную жизнь, которая, по всей вѣроятности, прошла очень спокойно *), онъ не переставалъ трудиться для литературы и, какъ это легко доказать, постоянно просматривалъ прежнія свои произведенія, многое въ нихъ измѣнялъ и дополнялъ. Онъ даже не успѣлъ кончить свой заключительный литературный трудъ: послѣдняя, шестнадцатая сатира Ювенала набросана имъ въ видѣ эскиза, который, безъ сомнѣнія, современемъ долженъ былъ получить болѣе изящную и правильную форму.

Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что послѣднія произведенія Ювенала, начиная съ двѣнадцатой сатиры, носятъ на себѣ слѣды утомленія и какой-то вялости. Видно, что въ поэтѣ исчезла его прежняя энергія и впечатлительность. Многословіе этихъ сатиръ обличаетъ въ авторѣ человѣка преклонныхъ лѣтъ; съ другой стороны, не только спокойный и умѣренный, но и вялый тонъ этихъ сатиръ объясняется тѣмъ, что онѣ писаны въ такое время, когда душа поэта

*) Мы уже замѣтили, что Ювеналъ умеръ восьмидесятилѣтнимъ старикомъ. Это было въ 121 или 122 г. по Р. Х.

уже не раздражалась постоянными оргіями цезарской власти. Нѣтъ сомнѣнія, что лучшими своими произведеніями, то-есть начальными сатирами, Ювеналъ обязанъ Доминціану: онѣ сложились подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ его деспотизма и отличаются необыкновенною силой.

Первая сатира, безспорно, одно изъ лучшихъ, изъ самыхъ выдержанныхъ, искреннихъ и глубоко прочувствованныхъ произведеній Ювенала. Онъ рисуетъ здѣсь общую картину римскихъ нравовъ, и въ то же время объясняетъ, что заставило его сдѣлаться сатирикомъ. Мы воспользуемся этою сатирой, чтобы ближе узнать Ювенала, какъ человѣка и писателя.

Поэтъ начинаетъ ее насмѣшкой надъ однимъ обычаемъ, который задолго до него вошелъ въ моду: это публичныя чтенія. Въ древнемъ мірѣ этотъ обычай имѣлъ больше значенія, чѣмъ въ наше время, потому что тогда, при отсутствіи книгопечатанія, авторамъ мало представлялось другихъ средствъ познакомить публику съ своими произведеніями. Правда, что уже въ періодъ Цицерона существовали въ Римѣ книгопродавцы-издатели. Они держали цѣлыя толпы переписчиковъ и выставляли въ своихъ лавкахъ, во множествѣ экземпляровъ, сочиненія любимыхъ авторовъ. Въ вѣкъ Августа особенною дѣятельностію отличались книгопродавцы братья Созіи. Но, во всякомъ случаѣ, знакомство съ новою книгой было въ это время дѣломъ не очень легкимъ. Вотъ почему публичныя чтенія быстро распространились въ Римѣ съ самаго начала періода имперіи. Вскорѣ, однако, это полезное учрежденіе получило въ Римѣ безобразный характеръ. Публичныя чтенія, уже во время Горація, рѣдко представляли образованному человѣку случай провести время пріятно и съ пользой. При отсутствіи публичныхъ интересовъ, литературныя бесѣды сдѣлались поприщемъ для самолюбія и тщеславія. Каждый бездарный поэтъ, написавъ какое-нибудь тощее произведеніе, спѣшилъ пригласить своихъ друзей, родныхъ и кліентовъ на литературную бесѣду, и онѣ, наконецъ, такъ размножились, что иногда въ продолженіе цѣлаго мѣсяца безъ нихъ не проходило ни одного дня.

Не удивительно, что въ вѣкъ Ювенала литературные вечера окончательно всѣмъ наскучили. Къ тому же, это время, какъ мы уже замѣтили, особенно отличалось, за весьма немногими исключеніями, отсутствіемъ оригинальности и творчества въ литературѣ. Поэты или брали содержаніе для своихъ произведеній почти исключительно изъ Гомера и греческихъ трагиковъ, а это были сюжеты, давно знакомые римской публикѣ, или, какъ Папиній Стацій, старались блистать легкими и пустыми импровизаціями. Для того чтобы привлечь слушателей въ аудиторію, употреблялись всѣ возможныя средства. Если читалъ богатый человѣкъ, то зала наполнялась его друзьями, и въ особенности должниками и кліентами. Послѣдними нерѣдко платили за это деньгами или натурой. Кромѣ того, есть поводъ думать, что въ Римѣ существовалъ многочисленный классъ особаго рода промышленниковъ, которые, за извѣстную плату, всякому предлагали свои услуги и, вмѣстѣ съ кліентами читающаго, производили въ залѣ страшный шумъ, безпрестанно прерывая чтеца громкими одобрительными восклицаніями и хлопаньемъ. Зато съ писателями, которые не отличались ни богатствомъ, ни знатностію, римская публика не очень церемонилась. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, Плиній-Младшій горько жалуется на то, что многіе изъ приглашенныхъ на публичное чтеніе остаются за дверями залы и проводятъ время въ пустыхъ разговорахъ. При этомъ, говоритъ Плиній, они справляются по временамъ, вошелъ ли читающій въ залу, окончилъ ли вступленіе, и лишь когда узнаютъ, что большая часть рукописи прочитана, тогда только, и то медленно и какъ бы нехотя, входятъ въ залу. Но и тутъ они не въ состояніи высидѣть до конца и начинаютъ расходиться, одни украдкой, незамѣтно, другіе открыто и не стѣсняясь приличіями. Такъ ли, прибавляетъ Плиній, бывало въ прежніе годы *)?

Ювеналъ также, по свидѣтельству его біографа, раза два или три, и притомъ съ большимъ успѣхомъ являлся передъ римскою публикой съ своими сатирами, но вообще онъ, какъ видно, не очень жаловалъ эти чтенія.

---

*) См. *Пропилеи*, т. V, стр. 125.

«Неужели, такъ начинаетъ поэтъ свою сатиру [1]), и навсегда останусь только слушателемъ? Неужели я никогда не отплачу, я, котораго такъ часто терзала безконечная *Оезеида* съ своимъ охрипшимъ авторомъ, Кодромъ? Неужели совершенно безнаказанно одинъ будетъ читать мнѣ свои національныя комедіи, а другой — элегіи? безнаказанно отнимутъ у меня цѣлый день огромный *Телефъ* или *Орестъ*, который исписанъ и на поляхъ, и на оборотѣ свертка, и все еще не конченъ [2])?

«Никому не знакомъ такъ хорошо свой собственный домъ, какъ мнѣ эти общія мѣста, которыми наполнены произведенія нашихъ поэтовъ, эти рощи Марса и пещеры Вулкана, что въ сосѣдствѣ съ Эоловыми скалами [3]). Какъ воютъ вѣтры, какія тѣни мучатъ въ подземномъ царствѣ Эакъ, откуда Язонъ привезъ похищенное имъ золотое руно, сколько ясеней мечетъ кентавръ Монихъ, вотъ чѣмъ постоянно оглашаются обсаженныя платанами залы Фронтона [4]), гдѣ мраморныя стѣны растрескались, а колонны полопались отъ безпрестанныхъ чтеній. И этого жди отъ лучшаго, и отъ самаго ничтожнаго поэта!

«Но вѣдь и я когда-то отдергивалъ руку изъ-подъ ферулы (линейки), и я когда-то писалъ школьныя декламаціи, въ которыхъ совѣтовалъ Суллѣ, сложивъ съ себя диктаторство, сдѣлаться частнымъ человѣкомъ и спать себѣ спокойно. Глупо скромничать и беречь бумагу, обреченную и безъ того на погибель, когда вездѣ, на каждомъ шагу, встрѣчаешь въ Римѣ столько поэтовъ!

---

1) Необходимость обойдтись по возможности безъ длиннаго комментарія требовала ввести нѣкоторыя объяснительныя слова въ самый текстъ моего перевода. Впрочемъ, я старался передать латинскій подлинникъ съ возможною точностію, и собственныя мои вставки, которыхъ очень немного, надѣюсь, нисколько не измѣнятъ его колорита.

2) Подъ *Оезеидой* разумѣется здѣсь огромная поэма, при чтеніи которой авторъ ея, плохой поэтъ Кодръ, охрипъ. Имя Кодра, вѣроятно, вымышленное. *Телефъ* и *Орестъ* — заглавія трагедій, отъ которыхъ, безъ сомнѣнія, Ювеналу пришлось много страдать на публичныхъ чтеніяхъ.

3) Подъ Эоловыми скалами нужно разумѣть здѣсь Липарскіе острова, а подъ пещерой Вулкана — Гіеру, одинъ изъ острововъ этой группы. Теперь онъ называется Волькано.

4) Фронтонъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ меценатовъ своего вѣка, благосклонно предлагавшій поэтамъ свою залу для публичныхъ чтеній.

«Отчего же, однако, мнѣ вздумалось ратовать на томъ полѣ, да направилъ сводхъ коней отецъ римской сатиры Луцилій, вели-й питомецъ Аврунки [1])? Если у васъ есть время, и вы готовы благосклонно выслушать мои доводы, то я вамъ изложу ихъ.

«Когда (все дѣлается противъ природы) безсильный кастратъ енится, а Мевія, римская матрона, всенародно выходитъ, съ обна-енною грудью, на арену амфитеатра, держитъ въ рукѣ охотничье опье и вонзаетъ его въ этрусскаго вепря; когда тотъ самый чело-вѣкъ, подъ бритвой котораго, какъ я былъ еще юношей, скрыпѣла оя жесткая борода, какъ бы вызываетъ своими богатствами на юръ съ собой всѣхъ нашихъ патриціевъ; когда Криспинъ [2]), ча-тица нильской черни, рабъ изъ Канопа, поправляетъ плечомъ съ-кавшій плащъ изъ тирскаго пурпура и выставляетъ на показъ свои отные пальцы, обремененные драгоцѣнными лѣтними перстнями [3]),— огда я вижу все это, то трудно не писать сатиру.

«Кто же на столько терпѣливъ въ этомъ безчестномъ городѣ, го на столько желѣзный человѣкъ, чтобы совладать съ собой, когда овстрѣчается ему новая, пышная лектика [4]), переполненная подъя-имъ Маѳономъ [5])? А вотъ и шпіонъ. Онъ сдѣлалъ доносъ на свое-го сильнаго друга, и вскорѣ отниметъ послѣднее, что еще осталось нашей обглоданной знати [6]).

---

1) Аврунка, то-есть Суесса-Аврунка, небольшой городъ Кампаніи, откуда былъ одомъ Луцилій, предшественникъ, въ сатирѣ, Горація, Персія и Ювенала.

2) Криспинъ, любимецъ Домиціана, былъ привезенъ рабомъ изъ Египта. Въ Римѣ нъ сдѣлался въ послѣдствіи доносчикомъ, всадникомъ и сенаторомъ. Такимъ онъ является Ювенала въ IV сатирѣ, ст. 108.

3) Въ подлинникѣ сказано, что Криспинъ «играетъ лѣтними перстнями на потныхъ альцахъ и не можетъ выносить тяжести другихъ своихъ, еще болѣе огромныхъ, колецъ ъ драгоцѣнными камнями». Этими словами Ювеналъ обозначаетъ роскошь и, вмѣстѣ ъ тѣмъ, изнѣженность Криспина. Кромѣ лѣтнихъ перстней, у него, какъ видно, были ще зимніе, тяжести которыхъ онъ не могъ вынести лѣтомъ. Но и лѣтніе перстни Крис-ина, то-есть вставленные въ нихъ драгоцѣнные камни, были такъ тяжелы, что отъ ихъ потѣли его руки.

4) То-есть носилки, обыкновенный римскій экипажъ

5) Стряпчій (causidicus) Маѳонъ такъ отъѣлся, что едва умѣщается на своихъ но-илкахъ.

6) Неизвѣстно, о комъ здѣсь рѣчь. Можетъ-быть, о Регулѣ, одномъ изъ самыхъ трашныхъ доносчиковъ, которыхъ такъ много было при Домиціанѣ. У Ювенала при-

«Говорить ли, какимъ гнѣвомъ горитъ моя изсохшая печень, когда грабитель-опекунъ, который довелъ до слезъ и отчаянія [1]) бѣдныхъ сиротъ, огромною ватагой своей челяди давитъ народъ по римскимъ улицамъ, или когда ссыльный проконсулъ Марій, осужденный безплоднымъ, пустымъ приговоромъ, — что такое безчестіе, если деньги цѣлы? — начинаетъ пировать съ двухъ часовъ пополудни и наслаждается себѣ, при гнѣвѣ боговъ, а ты, побѣдоносная провинція, ты плачешь [2])!..

«И мнѣ не думать, что это достойно сатиры [3])? и мнѣ не карать всего этого? Но чѣмъ же лучше миѳологическіе сюжеты, всѣ эти басни о Геркулесѣ, о Діомедѣ, о мычаніи, которое раздавалось въ критскомъ лабиринтѣ, объ отрокѣ Икарѣ и о летящемъ кудесникѣ Дедалѣ?

«Когда самъ мужъ продаетъ свою жену съ тѣмъ, чтобы получить наслѣдство отъ ея милаго, этотъ мужъ, который порой такъ

бавлено еще, что это такой доносчикъ, «котораго бонтся Массъ, задабриваетъ подарками Каръ, и къ которому напуганный Латинъ подослалъ Онмелу». Массъ и Каръ такіе доносчики, извѣстные изъ Тацита и писемъ Плинія-Младшаго. Латинъ и Онмела, актеръ и актриса, можетъ-быть мужъ и жена. Впрочемъ, происшествіе, на которое дѣлаетъ здѣсь намекъ римскій сатирикъ, намъ неизвѣстно. Затѣмъ слѣдуетъ мѣсто, которое вполнѣ отличается античною безцеремонностію, и потому мы опустили его въ нашемъ переводѣ.

1) Вмѣсто обыкновеннаго чтенія prostantis, мы приняли здѣсь чтеніе plorantis.

2) Марій Приск былъ обвиненъ въ томъ, что ограбилъ провинцію Африку. Этотъ процессъ замѣчателенъ тѣмъ, что его вели Плиній-Младшій и Тацитъ. Они, разумѣется, употребили всѣ усилія, все свое краснорѣчіе для того, чтобы выставить въ яркомъ свѣтѣ преступленія, которыми запятналъ себя Марій Приск. Сенатъ, подъ предсѣдательствомъ Траяна, цѣлые три дня разбиралъ это дѣло (въ январѣ 100 г. по Р. Хр.), и въ одномъ изъ этихъ засѣданій Плиній (онъ описалъ этотъ процессъ въ своихъ письмахъ) говорилъ противъ Приска болѣе пяти часовъ сряду. Приск былъ осужденъ. Его приговорили удалиться изъ Италіи и отдать награбленныя деньги, но онѣ не были возвращены въ провинцію, а поступили въ государственное казначейство. Этимъ объясняются слова Ювенала о побѣдоносной провинціи, которой пришлось плакать. Съ другой стороны у Марія Приска довольно осталось денегъ для того, чтобы вести роскошную жизнь и *блаженствовать въ отставкѣ подъ судомъ*. Этотъ стихъ Грибоѣдова какъ нельзя больше соотвѣтствуетъ выраженію Ювенала: «fuitur, diis iratis».

3) У Ювенала сказано: «и мнѣ не думать, что все это достойно венузинской лампы», то-есть достойно сатиры, въ родѣ тѣхъ, какія, при свѣтѣ лампы, писалъ Горацій, уроженецъ города Венузіи.

хорошо умѣетъ смотрѣть въ потолокъ, или, уткнувъ свой носъ, храпѣть, но не спать за стаканомъ вина [1]); когда смѣетъ разчитывать на почетную должность въ войскѣ человѣкъ, который растратилъ все богатство своихъ предковъ на конюшни и продолжаетъ летать на быстрой колесницѣ по Фламиніевой дорогѣ [2])... то невольно беретъ тебя желаніе тутъ же, на самомъ перекресткѣ, писать огромную сатиру...

«Вотъ шесть рабовъ несутъ открытыя носилки, а на нихъ, въ подражаніе Меценату [3]), развалился дѣлатель фальшивыхъ завѣщаній. Обманомъ, небольшимъ клочкомъ бумаги да наслюненною печатью онъ добылъ себѣ и богатство и счастье... А вотъ и знатная матрона... Когда мужу захочется пить, она подастъ ему мягкаго каленскаго вина и тутъ же подмѣшаетъ въ него ядъ. Лучше всякой Локусты [4]), она учитъ еще неопытныхъ родственницъ, не обращая вниманія на толки въ народѣ, хоронить почернѣлые трупы своихъ мужей.

---

1) Эта торговля женами (lenocinium mariti) была въ Римѣ самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. Плутархъ разсказываетъ очень забавный анекдотъ, который хорошо рисуетъ римскіе нравы. Однажды, какой-то Гальба угощалъ у себя Мецената, и замѣтивъ, послѣ обѣда, что онъ очень нѣжно посматриваетъ на его жену, притворился спящимъ. Одинъ изъ рабовъ Гальбы вздумалъ воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы стянуть со стола бутылку вина, но Гальба вдругъ открылъ глаза и гнѣвно сказалъ своему слугѣ: «развѣ ты не знаешь, негодяй, что я сплю только для Мецената?» Это знаменитое «non omnibus dormio» вошло въ Римѣ въ пословицу.

2) Вслѣдъ за этими словами въ подлинникѣ прибавлены еще слѣдующія: «ибо *самъ онъ*, подобно юному Автомедонту, держалъ въ рукахъ вожжи, рисуясь передъ своею *милою въ шинели*». Это одно изъ очень темныхъ мѣстъ въ сатирахъ Ювенала. Отъ перестановки знаковъ препинанія въ древнемъ текстѣ, оно можетъ получить также слѣдующій смыслъ: «ибо юный Автомедонтъ правилъ конями въ то время, какъ *самъ онъ* рисовался передъ своею милою въ шинели». Думаютъ, что подъ словомъ *самъ* должно разумѣть здѣсь Нерона, при которомъ страсть къ лошадямъ и ристалищамъ очень усилилась въ Римѣ, а подъ *милою въ шинели* — Спора. Отношенія къ нему Нерона извѣстны. Замѣтимъ еще, что Фламиніева дорога — теперешнее *Корсо*.

3) Меценатъ былъ извѣстенъ въ Римѣ своею изнѣженностію, которая впрочемъ, отчасти объясняется тѣмъ, что онъ очень долго страдалъ изнурительною лихорадкою и вообще былъ человѣкъ очень болѣзненный. Римскіе денди, какъ видно, подражали, въ своихъ наружныхъ пріемахъ, Меценату даже долгое время спустя послѣ его смерти.

4) Это извѣстная римская отравительница. При ея помощи, Агриппина освободилась отъ Клавдія, а Неронъ — отъ Британника.

«Рискни на дѣло, за которое слѣдовало бы тебя сослать на островъ Гіаръ [1]), или посадить въ тюрьму, если ты хочешь сдѣлаться чѣмъ-нибудь. Честность въ наше время прославляется только риторами... и мерзнетъ. Преступленіямъ обязаны эти люди своими садами, дворцами, дорогими столами, стариннымъ серебромъ и кубками съ богатымъ золотымъ чеканомъ [2]). Кому даютъ спокойно уснуть соблазнители своихъ жадныхъ невѣстокъ, или эти гнусныя невѣсты [3]) и отроки-прелюбодѣи? Если природа отказала мнѣ въ стихѣ, то родитъ его негодованіе, — пусть этотъ стихъ будетъ хоть изъ тѣхъ, какіе пишу я или Клувіенъ [4]).

«Все, что дѣлаютъ люди со времени потопа Девкаліонова: ихъ желанія, страхи, гнѣвъ, веселье, радости, суета — вотъ что составитъ пестрое содержаніе моей сатиры [5]). И когда же масса пороковъ была обильнѣе? когда большій просторъ открывался для корысти? когда страсть къ игрѣ сильнѣе овладѣвала душой человѣка? Теперь отправляются у насъ къ игральному столу не просто съ кошелькомъ, а мечутъ кости, поставивъ подлѣ себя цѣлый сундукъ съ деньгами. И какія битвы увидишь ты тамъ, гдѣ рабъ-казначей является оруженосцемъ! Развѣ это не больше чѣмъ простое сумасшествіе проигрывать въ одинъ вечеръ по сту тысячъ сестерцій, и отказывать въ одеждѣ продрогшему отъ холода рабу? Кто въ преж-

---

1) Одинъ изъ Цикладскихъ острововъ, въ Эгейскомъ морѣ, служившій, при императорахъ, мѣстомъ ссылки.

2) Въ подлинникѣ сказано: «и козлятъ, который виднѣется на чеканѣ кубка». Здѣсь, конечно, разумѣется золотой кубокъ съ художественными рельефами, сюжетъ которыхъ былъ заимствованъ изъ вакхическаго культа.

3) Подъ гнусными невѣстами разумѣются здѣсь тѣ самые люди, которыхъ Ювеналъ выше назвалъ «малыхъ въ шинели».

4) Это совершенно неизвѣстный и, разумѣется, бездарный поэтъ, надъ которымъ здѣсь немилосердно смѣется Ювеналъ.

5) Мы нѣсколько сократили это мѣсто. Въ подлинникѣ, къ приведеннымъ словамъ прибавлено еще слѣдующее: «Все, что дѣлаютъ люди съ тѣхъ поръ, когда дожди подняли равнину моря, и Девкаліонъ, поднявшись въ своемъ ковчегѣ на гору, вопросилъ оракула, когда размягченные камни мало-по-малу сдѣлались душой, и Пирра представила нагихъ женщинъ взору похотливыхъ мужей» и проч.

нее время строилъ столько виллъ? кто изъ нашихъ дѣдовъ одинъ, безъ гостей, имѣлъ за своимъ столомъ по семи перемѣнъ [1])?

«Самый день прекрасно раздѣленъ у насъ по роду занятій: сначала утреннія поздравленія, а потомъ форумъ съ своимъ законовѣдомъ Аполлономъ [2]), и съ статуями тріумфаторовъ, а между ними осмѣлился помѣстить свои титулы не знаю какой-то Египтянинъ или откупщикъ, передъ изображеніемъ котораго позволительно творить всякія пакости. Затѣмъ усталые старинные кліенты расходятся изъ прихожихъ своихъ патроновъ. Приходится бѣднякамъ купить кочанъ капусты да немного дровъ. А между тѣмъ, ихъ патронъ, ихъ царь [3]), будетъ пожирать все лучшее, что только производятъ лѣса и море, и одинъ, безъ гостей, возляжетъ на свои пустыя ложа. Да, наши богачи на одномъ обѣдѣ, гдѣ наставлено столько красивыхъ, огромныхъ и старинныхъ блюдъ, проѣдаютъ отцовское наслѣдство.

«Не будетъ больше параситовъ на свѣтѣ! Но кто же въ состояніи вынести такую грязную роскошь? Какова должна быть глотка, которая влагаетъ въ себя цѣлыхъ кабановъ, животное, созданное для многолюдныхъ пировъ!

«За то и наказаніе не заставляетъ долго себя ждать. Оно настигаетъ тебя въ то время, какъ ты, распухнувъ отъ жирнаго обѣда, тотчасъ послѣ него отправляешься въ баню и несешь туда съ собой непереваренный павлина. Оттого и умираютъ у насъ люди внезапно, и старики не успѣваютъ передъ смертью сдѣлать завѣщанія... И вотъ, разгуливаетъ по всѣмъ обѣдамъ свѣжая, нисколько не печальная новость, и снова тянется погребальная процессія, и глумятся надъ покойникомъ разсерженные друзья (которые разчитывали на наслѣдство).

---

1) Здѣсь мы выпустили превосходную и очень живую сцену раздачи *спортулъ* кліентамъ. Мы еще будемъ имѣть случай воспользоваться этою сценою.

2) Здѣсь идетъ рѣчь о такъ-называемомъ Форумѣ Августа. Между прочими украшеніями этой площади, на ней, при Августѣ, была поставлена статуя Аполлона изъ слоновой кости. Онъ здѣсь, въ шутку, называется законовѣдомъ потому, что подлѣ его изображенія, вѣроятно, находился трибуналъ претора. Бѣдному Аполлону каждый день приходилось выслушивать множество процессовъ, и онъ поневолѣ долженъ былъ сдѣлаться юристомъ.

3) Это было обыкновенное названіе патроновъ на языкѣ римскихъ кліентовъ.

«Потомству нечего прибавлять къ нашимъ нравамъ. Наши внуки будутъ и желать и дѣлать то же, что и мы. Да, порокъ достигъ крайняго предѣла, дальше онъ идти не можетъ. Пользуйся же, писатель, попутнымъ вѣтромъ, распусти всѣ паруса твоей сатиры!

«Но, можетъ-быть, спросятъ при этомъ: гдѣ же у меня талантъ, равносильный такому содержанію, гдѣ у меня эта простота, эта прямота рѣчи прежнихъ поэтовъ, которые писали все, чего только хотѣлось ихъ душѣ, когда она пылала негодованіемъ, — гдѣ эта прямота, которую я даже не смѣю назвать настоящимъ ея именемъ [1])?

«— Что же за дѣло, скажутъ мнѣ, простятъ или не простятъ твоимъ словамъ какой-нибудь Муцій [2])? Да, попробуй вывести въ сатирѣ Тигеллина [3]), и ты засвѣтишь въ той иллюминаціи, гдѣ люди горятъ, стоя, и дымятъ привязаннымъ къ столбу горломъ, или оставишь за собой широкую борозду на аренѣ амфитеатра [4]).

«Итакъ, какой-нибудь отравитель трехъ своихъ дядей будетъ спокойно лежать на пуховикахъ своей высоко-поднятой лектики и оттуда презрительно смотрѣть на насъ?

«— Да, если онъ встрѣтится съ тобой, то закинь ротъ. Не то онъ сдѣлается твоимъ обвинителемъ; ему довольно сказать одно слово, сказать: вотъ онъ — и ты погибъ! А можешь ты, поэтъ,

---

1) Я думаю, нѣтъ необходимости объяснять, что подъ прямотой рѣчи Ювеналъ разумѣетъ здѣсь свободу слова.

2) Этимъ именемъ сатирикъ означаетъ здѣсь вообще вельможу. Муціи Сцеволы, въ періодъ республики, принадлежали къ очень замѣтнымъ членамъ римской аристократіи. Луцилій не щадилъ ихъ въ своихъ сатирахъ. См. I сатиру Персія, ст. 115.

3) Тигеллинъ пользовался огромнымъ вліяніемъ при Нероновомъ дворѣ. Ювеналъ означаетъ здѣсь его именемъ вообще временщика.

4) Это мѣсто драгоцѣнно, какъ воспоминаніе поэта о мученической смерти первыхъ христіанъ. Это было послѣ огромнаго пожара, при Неронѣ. Tacit. Ann. XV, 44. Христіанъ обвинили въ томъ, будто они подожгли Римъ, и начались свирѣпыя казни. Между прочимъ, Неронъ устраивалъ въ своихъ садахъ иллюминаціи изъ живыхъ людей, при чемъ на нихъ надѣвали рубашки, пропитанныя разными горючими веществами. Эта страшная одежда называлась tunica molesta. Въ слѣдующихъ словахъ говорится о другой казни, очень обыкновенной въ древнемъ Римѣ, а именно о битвахъ людей, осужденныхъ на казнь, съ дикими звѣрями на аренѣ амфитеатра. Растерзанные трупы обыкновенно волочили по аренѣ, при чемъ они, по выраженію поэта, оставляли за собою *широкія борозды*; складывали ихъ въ особое мѣсто, которое называлось spoliarium.

безопасно обратиться къ миѳологическимъ сюжетамъ; ты можешь, ничѣмъ не рискуя, свести въ битвѣ Энея съ свирѣпымъ Турномъ. Вѣдь никого не тревожитъ раненый Ахиллъ или Гиласъ, утонувшій вмѣстѣ съ своею урной *). Когда Луцилій гремѣлъ своею сатирой, какъ бы обнаженнымъ мечомъ, то краснѣлъ тотъ, чья совѣсть оцѣпенѣла отъ злодѣйствъ, и потъ выступалъ у него на груди, отъ тайнаго сознанія своихъ преступленій. Вотъ откуда и гнѣвъ, и слезы! Итакъ, поэтъ, обдумай все это до начала битвы. Поздно каяться въ ней тому, кто уже надѣлъ шлемъ.

«Попробую, что позволительно у насъ говорить хоть о тѣхъ, чей прахъ ужь зарытъ на Фламиніевой или на Латинской дорогѣ» **).

Въ этой сатирѣ личность Ювенала рисуется очень живо, и при томъ съ лучшей своей стороны. Повторимъ, что это одно изъ самыхъ искреннихъ и выдержанныхъ произведеній римскаго сатирика. Всѣ они вызваны благороднымъ негодованіемъ. Смѣлый, честный гнѣвъ сатирика не рѣдко принимаетъ у Ювенала величественные размѣры и грандіозный характеръ; но нельзя не согласиться съ нимъ самимъ, что это еще не поэзія. Одна чистота убѣжденія еще не въ состояніи образовать поэта: для этого требуются иныя условія.

Теперь уже прошло время безотчетнаго поклоненія классической литературѣ. Настала пора спокойнаго анализа древнихъ авторовъ. Потому, при всемъ сочувствіи, которое возбуждаетъ въ насъ благородная личность Ювенала, мы не можемъ не видѣть слабой стороны въ его произведеніяхъ.

Вообще, должно замѣтить, что онъ съ гораздо-большимъ успѣхомъ овладѣлъ матеріаломъ сатиры, чѣмъ ея формой. Въ большей

---

*) Это былъ прекрасный юноша, любимецъ Геркулеса. По греческимъ преданіямъ, Гиласъ былъ похищенъ нимфою въ то время, какъ черпалъ воду изъ одного источника. Древніе поэты очень любили выводить его въ своихъ произведеніяхъ. Cui non dictus Hylas puer? говоритъ Виргилій.

**) Еще законами XII таблицъ запрещено было хоронить въ самомъ городѣ, и уже съ тѣхъ поръ кладбищами въ Римѣ служили большія дороги. Потому, въ особенности вблизи отъ городскихъ воротъ, онѣ были уставлены надгробными памятниками.

части произведеній Ювенала нѣтъ и слѣда гармоническаго развитія преобладающей идеи, нѣтъ въ нихъ округленности и художественной цѣльности, которыя составляютъ необходимое условіе созданій искусства. Вмѣсто этого мы не рѣдко встрѣчаемъ въ произведеніяхъ римскаго сатирика цѣлый рядъ общихъ мѣстъ, безъ всякой внутренней связи. Вся сила такой сатиры заключается въ ея рѣзкомъ, гнѣвномъ и грозномъ тонѣ, а это самое придаетъ хотя рельефный, но иногда односторонній характеръ картинамъ, которыя рисуетъ Ювеналъ.

Сатиры Ювенала волнуютъ, дѣйствуютъ на нервы читателя, но не возвышаютъ его надъ грязною дѣйствительностію. Мы видимъ, что страшная эпоха, со всею своею нравственною уродливостію, совершенно какъ бы охватила собою поэта *), и онъ не въ состояніи отрѣшить себя отъ своего вѣка, не въ состояніи возвыситься надъ нимъ, посмотрѣть на него свободными глазами. Сквозь житейскую тину нигдѣ не просвѣчиваетъ у Ювенала идеалъ, который составляетъ такую существенную принадлежность поэзіи. Да и странно было бы требовать идеаловъ отъ писателя Домиціанова вѣка. Въ такую пору не могла процвѣтать поэзія, или она должна была утратить все свое обаяніе, точно такъ, какъ, во время голода, теряютъ всю свою цѣну роскошныя, гастрономическія блюда.

Притомъ изложенію Ювенала, въ большей части его сатиръ, много вредитъ декламація, которая вообще наложила свою печать почти на всѣ произведенія римской литературы. Ювеналъ постоянно увлекается риторическими блестками, или, вѣрнѣе, не можетъ отъ нихъ освободиться. Многословіе, повтореніе, или — употребимъ выраженіе древнихъ риторовъ — *амплификація* одной и

*) Въ особенности непріятно поражаетъ въ Ювеналѣ цинизмъ его, независимо отъ грязныхъ картинъ, которыя онъ долженъ былъ рисовать, чтобы сколько-нибудь исчерпать свою тему. Ювеналъ любитъ циническія выраженія и картины, и не рѣдко прибѣгаетъ къ нимъ даже тамъ, гдѣ вовсе не было въ нихъ нужды. Отзывы его о римской женщинѣ, несмотря на то, что она опозорила себя своимъ развратомъ, постоянно отличаются самою непристойною рѣзкостію (въ особенности въ VI сатирѣ) и какою-то непримиримою ненавистію. Эту черту въ характерѣ Ювенала Веберъ старается извинить тѣмъ, что римскій поэтъ не былъ счастливъ въ супружествѣ. Разумѣется, это одно только предположеніе.

той же мысли, все это производитъ не очень пріятное впечатлѣніе на читателя Ювеналовыхъ сатиръ. Но, съ другой стороны, человѣку, который говоритъ отъ души, невозможно постоянно оставаться ритором, и приведенная нами первая сатира Ювенала служитъ лучшимъ доказательствомъ того. Его гнѣвъ большею частію не искусственный, не поддѣльный; онъ взятъ не изъ школы, а изъ жизни, и должно прибавить, что этотъ честный гнѣвъ, какъ всякій сильный и благородный порывъ, овладѣвающій душою человѣка, порой возвышается у Ювенала до художественнаго пафоса.

Эта-то смѣсь истиннаго, глубокаго чувства съ реторикой — невольною данью, которую знаменитый писатель заплатилъ своему вѣку — и составляетъ настоящій характеръ Ювеналовой сатиры.

Во всякомъ случаѣ, она не выдерживаетъ строгой эстетической критики. Но это нисколько не мѣшаетъ намъ глубоко чтить Ювенала, какъ писателя, который, въ эпоху полнаго нравственнаго паденія цѣлой, когда-то великой націи, умѣлъ сохранить въ душѣ чувство чести и правды, и заклеймилъ въ своихъ сатирахъ вѣчнымъ позоромъ Домиціана и его вѣкъ.

Домиціанъ, повидимому, очень заботился о своей репутаціи въ потомствѣ. Онъ строго запрещалъ писать о своихъ казняхъ въ офиціальной газетѣ, которая издавалась въ Римѣ, со времени Юлія Цезаря, и расходилась во множествѣ экземпляровъ по римскимъ провинціямъ. Онъ выгонялъ философовъ изъ Рима, жестоко преслѣдовалъ всякое свободное слово, и могъ надѣяться, что только голоса льстецовъ дойдутъ о немъ до потомства.

Надежды Домиціана, благодаря въ особенности Ювеналу, не сбылись. Уже много вѣковъ прошло со времени царствованія этого цезаря, а нѣтъ мѣста въ цѣломъ образованномъ мірѣ, гдѣ бы имя его до сихъ поръ не возбуждало отвращенія и ужаса.

Никто, конечно, не думалъ въ Римѣ, что, чрезъ много вѣковъ, имя Домиціана вызоветъ слова негодованія и презрѣнія и въ этой таинственной, загадочной землѣ Сарматовъ, Скиоовъ, Гиперборееевъ и Гиппофаговъ, и что сочувственно будутъ внимать этому неподкупному голосу исторіи поздніе ихъ потомки. Никто не думалъ тогда, что они сольются въ одинъ могущественный народъ, но не мате-

развитому обществу. Такая мораль обыкновенно превращается въ пышную, пустую и холодную фразу, и конечно не находитъ никакого отголоска въ обществѣ уже потому, что источникъ ея не въ любящемъ сердцѣ гражданина, а въ головѣ ритора. Онъ и не заботится о томъ, чтобы требованія его были выполнены, и такъ же холодно проповѣдуетъ свою мораль, какъ другіе принимаютъ ее. Таковъ, напримѣръ, Персій, таковъ въ особенности Сенека и цѣлый рядъ римскихъ стоиковъ періода имперіи, которые обратились къ обличительной дидактикѣ и съ мнимой высоты своей безжизненной, условной морали требовали отъ человѣка отвлеченнаго совершенства.

И много нужно было имѣть глубокой любви къ добру и правдѣ, чтобы, подобно Ювеналу, хотя порой устоять въ такую эпоху противъ холоднаго риторства!

Не выдерживая строгой эстетической критики, какъ художественныя созданія, сатиры Ювенала, разумѣется, и своею нравственною стороною невполнѣ удовлетворятъ современнаго человѣка.

Для нашего времени главное значеніе ихъ историческое. Онѣ очень интересны и важны для насъ тѣмъ, что живыми, яркими, хотя и нѣсколько густыми красками рисуютъ почти всѣ стороны римскаго быта въ ту тяжелую эпоху, которой политическій смыслъ такъ проницательно и глубоко-вѣрно разъяснилъ намъ Тацитъ. Эти два писателя служатъ необходимымъ и самымъ лучшимъ дополненіемъ одинъ другаго.

«Все, что дѣлаютъ люди (говоритъ Ювеналъ въ I сатирѣ): «ихъ желанія, страхи, гнѣвъ, веселье, радости, суета, все это составитъ пестрое, смѣшанное содержаніе моей сатиры.» Ювеналъ сдержалъ свое слово. Въ его произведеніяхъ проходятъ передъ нами, какою-то нестройною, дикою толпой, всѣ сословія, всѣ класы римскаго общества, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше поражаютъ насъ своею, едва вообразимою, нравственною уродливостію.

Тѣсная рамка лекціи, уваженіе къ моей аудиторіи и другія причины не позволяютъ мнѣ, М. М. Г. Г., остановить ваше вниманіе на всѣхъ подробностяхъ этой мрачной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, невыно-

симо грязной картины. Я долженъ ограничиться тѣмъ, что мы видимъ на первомъ ея планѣ—римскимъ правительствомъ и отношеніемъ къ нему народной массы, въ періодъ имперіи.

Я уже опредѣлилъ въ главныхъ чертахъ общій характеръ эпохи Домиціана и личность этого цезаря. Но Ювеналъ не позволяетъ намъ такъ скоро разстаться съ своимъ любимцемъ.

Чтобы дополнить сдѣланный выше очеркъ римскаго правительства въ эпоху Домиціана, я остановлюсь на IV сатирѣ, гдѣ онъ снова выступаетъ на сцену и, рядомъ съ нимъ, римскій сенатъ. Мы сейчасъ увидимъ, въ какомъ униженномъ положеніи находилась въ это время высшая правительственная коллегія Римскаго государства.

Содержаніе IV сатиры составляетъ разсказъ объ одномъ изъ тѣхъ происшествій, какія, вѣроятно, не рѣдко случались въ царствованіе Домиціана. *)

Поэтъ начинаетъ свой разсказъ пародіею на эпиковъ и, по обычаю ихъ, дѣлаетъ слѣдущее воззваніе къ музамъ: «Начинай, Калліопа! Ты можешь спокойно присѣсть. Нечего выдумывать, дѣло идетъ объ истинномъ происшествіи. Начинайте же вашъ разсказъ, дѣвы Піериды. Пусть мнѣ, о музы, поможетъ хоть то, что я назвалъ васъ дѣвами. **)

«Въ то время, продолжаетъ сатирикъ, какъ послѣдній изъ Флавіевъ терзалъ и безъ того полуживой міръ, и Римъ былъ рабомъ *плѣшиваго Нерона*», — такъ въ этомъ мѣстѣ Ювеналъ называетъ Домиціана, — одинъ бѣдный рыбакъ поймалъ близь Анконы, въ Адріатическомъ морѣ, огромнаго ромба... Поймалъ и испугался. Испугался онъ не рыбы, а того, что простой, частный человѣкъ неожи-

---

*) Въ доказательство, что происшествіе, подобное описанному въ этой сатирѣ, было возможно при Домиціанѣ, Зибольдъ, послѣдній, по времени, издатель Ювенала (Лейпцигъ, 1858), очень удачно приводитъ слѣдующее мѣсто изъ писемъ Плинія (VIII, 14): «Quid tunc disci potuit, cum senatus aut ad otium summum, aut ad summum nefas vocaretur, et modo ludibrio, modo dolori retentus nunquam seria, tristia saepe censeret.»

**) Ювеналъ такъ же мало вѣритъ въ свой даръ эпика, какъ и въ дѣвственность музъ. Этотъ дурной комплиментъ музамъ, очевидно, имѣетъ связь съ невысокимъ мнѣніемъ Ювенала о женщинѣ вообще.

«медленно двигающееся, отъ тучности, чрево», и раздушенный Криспинъ [1]), «отъ котораго несло разными ароматами сильнѣе, чѣмъ отъ двухъ похоронъ» (то-есть набальзамированныхъ покойниковъ).

«Является и Помпей [2]), который еще свирѣпѣе, чѣмъ Криспинъ, губитъ людей и доводитъ ихъ до казни своими доносами. Являются и Фускъ [3]), что берегъ свое тѣло для коршуновъ Дакіи, и хитрый Вейентонъ съ смертоноснымъ Катулломъ» [4]). «Этотъ Катуллъ, прибавляетъ Ювеналъ, ужасное чудовище, замѣчательное даже въ нашъ вѣкъ. Онъ былъ слѣпъ, льстецъ и страшный клеветъ Домиціана,— человѣкъ прямо съ моста, человѣкъ, которому бы просить милостыню гдѣ-нибудь на большой дорогѣ, при повозкахъ, ѣдущихъ въ Арицію, и посылать имъ вслѣдъ воздушные поцѣлуи [5]). Никто больше слѣпаго Катулла не восторгался рыбой. Онъ много наговорилъ, обратясь въ лѣвую сторону, а ромбъ лежалъ отъ него направо. Точно такъ онъ (въ угоду Домиціану) восхищался и битвами гладіаторовъ, и театральными машинами, уносившими отроковъ до самаго навѣса [6]).»

«Не уступаетъ Катуллу и Вейентонъ, и какъ бы пораженный

шивать съ благороднымъ Курціемъ Монтаномъ, о которомъ упоминаетъ Тацитъ Ann. XVI, 28; у Ювенала, по мнѣнію Вебера, рѣчь объ отцѣ этого Монтана.

1) Тотъ самый, о которомъ упомянуто въ I сатирѣ ст. 27.

2) Онъ извѣстенъ только изъ этого мѣста, какъ одинъ изъ страшныхъ доносчиковъ при Домиціанѣ.

3) Корнелій Фускъ былъ, при Домиціанѣ, начальникомъ (префектомъ) преторіанцевъ. Онъ погибъ въ походѣ противъ Даковъ.

4) Фабрицій Вейентонъ и Катуллъ Мессалинъ упоминаются и другими писателями, какъ страшные изверги. О нихъ говоритъ, между прочимъ, Плиній Epp. IV, 22. Здѣсь особенно хороша характеристика слѣпаго Катулла, который «ничего не боялся, никогда не краснѣлъ и ни разу не испыталъ чувства жалости».

5) Римскіе нищіе обыкновенно промышляли на мостахъ и на большихъ дорогахъ. Арицція лежала на Аппіевой дорогѣ, при clivus Aricinus, гдѣ экипажи, по необходимости, замедляли свой ходъ. Вотъ почему это мѣсто привлекало множество нищихъ, которые привѣтствовали проѣзжихъ воздушными поцѣлуями. Это былъ обыкновенный жестъ, употреблявшійся для выраженія благоговѣнія къ богамъ и къ знатнымъ лицамъ. Оттуда глаголъ adorare, то-есть manum ori admovere.

6) Римскіе театры строились безъ крышъ. Ихъ замѣнялъ навѣсъ, который охранялъ зрителей отъ солнечныхъ лучей и отъ дождя. Въ этомъ мѣстѣ рѣчь, вѣроятно, идетъ о піесахъ, въ которыхъ представлялось похищеніе Ганимеда или полетъ Икара, и т. п. Вотъ, безъ сомнѣнія, отроки, о которыхъ здѣсь говорится.

священнымъ трепетомъ, вдохновленный самою Беллоною, онъ (изъ лести и со страха) начинаетъ даже предсказывать. Эта рыба, говоритъ онъ, пророчитъ тебѣ, Домиціанъ, великій и славный тріумфъ! Ты захватишь въ плѣнъ какого-нибудь царя, или британскій вождь Арвирагъ *), пораженный, упадетъ съ своей боевой колесницы. Эта рыба — звѣрь чужеземный. Развѣ ты не видишь, какъ его боковыя перья вытянулись къ спинѣ? Недоставало только Вейентону упомянуть о родинѣ ромба и о томъ, сколько ему лѣтъ.»

«— Какое же твое мнѣніе?» спрашиваетъ Домиціанъ.—«Разрѣзать ромба что ли? «Да будетъ отъ него далекъ такой позоръ, отвѣчаетъ Монтанъ. — Нужно приготовить глубокое блюдо съ тонкою стѣнкою и обширнымъ круглымъ дномъ. Для такого блюда необходимо найдти немедленно опытнаго художника, какого-нибудь новаго Прометея.»

«Мнѣніе Монтана», продолжаетъ поэтъ, «одержало верхъ, и оно было вполнѣ достойно этого человѣка. Онъ помнилъ еще роскошь прежняго двора, помнилъ полунощные пиры Нерона, когда гости его, разгоряченные фалерномъ, чувствовали все новый и новый позывъ къ наслажденіямъ. Ни у кого въ мое время не было такой опытности во всемъ, что относилось къ съѣстному. Монтану стоило только отвѣдать, чтобы тотчасъ угадать, были ли устрицы съ Цирцейскаго мыса, или изъ Лукринскаго озера, или съ британскаго берега, и взглянувъ на черепаху, онъ тотчасъ же могъ назвать ея родной берегъ.»

«Наконецъ, всѣ встаютъ, совѣщаніе закрыто, и сенаторы получаютъ приказаніе удалиться. *Великій вождь* собралъ ихъ въ свой альбанскій дворецъ. Испуганные, они поспѣшили туда, какъ будто цезарь хотѣлъ сообщить имъ что-нибудь о Каттахъ и дикихъ Сикамбрахъ **); какъ будто, съ разныхъ концовъ міра, привезены были быстрыми гонцами страшныя вѣсти.»

---

*) Римлянъ очень занимали въ это время войны ихъ съ Британцами. Льстивое предсказаніе Вейентона о тріумфѣ надъ ними Домиціана, безъ сомнѣнія, сбылось бы, еслибъ онъ не вызвалъ изъ Британіи Агриколу. (Tacit. Agric. c. 13—40). Объ Арвирагѣ не упоминаетъ ни одинъ изъ древнихъ историковъ. Вѣроятно, онъ сдѣлался британскимъ вождемъ уже послѣ удаленія Агриколы.

**) И тѣ, и другіе принадлежали къ самымъ воинственнымъ племенамъ древней Германіи.

«О, къ чему, мрачно заключаетъ Ювеналъ свою сатиру, къ чему Домиціанъ не посвятилъ такимъ ничтожнымъ дѣламъ всѣхъ дней своего свирѣпаго царствованія, въ которое онъ безнаказанно, и не вызвавъ мести, отнялъ у Рима столько доблестныхъ и знаменитыхъ людей! Но онъ и самъ палъ, послѣ того какъ сдѣлался страшенъ для черни. Вотъ что сгубило Домиціана, обагреннаго кровью своихъ вельможъ *)!»

Такое правительство, разумѣется, необходимо должно было возбудить негодованіе въ душѣ каждаго благороднаго человѣка, и нам вполнѣ понятны слова Ювенала, что въ его время «трудно было не писать сатиры».

Обращаясь затѣмъ къ римскому народу, какимъ онъ является намъ въ сатирахъ Ювенала, мы прежде всего должны замѣтить, что этотъ народъ уже задолго до политической реформы Августа утратилъ свою національность, а вмѣстѣ съ нею, и первобытную чистоту нравовъ, придавшую такой блескъ начальнымъ періодамъ римской республики.

Коренные Римляне, вмѣстѣ съ своимъ потомствомъ, мало по малу изчезли или затерялись въ огромной массѣ жителей всемірной столицы, и были вытѣснены выходцами со всего свѣта, пригнанными въ Италію военнопленными и рабами. Эти послѣдніе, а еще чаще ихъ дѣти и внуки, пріобрѣтали права римскаго гражданина, но труднѣе было для нихъ добыть себѣ старинную римскую доблесть и просвѣщенную любовь къ родинѣ.

Римскій народъ, — этотъ «звѣрь многоголовый», по выраженію Горація, сдѣлался, наконецъ, какою-то чудовищною амальгамою изъ всѣхъ возможныхъ націй. Для этой пестрой, сбродной толпы не существовало преданій старины.

Одной этой причины достаточно было для того, чтобы повести за собою быстрое и глубокое нравственное паденіе римскаго народа.

---

*) О смерти Домиціана мы уже сказали выше

Это, повторимъ еще разъ, началось задолго до Ювенала и необходимо должно было вызвать реформу Августа.

Многіе воображаютъ до сихъ поръ еще, что римская имперія — катастрофа. Но что же это за катастрофа, которая продолжается цѣлыя столѣтія, не вызывая реакціи? Имперія возникла и необходимо должна была возникнуть въ Римѣ потому, что идея самоуправленія потеряла, наконецъ, свой смыслъ для массы народа. Возвратъ къ отжившимъ свой вѣкъ политическимъ формамъ былъ, повидимому, возможенъ и очень легокъ. Римская монархія не была наслѣдственною. Вслѣдъ за смертію каждаго изъ своихъ цезарей, Римляне имѣли законное право и полную возможность возстановить республику. Отчего же этого не случалось? Отчего въ самыя мрачныя эпохи цезарскаго деспотизма почти никто изъ нихъ не думалъ объ этомъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ благородныхъ мечтателей? Оттого, что, для выхода изъ этого положенія, кромѣ политической возможности, необходима была возможность нравственная, а ея-то и не доставало Римлянамъ. Они напоминаютъ намъ собою безпутнаго, когда-то богатаго, но промотавшагося барина, который самъ проситъ и требуетъ, чтобы надъ нимъ учредили опеку. Но, въ Римѣ, въ эту пору уже трудно было найдти хорошихъ и добросовѣстныхъ опекуновъ.

Среди такого падшаго общества легко и даже необходимо должны были явиться Тиберіи, Нероны и Доминціаны. Передовые люди древняго Рима, и въ числѣ ихъ Ювеналъ и Тацитъ, хорошо понимали, что не эти цезари были главными виновниками того ужаснаго положенія, въ которомъ находилась ихъ родина. Если бы въ римскомъ народѣ сохранились какіе-нибудь слѣды нравственнаго чувства, то, разумѣется, такіе правители были бы невозможны. Во всякомъ случаѣ, безпощадный судъ потомства, карающій этихъ недостойныхъ правителей, долженъ быть не менѣе строгъ и въ отношеніи къ ихъ подданнымъ.

Печальную, горькую думу возбуждаютъ въ душѣ историка не только Доминціаны, но и такіе цезари, какъ Траянъ и Маркъ-Аврелій. Несмотря на все свое доброе желаніе, несмотря на свою желѣзную волю, они не могли остановить Римъ на краю той бездны, къ которой онъ уже давно стремился, и гдѣ суждено было ему погибнуть.

Ювеналъ, вмѣстѣ съ другими благородными людьми своей эпохи, глубоко презиралъ современный ему римскій народъ. Поэтъ особенно сильно выразилъ это чувство въ томъ превосходномъ мѣстѣ десятой сатиры, гдѣ рѣчь идетъ о казни Сеяна.

Это событіе, какъ извѣстно, относится къ царствованію Тиберія. Сеянъ былъ въ это время начальникомъ преторіанской гвардіи и пользовался безграничнымъ довѣріемъ своего монарха. Этотъ недоврительный, хитрый, суевѣрный и развратный старикъ, по совѣту временщика, оставилъ даже Римъ и дѣла, и послѣдніе годы своей жизни провелъ на островѣ Капри, окруженный халдеями, гадателями и женщинами.

Десятилѣтнее пребываніе Тиберія на островѣ Капри представляетъ одну изъ самыхъ скандалезныхъ страницъ въ исторіи римской имперіи. Этимъ временемъ рѣшился воспользоваться Сеянъ и провозгласить себя императоромъ: въ томъ, по крайней мѣрѣ, обвиняли его. Сеянъ, говорятъ, очень разсчитывалъ на народъ, который его любилъ и, разумѣется, былъ не прочь освободиться отъ Тиберія. Но Тиберій перехитрилъ Сеяна, и вмѣстѣ съ нимъ погибло множество его приверженцевъ.

Ювеналъ не былъ очевидцемъ этой катастрофы, но зналъ о ней по свѣжему еще преданію. Онъ чрезвычайно живо и вѣрно описываетъ рабское чувство, обнаруженное при этомъ Римлянами, ихъ непостоянство и вѣролюбство, и это внезапное превращеніе любви въ ненависть къ Сеяну, въ ненависть, источникомъ которой былъ страхъ Тиберія.

«Могущество, говоритъ поэтъ, возбуждаетъ много зависти и нерѣдко губитъ человѣка; топитъ (mergit) его длинный перечень почетныхъ титуловъ. Нерѣдко статуи сходятъ съ высокихъ своихъ подножій, и неистово влечетъ ихъ толпа. Тогда топоръ рубитъ самыя колеса тріумфальныхъ колесницъ, рубитъ и ломаетъ голени бѣдныхъ коней. Чѣмъ же они-то, бѣдные, виноваты?»

«Вотъ трещитъ огонь, и въ пламени голова, которую такъ боготворилъ народъ, и съ шумомъ плавится колоссальная статуя Сеяна, и потомъ изъ этой статуи, изъ этого изображенія человѣка, бы-

шаго, послѣ Тиберія, первымъ человѣкомъ въ цѣломъ мірѣ, сдѣлаютъ горшки, тазы и сковороды.»

«Укрась твой домъ лавромъ, веди въ Капитолій большаго бѣлаго быка [1]): но римскимъ улицамъ влекутъ крючьями Сеяна на всенародное позорище. Всѣ въ восторгѣ!»

«Какія были у него истерзанныя губы, какое страшное лицо! Повѣрь мнѣ, я никогда не любилъ этого человѣка; но что же, однако, за преступленіе, отъ котораго онъ погибъ? гдѣ доносчикъ на Сеяна, гдѣ доказательства, гдѣ свидѣтели его вины? Ничего этого не было. Съ острова Капри привезено въ сенатъ многорѣчивое, длинное посланіе Тиберія [2]). Прекрасно! послѣ этого нечего спрашивать о преступленіи Сеяна; но что же дѣлаетъ эта толпа, что дѣлаютъ эти потомки великаго Рема? Толпа, какъ всегда, слѣдуетъ за удачей и ненавидитъ осужденныхъ. Еслибы счастье улыбнулось Этруску [3]), если бы ему удалось погубить стараго Тиберія въ безопасномъ его убѣжищѣ, то немедленно тотъ же самый народъ провозгласилъ бы Сеяна цезаремъ. Этотъ народъ уже давно сложилъ съ себя государственное бремя, съ тѣхъ поръ, какъ мы, на выборахъ, никому больше не продаемъ нашихъ голосовъ. Онъ, который когда-то раздавалъ власть, консульскіе пуки и легіоны, теперь онъ живетъ тихо и только озабоченно жаждетъ даровой раздачи хлѣба да зрѣлищъ въ циркѣ.»

«Слышно, что еще многимъ придется погибнуть. Мнѣ повстрѣчался у жертвенника Марса (на Марсовомъ полѣ) пріятель мой Брутидій [4]). Онъ былъ очень блѣденъ. Боюсь я, сказалъ онъ, чтобы Тиберію, какъ побѣжденному Аяксу, не показалось, что народъ не сильно за него вступился, чтобы Тиберій не вздумалъ за это мстить.

---

1) Это были обыкновенные знаки, которыми выражалось сочувствіе къ какому-нибудь событію и вообще радость.

2) Все это исторически вѣрно. Рескриптъ Тиберія сенату дѣйствительно былъ очень длиненъ. Діонъ Кассій, который подробно описываетъ исторію казни Сеяна (LVIII, 2 и слѣд.), говоритъ то же самое и, кромѣ того, обозначаетъ самое содержаніе этого письма.

3) Въ подлинникѣ сказано: «если бы Нурція поблагопріятствовала Этруску», т.-е. Сеяну, который родомъ былъ изъ Вольсиній въ Этруріи. Нурція—этрусское имя Фортуны.

4) Брутидій Нигеръ былъ эдиломъ въ 22 г. и старался открыть себѣ дорогу къ почестямъ доносами. (Tacit. Ann. III, 66). Выраженіе Ювенала «Brutidius meus», очевидно, заключаетъ въ себѣ оттѣнокъ презрѣнія къ этому человѣку.

Поспѣшимъ же на берегъ Тибра и станемъ топтать ногами трупъ цезарева врага, пока онъ тамъ лежитъ *). Но пусть это видятъ наши рабы, а не то кто-нибудь изъ нихъ напугаетъ своего барина и, накинувъ веревку, потащитъ его, за шею, на расправу.»

Говоря о римскомъ народѣ, я имѣлъ до сихъ поръ преимущественно въ виду низшіе его слои; но для того, чтобы вѣрно судить о нравственномъ состояніи общества въ вѣкъ Ювенала, необходимо обратить вниманіе на высшіе, на такъ-называемые образованные классы этого народа, которые были исключительными представителями древней цивилизаціи.

Главная ихъ типическая черта — это кліентство или, вѣрнѣе, огромные размѣры, какіе оно приняло въ разсматриваемое время.

Кліентство является въ Римѣ при самомъ его началѣ. Это учрежденіе имѣло тамъ большое значеніе во все то время, когда только одна часть римскаго народа пользовалась политическими правами, а другая была еще лишена этихъ правъ. Кліентство считалось въ эту пору выше даже родственныхъ связей, и, возникнувъ изъ убѣжденія въ томъ, что сильный долженъ защищать и охранять слабаго, имѣло какъ бы религіозную основу.

Но уже задолго до Ювенала, еще въ періодъ республики, оно утратило свой первоначальный характеръ, и подъ словомъ *кліентъ* начали понимать всякаго бѣднаго и незначительнаго человѣка. Въ Римѣ, каждый изъ такихъ людей непремѣнно имѣлъ своего покровителя, или патрона.

Кліентъ непремѣнно каждый день являлся къ своему милостивцу съ утреннимъ поздравленіемъ, проводилъ нѣсколько часовъ въ его прихожей, а потомъ обыкновенно сопровождалъ своего патрона на форумъ и всюду, куда ему вздумалось бы отправиться. Римскіе богачи имѣли множество такихъ кліентовъ, и потому обыкновенно являлись на улицѣ съ огромною свитой.

---

*) Трупъ Сеяна цѣлые три дня валялся на набережной Тибра и во все это время подвергался поруганію черни.

Сначала кліенты обѣдали за столомъ своихъ патроновъ, но потомъ, съ увеличеніемъ числа кліентовъ, это оказалось неудобнымъ, и, вмѣсто обѣда, имъ начали ежедневно выдавать такъ-называвшуюся *спортулу*. Это, какъ показываетъ самое слово, была небольшая корзинка съ съѣстными припасами, а иногда, вмѣсто нихъ, кліентъ получалъ незначительную сумму денегъ.

Чѣмъ ниже падали въ Римѣ нравы, тѣмъ больше развивалось тамъ кліентство и наконецъ охватило собою всѣ классы римскаго общества. Римскіе кліенты, въ вѣкъ Ювенала, имѣли уже не по одному патрону, какъ прежде, а множество патроновъ, и цѣлое утро переходили изъ дома въ домъ, собирая тамъ, не безъ шума и брани, свои обычныя спортулы.

Въ одной изъ своихъ сатиръ *), Ювеналъ живо описываетъ сцену раздачи *спортулъ*: «Вотъ, говоритъ онъ, на самомъ порогѣ выставлены спортулы на расхищеніе толпѣ людей, одѣтыхъ въ тогу. Патронъ, однако, сначала смотритъ тебѣ въ лицо, и дрожитъ, чтобы ты не явился подставнымъ кліентомъ и не потребовалъ себѣ спортулы подъ чужимъ именемъ. Когда тебя признаютъ, ты ее получишь. При этомъ патронъ приказываетъ своему глашатаю вызывать поименно даже нашихъ аристократовъ, этихъ потомковъ баснословныхъ Троянцевъ, потому что и они, вмѣстѣ съ нами, бѣдными кліентами, трутъ пороги богачей. Дай, говоритъ патронъ своему слугѣ, дай сначала претору, а потомъ трибуну.»

«Когда въ концѣ года», продолжаетъ поэтъ **), «даже знатные люди сводятъ счеты, сколько барыша принесла имъ спортула, на сколько увеличила ихъ доходы, то что же остается дѣлать бѣднымъ кліентамъ, у которыхъ отсюда и тога, и обувь, и хлѣбъ, и дрова.»

«Вотъ тянется густой рядъ носилокъ, и самъ мужъ обводитъ по всѣмъ патронамъ свою усталую или беременную жену. Иной требуетъ спортулу для жены, которой тутъ нѣтъ, и хитритъ уже всѣмъ извѣстною продѣлкой, указывая, вмѣсто нея, на закрытую и пустую лектику. «Здѣсь моя Галла», говоритъ онъ раздавателю спортулъ.

---

*) Въ первой сат. ст. 95 и слѣд.

**) Ibid., ст. 117.

«Отпусти поскорѣе. Къ чему же ты медлишь?» — Галла, высунь голову. «Не безпокой ея, она спитъ.»

Иногда, впрочемъ, патроны приглашали своихъ кліентовъ къ обѣду, но дѣлали это не изъ участія къ нимъ, а больше для потѣхи. Ювеналъ, въ своей пятой сатирѣ, превосходно описалъ одинъ изъ такихъ обѣдовъ. Поэтъ съ большимъ негодованіемъ говоритъ здѣсь о тѣхъ униженіяхъ и обидахъ, которыя кліенты терпѣли отъ своихъ патроновъ для того, чтобы поѣсть на чужой счетъ.

«Если патрону, пишетъ Ювеналъ *), вздумается пригласить къ себѣ на обѣдъ, въ два мѣсяца разъ, своего забытаго кліента, чтобы за столомъ не оставалось пустаго мѣста, то говоритъ ему: приходи ко мнѣ. И это верхъ желаній для кліента! Для какого-нибудь Требія это достаточный поводъ отправиться къ своему патрону съ ранняго утра. И что же это за обѣдъ? Вино такое, въ какомъ не моютъ даже шерсти. И отъ такого вина ты изъ порядочнаго, приличнаго гостя превращаешься въ пьянаго жреца. Дѣло начинается бранью, а затѣмъ, для потѣхи патрона, между кліентами и ватагой его отпущенниковъ нерѣдко загорается битва на бутылкахъ. И вотъ, ты уже бросаешь стаканами въ своихъ враговъ и, раненый, отираешь скатертью кровь съ своего лица.»

«Самъ патронъ пьетъ старое вино, стаканъ, который у него въ рукахъ, изъ янтаря и украшенъ бериллами, а тебѣ не довѣряютъ золотаго бокала, или если и довѣрятъ, то тутъ же приставятъ къ тебѣ слугу. Онъ сначала сосчитаетъ драгоцѣнные камни, которые вдѣланы въ этотъ бокалъ, а потомъ все время будетъ наблюдать за твоими острыми ногтями.»

«И не только вино, даже воду вы пьете за такимъ обѣдомъ не ту, какую патронъ. Притомъ, подаетъ тебѣ ее какой-нибудь скороходъ изъ Гетуліи или костлявая рука чернаго Мавра, съ которымъ бы тебѣ не захотѣлось встрѣтиться въ полночь, когда ты ѣдешь по

*) Ст. 15 и слѣд. Здѣсь мы опять должны повторить, что, представляя выдержки изъ пятой сатиры Ювенала, мы не имѣли въ виду дословной передачи ея на русскій языкъ, такъ какъ это не согласно съ условіями публичной лекціи. Впрочемъ, мы старались какъ можно точнѣе передать не только мысль поэта, но и способъ его выражаться.

Латинской дорогѣ, обставленной надгробными памятниками. Въ то же время патрону прислуживаетъ цвѣтъ Азіи, рабъ, купленный за огромную цѣну. Она больше, чѣмъ сколько стоило все имущество Сервія Туллія и воинственнаго Анка Марція, словомъ, больше, чѣмъ весь скарбъ древнихъ римскихъ царей. Если тебѣ захочется пить, то ты обратись къ своему африканскому Ганимеду, а дорогой рабъ не захочетъ, да и не умѣетъ прислуживать бѣднякамъ.»

«Смотри, съ какимъ ворчаньемъ слуга положилъ передъ тобой хлѣбъ. Его едва можно надломить: это какіе-то заплесневѣлые куски затвердѣвшей муки, отъ которыхъ раскачаются какіе угодно зубы. Раскусить такой хлѣбъ нѣтъ никакой возможности. И тутъ же поставятъ пшеничный хлѣбъ, бѣлый, мягкій,—это для патрона. Смотри, не забудь попридержать свою руку и оказывай должное уваженіе къ этому произведенію пекарнаго искусства. Вообрази, однако, что у тебя достанетъ смѣлости для того, чтобы протянуть руку къ этому лакомству: тотчасъ же явится слуга, который заставитъ тебя положить его назадъ. Не угодно ли тебѣ, дерзкій кліентъ, скажетъ онъ, набивать свой желудокъ вотъ изъ этой корзины? Развѣ ты не знаешь, какого цвѣта твой хлѣбъ?»

«Посмотри, какъ широко растянулся на блюдѣ великолѣпный омаръ, обложенный со всѣхъ сторонъ спаржей, какъ онъ гордо смотритъ оттуда своимъ хвостомъ на кліентовъ, когда величественно приближается къ столу, несомый на поднятыхъ рукахъ огромнаго слуги. Это для патрона. А тебѣ въ то же время подаютъ на блюдечкѣ небольшаго рака и полъ-яйца — кушанье, въ родѣ того, какое ставятъ на могилахъ для покойниковъ.»

«Патронъ поливаетъ свою рыбу венафрскимъ масломъ *), а тощій кочанъ капусты, который подаютъ тебѣ, сильно отзывается почникомъ. Да, въ соусники кліентовъ наливается то самое масло, изъ-за котораго никто не хочетъ мыться въ банѣ съ Нумидійцемъ Бокхаромъ, и которое даже, какъ увѣряютъ, дѣлаетъ тѣло человѣка безопаснымъ отъ укушенія змѣй.»

Затѣмъ Ювеналъ перечисляетъ много и другихъ контрастовъ въ

*) Венафръ — городъ Кампаніи.

пушаньяхъ, подаваемыхъ за столомъ патрону и его кліентамъ, и заключаетъ свою сатиру слѣдующими благородными словами (ст. 156):

«Можетъ-быть, ты думаешь, что патронъ жалѣетъ денегъ на твое угощеніе. Нѣтъ, это онъ дѣлаетъ, чтобъ опечалить тебя. Какой же фарсъ, какой комедіантъ забавнѣе обжоры-парасита, когда онъ плачетъ о томъ, что его не накормили? Все это дѣлается для того, чтобы ты излилъ свою желчь въ слезахъ и наконецъ заскрежеталъ долго стиснутыми зубами. Тебѣ кажется, что ты человѣкъ свободный и гость твоего патрона, а онъ думаетъ, и совершенно справедливо, что ты весь находишься подъ обаяніемъ ароматовъ его кухни...»

«Человѣкъ, который съ тобой такъ обращается, поступаетъ умно. Если ты можешь, то и долженъ все выносить. Современемъ ты самъ станешь подставлять свое лицо для побоевъ, попривыкнешь къ пощаднымъ ударамъ и сдѣлаешься вполнѣ достойнымъ и такого обѣда, и такого патрона.»

Приведенныя подробности изъ римскаго быта невольно поражаютъ насъ своимъ оскорбительнымъ характеромъ. Мы видимъ, что въ Римѣ, въ эпоху Ювенала, не было и тѣни того, даже внѣшняго, наружнаго благородства, которое составляетъ первый признакъ и необходимое условіе европейскаго общества. Тѣмъ безуспѣшнѣе мы будемъ искать въ современникахъ Ювенала, разумѣется, въ массѣ, а не въ отдѣльныхъ, исключительныхъ личностяхъ, чувства чести и человѣческаго достоинства.

Услужливость римскаго кліента—а кліентами были чуть не всѣ Римляне — обратилась въ какое-то раболѣпное прислужничество. Это не та услужливость, составляющая характеръ и Европейца, — услужливость, или учтивость свободная, ровная, которая тотчасъ принимаетъ гордый видъ, если ее разумѣютъ не такъ, какъ слѣдуетъ, и исчезаетъ въ ту минуту, когда перестаетъ быть взаимною, обоюдною.

Въ Римѣ, напротивъ, мы видимъ какой-то поворотъ къ Азіи или, по крайней мѣрѣ, къ Византіи. Рабство, со всѣми своими гнусными видоизмѣненіями и оттѣнками, окончательно заклеймило собою, въ эпоху Ювенала, римское общество и проникло во всѣ его слои. Какимъ другимъ именемъ назвать это униженіе, этотъ позоръ не только

бѣдняка, но и человѣка богатаго, знатнаго, который съ шумомъ и бранью собираетъ каждое утро свою обычную дань, нѣчто въ родѣ милостыни, и унижается передъ своими безчисленными патронами и ихъ слугами для того, чтобы получить спортулу?

«Царями» — это самое употребительное названіе патроновъ на языкѣ римскихъ кліентовъ — царями этой голодной и жадной толпы являются, въ разсматриваемый вѣкъ, нѣсколько спѣсивыхъ богачей, большею частію отпущенниковъ, разбогатѣвшихъ всѣми неправдами: это были самые типическіе представители императорскаго Рима.

Къ сожалѣнію, я не могу представить здѣсь съ такою же подробностію всѣхъ другихъ сторонъ римскаго быта, такъ живо и нещадно ярко выставленныхъ въ сатирахъ Ювенала.

Вотъ, напримѣръ, эгоистъ-богачъ, который тратитъ огромныя деньги на свои нечеловѣческія прихоти, и въ то же время отличается полнымъ, самымъ циническимъ равнодушіемъ ко всему, въ чемъ только проявляется умственная жизнь, начиная съ литературы до воспитанія своего сына. Вотъ любопытный типъ искателя наслѣдствъ, а вотъ и ханжа–философъ. Онъ стоикъ и, разумѣется, безпощадный моралистъ; по выраженію Ювенала, онъ «надѣлъ на себя личину Курія и проводитъ жизнь въ вакханаліяхъ». Вотъ римская женщина, унизившаяся своимъ развратомъ до гетеры; римская знать, благородная тѣломъ, а не духомъ, знать, для которой услужливые Греки выдумали небывалую генеалогію. Все это большею частію потомки баснословныхъ Троянцевъ. Это, однако, не мѣшаетъ имъ грабить провинціи, поддѣлывать завѣщанія, пьянствовать въ тавернахъ «съ палачами, разбойниками, гробовщиками и съ бѣглыми рабами», или выходитъ на арену амфитеатра и тамъ всенародно биться съ дикими звѣрями, — «добровольно», прибавляетъ поэтъ, «когда ихъ не принуждаетъ къ тому никакой Неронъ» *). Вотъ, наконецъ, цѣлый Римъ, совершенно утратившій свою національность и подчинившійся безусловному вліянію Грековъ, а вотъ и самые Греки...

---

*) См. VIII сат. passim.

Здѣсь я долженъ остановиться не надолго, и указать на ожесточенную ненависть Ювенала къ этимъ просвѣтителямъ его родины.

Въ этомъ отношеніи онъ служитъ крайнимъ, послѣднимъ представителемъ извѣстной партіи, считавшей родоначальникомъ своимъ Катона-Старшаго. Отъ Катона до эпохи Домиціана, слѣдовательно въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, мы постоянно замѣчаемъ въ римской литературѣ борьбу двухъ началъ, — національнаго съ принлымъ, иноземнымъ. Эта борьба постоянно раздѣляла римскихъ писателей на два враждебные лагеря. Одни изъ нихъ, составлявшіе огромное большинство, не переставали указывать на греческую цивилизацію, какъ на источникъ и необходимую подпору всей умственной жизни Римлянъ, а другіе преслѣдовали это иноземное вліяніе горькимъ упрекомъ, какъ главную причину порчи римскихъ нравовъ.

На чьей сторонѣ была правда? Теперь, относительно Рима, мы можемъ обсудить этотъ интересный для насъ вопросъ безпристрастно и хладнокровно.

Нѣтъ сомнѣнія, что сильное и рѣшительное вліяніе Греціи на Римъ, которое началось съ шестаго вѣка его существованія, имѣло и свои невыгодныя послѣдствія. Къ этому мнѣнію начинаютъ теперь склоняться лучшіе изслѣдователи римской старины *).

Иноземная реформа коснулась только высшихъ классовъ римскаго общества и совершенно подчинила ихъ греческому вліянію, греческой модѣ **). Необходимымъ ея слѣдствіемъ было, между прочимъ, и то, что Греки, которые въ это время были нисколько не похожи на своихъ предковъ, наводнили собою столицу Италіи и совершенно завладѣли воспитаніемъ римскаго юношества. Они поселили въ немъ если не презрѣніе, то, по крайней мѣрѣ, холодность ко всему національ-

---

*) Напримѣръ, Моммзенъ. Въ своей Röm. Gesch. т. I., стр. 860 и слѣд., онъ превосходно говоритъ о вредномъ вліяніи, которое оказала на нравы Римлянъ новая греческая комедія, перенесенная на ихъ сцену.

**) Замѣчательно, напримѣръ, какъ Діонисій Галикарнасскій, во введеніи къ своей *Римской Археологіи*, вездѣ силится доказать, что Римляне тѣ же Греки, что всѣ римскія учрежденія греческаго происхожденія, и что самый латинскій языкъ въ сущности языкъ греческій. Услужливый Грекъ зналъ, что, въ періодъ Августа, можно было сильно угодить Римлянамъ подобными ученными выводами.

ному, этотъ первый признакъ народа, еще не достигшаго полной умственной зрѣлости, или уже кончающаго свою историческую жизнь.

Римляне, вслѣдствіе различныхъ политическихъ условій, которыхъ мы уже отчасти коснулись выше, не могли особенно сильно чувствовать это чужеземное иго въ дѣлѣ мысли и народнаго образованія. Кромѣ того, по самому складу своего ума, они отличались необыкновенною способностію усвоивать себѣ все чужое, такъ что не только Грецiя, но даже Азія и другія страны оказали на Римъ свое вліяніе, а потому самая религія этого государства обратилась подъ конецъ римской исторіи въ какую-то гостепріимную смѣсь всѣхъ возможныхъ вѣрованій.

Вотъ почему, въ Римѣ, рѣдко раздавались благородные голоса въ защиту своего, роднаго, и въ числѣ этихъ немногихъ патріотическихъ голосовъ особенно громко звучала задушевная, сильная и свободная рѣчь Ювенала.

«Не могу я, Квириты», говоритъ онъ *), «не могу я долѣе выносить Рима, послѣ того какъ онъ совершенно превратился въ греческій городъ». И вслѣдъ за тѣмъ поэтъ представляетъ характеристику Грековъ, уже за долго до него завладѣвшихъ вѣчнымъ городомъ: «Одинъ, оставивъ высокій Сикіонъ, другой — Амидонъ, третій — Самосъ, тотъ — Андросъ, а тотъ — Траллы или Алабанду, — всѣ эти люди стремятся въ Римъ, на холмъ Эсквилинскій или на тотъ, что получилъ свое имя отъ поросшаго на немъ кустарника (Виминальскій). Все это нутро (viscera) знатныхъ домовъ и наши *будущіе* властелины. Умъ ихъ быстръ, дерзость отчаянная и рѣчь текучѣе, чѣмъ у оратора Изея. Скажи мнѣ, за кого ты считаешь такого человѣка? Онъ все, онъ принесъ къ намъ съ собой, кого угодно. Онъ грамматикъ, риторъ, математикъ, живописецъ, парикмахеръ, авгуръ, канатный плясунъ, врачъ, магъ — онъ все знаетъ. Голодный Грекъ, если это тебѣ угодно, полѣзетъ на самое небо.»

Это одинъ изъ тѣхъ патріотическихъ голосовъ, какіе еще въ

*) Въ знаменитой своей III сатирѣ ст. 60. Эти слова говоритъ собственно не Ювеналъ, а другъ его, Умбрицій; но очевидно, что онъ выражаетъ задушевную мысль поэта.

прошломъ вѣкѣ, раздавались и въ нашей литературѣ противъ французскихъ и всякихъ другихъ выходцевъ. Почти всѣ наши лучшіе, передовые писатели были въ этомъ случаѣ Ювеналами, хотя они постоянно отдавали полную и должную справедливость просвѣщеннымъ и добросовѣстнымъ иностранцамъ, которые такъ много содѣйствовали сближенію Россіи съ Европой.

Но римскій сатирикъ имѣлъ полное право негодовать на непрошенныхъ образователей своей родины, тѣмъ болѣе, что въ разсматриваемое время она легко могла обойдтись и безъ нихъ. Притомъ, какъ мы уже замѣтили, Греки, «стремившіеся на холмъ Эсквилинскій», были, — какъ это часто водится, разумѣется, съ исключеніями, — люди никуда негодные въ своемъ отечествѣ, спекулянты и шарлатаны. Многіе изъ нихъ взялись за воспитаніе римскаго юношества только потому, что видѣли въ этомъ свою выгоду. Они вполнѣ достигли своей цѣли: Римлянамъ не суждено было возвратиться къ національности и положить ее въ основу своего развитія. Римское государство представляетъ явленіе поучительное тѣмъ, что, несмотря на свое всемірное владычество, всегда и почти во всемъ носило на себѣ печать подражательности.

Мы должны, однако, замѣтить, что, справедливо вооружаясь противъ преобладанія выродившагося греческаго элемента въ римской жизни, Ювеналъ въ то же время очень ложно понималъ національность. Онъ видѣлъ ее въ отжившей и при томъ въ отдаленной, полумиѳической старинѣ, и постоянно является намъ глашатаемъ и передовымъ бойцомъ той не очень разумной партіи, которая, какъ видно, имѣла въ Римѣ не мало послѣдователей, и которую, для ясности, можно назвать *сабинофильскою*. Ювеналъ самый рѣзкій типъ римскаго сабинофила. Дѣйствительно, хотя онъ вполнѣ сочувствуетъ блестящей порѣ Рима, но постоянно требуетъ возврата къ какой-то древней сабинской простотѣ, къ баснословному золотому вѣку римской патріархальности, и не хочетъ знать, что это патріархальное время было вѣкомъ грубости и дикости нравовъ, вѣкомъ полнаго отсутствія всякой цивилизаціи.

Ювеналъ не понялъ, что развитіе національнаго начала не должно хвататься за явленія, отжившія свое время и несообразныя съ ду-

хомъ вѣка. Это, однако, еще не значитъ, что народъ можетъ безнаказанно отрѣшиться отъ своего прошедшаго, рабски слѣдовать чужому и въ великомъ дѣлѣ науки и народнаго образованія отдать преимущество чужеземцу. Вотъ чего не сознавали Римляне, и о чемъ скорбѣлъ Ювеналъ. Въ этомъ случаѣ нельзя не сочувствовать ему:

Онъ, повторяемъ, имѣлъ полное право негодовать на чужеземное иго, поработившее мысль и чувство его родины, такъ какъ въ его время непосредственное вліяніе Грековъ на Римлянъ способствовало только окончательной порчѣ римскихъ нравовъ. Мы вполнѣ понимаемъ задушевную мысль римскаго поэта, когда онъ говоритъ намъ, что не можетъ быть образователемъ народа тотъ, кто не живетъ съ нимъ одною жизнію, не сочувствуетъ его стремленіямъ, не знаетъ его нуждъ и стоновъ. Кромѣ своего космополитическаго значенія, наука, и въ особенности ея пропаганда черезъ литературу и школу, необходимо имѣютъ значеніе мѣстное, народное. Для того чтобы наука, принадлежащая всему міру, вполнѣ обнаружила свое цивилизующее начало на какомъ бы то ни было отдѣльномъ народѣ, ей должно пройдти черезъ любящую душу человѣка, принадлежащаго къ той же націи, на которую онъ хочетъ дѣйствовать.

Никто изъ людей просвѣщенныхъ не скажетъ въ наше время, что въ дѣлѣ жизни и науки позволительно и разумно отрѣшиться, какому бы то ни было народу, отъ тѣхъ результатовъ, которыхъ онѣ достигли у націй вполнѣ развитыхъ; но несомнѣнно и то, что необходима критическая передача идей и фактовъ, выработанныхъ наукою. Она тогда только можетъ обнаружить полное свое вліяніе, когда являясь результатомъ народныхъ силъ, а не страдательнымъ усвоеніемъ чужихъ идей, въ тоже время выражается на своемъ родномъ, всѣмъ доступномъ языкѣ. Только такая наука приноситъ пользу и честь націи, даетъ ей законное мѣсто среди образованныхъ народовъ. Чужеземную же науку, не имѣющую ничего общаго съ народной жизнію, учредить легко, но за то такую науку легко и во всякое время могутъ имѣть въ своихъ государствахъ и тунисскій бей, и марокскій султанъ.

Діонисій Галикарнасскій, Діонъ Кассій, Плутархъ и другіе Греки, которые, въ періодъ цезарей, искусственно примкнули къ Римлянамъ

и едва ли достаточно изучили ихъ языкъ, своими греческими писаніями ничего не могли дать въ наукѣ этому народу, кромѣ простаго факта и дешевой морали. Какъ образователи римскаго народа, они были ничтожны, и во всякомъ случаѣ должны уступить первенство туземнымъ авторамъ.

Титъ Ливій, Тацитъ, Горацій, Ювеналъ — вотъ писатели, изученіе которыхъ и теперь способно возвысить душу человѣка, вотъ люди, которые могли благотворно дѣйствовать и на своихъ соотечественниковъ, еслибы литература вообще могла еще имѣть для нихъ какое-нибудь нравственное значеніе.

Но римскій міръ уже видимо находился въ агоніи. Литература и наука, разумѣется, должны были утратить для него весь свой великій смыслъ въ эту пору. Общій и заключительный выводъ изъ сатиръ Ювенала тотъ, что общество, въ которомъ заглохли идеалы всего святаго и добраго, быстро несется къ паденію и легко можетъ дойти до крайней степени нравственнаго безобразія, до полнаго и самаго отвратительнаго преобладанія плоти надъ духомъ. Міръ не могъ существовать на своихъ прежнихъ основахъ: онъ долженъ былъ или погибнуть, или обновиться новою идеей, новою жизнію.

Ужасная картина римскаго общества, изображенная Ювеналомъ, была бы не полна и невыносимо печальна, если бы, къ счастію и къ чести человѣчества, рядомъ съ Неронами и Доміціанами, рядомъ съ ихъ клевретами и подданными, отупѣвшими отъ эгоизма, разврата и рабства, мы не встрѣтили въ бѣдныхъ, гонимыхъ, страждущихъ классахъ римскаго народа зародыша иной жизни, не встрѣтили другихъ людей, представителей святой идеи, которой суждено было разсѣять ложь и мракъ дряхлаго, отжившаго свое время язычества.

Вотъ, по шумнымъ римскимъ улицамъ боязливо пробирается въ толпѣ бѣдная женщина. Она спѣшитъ въ эргастулу, въ острогъ римскаго сибарита.... Тамъ прикованъ желѣзною цѣпью къ стѣнѣ истерзанный рабъ. Онъ чужой для этой женщины, но онъ человѣкъ — и женщина спѣшитъ, она жаждетъ уврачевать, исцѣлить его раны, омыть ихъ своими слезами...

Вы понимаете, вы глубоко чувствуете, что это совершенно новое явленіе среди императорскаго Рима, среди того общества, которое изображаетъ Ювеналъ. Кто же эта женщина? Это не Лида, не Фрина, не роскошная римская матрона, нѣтъ — это существо, блещущее всѣмъ обаяніемъ внутренней красоты, лучшее Божіе созданіе на нашей землѣ, это христіанка!

Христіанство въ вѣкъ Ювенала было уже фактъ очевидный, общенародный, хотя и не понятый еще римскимъ правительствомъ. Скромные, бѣдные христіанскіе храмы были уже разсѣяны въ эту пору на всемъ пространствѣ имперіи, отъ Испаніи до крайнихъ предѣловъ Египта.

Римскіе цезари, хотя еще смутно, но уже почуяли въ этомъ новомъ явленіи опаснаго себѣ врага. Недаромъ Неронъ жегъ въ своихъ садахъ послѣдователей Христова ученія. Уже сдѣлалось очевидно, что оно не могло ужиться и готово было вступить въ открытый бой со всею ложью и позоромъ тогдашняго времени.

Въ мірѣ совершался переворотъ, великаго смысла котораго не постигли лучшіе люди древности. И какъ имъ было понять, что новое, перерожденное общество выйдетъ не изъ ихъ среды, а изъ гонимой, рабствующей народной массы.

Ювеналъ мимоходомъ и довольно равнодушно упоминаетъ въ одномъ только мѣстѣ о страшныхъ казняхъ первыхъ христіанъ, которые, по его выраженію, «горѣли стоя и дымили привязаннымъ къ столбу горломъ» или «оставляли за собою глубокія борозды на аренѣ амфитеатра» [1]). Даже Тацитъ не понялъ этихъ людей и считалъ ихъ какими-то опасными и вредными фанатиками [2]). Современникъ Ювенала и Тацита, Плиній-Младшій, который, по волѣ Траяна, произвелъ слѣдствіе надъ христіанами, писалъ о нихъ, въ донесеніи къ своему императору, между прочимъ, слѣдующія слова [3]): «Они имѣютъ обычай въ извѣстные дни сходиться до разсвѣта, славить Христа, какъ Бога, и другъ друга обязывать клятвой не на преступленіе

1) 1 сат. ст. 155.
2) Tacit. Ann. XV, 44.
3) Plin. Epist. X, XCVII.

какое-нибудь, а на то, чтобы не красть, не грабить, не прелюбодѣйствовать, не нарушать даннаго слова, не задерживать обманомъ того, что ввѣрено въ видѣ залога. Потомъ они расходятся и снова сходятся для молитвы и общей трапезы. Впрочемъ, я (продолжаетъ Плиній чрезъ нѣсколько строкъ) не нашелъ ничего въ ихъ ученіи, кромѣ гнуснаго суевѣрія, превышающаго всякую мѣру.» «Зараза этого суевѣрія (говоритъ другъ Траяна въ заключительныхъ словахъ своего письма) распространилась не только по городамъ, но по деревнямъ и селамъ. Это, кажется, можно исправить и остановить.»

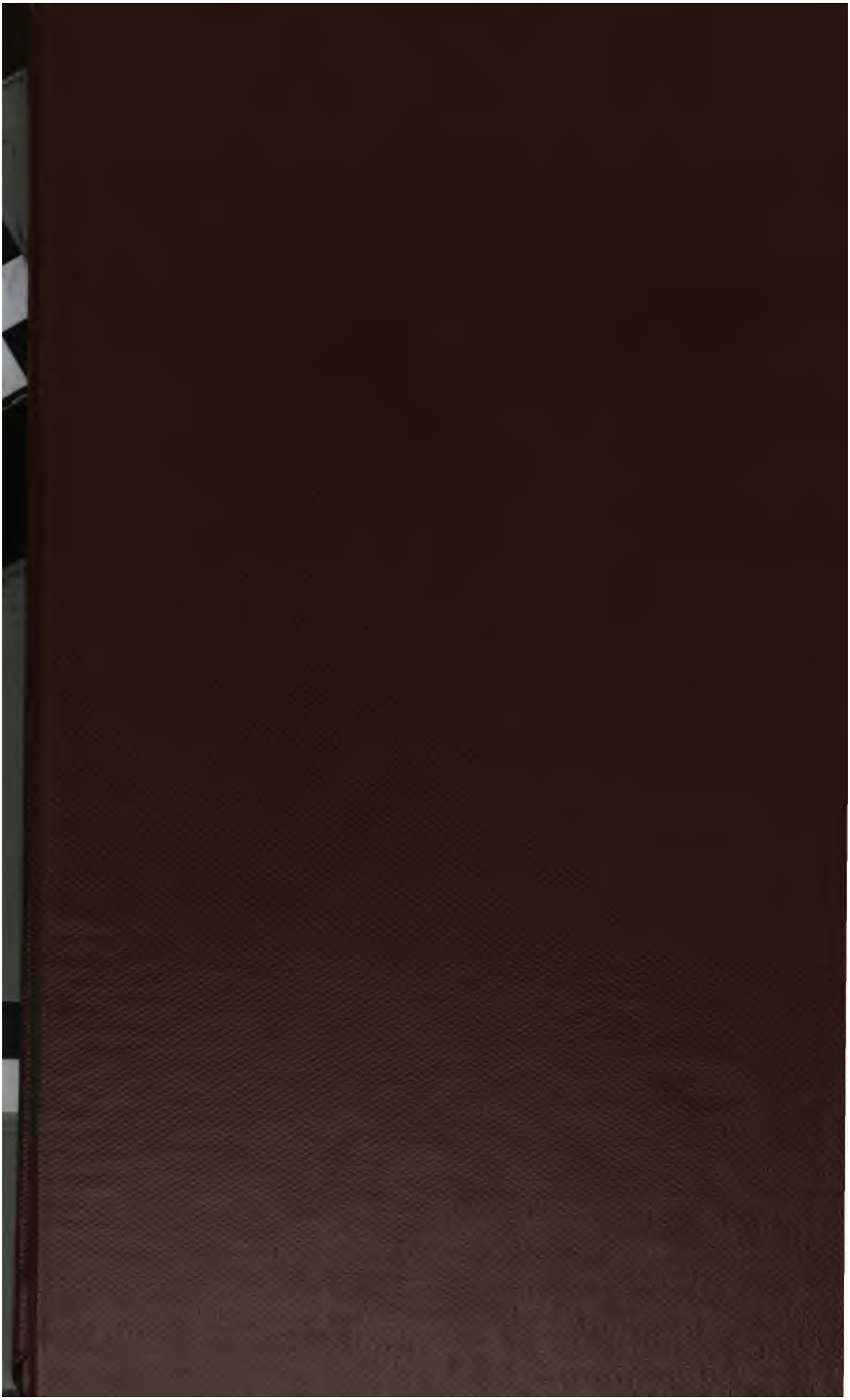
Но ни Траянъ, ни Плиній не остановили этой, какъ они выражались, заразы. Ни угрозы, ни казни, ничто не могло поколебать первыхъ христіанъ. Когда Плиній заставлялъ ихъ преклоняться передъ изображеніемъ цезаря или передъ истуканомъ языческаго бога, они упорно отказывались отъ этого и твердо, радостно шли на казнь.

Много вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, а свѣточи Нероновыхъ садовъ еще и до сихъ поръ освѣщаютъ міръ; до сихъ поръ еще идея христіанства живитъ и обновляетъ человѣчество.

Въ великіе годы, которые мы переживаемъ, эта святая идея громче, внятнѣе, краснорѣчивѣе, чѣмъ когда нибудь, говоритъ нашему сердцу. Не столько благороднымъ и честнымъ усиліямъ нашей науки, все еще слабой и робкой, сколько христіанскому чувству, этому святому чувству любви къ ближнему, суждено подвинуть къ рѣшенію и ту жизненную задачу, къ которой теперь прикованы взоры всей Россіи... Обновленная, — мы твердо вѣруемъ въ это — она вступитъ въ свѣтлый періодъ своей жизни, и тогда смѣло и свободно заговорятъ наши болѣе счастливые Ювеналы; борьба ихъ противъ вѣковой косности и застоя будетъ все болѣе и болѣе успѣшна, миролюбива и плодотворна, и наконецъ все меньше и меньше будутъ они находить пищи для своей сатиры.

Н. Благовѣщенскій.

v.

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY
STANFORD, CALIF(
94305